МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР
62

ТРУДЫ ВОЛГО-ДОНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

I

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 62

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1958 · ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 62

г. Донецк
13.12.89г.

ТРУДЫ ВОЛГО-ДОНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том I

Ответственный редактор
М. И. АРТАМОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1958 · ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из побочных задач, выдвинутых грандиозным строительством в СССР, является исследование многочисленных археологических памятников, находящихся в зонах новостроек. Небывалые по масштабу земляные работы, а в особенности затопление огромных площадей в связи с устройством водохранилищ ставят под угрозу уничтожения многие археологические памятники. Сохранение их для науки путем срочного исследования является первоочередной задачей советских археологов. Советское правительство в своих заботах о процветании науки не оставило без внимания и помощи это дело и обеспечивает археологические исследования в зонах новостроек крупными ассигнованиями.

Первенцем послевоенных крупных новостроек было Волго-Донское строительство, решившее целый комплекс народнохозяйственных проблем. Кроме канала им. В. И. Ленина, соединившего Дон с Волгой в месте их наибольшего сближения, там, где в древности суда волоком перетаскивались из одной реки в другую, возле станицы Цимлянской возникла мощная плотина, а перед ней раскинулось огромное водохранилище, которое не только питает водой Волго-Донской канал, крупную гидроэлектростанцию и шлюзы для пропуска судов через плотину, но и является основой для орошения засушливых частей Сталинградской и Ростовской областей.

Цимлянское водохранилище представляет собой одно из грандиознейших сооружений этого рода; в длину оно превышает 360 км, в ширину достигает 38 км; в нижней своей части оно заливает не только широкую долину реки, но и часть ее низких коренных берегов. Вместе с этими берегами под воду ушли сотни древних курганов и десятки древних поселений, в том числе и остатки хазарского Саркела, который ныне находится на дне водохранилища, примерно на середине его ширины.

Созданная Институтом истории материальной культуры АН СССР Волго-Донская археологическая экспедиция в течение трех сезонов, в 1949—1951 гг., производила исследования в зоне затопления Цимлянского водохранилища. Экспедицией была обследована вся зона затопления, причем, кроме уже известных археологических памятников, здесь было обнаружено много новых. Ввиду невозможности раскопать все памятники в тот относительно короткий срок, которым располагала экспедиция, для углубленного исследования были избраны только самые важные и характерные из находящихся в зоне затопления. Экспедицией было исследовано несколько поселений, относящихся к эпохе бронзы и к средним векам. Из последних с особым вниманием изучалось поселение хазарского времени у хут. Карнаухова на правой стороне Дона. Было раскопано также несколько курганов, которые содержали многочисленные погребения, относящиеся к разным периодам истории Подонья. Здесь были погребения эпохи бронзы, скифо-сарматского времени и, наконец, периода поздних кочевников. Полученный этими раскопками материал внес много нового в древнейшую историю не только Подонья, но и всей нашей страны.

Однако основное внимание экспедиции было сосредоточено в течение всех трех лет работ на исследовании указанного выше городища Саркел как важнейшего памятника в зоне строительства. Благодаря содействию строительных организаций, обес-

печивших экспедицию не только средствами, но и рабочей силой и механизмами, раскопки в Саркеле оказалось возможным поставить в небывало широких масштабах. За три года удалось раскопать больше половины крепости, что составляет площадь в 10 496 м², не считая значительных работ, произведенных на могильнике, находящемся возле юго-западной крепостной стены. При раскопках впервые в археологической практике нашей страны применялись 10- и 6-кубовые скреперы, которые использовались для отвозки земли, извлекаемой из раскопов, а также для снятия тех частей отложений городища, которые были испорчены предшествующими хищническими раскопками и не содержали правильного чередования слоев. Разборка непотревоженных отложений городища производилась, как обычно, мелким инструментом, причем отработанная земля или отвозилась на тачках, или относилась за пределы раскопов, откуда уже и забиралась скреперами. На работах было занято до 180 землекопов и до 100 сотрудников, в составе которых было много студентов-практикантов, главным образом Ленинградского Государственного университета. Процесс работ был заснят на кинопленку, а открываемые памятники фиксировались фотографами и чертежниками. Для обслуживания участников раскопок возле городища вырос целый городок из палаток; были устроены кухня и столовая. Для первичной обработки и консервации находок были созданы специальные мастерские и лаборатории, оборудованные необходимым инструментарием и материалами. Весь городок освещался электричеством от специального движка. При лагере находилось 4—5 машин, которые использовались для доставки продовольствия и разъездов сотрудников, занятых обследованием зоны затопления.

Археологические исследования в зоне затопления велись под общим руководством М. И. Артамонова несколькими отрядами. Обследование зоны затопления и раскопки нескольких наиболее важных памятников проводились под руководством И. И. Ляпушкина, раскопками поселения эпохи бронзы у хут. Ляпичева руководил М. П. Грязнов, курганы у хуторов Попова и Соленого раскапывали А. А. Иессен и А. Д. Столяр, работы на Левобережном Цимлянском городище (Саркел—Белая Вежа) проводились под руководством О. А. Артамоновой и А. Л. Якобсона. О. А. Артамонова вела также раскопки могильника возле городища. Курганный кочевнический могильник, связанный с городищем, в значительной части исследован С. А. Плетневой. Имена других лиц, принимавших участие в полевых исследованиях экспедиции, будут названы в соответствующих местах в отчетах.

Камеральная обработка огромного материала, собранного в процессе полевых исследований, потребовала большого труда и длительного времени. Приступая к изданию результатов проведенных работ в серии «Трудов Волго-Донской археологической экспедиции», мы имеем в виду вслед за первым томом, содержащим материалы археологического обследования зоны затопления, дать во втором и третьем томах отчеты о раскопках и ряд исследований по материалам Левобережного Цимлянского городища (Саркела—Белой Вежи). Четвертый том будет посвящен могильнику, находившемуся возле городища. Пятый том будет содержать главным образом исследования, а также и публикации некоторых материалов, не вошедшие в предшествующие выпуски.

Редакция.

М. И. Артамонов

САРКЕЛ—БЕЛАЯ ВЕЖА

1. ГДЕ НАХОДИЛАСЬ ХАЗАРСКАЯ КРЕПОСТЬ САРКЕЛ?

В сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», которое он составил для своих детей в середине X в. и в котором содержится много интересных и важных сведений о нашей стране и обитавших в ней народах, рассказывается, что около 834 г. в царствование одного из его предшественников, императора Феофила (829—842), в столицу империи Константинополь явилось посольство от хазар. Хазары просили оказать им помощь в сооружении крепости на Дону.[1] Византия и Хазарский каганат издавна находились в дружественных отношениях. Они совместно боролись с могущественным Арабским халифатом; кроме того, спокойствие северных границ империи во многом зависело от хазар, господствовавших над воинственными племенами, кочевавшими в степях Северного Причерноморья.

Хазария была тогда большим государством, в состав которого входили различные племена, населявшие южную половину европейской части нашей страны.[2] Центр этого государства, где жили сами хазары, находился в западноприкаспийской области и в Нижнем Поволжье. Номинальным владыкой хазар был каган, — окруженный почитанием, но не пользовавшийся реальной властью потомок старой тюркской династии, прежде владевшей хазарами. Управление страной находилось в руках бека, высшего сановника в государстве, игравшего роль царя. Столицей Хазарского царства был город Итиль в устье Волги, занимавший важное место в международной торговле юга с севером и Азии с Европой. В этот город съезжались купцы из разных стран. Пошлины, которые правитель Хазарии собирал за провоз товаров через его страну, в особенности же через Итиль, давали ему возможность содержать значительное наемное войско. Опираясь на это войско, царь простирал свою власть не только на население собственно Хазарии, но и на многие племена окружавших ее стран, в том числе и на некоторые славянские племена, которые должны были платить хазарам регулярную дань.[1]

Константин Багрянородный рассказывает, что император Феофил благосклонно отнесся к просьбе хазар и направил к ним важного византийского сановника — спафарокандидата Петрону Каматира, предоставив в его распоряжение морской флот. Прибыв в Херсонес — византийский город, находившийся на южном берегу Крыма возле нынешнего Севастополя, — Петрона пере-

---

[1] Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio). С предисловием Гавриила Ласкина. М., 1899, стр. 149—150; Константин Багрянородный. Об управлении государством. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 20.

[2] D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. Princeton, New Jersey, 1954; В. В. Григорьев. 1) Обзор политической истории хазаров. «Россия и Азия», сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, СПб., 1876, стр. 45—65; 2) О двойственности верховной власти у хазаров. Там же, стр. 66—75.

[1] Повесть временных лет, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 16—18.

грузился на речные суда и на них поднялся вверх по Дону до места, выбранного хазарами для строительства крепости. Так как на этом месте не было камня, пригодного для строительства, то Петрона приказал изготовлять кирпичи, известь же делать из речных голышей. Так рассказывает Константин Багрянородный о постройке хазарской крепости. Он же сообщает, что крепость эта называлась Саркел, что значит «белый дом» или «белая гостиница».[1]

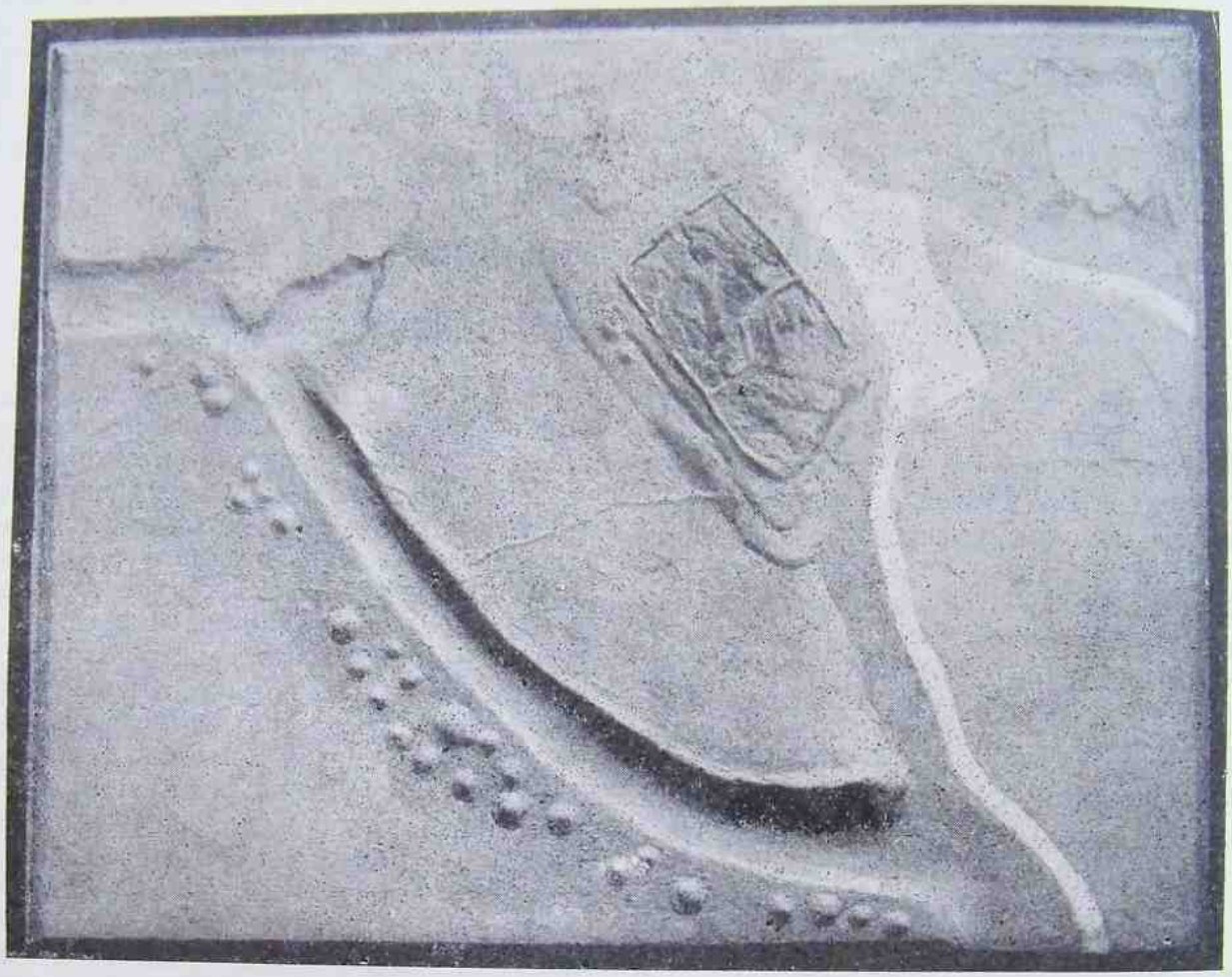


Рис. 1. Левобережное Цимлянское городище (макет Новочеркасского музея).

Сведения, сообщенные Константином Багрянородным о Саркеле, давно привлекали внимание ученых. Было высказано немало предположений относительно местонахождения Саркела.[2] Большинство ученых, занимавшихся этим вопросом, считало, что хазарская крепость находилась в месте наибольшего сближения Дона с Волгой, полагая, что главной ее задачей была защита переволоки из одной реки в другую. В подтверждение этого предположения ссылались на содержащееся в русской летописи[1] описание путешествия митрополита Пимена по Дону в 1389 г. В этом описании говорится, что, плывя вниз по Дону, Пимен и его спутники миновали городище Терклию, или Серклию, причем из расчета их пути следует, что это было где-то в районе переволоки на Волгу. Однако археологическим обследова-

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 20.

[2] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 81, прим. 4.

[1] Никоновская летопись. ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 95—96; М. А. Веневитинов. По поводу пятисотлетия первого русского путешествия по Дону. Древности, Тр. МАО, т. XIV, 1890, стр. 315; Путешествие диакона Игнатия в Царьград и Иерусалим. В кн.: Сказания русского народа, собранные Сахаровым, т. II, СПб., 1849, стр. 97 и сл.

нием в этом районе не обнаружено ничего похожего на Саркел; здесь нет ни одного городища со следами кирпичных крепостных сооружений. Зато ниже этих мест на левом коренном берегу Дона вблизи ст. Цимлянской, возле хут. Попова, давно известно так называемое Левобережное Цимлянское городище с огромным количеством древнего кирпича.[1] В 40-х годах XIX в. кирпичные стены здесь еще возвышались над поверхностью, что и зафиксировано в макете городища, хранящемся в Новочеркасском музее [2] (рис. 1). При раскопках городища находили византийские мраморные колонны и капители. Вследствие этого местные археологи давно уже пришли к заключению о нахождении хазарского Саркела на месте Цимлянского городища.[3]

Интерес к городищу близ ст. Цимлянской особенно усилился в 80-х годах XIX в. в связи с хищническими раскопками, которые производились в нем окрестным населением с целью добывания кирпичей. При этих раскопках был обнаружен ряд интересных вещей, сведения о которых дошли до Москвы и Петербурга. Московское археологическое общество и Петербургская археологическая комиссия направили своих членов для исследования городища. Здесь побывали крупнейшие русские археологи того времени: В. И. Сизов (1883—1884 гг.) и Н. И. Веселовский (1887 г.). И тот, и другой произвели на городище небольшие раскопки.[4]

В результате ознакомления с городищем на месте Н. И. Веселовский признал его погибшим для науки.[5] Доставленный же В. И. Сизовым материал не содержал убедительных доказательств соответствия Цимлянского городища хазарскому Саркелу. Дело в том, что в составе этого материала преобладали русские вещи, а это не вязалось с хазарской принадлежностью памятника. Таким образом, предположение о нахождении хазарской крепости Саркел на месте городища близ ст. Цимлянской в результате исследования В. И. Сизова не только не подтвердилось, а, наоборот, вызвало серьезные сомнения.[1]

В 1926—1927 гг. А. А. Миллером,[2] а затем в 1929 г. мною [3] в порядке археологического обследования Нижнего Дона были осмотрены многие средневековые поселения, в том числе и Левобережное Цимлянское городище, и собран значительный подъемный материал. В связи с этим вновь стал вопрос о соответствии Левобережного Цимлянского городища хазарскому Саркелу.

С целью окончательного разрешения этого вопроса в 1934—1936 гг. на Цимлянском городище производились раскопки специальной экспедицией ГАИМК под моим руководством.[4] Эти раскопки выяснили, что городище содержит отложения двух периодов: верхние — русского периода и нижние — хазарского, причем кирпичные сооружения на известии связываются с древнейшими из них и являются, таким образом, остатками хазарской крепости, которой мог быть только Саркел. Таким образом, вопрос о местоположении Саркела был решен. Вместе с тем небольшие по размерам раскопки 1934—1936 гг., преследовавшие ограниченные задачи, не доставили достаточных материалов для развернутой характеристики каждого из периодов, представленных в городище, и не выяснили в сколько-нибудь полном виде устройства хазарской крепости. Все это являлось делом будущего.

Несмотря на ограниченность данных, полученных раскопками 1934—1936 гг., сомнения в правильности основанного на них заключения относительно местоположения Саркела остались только у проф. К. В. Куд-

---

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 6 и сл.

[2] План городища, сделанный в 1844 г., опубликован Х. И. Поповым (Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 269, рис. 69). Этот план и положен в основу макета.

[3] Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел. Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 265 и сл.

[4] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону. Тр. VI АС, т. IV, Одесса, 1889, стр. 273 и сл.; Древности, Тр. МАО, т. X, 1885, Протоколы, стр. 60; т. XI, вып. 1, 1886, Протоколы, стр. 18; ОАК за 1882—1888 гг., стр. CLXXVII; Архив ИИМК, ф. АК, д. № 15/1887.

[5] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 15/1887, Письмо Н. И. Веселовского.

[1] Древности, Тр. МАО, т. X, 1885, Протоколы, стр. 60; Тр. IX АС, т. II, М., 1897, Протоколы, стр. 102.

[2] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. Сообщения, т. II, Изд. ГАИМК, Л., 1929, стр. 106 и сл.

[3] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 6 и сл.

[4] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.—Л., 1941, стр. 187—200; М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 130—167.

ряшова, который в своих печатных работах продолжает настаивать на локализации хазарской крепости в месте наибольшего сближения Дона с Волгой.[1] Археологическим данным он противопоставляет упоминание городища Серклии или Терклии в описании указании на городище Серклию мог руководствоваться той же самой предвзятой мыслью, которая довлеет над самим проф. Кудряшовым, а именно, что Саркел предназначался для защиты переволоки из Дона в Волгу, а не для какой-либо иной цели, и поэтому

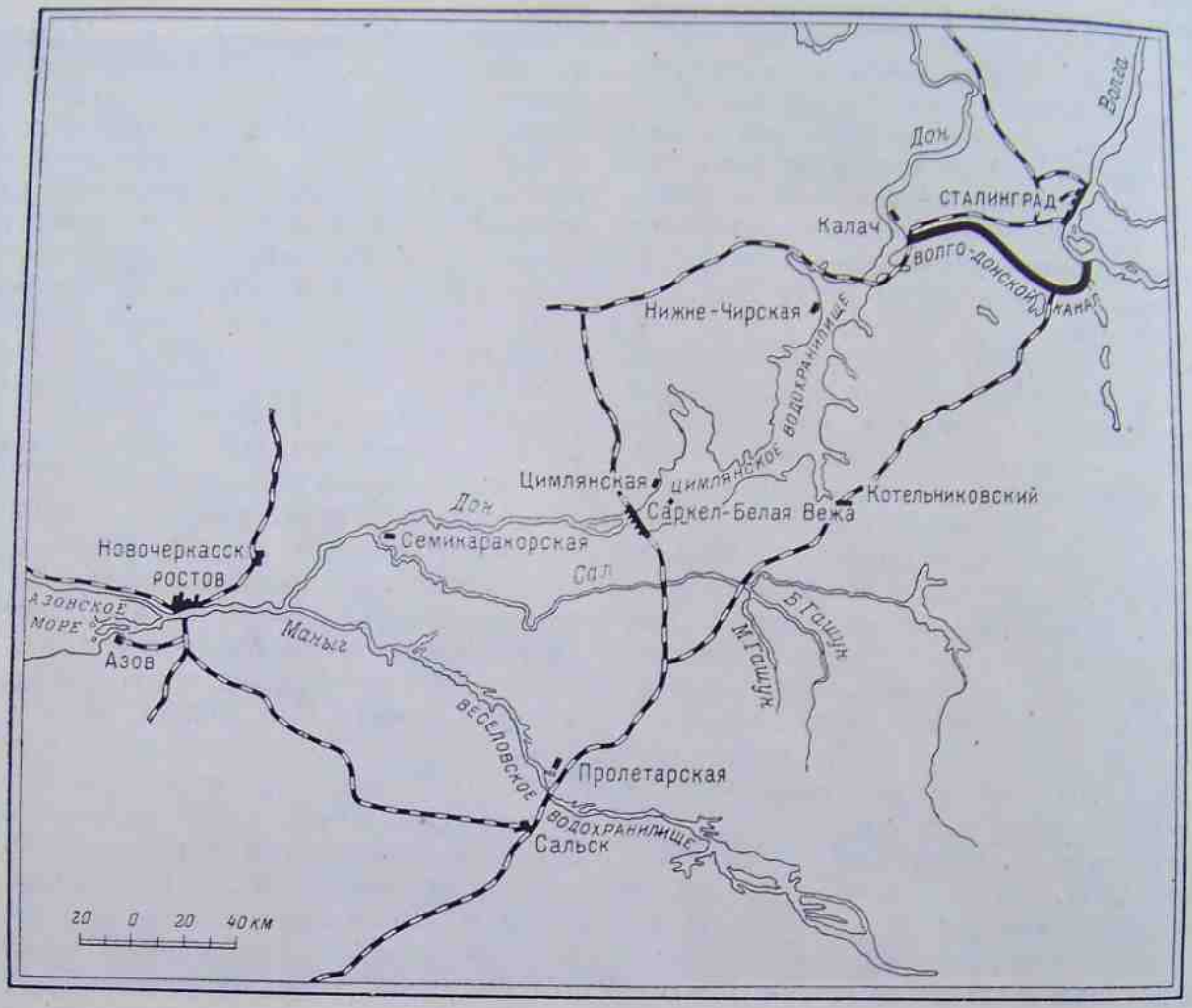


Рис. 2. Схематическая карта Волго-Донского канала им. В. И. Ленина.

путешествия митрополита Пимена, не учитывая, что этот литературный памятник составлен в XIV в., когда Саркел давно уже не существовал и когда память о нем могла быть перенесена на городище, не имеющее ничего общего с хазарской крепостью. К тому же автор описания путешествия при должен находиться возле нее. Тот факт, что Саркел все же находится значительно ниже переволоки, не только опровергает правильность этой мысли, но и свидетельствует, что в период сооружения крепости сама переволока не имела того значения, которое она получила позже.

В 1949—1951 гг. большие археологические исследования производились в зоне затопления Цимлянского водохранилища. Естественно, что главное внимание было обращено на Левобережное Цимлянское городище, которое оказалось перед Цимлянской плотиной, примерно на середине ширины

[1] К. В. Кудряшов. 1) О местонахождении хазарского города Саркела. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. IV, № 6, 1947, стр. 536—558; 2) Половецкая степь. Зап. Всесоюзн. геогр. общ., нов. сер., т. 2, 1948, стр. 9—41; 3) К вопросу о местонахождении Саркела. Изв. Всесоюзн. геогр. общ., т. 85, вып. 4, 1953, стр. 480—482.

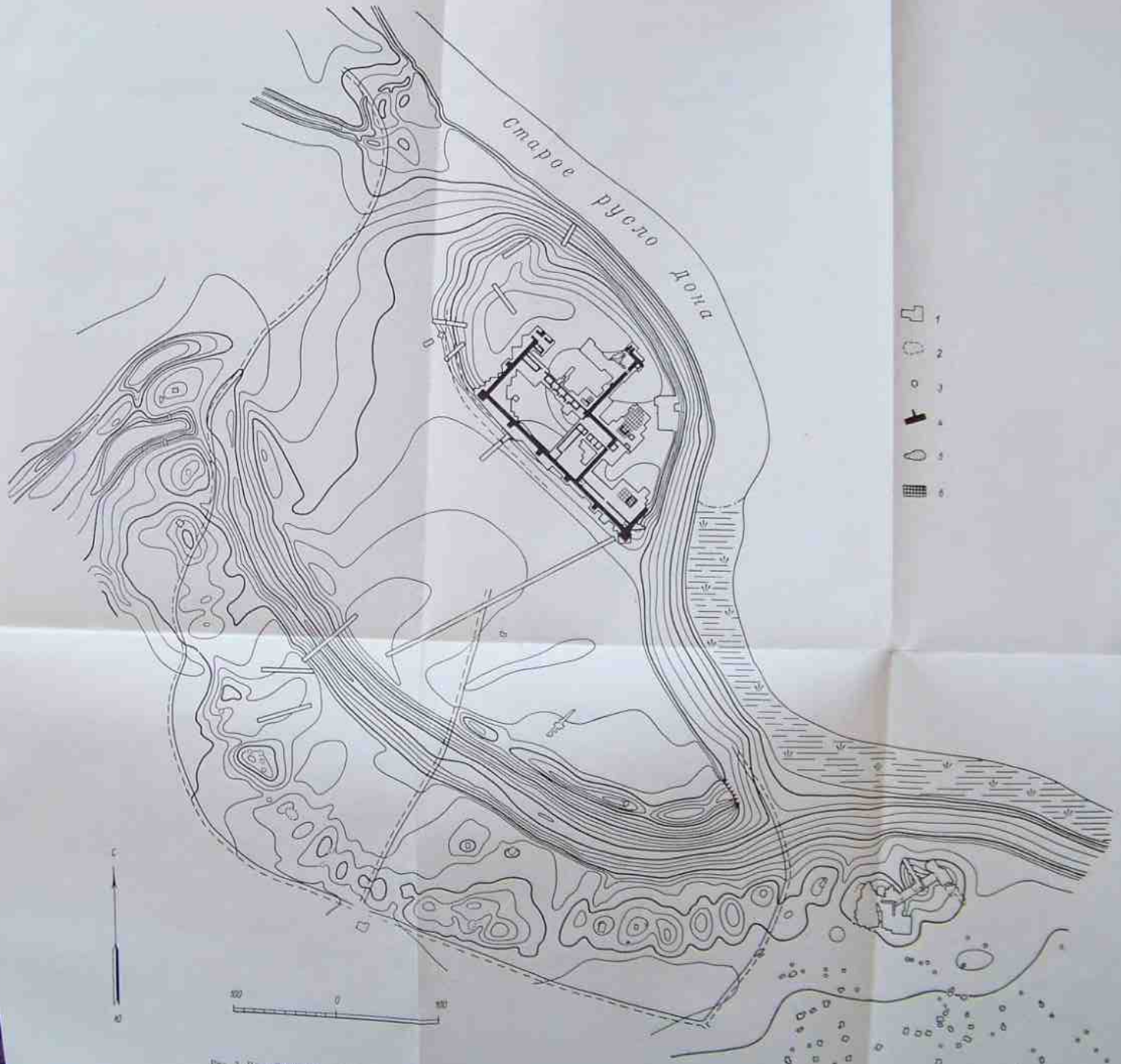


Рис. 3. План Левобережного Цимлянского городища (инструментальная съемка Н. М. Токарского).
1 — рисовы; 2 — ямы; 3 — вершины [illegible]; 4 — [illegible]; 5 — [illegible]; 6 — [illegible]
Горизонтали через 0,5 м.

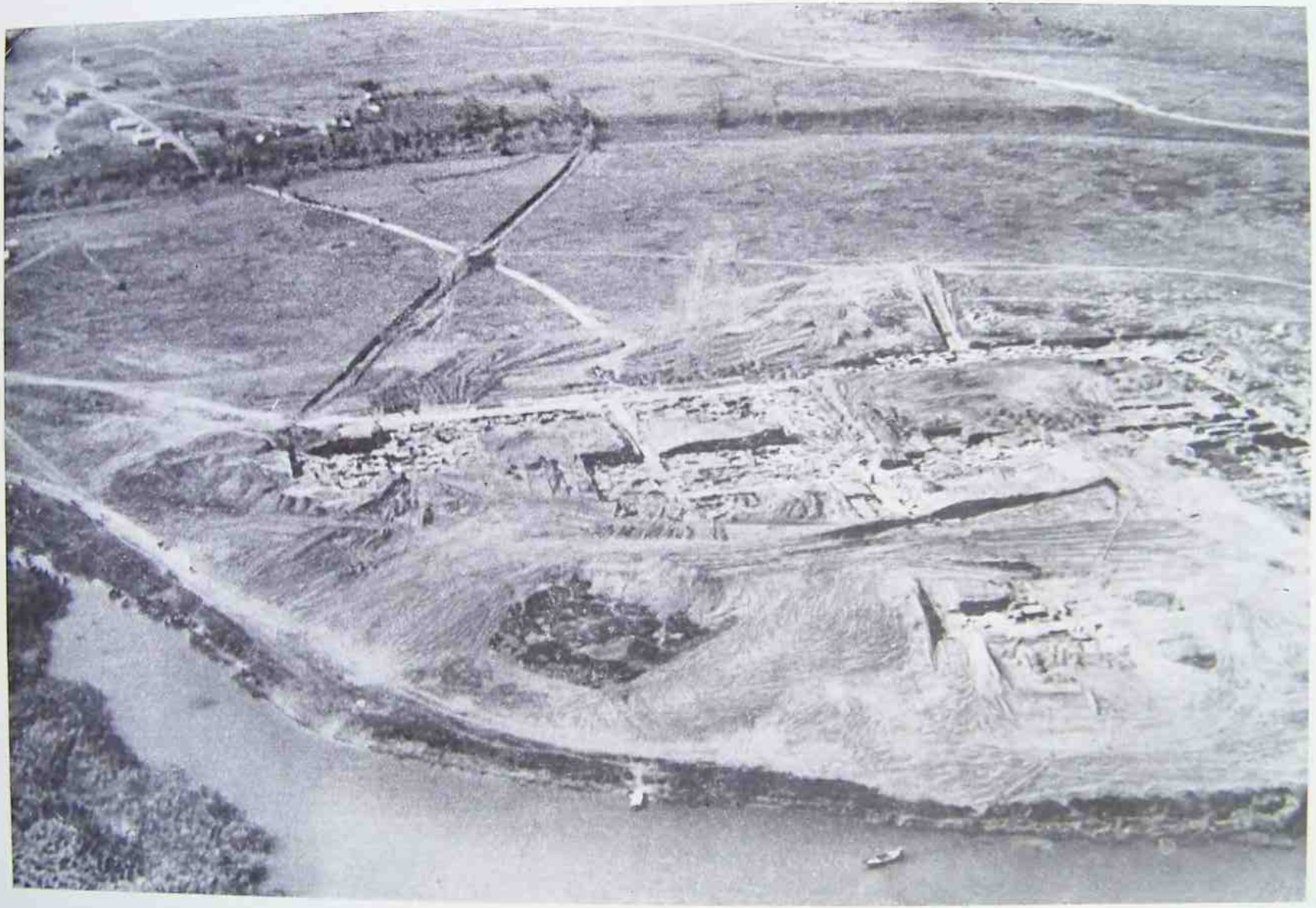


Рис. 4. Вид на городище с самолета.

будущего водохранилища в этом месте, и должно было уйти под воду (рис. 2). За три года работ удалось раскопать около 10 500 м², что составляет больше половины площади кирпичной крепости, и значительные участки могильника, находившегося возле городища.[1] При этом был сделан ряд очень важных наблюдений и собран огромный вещевой материал, что в целом позволяет проследить основные этапы истории Саркела—Белой Вежи и дать достаточно определенную картину жизни крепости, позже — города, в разные периоды ее существования.

2. КИРПИЧНАЯ КРЕПОСТЬ

Левобережное Цимлянское городище находилось на левой стороне Дона и занимало мыс низкого коренного берега, в древности омывавшийся рекой, от которой к нашему времени остался только ряд озер; русло реки отошло в сторону от городища и проходило у правого высокого берега речной долины. С напольной стороны мыс был огражден широким и глубоким рвом в виде слабо изогнутой дуги, концами доходившей до реки. Со стороны городища вдоль рва тянулся земляной вал, в восточной части довольно высокий, но сильно деформированный, а дальше, к западу, постепенно снижавшийся и, наконец, исчезавший вовсе. С наружной стороны рва располагался ряд холмов, частично сливавшихся друг с другом основаниями и представлявших собой, очевидно, земляные выкиды, образовавшиеся при сооружении рва (рис. 3). Остается непонятным, почему земля, вынутая из рва, не была полностью использована для устройства вала, по всей видимости незаконченного, а ссыпана впереди рва в виде расплывчатых курганообразных насыпей.

Конец мыса за описанной линией укреплений был отделен от остальной площади городища вторым, почти совершенно заплывшим рвом, за которым круто поднималась возвышенность, достигавшая 3 м высоты над окружавшей местностью и сплошь состоявшая из строительного мусора и разнообразных культурных отложений. Эта возвышенность находилась на месте застроенной и заселенной в древности части городища; в ней-то и обнаруживались остатки кирпичных сооружений (рис. 4).

Еще при исследованиях в 1934—1936 гг. было замечено, что находившиеся на поверхности этой возвышенности ямы образуют правильные фигуры, которые могут соответствовать разобранным до основания кирпичным стенам крепости [1] (рис. 5). Произведенные тогда же разведочные раскопки полностью подтвердили это предположение.[2] Таким образом, по старым ямам, образовавшимся в 80-х годах XIX в. в результате разборки остатков крепостных построек жителями хут. Попова и других окрестных селений с целью добычи кирпича на продажу, еще до раскопок оказалось возможным определить основные очертания крепости, ее приблизительные размеры и наметить местонахождение кирпичных зданий внутри крепости. Однако, как показали последующие раскопки, сделанные таким путем предположения относительно структуры крепости не полностью отвечали действительности. Не все стены сохранялись на значительную высоту, достаточную для того, чтобы их могли заметить с поверхности городища во время хищнической разборки кладок. Вследствие этого только часть стен была отмечена канавами и ямами, оставшимися на поверхности городища в результате такой разборки. Эти стены были разобраны до основания. От них к моменту наших раскопок сохранились только жалкие обрывки кладок да отпечатки кирпичей на материке. Остатки стен зданий внутри крепости, разрушенных еще в древности и поэтому не поднимавшихся до поверхности городища, уцелели местами на 0.7—0.9 м в высоту и дошли до нас в лучшей сохранности, чем стены

[1] М. И. Артамонов. 1) Новые раскопки Саркела—Белой Вежи. Вопросы истории, 1949, № 10, стр. 138—143; 2) Раскопки Саркела—Белой Вежи в 1950 г. Вопросы истории, 1951, № 4, стр. 147—151; 3) Археологические исследования в зоне будущего Цимлянского водохранилища. Вестн. ЛГУ, 1951, № 2, стр. 141—145; 4) Белая Вежа. СА, XVI, 1952, стр. 42—76; 5) Хазарская крепость Саркел. Acta Archaeologica, 7 (1956), Budapest, 1956, стр. 321—341.

[1] Археологические исследования в РСФСР 1934—1935 гг., стр. 189, рис. 50.

[2] Археологические исследования в РСФСР 1934—1935 гг., стр. 189, рис. 50; стр. 190, рис. 51; М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 138, рис. 51.

Рис. 5. Юго-западная крепостная стена *Саркела*.

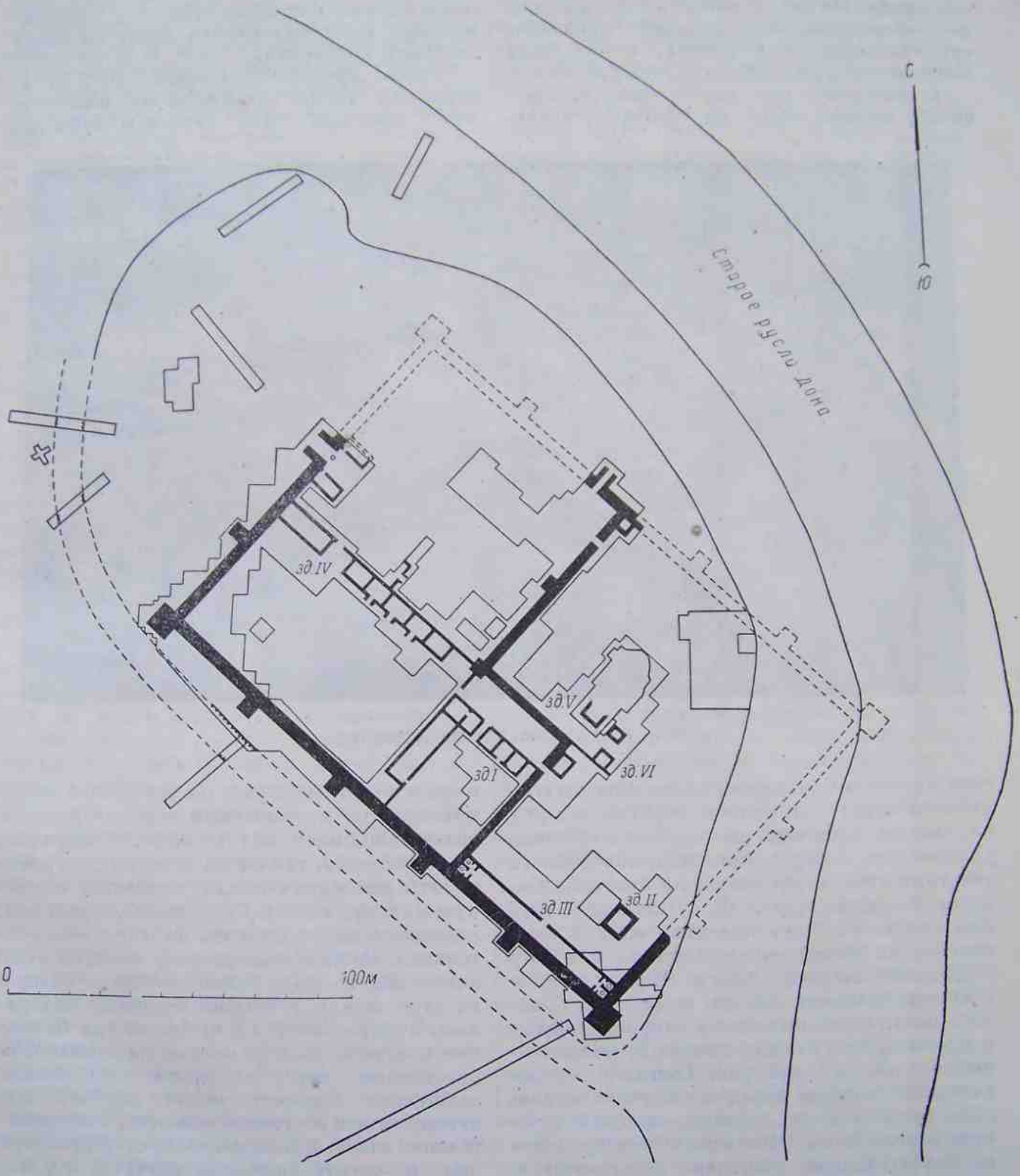


Рис. 6. Схематический план кирпичных сооружений Саркела.

зданий, разобранных в сравнительно недавнее время. Но зато с поверхности городища не обнаруживалось никаких признаков существования этих зданий, и они были найдены только в процессе научных раскопок.

В результате всех раскопочных исследований, произведенных на городище, хазарской крепость Саркел вырисовывается в следующем виде:[1] на низком береговом мысу кирпичная крепость возвышалась в виде удлиненного четырехугольника, обведенного толстыми стенами, усиленными многочисленными башнями (рис. 6). Длинной своей осью крепость была ориентирована с юго-востока на северо-запад и имела в длину 193.5 м, а в ширину 133.5 м. С двух сторон к стенам крепости близко подходила большая река, с напольной же стороны подход к крепости преграждал широкий, наполненный проточной водой ров. Только с северо-западной стороны перед крепостью оставалась часть низкого, переходящего в береговую отмель мыса. Восточный угол крепости со значительными участками северо-восточной и юговосточной оборонительных стен оказался уничтоженным вместе с берегом, который здесь подмывался рекой во время весенних половодий.

Стены крепости толщиной в 3.75 м, вероятно, имели значительную высоту и, надо полагать, были увенчаны зубчатым

Рис. 7. Главные ворота крепости.

парапетом, за которым по верху шел широкий проход, прерываемый только башнями, возвышавшимися над стенами. Квадратные в плане башни, так же как и стены, до уровня высоты последних имели, вероятно, сплошную кладку, а выше были полые, с дверями, выходившими на проходы по верху оборонительных стен. Кроме дверей, верхний этаж башен мог иметь и бойницы. Вдоль каждой из стен между угловыми башнями находились квадратные (5×5 м) башни или башенные выступы, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга. Из башен защитники крепости могли держать под перекрестным обстрелом подступы к оборонительной стене. Вдоль длинных стен крепости было по четыре башенных выступа, а у поперечных стен — только по два.

Входы в крепость были устроены в виде пролетов в башнях. Главные ворота находились в одной из башен северо-западной стены,

[1] Подробное описание остатков кирпичной крепости будет дано в статье П. А. Раппопорта во II томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

ближайшей к северному углу крепости, отличавшейся от других своими большими размерами (9 м ширины). Пролет в ней был 4.5 м шириной (рис. 7). Пол его был вымощен каменными плитами; близ наружного конца этот пролет закрывался деревянными воротами, полотнища которых подвешивались на толстых деревянных косяках, вделанных в кирпичную кладку. Под полотнищами ворот находилась толстая деревянная подворотня. Как показали остатки других ворот лучшей сохранности, деревянные полотнища были окованы полосами железа, прибитыми к доскам гвоздями. Возможно, что в середине пролета были вторые такие же ворота.

Внутри крепости по сторонам главных ворот находились караульные помещения. Они представляли собой два симметрично расположенных прямоугольных здания, узкой своей стороной пристроенные к оборонительной стене. Стены этих зданий с наружной и внутренней сторон были оштукатурены. Двери в них находились вблизи ворот. По сторонам дверных проемов сохранились выемки для деревянных косяков и высокого порога.

Между караульными помещениями перед самым входом в ворота обнаружен замечательный круглый колодец со стенками, облицованными блоками отесанного камня — известняка (рис. 8). Глубина колодца 6.5 м. Сразу же после расчистки он наполнился хорошей ключевой водой. Верхняя часть колодца на глубину около 2 м не имела каменной обкладки; последняя, по всей вероятности, была разобрана в позднейшее время. Несомненно, что этот колодец относится к хазарскому периоду. Судя по его местоположению перед самым входом в ворота, это осадный колодец, который в обычное время был закрыт деревянной крышкой; в таком виде он не мешал проезду. Во время же осады, когда пользовались колодцем, ворота накрепко запирались.

Вторые ворота в крепость, выходившие к реке, находились в одной из средних башен северо-восточной стены. Башня эта только немногим шире остальных (5.5 м), в соответствии с чем пролет в ней имел всего 2 м ширины. Никаких следов устройства самих ворот здесь не сохранилось. Но зато в пролете уцелела кирпичная вымостка, разбитая и выбитая в течение почти трехсотлетнего пользования этим проходом (рис. 9). Внутрь крепости от этих ворот шла дорога, вымощенная обломками кирпичей, черепками и костями животных. Она разветвлялась в двух направлениях: к главным воротам и к проходу в поперечной стене, о котором речь будет ниже.

Крепость была разделена на две почти равные части поперечной стеной в виде ломаной линии из трех отрезков; по толщине (3 м) эта стена лишь немногим уступала наружным оборонительным стенам. В середине северного своего отрезка она была усилена башней, обращенной к северо-западу, а на повороте близ геометрического центра крепости — угловой башней.

В северном отрезке поперечной стены близ ворот, выходящих к реке, был устроен проход, к которому и вело одно из ответвлений упомянутой мощеной дороги. Этот проход закрывался деревянной дверью, от которой сохранились обитая железными полосами подворотня и железная же оковка пяты, на которой вращалась дверь. Второй проход был устроен в южном колене поперечной стены. С юго-восточной стороны к нему примыкало пристроенное к стене небольшое прямоугольное здание, возможно служившее караульным помещением.

Таким образом, оба входа в крепость снаружи находились в ее северной части; в юго-восточную же половину крепости вели проходы только изнутри через поперечную стену, оборонительные сооружения которой к тому же были направлены против северо-западной части крепости. Из этого можно заключить, что юго-восточная часть крепости была наиболее изолированной от внешнего мира и представляла своего рода цитадель (рис. 6).

Но этим внутреннее членение крепости не ограничивалось. Каждая из двух указанных частей крепости в свою очередь делилась на части комплексами сооружений, расположенными между наружными оборонительными стенами и внутренней поперечной стеной. Один из них тянулся от северо-западной наружной стены до угловой башни при повороте поперечной стены (рис. 6, здание IV). Он состоял из длинной стены, соединявшей указанные пункты, и пристроенных к ней с юго-западной стороны двух зданий одинаковой ширины. Одно из этих зданий примыкало к наружной оборонительной стене и состояло из длинного помещения. Другое здание было разделено внутренними стенками на пять почти одинаковых помеще-

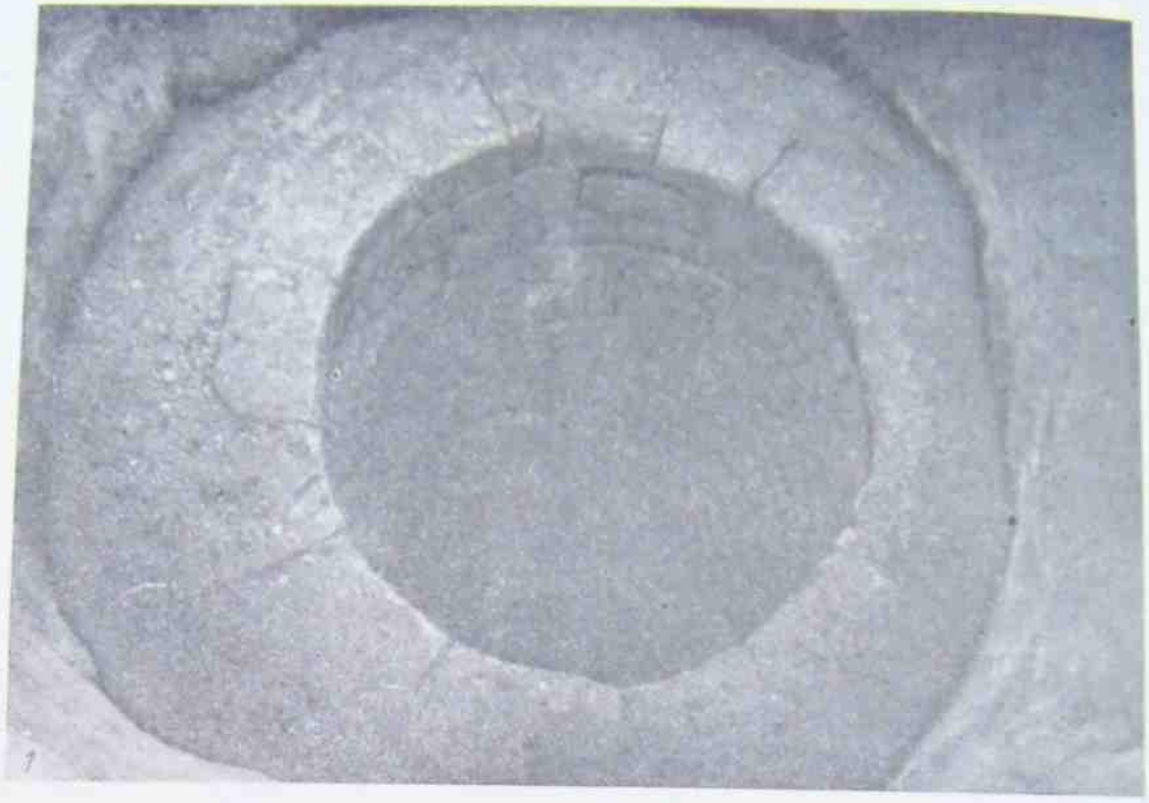


Рис. 8. Колодец возле главных ворот.

1 — общий вид колодца; *2* — бадья и остатки лестницы на дне колодца.

ний, из которых три средних имели входы в виде узких притворов, обращенных в одну сторону, а именно внутрь отделенной указанными зданиями западной части крепости. В стене, находившейся между описанными зданиями, имелся узкий проход, соединявший западную и северную части крепости. С тыльной стороны здания с пятью помещениями были обнаружены следы еще одного сооружения, пристроенного к той же стене. комплексом площади в точности соответствовала колену, образованному поперечной стеной. По длине же Г-образное здание доходило до ворот в южном отрезке поперечной стены, так что между этим зданием и средним коленом поперечной стены оставался широкий проход. Вход в него из западной части крепости находился в стене, соединявшей угол здания I с угловой башней поперечной стены.

Рис. 9. Речные ворота крепости.

К сожалению, оно открыто только частично. Однако ясно, что это сооружение не могло быть большим. Вход в него, оформленный также в виде притвора, находился с юго-восточной стороны.

Другой комплекс сооружений располагался в пространстве, образованном в юго-западной части крепости уступом внутренней поперечной стены. Он состоял из Г-образного здания (рис. 6, здание I), соединенного стенами, являвшимися продолжениями стен этого здания, с одной стороны с юго-западной оборонительной стеной, а с другой — с южным отрезком поперечной стены таким образом, что внутри этих сооружений образовался большой замкнутый двор прямоугольной формы. Ширина занятой этим

Одно колено Г-образного здания, а именно обращенное на северо-запад, состояло всего из двух помещений: одного длинного с дверью во внутренний двор и другого, почти квадратного, занимавшего северный угол здания. Соседнее с последним небольшое помещение относилось уже к северо-восточному колену здания. Между этим помещением и остальной частью северо-восточного колена имелся проход, который вел во внутренний двор. За проходом было три одинаковых помещения. В среднее из них дверь вела со двора. Полы во всех помещениях северо-восточного колена были покрыты слоем извести (цементом) и тщательно выровнены.

Юго-восточная часть крепости также была подразделена на две части стенкой, которая

от поворота внутренней поперечной оборонительной стены, находившегося возле прохода с караульным помещением, шла к юго-восточной оборонительной стене. Эта часть крепости, к сожалению, была раскопана в меньшей мере, чем другие, и поэтому указанная стена не прослежена на всем ее протяжении. Возле нее тоже были пристройки. Одно небольшое здание, примыкавшее к ней с северо-восточной стороны, открыто полностью, однако нельзя утверждать, что оно было здесь единственным, что вдоль этой стены с той и другой стороны не было других пристроенных к ней зданий, подобных зданиям, обнаруженным в северо-западной части крепости.

Любопытное здание (III) помещалось в южной части крепости. Длинная стена с дверью посредине, тянувшаяся от юго-восточной оборонительной стены до поперечной стены, образовала вдоль юго-западной крепостной стены узкое помещение, по концам которого находились совершенно одинаковые своеобразные сооружения, состоявшие из поперечного коридора и двух соединенных с ним дверями небольших камер. Внутри каждой камеры имелась квадратная яма глубиной 1.10 м, со стенками, облицованными кирпичом. В одном случае такая яма была перекрыта кирпичами, по размерам значительно превышавшими обычные кирпичи, из которых выстроены стены и здания крепости. О назначении этих камер судить трудно. Скорее всего это были кладовые с закромами для зерна.

Во всех помещениях внутри кирпичных зданий крепости не было найдено никаких следов печей или очагов. Поэтому вероятнее всего полагать, что это были не жилые, а складские помещения. Судя по толщине стен, вместе с тем можно допустить, что здания с этими помещениями были не одноэтажными, а двухэтажными, а следовательно, жилым у них был второй этаж. Однако никаких следов вторых этажей, хотя бы в виде остатков лестниц, которые вели наверх, не сохранилось.

Замечательно, что в большинстве случаев здания внутри крепости не примыкали непосредственно к оборонительным стенам, а были соединены с ними только сравнительно тонкими стенами (0.9 м). Эти стены тем не менее играли важную роль. Они вместе с пристроенными к ним зданиями делили крепость на части и тем усиливали ее обороноспособность. Кроме того, расположение зданий на некотором расстоянии от крепостной стены лишало врагов возможности легко овладеть ими после захвата отдельных участков оборонительных стен.

3. ЗАГАДОЧНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Таким образом, крепость внутри была разделена на несколько обособленных частей или отсеков. Планировка ее свидетельствует о строгой продуманности устройства и в целом, и в отдельных частях. В этом отношении особенно показательна связь Г-образного здания с поперечной стеной. Помещенное в уступе этой стены, Г-образное здание надежно прикрывало подступы к южной части цитадели из западного отсека крепости, благодаря чему прилегающие к нему отрезки поперечной стены оставлены без башен, тогда как не закрытый зданиями северный отрезок этой стены подкреплен двумя башнями и, кроме того, еще усилен башней в месте соединения его с северо-восточной наружной оборонительной стеной — в северном углу цитадели.

И наличие поперечной стены, и размещение кирпичных зданий внутри крепости свидетельствуют о том, что строители ее преследовали цель всемерного усиления обороноспособности крепости. Не довольствуясь наружными оборонительными стенами и башнями, они заботились еще о том, чтобы каждая часть крепости могла держаться самостоятельно, чтобы преодоление врагами какого-либо из участков наружных укреплений не лишало гарнизон возможности дальнейшего сопротивления. Чтобы подавить это сопротивление, нужно было брать крепость часть за частью.

Замечательно, что в структуре крепости предусмотрены не только удары извне. Она спланирована с учетом внутреннего членения ее населения. Оборонительные сооружения цитадели направлены не только против внешнего врага, но и против населения в остальной части крепости, они предназначены для обороны от врагов, находящихся хотя и за стенами цитадели, но в самой крепости.

Снаружи входы вели только в северный отсек крепости. Ни в какое другое подраз-

Рис. 10. Остатки башни в южном углу крепости (донжон).

деление крепости войти снаружи было нельзя; только отсюда можно было попасть в западный отсек и в восточную часть цитадели. Наиболее сложным был доступ в южный отсек цитадели. Именно в этой части крепости, недалеко от ее южного угла, находилось интересное сооружение, совершенно оригинальной конструкции, нигде, кроме Саркела, больше не известной. Это прямоугольное, почти квадратное здание (II) с толстыми стенами и с прилегающей к нему вымощенной кирпичами площадкой. Нет сомнения, что это здание не было одноэтажным; судя по толщине стен (1.80 м), высота его могла быть весьма значительной и превосходить высоту не только оборонительных стен, но и связанных с ними башен (рис. 10). Оно, следовательно, могло быть даже не двух-, а трех- или четырехэтажным. Так как дверей, ведущих в нижний этаж здания, не было, надо полагать, что вход в него вел прямо во второй этаж по приставной лестнице. Нижний этаж с полом, выложенным кирпичами на извести, был, очевидно, как и в других зданиях, только подсобным помещением для хранения запасов. В целом же здание представляло собой башню типа донжона, какие устраивались в средневековых замках как жилое помещение феодала и как последнее убежище защитников.

Таким образом, в Саркеле в наиболее защищенной части крепости был донжон, башня, в системе средневековых крепостных сооружений игравшая далеко не последнюю роль. Эта башня, возвышавшаяся над всеми зданиями крепости, могла в то же время служить и для постоянного наблюдения за подходами к крепости и за рекой, движение по которой находилось под контролем гарнизона.

Казалось бы, все ясно. Однако здесь имеются и некоторые, осложняющие дело обстоятельства. Как уже указывалось, к северо-западной стене башни примыкает прямоугольная площадка (8.3×10.7 м), почти равная ей по площади. Площадка эта вымощена кирпичами, уложенными в два ряда на извести. Никаких следов стен на ней и возле нее не обнаружено.

Эта площадка не единственная в крепости. В северной части крепости вблизи от угловой башни поперечной стены имеется вторая, выложенная кирпичом, прямоугольная площадка. Она значительно меньшей величины (5×6 м) и состоит только из одного ряда кирпичей. Зато в восточной части крепости находится третья площадка, огромных размеров. К сожалению, она сохранилась не полностью и длина ее точно не установлена, но даже в прослеженной своей части она превышает 28 м. Эта площадка сложена уже из трех рядов кирпичей, причем наружные края ее облицованы кирпичами, поставленными наклонно (рис. 11). План этой площадки сложнее двух других: на юго-западном конце она имеет 11 м ширины, а затем, через 12 м от этого конца, расширяется уступом в обе стороны до 14.7 м. Дальше, с северо-западной стороны, у нее имеется выступ, доводящий общую ширину площадки в этом месте до 17.0 м. Был ли такой же выступ и с другой стороны площадки, неясно.

Весьма важно отметить, что в юго-западной части последней площадки сохранились следы возвышавшихся на ней стен. Хорошо прослеживались три стены вдоль краев площадки, на некотором расстоянии от края вымостки. Стены эти солидной толщины, такой же как и стены донжона (здание II) в южном углу крепости; протяженность юго-западной стены на площадке совпадала с длиной короткой стены донжона. Судя по длине юго-западной части кирпичной вымостки до ее расширения, здесь могло поместиться здание таких же размеров, как и донжон. Это могло быть прямоугольное здание в несколько этажей (здание V). Поскольку на широкой части площадки никаких следов стен не обнаружено, можно предположить, что она, как и вымостка возле донжона, была открытой. Возле южного угла площадки с юго-восточной стороны находилось небольшое прямоугольное здание без вымощенного пола внутри и без признаков прохода в стенах. Возможно, что вход в это здание находился на уровне второго этажа. Толщина его стен вполне достаточная для сооружения в несколько этажей. Это тоже башня, хотя и меньших размеров, чем донжон или здание на площадке.

Главное отличие здания на площадке от башни в южном углу крепости заключалось в том, что кирпичная вымостка являлась его основанием, а не примыкала к нему.

Однако функционально оба эти сооружения явно близки друг к другу; если здание с кирпичной вымосткой возле него в южном углу крепости имеет все основания рассмат-

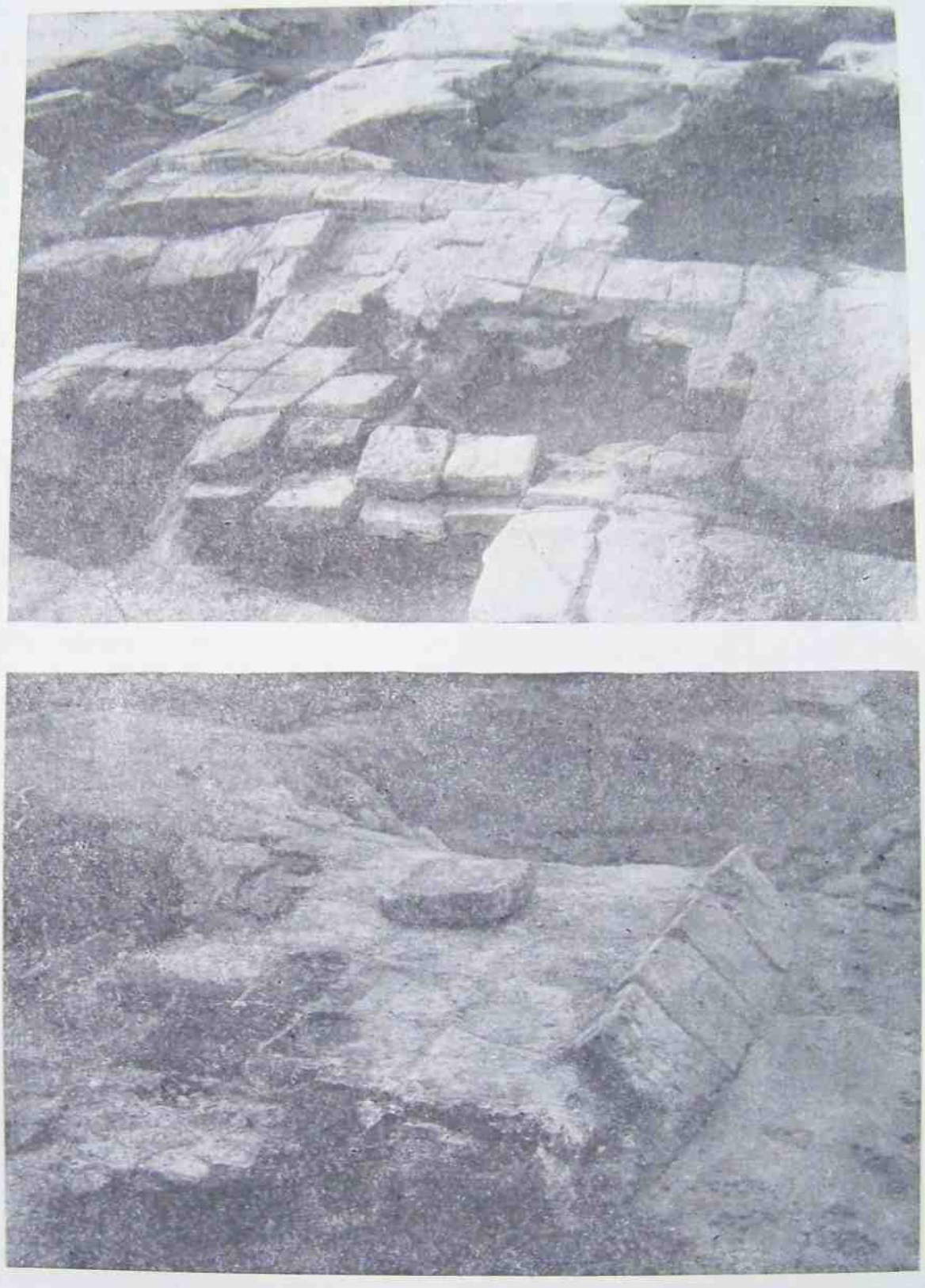


Рис. 11. Площадка, вымощенная кирпичом, в восточной части крепости (детали).

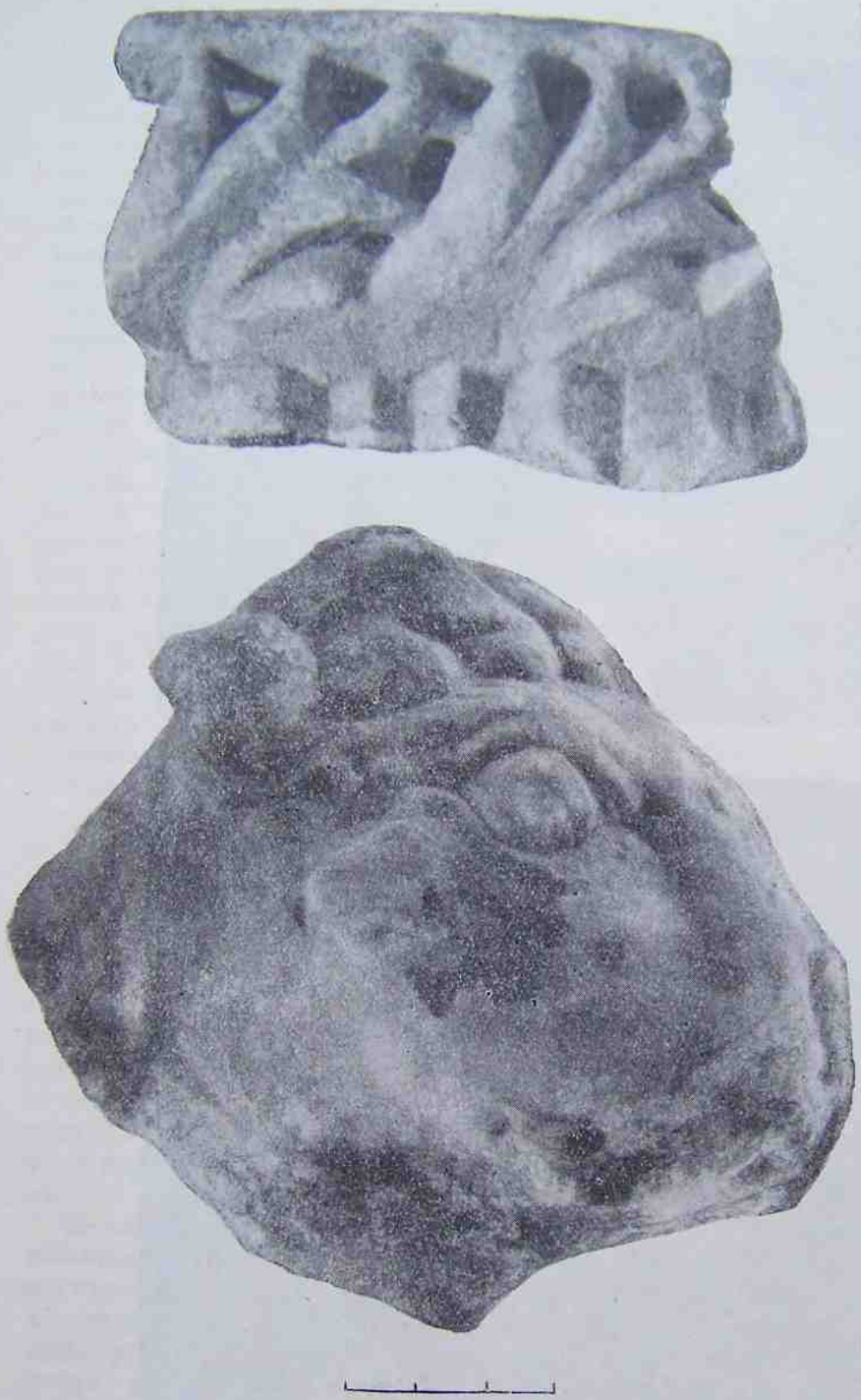


Рис. 12. Фрагменты мраморных архитектурных деталей.

риваться в качестве донжона, то такое же назначение следует признать и за сооружением на площадке.

Хотя никаких признаков сооружений ни на широкой части площадки с башней, ни на вымостке возле донжона, ни, наконец, над вымосткой возле поперечной стены в северной части крепости не обнаружено, тем не менее считать все эти кирпичные вымостки просто открытыми площадками вряд ли правильно. Вероятно, над этими вымостками или площадками возвышались сооружения, следов которых не сохранилось. Это скорее всего были юрты, служившие жилищами для лиц, занимавших в крепости важное положение. Железное кольцо, диаметром 0.6 м, найденное при раскопках большой вымостки в восточном отрезке цитадели, могло употребляться для соединения концов жердей в куполе юртообразного сооружения и вместе с тем образовывать в нем отверстие для выхода дыма. Кирпичные башни, находившиеся возле этих жилищ, конечно, имели оборонительное значение, но уже не для гарнизона в целом, а только для живших в обычное время в юртах начальствующих лиц и их приближенных.

Конечно, указанное назначение кирпичных площадок и башен внутри крепости является только предположением, приемлемым лишь вследствие отсутствия других, более обоснованных заключений. Маловероятным представляется, например, истолкование большой площадки в качестве культового сооружения, так как она вместе с возведенными на ней и возле нее зданиями не соответствует требованиям культа ни одной из религий, распространенных в Хазарском каганате. Это не христианский храм, не мечеть и не еврейская синагога. Правда, в Хазарии существовали и языческие культы, но такие культы обычно не имели храмов.

Нахождение на городище Саркела нескольких мраморных колонн и капителей

византийских типов[1] давно уже подало повод к предположению о наличии в крепости христианского храма, воздвигнутого здесь византийцами, принимавшими участие в строительстве крепости. При раскопках в 1949—1951 гг. в дополнение к прежним находкам были обнаружены еще две капители и ряд мраморных обломков от капителей, баз и колонн. Одна целая капитель византийско-коринфского типа найдена близ западного угла крепости в самых ранних отложениях городища. Она была сильно попорчена огнем. Другая капитель, византийско-ионического типа, с рельефным крестом на одной стороне, лежала в хазарском слое близ угловой башни поперечной стены в западной части крепости. Обломки мраморных архитектурных деталей, среди которых следует отметить голову барана от фигурной капители византийско-коринфского типа, какие нередко встречаются в Херсонесе, были находимы в разных частях крепости, преимущественно в нижнем слое (рис. 12). Никаких признаков использования мраморных архитектурных деталей в зданиях, открытых в крепости, а равным образом и следов здания, которое можно было бы счесть за христианский храм, в Саркеле не найдено.

Ввиду этого вероятнее всего полагать, что христианского храма в хазарской крепости не было, несмотря на то, что она строилась с участием Византии.

Можно думать, что архитектурные мраморные детали, найденные в Саркеле, попали сюда из Херсонеса, где они применялись в церковном строительстве. Все они датируются VI в. и могли быть взяты из разрушенных христианских храмов. Попасть в Саркел они могли вместе с Петропой, который, вероятно, намеревался построить в Саркеле христианскую церковь. Однако выполнить это намерение византийскому вельможе не удалось, и привезенные им мраморные детали валялись в крепости без употребления. Многие из них были разбиты и испорчены, несомненно еще в хазарский период.

4. СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА

Для сооружения крепости с находящимися внутри нее зданиями потребовалось огромное количество кирпичей. Они изготовлялись на месте из илистой глины, к которой примешивалась рубленая трава — степной ковыль. При обжиге трава выгорала и в теле кирпичей образовывалась сеть мельчайших каналов с ошлакованными стенками; такая структура повышала их прочность и пористость. Формовка кирпичей производилась в деревянных сквозных формах. Сформованные кирпичи высушивались на солнце; в это время на некоторых из них появились отпечатки собачьих лап, копыт мелкого рогатого скота, человеческой босой ноги и т. п. Однако, кроме этих случайных отпечатков, некоторые кирпичи имеют нарочно нанесенные на их широкой поверхности знаки и рисунки (рис. 13).[2] Знаки по большей части представляют собой фигуры типа тамг, знаков собственности, или даже буквы. Они наносились на мягкую поверхность кирпича просто пальцем или палочкой. Среди рисунков, прочерченных острием, чаще всего находятся изображения лошадей, иногда с вооруженным всадником. Нередко встречаются фигуры в виде лабиринтов, т. е. нескольких вписанных один в другой квадратов или прямоугольников, соединенных поперечными линиями.

Высушенные на солнце кирпичи обжигались в печах, устроенных так же, как и горны для обжига посуды. Остатки их обнаружены в береге реки несколько выше городища.[1] Печи выкапывались в береговом обрыве и состояли из двух расположенных друг над другом камер, овальных или круглых в плане. Нижняя служила топкой, а в верхнюю загружались кирпичи для обжига. Горячий воздух из топки проходил по вертикальным каналам, сделанным в ее перекрытии, в верхнюю камеру. Для большей прочности перекрытие поддерживалось земляным столбом, находившимся в середине нижней камеры. К сожалению, полно-

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 12, рис. 2; стр. 13, рис. 3.
[2] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 91, рис. 38; стр. 92, рис. 39; стр. 100, рис. 40.

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 110, рис. 17.

стью ни одной печи не сохранилось и поэтому размеры печей остаются неизвестными, равно как неизвестно и количество кирпичей, загружавшихся в печь за один раз.

действием жара ошлаковывались, а кирпичи хорошо прокаливались. Кирпичи, употреблявшиеся в строительстве крепости, отличаются высоким качеством: они докрасна

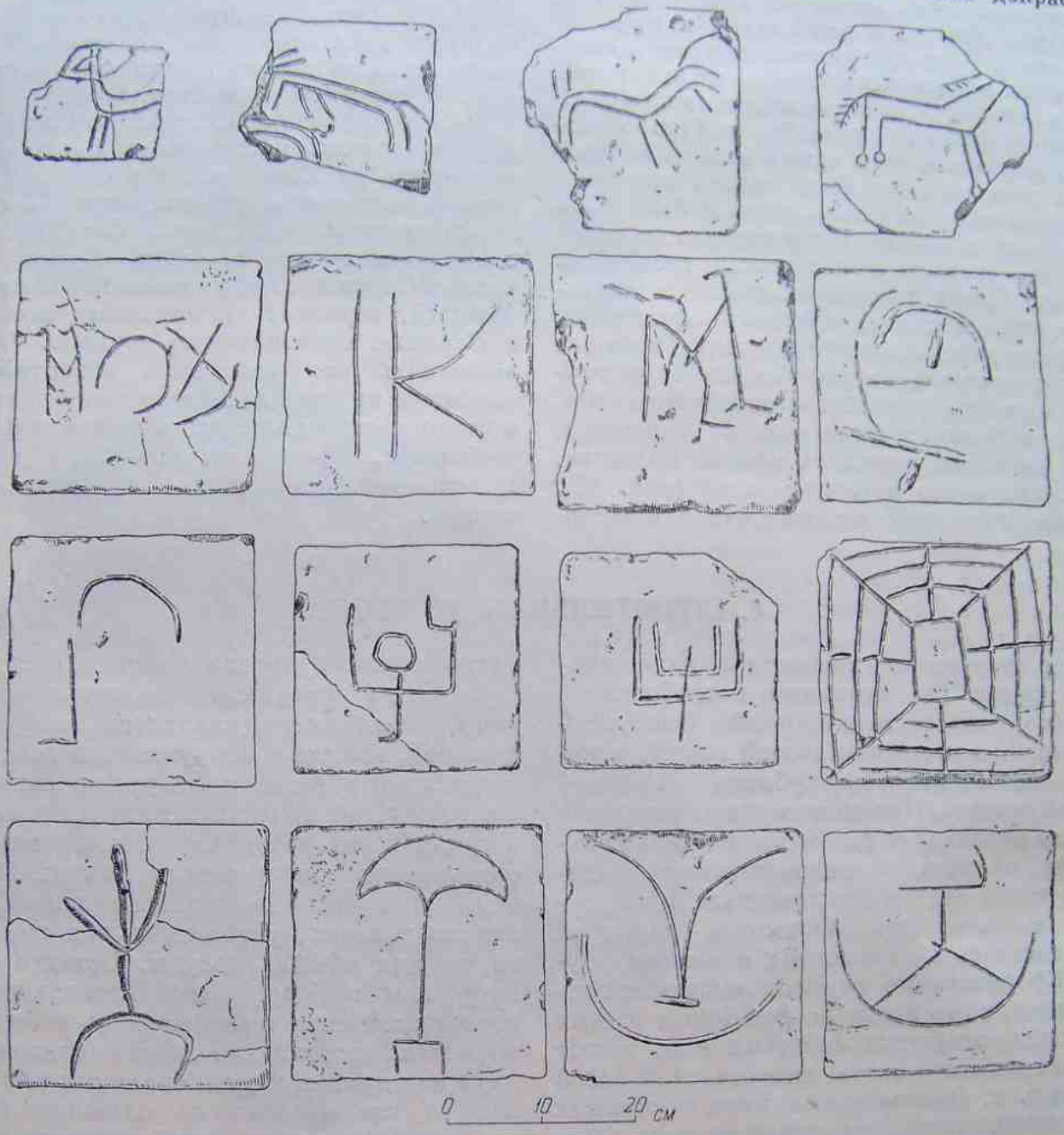


Рис. 13. Знаки и рисунки на кирпичах.

Судя по угольками и золе в топках печей, для обжига использовалось высококалорийное топливо — дуб, который в то время произрастал в долине реки, покрытой густыми лесами. Благодаря этому в печах достигалась высокая температура. Стенки печей и капалов для горячего воздуха под

обожжены и лишь немногие из них темные в изломе.

По форме кирпичи квадратные, со средним размером каждой стороны 0.25—0.27 м при толщине 0.06—0.07 м. Кроме того, имеются кирпичи половинной по отношению к большинству величины, т. е. в 0.125—

0.135 м ширины при той же длине и толщине. Для специальных надобностей изготовлялись кирпичи значительно бóльших размеров, до 0.30 м и даже больше длиной (0.30×0.40 м).

В кладке кирпичи скреплялись раствором извести с добавкой песка. Константин Багрянородный сообщает, что Петрона, приказавший делать кирпичи вследствие отсутствия на месте камня, пригодного для строительства крепости, нашел возможным изготовлять известь из речных голышей. Действительно, вблизи Саркела нет хорошего строительного камня. Мощные выходы ракушечника плохого качества и мергелей на правом высоком берегу Дона близ ст. Цимлянской малопригодны для строительных надобностей. Непонятно, что за речные голыши, из которых, якобы, приготовлялась известь, имеются в виду в сообщении Константина Багрянородного. Если это так называемые «журавчики», известняковые конкреции, которые вымываются рекой в скифских глинах и усеивают песчаные отмели вдоль реки, то собирание их представляло весьма сложную задачу, принимая во внимание огромную потребность в извести. В Подонье известно немало залежей известняка, пригодного для пережигания на известь. Какой-нибудь из них, вероятно, и пользовались при строительстве Саркела.

Планировка крепостных сооружений Саркела отличалась изумительной геометрической правильностью и точностью расстояний. Углы зданий по большей части действительно прямые, линии стен тянулись строго по прямой линии, расстояния между башнями сходятся до 2—3 см. Несомненно, разбивка плана производилась не на глазок, а весьма тщательно и с помощью измерительных приспособлений. При всем том кладка отличалась примитивностью: стены возводились без фундаментов, непосредственно на освобожденной от дернового покрова и несколько выровненной земле. Вследствие этого неровная осадка приводила к трещинам и разрушениям еще в процессе строительства. Так, например, при постройке западной угловой башни не было учтено нахождение возле нее большой ямы. В результате угол массивной башни начал сползать к этой яме, и его пришлось перекладывать, выравнивая разницу в осадке путем дополнительных рядов кирпичей, уложенных по диагонали к основным линиям кладки.

Для смещения швов между кирпичами в лежащих один на другом рядах кладки пользовались кирпичами половинного, сравнительно с основной формой, размера. Этими кирпичами начиналась кладка горизонтальных рядов то с одной, то с другой стороны стены. В результате швы между кирпичами одного ряда оказывались под серединой кирпичей следующего ряда. Слой извести между кирпичами не превышал 0.01 м в толщину. Жидкая известь во время кладки стен в значительном количестве стекала к их подножию и образовала вдоль оборонительных стен с наружной стороны слой значительной толщины, распространявшийся в ширину от 1.0 до 3 м, постепенно утончающийся к наружному краю. Вдоль стен кирпичных построек внутри крепости известковый натек не превышал в ширину 0.20—0.30 м. Благодаря этому натеку основания стен хорошо прослеживались даже в том случае, когда были плохо заметны отпечатки нижнего ряда кирпичей на земле, обычно прекрасно сохранявшиеся (рис. 14). Ряд стен зданий внутри крепости уцелел на высоту до 0.7—0.9 м, причем некоторые из них сохранили штукатурку как на внутренней, так и на наружной стороне.

В свете изложенных данных совершенно очевидно, что в технике строительства Саркела нет ничего специфически византийского. Ни размеры кирпичей, ни цемянка, ни общий характер кладки не являются типичными для византийского зодчества, где употреблялись значительно более тонкие кирпичи, где цемянка накладывалась толстым слоем и, имея в своем составе примесь толченого кирпича, отличалась розовым цветом, а самое главное — играла совершéнно другую роль в кладке. Возможно, что в Саркеле имела место какая-то другая, не византийская строительная традиция. Нечто подобное Саркелу по размерам кирпичей, характеру кладки и формам крепостных сооружений известно в восточном Закавказье, но соответствующие памятники еще мало изучены и плохо датированы.

Естественно заключить, что Константин Багрянородный в своем сообщении о построении Саркела преувеличил роль Петроны. Возможно, что с участием последнего производилась планировка крепости, определялся характер сооружений, что по его совету для строительства был применен кирпич, а не камень, и по его же указа-

ниям изготовлялась известь; все же остальное надо отнести за счет самих хазар, в особенности примитивное возведение стен без фундаментов. Кстати отметим, что довольно многочисленные каменные крепости хазарского времени, известные между Донцом и Средним Доном, в области так называемой салтовской культуры, и даже напротив Саркела, на правой стороне Дона, имеют стены без фундаментов[1] и что, по данным арабских писателей (Истахри),[2] в столице хазар Итиле на Нижней Волге были кирпичные здания. О том, что кирпичи для Саркела изготовляли местные мастера, свидетельствуют те знаки и рисунки на них, о которых упоминалось выше и которые по общему своему характеру очень близки к знакам и рисункам на камнях из кладки стен крепостей салтовской культуры. Наиболее известным из этих укреплений является Маяцкое городище.[1] Знаками на кирпичах, по всей вероятности, мастера отмечали изготовленные ими партии этого материала.

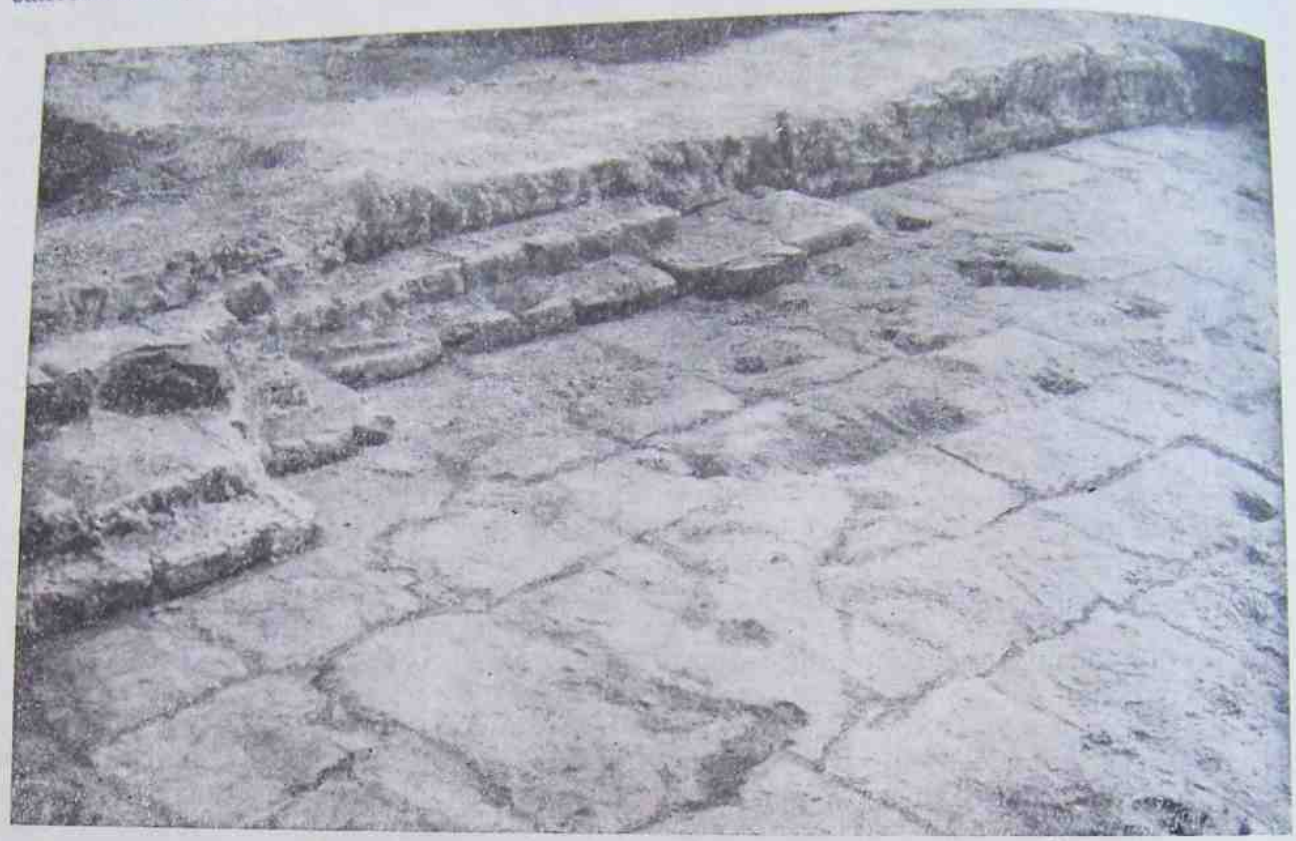


Рис. 14. Отпечатки кирпичей на грунте.

Что же касается рисунков, то они скорее всего являются плодом свободного творчества, выражением эстетических потребностей с использованием шаблонных мотивов и форм, порожденных магическими верованиями и еще бытовавших в данной среде. Такого рода рисунки имеют широкое распространение и встречаются на скалах и стенах, на керамике и костяных вещах различного назначения. Они хорошо связываются с кочевыми тюркскими племенами степей Евразии и при всей своей примитивности характеризуются определенными стилистическими признаками, лучше сказать прие-

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие поселения в северо-западной Хазарии, стр. 130 и сл.; И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 58—62.

[2] D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 92; И. А. Караулов. Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 4; вып. XXXIX, стр. 41.

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 90.

мами стилизации, которые позволяют разделить их на несколько групп локального и хронологического значения.[1] Кроме изображений на камнях Маяцкого городища,[2] с рисунками на саркелских кирпичах тесно сближаются изображения, процарапанные на стене Дербента[1] и на строительных материалах Дунайской Болгарии.[2]

5. НАСЕЛЕНИЕ САРКЕЛА

Для строительства крепости был выбран незаселенный участок на берегу реки. На месте крепости не найдено бесспорных следов поселения, предшествующего ее сооружению. К значительно более древнему времени относится только одно погребение, обнаруженное под северо-западной оборонительной стеной вблизи главных ворот. Здесь в земляной могиле оказался детский скелет, лежавший на левом боку в скорченном положении головой на север. При нем находился горшок баночной формы, типичный для эпохи поздней бронзы (срубной культуры). По всей вероятности, это погребение находилось под курганной насыпью, снесенной при постройке крепости. Из этого же, а может быть, и из других курганов, находившихся на месте крепости, происходят древние вещи, обнаруженные в культурном слое городища (рис. 16). Это характерный бронзовый нож с ромбическим расширением рукоятки у основания клинка, бронзовый наконечник втульчатого копья с боковыми прорезями и хорошо сохранившееся бронзовое зеркало с ручкой. Последний из указанных предметов датируется скифским периодом.

Строительство крепости продолжалось не один год. Об этом свидетельствуют жилища и могилы рабочих, которые были заняты при ее сооружении. Вблизи западной угловой башни снаружи крепости обнаружены две небольшие землянки с очагами посредине, которые как по своему типу, так и по заполнению относятся к хазарскому времени. В стенке одной ямы, такой же формы и размеров, как и землянки, но без очага и со следами перегородки, оказался подбой с женским погребением. Тут же находилось значительное количество круглых ям разной величины. Бóльшая часть их была засыпана землей с небольшим количеством культурных остатков, но в некоторых оказались захоронения как людей, так и животных. Погребенные в этих ямах лежали в скорченном положении на боку (рис. 15). В одном случае над покойником лежала часть скелета лошади. В других ямах были найдены отдельные захоронения лошади и собаки. Особый интерес представляет продолговатая яма, в которой оказалось 84 пары передних телячьих ножек и небольшое количество бычьих ног.

Относительно хазарского времени всех этих землянок, ям и погребений не может быть сомнений, так как они по своему заполнению органически связываются с хазарским слоем городища. Одна из землянок была частично срезана рвом, преграждавшим доступ к крепости с напольной стороны. Ров, очевидно, был вырыт в конце строительных работ, так как в противном случае он явился бы серьезным препятствием к подвозу строительных материалов. Некоторые из отмеченных выше ям находились под слоем извести, образовавшимся снаружи крепости вдоль стены при ее сооружении, т. е. вырыты до постройки крепости. Поскольку вместе с тем не обнаружено никаких следов заселения места крепости в период, предшествующий ее сооружению, в частности не обнаружено ни одной ямы хазарского времени на месте оборонительных стен, естественно заключить, что указанные выше памятники, непосредственно примыкавшие к крепости, относятся ко времени ее соору-

---

[1] H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931; И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Тр. XIV АС, т. I, М., 1910.

[2] Н. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911.

[1] М. И. Артамонов. Древний Дербент. СА, VIII, 1946, стр. 138, рис. 25.

[2] Люба Огненова. Рисунки на конници върху вътрешната крепост на Преслав. Разкопки и проучвания, IV, София, 1949, стр. 195 и сл.; П. С. Господинов. Нов старобългарски конник. Списание на БАН, кн. LVIII, Клон ист.-фил. и филос. обществен. 29, София, 1939, стр. 213 и сл.; Р. Попов. Материали от разкопките пръз 1932/35 гг. Мадара, II, София, 1936, стр. 85, рис. 131—132; В. Миков. Скални изображения от България. Изв. Археолог. инст., т. V, София, 1928—1929, стр. 291; Материалы для болгарских древностей. Абоба-Плиска. Изв. Археолог. инст. в Константинополе, т. X, София, 1905, альбом.

жения и оставлены занятыми при этом рабочими. С другой стороны, характер памятников свидетельствует, что строительство крепости продолжалось долгое время, во всяком случае несколько лет.

Кирпичные здания внутри крепости делились на две группы, несколько различавшиеся одна от другой по признакам строительной техники. В то время как оборонительные стены и бóльшая часть зданий

Рис. 15. Погребение в яме у юго-западной стены.

внутри крепости сложены из кирпичей размером 0.25×0.25 м. причем в кладке они уложены очень ровно и тщательно, при постройке других зданий употреблены кирпичи несколько большей величины — $0.27 \times \times 0.27$ м — и в кладке их наблюдалась некоторая неровность и небрежность. К тому же в кладке эти здания не связаны с первоначальными сооружениями, как это обычно в постройках первого типа, а пристроены к ним. К числу последнего рода сооружений относятся дощон в южном углу крепости и здание, пристроенное изнутри к северо-западной оборонительной стене и к стене, отделяющей северную часть крепости от западной (западная часть здания IV). Эти здания, несомненно, не были предусмотрены первоначальным планом крепости и выстроены несколько позже остальных, с нарушением принципа планировки, согласно которому здания не должны примыкать к оборонительным стенам. Однако промежуток во времени между сооружением тех и других не мог быть сколько-нибудь значительным. Дополнительные сооружения, должно быть, были сделаны после занятия крепости гарнизоном в соответствии с обнаружившимися потребностями.

Хотя строительная техника при этих постройках принципиально не изменилась, все же работы были поручены людям, не обладавшим столь же высокой квалификацией, как первоначальные строители. Такое возобновление строительных работ вполне возможно при условии выполнения их местным населением, которое привлекалось для этой цели в предшествующий строительный период и под руководством опытных мастеров уже успело овладеть некоторыми строительными навыками. Изложенное предположение основывается на том факте, что Саркел был выстроен не в безлюдной местности, а в области, давно освоенной оседлым земледельческим населением.

На противоположной стороне Дона, на мысу высокого правого берега с крутыми

склонами, еще до постройки Саркела существовала каменная крепость, возведенная из отесанных блоков мергеля и известняка. Остатки ее известны под именем Правобережного Цимлянского городища.[1] Возможно, что название этой действительно белой крепости было перенесено на новое сооружение на левом берегу.[2] Кроме того, в окрестностях ст. Цимлянской, а равным образом и в других местах Нижнего Подонья имеется ряд как укрепленных, так и неукрепленных поселений хазарского времени, которые территориально непосредственно примыкают к памятникам известной салтовской культуры, расположенным по границе степи, между Донцом и Средним Доном.[3] Да и по своей культуре указанные нижнедонские поселения не отличаются от салтовских.

Одно из таких поселений в окрестностях ст. Цимлянской, возле хут. Карнаухова, было раскопано отрядом Волго-Донской экспедиции под руководством И. И. Ляпушкина.[4] Оказалось, что оно состояло из большого числа усадеб с жилыми и хозяйственными постройками, частью наземными, а частью углубленными в землю. В каждой усадьбе был зольник, образованный выкидами очажной золы и бытового мусора. Это было сельскохозяйственное поселение, жители которого занимались земледелием и скотоводством. Еще в 1939 г. И. И. Ляпушкиным были произведены небольшие раскопки Правобережного Цимлянского городища,[5] в результате которых удалось не только уточнить технику сооружения укреплений этого памятника, но и обнаружить внутри его ряд овальных в плане жилищ типа юрты, а также яркие следы их гибели вследствие вражеского нападения. Наряду со скелетами убитых людей здесь были найдены многочисленные предметы хозяйственного и бытового обихода, в том числе хорошо сохранившиеся железные части земледельческих орудий — лемехи и ножи, или чересла.

В настоящее время с полной уверенностью можно утверждать, что салтовская культура, в широком значении этого термина, по Нижнему Дону простиралась до Азовского моря,[1] по побережью которого она прослеживается и дальше на запад, по крайней мере до окрестностей Мелитополя. Следы поселений той же культуры обнаруживаются на Нижней Волге,[2] по нижнему течению Маныча, на Кубани,[3] на Таманском и Керченском полуостровах[4] и на южном берегу Крыма.[5] Степные поселения салтовской культуры располагаются по долинам рек, в хазарский период, как показывают ботанические и зоологические остатки, покрытым густыми лесами, в составе которых имелись не только ивы и тополевые породы деревьев, но произрастали и дубы. В этих лесах в изобилии водились не только кабаны и бобры, но и такие типично лесные животные, как зубры, лоси и благородные олени, что, с современной точки зрения, представляло весьма своеобразное сочетание с животным миром ковыльных степей, раскинувшихся по обширным водоразделам.

Поселения салтовской культуры в степях, так же как и в лесостепной полосе, принадлежали оседлому населению, в хозяйстве которого земледелие сочеталось со скотоводством, причем трудно решить, который из этих видов хозяйственной деятельности играл более важную роль. По всей

---

[1] М. А. Миллер. Керамика древних поселений Приазовья. Зап. Сев.-Кавказск. краеведч. общ. археологии, истории и этнографии, кн. I (т. II), вып. 3—4, Ростов н/Д., 1927—1928, стр. 18 и сл.; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 48 и сл.

[2] Т. М. Минаева. Погребение Зацарицынского района г. Сталинграда. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 63.

[3] В. А. Городцов. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. В кн.: Памятники древности на Дону, кн. I. Ростов н/Д., 1940.

[4] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, № 6, 1941, стр. 206 и сл.; А. А. Миллер. 1) Таманская экспедиция ГАИМК. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 1, стр. 26 и сл.; 2) Таманская экспедиция ГАИМК 1931 г. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 58 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 15 и сл.

[5] П. С. Барсамов. Сообщения об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929—1931 гг. Феодосия, 1932.

---

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 27 и сл.; И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58 и сл.

[2] Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 65.

[3] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 43 и сл. См. также статьи И. И. Ляпушкина в настоящем томе.

[4] См. статью И. И. Ляпушкина «Карнауховское поселение» в настоящем томе (стр. 263).

[5] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58 и сл.

видимости, эти поселения были обязаны своим возникновением сравнительно недавнему оседанию части кочевого населения степей, связанному с углублением социально-экономического расслоения внутри кочевого общества и возникновением на этой основе патриархально-феодальных отношений. В быту этого населения во всяком случае

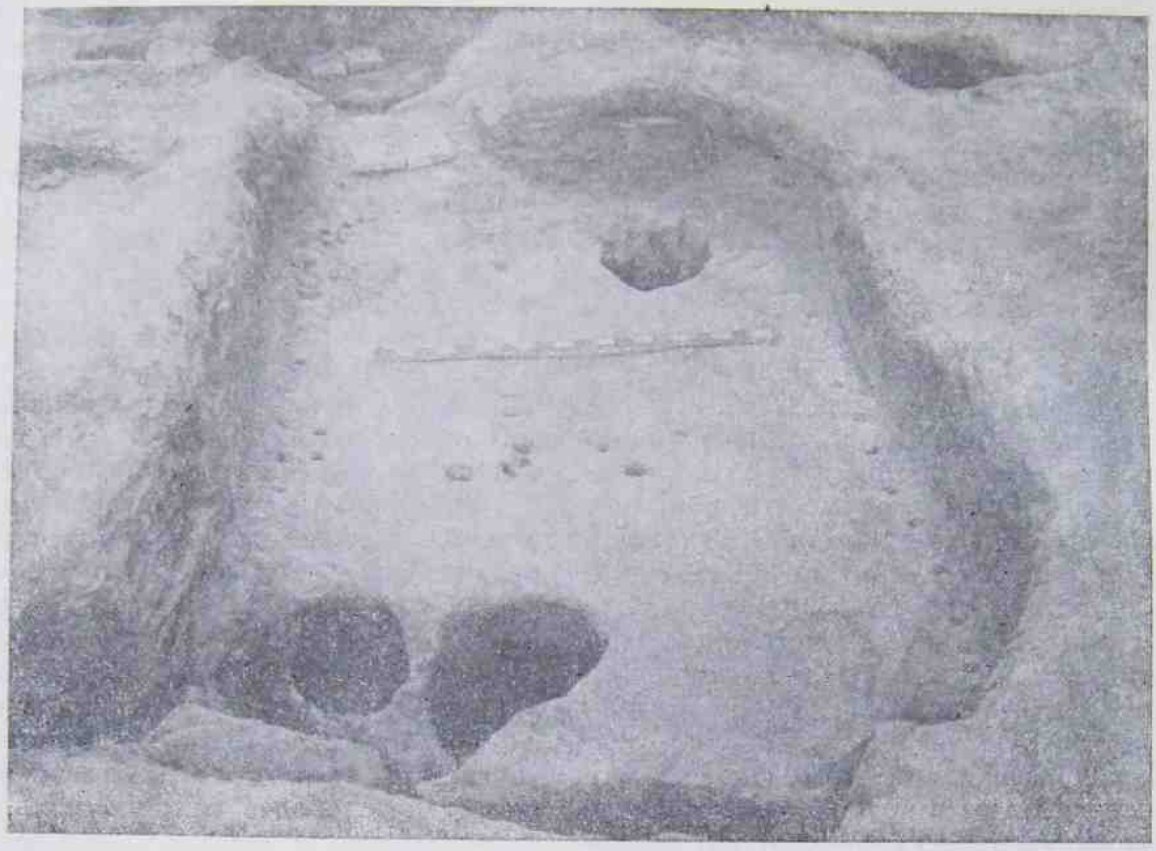


Рис. 17. Полуземлянка салтовской культуры № 5.

еще жили многочисленные элементы кочевнического характера.

Из состава этого населения происходили рабочие, строившие Саркел, из его же среды вышла и часть того населения, которое заняло своими домами крепость вслед за ее сооружением.

При раскопках Саркела в культурном слое, достигавшем в среднем 3 м в толщину, несмотря на крайнюю запутанность отложений в связи с многочисленными и разнообразными ямами, вырытыми с разных уровней, буквально врезавшимися одна в другую и разрушавшими ниже лежащие сооружения, обнаружено более тысячи остатков разновременных жилищ. Несмотря на бо́льшую или меньшую степень их нарушенности, благодаря огромному количеству сделанных при раскопках наблюдений и собранных материалов, оказалось возможным установить несколько устойчивых типов жилищ, их относительную хронологию и, что особенно важно в связи с типологией жилых сооружений, сделать определенные заключения относительно размещения разных типов жилищ в пределах крепости.[1]

Жилища, обнаруженные в нижнем, хазарском слое городища, были как наземные, так и с углубленной в землю нижней частью, т. е. полуземлянки. В плане и те, и другие в большинстве прямоугольные, но встречались жилища с закругленными углами, приближающиеся к овалу или даже овальные. У овальных жилищ, углубленных в землю, по краю пола прослеживались регулярно и часто расположенные ямки

[1] Статья В. Д. Белецкого «Жилища Саркела—Белой Вежи» будет помещена во II томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

от жердей с небольшим наклоном внутрь. Верхние концы жердей, вероятно, связывались, а полученная таким образом основа покрывалась, должно быть, войлоком или шкурами, так что в целом жилище представляло собой род юрты. Средние размеры таких жилищ 4×2.5 м. Характерной чертой всех их является очаг в виде небольшого углубления посредине пола (рис. 17). Большинство жилищ имело прямоугольную форму и более солидную конструкцию: в середине коротких сторон находилось по столбу, на них, вероятно, укладывалось продольное бревно, являвшееся опорой для двускатной шалашеобразной крыши из соломы или камыша. У наземных сооружений этого рода прослеживались глинобитные стенки, заключенные между двумя плетнями. Однако большинство таких жилищ относилось к типу полуземлянок и было углублено в землю на 0.5 м от поверхности почвы. Для всех них также характерны очаги в виде углублений посредине пола. Одна землянка, отличавшаяся большей длиной, была разделена поперечной стенкой на два помещения с самостоятельным очагом в каждом. Здесь посредине поперечной стенки находился столб, стоящий по одной линии с двумя другими, помещенными по коротким сторонам жилища (рис. 18).

Во всех этих жилищах с открытыми углубленными очагами находились вещи салтовской культуры. Особенно многочисленна и выразительна керамика,[1] представленная сделанными на гончарном круге серыми горшками, украшенными горизонтальными бороздками (рис. 19, *5*) и иногда гребенчатой волной по плечикам. В составе этого рода керамики изредка встречаются котлообразные сосуды с внутренними ушками для подвешивания. В этот керамический комплекс входят также сделанные на гончарном круге многочисленные одноручные кувшины серого, черного или желтоватого цвета (рис. 19, *1*, *3*), иногда с лощеной поверхностью,

Рис. 18. Полуземлянка салтовской культуры № 14.

[1] Специальная статья С. А. Плетневой о керамике Саркела—Белой Вежи, будет напечатана во II томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

а чаще с узором из блестящих пролощенных линий, обычно в виде решетки по плечикам и вертикальных полос по тулову сосуда. с довольно высоким горлом и ручками, не поднимавшимися над его краем, красно-бурые высокие и стройные кувшины с пло-

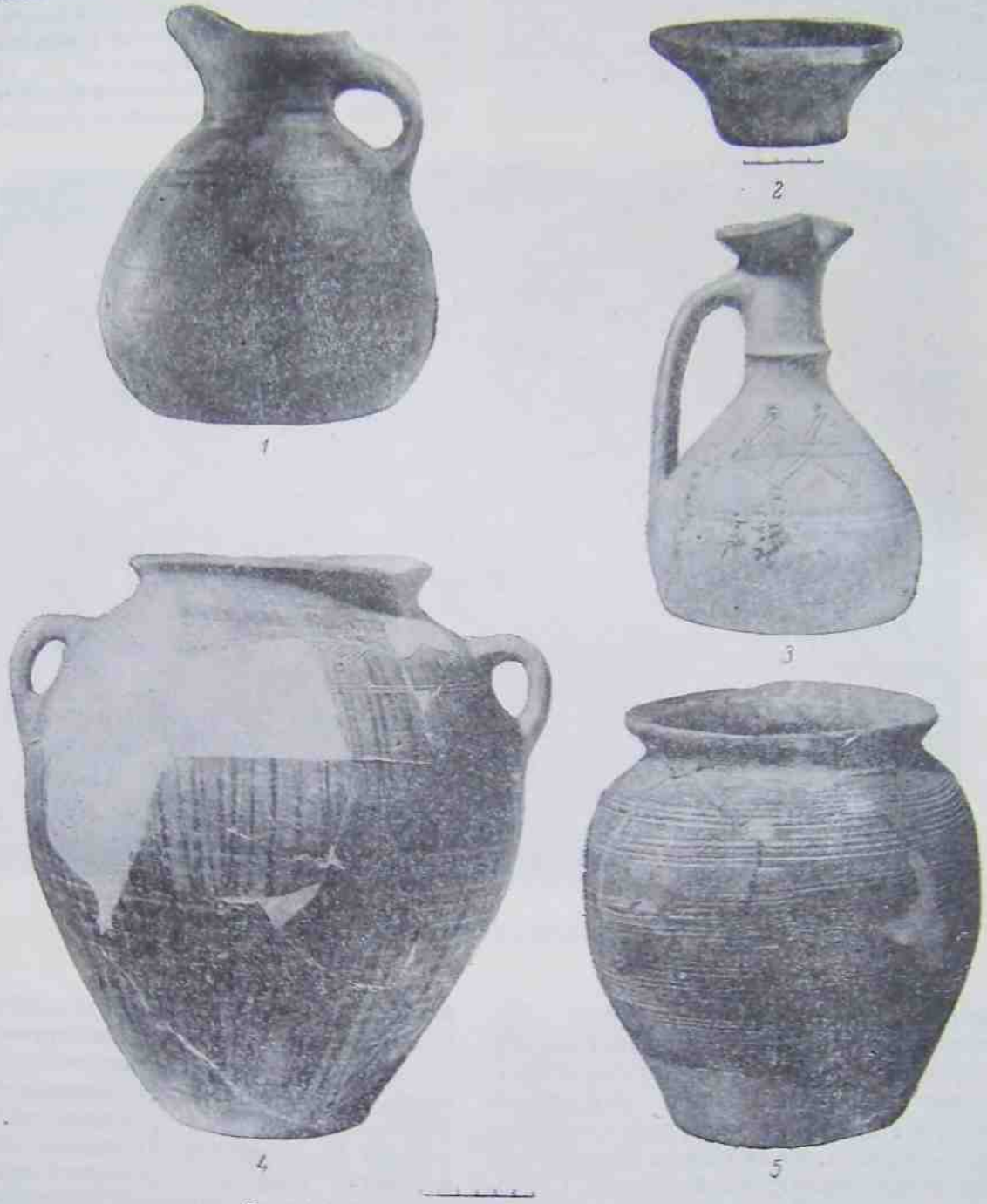


Рис. 19. Керамика салтовской культуры.

1 — лощеный сероглиняный кувшин; *2* — миска; *3* — лощеный желтоглиняный кувшин с врезным орнаментом; *4* — большой лощеный сосуд; *5* — кухонный горшок с горизонтальными бороздками.

Встречаются и большие сосуды этого рода с двумя-тремя ручками, расположенными у горла и на тулове (рис. 19, *4*). Имеются и другие, менее распространенные виды керамических изделий, как-то: яйцевидные амфоры скими ручками, большие красноглиняные сосуды с зеленоватой ангобированной поверхностью, украшенные однолинейным волнистым орнаментом, прочерченным поверх ангоба (часть их являлась маслобойками),

и др. Большинство этих групп керамики типично для салтовской культуры и находится в относящихся к ней поселениях, в том числе и в расположенных в районе ст. Цимлянской на правой стороне Дона. Но некоторые известны пока только по находкам в Саркеле, на Таманском полуострове и в Крыму. Это красно-бурые кувшины с плоскими ручками и сосуды с зеленоватым ангобом. В Саркеле они, как и амфоры, не местного изготовления.

Жилища с керамикой салтовской культуры были распространены преимущественно в западной части крепости, но встречались и в цитадели. Однако в последней преобладали другого рода сооружения. Здесь часто находились открытые очаги, сложенные из целых кирпичей без следов извести, что свидетельствует о их происхождении не из кирпичных зданий крепости. Очаги имели форму квадрата, размеры которого определялись величиной пода, состоявшего или из одного, или из четырех горизонтально уложенных кирпичей. Со всех сторон такой под обведен соответствующим количеством вертикально поставленных кирпичей. Чаще всего встречались небольшие очаги из пяти кирпичей. Все они очень похожи на среднеазиатские сандалы и служили, очевидно, не только для приготовления пищи, но и для обогревания насыпанными в них углями (рис. 20).

Описанные очаги находились иногда на остатках земляного утрамбованного пола с ямками от кольев по краям. К сожалению, полностью удалось проследить план только одного жилища со столбами по углам, но и так ясно, что очаги связывались с легкими наземными сооружениями. Находившаяся здесь керамика существенно отличается от салтовской. Это прежде всего лепные, сделанные от руки из грубой глины горшки разной величины; средние и маленькие по размерам обычно имеют одну ручку. Часть их украшена нарядным узором в виде прочерченных дугообразных гирлянд, заполненных отпечатками, нанесенными концом трубчатой косточки, круглой или граненой палочки или просто ногтем. На некоторых горшках прочерчены фигуры в виде крайне схематического изображения человека. Особенно часто украшается край сосуда. Он делается в виде выступа, покрытого различными вдавлениями (рис. 21). К той же группе керамики относятся банкообразные горшочки с широким, горизон-

Рис. 20. Очаг из кирпичей.

тально отогнутым краем. Это несомненно детские горшочки, хорошо известные по этнографическим материалам Средней Азии

изделий относятся разнообразные светильники, курильницы, сковородки с ручками, крышки для горшков и т. д. (рис. 22).

Рис. 21. Кочевническая керамика.

и Казахстана. Они вставлялись в дно колыбели. Попадаются и котлы с внутренними ушками, такие же, как отмеченные в салтовских комплексах, но сделанные не на гончарном круге, а от руки и также орнаментированные, как другие формы лепной посуды. Кроме того, в отличие от салтовских, у которых дно закругленное, они имеют плоское дно. К тому же кругу керамических

Нет никакого сомнения в том, что описанный керамический комплекс вместе с очагами типа сандала представляет особую культуру, совершенно отличную от салтовской, принадлежавшую особой этнографической группе, занимавшей в основном цитадель, а следовательно, составлявшей главную часть гарнизона крепости, если не весь полностью. Только в пределах Г-об-

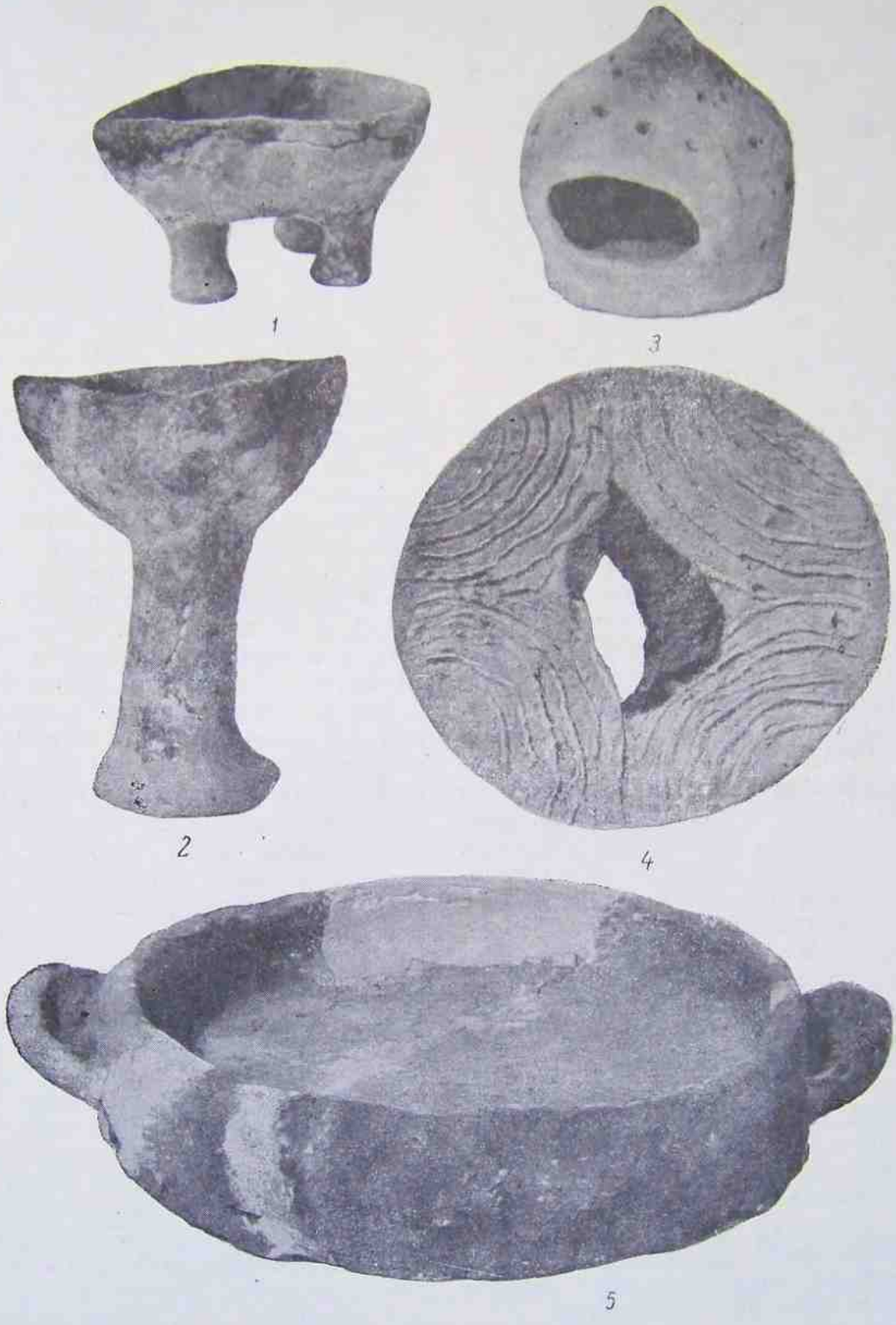


Рис. 22. Кочевнические керамические изделия.

1, 2 — светильники; *3* — курильница; *4* — крышка от сосуда; *5* — сковородка с ручками

разного здания следы этой культуры выходили за пределы цитадели, что, естественно, вытекает из тесной связи данной части крепости с цитаделью. Кроме того, черепки лепной посуды, характерной для цитадели, встречены возле главных ворот, там, где находились караульные помещения.

Учитывая характер жилых построек в крепости, состоявших или из юрт, или из глинобитных мазанок, можно признать, что общий ее облик живо напоминает описания хазарской столицы Итиля, имеющиеся у арабских писателей. Истахри говорит, что дома в Итиле — это войлочные шатры, за исключением небольшого числа, построенных из глины.[1] Точно так же можно характеризовать и жилища Саркела.

Вследствие наличия в цитадели небольшого числа жилищ салтовской культуры можно было бы думать, что основное население этой части крепости с культурой иного рода появилось здесь позже салтовцев. Однако для этого нет достаточных оснований. Наоборот, многие очаги — сандалы из кирпичей — сооружены непосредственно на материке и к тому же на участках, где нет никаких признаков предшествующего заселения салтовской этнографической группой. Особенно хорошо это прослеживалось в раскопе 1934—1935 гг. в восточной части цитадели, где жилищ салтовского типа вовсе не обнаружено. Следовательно, надо признать, что носители второй, саркелской, культуры появились в цитадели сразу же после ее сооружения и жили в крепости одновременно с населением салтовской культуры. Вторая часть заключения подтверждается многочисленными данными, свидетельствующими о смешении обеих культур. Салтовская керамика встречается в комплексах лепной посуды, характерной для цитадели. Упомянутые выше котлы с внутренними ушками изготовлялись не только в лепной технике, но и на круге, к тому же с украшениями, свойственными салтовской культуре. Однако, несмотря на постоянный контакт, обе группы населения Саркела устойчиво сохраняли свои этнографические признаки и до самого конца хазарского периода истории Саркела существовали одна рядом с другой.

Имеются сведения, что хазары содержали в Саркеле гарнизон из 300 человек, ежегодно сменяемый.[1] В свете вышеизложенных археологических данных едва ли могут быть сомнения в том, что культура цитадели представлена материальными остатками этого гарнизона. По всем признакам он состоял из кочевников.

Были ли это сами хазары, которые, как известно, вели в основном кочевое скотоводческое хозяйство, хотя частично занимались и земледелием? К сожалению, бесспорные памятники собственно хазарской культуры неизвестны, что же касается культуры гарнизона Саркела, то типичная для нее керамика в настоящее время, кроме Саркела, известна только по отдельным кочевническим погребениям Заволжья, Кубани и Приазовья. Известно, что у хазарского царя было регулярное наемное войско, состоявшее из тюрок-мусульман, переселившихся в Хазарию из области, находившейся по соседству с Хорезмом. Они назывались арсии или ларисии и пользовались особыми правами (Мас'уди).[2] Не исключена возможность, что и гарнизон Саркела состоял не из самих хазар, а из наемников, тюркских кочевников, находившихся в какой-то степени зависимости от хазар или просто поступавших к ним на службу целыми родами или коленами со своими вождями во главе. Для шатров или юрт таких вождей и были построены в крепости кирпичные площадки. Самая большая и высокая площадка, находившаяся в восточной части цитадели, несомненно предназначалась для главного вождя, начальника крепости, которым скорее всего мог быть хазарский сановник. Следующая по величине площадка, находившаяся в южном отсеке цитадели, была выстроена после завершения основных сооружений крепости, в том числе и предыдущей площадки, вероятно потому, что в составе появившегося в крепости гарнизона оказалось лицо, имевшее важное значение; возможно, это был предводитель отряда кочевников, являвшегося главной военной силой крепости. Для этого предводителя возле площадки была возведена башня — донжон — и выстроено обширное складское помещение или конюшня вдоль юго-западной оборонительной стены (зд. III). Самая маленькая пло-

---

[1] D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 92.

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 20.

[2] D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 206.

щадка в северной части крепости, очевидно, предназначалась для начальника низшего ранга, в обязанности которого могло входить наблюдение за местным населением, обитавшим вне цитадели.

Если военный гарнизон, располагавшийся в основном в цитадели, ежегодно менялся, хотя и из числа какой-то одной этнической группы, то остальное население Саркела, представленное салтовской культурой, было, очевидно, постоянным. Входило ли оно в военный гарнизон крепости или было чисто гражданским, обязанным обслуживать воинов, в первую очередь продовольствием, — мы можем только догадываться. Важно отметить, что некоторое, очень небольшое число людей салтовской культуры жило в цитадели вместе с гарнизоном и, возможно, на одинаковых с ним правах. Во всяком случае эти люди сооружали здесь свои, характерные для салтовской культуры, жилища и кладовые ямы. Однако подавляющее большинство салтовского населения крепости жило вне цитадели. Судя по укреплениям цитадели, направленным против остальной части крепости, занимавшее эту часть население не внушало гарнизону доверия и было не только гражданским, но и в какой-то степени и форме зависимым от командования крепостью. Как и в чем выражалась эта зависимость, мы точно не знаем, но именно в силу ее население с салтовской культурой строило крепость и даже, может быть, жило в крепости. Именно оно в первую очередь занималось сельским хозяйством, следы которого ясно обнаруживаются в крепости.

Население Саркела, как и соседних поселений салтовской культуры, обрабатывало землю с помощью развитых пашенных орудий в виде тяжелого плуга с большим симметричным лемехом, массивным ножом (чересло) из железа и, вероятно, с деревянным отвалом. Такой плуг запрягался несколькими парами быков и был пригоден для вспашки тяжелых степных почв. Большие ямы для хранения зерна, в огромном количестве находившиеся возле жилищ, свидетельствуют, что урожай, поступавший в распоряжение отдельных хозяйств, был весьма значительным. В этих ямах и в культурном слое хазарского времени встречалось много зерен, отличающихся хорошей сортностью, крупными размерами и незасоренностью, что опять-таки свидетельствует о высоком качестве земледелия. Здесь возделывались просо, двурядный ячмень, карликовая пшеница и конопля.[1] Культуры двурядного ячменя и карликовой пшеницы не свойственны Восточной Европе. Это злаки, распространенные в Средней Азии, Иране и восточном Закавказье. Возможно, что это обстоятельство может указывать на происхождение земледелия в донских степях. Оно возникло путем заимствования и техники, и культурных растений переходящими к оседлости кочевниками у тех исконных земледельцев, с которыми они теснее всего были связаны.

Для уборки урожая служили железные серпы. Непременной принадлежностью каждого дома являлись легкие каменные ротационные жернова, с помощью которых зерно превращалось в муку по мере надобности.

Исключительные условия консервации растительных остатков в одной из мусорных ям, оказавшейся плотно закупоренной завалом глины, обеспечили сохранность редчайшим остаткам бахчевых и огородных культур. Здесь найдены зерна дынь и огурцов. Вместе с ними встречены косточки диких плодов. Садоводства в это время на Дону, по-видимому, не существовало. Встречавшиеся изредка косточки урюка несомненно являются свидетельством привоза сушеных фруктов.

О высоком развитии скотоводства, которым могли заниматься и воины из состава гарнизона, вероятно прибывавшие в крепость не только с семьями, но и со скотом, свидетельствует огромное количество разрубленных и расколотых в связи с приготовлением мясной пищи костей домашних животных. Разводились быки, овцы, козы, лошади, свиньи. В хазарском слое городища находились изредка кости верблюда и осла, много костей собаки, хотя ее и не употребляли в пищу. Кроме мяса, рогатый скот давал молоко. Сосуды для хранения и переработки молока указывают на большое значение молочного хозяйства в быту населения крепости.

Как уже говорилось, в лесах, покрывавших широкую речную долину и прилегающие к ней балки, водилось много разнообраз-

[1] Определения растительных остатков сделаны В. А. Петровым на месте в процессе раскопок и в связи с его смертью не полностью проверены в лабораторных условиях; поэтому эти определения следует рассматривать как предварительные.

Рис. 23. Полуземлянка — жилище гончара с погребениями в полу.

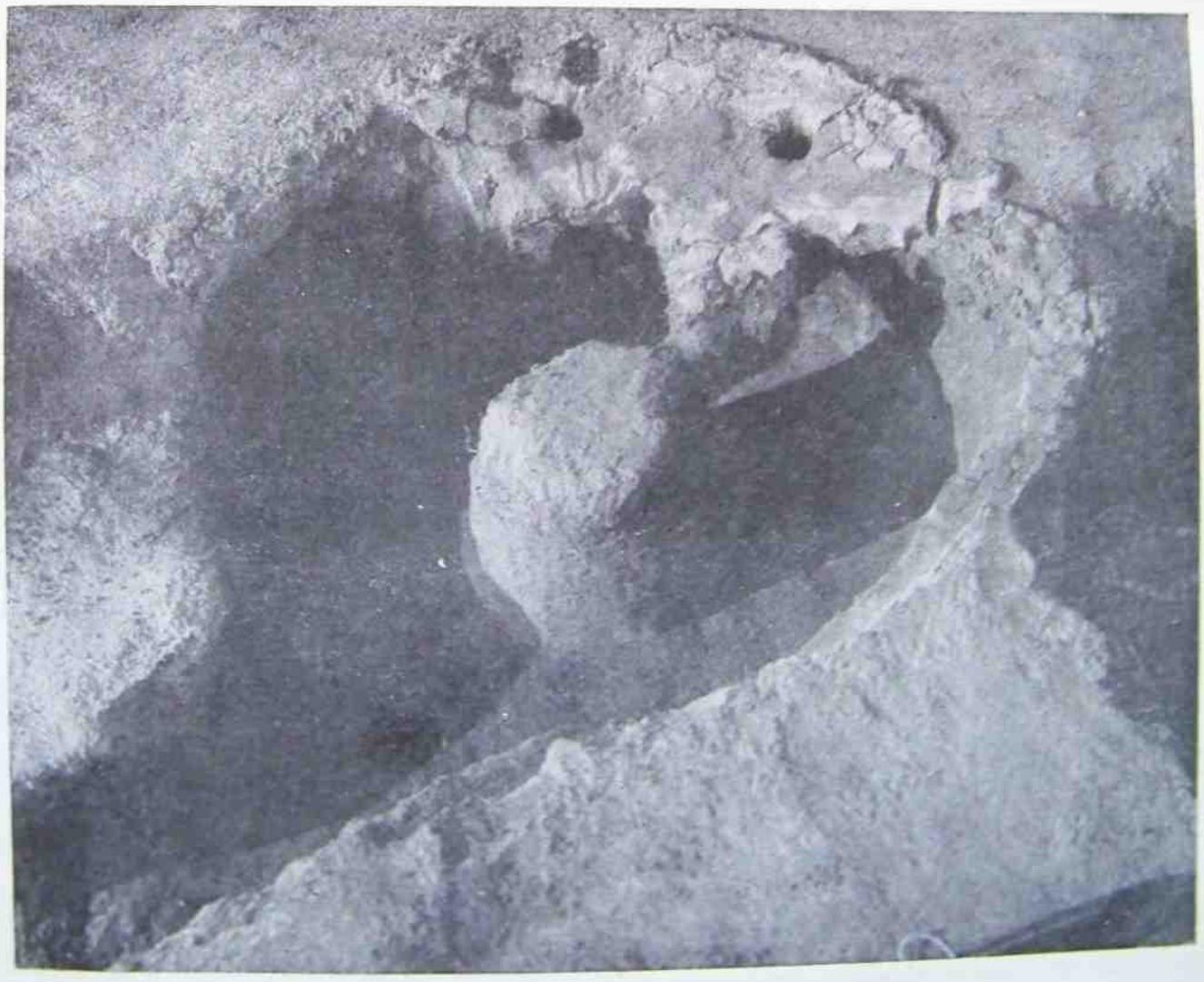


Рис. 24. Гончарная печь.

ных диких животных, охота на которых была не только важным подспорьем к сельскому хозяйству, но и занятием для тренировки воинов. На пойменных озерах жило много рыба. Позвонки огромных сомов и белуги и мощные прослойки рыбьей чешуи показывают, насколько успешным мог быть этот лов.

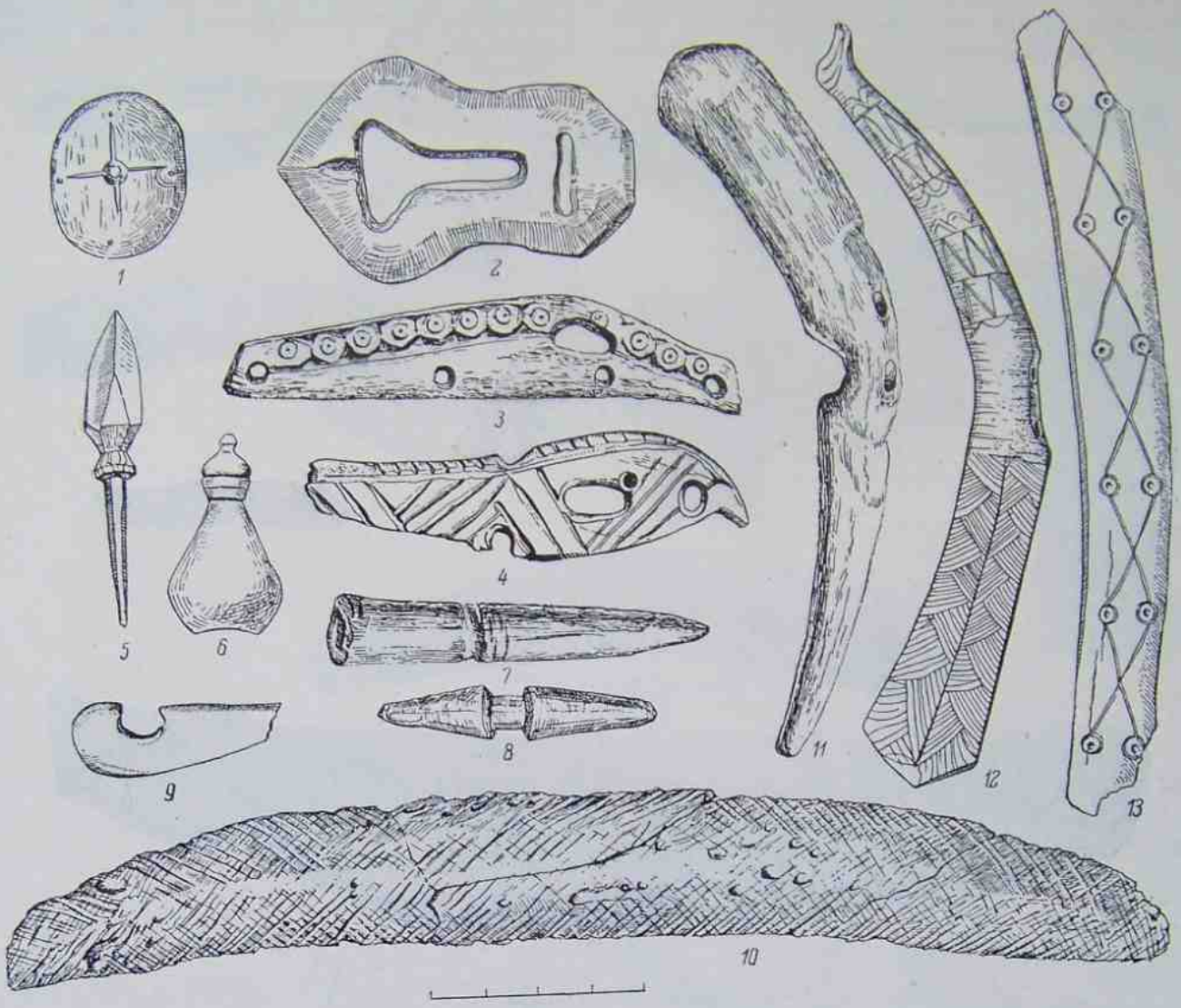


Рис. 25. Предметы из кости.

1,13 — накладки; *2* — пряжка *3, 4* — накладки на край колчана; *5, 7* — наконечник стрелы и заготовка наконечника; *6* — навершие; *8* — застежка; *9, 10* — боковая и срединная накладки на лук; *11, 12* — псалии.

водоплавающих птиц — лебедей, гусей, уток, пеликанов и других, которые тоже являлись нередко добычей охотников. Немало было охотничьей добычи и в степях, где паслись сайги, тарпаны, дрофы и другие степные животные и птицы. Население Саркела охотилось не только за мясными, но и за пушными животными. В культурном слое городища встречалось большое количество костей бобра, которого, впрочем, употребляли и в пищу. В реке ловилась разнообразная

Из местных ремесленных производств хазарского периода лучше всего находками представлено гончарное дело. В остатках жилищ, кроме лепной посуды домашнего изготовления, найдено много целой и разбитой посуды, изготовленной на гончарном круге. В двух землянках хазарского времени найдены ямы, наполненные глиной, приготовленной для изготовления сосудов. Тут же на полу в них оказались части раздавленных сосудов обычной для салтовской

культуры формы, сделанных на круге и украшенных врезанным орнаментом. Сосуды эти были высушены, но еще не обожжены. Эти две землянки — явные жилища, а вместе с тем и мастерские гончаров. Замечательно, что хозяева одного из них оказались погребенными здесь же, под полом своего дома. Вдоль стенок жилища были сделаны две могилы, в каждой из которых находилось по вытянутому на спине скелету (рис. 23).

За пределами крепости возле рва найдено несколько гончарных печей. По своей конструкции они, по сути дела, ничем, кроме величины, не отличались от печей, применявшихся для обжига кирпичей. Они также состояли из двух, расположенных одна над другой камер. Нижняя камера — топка с довольно длинным, выступающим наружу устьем. В перекрытии ее сделаны вертикальные отверстия — «прогары». В верхнюю камеру ставилась подлежащая обжигу посуда (рис. 24). Изготовление керамики несомненно осуществлялось специалистами, работавшими на заказ или на рынок, а не для удовлетворения потребностей только своего хозяйства.

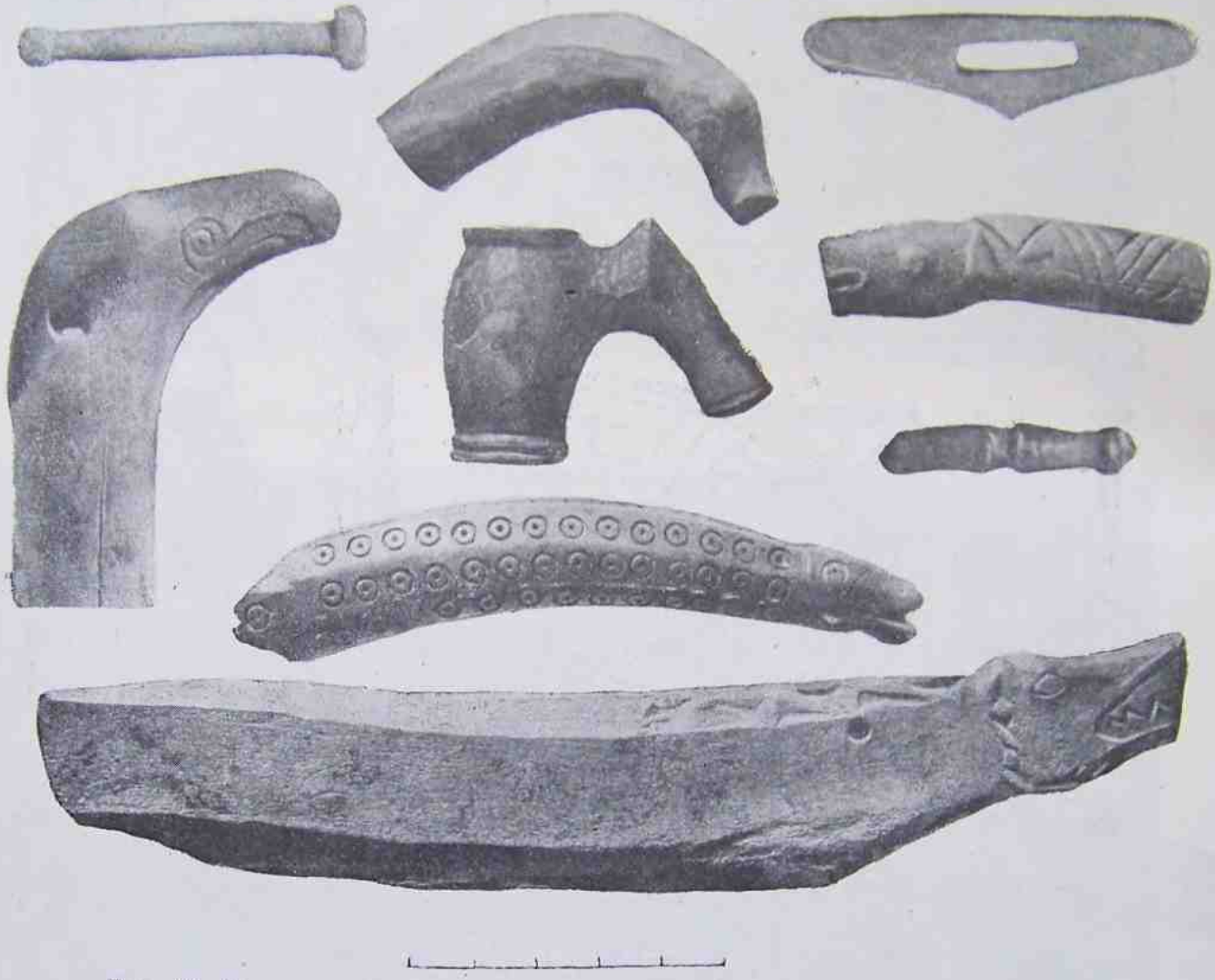


Рис. 26. Костяные вещи со скульптурными изображениями животных.

Из других местных производств можно отметить костерезное дело (рис. 25). В культурном слое хазарского Саркела найдено множество рогов оленя и сайги и различных заготовок из них для разнообразных поделок. Из последних особого внимания заслуживают вещи со скульптурными головками животных (рис. 26) и прежде всего роговая трубочка, вероятно горлышко от бурдюка, украшенная сложными гравированными изображениями, среди которых представлены олень, птицы и стилизованное крестообразное растение (рис. 27). Интересны также рог с тонко

Рис. 27. Горлышко от бурдюка с гравированными изображениями; внизу прорисовка изображений.

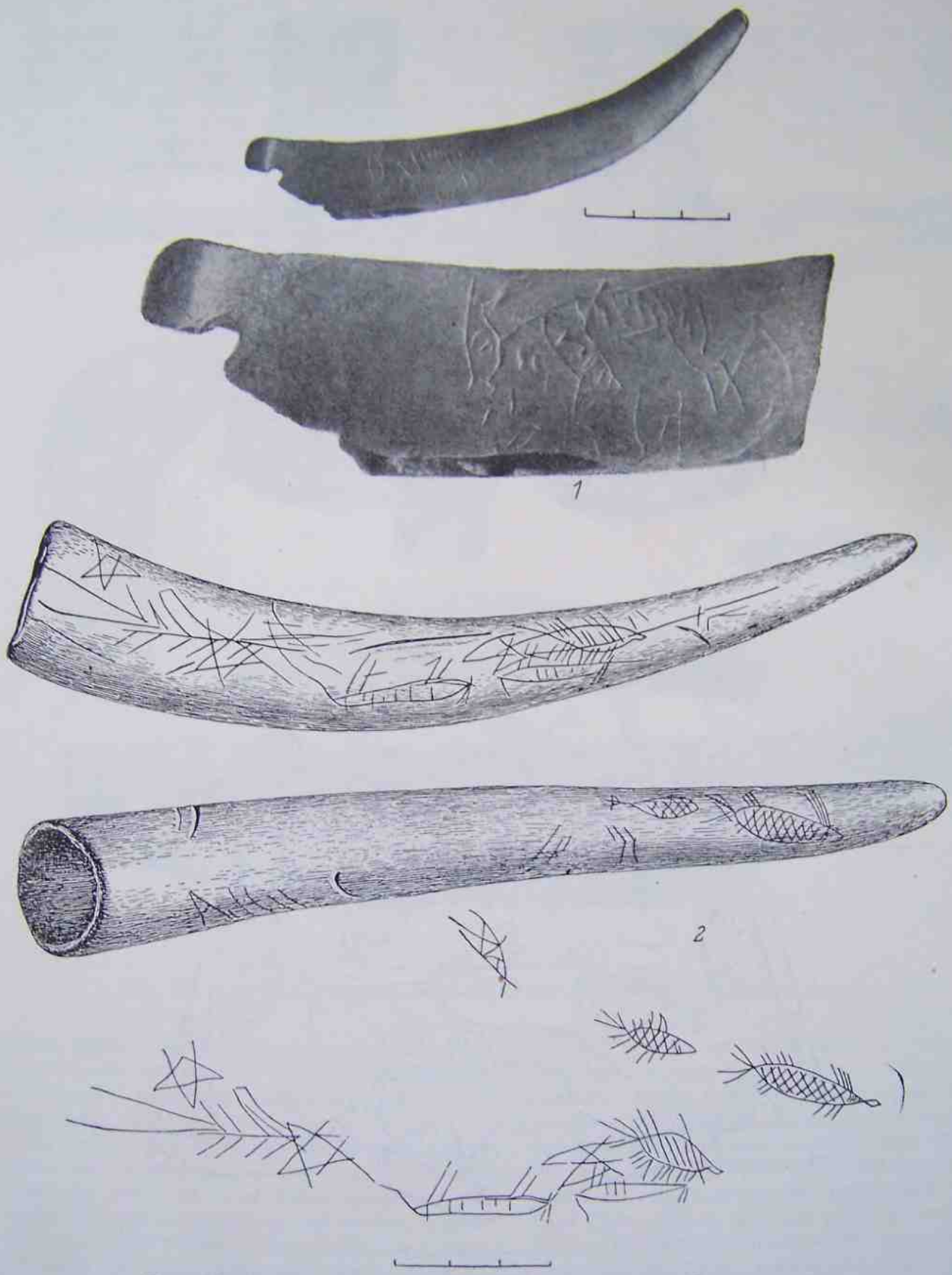


Рис. 28. Костяные предметы с гравированными изображениями.

1 — острие с фигуркой оленка и деталь изображения; *2* — рог с различными изображениями и их прорисовка.

выгравированными изображениями животных и рыб (рис. 28, *2*) и костяное острие с гравированной фигуркой животного (ослик; рис. 28, *1*). Превосходна костяная пластинка (головка от шпильки?) с растительным мотивом, в который вписаны птицы и две симметрично расставленные фигурки кабанов.

Несомненных следов металлического производства в хазарском слое Саркела не найдено, за исключением одной кузницы, которая, возникнув, кажется, еще в хазарское время, затем функционировала и в русский период истории крепости. Что касается обнаруженных в этом слое довольно многочисленных вещей из железа и бронзы, то они целиком и полностью совпадают с теми формами, которые являются типичными для салтовской культуры или для обихода степного населения всей Евразии IX—X вв. Здесь представлено то же оружие, такие же орудия и аналогичные принадлежности конского снаряжения и украшения как конской сбруи, так и одежды (рис. 29). Особенно показательны типичные салтовские бляшки, пряжки, так называемые «самоварчики», перстни, зеркала и т. д. (рис. 30).

В составе находок хазарского слоя Саркела находятся вещи не местного происхождения. Особенно часто они представлены мусульманскими, преимущественно среднеазиатскими и византийскими (херсонесского чекана) монетами, разнообразными керамическими изделиями, в частности поливной посудой иранского, среднеазиатского, кавказского и крымско-византийского происхождения. Специального внимания заслуживают немногочисленные черепки, может быть даже всего от двух-трех сосудов, найденные в цитадели (рис. 31). Они из тонкого оранжево-красного теста, хорошо обожжены и по приемам обработки напоминают предметы, вырезанные из дерева. В этом отношении особенно характерна ручка сложной формы, как бы вырезанная из доски. На двух фрагментах этого рода сосудов имеются резные изображения, по-видимому фризом опоясывавшие сосуд. Они представляют очень древний и широко распространенный мотив: два хищных животных по

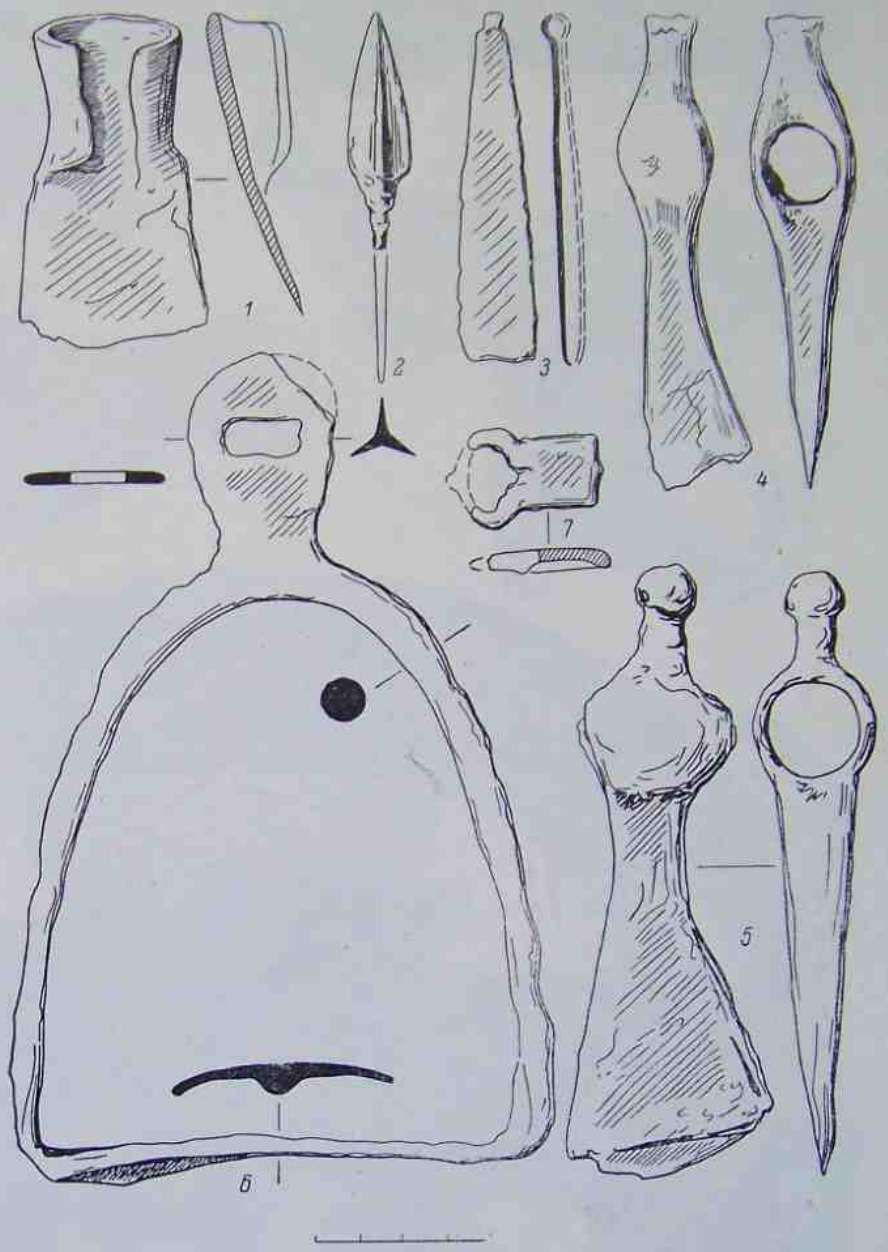


Рис. 29. Железные предметы.

1 — тесло; *2* — наконечник стрелы; *3* — пинцет; *4*, *5* — топорики; *6* — стремя; *7* — пряжка.

Рис. 30. Изделия из бронзы.

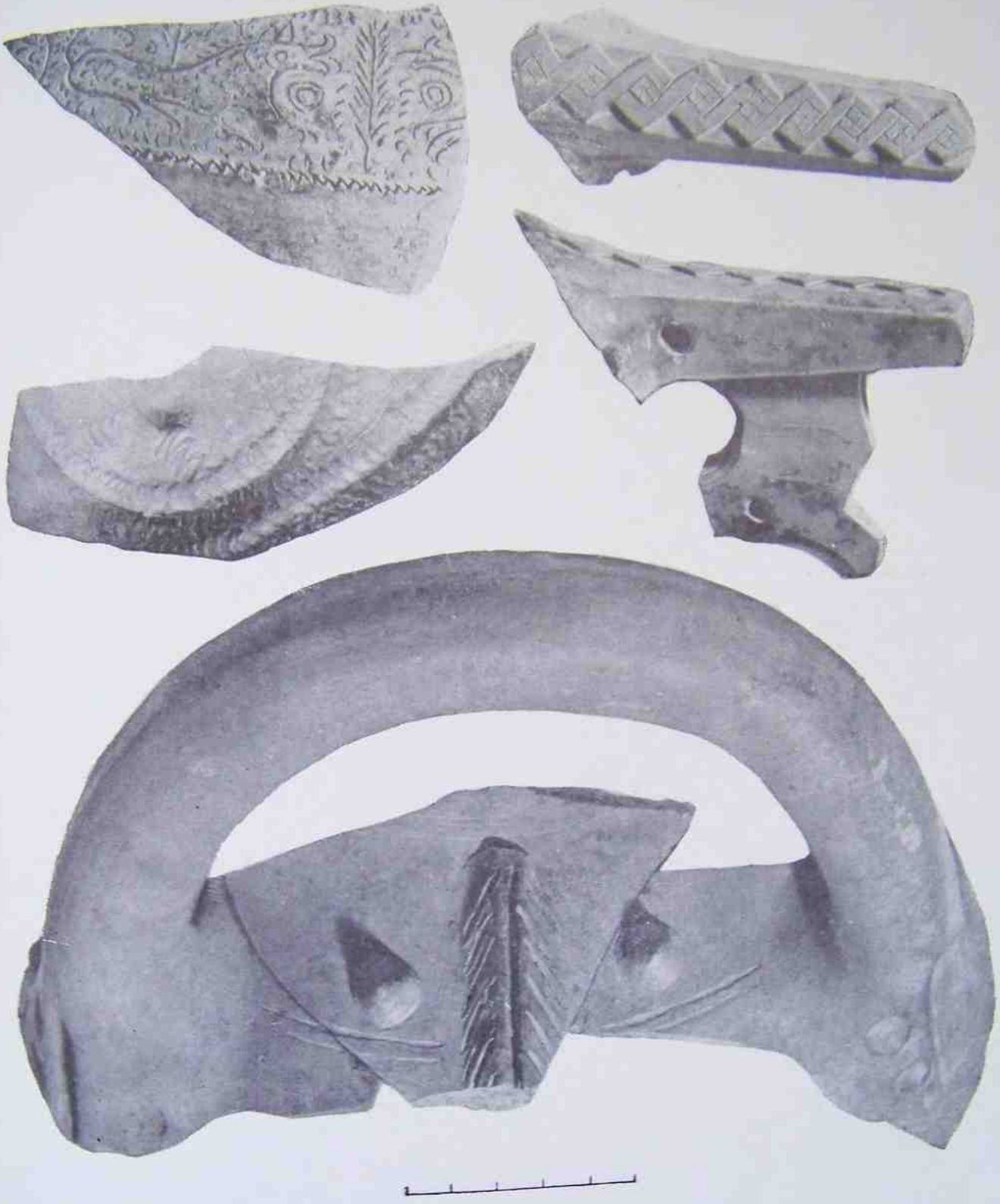


Рис. 31. Фрагменты керамики.

сторонам растения (дерева). Этот мотив связан с культом производительных сил природы, олицетворяемых в виде дерева или женщины с животными по сторонам. Трактовка хищников (собак?) на саркелских черепках близко напоминает соответствующие кобанские изображения. Не исключена возможность, что сосуды с этими изображениями ведут свое происхождение с Кавказа. Вещи этого рода указывают на внешние связи хазарской крепости на Дону. Однако особенно значительными и, по всей вероятности, прямыми были связи с берегами Керченского пролива, что вполне естественно вытекает из местоположения Саркела.

6. ПРОЧТЕННЫЕ НАДПИСИ

Вопрос о происхождении и этнической принадлежности носителей салтовской культуры, а следовательно, и неразрывно связанной с нею части населения Саркела, остается спорным в науке. Основываясь на близком сходстве салтовской культуры с культурой центральной части Северного Кавказа, без сомнения принадлежавшей аланам, потомками которых являются нынешние осетины, а также на том факте, что в первые века нашей эры кочевые аланские племена играли важную роль в степях Восточной Европы и, в частности, обитали по Северскому Донцу, многие ученые полагают, что и салтовская культура аланская, что на Донце и Среднем Дону в средние века жили аланы, родственные по происхождению и языку с аланами-осетинами Северного Кавказа.[1]

Не может быть никакого сомнения в том, что в подоснове салтовской культуры лежит аланская культура первой половины I тысячелетия н. э., точно так же, как и культуры северокавказских средневековых алан.[2] Такие характерные особенности этой культуры, как катакомбные погребения и формы керамики, неразрывно генетически связываются с культурой алан. Казалось бы, вопрос ясен. Однако имеются факты, которые показывают, что решение этого вопроса не так просто, как кажется на первый взгляд.

В Новочеркасском музее хранятся две баклажки с надписями по краю лицевой стороны.[1] Они найдены при неизвестных обстоятельствах, причем одна, несомненно, происходит из окрестностей ст. Кривянской на Нижнем Дону. Сами по себе баклажки ничего особенного не представляют. Подобные сосуды, особенно удобные для конников, подвешивавших их к седлу, были широко распространены — от Средней Азии до Венгрии, а в видоизмененных формах бытуют до сих пор. Встречаются баклажки и в погребениях салтовской культуры, имеются они и в составе находок в Саркеле. Типы, представленные экземплярами Новочеркасского музея и находками в салтовских комплексах, датируются IX—X вв. Новочеркасские баклажки особенно интересны своими надписями, которые долго не поддавались дешифровке. Только в самое последнее время А. М. Щербаку удалось прочесть их, исходя из тюркских алфавитов и языков.[2] На одной баклажке надпись оказалась чем-то вроде благопожелания, поговорки, на другой состояла из имен.

Появление тюркских надписей на баклажках IX—X вв. на Нижнем Дону не представляет ничего удивительного. Тюркская орхоно-енисейская письменность давно известна, известны тюркские надписи и далеко на западе, в Венгрии, тем более они могли быть на Дону. Замечательно другое, а именно то, что совершенно аналогичные по алфавиту надписи имеются на стенах одного из городищ салтовской культуры, а именно Маяцкого городища на Среднем Дону. Они также до сих пор оставались недешифрованными, но после прочтения надписей на новочеркасских баклажках представилось не-

[1] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, I. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП, нов. сер., т. XIX, 1909, январь; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? Изв. ГАИМК, т. V, 1927, стр. 78.

[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 160 и сл.; Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14 и сл.

[1] М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. СА, XIX, 1954, стр. 263 и сл.

[2] А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, XIX, 1954, стр. 269 и сл.

трудным разобрать и их. Эти надписи оказались также тюркскими.

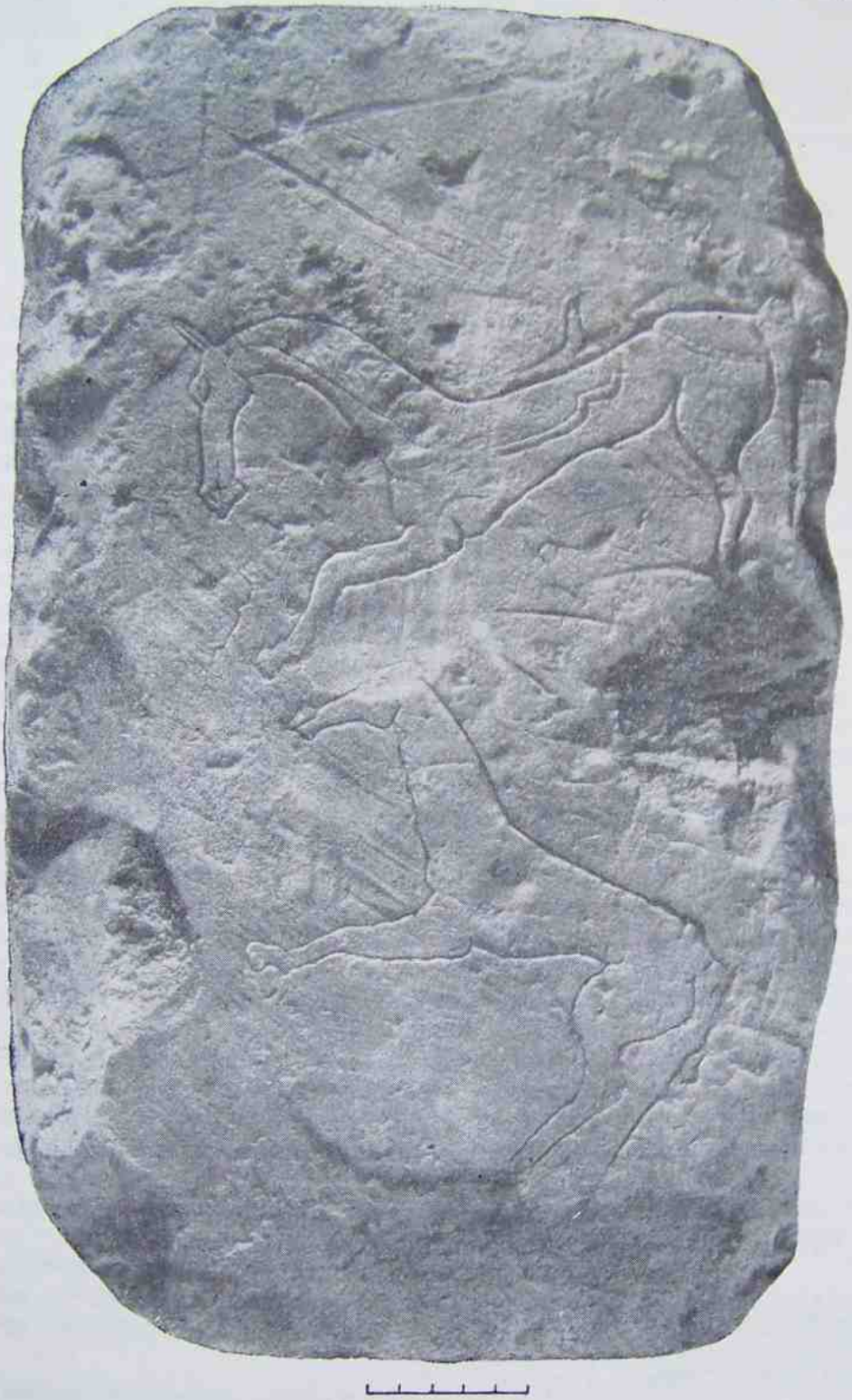


Рис. 32. Изображения и надпись на камне Маяцкого городища.

Надписи на стенах Маяцкого городища были выцарапаны на высоте человеческого роста изнутри крепости и можно было бы думать, что к населению городища они никакого отношения не имеют, а оставлены какими-то временными посетителями крепости, из числа тюркоязычных завоевателей, от которых погибла салтовская культура (печенеги?). Однако такое мнение является явно ошибочным. На камнях Маяцкого городища, кроме надписей, имеются еще характерные рисунки, представляющие главным образом лошадей. По содержанию и стилю эти рисунки тесно сближаются с гравированными изображениями на костяных предметах салтовской культуры, включая сюда и упомянутые выше предметы из Саркела, и еще, что особенно важно, с рисунками на кирпичах Саркела, об изготовлении которых местным населением уже говорилось. Таким образом, не может быть сомнений в неразрывной связи рисунков на стенах Маяцкого городища с салтовской культурой. Однако в одном случае рисунки этого рода, сделаны явно поверх надписи, следовательно, не раньше, а позже ее, что может указывать на принадлежность и рисунков и надписей одному и тому же населению Маяцкого городища, т. е. носителям салтовской культуры, и, во всяком случае, одному и тому же периоду в истории городища (рис. 32). Если к этому добавить, что на кирпичах и керамике Саркела встречаются и в отдельности и группами буквы того же алфавита, которым выполнены надписи Маяцкого го-

родища и новочеркасских баклажек, то едва ли еще могут быть сомнения в том, что носители салтовской культуры в массе своей не только писали, но и говорили на языке тюркского типа, а следовательно, не были ираноязычными аланами.

Можно было бы допустить, что на тюркском языке говорил только высший, господствующий слой населения салтовской культуры, те тарханы, которые жили в маленьких замках-городищах с каменными стенами, образчиками которых являются Маяцкое и Правобережное Цимлянское городища, и их дружины из состава кочевых завоевателей, эксплуатировавших местное ираноязычное население. Но такое предположение маловероятно ввиду того, что никаких признаков разделения салтовской культуры по социальной линии, совпадающего с этническим членением, до сих пор не замечено. Правда, салтовская культура в широком понимании этого термина не может считаться монолитной: она охватывала разные племена. В погребальных обрядах этой культуры, а равным образом в физических типах ее носителей наблюдаются существенные различия. Так, наряду с погребениями в подземных камерах, катакомбах, свойственных салтовской культуре в узком смысле этого понятия и северокавказским аланам, имеются не только отдельные погребения, но и целые могильники с захоронениями в простых ямах (Зливкинский могильник[1]); наряду с вытянутым положением покойников встречается скорченное; кроме длинноголового физического типа населения, преимущественно в катакомбных могилах, здесь представлен короткоголовый тип, да еще в сочетании с монголоидными формами, в ямных захоронениях.[2] Все это свидетельствует о сложном составе носителей салтовской культуры, о смешении в них элементов различного происхождения, причем смешение с монголоидами особенно отчетливо выражено у короткоголовой части населения южнорусских степей, к числу которой принадлежали и носители салтовской культуры на Нижнем Дону.[1]

Тюркоязычность носителей салтовской культуры при явных генетических связях ее с культурой ираноязычного аланского населения степей Восточной Европы первых веков нашей эры вероятнее всего следует объяснять тем, что ираноязычные племена здесь были частично поглощены тюрками, которые начиная с IV в. волна за волной вторгались в степи Восточной Европы из Азии. Гунны, уйгуры, авары, алтайские тюрки не только истребляли и вытесняли местные племена, но и подчиняли их, смешивались с ними и навязывали им свои языки, воспринимая вместе с тем в значительной мере местную, более высокую культуру. В этих условиях только сравнительно небольшая часть ираноязычного населения сохранила свою исконную этническую природу, укрывшись в горах Кавказа, остальная же, смешавшись с пришельцами, утратила свой прежний язык и слилась с тюркскими племенами. Результатом этого смешения было образование в степях Восточной Европы тюркоязычных болгарских племен, частью которых являлись и хазары. Арабские писатели свидетельствуют не только об европеоидном облике хазар, но и о том, что их язык был сходен с болгарским.[2]

Утвердившейся у хазар тюрко-алтайской династии каганов еще в VII в. удалось распространить свою власть на болгарские племена. Только часть болгар бежала на нижний Дунай, где в дальнейшем растворилась среди славян, оставив им свое имя. Вероятно, к числу подвластных хазарам болгарских племен принадлежало население Нижнего Подонья с его салтовской культурой, близко сходной с той культурой, которую болгары (праболгары) принесли на нижний Дунай.[3] В массе своей эти племена, как и хазары, оставались несомненно кочевыми, но примерно с VIII в. часть их оседает на землю, осложняя свое скотоводческое хозяйство прибавлением зе-

---

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 211—213.

[2] К. Н. Наджимов. О черепах Зливкинского могильника. Кратк. сообщ. Инст. этнографии, вып. XXIV, 1955, стр. 66 и сл.; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948 (Тр. Инст. этнографии им. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер., т. IV), стр. 252.

[1] В. В. Гинзбург. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения хазарского каганата. Сб. МАЭ, т. XIII, 1951.

[2] М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 84 и сл.

[3] М. И. Артамонов. К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дунае. Предисловие к работе: Живка Вължарова. Славяно-Българското селище край село Попина, Силистренско. София, 1956, стр. 3—10.

мледелия. Процесс этот, вероятно, был обусловлен углублением экономического расслоения кочевого общества и развитием патриархально-феодальных отношений, при которых собственность на землю фактически уже сосредоточивается в руках родовой знати, а эксплуатация еще маскируется родственными отношениями. Возможно, что родо-племенная знать и с развитием земледелия продолжала кочевать, тогда как подвластная ей масса населения частично переходила к оседлости, в первую очередь в наиболее удобных для земледельческого хозяйства районах степей. Салтовские поселения как раз и представляют таких сравнительно недавно осевших кочевников. Надо особенно подчеркнуть, что с оседанием беднота попадала в еще бо́льшую кабалу к своим богатым сородичам, а также что в составе оседлого населения могло быть немало и лично несвободных людей. Между прочим, бедные скорченные погребения в Салтовском могильнике и возле Саркела могут представлять захоронения рабов.

Вследствие указанной выше близости хазар и болгар в настоящее время до археологических исследований в коренной хазарской области — на Нижней Волге и в западном Прикаспии — нет возможности различать хазарские и болгарские памятники между собой. Если судить о хазарской культуре по памятникам хазарского времени по обеим сторонам Керченского пролива и южнобережного Крыма, где хазары исторически засвидетельствованы, то их культуру надо признать той же салтовской культурой в широком значении этого наименования, какая представлена и в Саркеле. В свете этого заключения кочевническая культура, характерная для цитадели Саркела, коренным образом отличающаяся от салтовской, не может быть хазарской, хотя именно она принадлежала главной части гарнизона крепости. По-видимому, здесь мы имеем дело действительно не с самими хазарами, а с наемным отрядом тюрок-кочевников, находившихся на службе у хазар. Собственно хазар в Саркеле могло и не быть, за исключением небольшой группы с начальником крепости во главе, следов которой отыскать совершенно невозможно.

7. ПРОТИВ КОГО БЫЛА ПОСТРОЕНА КРЕПОСТЬ?

Хазары занимали относительно небольшую территорию по побережью Каспийского моря между Нижней Волгой и северным Дагестаном. Нижний Дон представлял их западную границу. Таким образом, Саркел помещался на границе собственно Хазарии. По свидетельству Константина Багрянородного, Саркел находился на границе хазар с печенегами,[1] но последние появились в причерноморских степях не ранее конца IX в.,[2] когда крепость на Дону давно уже существовала. Есть данные, что хазары строили оборонительные сооружения против мадьяр (Ибн-Русте).[3] Действительно, степи Причерноморья перед печенегами занимали мадьяры. Достоверно известно, что они были там в 30-х годах IX в.,[1] т. е. примерно тогда же, когда возник Саркел. К сожалению, время и обстоятельства проникновения мадьяр к западу от Дона из степей Заволжья остаются неизвестными. Можно только думать, что они были оттеснены сюда печенегами, которые и в дальнейшем продолжали их преследовать, пока не загнали в нынешнюю Венгерскую равнину. Зато хорошо известно, что, будучи в причерноморских степях, в местности, называемой Леведией или Ателькузу,[2] мадьяры находились под политическим влиянием Хазарии и поддерживали с ней дружественные отношения. Это, однако, не исключает возможности того, что в первое время после своего проникновения на западную

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 20.

[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 15. Регино указывает другую дату — 893 г., см.: V. F. Minorsky. Hudud al-'Alam. London, 1937, стр. 313, прим. 2.

[3] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1896, стр. 27.

[1] J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 30. Некоторые данные имеются у Продолжателя Феофана, Льва Диакона и Георгия Мниха.

[2] H. Grégoire. Le nom et l'origine des Hungrois. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Geselschaft, Bd. 91, 1937, стр. 633.

границу Хазарии они представляли для нее серьезную угрозу, что и вызвало необходимость возведения оборонительных сооружений, в том числе и самого значительного из них — Саркела.

Появление воинственных кочевников мадьяр на месте болгарских племен, находившихся под властью хазар, с которыми Византия поддерживала дружественные отношения, вызвало у последней серьезное беспокойство за безопасность ее владений в Крыму. Вместе с тем Византия, конечно, была непрочь использовать новых соседей в своих интересах. Император Феофил охотно согласился на просьбу хазар оказать им помощь в построении крепости на Дону и под этим предлогом направил в глубь донских степей важного византийского чиновника спафарокандидата Петрону, отдав в его распоряжение морской флот из Пафлагонии, с которым тот и прибыл в Херсонес. Конечно, флот и войско нужны были Петроне не в качестве почетного эскорта, а чтобы укрепить находившуюся, вероятно, под угрозой власть империи в Крыму.

Петрона бесспорно оказал содействие хазарам своими техническими советами, но вместе с тем ясно, что Константин Багрянородный, основываясь, очевидно, на донесении Петроны, сильно преувеличил его роль в построении Саркела. Как мы видели, в основном крепость строили не византийцы, а сами хазары руками подвластного им населения Подонья. Петроне не удалось даже соорудить там христианский храм, который нужен был Византии как опорный пункт для своего влияния через церковь и для украшения которого Петрона вывез архитектурные детали из Херсонеса.

Помощь хазарам в строительстве крепости служила только прикрытием основной цели, которую преследовала миссия Петроны. Она заключалась в ознакомлении на месте с той новой политической обстановкой, которая сложилась в Восточной Европе в связи с появлением мадьяр и некоторыми другими изменениями, о чем речь будет ниже. Петрона блестяще справился с поставленной задачей и, возвратившись в Константинополь, представил проект мероприятий, которые необходимо было осуществить в связи с новыми условиями. По его предложению Херсонес был превращен в фему, а сам Петрона был назначен стратигом Херсонеса. Эта реформа в управлении византийскими владениями в Крыму, смысл которой заключался в усилении военизации, несомненно вытекала из появления по соседству с этими владениями серьезных врагов, от которых нельзя было обезопасить себя по-прежнему только сохранением дружественных отношений с Хазарией. Враги, следовательно, противостояли не только Византии, но и хазарам.

Что это были за враги и откуда они взялись? Такими врагами могли быть мадьяры, но с этого рода врагами Византия умела справляться дипломатическим путем посредством подкупов, возбуждения среди них внутренних междуусобиц и натравливания их на врагов самой Византии. Против них едва ли требовалось направлять флот к берегам Крыма и реорганизовывать крымские владения Византии на военный лад. Врагом, который в это время мог тревожить Византию с моря, была русь. К первой половине IX в. относятся нападения руси на побережья Крыма и Малой Азии, случайные сведения о которых содержатся в житиях Георгия Амастридского и Стефана Сурожского;[1] в это время могли быть и другие походы руси, о которых нам ничего не известно. В этот же период послы кагана русского были в Константинополе и вследствие того, что прямой обратный путь их оказался перерезанным, вероятно мадьярами, очутились у франков и были признаны за шведов (839 г.). Несомненная внешнеполитическая активизация руси в это время связывается с образованием Русского государства на Днепре.

В легендарной части русской летописи рассказывается, что хазары, взимавшие дань с некоторых восточнославянских племен, обложили данью и полян. Однако поляне дали им необычную дань: это были не меха и не монеты, а мечи, что будто бы привело в крайнее смущение «старцев хазарских», усмотревших в этом свидетельство того, что со временем поляне будут взимать дань с хазар и других народов. И все это сбылось, добавляет летописец, живший уже после полного разгрома хазар русью.

Освобождение полян от хазарского ига летопись связывает с началом княжения

[1] В. Г. Васильевский. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Труды В. Г. Васильевского, т. III, Пгр., 1915.

Аскольда и Дира.[1] Сведения летописи об этих князьях настолько сбивчивы и противоречивы, что к ним нельзя относиться с полным доверием. Царя Дира, правда, упоминает арабский писатель Мас'уди[2] в сочинении, относящемся к первой половине X в., из чего можно заключить, что это все же личность не мифическая, а историческая. Другому персонажу древнейшей истории Киева — Аскольду летопись приписывает поход вместе с Диром на Константинополь.[3] Это мог быть только поход 860 г., когда столица Византийской империи пережила очень серьезную опасность и лишь чуду приписывала свое избавление от врагов. Совершенно несомненно, что днепровская русь еще к 30-м годам IX в. ликвидировала даже видимость зависимости от хазар, в знак чего русский князь назывался каганом, и играла совершенно самостоятельную политическую роль.

Однако на первых порах своего существования среднеднепровское Русское государство с центром в Киеве едва ли помышляло о борьбе с хазарами. Начало объединения под властью киевского князя восточнославянских племен и освобождение в связи с этим тех из них, которые оставались под властью хазар, относится к более позднему времени и связывается летописью с деятельностью князя Олега. Борьбу с хазарами русь повела только после объединения двух центров восточнославянской государственности — Киева и Новгорода, после образования единого государства на всем пути «из варяг в греки».

Отсюда следует, что сооружение хазарами крепости на Дону не могло быть направлено непосредственно против руси. Ослабление власти Хазарии на западе — в степях Причерноморья и на Среднем Днепре — в связи с появлением мадьяр и возникновением Русского государства, надо полагать, вызвало у хазар заботы об укреплении своих позиций в областях, еще остававшихся под их властью. Такими областями в первую очередь были область салтовской культуры и примыкающие к ней с севера и запада области славянских племен, плативших дань хазарам, — вятичей, северян и радимичей. Саркел и возник как опорный пункт хазар на важнейшем пути, который связывал собственно Хазарию и столицу ее Итиль на Нижней Волге с указанными областями. Этот путь после переправы через Дон возле Саркела выводил к водоразделу между Доном и Донцом, наиболее удобному сухопутному пути в подвластные хазарам области.

Саркел был выстроен вовсе не для контроля над водной дорогой по Дону к переволоке на Волгу; такая задача если и встала перед ним, то только значительно позже его возникновения. Именно этим и объясняется крайне невыгодное положение крепости для наблюдения за водной дорогой, а главное за переправой из одной реки в другую. Для этой цели естественно было бы строить крепость в месте наибольшего сближения Дона и Волги, там, где и искало Саркел большинство историков, привыкших создавать исторические карты кабинетным путем. Но в том то и дело, что в первой половине IX в. этому речному пути никто не угрожал, да едва ли кто-нибудь по нему и плавал. Он приобрел важное значение только в X в., когда здесь появились русские ладьи, приходившие из Днепра через Черное море. Саркел был построен не на речной, а на сухопутной дороге и призван был укрепить пошатнувшееся положение хазар в их западных и северо-западных владениях.

8. ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД СВЯТОСЛАВА

Объединение Киевского и Новгородского государств в единое Русское государство привело к созданию в Восточной Европе такой могущественной силы, которой здесь еще не бывало и которая была в состоянии ставить и решать задачи, непосильные для предшествующих славянских образований. Важнейшей из этих задач было объединение восточнославянских племен под властью киевского князя. В результате деятельности Олега и Игоря эта задача в основном была выполнена. Святослав Игоревич имел возможность опереться уже на

[1] Повесть временных лет, ч. I. Изд. АН СССР, М—Л., 1950, стр. 18—19.
[2] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 137.
[3] Повесть временных лет, ч. I, стр. 19.

объединенные силы восточных славян. Первым крупным внешнеполитическим предприятием этого князя была война с хазарами, необходимая, во-первых, для завершения дела его предшественников по объединению славян в Русское государство, а во-вторых, для освобождения важного для Руси восточного торгового пути от контроля со стороны хазар.

Единственным восточнославянским племенем, еще оставшимся к этому времени под властью хазар, было большое племя вятичей, обитавшее по верхней и средней Оке и по Верхнему Дону. Зависимость его от хазар, по-видимому, была минимальной и ограничивалась выплатой небольшой дани. Об этом можно судить по тому, что вятичи, еще находясь под властью хазар, участвовали в походе Олега на Константинополь.[1] Впрочем, и другие владения хазар состояли больше в номинальном, чем в действительном подчинении у кагана и вели самостоятельную внешнюю политику. Так, например, в 50-х годах X в. Византия направила религиозно-политическую миссию во главе с Кириллом-Константином в нынешний Дагестан, где находилось вассальное по отношению к хазарам княжество савир, или гунно-савир, известных арабским источникам под именем Джидан. В этом царстве издавна было распространено христианство, и Византия, очевидно, стремилась укрепить там свое религиозное и политическое влияние. Полусамостоятельными были и другие части Хазарии, как например камские и кубанские (черные) болгары. Хазария была конгломератом племен, между которыми никаких тесных связей не существовало и которые удерживались в составе Хазарии только посредством военного принуждения.

Еще в IX в. начали развиваться торговые сношения восточных славян с арабским Востоком.

Главным торговым путем первоначально была Волга. В X в. в торговые сношения с Востоком активно включается и среднеднепровская Русь. Русские ладьи спускались по Днепру в Черное море, а затем, обогнув Крым и пройдя через Керченский пролив, плыли через Азовское море в Дон. Поднявшись по Дону до переволоки, они переправлялись в Волгу и уже по этой реке спускались в Каспийское море и шли к берегам Закавказья и Ирана.[1] Русские купцы доходили до Багдада и Мерва. Но, конечно, главными рынками, где они встречались с иноземными купцами, были Болгар и Итиль на Волге.

Из приведенного описания восточного пути русской торговли видно, что она шла через Хазарию и что хазарский каган располагал полной возможностью не только контролировать деятельность русских купцов, но и изымать у них в виде пошлин значительную часть прибылей. Известны случаи, когда вместо купцов на Восток отправлялись сильные русские дружины, которые грабили побережья Каспия и которых хазарский каган вынужден был пропускать через свои владения, едва ли, впрочем, без интереса для себя. Однако такие случаи все же являлись исключением и не нарушали зависимости русской восточной торговли от хазар. Естественно, что Святослав был заинтересован в том, чтобы расчистить путь для русской торговли с Востоком и овладеть теми пунктами, через которые он проходил.

Исполнение своего грандиозного замысла Святослав начал в 954 г., когда он двинулся на Оку и, освободив вятичей от хазарской дани, проник по этой реке на Волгу.[2] Здесь русские дружины разгромили прикамских болгар, а затем живших ниже их по Волге буртасов и появились в собственно Хазарии. Хазарский каган пытался организовать отпор, но потерпел поражение. Русские захватили столицу Хазарии Итиль, после чего Святослав двинулся к Кавказу. В нынешнем Северном Дагестане находился хазарский город Семендер, который славился своими виноградниками. Святослав взял и его. То, что осталось в Итиле и Семендере после разгрома их русскими, по образному выражению арабского писателя Ибн-Хаукаля, можно было сравнить с «милостыней для бедных». Успевшие спастись жители этих городов устремились в Джурджан и там, по свидетельству того же писателя, еще в 973 г. ждали возможности возвратиться домой и

[1] Повесть временных лет, ч. I, стр. 23.

[1] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 131.

[2] Повесть временных лет, ч. I, стр. 46—47; Н. Зройко. О походах Святослава на восток. ЖМНП, т. XVIII, 1908, ноябрь, стр. 258 и сл.

жить под властью русских.[1] Из этого следует, что Святослав отнюдь не ограничился разгромом хазарских городов, а что он подчинил их своей власти, оставив, вероятно, в них русские гарнизоны.

Святослав не довольствовался расчисткой для русской торговли одного волжского пути. Покорив Семендер, он отправился вдоль Кавказского хребта на запад. По пути ему пришлось столкнуться с ясами (аланами) и касогами (черкесами), над которыми он также одержал победы. По всей видимости, Святослав ставил себе целью овладение не только волжским, но и днепровско-донским направлением русской торговли с Востоком, на котором важнейшую роль играл Керченский пролив. Именно туда он и двинулся после разгрома собственно Хазарии. Иначе невозможно объяснить его столкновения с ясами и касогами, жившими в центральной части Северного Кавказа и в Прикубанье. Письменные источники ничего не сообщают о пребывании Святослава на Керченском проливе, но тот факт, что только после разгрома Святославом хазар, которые держали в своих руках Керченский пролив, там появляется русское Тмутороканское княжество, позволяет полагать, что именно в результате похода Святослава Русь захватила контроль над этими важнейшими для ее торговли воротами на Восток.

Под 965 г. русская летопись сообщает о взятии Святославом Белой Вежи, которая соответствует хазарскому Саркелу. Название «Белая Вежа» представляет собой русский перевод хазарского слова «Саркел». Таким образом, от Керченского пролива, следуя обычным путем русских купцов, Святослав поднялся по Дону до хазарской крепости Саркел и взял ее.

На первый взгляд кажется непонятным, почему русская летопись, суммарно сообщающая о восточном походе Святослава, очень глухо указывающая на взятие столицы хазар Итиля, ни словом не упоминающая о разгроме Семендера, умалчивающая о пребывании Святослава на Керченском проливе, из всех эпизодов этого похода останавливается на наименее значительном, а именно на взятии небольшой хазарской крепости на Дону. Однако это явление легко поддается объяснению, если учесть, что летопись составлялась через много лет после этого похода, когда впечатление от него успело стереться, когда хазары вовсе исчезли с исторической арены, когда Итиль и Семендер не только утратили какое-либо значение для Руси, но и перестали существовать, когда события из драматической истории Тмутороканского княжества заслонили обстоятельства его возникновения. Что же касается Белой Вежи, то она еще была жива, а взятие ее Святославом было и оставалось важнейшим событием ее недолговечной истории.

Из Белой Вежи Святослав пошел на север, к вятичам, откуда он начал свой восточный поход, ибо целью его было не только освобождение их от власти хазар, но и подчинение киевскому князю. Вятичи оказали Святославу сильное сопротивление, но вынуждены были согласиться на уплату дани киевскому князю. Таким образом, Святослав разгромил Хазарское царство и закончил объединение восточных славян в единое Древнерусское государство.

Увлеченный вскоре после восточного похода делами в Дунайской Болгарии, Святослав не смог прочно закрепиться на Волге. Русская власть продержалась там недолго. Оставленные Святославом русские гарнизоны не в состоянии были отстоять его завоевания. Хазары, получив помощь от тесно связанного с ними торговыми, культурными и религиозными узами Хорезма, вернули себе независимость,[1] камские болгары заодно освободились и из под власти хазар. Хазарское царство в прежнем своем виде не возродилось, оно распалось на составные части, каждая из которых в отдельности не представляла сколько-нибудь значительной политической величины. Тем не менее цель, которую ставил перед собой Святослав, не была достигнута. Волжский путь по-прежнему оставался нерусским. Из завоеваний Святослава на востоке Руси удалось удержать, и то только на некоторое время, Керченский пролив, где возникло Тмутороканское княжество, да Белую Вежу—Саркел на Дону.

[1] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 219 и сл.; D.M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 242 и сл.; В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. Сов. востоковедение, т. I, 1940, стр. 35; М. И. Артамонов. Белая Вежа, стр. 42 и сл.

[1] М. И. Артамонов. Белая Вежа, стр. 48; D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 244.

9. КЛАД

История Саркела от построения до взятия крепости Святославом для нас остается совершенно неизвестной. О событиях политической истории Хазарии этого времени, в которых то или иное участие принимал бы Саркел, в письменных источниках нет решительно никаких данных. Зато археологическими исследованиями крепости обнаружена одна деталь, свидетельствующая, что существование крепости вовсе не было тихим и безмятежным. Вблизи западной башни под северо-западной оборонительной стеной открыт подкоп, явно вырытый изнутри крепости, по-видимому, для вылазки или какого-либо другого предприятия гарнизона, которое надлежало произвести втайне от врагов, осаждавших, очевидно, крепость и блокировавших обычные выходы из нее. Подкоп довольно широкий, но низкий, 2.2 м ширины и 0.70 м высоты; снаружи он суживается и заканчивается острым углом на расстоянии 4.5 м от стены (рис. 33). По миновании надобности подкоп был плотно забит кирпичами, камнями и землей. У наружного конца подкопа под завалом кирпичей на дне оказался скелет человека. Положение скелета не оставляло никакого сомнения в том, что это не обычное погребение, совершенное с соблюдением определенных правил ритуала. По-видимому, человек погиб во время вылазки и был спешно зарыт при засыпке подкопа.

Рис. 33. Подкоп под северо-западной стеной крепости.

Особый интерес захоронения в подкопе, свидетельствующего о какой-то драматической странице истории крепости, заключается в кусочке бумаги, найденном среди костей кисти руки скелета и сохранившемся только благодаря консервирующим свойствам краски (хны), которая была в него завернута. Как известно, хна употребляется на Востоке для окраски волос и ногтей; вероятно, с таким же назначением она находилась и у человека, захороненного в подкопе. Сохранившийся клочок, видимо оторванный от края листа, представляет

собой редчайший образчик бумаги среднеазиатского происхождения. Никаких признаков письма на этом обрывке нет, но изучение технологии бумаги показало, что она самаркандского происхождения, где в VIII—IX вв. (до 810 г.) бумага изготовлялась из местного материала, но по рецептам китайских мастеров.[1] Описанная находка свидетельствует лишний раз не только о тесных связях Хазарии со Средней Азией, но и об употреблении в Хазарии бумаги, так как трудно допустить, что кусок, найденный в Саркеле, оторван от листа не в Хазарии, а где-то, чуть ли не на месте изготовления бумаги.

Врагами, осаждавшими Саркел, могли быть печенеги, опустошавшие области салтовской культуры, но могли быть и русы, по крайней мере дважды, в 912 и 944 гг., в большом числе проплывавшие вверх по Дону под стенами крепости. Хотя оба раза русские дружины, направлявшиеся в Каспийское море для грабительских нападений на его побережья, проходили через Хазарию с разрешения хазарского царя, не исключена возможность, что они имели столкновения с гарнизоном Саркела. Только русы, а не печенеги могли блокировать крепость и со стороны реки так, что из нее нельзя было незаметно выбраться через речные ворота и поэтому пришлось делать подкоп под стеной.

Не связано ли с этой же, а может быть с какой-либо другой осадой, когда жители крепости не имели возможности выйти за пределы кирпичных стен, устройство отмеченных выше погребений в полу салтовского жилища — гончарной мастерской? Это могли быть хозяева данного дома, погибшие во время осады и погребенные внутри жилища из-за невозможности поместить их на кладбище, находившемся, несомненно, где-то поблизости от крепости, но за ее границами. Впрочем, погребения в жилищах бывают и в других случаях, вовсе не связанных с военной необходимостью, а продиктованных какими-то нам не известными соображениями культового и социального порядка. За крепостной стеной Саркела найдено погребение хазарского времени, устроенное в подбое под стенкой прямоугольной ямы, по форме и размерам напоминающей основание жилища. Однако в яме не найдено следов очага. Кроме того, в ней обнаружена еще одна странная особенность: похоже, что она была перегорожена на две части, в одной из которых и находилась могила. Это тоже указывает на нежилое назначение ямы и, возможно, вызвано требованиями погребального обряда.

Другой замечательной находкой, сделанной в Саркеле, является клад дорогих вещей и серебряных монет (рис. 34, 35). По всем данным, вещи, состоящие из двух туго свернутых поясов, украшенных один многочисленными позолоченными на бронзовой основе бляшками, а другой бляшками серебряными с позолотой и чернью, одного ожерелья из сердоликовых бус, чередующихся с серебряными монетами (дирхемами), и из большого комка рубленых серебряных монет того же рода, что и употребленные для ожерелья, были спрятаны на дне большого, правленного на круге горшка, наполненного просом. Следы огня, заметные на монетах и вещах этого клада, не оставляют сомнения в том, что горшок со спрятанным в нем сокровищем побывал в пожаре. По-видимому, во время этого пожара горшок разбился, и часть вещей высыпалась из него. Найден был клад вблизи материка в культурном слое хазарского времени, чудом сохранившегося, в виде останца, среди прорезающих этот слой ям различного назначения и разного времени. При устройстве этих ям не дошедшие до нас части горшка, а может быть, и некоторые вещи клада были выкопаны и выбраны. Уцелело только то, что оставалось в указанном останце культурного слоя. По всей вероятности, горшок с кладом находился в доме, который погиб от огня.

Замечательно, что почти все монеты этого клада среднеазиатского происхождения и по времени чеканки относятся к 907—954 гг.[1] Самая поздняя монета датируется 943—954 гг. Следовательно, раньше этих годов клад не мог быть спрятан. Вероятнее всего предполагать, что он относится ко времени взятия крепости Святославом. И время клада, и обстановка, в которой он находился, делают такое предположение весьма убедительным. По всей видимости, владелец клада спрятал свои ценности ввиду опасности, нависшей над крепостью, при-

[1] Определения сделаны В. А. Петровым.

[1] Определения сделаны А. А. Быковым.

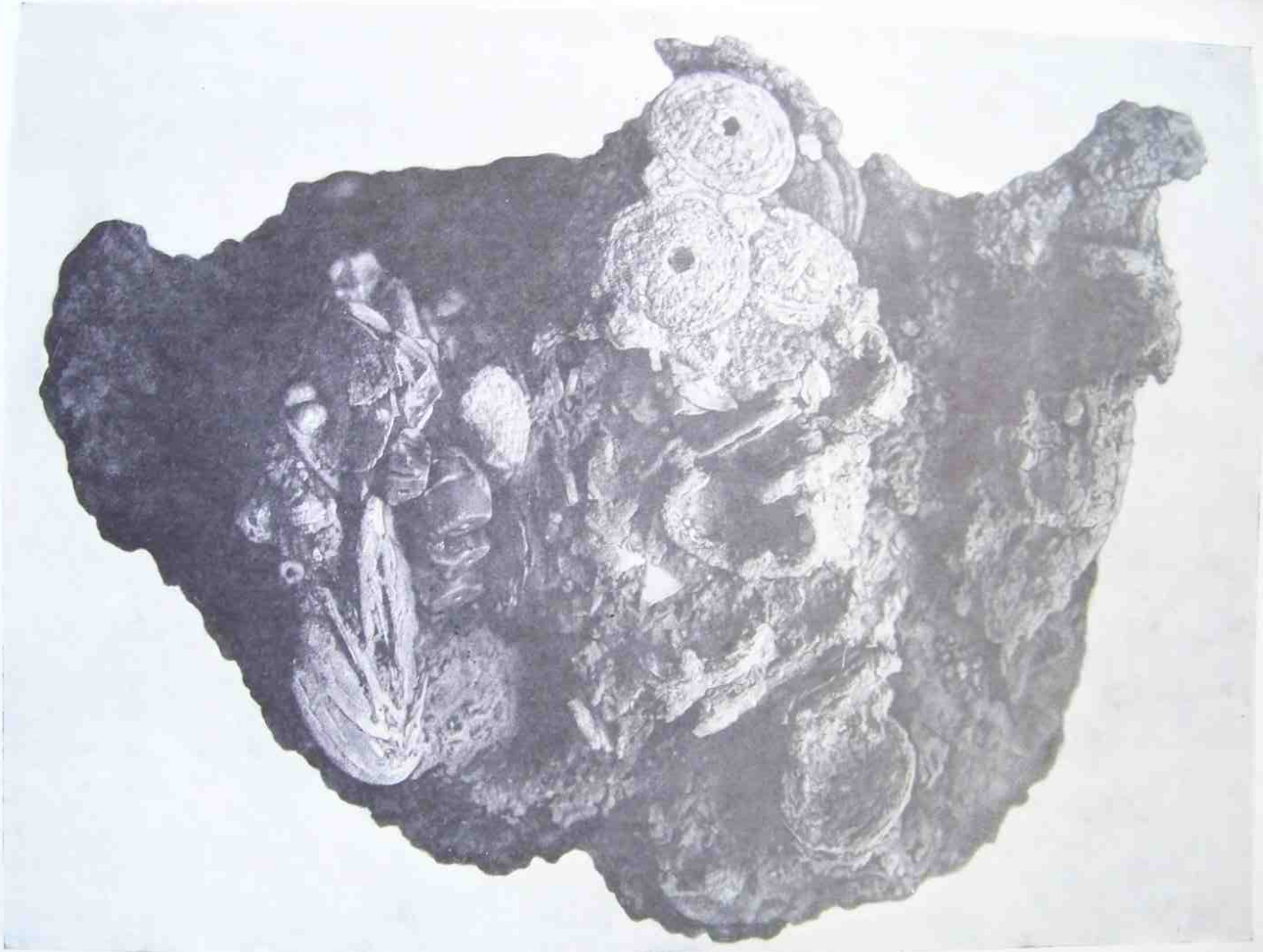


Рис. 34а. Обломок дна горшка с кладом

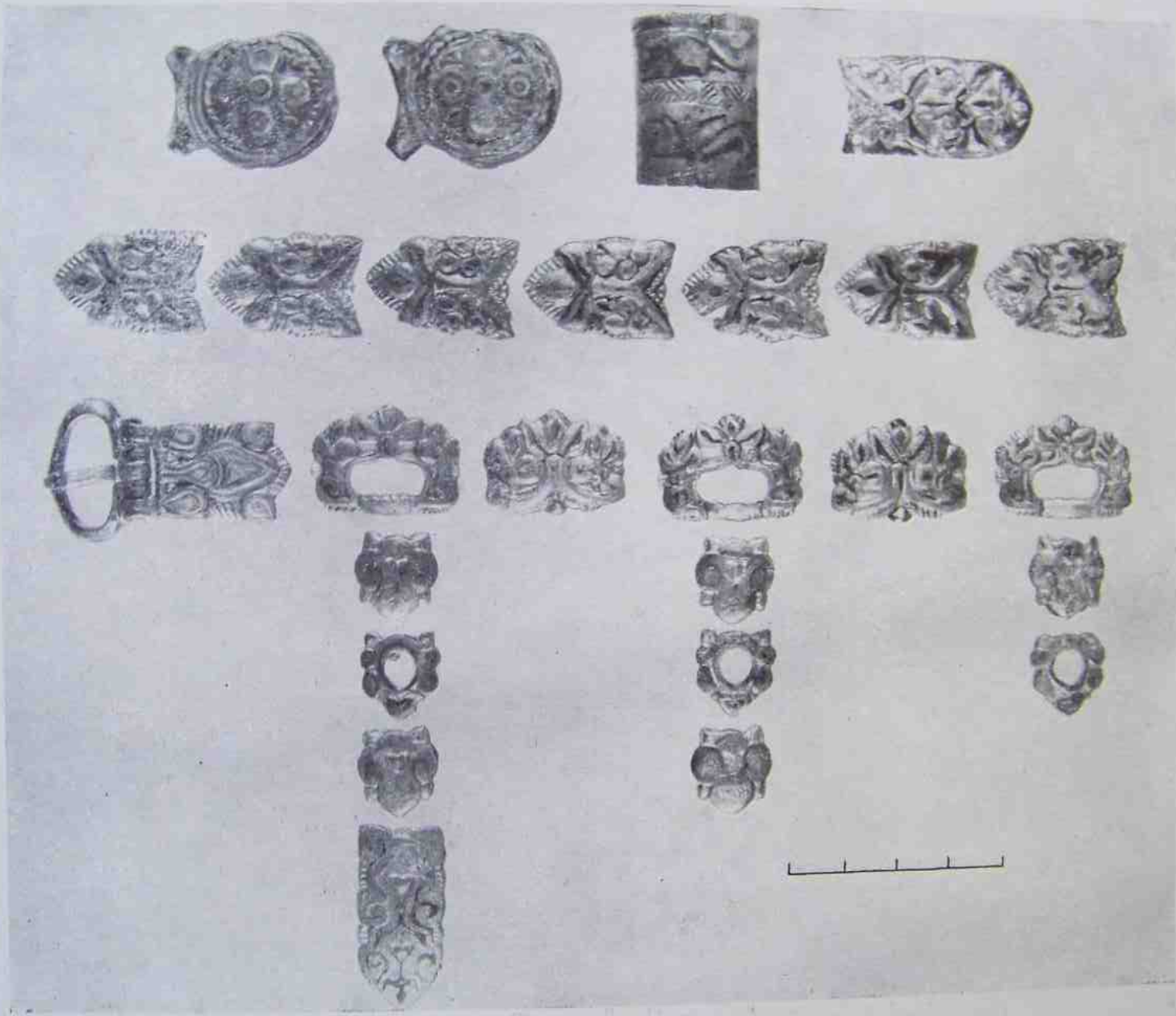
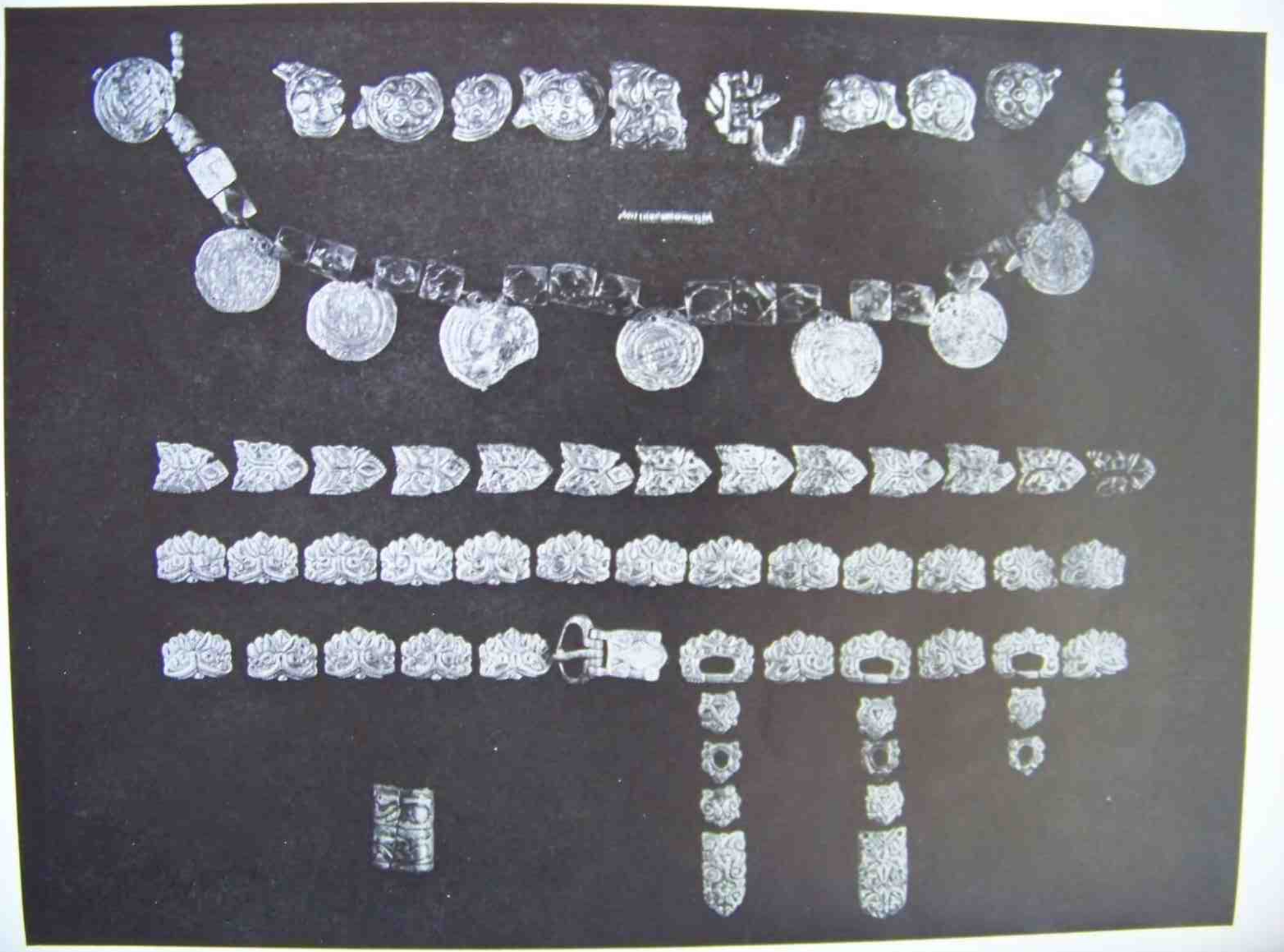


Рис. 35. Вещи из клада.



чем в спешке засунул их в первое попавшееся на глаза место — в горшок с запасом проса. При взятии крепости дом, в котором оставался горшок с кладом, сгорел; клад оказался погребенным под пожарищем и потому не достался победителям. Владелец же его, должно быть, погиб, и потому клад некому было разыскивать в развалинах.

После взятия крепости Святославом часть кирпичных сооружений оказалась разрушенной. Оборонительные стены, по-видимому, пострадали сравнительно немного, но зато внутренние здания пришли в такое состояние, что в дальнейшем уже не могли быть использованы в прежнем своем виде. Оставшиеся в живых жители Саркела начали их разбирать на кирпич, а некоторые постройки пытались приспособить под свои жилища. Наиболее замечательный пример такого рода приспособления представили главные ворота крепости в северо-западной стене. В пролете их обнаружены остатки жилища с набором бытового инвентаря салтовского типа. Изнутри крепости пролет был заложен стенкой из кирпичей, взятых из разрушенных построек и сложенных на глине. Устройство противоположной стены осталось, к сожалению, невыясненным. Обгоревшие бревна, найденные внутри этого

Рис. 36. Остатки жилища в пролете главных ворот.

жилища, могли принадлежать и этой стене и перекрытию. Жилище погибло от пожара, причем кирпичная стена завалилась внутрь и погребла под собой всю его бытовую обстановку (рис. 36).

Другое хорошо сохранившееся жилище того же рода оказалось в угловом помещении здания I. Часть помещения рядом с жилищем была при этом использована под кладовую, где в яме найден уцелевший большой пифос.

После взятия Саркела—Белой Вежи Святославом здесь остались в общем те же группы населения, что и раньше. Носители салтовской культуры и составлявшие гарнизон крепости кочевники продолжали из-

готовлять свою характерную керамику и возводить типичные для каждой из этих групп жилища. Однако свои жилища они теперь строили не только там, где раньше, но по площади всей крепости; значительное количество жилищ салтовского типа появилось в цитадели. С течением времени происходят более существенные изменения в этническом составе. Главным из них надо считать массовое появление в крепости славянского населения, в связи с чем русская культура занимает здесь господствующее положение и постепенно поглощает все другие этнические культуры. С этого времени хазарская крепость Саркел становится русским городом Белая Вежа.

10. РУССКИЙ ГОРОД БЕЛАЯ ВЕЖА

Верхний уровень, или горизонт, культурных отложений Саркела времени взятия его Святославом всего отчетливее обнаруживается по следам разрушения кирпичных зданий внутри крепости. Многие здания в нижней своей части на высоту 0.7—0.9 м от поверхности материка сохранились до наших дней. Вся выше лежащая часть их была разрушена еще в древности. Несомненно, что в широких размерах разборка кирпичных построек стала практиковаться только после взятия крепости Святославом. Разбирались они при этом обычно до существовавшего в то время уровня почвы, вследствие чего их нижняя часть, находившаяся уже в земле, оставалась нетронутой. Таким образом, высота уцелевших стен кирпичных зданий показывает нам толщину культурных отложений хазарского периода. Все выше лежащие наслоения относятся уже к следующему, русскому периоду истории Белой Вежи.

Большой численный культурный перевес славяно-русского населения Белой Вежи после завоевания Святослава несомненно образовался не сразу; сначала, вероятно, это был небольшой военный гарнизон, оставленный из состава войска Святослава, а затем в крепости стало появляться и новое гражданское население. У нас нет данных для решения вопроса о порядке ее заселения — было ли оно стихийным или происходило организованно, по указанию князя. Вероятнее предполагать последнее. Русская летопись, говоря о деятельности Владимира Святославича по укреплению границ Русского государства, сообщает, что вновь сооруженные пограничные города-крепости князь заселял людьми из разных племен.[1] Должно быть, и здесь имело место то же самое. Для закрепления за Русским государством вновь присоединенных областей Святослав, надо полагать, принял меры к организованному заселению наиболее важных пунктов русскими людьми. Каким образом вербовались переселенцы, какие обязанности на них возлагались и какие права и привилегии они получали взамен — все это, к сожалению, остается неизвестным.

Культура русского населения Белой Вежи сначала ничем не отличается от так называемой роменско-боршевской культуры, характерной для всей лесостепной полосы от Днепра до Верхнего Дона в VIII—X вв.[1] Однако можно заметить, что в Белой Веже складывалось поселение не сельского, а городского типа.

Русское население в Белой Веже не только заняло всю кирпичную крепость, но заселило и ту небольшую часть мыса за северо-западной стеной крепости, которая в хазарский период, по-видимому, оставалась почти не занятой. Эта часть мыса вместе с кирпичной крепостью была отделена с напольной стороны рвом с проточной водой и, следовательно, была защищена от неожиданного нападения с суши. Население Белой Вежи заботилось о поддержании рва в хорошем состоянии. При раскопках его обнаружены следы неоднократных расчисток от ила, который наносился рекой и приводил к обмелению рва. В результате расчисток ров, правда, несколько уменьшился в ширину, так как вынутая земля складывалась на его краях, но тем не менее в течение всего русского периода жизни Белой Вежи оставался важным оборонительным рубежом.

Кирпичные стены хазарской крепости, за исключением северо-западной стены, и в русское время сохраняли свое оборони-

[1] Повесть временных лет, ч. I, стр. 83.

[1] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 7 и сл.

Рис. 37. Славянская полуземлянка № 21.

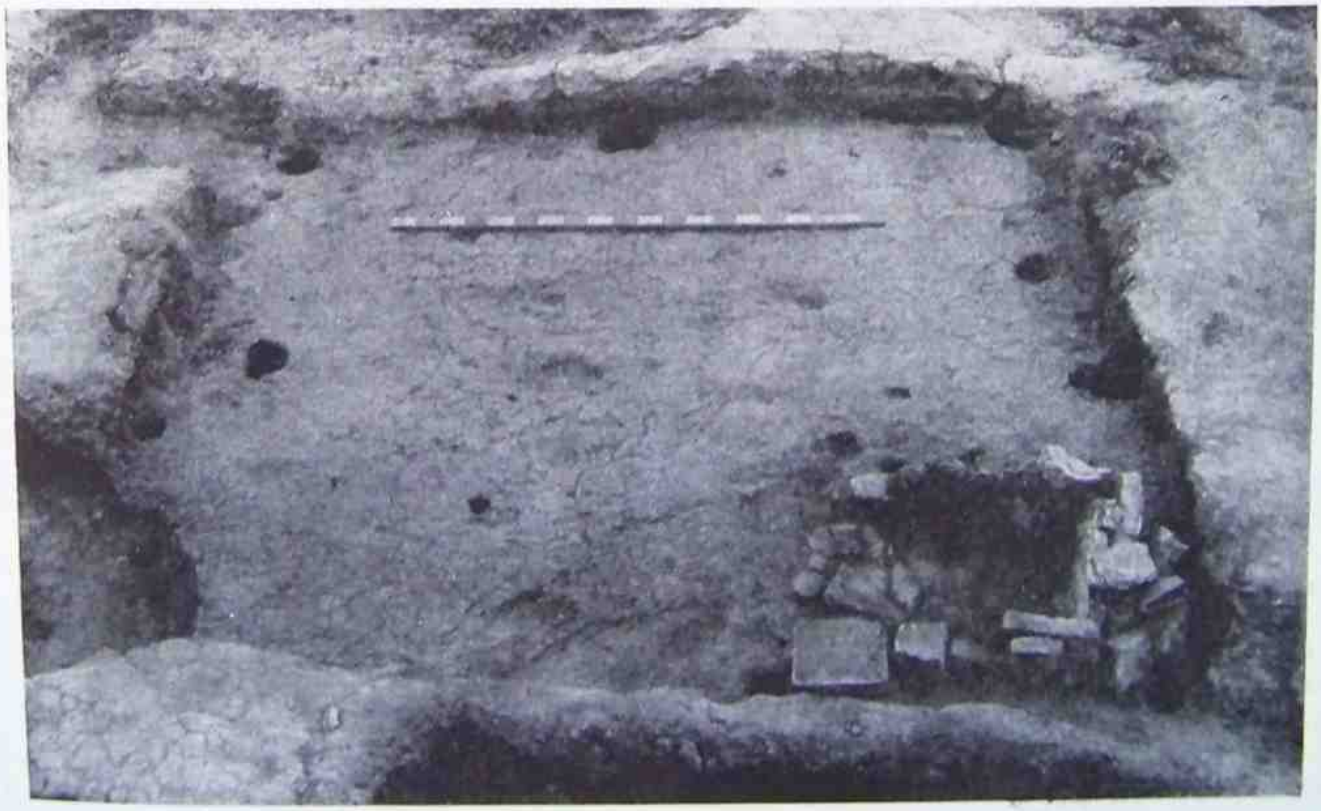


Рис. 38. Славянская полуземлянка № 15.

тельное значение. Во всяком случае русское заселение нигде, кроме указанного северо-западного направления, за них не выходило.

Что же касается северо-западной стены, расположенной со стороны наиболее доступной для вражеского нападения, то она к русскому времени была, вероятно, в какой-то своей части разрушена и, таким образом, не ограничивала расширение города в этом направлении. Несомненно, были разрушены главные ворота крепости, находившиеся в этой стене. Выше уже указывалось, что проезжая часть их была использована для устройства жилища. Ворота, выходившие к реке, оставались действующими и в русский период. Вследствие накопления внутри города мощных культурных отложений в пролет этих ворот был устроен спуск, укрепленный, по крайней мере с одной стороны, стенкой, сложенной из блоков известняка и кирпичей на глине.

Следует особенно подчеркнуть большую скученность застройки русского города. Жилища тесно заполняли всю его площадь. В результате плотности заселения, непрочности жилищ, вызывавшей частые перестройки, а также нередких пожаров, после которых город отстраивался заново, культурные отложения, состоявшие из разнообразных строительных остатков и бытовых отбросов, росли с исключительной быстротой. Культурный слой русского времени, образовавшийся в течение не больше 150 лет, достигал 1.5—1.8 м.

Исследование культурных отложений русского времени в городище Белой Вежи, в особенности остатков жилищ, представляло исключительно сложную задачу. При частых перестройках жилища, в большинстве случаев в нижней своей части углубленные в землю, врезались одно в другое. Позднейшие сооружения полностью или частично разрушали остатки более ранних жилищ. Особенно большую роль в нарушении и разрушении культурных остатков играли всевозможные ямы, имевшие нередко значительную глубину и по несколько раз устраивавшиеся на одном и том же месте. Вследствие этого более или менее сохранившиеся конструктивные части жилищ и прочих сооружений встречались далеко не часто.

Жилища русского времени по большей части были типа полуземлянок, хотя, несомненно, строились и наземные дома (рис. 37, 38). В полуземлянках пол углублялся на 0.75—1.20 м от поверхности. Он был земляной, плотно утрамбованный, хотя в нескольких жилищах встречены и дощатые полы. Стены возводились из досок, вделанных концами в столбы, или из бревен в виде сруба, изредка из обмазанного глиной плетня. В одном случае на полу жилища оказалась часть такого плетня, обугленного и упавшего при пожаре. Плетень, как и доски, укреплялся между столбами, которые вместе с тем служили опорой для перекрытия. Отпечатки досок на земляных стенках углубленной части жилищ, а иногда и истлевшие или обугливщиеся остатки их нередко обнаруживались во время раскопок. Следы столбов сохранялись в виде ям, находившихся по углам, а кроме того, часто и посредине стен жилища. Что касается срубных бревенчатых сооружений, то они были замечены в виде обугленных кусков бревен, в некоторых случаях представлявших даже рубленные в обло углы. Бревенчатые жилища, по-видимому, в большинстве своем были наземными и в ряде случаев возводились на каменном (из кусков мергеля) фундаменте. Об устройстве перекрытий можно только догадываться по нередким находкам в пожарищах остатков соломы или камыша. В двух случаях под камышевым покрытием, обмазанным глиной, оказался настил из ивовых прутьев.

Русские жилища Белой Вежи, как правило, очень небольшие, в плане квадратные (4×4 м) или прямоугольные (4×3 м). Вход в них находился возле угла; для устройства дверного проема ставился дополнительный столб. Для спуска в землянку в одном случае служила земляная ступенька, обычно же, вероятно, делалась деревянная лесенка. Печь помещалась непосредственно на полу в углу жилища, прямо против входа, но с топкой, обращенной то ко входу, то вбок от него. В наиболее ранних славянских жилищах, обычно полуземлянках, впущенных в слой хазарского времени и достигавших своим полом материка или даже углубленных в материк, печи, как это обычно у восточных славян во всех областях их расселения, складывались из камней. Вследствие того что камень близ Белой Вежи отсутствовал и его приходилось доставлять с противоположной стороны реки, да к тому же и там камень был очень плохого каче-

ства, славяне в Белой Веже вскоре после своего появления стали широко пользоваться кирпичами, взятыми из старых построек крепости. В соответствии с характером нового строительного материала печи из кирпичей стали строиться прямоугольные — квадратные или продолговатые — с кирпичным же подом.

В русском слое Белой Вежи обнаружены остатки кирпичных печей различных типов (рис. 39). Здесь находились прямоугольные печи, стенки которых сделаны из кирпичей, уложенных плашмя на глиняном растворе. Встречались печи со стенками, образованными вертикально поставленными кирпичами; они были низкие и узкие, к тому же отличались относительно большой длиной. Были большие печи, стены которых в нижней части сделаны из кирпичей, поставленных вертикально, а выше — из

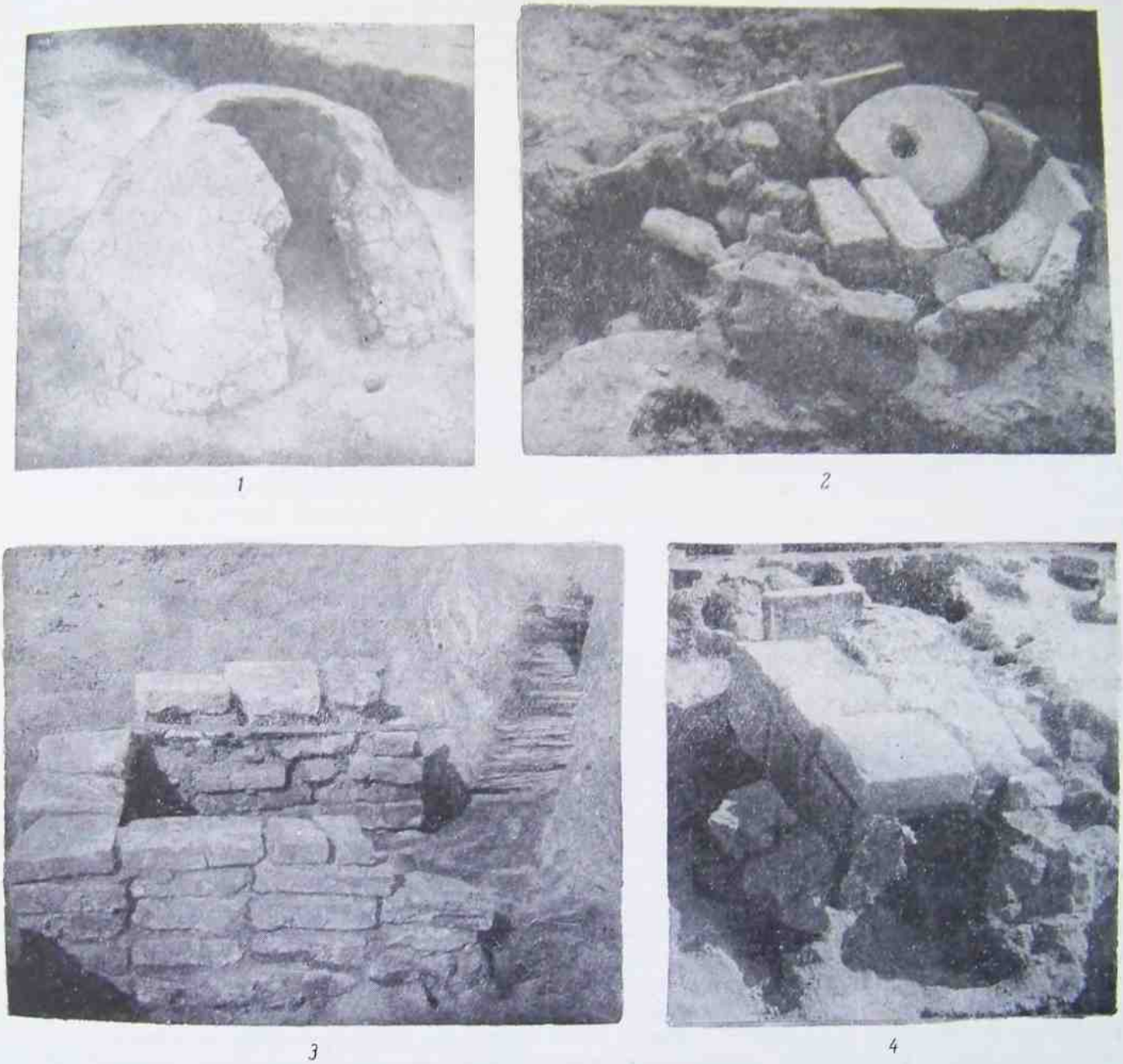


Рис. 39. Типы печей в жилищах.

1 — глинобитная; *2* — круглая; *3* — кирпичная квадратная; *4* — кирпичная прямоугольная.

кирпичей, положенных плашмя так, что верхний ряд выступал над нижним, образуя так называемый ложный, или ступенчатый, свод. Имелись квадратные печи из вертикально поставленных кирпичей со столбом или стенкой посредине, встречались, наконец, квадратные с подом из четырех кирпичей — вероятно, открытые очаги. Находились и овальные сводчатые глинобитные печи на деревянном каркасе. Весьма вероятно, что некоторые печи с кирпичными стенками завершались глинобитным сводом, но в ряде случаев они сверху перекрывались глиняной крышкой на деревянном каркасе; посредине крышки было круглое отверстие. Над некоторыми печами устраивался из глины род большой сковородки с низкими бортиками, предназначавшейся, вероятно, для подсушивания зерна или для других подобных надобностей. У некоторых печей внутри устраивалось нечто вроде загнетка — отделения для сгребания углей. Как правило, печи топились по-черному, дым из них выходил в устье или в отверстие в крышке; лишь у длинных узких печей устраивалось сзади нечто вроде дымохода. Снаружи печи тщательно обмазывались глиной.

Разнообразие жилищ и типов печей в Белой Веже, по всей видимости, отражает сложный этнический состав населения города. В него входили представители не только разных восточнославянских племен, но и не славяне. Некоторые из типов печей явно продолжают традицию характерных открытых очагов — сандалов, распространенных в цитадели в хазарское время, но встречавшихся и позже, в слоях русского периода. Это в первую очередь квадратные, но иногда и круглые печи со столбом посредине и глиняной крышкой. К таким печам примыкает оригинальное сооружение в виде круга из наклонно поставленных кирпичей со столбом посредине. Сверху оно было перекрыто глиняными лепешками, которые лежали одним краем на стенке, а другим на центральном столбе. Часть лепешек была украшена орнаментом того же рода, что и лепная кочевническая керамика. Назначение этого сооружения остается неизвестным. Это могла быть печь, но возможно, оно предназначалось и для каких-то других целей (рис. 39, 2).

Старые кирпичи из разрушенных построек хазарского времени широко применялись в строительстве Белой Вежи. Они шли не только для устройства печей, но и на облицовки кладовых и зерновых ям, которые в большом числе устраивались возле жилищ. Кирпичами вымащивалось дно таких ям, из кирпичей же на глине возводились облицовочные стенки. Ямы обычно имели цилиндрическую форму, но встречаются и прямоугольные. Верхнее отверстие в ямах закрывалось деревянной или глинобитной крышкой на деревянном каркасе (рис. 40).

О легких наземных хозяйственных сооружениях судить очень трудно вследствие указанной выше сильной нарушенности культурных слоев городища. Встречавшиеся иногда остатки плетней могли быть и заборами, ограждавшими дворики возле жилищ, и стенками сараев и хлевов.

Несмотря на большую раскопанную площадь городища, нет возможности судить о планировке русского города в целом. Ясно лишь, что расположение жилищ и дворов в это время уже не определялось планом хазарской крепости, остатками ее кирпичных сооружений. Русские жилища нередко встраивались в сооружения хазарского времени. В других случаях, наоборот, при устройстве русских жилищ остатки хазарских зданий полностью или частично разбирались. Так, нередко встречались хазарские стены, частично разобранные при устройстве углубления для русской постройки; иногда хазарская стена оказывалась пробитой сверху при устройстве зерновой или кладовой ямы русского времени. Все это вызывалось чрезвычайной теснотой заселения русского города, который надо себе представлять в виде рядов низеньких мазанок с соломенными или тростниковыми крышами, отделенных одна от другой небольшими двориками с оградами в виде плетней и с маленькими же, легкими надворными помещениями и навесами. В южной части города на территории двора Г-образного здания обнаружен колодец русского времени. Стены его облицованы деревянным дубовым срубом.

Несомненно, что население Белой Вежи составилось не из одних славян. В него вошли и остатки прежнего населения Саркела. Правда, ни характерных салтовских жилищ, ни салтовской посуды в русском слое Белой Вежи XI в. не встречается, за исключением черепков, попавших с вы-

рытой землей из ниже лежавших отложений. Вероятно, носители этой культуры были быстро ассимилированы славянами и полностью растворились среди них. Особенно убедительно об этом свидетельствует антропологический материал из могильника Белой Вежи, где короткоголовый зливкинский тип с монголоидными элементами зазарского гарнизона, хотя эта техника строительства характерна для салтовской культуры. О том, что она была принята и тюрками-кочевниками, может свидетельствовать лишь нахождение в остатках таких жилищ типичной именно для последних лепной керамики с богатой орнаментацией, которую они продолжали изготовлять и

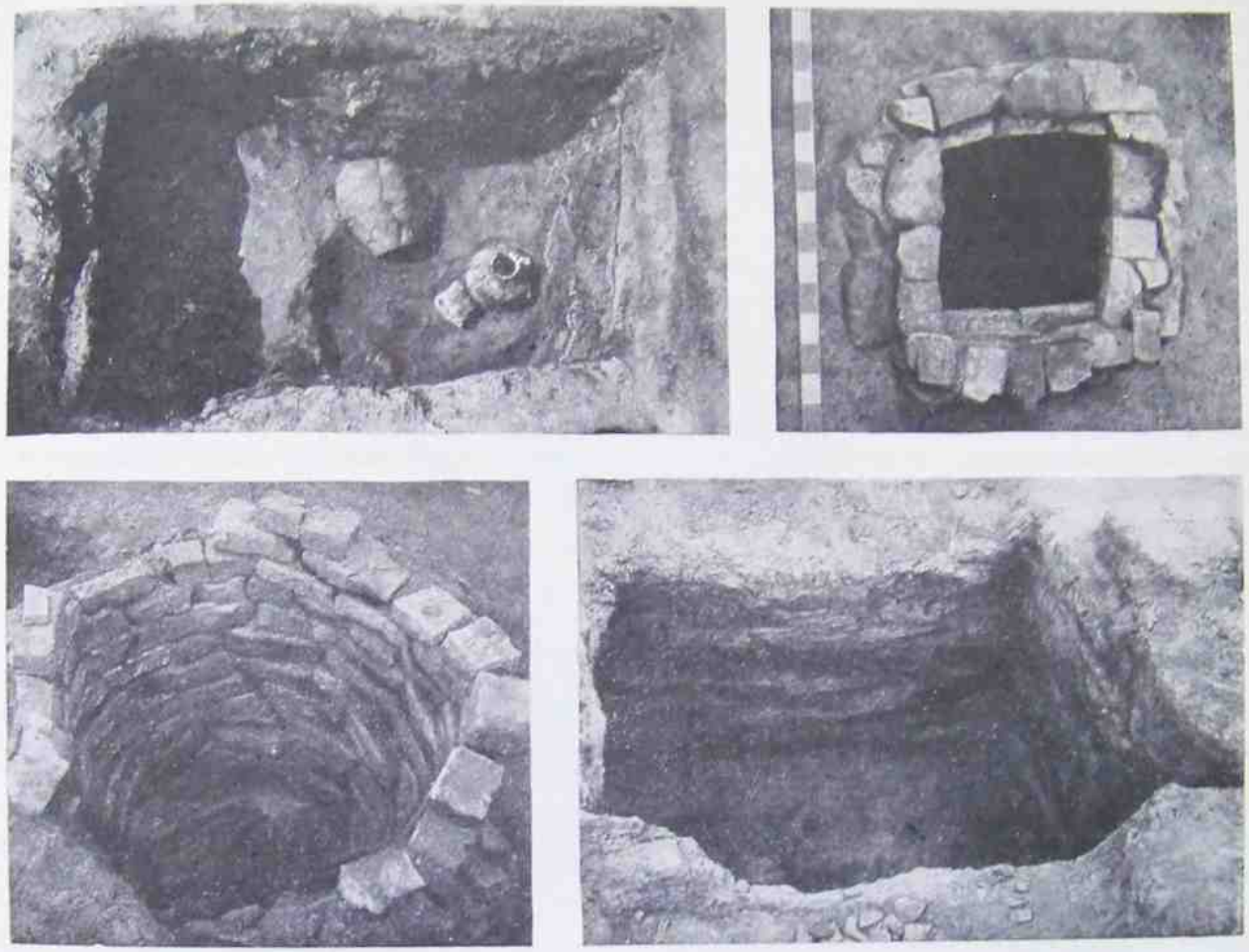


Рис. 40. Погреба и хозяйственные ямы.

нимает весьма значительное место.[1] Гораздо более устойчивым оказался тюркский кочевнический элемент. Выше уже указывалось, что наличие некоторых типов печей в русском слое Белой Вежи следует относить за его счет. Вероятно, и встречавшиеся в этом слое остатки наземных сооружений из двух плетней, пространство между которыми забито глиной, принадлежали потомкам хав русское время. О сохранении этого этнического элемента в русском городе свидетельствует также могильник Белой Вежи, где наряду с обычными для населения города погребениями встречаются могилы, устроенные по кочевническому обряду.

Вследствие того что ранние славянские жилища с печами-каменками впущены в культурный слой хазарского времени и даже иногда врезаны своим основанием в материк, в заполнении их характерная славянская лепная роменско-боршевская кера-

[1] В. В. Гинзбург. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата, стр. 317 и сл.

мика смешивается с салтовской или даже с керамикой кочевнического типа. В результате создается впечатление, что раннее славянское население Белой Вежи относится не ко второй половине X в., ко времени после взятия крепости Святославом, а к значительно более ранней поре, к хазарскому периоду. К тому же при археологическом изучении зоны затопления Цимлянского водохранилища И. И. Ляпушкин обнаружил и исследовал на берегу р. Чир, у сел. Ближние Мельницы, типичное славянское поселение роменско-боршевского типа, датированное найденной в нем амфорой временем не позже IX в.[1] Оказывается, что славяне проникли на Нижний Дон в IX в., когда салтовская культура еще процветала и эта область была занята ее поселениями. Ранее были известны остатки роменско-боршевской культуры на поселениях салтовского типа и, наоборот, салтовские вещи обнаруживались в славянских поселениях. Это легко объяснялось близким соседством салтовских и роменско-боршевских поселений, во-первых, и занятием некоторых салтовских поселений после прекращения существования салтовской культуры славянами — во-вторых. Теперь установлено, что славяне проникали в салтовскую среду, основывали в глубине салтовской территории свои поселения, т. е. что между славянами и салтовцами существовали мирные, дружественные отношения.

Если славяне еще в IX в. проникли на р. Чир, то они с одинаковым успехом могли тогда же добраться и до Саркела. Следовательно, в наличии славянского, роменско-боршевского населения в хазарском Саркеле нет ничего невозможного. Окончательное решение вопроса может быть получено только в результате тщательного учета всех относящихся сюда данных, добытых раскопками Саркела. Не отрицая категорически возможности пребывания славян в хазарском Саркеле, нельзя, однако, указать ни одного бесспорного факта, доказывающего появление их здесь в столь раннее время. В материке Саркела имелось множество ям, заполненных бытовым мусором, хотя большинство их первоначально предназначалось для хранения зерна. В наиболее глубоких из них, вырытых с материка или с поверхности, не намного возвышавшейся над материком, совершенно не находилось типичной роменско-боршевской керамики; здесь обычно попадалась только керамика салтовского типа. Смешанное славяно-салтовское заполнение в ямах характерно для тех из них, которые были вырыты с горизонта, относящегося ко времени после взятия Саркела Святославом. Заполнение же славянских землянок, в составе которого находится и даже иногда преобладает салтовская керамика, вовсе не приходится принимать в расчет, так как они вырыты в слое хазарского времени, который, естественно, их и заполняет.

Русское население явилось в Белую Вежу с культурой роменско-боршевского типа, одним из характерных признаков которой является грубая, сделанная от руки керамика; руководящими формами ее выступают горшки с хорошо выраженными плечиками, высокие миски и низкие сковородки. Эта керамика, изготовлявшаяся домашним способом каждой хозяйкой для себя, иногда украшена крупнозубчатым орнаментом, состоящим из косых линий, зигзагов или косых крестов, опоясывающих сосуд по верхней его части. Этот орнамент наносился палочкой, обмотанной веревочкой разной толщины (рис. 41).

Роменско-боршевская керамика в большом количестве находилась в Белой Веже, она вытеснила из употребления салтовскую посуду, хотя по качеству последняя ее несомненно превосходила. Только позже, около середины XI в., у беловежцев получает распространение посуда, сделанная на гончарном круге (рис. 42). Однако эта сделанная на гончарном круге, ремесленного производства керамика до самого конца существования Белой Вежи не заменила полностью керамики лепной, хотя последняя и утратила признаки роменско-боршевского типа и в известной мере воспроизводила формы, свойственные сосудам, сделанным на круге.

Примечательно, что славяне, живя бок о бок с носителями салтовской культуры, получая от них образцы характерной для этой культуры сделанной на гончарном круге керамики, тем не менее длительное время сохраняли старую примитивную технику изготовления посуды налепом. На первый взгляд это кажется совершенно невероят-

[1] См. статью И. И. Ляпушкина «Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница» в настоящем томе (стр. 337).

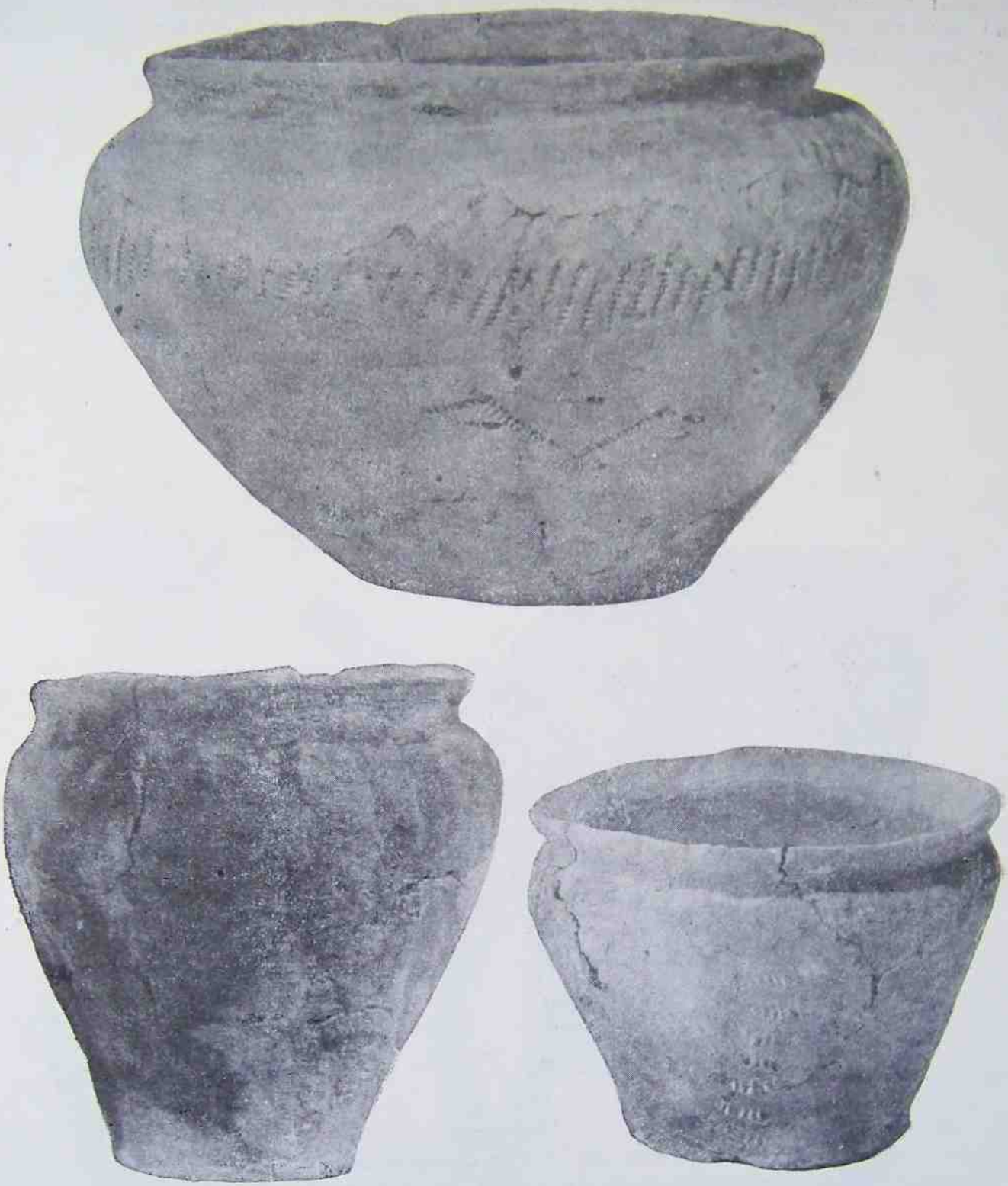


Рис. 41. Керамика роменско-боршевского типа.

ным, но это бесспорный факт, начисто к тому же опровергающий домыслы об якобы славянском происхождении распространенной на юго-востоке нашей страны в хазарское время гончарной керамики с волнисто-линейным орнаментом. В действительности здесь этого рода керамика появилась совершенно независимо от славян и, что самое главное, раньше, чем у них.

Бытование в одном случае сделанной на круге, а в другом лепной керамики объясняется прежде всего различными традициями салтовской и славянской культур. Своими корнями салтовская культура уходит в общество, тесно связанное с позднеантичным (римским) миром, характеризуемое развитым разделением труда и известной товарностью производства. Такое общество существовало в догуннское время в Причерноморье и охватывало в числе прочих сармато-аланские племена, физическими и культурными наследниками которых в из-

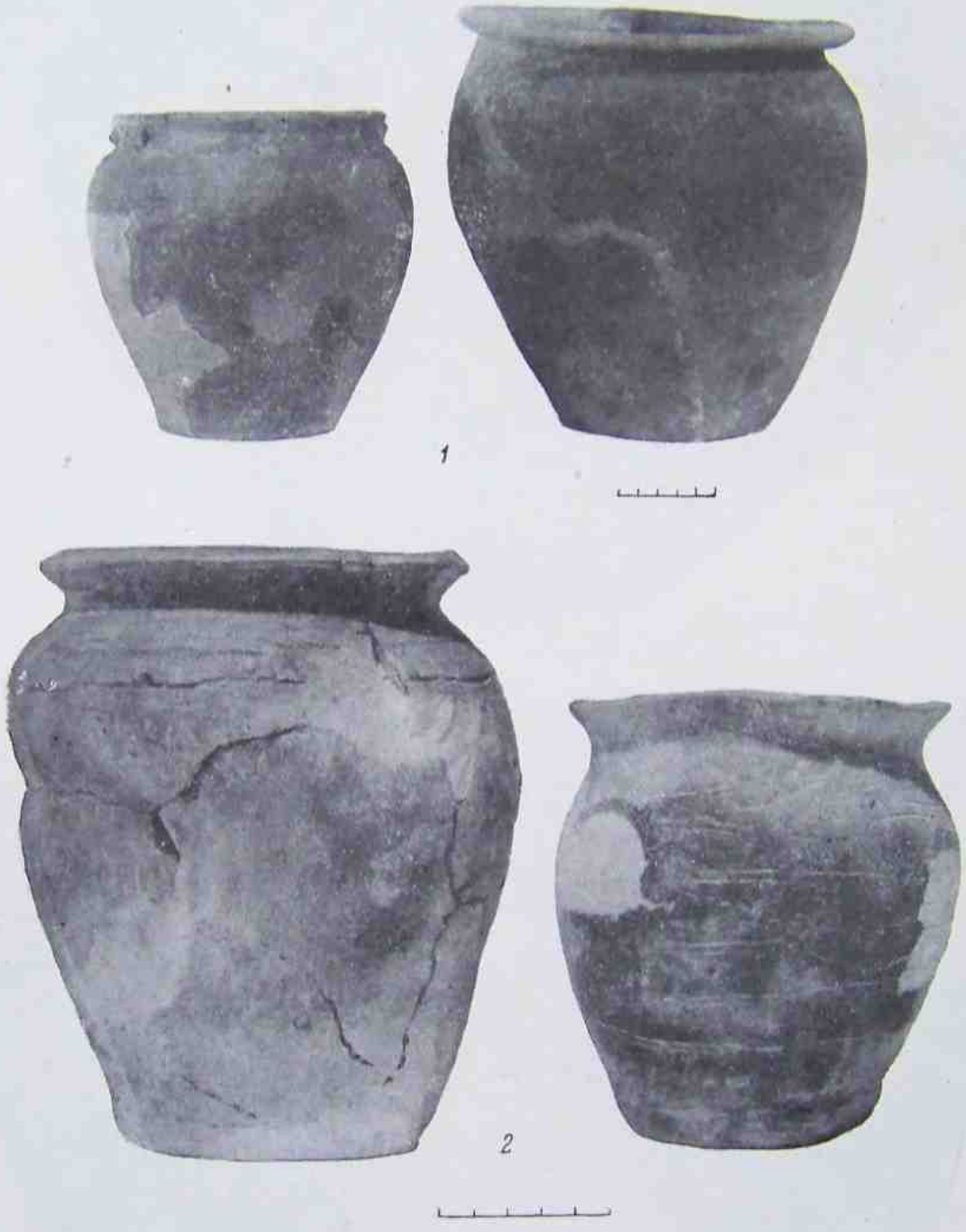


Рис. 42. Русская керамика.

1 — горшки, изготовленные на круге; *2* — горшки, правленные на круге.

Рис. 43. Женские украшения из стекла и камня.

вестной мере и были носители салтовской культуры. Ничего подобного в прошлом славян не было. До своего выхода на историческую арену они жили в лесах и сохраняли натуральный строй своего хозяйства, при котором общественное разделение труда было слабо развито. Поэтому у них лишь с течением времени возникла потребность в учреждении специального гончарного ремесла, причем производство было налажено по тем же образцам, которыми значительно раньше руководствовались племена, чьи традиции сохранялись в салтовской культуре. Этим и объясняется близкое сходство сделанной на круге славянской керамики с салтовской в той ее части, которая тождественна по бытовому назначению (горшки).

В материалах Белой Вежи преобладают вещи, характерные для русской культуры XI в. на всей территории ее распространения. Здесь находятся типичные для древнерусских городов стеклянные браслеты (рис. 43), специфически русские шиферные пряслица, многочисленные хрустальные и бипирамидальные сердоликовые бусы, встречаются позолоченные и посеребренные бочонкообразные бусины, проволочные височные кольца, ажурные подвески, лунницы, нательные бронзовые и каменные крестики, бубенчики, лирообразные пряжки, костяные двусторонние гребни и расчески в футлярах, орнаментированные кружочками костяные рукоятки, характерные русские топоры-секиры и многие другие предметы, обычные в русских комплексах. Наряду с лепной со временем появляется посуда, сделанная на гончарном круге в формах, характерных для Киевской Руси. Кроме простых горшков с волнисто-линейным орнаментом, имеются горшки с ручкой, довольно много глиняных светильников киевского типа, значительное распространение получает посуда с поливой. Имеются вещи, прямо указывающие на связи с Киевщиной, немало вещей, свидетельствующих о постоянных сношениях Белой Вежи с Тмутороканью. При всем том в Белой Веже сделаны многочисленные находки, говорящие о тесных связях с окружавшим ее и проникавшим в нее кочевым миром. Это был город в степи, форпост русской культуры на далекой юго-восточной окраине Русского государства.

11. ХОЗЯЙСТВО БЕЛОВЕЖЦЕВ

Как и во всех средневековых городах, сельское хозяйство населения Белой Вежи было необходимым условием развития всех других, уже собственно городских видов хозяйственной деятельности. По большому количеству зерновых ям и обилию в находках земледельческого инвентаря можно судить о значении, которое имело для беловежцев земледелие. Железные части плугов, косы, серпы, жернова являются обычными находками в остатках Белой Вежи. В большом количестве находятся здесь и зерна культурных растений; в одном случае сохранился даже кусок обугленной лепешки, испеченной из муки крупного помола. Замечательно, что состав культурных растений, возделывавшихся беловежцами, отличается от состава, характерного для предшествующего периода. Корни и традиции русского земледелия были совершенно иные, чем у населения Подонья в хазарское время. Русское население Белой Вежи принесло с собой привычные для него и новые для нижнего Подонья земледельческие растения: мягкую пшеницу, шестирядный ячмень, рожь, лен и масличное растение — кользу. Общими с предшествующим периодом остаются просо и конопля. В заполнении русского колодца в Белой Веже сохранилось деревянное трепало для обработки волокна конопли или льна (рис. 44).

До специального исследования по костным остаткам пород домашних животных ничего нельзя сказать относительно изменений в характере скотоводческого производства. Можно лишь отметить некоторые перемены в количественном соотношении различных видов домашнего скота. Так, в составе находок уменьшается число костей лошади, что может зависеть от сокращения употребления этого животного в пищу. Почти совершенно исчезают кости верблюда, как животного, несвойственного русскому скотоводству. Зато появляются кости домашней птицы — мелкой курицы и гуся, которых вовсе не было в Саркеле. Вместе с русскими появляется и домашняя кошка. По-прежнему было много собак.

Охота и рыболовство и в русское время продолжали служить важным подспорьем к сельскохозяйственному производству. По-прежнему охотились на оленя, сайгу, бобра, выдру и других лесных и степных животных. Не истощалась и рыба в реке. Для ловли ее употреблялись и сети с каменными грузилами, и разнообразные крючки, в том числе с блесной.

Рис. 44. Деревянное трепало.

На основе указанных видов хозяйственной деятельности значительное развитие в Белой Веже получили разнообразные ремесла. Следы обработки металлов в виде шлаков, окалин и различных обрезков встречались в культурном слое Белой Вежи в большом количестве. Особый интерес, однако, представляют открытые там целые мастерские, в первую очередь кузнечные. В одной из них, сохранившейся лучше других, удалось проследить плетневые стены помещения кузницы, а внутри ее остатки горна с поддувалом в виде канала в глиняной обмазке. Тут же обнаружено обугленное деревянное корыто, в котором кузнец охлаждал свои поковки. В углу кузницы находилась груда криц — лепешек выплавленного сыродутным способом железа, заготовленного для переработки. Найдены и некоторые кузнечные инструменты, в том числе большие клещи.

Нет никакого сомнения, что в кузницах, подобных описанной, изготовлялись всевозможные железные вещи как хозяйственного, так и бытового назначения: железные части земледельческих орудий, косы, серпы, топоры, ножи, ножницы, разнообразные замки и т. п., оружие в виде наконечников копий и стрел, сабель и т. д., а также предметы конского снаряжения: удила, стремена, пряжки, кольца и др. Очень многие из кузнечных изделий, найденных в Белой Веже, стальные или с наваренным стальным лезвием, многие сделаны с применением пайки медью или оловом, некоторые искусно украшены медной и серебряной насечкой (рис. 45, 46).[1] Все

[1] Во II томе «Трудов Волго-Донской экспедиции» будет помещена специальная статья С. С. Сорокина о железных изделиях Саркела—Белой Вежи.

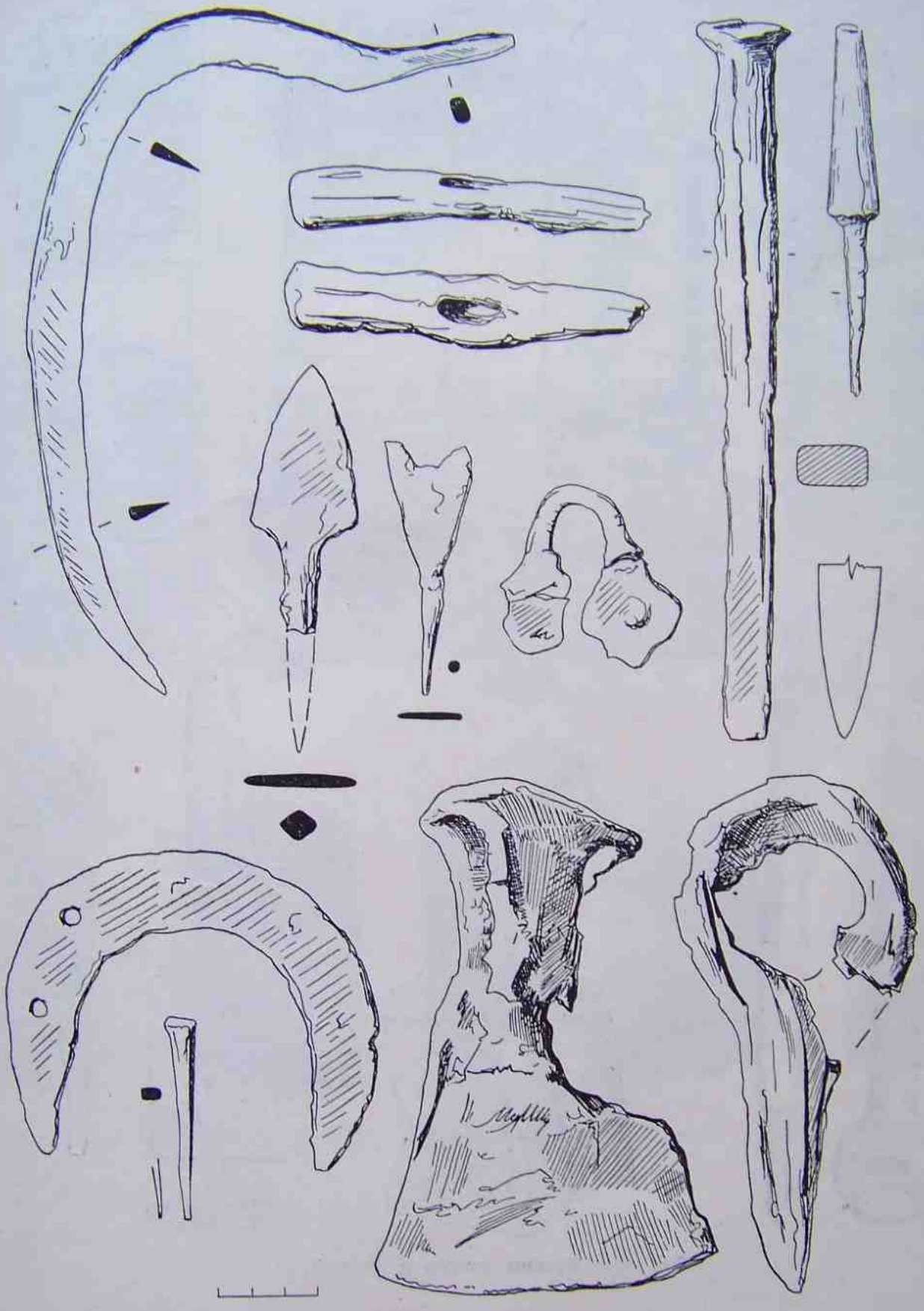


Рис. 45. Железные предметы из русского слоя.

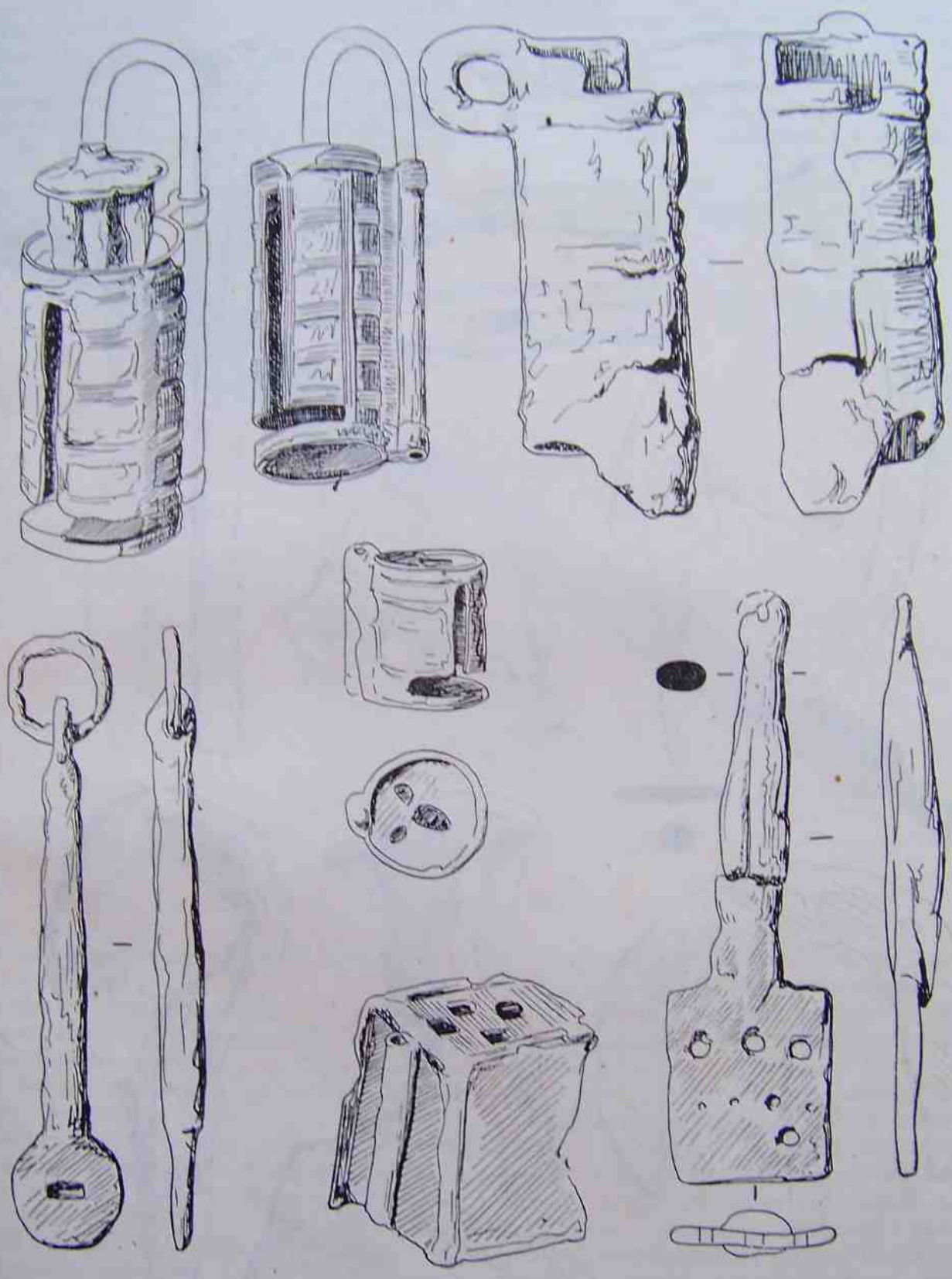


Рис. 46. Образцы замков и ключей.

Рис. 47. Литейные формочки и тигли.

эти изделия, как и продукция других ремесленных производств, вероятно, предназначались не только для населения самой Белой Вежи, но и для торговли с кочевниками окрестных степей. Особенно большую роль в производстве для торговли с последними могло играть бронзо-литейное и ювелирное ремесло. Остатки литейного производства в виде формочек для отливки разнообразных украшений, а также тигельков разной величины для плавления металла встречались в большом количестве (рис. 47). Найдены разнообразные ювелирные инструменты, как-то: маленький свинцовый молоточек, стальные пробойники и зубила, пилки, тонкие напильники, дрели и коловороты. Много также находится обрезков медных и бронзовых пластинок, полосок, проволоки и тому подобных материалов для изготовления разнообразных вещей, таких, например, как металлические сосуды, браслеты, кольца, оковки для деревянных и костяных предметов и т. п. Вероятно, к местному производству относится и большинство простейших украшений из золота и серебра, таких как височные кольца, браслеты, подвески и др., находимых и на городище, и при погребениях в могильнике (рис. 48).

Неизвестно, откуда доставлялось в Белую Вежу сырье для металлургического производства, но зато относительно красного шифера и янтаря, которые также перерабатывались в Белой Веже, можно быть уверенным в их поднепровском происхождении. Характерные для всей Киевской Руси шиферные пряслица в изобилии находились и в Белой Веже, причем здесь, кроме того, найдены куски такого же шифера, из какого они делались. Судя по этому, пряслица, а также вырезанные из шифера литейные формы могли изготовляться в самой Белой Веже. Что касается янтаря, довольно плохого качества, не балтийского происхождения, то в Белой Веже обнаружены не только многочисленные изделия из этого материала в виде бус, подвесок, крестиков и т. п., но и мастерская, где они производились. На месте мастерской собрано огромное количество обрезков янтаря, а также заготовок и производственного брака из этого материала.

Не вызывает сомнения существование в Белой Веже стекольного производства. Оно засвидетельствовано не только многочисленными находками своеобразных стеклянных браслетов, распространенных в городе, но и стекольными шлаками, кусками ошлакованных стенок от корытообразных вместилищ для плавления стекольной массы и, наконец, сгустками стекла, взятыми для пробы. Из стекла изготовлялись разнообразные, различной расцветки браслеты, кольца и, вероятно, пастовые бусы.

Широкое применение для различных поделок имели рога и кости разных животных. Особенно много встречалось рогов оленя и сайги, которые, очевидно, специально заготовлялись резчиками. По имеющимся находкам можно проследить различные стадии обработки рогов, например приготовление из них четырехгранных брусков, из которых затем нарезались кубики игральных «костей», или пластин разнообразного вида и назначения. Особенно много изготовлялось гребней, как двусторонних, так и односторонних. Последние обычно складные, с футляром, разукрашенным геометрическим орнаментом. Много различных рукояток, накладок и тому подобных изделий из кости, нередко украшенных гравированным орнаментом (рис. 49), а в изделиях кочевников даже скульптурными изображениями головок животных.

Нет возможности останавливаться на всех видах ремесленной деятельности русского населения Белой Вежи. Следует лишь отметить, что здесь производилась обработка и дерева, и камня, и кожи и, вероятно, изготовлялись не только ткани из льна и шерсти, но и различные вещи из них. Образцы продукции из всех этих материалов найдены при раскопках. Из них можно отметить обугленные фрагменты точеных и резных деревянных изделий, донышки от ведерок и туесков, остатки плетеных корзинок, ротационные жернова, круглые точила с четырехугольным отверстием для насаживания на ось, многочисленные и разнообразные оселки, фрагменты ремней и подошвы от обуви, куски холщевых и шерстяных тканей.

Как уже отмечалось, русское население явилось в Белую Вежу с навыками изготовления посуды налепом от руки. Гончарного круга оно еще не применяло. Однако вскоре появляется русская керамика, сделанная на гончарном круге. О существовании гончарных мастерских свидетельствуют найденные в русском слое Белой Вежи остатки нескольких гончарных печей.

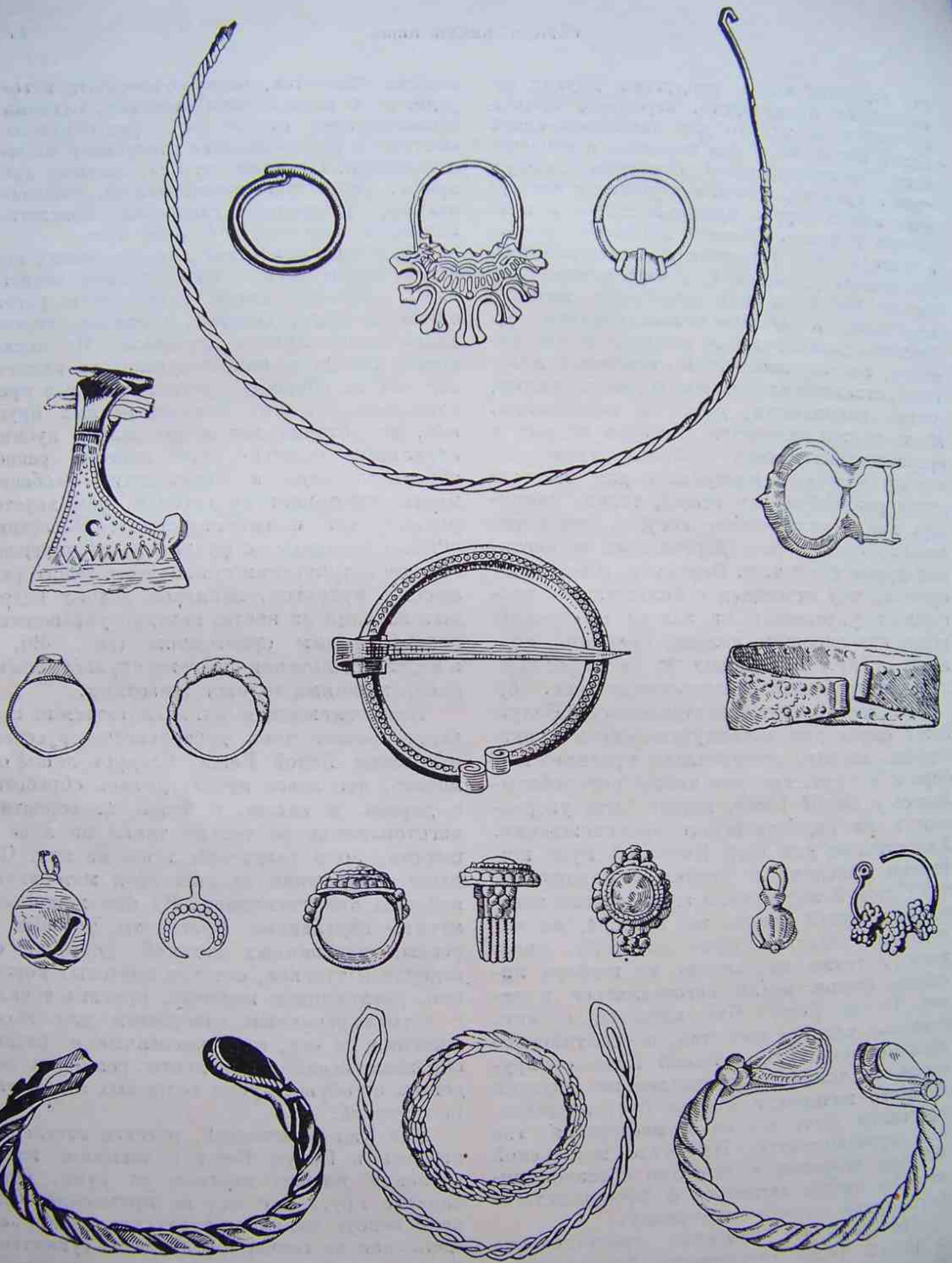


Рис. 48. Серебряные и бронзовые украшения.

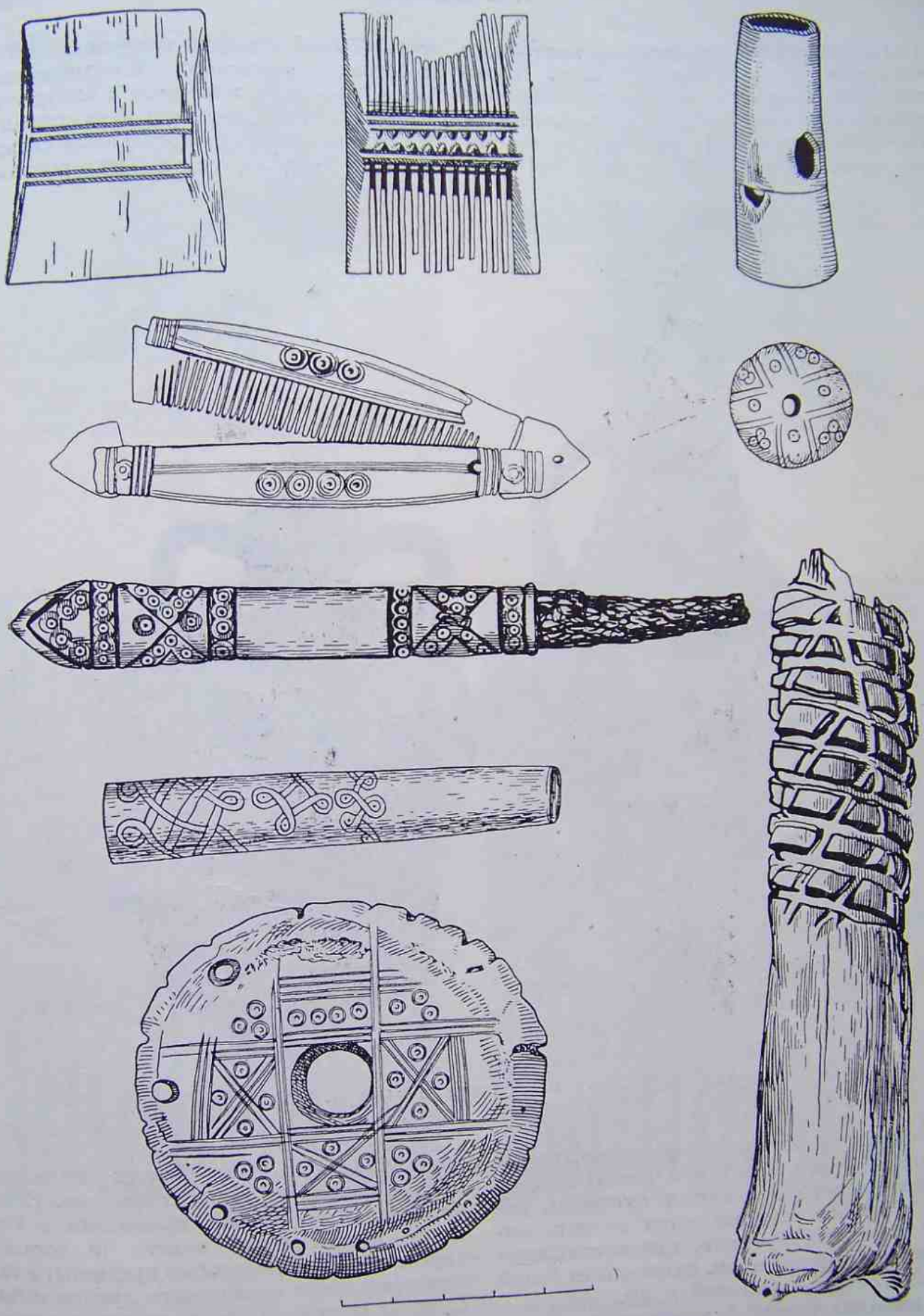


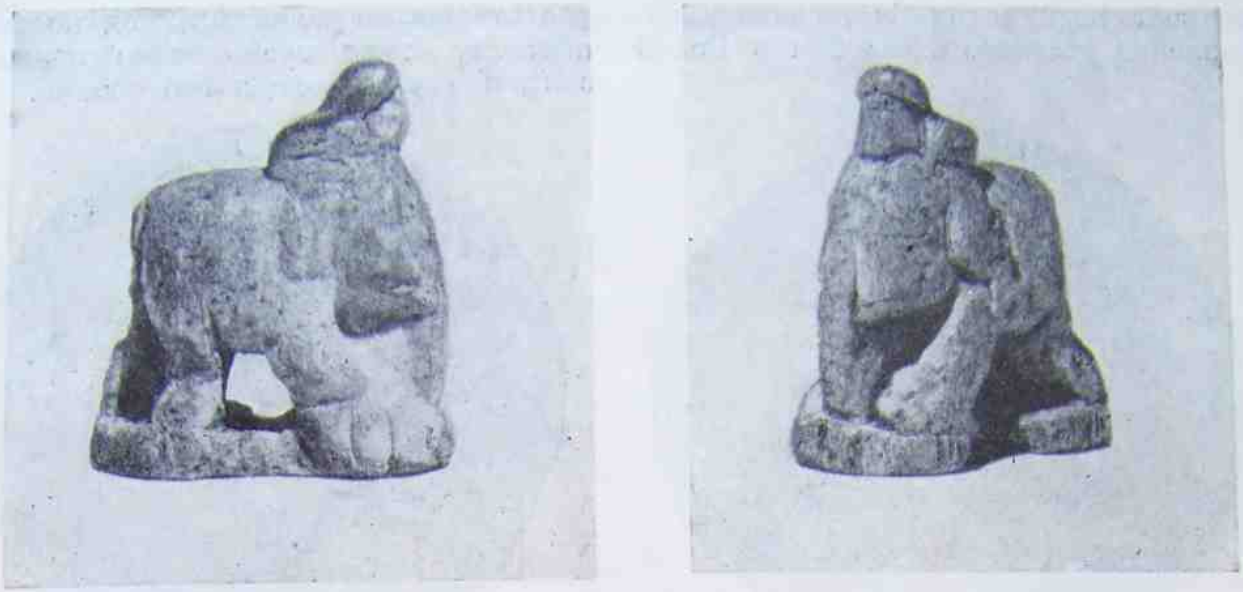
Рис. 49. Костяные предметы из русского слоя.

Наряду с посудой местного ремесленного производства в довольно большом количестве находились привозные керамические изделия, преимущественно крымского или таманского происхождения. Это узкие высокие кувшины с горлом в виде раструба

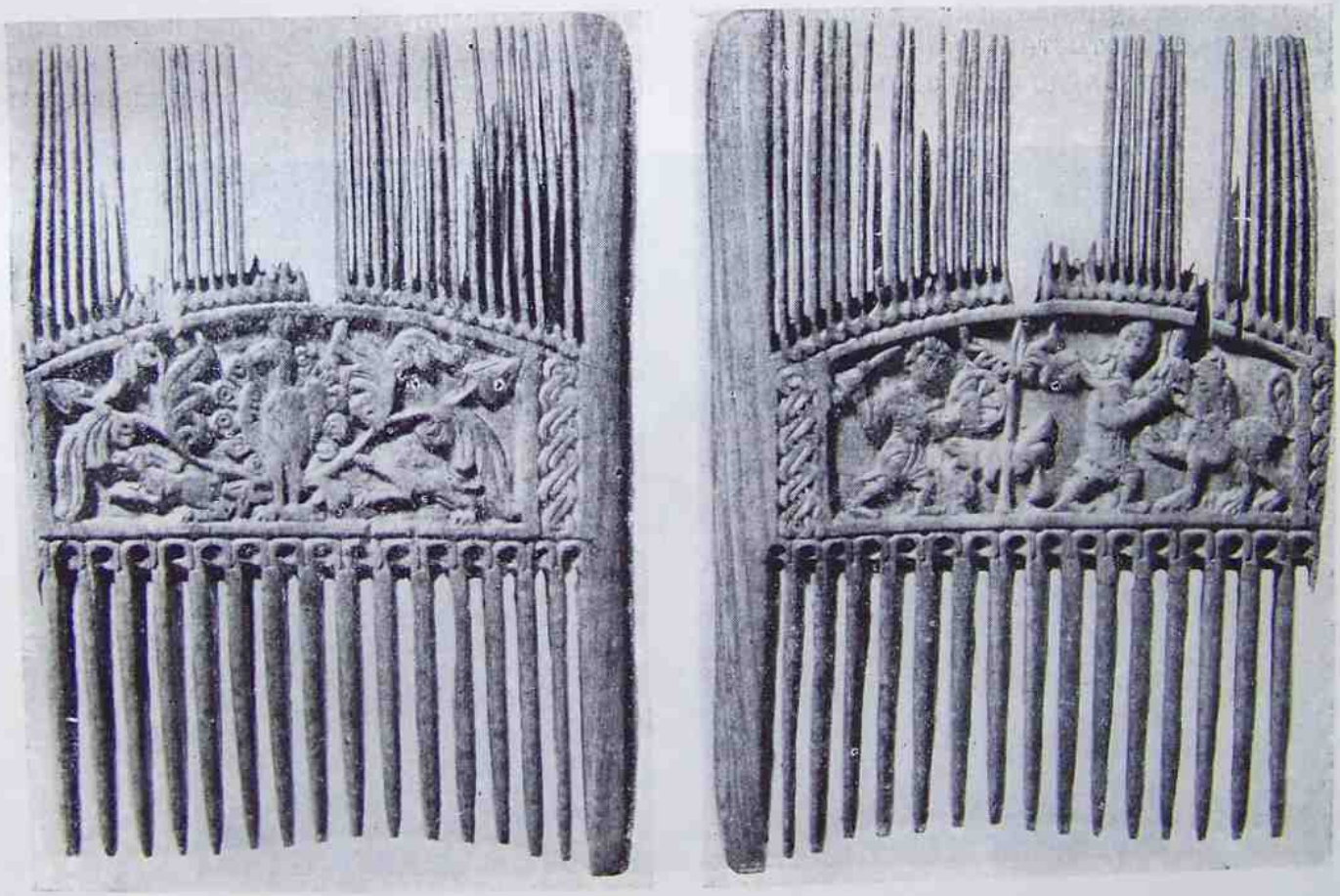
Рис. 50. Кувшин и амфора.

и с плоскими лентовидными ручками, встречавшиеся здесь и в хазарское время, горшки из глины, такого же, как и кувшины, качества и той же техники изготовления, амфоры с высокими ручками, красноглиняные кувшинчики с орнаментом, нанесенным белой краской, сосуды с поливой и др.

Из внешних связей беловежцев наиболее тесными были, конечно, связи с Киевом. Об этом свидетельствует весь облик культуры Белой Вежи и наличие в ней вещей собственно киевского происхождения (монеты, кресты, в том числе с изображениями Бориса и Глеба, ювелирные изделия и т. п.). Другое направление постоянных связей вело вниз по Дону в русскую Тмуторокань, с которой Белая Вежа, вероятно, была соединена и в политическом отношении. Едва ли не через Тмуторокань проникали в Белую Вежу византийские монеты (в частности, херсонесские) и некоторые предметы, а также немногие вещи кавказского происхождения. Путь на Волгу и далее на восток, в Среднюю Азию и Иран, прослеживается очень слабо. По всей вероятности, в XI в. он уже не представлял для Руси того значения, которое



1



2

Рис. 51. Предметы из слоновой кости.

1 — шахматная фигурка слона; *2* — гребень.

вызвало восточный поход Святослава и самое появление русского населения в Белой Веже.

Рис. 52. Костяной кружок со знаком Святослава.

Из отдельных уникальных находок в Белой Веже следует отметить, во-первых, замечательный, высокохудожественный гребень

растительными побегами, под которыми по нижнему краю очень живо представлены заяц и преследующая его собака. На другой стороне по бокам стилизованного дерева изображены человек, борющийся со львом, и воин с мечом и щитом, спешащий к нему

Рис. 53. Фрагмент скульптурного изображения музыканта.

из слоновой кости, украшенный рельефными изображениями (рис. 51, 2). На одной стороне его изображен павлин с расходящимися от него в стороны стилизованными

на помощь. Прекрасная работа и стилистические признаки изображений не оставляют сомнений в византийском, хотя, вероятно, и не константинопольском, происхождении

гребня, который можно датировать X в. Другим привозным предметом, скорее всего

слона с сидящим на нем погонщиком (рис. 51, 1).

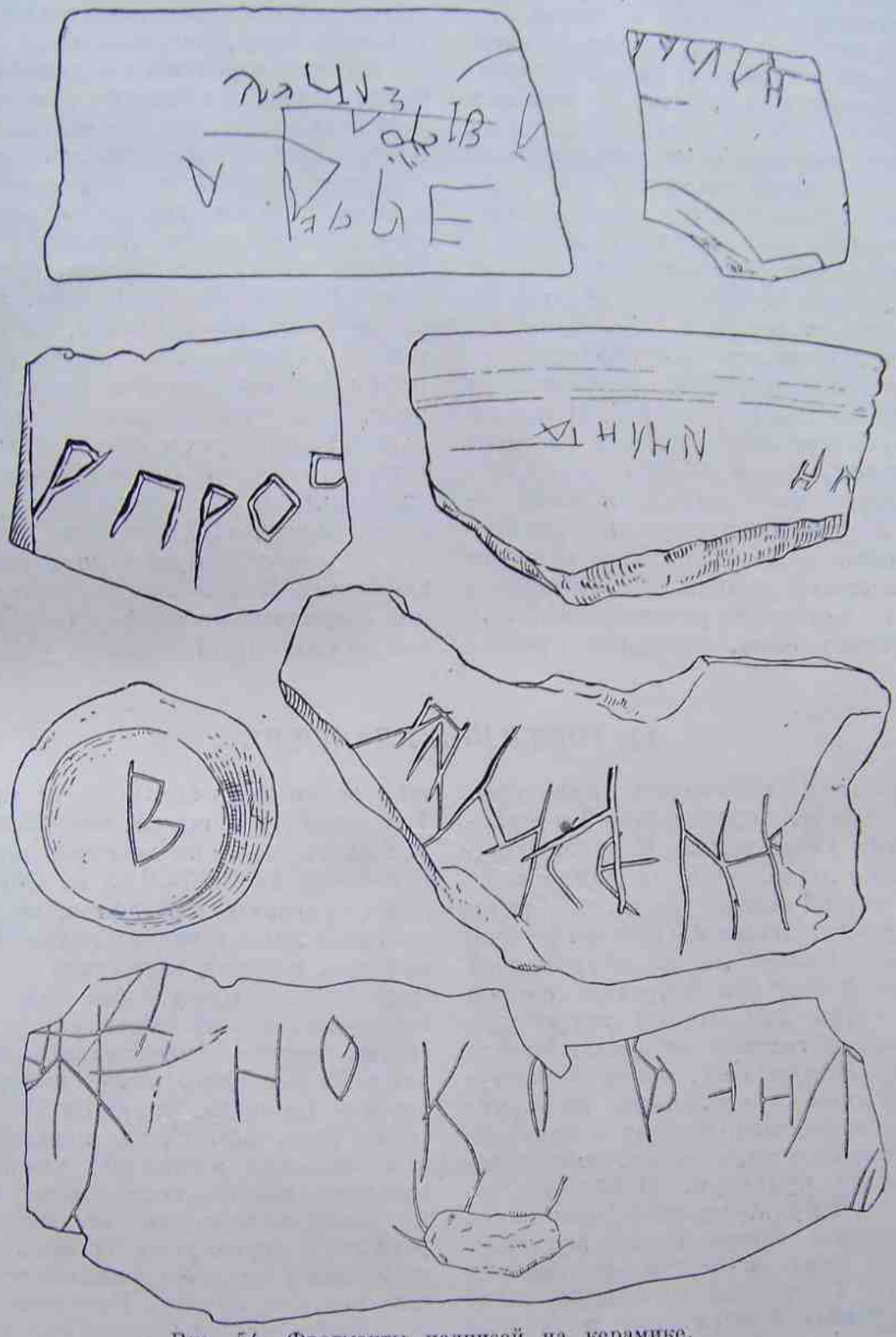


Рис. 54. Фрагменты надписей на керамике.

североиндийского или иранского происхождения, заслуживающим специального внимания, является вырезанная из слоновой кости шахматная фигурка, представляющая

Из русских вещей большой интерес вызывает выточенный из кости яйцевидный предмет с пропущенным вдоль него железным стержнем, с одного конца снабженным коль-

цом, а с другого заканчивающимся заклепкой. Это кистень, подвешивавшийся на ремень и являвшийся грозным оружием. Такие кистени, как костяные, иногда со свинцовой заливкой в середине, так и металлические (бронзовые и железные), в большом числе найдены в Белой Веже. Возможно, что те из них, которые отличаются небольшой величиной, могли употребляться в качестве боласов. Описанный кистень замечателен наличием на его поверхности пяти врезанных по кости знаков собственности (тамг) типа, характерного для великокняжеских знаков этого рода. По-видимому, этот предмет последовательно принадлежал пяти владельцам, которые и обозначали на нем его принадлежность (рис. 55). В том же отношении замечателен костяной кружок 10 см диаметром, украшенный с одной стороны геометрическим орнаментом типа розетки, а с другой вписанным в орнаментальный ободок знаком, близко сходным с так называемыми знаками Рюриковичей и притом с наиболее ранними из них (рис. 52). Может быть, костяной кружок с этим знаком был своего рода удостоверением, которым снабжались княжеские люди для доказательства предоставленных им полномочий, или даже печатью.

Интересен фрагмент керамической скульптуры, представляющий музыкальный инструмент вроде гуслей и человеческую руку, к сожалению, недостаточный для суждения о сюжете изображения в целом (рис. 53).

Заслуживает внимания обилие на вещах, особенно на глиняных сосудах из Белой Вежи, разнообразных знаков, а также букв и даже надписей (рис. 54). Так, на одной костяной рукоятке, вероятно от нагайки, вырезана монограмма из трех переплетенных между собой букв. На черепках одного сосуда оказалась шестистрочная надпись, на другом сосуде надпись вписана в геометрическую фигуру и имеет вид криптограммы. Большинство букв и надписей, по-видимому, греческие, так как среди них не встречается букв специально русского алфавита. К сожалению, вследствие сильной фрагментированности ни одну из надписей до сих пор прочесть не удалось.

12. ГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Из погребений салтовской культуры, кроме указанных выше захоронений в жилищах и круглых ямах, вблизи Саркела обнаружено только одно. Оно находилось за крепостной стеной возле западной башни вместе с многочисленными погребениями русского времени. Скелет лежал в грунтовой яме на спине и был ориентирован головой на восток, тогда как другие погребения были направлены головой на запад. Вместе со скелетом найдены нож, топор с выступающим обушком и сделанный на круге горшок с поверхностью, покрытой горизонтальными бороздками, — вещи, типичные для салтовской культуры. Известно, что погребения этой культуры устраивались на склонах холмов в обыкновенных земляных могилах или, чаще, в подземных камерах (катакомбах). Наружных признаков такие могилы не имеют и отыскание их — дело случая.

Другая этническая группа населения Саркела, занимавшая цитадель, хоронила своих покойников под курганными насыпями. Курганный могильник располагался с юго-восточной стороны городища и содержал до сотни небольших, не превышавших 1 м в высоту насыпей; большинство их возвышалось над окружающей местностью не более чем на 0.20—0.25 м. Обычно под такими курганами находилось по одной ямной могиле и лишь в редких случаях попадались курганы с двумя могилами. Со многими из погребенных сбоку, несколько выше скелета, оказывались части коня; во рту конского черепа находились одночленные удила, а посредине между конечностями лошади — стремена, пряжки и кольца от седла (рис. 56). Среди погребенных были и мужчины и женщины; черепа, особенно мужчин, иногда носят явно выраженные признаки монголоидности. Покойников хоронили в деревянных гробах, от которых по большей части сохранились только железные кованые гвозди. При мужских скелетах обычно находилось оружие в виде наконечников стрел, костяных накладок на лук, пластинок для подвешивания колчанов и, более редко, длинных однолезвийных сабель в виде палаша (так называемый кончар). В одном случае в могиле сохранился берестяной колчан цилиндрической формы.

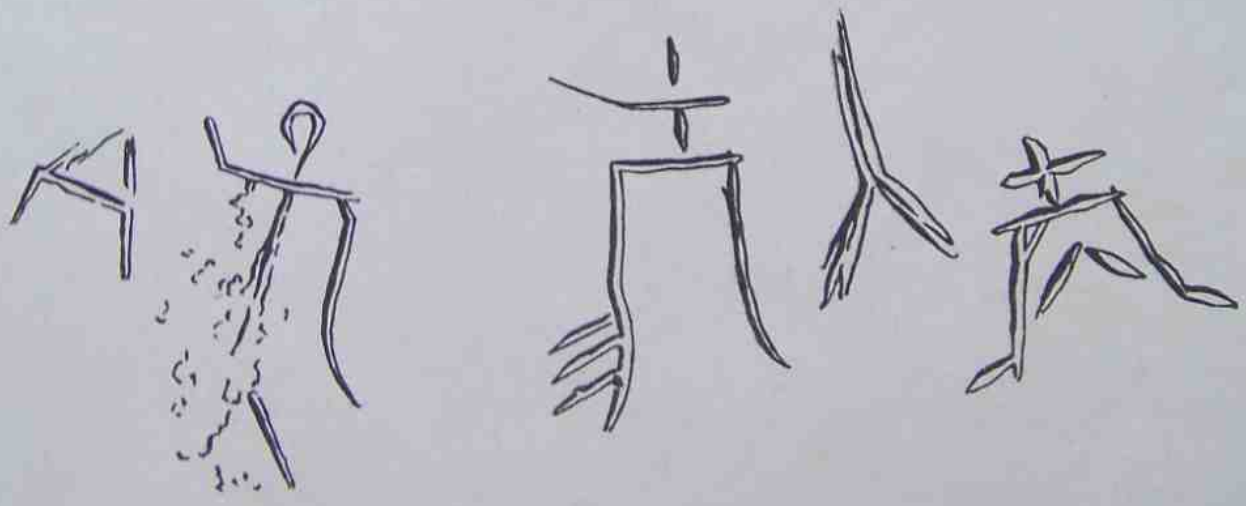


Рис. 55. Кистень со знаками.

Из украшений встречены золотые и серебряные височные кольца с биконической нанизанной бусиной, серебряные браслеты, как витые, так и пластинчатые, пуговки, бубенчики и т. п. (рис. 57). Нередко находились железные кресала с кремнем и ножи. Хотя посуда в могилах, как правило, отсутствовала, в засыпи одной из них найден маленький лепной горшочек, сходный с керамикой, характерной для цитадели Саркела, что наряду с полным тождеством других вещей из городища с находками в могильнике свидетельствует о принадлежности погребений под курганами гарнизону крепости.

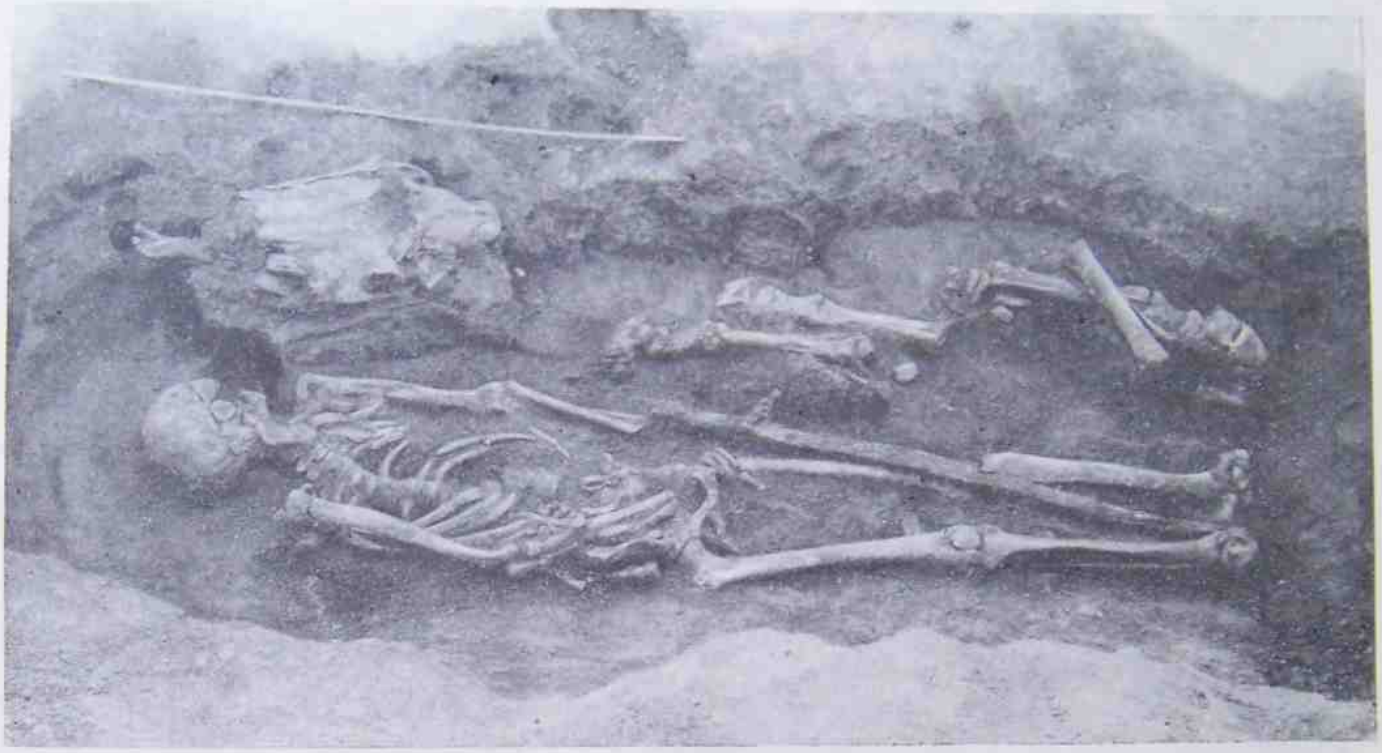


Рис. 56. Кочевническое погребение.

Погребения в курганном могильнике относятся к IX—XI вв. и по своему характеру примыкают к многочисленным погребениям кочевого населения южнорусских степей того же времени. Сохраняя неизменными свои этнографические признаки, погребения близ Саркела—Белой Вежи могут принадлежать только одной какой-то группе кочевников, связанной единством племенной принадлежности. Эта кочевая группа не могла быть половецкой, так как половцы появляются в степях к западу от Волги не ранее середины XI в. К тому же погребальный обряд половцев отличается от характерного для кочевников Саркела—Белой Вежи. Едва ли могут быть беловежские кочевники и печенегами, так как кочевья последних сосредоточивались близ Днепра, да и отношения как хазар, так и руси с печенегами были настолько враждебными, что длительное пребывание печенежской группы в Саркеле—Белой Веже является маловероятным. Скорее всего кочевниками, входившими в состав гарнизона Саркела—Белой Вежи, были гузы—торки, признаки погребального обряда которых, равно как и формы некоторых вещей (одночленные удила, сабля-кончар), совпадают с характерными для курганного могильника Саркела—Белой Вежи.[1] Известно, что гузы были восточными соседями хазар и то подчинялись последним, то воевали с ними. О союзнических отношениях гузов с русью имеются вполне определенные сведения. Арабские писатели Ибн-Мисхавейх и Ибн-ал-Асир сообщают о нападении торок—гузов на хазар в 965 г.[2] Можно думать,

[1] Н. Д. Мец. К вопросу о торках. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 45—49.

[2] Тарих ал-Камил Ибн-ал-Асира. Баку, 1940, стр. 107; D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 244.

что это нападение находилось в связи с восточным походом Святослава,[1] что гузы, следовательно, были союзниками руси в борьбе с хазарами. Это тем более вероятно, что несколько позже, в 985 г., Владимир, сын Святослава, в походе против волжских болгар и хазар, пытаясь удержать завоевания

Следует отметить, что памятники гузов и печенегов в настоящее время еще не различаются между собой и что изложенное выше предположение о гузах, находившихся на службе Хазарии, а затем Руси, археологически не может быть доказано убедительным образом. Выбор между ними тем бо-

Рис. 57. Инвентарь из кочевнического погребения.

своего отца на Востоке, действовал в союзе с торками—гузами.[2] Нет ничего невероятного в том, что отряд гузов, находившийся на службе у хазар в качестве гарнизона Саркела, был оставлен Святославом в завоеванной им хазарской крепости на Дону и в дальнейшем жил в Белой Веже вместе с русскими.

[1] W. Bartold. Khazar. Encyclopédie de l'Islam. Livraison 32 bis, Paris, 1908, стр. 990—992.
[2] Повесть временных лет, ч. I, стр. 59.

лее затруднителен, что и те и другие засвидетельствованы на Дону сообщением русской летописи о жестокой сече между половцами, с одной стороны, и печенегами и гузами — с другой, продолжавшейся два дня и две ночи на этой реке в 1116 г., после чего побежденные торки и печенеги бежали в Русь.[1]

При рытье канав на огородах, располагавшихся на территории внешнего двора

[1] Повесть временных лет, ч. I, стр. 201.

городища, жители соседнего хутора Попова часто встречали человеческие скелеты. Скелеты обнаруживались и в больших курганообразных насыпях, тянущихся вдоль рва городища с наружной стороны. Эти насыпи в первую очередь и привлекли к себе внимание экспедиции как возможные погребальные сооружения обычного для древней Руси курганного типа. За годы исследований Саркела—Белой Вежи было раскопано пять насыпей этого рода. Особенно детальному исследованию была подвергнута группа насыпей в восточном конце образованного ими ряда. Находившиеся здесь четыре большие насыпи, соединенные друг с другом основаниями, имели каждая в отдельности удлиненно-овальные очертания и достигали в высоту около 3.5 м при длине 50 м и ширине около 25 м. Две из них, крайние с запада, оказались тесно заполнены погребениями, впущенными в насыпь и расположенными только в ее верхней части, не глубже 1.5 м от поверхности. На склонах и у подошвы насыпей могилы врезались в материк на глубину, соответствующую высоте насыпи в каждом данном месте, т. е. тем глубже, чем насыпь ниже (рис. 58). Все могилы ориентированы с востока на запад и расположены довольно правильными рядами, лишь приблизительно соответствующими длинной оси насыпей.

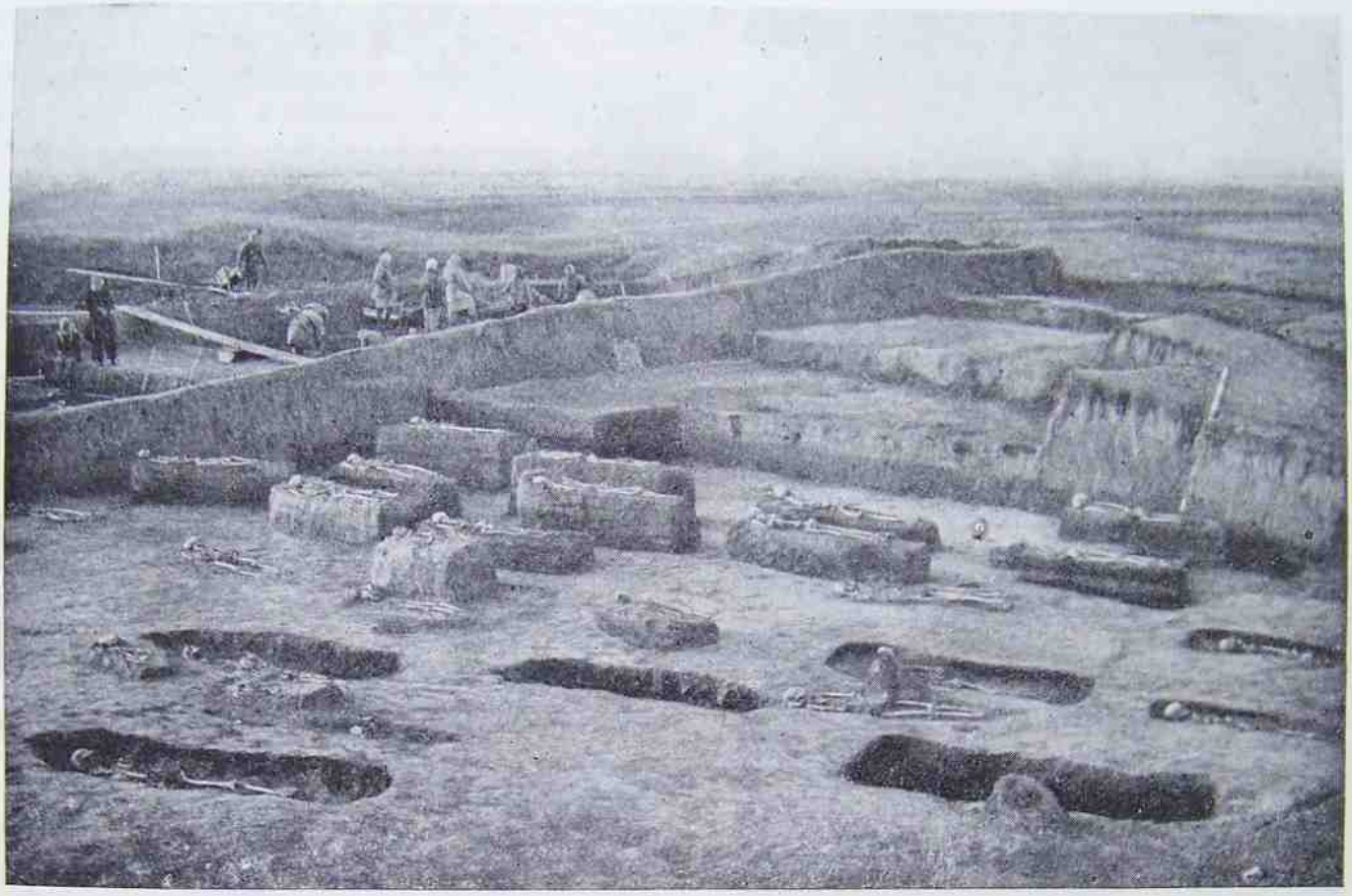


Рис. 58. Общий вид погребений в насыпи у восточного конца рва.

Количество погребений в насыпях весьма различное. В то время как насыпь, раскопанная в 1935—1936 гг., содержала более 230 погребений, а соседняя с ней, раскопанная в 1949—1950 гг., — 163 погребения, в последней насыпи той же группы обнаружено всего 55 захоронений. По всем данным, эти насыпи не сделаны специально для погребений, а тем более они не подсыпались в процессе использования в качестве кладбища. Они образовались в виде отвалов земли, вынутой при сооружении наружного рва городища, т. е. еще в хазарское время, и были использованы населением Белой Вежи под свои кладбища как подходящие для этой цели возвышенности в соответствии и с позже сохранившимся обы-

чаем устраивать кладбища на холмах. Это, по всей вероятности, пережиток распространенного в более раннее время обыкновения сооружать над могилами земляные курганы. Наряду с указанными насыпями население Белой Вежи использовало для своих погребений оборонительный вал горо-

Рис. 59. Двойное захоронение.

дища, а кроме того, множество погребений было помещено на площади внешнего двора городища, в особенности возле кирпичной крепости между юго-западной оборонительной стеной и рвом вдоль нее. Здесь открыты сотни погребений, расположенных, как и в насыпях, рядами и ориентированных с запада на восток.

Всего в бескурганном могильнике Белой Вежи было открыто около 750 погребений, но несомненно бо́льшая часть его осталась нераскопанной. Если учесть, что могильник этот создавался менее чем полтораста лет и что средняя продолжительность человеческой жизни у беловежцев не была значительной, о чем свидетельствует большое число детских погребений (до 50%), то нетрудно составить себе некоторое, конечно, приблизительное, представление об общей численности населения города. Можно думать, что в нем одновременно проживало около 1000 человек обоего пола и всех возрастов. Это заключение подтверждается и расчетом количества жилищ, которое могло одновременно помещаться на площади городища. Следует отметить, что 1000 человек населения для средневекового, к тому же захолустного города — очень большая цифра. Едва ли многие другие древнерусские города достигали, а тем более превосходили Белую Вежу по численности своего населения.

Таким образом, кладбище Белой Вежи было бескурганным рядовым могильником, что существенным образом отличает его от обычных для X—XI вв. во всей древней Руси захоронений под курганами. Традиция курганного погребения здесь частично проявляется только в стремлении устраивать погребения на возвышенностях — в городищенском валу и в насыпях. Однако по своему характеру погребения здесь не имеют ничего общего с типичными курганными погребениями. Могилы располагаются близко одна возле другой, рядами. Замечательно, что, несмотря на тесноту захоронений, имеется сравнительно немного случаев повреждения одной могилой другой. Принимая во внимание к тому же наличие двукратных захоронений в одной и той же могиле и даже в одном гробу, о чем речь будет ниже, можно не сомневаться в том, что каждая могила с поверхности была обозначена каким-то сооружением. Возможно, что это были небольшие могильные насыпи, подобные современным, сгладившиеся в последующее время, но хорошо видные в период жизни города и пользования кладбищем. Могли быть и надмогильные памятники. На кладбище вблизи крепостной стены найден каменный крест с расширяющимися концами, грубо высеченный из известняка. Такого рода кресты, не только каменные, но и деревянные, могли ставиться над могилами.

Нательные металлические, каменные или янтарные крестики довольно редко встречаются при погребениях. Тем не менее

Рис. 60. Инвентарь из детского и женского погребений.

в общем погребения носят признаки христианской обрядности. О распространенности христианства среди беловежцев свидетельствуют находки и в самом городище. В русском слое найдены не только нательные крестики, но и энколпионы и подвесные медные иконки. Фигура креста, довольно часто встречается выцарапанной на керамике; на блоке мергеля, найденном над могилой возле речных ворот, был вырезан крест.

Покойники погребались в деревянных гробах, выдолбленных из куска дерева или сколоченных из досок. Остатки гробов иногда находились в такой сохранности, что можно было уловить их формы. Наряду с гробами с плоскими крышками встречались гробы с двускатным перекрытием. Доски гробов нередко сколачивались железными коваными гвоздями с широкими шляпками. В редких случаях — и то только на кладбище возле крепостной стены — гробы, главным образом для детских погребений, делались из кирпичей, причем стенки их составлялись из вертикально поставленных экземпляров. Покойники в гробах находились на какой-то подстилке. Они, как правило, лежали на спине с лицом, обращенным к востоку, руки обычно сложены на груди или на животе и реже вытянуты вдоль туловища.

Сравнительно часто встречались двойные захоронения в одном гробу (рис. 59). О том, что здесь мы имеем дело с разновременными захоронениями, вполне ясно свидетельствует разная степень сохранности скелетов. Кости первого покойника обычно находились сдвинутыми к одному краю гроба или даже сгруженными в его конец, скелет же второго погребения оказывался лежащим в полном порядке. Трудно сказать, чем вызывался странный обычай двойного погребения в одном гробу. Второе погребение обычно происходило по истечении времени, достаточного для разложения трупа первого. Сочетание в одном гробу мужского и женского скелетов, что могло бы указывать на захоронение мужа и жены, вовсе не является постоянным и единственным видом совместных погребений. Сочетания покойников встречаются самые разнообразные. Вероятно, в одном гробу хоронили все же близких родственников. Возможно, в этом обычае проявилась традиция последовательных погребений близких родственников в одной могиле (катакомбе), свойственная носителям салтовской культуры, частично ассимилированным русским населением Белой Вежи.

Специального погребального инвентаря в могилах не было. Нет ни горшков с пищей, ни оружия, ни орудий, какие встречаются в русских курганных погребениях. При скелетах находились только такие принадлежности одежды и украшения, которые при жизни носили погребенные. Вследствие этого при мужских скелетах какие-либо находки встречались крайне редко. Только в одном случае найдены бляшки от наборного пояса и железный нож с деревянной заполированной рукояткой. При мужчинах иногда находилась одна серьга, очевидно носившаяся в левом ухе, еще реже — металлические пуговки от рубахи. При женских и особенно детских скелетах вещи обнаруживались значительно чаще. Это обычно разнообразные украшения: височные кольца, нередко золотые, иногда с нанизанными на них бусинами, металлические и стеклянные браслеты и кольца на пальцах, ожерелья из разнообразных бус — сердоликовых, хрустальных, пастовых, янтарных и т. п., а также из всевозможных подвесок, куда входят и крестики (рис. 60). Если учесть ограниченность в составе инвентаря, то следует признать, что у части погребений он отличался значительным богатством. Особенно следует отметить довольно многочисленные золотые височные кольца, которые в русских погребениях других областей встречаются очень редко. Нарядностью и богатством отличаются и ожерелья. Найденные на костях остатки тканей свидетельствуют, что беловежцы одевались не только в холщевые и шерстяные ткани, но носили шелк и парчу.

Погребения в бескурганном могильнике Белой Вежи датируются X—XI вв. Они, следовательно, соответствуют русскому периоду жизни этого города, когда основным элементом в составе его населения, не столько, может быть, по своему количеству, сколько по значению, стали славяне, русские, подчинившие своему культурному влиянию остатки населения хазарского Саркела и интенсивно смешивавшиеся с ним. Антропологические исследования многочисленных скелетов из бескурганного могильника Белой Вежи рисуют яркую картину смешения различных физических типов или

рас. Наряду с длинноголовыми славянскими индивидами здесь много короткоголовых с черепами зливкинского типа, встречаются черепа с более или менее выраженными чертами монголоидности, имеются различные виды и степени расовой метисации.

Бескурганный могильник, таким образом, полностью подтверждает заключение, сделанное по материалам русского слоя городища. Остатки населения Саркела с салтовской культурой очень быстро растворились в русской среде, от которой по образу жизни они существенно не отличались. Их привнесения в русскую культуру Белой Вежи оказались незначительными, хотя за их счет, по-видимому, необходимо отнести некоторые особенности погребального обряда, как, например, рядовое расположение могил и двукратное захоронение в одном гробу. Значительно более устойчивыми в этническом отношении оказались тюрки-кочевники. Несмотря на общность в образе жизни и на тесные связи с остальным населением города, они долго сохраняли свои этнографические особенности.

Кроме длительного бытования кочевнического обряда подкурганного погребения с конем, об этом дают возможность судить и некоторые замечательные погребения в бескурганном могильнике. За пределами городища в курганообразных насыпях среди обычных русских погребений встречены захоронения по кочевническому обряду. Это погребения, в которых вместе с человеческим скелетом находятся части верхового коня или только принадлежности конского снаряжения в виде железных стремян от седла. Как и в курганных могилах, остатки коня ограничиваются черепом и костями конечностей; судя по их расположению в могиле, можно думать, что с покойником клался не целый конь, а его шкура, может быть, даже набитая травой. Замечательно, что все обнаруженные в русском могильнике погребения этого рода были женскими, за исключением одного, половая принадлежность которого не выяснена. При одной из погребенных оказались электровая гривна, такие же браслеты и серебряная, скрученная спиралью, толстая полоска, суживающаяся к концу. Эта полоска лежала возле кисти правой руки скелета и, очевидно, была вплетена в ременную нагайку — камчу, какими обычно пользуются кочевники. При всем том физический тип погребенных по кочевническому обряду в беловежском кладбище только в последнем случае оказался явно монголоидным. Все остальные были обычного для беловежского могильника типа. Вследствие этого можно думать, что большинство женщин, погребенных в беловежском кладбище по кочевническому обряду, представляли собой русских женщин, находившихся замужем за кочевниками. Погребение их на русском кладбище было возможным потому, что они вместе с мужьями оставались жить в городе, в постоянной связи со своими родичами из состава беловежцев.

Характер бескурганного могильника особенно наглядно показывает, что Белая Вежа была не поселком деревенского типа, а для своего времени крупным городом с многочисленным и богатым населением. Могильник Белой Вежи носит все черты городских кладбищ, какие обнаружены возле Киева (у Десятинной церкви) и Новгорода (Нередицкий могильник), но еще плохо изучены. Городское население в X в. порвало с традициями курганных погребений с чертами языческой обрядности, которые еще долго жили у сельского населения Руси. Оно постепенно утрачивало родовые связи и племенные особенности, находившие в курганных погребениях свое яркое выражение, и создавало культуру древнерусской народности, связанной уже не столько происхождением, сколько единством территории и экономической основы.

13. БЕЛАЯ ВЕЖА И ПОЛОВЦЫ

Мы ничего не знаем о событиях, связанных с Белой Вежей после завоевания ее Святославом. Судя по археологическим данным, этот город в русское время процветал как важный центр ремесла и торговли и, по всей вероятности, был тесно связан с кочевым населением донских степей. Еще в X в. в Подонье, как и в лесостепном пограничье между Донцом и Доном, исчезла салтовская культура. Надо полагать, что появление в степях Причерноморья печенегов катастрофически отразилось на поси-

телях салтовской культуры. О судьбе последних нам ничего точно неизвестно. Возможно, что часть их вернулась к кочевому образу жизни и слилась с вторгшимися с востока ордами кочевников. В конце X—первой половине XI в. степными кочевниками Подонья могли быть печенеги и гузы, теснимые из-за Волги половцами. Вблизи Таганрога раскопан курган с погребением того же типа, что и в курганном могильнике Белой Вежи и, что самое замечательное, с такой же точно керамикой, какая характерна для кочевников Саркела—Белой Вежи. С этими кочевниками население Белой Вежи могло находиться в дружественных отношениях. Положение коренным образом изменилось во второй половине XI в., когда хозяевами южнорусских степей стали половцы.

Последний период в жизни Белой Вежи ознаменовался тяжелыми испытаниями, выпавшими на долю ее населения. В верхних слоях городища встречаются сплошные пожарища и скелеты людей, погибших при разгроме города. Так, под развалинами одного дома найден обгорелый скелет женщины, на костях которого сохранились остатки тканей от одежды. В одном из кирпичных погребов оказался скелет человека, видимо смертельно раненого и пытавшегося выбраться из него. Его руки цеплялись за края погреба. В таком положении он умер и был засыпан остатками разрушения. В составе погребений в беловежском кладбище также найдено немало скелетов со следами различных ранений. Имеются скелеты с наконечниками копий и стрел, застрявших в костях, есть скелеты с перерубленными костями и со следами тяжких сабельных ран на черепе. Найдены захоронения обезглавленных и даже рассеченных на части. Все это свидетельствует о том, что жизнь беловежцев стала весьма тревожной, что враги нападали на город, разоряли его, убивали и, вероятно, захватывали в плен население. В связи с погромами, переживаемыми Белой Вежей, часть города запустела и стала заниматься под кладбище. У спуска к речным воротам найдено несколько погребений, впущенных в культурный слой городища. Часть скелетов лежала в гробах, сделанных из кирпичей. Вещей, кроме пуговиц, ни при одном скелете не было.

По всей вероятности, бедственное положение, в котором оказалась Белая Вежа, совпадает по времени с тем периодом напряженной борьбы руси с половцами, который падает на самый конец XI и начало XII в. Эта борьба не могла не отозваться на беловежцах, сохранивших живые связи с Русью и не отделявших себя от нее ни в культурном, ни тем более в политическом отношении. Белая Вежа как возникла, так и оставалась русским городом.

В 1116 г. теснимые русью половцы разгромили обитавших в Подонье печенегов и гузов и тем самым лишили Белую Вежу ее местной опоры, после чего жизнь в донской степи, в отрыве от основного массива русского народа, стала для русского населения Белой Вежи совершенно невозможной. Под 1117 г. русская летопись сообщает о переселении беловежцев на Русь. Русские должны были покинуть свой форпост на Дону, тем более что, по-видимому, около этого же времени пало под натиском половцев и другое более значительное русское поселение на юго-востоке — Тмуторокань, без которой Белая Вежа утрачивала свое значение. Русь на долгое время оказалась оттесненной от Приазовья и от тех путей на Восток, важными вехами на которых были Тмуторокань и Белая Вежа. Русские князья, правда, еще стремились некоторое время «поискать града Тмутороканя, испить шеломом Дона», вернуть наследие Святослава, но попытки их не принесли успеха. Ослабленная феодальными распрями Русь, с трудом удерживавшая на своих границах половцев, не могла противостоять новой кочевой волне — монголо-татарам. Монгольское завоевание со всеми вытекающими из него последствиями надолго отрезало Русь не только от южного моря, но и от степи. Дикое поле вновь, как во времена гуннов, надвинулось на русскую землю.

Однако жизнь в Белой Веже окончательно не прекратилась и после переселения беловежцев на Русь. На самом верху отложений городища встречены остатки сооружений из сырцовых кирпичей — самана. Это однокамерные, а порой двухкамерные прямоугольные здания, саманные стены которых выведены на фундаменте, сложенном из старых саркелских кирпичей. Такие сооружения разбросаны по всей площади городища и по своей строительной технике представляют явление, совершенно новое для Белой Вежи, которая за весь предшествующий период не знала сырца. Уже по одному этому надо полагать, что после

ухода беловежцев на развалинах города поселилось какое-то совершенно новое население. Никаких вещей, несомненно связанных с саманными постройками, кроме нескольких фрагментов сделанной на гончарном круге керамики, обнаружить не удалось. Если основываться на последних, это новое население следовало бы признать русским. Керамика представляет собой образцы характерных русских горшков XII—XIII вв. Другой примечательной чертой верхнего слоя городища является изобилие костей овцы, что говорит об овцеводстве как важнейшем виде хозяйственной деятельности строителей саманных зданий.

Если учесть, что в низовьях Дона обнаружены поселения того же времени, что и в верхнем слое Белой Вежи, также с русской керамикой и с некоторыми вещами русского типа,[1] то, может быть, имеет вероятие предположение о принадлежности всех этих поселений, с верхним слоем Белой Вежи включительно, тому смешанному русско-половецкому населению Подонья, известному в истории под именем бродников, «воевода» которых Плоскыня сыграл изменническую роль при первой встрече руси с татарами на р. Калке.

Поселение с саманными зданиями на месте Белой Вежи просуществовало недолго. В татарский период здесь уже никто не жил. На городище Белой Вежи вовсе не найдено каких-либо вещей татарского времени, хотя по соседству, у хут. Потайновского на правом берегу Дона, было поселение XIV—XV вв. Ко времени путешествия митрополита Пимена вниз по Дону в XIV в. Белая Вежа давно уже была городищем. Пимен помещает городище Серклию, т. е. Саркел—Белую Вежу, близ переволоки из Дона в Волгу, очевидно, только потому, что к его времени даже память о точном местонахождении этого города исчезла. В поисках последнего он основывался на тех же соображениях, которыми руководствовались ученые вплоть до недавнего времени, помещая Саркел на исторических картах возле наибольшего сближения Дона с Волгой, а не на его настоящем месте.

Остатки Саркела—Белой Вежи ныне находятся на дне Цимлянского моря и, несмотря на то, что значительная часть городища и могильника осталась неисследованной, они больше уже никогда не будут служить объектом археологических раскопок. Тем большее значение представляют данные об этом памятнике, полученные в результате всех проведенных в нем работ, тем более внимательного изучения они заслуживают. Все вопросы и сомнения, относящиеся к Саркелу—Белой Веже, теперь могут решаться только на основе полевой раскопочной документации и вещевого материала, собранного при раскопках. В процессе исследования эти материалы, несмотря на всю свою огромность, кажутся недостаточными; да так оно и есть в действительности, так как при раскопках невозможно учесть все аспекты, открывающиеся позже при камеральном изучении материалов. Поэтому не все данные, которые хотелось бы иметь, оказываются собранными, не все наблюдения — сделанными. Все недочеты полевых работ в обычных условиях можно восполнить новыми дополнительными раскопками. В отношении Саркела—Белой Вежи эта возможность исключена. Раскопочная проверка уже невозможна. Здесь буквально все концы спрятаны в воду.

Вот почему мы считаем себя обязанными возможно полно опубликовать не только наши общие заключения, но и материалы раскопок Саркела—Белой Вежи, памятника, историческое значение которого трудно переоценить. Если моя вводная к такой публикации статья может дать об этом некоторое представление, я буду считать цель ее достигнутой.

---

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 106 и сл.

И. И. Ляпушкин

ПАМЯТНИКИ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ р. ДОНА[1]

Первое тысячелетие нашей эры, в частности вторая его половина, в археологическом отношении было и пока остается наиболее слабо изученным периодом в истории Советского Союза. Юго-Восток европейской части нашей страны в этом отношении не является исключением, пожалуй, им занимались еще меньше, чем другими районами. Между тем жизнь этого края, насколько нам известно из отрывочных письменных данных и по немногочисленным археологическим памятникам, представляет одну из наиболее сложных страниц истории молодого Киевского государства в его отношениях с Хазарским каганатом IX—X вв.

Археологические памятники этой поры в бассейне р. Дона известны давно. Они представлены двумя группами: а) поселениями и могильниками славяно-русской культуры; б) поселениями и могильниками, условно называемыми салтово-маяцкими.

В настоящей работе мы остановимся на памятниках лишь второй, салтово-маяцкой группы. Памятники славяно-русской культуры в свое время нами были освещены в специальной работе.[1]

I

Известные в настоящее время под именем салтово-маяцких средневековые археологические памятники Юго-Востока по-настоящему вошли в научный оборот и привлекли к себе внимание исследователей лишь с начала XX в., с момента открытия и исследования учителем В. А. Бабенко катакомбного могильника в с. Верхний Салтов и В. А. Городцовым ямного могильника близ хут. Зливки бывш. Изюмского уезда. Но памятники этого типа были известны в литературе и в какой-то мере даже исследовались и до открытия Салтовского и Зливкинского могильников. Мы имеем в виду: 1) Маяцкое городище и могильник близ устья р. Тихая Сосна, где уже в 1890 г. была открыта катакомбная могила с инвентарем салтовского типа;[2] 2) могильник в слободе Покровской бывш. Купянского уезда Харьковской губернии, случайно открытый крестьянами при хозяйственных работах и подвергнутый В. З. Завитневичем в 1894 г. по поручению Археологической комиссии небольшим раскопкам;[3] 3) могильник (?) у с. Воробьево бывш. Богучарского уезда Воронежской губернии, открытый при

[1] Основные положения настоящей работы доложены на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИИМК АН СССР 30 декабря 1952 г.

[1] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, № 6, 1941.

[2] ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 117; Архив ИИМК, ф. АК, д. № 23/1890, лл. 28 об. и 29.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д № 69/1894, лл. 10—19; ОАК за 1894 г. СПб., 1896, стр. 19.

разработке каменных карьеров.[1] Не случайно после сообщения А. М. Покровского на XII Археологическом съезде о раскопках Верхне-Салтовского могильника в прениях по докладу эти памятники были отмечены Н. Е. Бранденбургом и Г. Труновым как близкие Салтову.[2] Можно указать еще ряд средневековых памятников, известных до открытия Салтовского и Зливкинского могильников, принадлежащих к тому же типу. Таковы Правобережное и Левобережное Цимлянские городища, поселения у хуторов Среднего и Карнаухова [3] и некоторые другие. Однако все они в силу слабой изученности, незнания материала и ряда других причин остались непонятыми и не привлекли к себе должного внимания.

Открытие Верхне-Салтовского катакомбного могильника и близкого ему по инвентарю Зливкинского, хорошо датированных монетными находками и вещевыми комплексами, помимо того что само по себе имело огромную научную значимость, создавало возможность по-новому взглянуть и на известные ранее, но «безликие» памятники средневековья Юго-Востока. Передовые исследователи так и подходили к этому вопросу. Большое значение открытию Салтовского могильника придавал А. А. Спицын. С этим открытием он связывал начало новой эры в изучении древностей средних веков южной России.[4]

Научная значимость Салтовского могильника была высоко оценена и на XII Археологическом съезде, где А. М. Покровским впервые во всей полноте были представлены материалы этого могильника, добытые при раскопках. По докладу А. М. Покровского было высказано пожелание о продолжении исследования Салтовского могильника и поселения, а равно и других аналогичных памятников.[5] Но это были лишь пожелания. В действительности было несколько иначе.

Ведение раскопок Салтовского могильника принял на себя учитель местной школы В. А. Бабенко. В соответствии с пожеланием съезда не ограничиваться при дальнейшем изучении только раскопками могильника, В. А. Бабенко поставил своей задачей «по возможности обследовать больший район местности, где находится могильник». В сферу своей деятельности В. А. Бабенко считал необходимым включить исследование близлежащих городищ — Салтовского, Волчанского, Белгородского и Нежегольского. «Такое обилие городищ на сравнительно небольшом пространстве, — писал он, — невольно наводит на мысль — не имели ли какой-либо связи с ними обширный Салтовский могильник?».[1] Правильно поставленная задача на первом этапе исследования не была, однако, решена. Как показывают опубликованные В. А. Бабенко материалы о произведенных им небольших работах на Волчанском и Салтовском городищах, исследование поселений оказалось ему не под силу.

Как рассматривал сам В. А. Бабенко свои раскопки поселений, не известно. Одно несомненно, что после небольших раскопок на Салтовском и Волчанском городищах к исследованию поселений он, кажется, не возвращался и всецело посвятил себя изучению Салтовского могильника. Здесь он чувствовал себя более уверенно, хотя проводимые им раскопки могильника также далеко не отвечали научным требованиям. Археологическая комиссия неоднократно предупреждала В. А. Бабенко об этом [2] и в конечном итоге в 1915 г. вынуждена была в выдаче открытого листа на производство раскопок могильника отказать, указав прямо: «. . . подробно ознакомившись с отчетами о произведенных Вами в Салтовском могильнике раскопках, Комиссия усмотрела в них недостаток научной точности».[3] За этот первый период своих работ В. А. Бабенко раскопал не одну

---

[1] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 63/1895, лл. 1, 4, 5; ОАК за 1895 г. СПб., 1897, стр. 54—55.

[2] Изв. XII АС в Харькове 15—27 августа 1902 г. Харьков, 1902, стр. 124—128.

[3] Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел. Тр. IX АС, т. I, М., 1895; В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону. Тр. VI АС, т. IV, Одесса, 1889.

[4] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, I. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП, нов. сер., ч. XIX, 1909, январь, стр. 72; ИАК, вып. 3, 1902, Прибавление, стр. 6; ЗОРСАРАО, т. V, вып. 2, 1904, стр. 108—109.

[5] Изв. XII АС в Харькове 15—27 августа 1902 г. Харьков, 1902, стр. 124—128; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 234.

[1] В. А. Бабенко. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 381—418.

[2] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, лл. 1, 11, 20.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, л. 29.

сотню могил. По подсчету А. С. Федоровского, уже накануне XV Археологического съезда (к 1911 г.) им было вскрыто до 200 катакомб.[1] Около сотни могил было вскрыто за четыре последующих года (1911—1914 гг.). Сколько им было раскопано позже (после Октябрьской революции), сказать трудно, ибо не все работы, проводимые им на могильнике, находили отражение в печати.

Богатство Салтовского могильника и своеобразие обряда захоронения привлекли к нему и других исследователей. По-видимому, существенным моментом здесь было и то обстоятельство, что раскопки В. А. Бабенко не удовлетворяли научную общественность, свидетельством чего являются хотя бы поездки в 1905 г. в Верхний Салтов по заданию Археологической комиссии Н. Е. Макаренко, которому было поручено «ознакомиться с употребляемыми г. Бабенко приемами исследования, а особенно отыскивания катакомбных погребений».[2] Как известно, Н. Е. Макаренко было исследовано несколько могил и произведены небольшие работы на городище. На последнем был вскрыт лишь верхний слой, относящийся к позднему периоду жизни поселения (XVII в.). Отложения древнего периода затронуты не были, хотя в поручении Комиссии было дано прямое указание «произвести исследование местного городища в такой мере, чтобы можно было судить об его культуре».

Невыполнение задания Комиссии было связано, по-видимому, со срочным отъездом Н. Е. Макаренко из Салтова, где он не мог оставаться дольше «в видах некоторых соображений», как отмечал он в своем донесении на имя Археологической комиссии.[3]

В 1911 г. по поручению Харьковского университета могильник исследовался А. С. Федоровским, раскопавшим 11 камер.[4]

Таким образом, все внимание дореволюционных исследователей, занимавшихся изучением памятников салтово-маяцкой культуры, было сосредоточено почти исключительно на раскопках Верхне-Салтовского могильника и публикации добытых материалов. Задача выяснения места этого могильника в истории Юго-Востока была забыта. За весь период со времени открытия могильника до Октябрьской революции в бассейне р. Дона совершенно не было выявлено новых памятников, относящихся к салтово-маяцкой культуре, между тем последние, как показали работы наших дней, плотным кольцом окружали Салтов. Больше того, даже известные памятники салтовского типа были оставлены почти без внимания, на что в свое время указывал Д. Я. Самоквасов.[1] Если некоторые из этих известных памятников, как например Маяцкое городище и могильник при нем, и были подвергнуты раскопкам, изучение их велось в полном отрыве от исторической проблематики.[2]

Исключительное внимание к Салтовскому могильнику, его обряду захоронения и могильному инвентарю, изучение его в отрыве от синхроничных памятников, в первую очередь от непосредственно прилегающего к нему поселения (городища и селища), не могло не отразиться на выводах о характере салтово-маяцкой культуры и ее месте в истории Юго-Востока нашей страны. Именно это было одной из причин того, что салтово-маяцкая культура вошла в научный обиход не как целостный комплекс во всем его многообразии (определенный тип поселения, жилища, бытовой и хозяйственный инвентарь, обряд захоронения и т. д.), а лишь одной своей стороной, той, которая была связана с обрядом захоронения (могильником), т. е. преимущественно с предметами личного убранства. Последнее же приводило к тому, что вещественные остатки иного типа, принадлежащие той же салтовской культуре, относились, да и сейчас

---

[1] А. С. Федоровский. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв. Вестн. Харьковск. истор. филолог. общ., вып. 3, Харьков, 1913, стр. 4.

[2] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 70/1905, л. 2.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 70/1905, лл. 2, 17 об.; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 122—144.

[4] А. С. Федоровский. 1) Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв., стр. 1—15; 2) Дневник раскопок Верхне-Салтовского могильника 18—22 сентября 1911 г. Вестн. Харьковск. истор.-филолог. общ., вып. 5, Харьков, 1914, стр. 75—84.

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 234.

[2] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 153 и сл.; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 1 и сл.

относятся, к другим культурам.[1] Несомненно, эти же обстоятельства были одной из причин появления как ошибочных, так и явно враждебных построений о месте салтово-маяцкой культуры и ее носителей в истории Юго-Востока нашей страны.

Памятники салтово-маяцкого типа, особенно Салтовский могильник, первое время широко интерпретировались на страницах печати. Как отмечалось выше, А. А. Спицын еще до доклада А. М. Покровского на XII Археологическом съезде о результатах первых раскопок Салтовского могильника, докладывая на основании газетных сообщений об открытии Салтовского могильника на заседании Отделения славяно-русской археологии Русского археологического общества (февраль 1902 г.), высказал предположение, что могильник следует связать с аланским населением.[2] Позже, в 1909 г. эта мысль была развита А. А. Спицыным в специальной статье, опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения».[3] На XII Археологическом съезде Д. И. Багалей и Д. Я. Самоквасов в прениях по докладу А. М. Покровского о раскопках Салтовского могильника заявили, что данный могильник, как и близкие ему северокавказские катакомбные могильники, следует считать хазарскими. Как «казарские могилы» вошли они и в исследование Д. Я. Самоквасова «Могилы Русской земли»,[4] и в курс русской истории Д. И. Багалея.[5]

Обе эти точки зрения имели своих защитников и противников, но ни одна из них не была, да и не могла быть, в достаточной степени обоснованной фактическими данными, поскольку круг памятников, на которых строились эти выводы, был невелик, да и то, что имелось, не было подвергнуто специальному исследованию.

В послеоктябрьский период изучение средневековых памятников Юго-Востока (в том числе и салтово-маяцких) длительное время продолжало носить по-прежнему случайный характер. Полевые работы в основном проводились местными работниками Харьковской, Воронежской, Ростовской н/Д. областей при отсутствии единого плана. Внесенное в конце 20-х годов в Комитет полевых исследований при ГАИМК предложение о систематическом изучении памятников салтовской культуры и увязке работ между отдельными районами не было реализовано.[1]

По среднему течению Северского Донца небольшие разведочные работы вели сотрудники Изюмского и Луганского музеев. Ими были обнаружены новые средневековые (в том числе и салтово-маяцкие) памятники (Залиманье, Шейковка, Петропавловка).[2] Было возобновлено исследование Салтовского могильника. В 1920 г. его раскопки производились Харьковским музеем, а с 1921 г. исследование памятника вновь перешло в руки В. А. Бабенко. Когда были прекращены изыскания последнего, сказать трудно. Известно, что в 1926 г. он еще копал. Принимал участие он и в раскопках 1947—1948 гг.[3] Более интересной была работа Воронежского музея. Разведками, произведенными в 20-х годах, было установлено, что ряд древних поселений, известных в этой области, являются памятниками салтово-маяцкой культуры (Ольшанское и Алексеевское городища); кроме того, были обнаружены и новые памятники, относящиеся к той же культуре, — поселение и могильник у хут. Подгоровки, Урывский могильник и некоторые другие. У хут. Подгоровки были произведены небольшие раскопки.[4] В эти же годы ряд средневековых памятников был открыт

---

[1] В. А. Бабенко. Волчанское городище. Сб. Харьковск. истор.-филолог. общ., т. XVI, Харьков, 1905; А. С. Федоровский. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв., стр. 3; С. А. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, 112—137.

[2] ИАК, вып. 3, 1902, Прибавление, стр. 6; ЗОРСАРАО, т. V, вып. 2, 1904, стр. 108—109.

[3] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 72.

[4] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 232—234.

[5] Д. И. Багалей. Русская история, ч. 1. Харьков, 1909, стр. 66.

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 202/1926, л. 2 об.

[2] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 132/1925, лл. 22—25; д. № 187/1926, лл. 4 об., 5; Н. В. Сибелев. Древности Изюмщины, вып. II. Изюм, 1926, стр. 18.

[3] Г. І. Тесленко. Розкопи Верхньо-Салтівського могильника 1920 р. Наукові записки Науково-дослідчої катедри історії української культури, № 6, Харків, 1927, стр. 353—356.

[4] С. Н. Замятнин. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах. Воронежск. истор.-археолог. вестник, № 2, Воронеж, 1921 (отд. оттиск); Архив ИИМК, ф. ГАИМК, дела №№ 147/1927, 208/1927, 238/1926.

в бассейне нижнего течения р. Дона и по прилегающему к нему побережью Азовского моря научными сотрудниками Ростова н/Д., а также Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК, проводившей широкие систематические работы на Юго-Востоке нашей страны.[1]

В последующие, в основном в 30-е годы сначала Волго-Донская, а затем Саркельская экспедиции подвергли средневековые памятники нижнего течения р. Дона более глубокому исследованию. Наибольшее внимание было уделено комплексу археологических памятников в районе ст. Цимлянской, где, помимо больших разведочных работ, были произведены раскопки на Левобережном и Правобережном городищах. На основе этих новых материалов и пересмотра ранее добытых М. И. Артамоновым была сделана попытка освещения хозяйственной и общественной жизни населения, оставившего памятники салтово-маяцкого и близкого к нему типа, а равно пересмотра вопроса об этническом облике населения этой культуры,[2] незадолго перед тем вновь поднятого в работах Ю. В. Готье, развивавшего точку зрения А. А. Спицына.[3] Стройная, хотя и схематичная, система взглядов, развитая М. И. Артамоновым, далеко не во всех своих положениях была обоснована, а некоторые из его положений шли явно даже вразрез с источниками.[4]

В послевоенные годы в бассейне р. Дона Днепровской Левобережной экспедицией (1947—1948 гг.) и разведочным отрядом Волго-Донской экспедиции (1950—1951 гг.) был выявлен ряд новых, ранее неизвестных памятников (поселений и могильников) салтово-маяцкого типа. Общее число их более двух десятков. В эти же годы было произведено обследование и многих памятников, давно и хорошо известных в литературе (Салтовское, Маяцкое, Правобережное Цимлянское, Карнауховское и другие поселения). На территории некоторых памятников были произведены небольшие раскопочные работы (близ хут. Карнаухова, у ст. Суворовской).

Новые данные существенно пополнили наши знания как об отдельных памятниках, так и о культуре в целом. Изменились наши представления о территориальных границах размещения этих памятников в бассейне Дона. Стало очевидным, что памятники салтово-маяцкого типа в бассейне р. Дона далеко не «остров на пограничье леса и степи» и не «отзвук культуры далекого от Салтова Северного Кавказа», как это рисовалось еще недавно многим исследователям, изучавшим эту картину по немногочисленным известным им могильникам,[1] а явление более сложное. В настоящее время нам известен не один десяток памятников (поселений и могильников) этой культуры лишь в бассейне р. Дона, не говоря о прилегающих районах к юго-западу и юго-востоку от него. Они распространены не только в пограничной полосе лесостепи и степи, как это считалось до последнего времени большинством исследователей, в том числе и нами,[2] а на территории всего бассейна Дона к юго-востоку от лесостепной полосы, а также переходят далее на побережье Азовского моря,[3] в Крым,[4] на Тамань,[5] в Приазовье,[6] и, по-видимому, сливаются

---

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. Сообщения, т. II, Изд. ГАИМК, Л., 1929, стр. 60—122; М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, 1935; 2) Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 130—165.

[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии.

[3] Ю. В. Готье. 1) Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 53—69; 2) Кто были обитатели Верхнего Салтова? Изв. ГАИМК, т. V, 1927.

[4] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 157—165.

[1] Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 65—84.

[2] М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 117—118; 2) Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 164 и сл.; И. И. Ляпушкин Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани . ., стр. 232.

[3] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 48 и сл.

[4] Ю. Ю. Марти. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 25—36; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. . ., стр. 226—230.

[5] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 7—8, стр. 67—68; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. . ., стр. 205 и сл.

[6] В. А. Городцов. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. В кн.: Памятники древности на Дону, кн. I. Ростов, 1940; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. . ., стр. 202.

в одну цепь с родственными памятниками северокавказских предгорий (Чми, Балта и др.) (рис. 26).[1] В связи с этим следует напомнить, что еще недавно, касаясь географического размещения донецкой и северокавказской групп данных памятников, Ю. В. Готье писал: «Нельзя, однако, рассчитывать на то, чтобы географически оказалось возможным тесно сблизить сходные между собой северокавказскую и донецкую археологические культуры. Они разъединены громадным расстоянием — около 800 в. по прямой линии. Их нельзя связать вместе территориально. Это звенья какой-то разорванной цепи. Пытаться найти недостающие звенья бесполезно при современном состоянии наших археологических знаний».[2]

Отмечая широкое распространение известных нам памятников салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, следует, однако, иметь в виду, что размещены они далеко не равномерно. Основная масса их известна нам в следующих четырех районах: 1) бассейн верхнего течения Северского Донца; 2) среднее и нижнее течение р. Оскола; 3) бассейн верхнего течения Дона; 4) бассейн нижнего течения Дона. При этом первые три района настолько близко подходят один к другому, что, по существу, представляют единое целое. В других районах бассейна р. Дона известны лишь единичные памятники. Они есть и по среднему течению Дона, и по среднему и нижнему течению Северского Донца, и в междуречье Дона и Донца. Безусловно, не вся территория была заселена равномерно, но отсутствие известных памятников в том или ином районе объяснять только неравномерностью заселения пока нельзя, поскольку отдельные районы остаются все еще совершенно необследованными.

Результаты полевой работы последних лет по Северскому Донцу, Осколу и Дону особенно наглядно убеждают нас в этом. До начала обследования зоны затопления Цимлянского водохранилища считалось, что памятники салтово-маяцкого типа выше ст. Цимлянской не имеют распространения. Обследования 1950—1951 гг. показали, что они есть и выше, как по течению Дона, так и по его притокам (Чир). Совершенно такую же картину мы выявили и в бассейне верхнего течения Северского Донца, выше Верхнего Салтова, и по нижнему течению р. Оскола, где памятники исследуемого типа до последних лет также не были известны. Очень мало изучено в этом плане среднее и нижнее течение Северского Донца (от Змиева и ниже), но и здесь памятники салтово-маяцкого типа (поселения и могильники) уже известны.[1] Совершенно неизученным является степной, в полном смысле этого слова, район междуречья Северский Донец—Дон, к востоку от Оскола. Однако мы не сомневаемся, что и здесь по берегам степных рек (Калитва, Айдар и др.) памятники данной культуры будут найдены.

Полевые работы последних лет не только увеличили число известных нам памятников салтово-маяцкой культуры и уточнили границы их распространения. Произведенные в эти же годы, хотя и небольшие, раскопки поселений выявили многие, до этого неизвестные стороны данной культуры, а тем самым полнее раскрыли ее содержание. Это позволило установить, что памятники, известные в литературе под именем салтово-маяцких, представляют далеко не единое целое.

II

Остатки салтово-маяцкой культуры дошли до нас в виде самых разнообразных памятников — поселений (городищ и селищ), могильников (катакомбных и ямных), случайных отдельных вещей и целых комплексов их. Самую большую группу из известных памятников составляют поселения, т. е. те памятники, содержание которых оставалось, да и сейчас еще остается, менее всего изученным. Мы знаем их в настоящее время около полусотни; они известны во всех районах бассейна р. Дона, за исключением

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 174 и сл.; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа, вып. VIII, М., 1900.

[2] Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 74.

[1] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. II; Отчет Ив. Тимощенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной. Тр. XII АС, т. II, М., 1905, стр. 569—576; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 51.

степной полосы междуречья Оскол—Дон, — района, остающегося до сего времени совершенно неисследованным. По внешнему виду поселения неоднотипны. Среди них есть укрепленные (городища) и неукрепленные (селища). Последние встречаются как в комплексах с укрепленными, так и вне связи с ними, совершенно самостоятельно.

Укрепленные поселения по характеру оборонительных сооружений не были одинаковыми. Сохранившиеся остатки позволяют заключить о существовании двух типов укреплений: 1) со стенами из камней или самана, 2) с земляными валами.

Число известных укреплений первой группы количественно преобладает. Их насчитывается более полутора десятка. Территориально бóльшая часть их расположена в бассейнах верхнего течения рек Северского Донца и Дона, в пограничной полосе лесостепи и степи, но они есть и в бассейне нижнего течения Дона, хотя здесь число их значительно меньше. Поселения этого типа расположены на мысах высоких коренных берегов рек, крутые, малодоступные склоны которых являлись хорошей естественной защитой (рис. 1—3). Стены укреплений, опоясывающие поселения по всему периметру, были довольно мощны. С внешней стороны к стенам примыкал ров.

В плане укрепления имеют преимущественно трапециевидную форму, что, по-видимому, обусловливалось конфигурацией площадок мысов, на которых размещались эти поселения.[1] Размеры их колеблются в среднем в пределах 150×150 м. Такой более или менее единообразный характер укрепленных поселений несомненно не случайное явление, а результат установившегося строительного приема, выработанного в процессе длительного опыта. Этот вывод довольно убедительно подтверждается материалами, добытыми нами при изучении двух укрепленных поселений — у с. Мохнач (р. Северский Донец) и дер. Доброй (р. Короча). Оба эти поселения возникли на местах укрепленных поселений (городищах) скифского времени (так называемого позднезольничного типа). Хотя в момент возникновения этих поселений земляные укрепления (валы и рвы) скифской поры имели

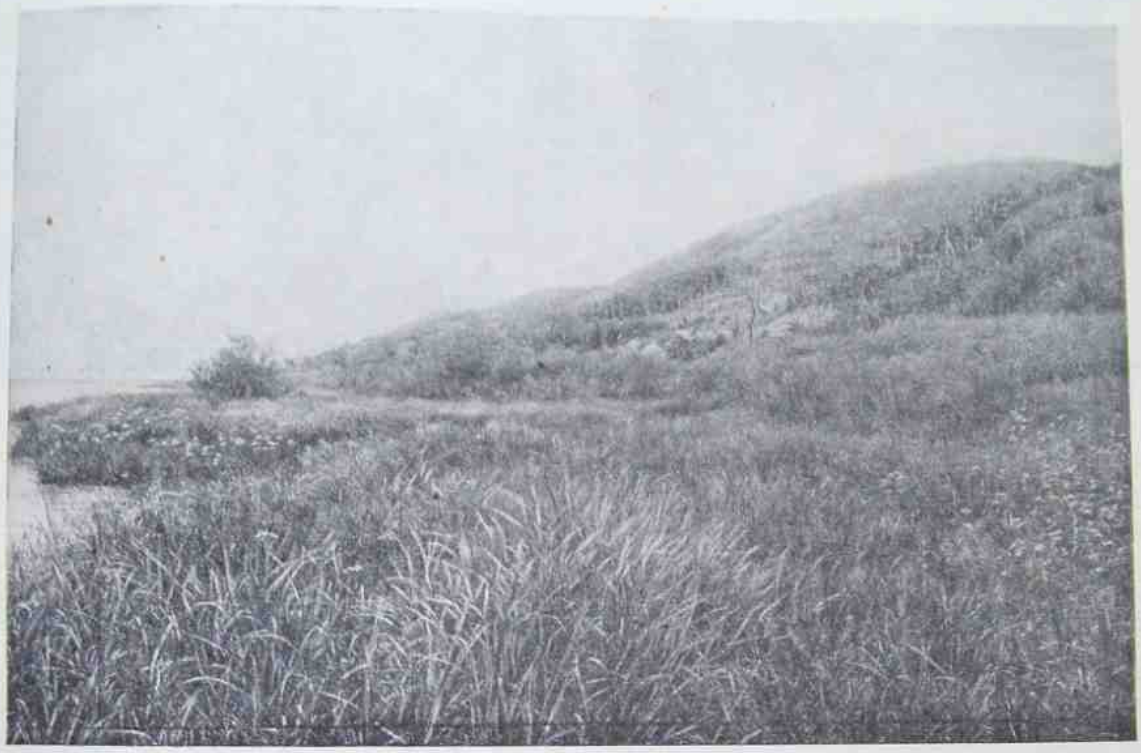


Рис. 1. Правобережное Цимлянское городище. Общий вид из долины р. Дона.

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., рис. 4; С. Н. Замятнин. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, рис. 11.

Рис. 2. Правобережное Цимлянское городище. Общий вид со стороны плато.

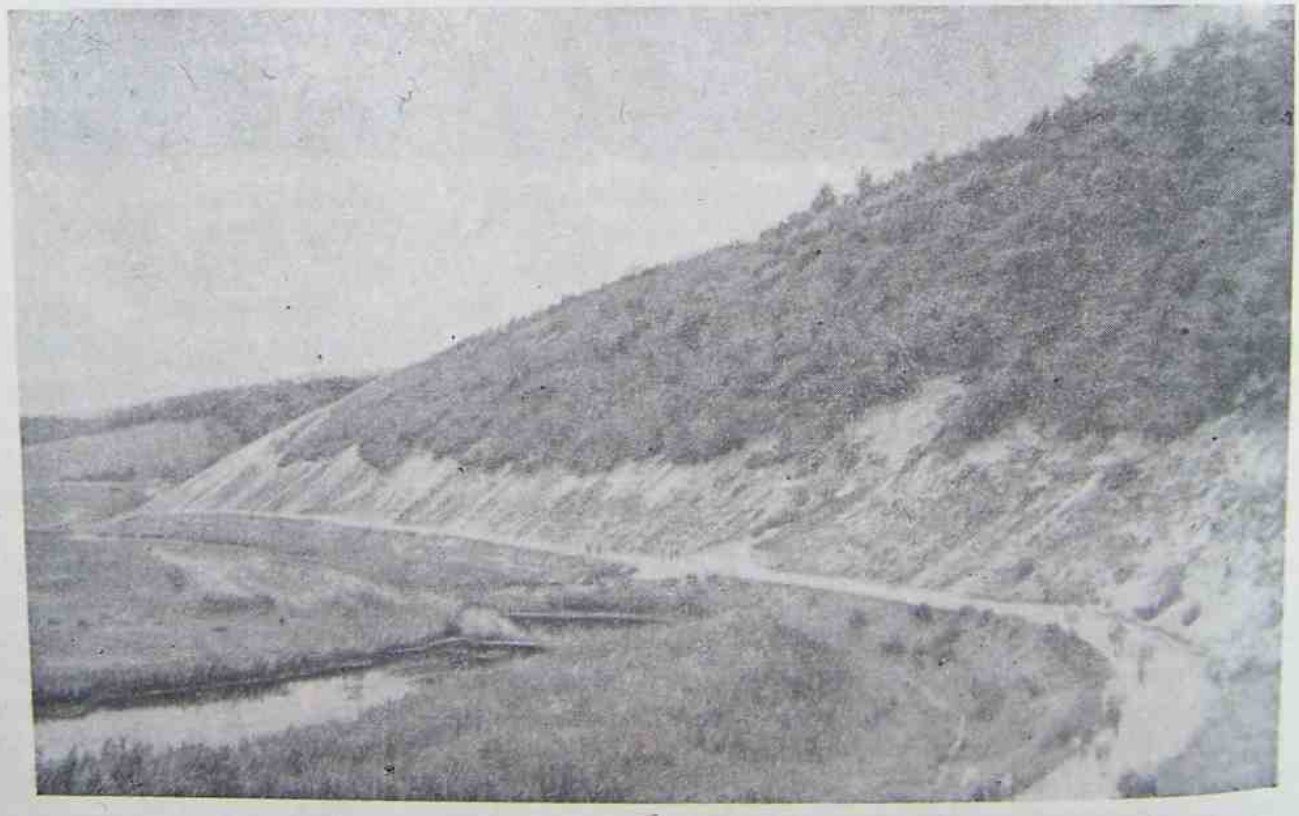


Рис. 3. Городище у дер. Доброй. Общий вид.

хорошую сохранность, подтверждением чего является их сегодняшнее состояние, и могли быть использованы в качестве оборонительных сооружений, салтовцы возводят на местах древних укрепленных поселков новые оборонительные сооружения охарактеризованного выше типа — в виде каменных стен по всему периметру. С подобным отношением к наследию прошлого мы столкнулись и при изучении укрепленных поселений ранних славян VIII—X вв. И там в тех случаях, когда планировка и система древних укреплений не отвечали формам укреплений, выработавшимся у славян, эти укрепления не использовались, а вместо них рядом же сооружались новые.[1]

Около большинства укрепленных поселений находятся неукрепленные поселки (селища). Они располагаются или непосредственно у стен укреплений (Маяцкое, Салтовское, Нежегольское и другие городища), или в некотором отдалении от них. Последнее, по-видимому, происходило при отсутствии непосредственно у стен укрепления удобной площадки для размещения поселка. Так обстояло дело, например, у Правобережного Цимлянского городища и у городища близ дер. Доброй. По размерам неукрепленные части поселений значительно превышают укрепленные части. Их протяженность измеряется не одной сотней метров, а поселок около Салтовского городища тянется более километра. Неукрепленные поселки (селища) в большинстве своем не имеют ясно выраженных наземных признаков. О их местонахождении можно судить лишь по выступающим на поверхности культурным остаткам. Чаще всего эти остатки обнаруживаются в обрезах промоин, оврагов и других естественных обнажений, а также при вспашке поверхности плугом. Лишь на немногих селищах встречаются своеобразные наземные опознавательные знаки, свидетельствующие о существовании здесь древнего поселения. Мы имеем в виду курганообразные мусорные кучи — зольники. На них подробнее мы остановимся в другом месте, здесь же только отметим, что подобные зольники были встречены нами, например, на селище у хут. Крутого близ Правобережного Цимлянского городища.

Состояние охарактеризованной группы памятников нельзя признать удовлетворительным. Каменные стены большей части укреплений разобраны еще в дореволюционное время. От некоторых из них сохранились валообразные груды рваных камней, перекрытые сверху землей, на месте других камни разобраны до основания. Сохранившиеся развалы понемногу разбираются в наши дни (Салтово, Маяцкое, Ольшанское городища; рис. 4). Территория многих поселений обрабатывается под посевы или же находится под жилыми и хозяйственными постройками. Пахота, бороньба и копка ям при сооружении хозяйственных построек приводят к тому, что древние культурные напластования разрушаются, а культурные остатки, попадая на поверхность, гибнут. Сильно пострадали укрепленные поселения во время Великой Отечественной войны. На многих из них были построены оборонительные сооружения: одиночные окопы, траншеи с многочисленными ходами сообщений и т. п. И все же мы убеждены, что памятники содержат в себе еще достаточно данных, способных осветить жизнь населения этих поселков, о которой мы знаем пока очень мало.

Вторая группа укрепленных поселений внешне существенно отличается от первой как по местоположению и размерам, так и по характеру оборонительных сооружений. Укрепления этой группы размещаются на широких плато надпойменных террас, примыкая непосредственно к руслам рек. Остатки их оборонительных сооружений дошли до нас в виде невысоких земляных валов и примыкающих к ним с внешней стороны неглубоких рвов. Были ли по валу какие-нибудь дополнительные сооружения, сказать невозможно. В отличие от укреплений первой группы искусственные оборонительные сооружения (валы и рвы) этих поселений охватывают площадку поселения лишь с одной, напольной стороны, но и при таких условиях длина оборонительных линий значительно превышала общую длину стен укреплений первой группы. Размеры огражденной валом площади колеблются в пределах 15—20 га, что во много раз превышает размеры укреплений первой группы. Близ укреплений располагались неукрепленные поселки. Размеры последних были еще больше, чем укрепленных частей. Число известных укреплений второй группы не-

[1] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 11—18.

велико. Мы знаем их пока что у хуторов Среднего и Карнаухова. К этой же группе укреплений следует отнести, по-видимому, и укрепленное поселение у ст. Каменской (Рыгинское городище) на Северском Донце, именно ту его часть, которая обнесена земляным валом.[1] К сожалению, проверить это сейчас уже нет возможности.

Сохранность укреплений второй группы, за исключением Каменского городища, значительно лучше, чем первой. Правда, валы и рвы тоже сильно пострадали, но площадки сохранились вполне удовлетворительно. На их поверхности отчетливо прослеживаются остатки разрушенных жилых и хозяйственных полуземляночных построек, а также скопления кухонных отбросов (зольников).

Несколько обособленное место среди исследуемых нами укреплений занимает поселение, возникшее на развалинах хазарской крепости Саркел. По характеру оборонительных сооружений оно выделяется из состава остальных. Это была военная крепость. Она имела мощные кирпичные стены и глубокий ров, прикрытые с напольной стороны дополнительной оборонительной линией, состоящей из земляного вала и глубокого, наполненного водой рва. Внутри крепость была застроена кирпичными зданиями. В какой мере сохранились крепостные стены, были ли они использованы салтово-маяцким населением как укрепление, установить трудно. Лишь исходя из факта размещения поселения в границах крепостных стен, можно и, по-видимому, нужно предполагать что последние сохранились настолько, что могли еще служить в качестве оборонительного сооружения. При всем своеобразии этого сооружения как крепости оно в основных своих чертах (размер — 186×125 м, планировка, наличие оборонительных стен по всему периметру укрепления) в большей или меньшей степени все же приближалось к собственно салтово-маяцким укреплениям первого типа и тем самым полностью могло отвечать требованиям, какие предъявлялись к такого рода сооружениям.

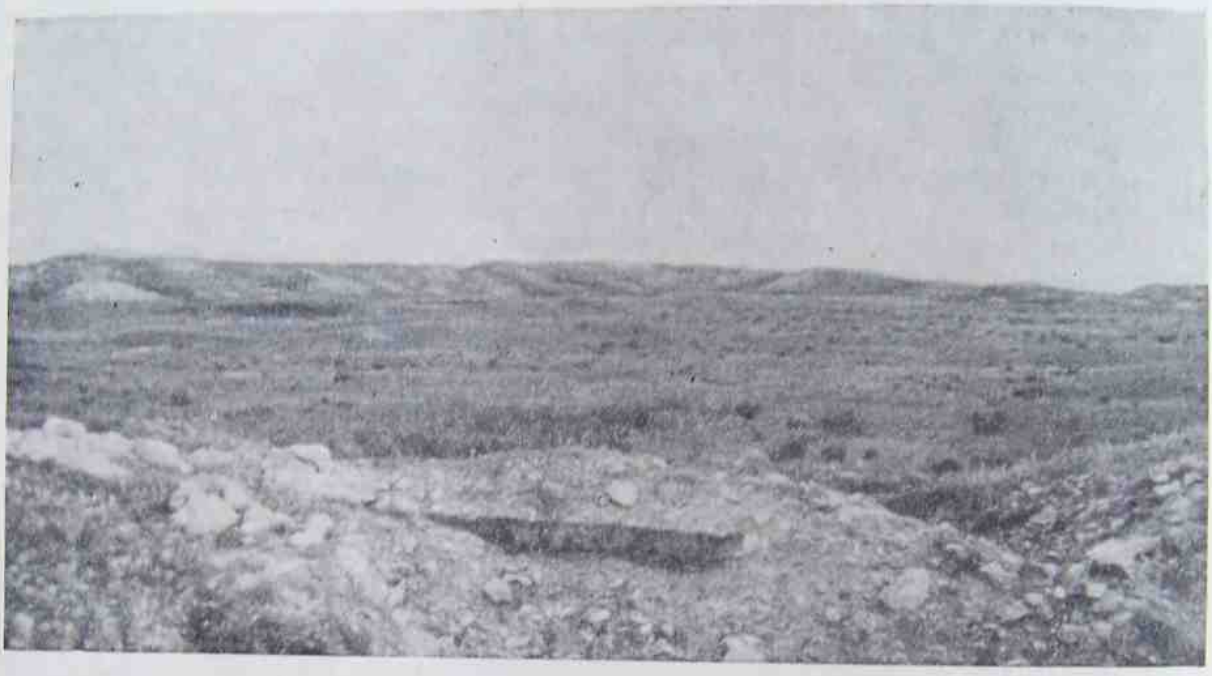


Рис. 4. Маяцкое городище. Развалы каменных стен.

Чтобы исчерпать с достаточной полнотой характеристику укрепленных поселений, необходимо остановиться еще на двух памятниках — на городище у с. Сторожевого (правый берег р. Дона) и на городище в с. Гороховатом (правый берег р. Оскола). Оба они многослойные. В Сторожевском городище в основании содержится слой скифского времени (позднe-

[1] [В. Д. Сухоруков]. Историческое описание Земли Войска Донского. Изд. 2-е, Новочеркасск, 1903, стр. VI—VIII; Отчет Ив. Тимощенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной, стр. 570—572; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 51.

зольничной культуры), в Гороховатском — выше салтово-маяцкого слоя лежит позднерусский слой XVII в. Памятники были подвергнуты лишь беглому внешнему осмотру. Гороховатское городище сильно разрушено. Бóльшая часть его срезана проложенной через него дорогой и застроена жилыми и хозяйственными сооружениями. Сторожевское городище распахивается. Собранные материалы не позволяют пока что ответить на вопрос, были ли эти поселения в салтовский период их жизни укрепленными или нет.

Таковы краткие данные, характеризующие внешний облик укрепленных поселений, накопленные за три четверти века их изучения. Долгое время считалось, что для салтово-маяцкой культуры характерны поселения укрепленного типа.[1] Этот вывод был обусловлен тем обстоятельством, что специальных поисков мест древних поселений на Юго-Востоке до 1920-х годов не велось и в поле зрения археологов естественно попадали лишь те памятники, которые имели ясно выраженные наземные признаки, позволяющие легко распознавать их. Древние укрепленные поселения (городища) и являлись такими памятниками. Они с давних пор были на виду у местного населения и через него становились известными и археологам. Многие из этих городищ были отмечены в письменных источниках XVII—XVIII вв., в том числе и укрепленные поселения салтово-маяцкой культуры. В частности, большая группа салтово-маяцких городищ по Северскому Донцу (Нежегольское, Салтовское, Кабаново, Мохначево и др.) упоминается в «Книге Большому Чертежу».[2]

Полевые изыскания в послеоктябрьский период показали, что среди памятников салтово-маяцкой культуры наряду с укрепленными поселениями широкое распространение имеют и неукрепленные поселки, стоящие вне связи с укрепленными. Впервые поселения этого типа были обнаружены в 1920-х годах при обследовании случайно открытых могильников салтово-маяцкой культуры у хут. Подгоровка [3] и дер. Залиманье.[4] Несколько позже, в конце 20-х—начале 30-х годов ряд неукрепленных поселений был выявлен разведками Волго-Донской экспедиции по нижнему течению р. Дона.[1] Самая же бóльшая часть их была открыта лишь в последние, послевоенные годы в результате работ Днепровской Левобережной экспедиции 1947—1948 гг.[2] в бассейне верхнего течения Северского Донца и по Осколу и разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1950—1951 гг.[3] в бассейне нижнего и среднего течения Дона (зона затопления Цимлянского водохранилища). В настоящее время число известных неукрепленных поселений (селищ) значительно превышает число укрепленных. Нет сомнения в том, что и в дальнейшем увеличение числа известных поселений салтово-маяцкой культуры должно происходить в первую очередь за счет неукрепленных поселений, остающихся в силу отсутствия ясно выраженных наземных признаков в значительной своей части все еще не выявленными. Последнее замечание относится в первую очередь к районам, не подвергавшимся специальным обследованиям (нижнее и среднее течение Северского Донца, его левые притоки и т. д.). Остатки неукрепленных поселений (селища) обнаружены во всех районах Дона, где известны и другие памятники салтово-маяцкой культуры, но бóльшая часть их находится все же в степной полосе. Они расположены по берегам рек, преимущественно на надпойменных террасах и более или менее пологих склонах коренных берегов, переходящих в надпойменную террасу. В этом отношении они резко отличны от укрепленных поселений первого типа и в какой-то мере напоминают укрепления у хуторов Карнаухова и Среднего. До 1951 г. ни одно из неукрепленных поселений не подвергалось раскопкам. Их датировку и принадлежность к салтово-маяцкой культуре определяли, как и при изучении укрепленных поселений, по тем материалам, которые удавалось собрать при внешнем обследовании. В первую очередь это были керамические остатки, встречаю-

---

[1] С. Н. Замятнин. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах, стр. 4.
[2] Книга Большому Чертежу. Ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 70—71.
[3] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 238/1926, л. 11.
[4] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, стр. 18.

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 117/1930, лл. 4—9; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 106—118.
[2] Архив ИИМК, Отчеты о работе Днепровской Левобережной экспедиции за 1947—1948 гг.
[3] Архив ИИМК, Отчеты о работе разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции за 1950—1951 гг.

щиеся в значительном количестве на всех поселениях, а также единичные находки других предметов быта. На одном из селищ (у хут. Подгорского) обнаружены сорные кучи (зольники), совершенно такие же, как и на поселениях у хуторов Среднего, Карнаухова, Крутого. На ряде поселений этого типа были обнаружены следы полуземляночных жилищ (хут. Подгоровка,[1] ст. Суворовская).[2]

Очень трудно определить, хотя бы приближенно, размеры неукрепленных поселений, поскольку последние не имеют наземных признаков, а проследить территорию поселения по культурным отложениям — дело довольно сложное. Часто места древних поселений заняты современными постройками или обрабатываются под посевы. Иногда они просто задернованы. Однако при всей неполноте собранных исследователями данных есть основание сделать вывод, что поселения были довольно значительных размеров. Укажем, например, что культурные отложения поселения у хут. Сидорова (правый берег Северского Донца) прослеживаются на площади около 400××500 м, на поселении у ст. Суворовской (правый берег Дона) — на площади около 300×700 м, на поселении у с. Голубовки (правый берег р. Оскола) — на площади около 150×500 м, и т. д. Факты эти довольно красноречивы. Следует обратить при этом внимание на то, что перечисленные нами точки характеризуют не один какой-либо район бассейна Дона, а участки, отстоящие друг от друга на сотни километров. Весьма любопытной чертой этих поселений является то, что в подавляющей своей массе они однослойны. Изредка мы встречаем в качестве подстилающего слоя отложения эпохи бронзы.

Переходя от общей внешней характеристики поселений, как укрепленных, так и неукрепленных, к характеристике их содержания, вскрытого раскопками, мы считаем весьма уместным и даже необходимым, насколько это возможно, кратко остановиться на истории раскопок и тех задачах, которые ставились перед ними, чтобы тем самым было легче понять, что смогли они дать для понимания исследуемого нами вопроса.

Как отмечалось выше, поселения салтово-маяцкой культуры начали исследоваться еще в конце XIX в., однако длительное время они оставались и в хронологическом, и в историко-культурном отношении неопределенными, безликими. Почти все работы, проведенные на них в XIX в., были связаны с поисками Саркела, или Белой Вежи по русским летописям. Так, с этой целью в 1883 г. были произведены В. И. Сизовым разведочные раскопки на Каменском, Семикорокорском и Левобережном Цимлянском городищах.[1] В 1885—1887 гг. с той же целью В. И. Сизовым[2] и Н. И. Веселовским[3] производились раскопки на Правобережном и Левобережном Цимлянских городищах. Недостаточно четкая методика раскопок древних поселений, небольшой объем работ, изучение памятников под узким углом зрения (поиски Саркела), а главное, плохое знание вещественного материала и в первую очередь керамики не позволили исследователям разобраться ни в памятниках в целом, ни в их деталях — характере жилищно-хозяйственных сооружений, бытовом и хозяйственном инвентаре и т. д., а тем самым и определить место этих поселений среди других памятников. Показательным в этом отношении является датировка В. И. Сизовым Правобережного Цимлянского городища XIII—XIV вв.[4] Лишь открытие и исследование в начале XX в. Салтовского могильника и связанного с ним укрепленного поселения (городища),[5] а несколько позже исследование Маяцкого городища и могильника[6]

---

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 238/1926, л. 45; д. № 208/1927, л. 4 об.

[2] Архив ИИМК, Отчет о работе разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции за 1950 г.

[1] Древности, Тр. МАО, т. IX, 1885, Протоколы, стр. 59—60.

[2] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 15/1887, лл. 18—37; ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. CLXXVII.

[4] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону.

[5] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 465—491; В. А. Бабенко. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 381—386; В. А. Бабенко. Дополнение к докладу «Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове». Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 408 и сл.; В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Каменный город. Тр. XV АС, т. I, М., 1914, стр. 464—470.

[6] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 153—163; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 1—43.

в какой-то мере позволили выяснить хронологию исследуемых нами поселений.

Этими же исследованиями были добыты материалы, характеризующие устройство оборонительных сооружений (стен и рвов) и некоторые стороны хозяйственной деятельности и быта населения. Так, на Маяцком поселении раскопками А. И. Милютина (1906 г.) и Н. Е. Макаренко (1908—1909 гг.) были открыты остатки жилых и хозяйственных построек.[1] Остатки какого-то полуземляночного сооружения были открыты и В. А. Бабенко при исследовании Верхне-Салтовского городища (1913 г.). С легкой руки исследователя они вошли в научный обиход как гончарная мастерская с гончарной обжигательной печью внутри нее. К сожалению, обнаруженные объекты не были надлежащим образом задокументированы ни графически, ни фотографически, неудовлетворительно сделано и описание их.[2]

Неудачно были проведены раскопки на Салтовском городище и Н. Е. Макаренко (1905 г.). Им был исследован лишь верхний, поздний слой (XVII в.), несмотря на ясно поставленную перед ним Археологической комиссией задачу произвести исследование местного, т. е. Салтовского, городища в такой мере, чтобы можно было судить об его культуре, а также «обнажить часть каменной кладки, описать ее».[3]

Таким образом, из всех раскопок, проведенных на поселениях салтово-маяцкой культуры в дореволюционное время, наиболее ценными по результатам и удовлетворительно поставленными в техническом отношении несомненно были раскопки Маяцкого городища. Материалы, добытые при этих раскопках, могли существенно дополнить представление о характере салтово-маяцкой культуры, складывавшееся на основе данных могильников. Но, к сожалению, материалы эти использованы не были.

В послеоктябрьский период раскопки поселений салтово-маяцкого типа производились лишь в одном районе — на Нижнем Дону. Бóльшая часть их (1934—1936, 1949—1952 гг.) была посвящена исследованию Левобережного Цимлянского городища — древне хазарской крепости Саркел, или Белой Вежи по русским летописям, — неоднократно уже подвергавшемуся раскопкам в конце XIX в., или же памятникам, в той или иной мере связанным с этим городищем (раскопки Правобережного Цимлянского городища в 1939 г.). Перед исследователями были поставлены задачи более широкого плана, чем изучение салтово-маяцкой культуры как таковой.

Среди огромного количества отдельных вещей, а также комплексов их, найденных при раскопках Левобережного Цимлянского городища, немалое число предметов может быть связано с салтово-маяцкой культурой. То же самое следует сказать и о жилищно-хозяйственных сооружениях. Однако большого значения этим находкам как источникам познания существа салтово-маяцкой культуры на данном этапе ее исследования придать нельзя и вот почему. Левобережное Цимлянское городище как поселение существовало сравнительно недолго (с IX по XII—XIII вв.). За этот короткий промежуток времени на территории поселения сменилось не менее трех различных групп населения, по некоторым чертам своей материальной культуры близко стоящих одна к другой.

Значительно больше для понимания салтово-маяцкой культуры дали небольшие раскопки Правобережного Цимлянского городища, хотя исследование его было подчинено тем же задачам, что и исследование Левобережного городища. Раскопками были вскрыты остатки жилых и хозяйственных построек и добыт довольно богатый бытовой и хозяйственный инвентарь (большое количество глиняной посуды, орудия труда, предметы украшения и т. п.). Городище оказалось поселением с относительно коротким периодом жизни (VIII—X вв.), содержащим отложения одной культуры, но все же это был более сложный памятник, чем представлялось по данным раскопок Н. И. Веселовского и В. И. Сизова.

Раскопки Правобережного городища внесли много нового в представление о жилищно-хозяйственных сооружениях, занятиях населения, керамике и некоторых других сторонах салтово-маяцкой культуры.

Непосредственному исследованию содержания салтово-маяцкой культуры были посвящены лишь небольшие разведочные рас-

[1] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 153—163; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 1—43.

[2] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—470.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 70/1905, л. 2.

копки поселений Карнауховского в 1950—1951 гг. (городище и селище) и Суворовского (селище) в 1951 г. Оба поселения оказались однослойными и, по-видимому, с довольно коротким сроком жизни, что придает добытым при их исследовании материалам особую ценность. Наиболее важными являются остатки жилищно-хозяйственных и производственных сооружений, позволяющие по-настоящему уяснить особенности этих строений, присущих салтово-маяцкой культуре, и вместе с тем разобраться в ранее открытых, но не понятых остатках сооружений.[1]

Из приведенного обзора раскопок салтово-маяцких поселений с полной очевидностью вытекает, что бо́льшая часть их была проведена далеко не с целью изучения салтово-маяцкой культуры, а имела свои особые задачи. Это обстоятельство сильно отразилось как на выборе объектов исследования, так и на направлении раскопок. Таким образом, рассматривая раскопки со стороны поставленных перед ними задач, мы должны признать, что к исследованию салтово-маяцкой культуры как таковой они имели случайное отношение. Несмотря на все это, в результате раскопок накопился достаточный материал, без обобщения которого дальнейшее, более глубокое изучение невозможно.

Наибольший научный интерес из материалов, открытых раскопками, представляют остатки жилых и хозяйственных построек, а также сооружений производственного назначения, т. е. тех элементов материальной культуры, в которых находят свое отражение самые разнообразные стороны жизни человека.

Остатки жилых построек были обнаружены почти при всех раскопках, хотя и не всегда правильно поняты. Судя по этим данным, основным видом жилищ на поселениях салтово-маяцкой культуры являлись полуземлянки. По форме полуземлянки были двух типов — прямоугольные и округлые.

Полуземлянки первого типа, прямоугольные, дошли до нас в их нижней, углубленной в землю части, в виде прямоугольных в плане ям глубиной около 1 м. Размеры их колеблются в пределах 3—4.5×3—5 м. Устойчивости в ориентации не наблюдается. Пол материковый, хорошо утрамбованный; стены отвесные. Остатков опалубки стен из дерева или других материалов не наблюдалось ни разу. В полу некоторых жилищ встречены хозяйственные ямы-погреба. Форма их колоколовидная. В центре жилища или в одном из углов помещается очаг довольно примитивного устройства. Как правило, он открытый, по краям обложен камнями и черепками или углублен в пол. Кровля жилища покоилась, по-видимому, на столбах. Расположение столбов и их количество отчетливо прослеживаются по столбовым ямкам в полу жилища. Число столбов от 2 до 6. Характерный чертой в постановке столбов является их заделка в пазы под лицо со стенами жилища. Эти же столбы служили, по-видимому, основой каркаса стен жилища, об устройстве которых можно говорить лишь предположительно, так как никаких остатков не сохранилось. Очень мало данных для восстановления входа в жилище. Лишь в двух случаях были обнаружены входные ступеньки, вырезанные в стенах полуземлянок (жилище № 1 Карнауховского поселения и жилище № 1 Суворовского поселения).[1]

В целом полуземлянки первого типа салтово-маяцкой культуры, как видно из изложенного, очень близки одновременным с ними полуземляночным жилищам славянорусских поселений лесостепной полосы, юго-восточная граница распространения которых вплотную примыкает к границе поселений салтово-маяцкой культуры.[2] Есть, однако, одна черта, которая резко отличает славянские полуземлянки от полуземлянок салтово-маяцких — это наличие в первых печей со сводами. Печи эти бывают или глинобитными, или каменными. Как правило, они сооружались в одном из углов жилища. Эта черта славянских полуземлянок довольно устойчива для всей лесостепной полосы от Днестра до Дона. В полуземлянках салтово-маяцкой культуры печей подобного типа

[1] Подробную характеристику этих поселений см. в наших статьях «Карнауховское поселение» и «Средневековое поселение близ ст. Суворовской», помещенных в настоящем томе.

[1] О жилищах салтово-маяцкой культуры больший материал содержится в статье В. Д. Белецкого «Жилища Саркела—Белой Вежи» во II томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

[2] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948; И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 7—41.

обнаружено до сих пор не было; там имелись только открытые очаги. Насколько верны эти выводы, покажет дальнейшее изучение памятников. Но нам кажется, что уже и сейчас данные выводы могли бы быть использованы при анализе материалов из раскопа 1949—1951 гг. многослойного Левобережного Цимлянского городища, в отложениях которого остатки салтово-маяцкой и славянской культур (в том числе и полуземляночных жилищ) настолько переплелись, что стратиграфически расчленить их очень трудно.

Впервые вполне достоверные остатки прямоугольных полуземлянок на поселениях салтово-маяцкой культуры выступают в раскопках Н. Е. Макаренко, произведенных им в 1908—1909 гг. на Маяцком поселении. На территории городища и селища им было открыто довольно большое число вырубленных в мелу ям различной формы и размера, которые он все зачислил в «жилые помещения».[1] Эту характеристику Н. Е. Макаренко несомненно следует рассматривать лишь в плане принадлежности всех вскрытых сооружений к жилищно-хозяйственным; последнее вытекает хотя бы из того, что одну из этих ям он сам несколько ниже называет «хлебной ямой», а не погребальным комплексом, как пытались рассматривать подобные сооружения предшествующие исследователи Маяцкого городища.[2] Но в числе этих различных по форме и размерам ям были безусловно и жилые в подлинном смысле этого слова. Хотя Н. Е. Макаренко и не останавливается на данной стороне вопроса, но, пользуясь приведенными им описаниями этих ям, можно с полной достоверностью указать, какие из них являются жилищами. Безоговорочно остатками жилища можно считать яму «б» на городище. Она имеет почти квадратную форму; размеры ее около 4×4 м, глубина около 0,7 м. У юго-восточной стены ее находится небольшая, колоколовидной формы хозяйственная яма, в восточном углу — развал очага. Можно указать еще несколько ям, например яму «д» на городище и яму № 6 на селище, которые по общему облику (форме, размерам) очень близки к отмеченной выше и, возможно, также являются остатками жилищ, но, к сожалению, уверенными полностью в этом мы быть не можем, так как сведения о них, приведенные Н. Е. Макаренко, не дают исчерпывающей характеристики. В частности, отсутствуют указания о каких-либо следах огня на полу (остатки золы, обожженность пола и т. п.) — этом одном из основных признаков жилища.

Возможно, остатками таких же прямоугольных жилищ-полуземлянок были и некоторые из ям «без погребений» (например, №№ 2 и 4), раскопанные А. И. Милютиным в 1906 г. при исследовании им территории, окружающей Маяцкое городище, которую он рассматривал как «погребальное поле», а также яма на городище, которую этот автор характеризует как «высеченную с какой-то целью в мелу».[1] Но и в данном случае мы не можем быть полностью уверены, что имеем дело с остатками жилых построек, ибо не в одной из ям исследователем не отмечается наличие каких бы то ни было следов очага, даже самых примитивных — хотя бы в виде скопления золы на обожженном полу. Правда, не исключена возможность, что исследователь просто не обращал на эту сторону внимания, поскольку он подходил к вскрываемым им ямам как погребальным сооружениям.

Остатки какого-то полуземляночного сооружения — не исключена возможность, что и жилища — еще раньше А. И. Милютина были открыты В. А. Бабенко в 1903 г. на Волчанском поселении. Это была небольшая (2×2 м), квадратная в плане яма, заполненная культурными остатками. Как мы отмечали выше, В. А. Бабенко не разобрался в памятнике, он отнес его «к городищам самого древнего периода».

Наиболее отчетливо облик прямоугольных жилых полуземлянок салтово-маяцкой культуры определился лишь в последние годы, при раскопках Карнауховского и Суворовского поселений. Только на полуземлянках этих памятников представилось возможным установить характерную их особенность — примитивный характер очажных сооружений (открытые очаги), что, по-видимому, отличает их от одновременных им славянских полуземлянок.[2]

В последние годы большое число жилых полуземлянок было обнаружено при раскоп-

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 34 и сл.
[2] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 153—163

[1] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 155.
[2] См. наши статьи «Карнауховское поселение» и «Средневековое поселение близ ст. Суворовской» в настоящем томе.

ках нижнего слоя Левобережного Цимлянского городища, причем одни из полуземлянок имели печи со сводами (преимущественно печи-каменки), в других были только открытые очаги, совершенно того же типа, что и в полуземлянках поселений у хут. Карнауховa и ст. Суворовской. Нет никакого сомнения в том, что первые из них были славянскими, а вторые — салтово-маяцкими.

Полуземлянки второго типа (округлые) отличаются от прямоугольных не только по форме, но и по некоторым деталям. Они значительно меньше по размерам, наибольший диаметр их около 3 м при глубине около 0.5 м. Очаги в них открытые, еще более примитивные, чем в полуземлянках первого типа, — это просто костры. Как правило, они расположены в центре полуземлянок или близко к нему. Пол глиняный, хорошо утрамбованный. В некоторых жилищах в полу имеются хозяйственные ямы-погреба. Об устройстве наземной части судить очень трудно. Лишь исходя из округлой планировки углубленной части жилища и расположения очага в центре его, можно предполагать, что наземная часть была конусообразной, типа юрты. Однако это только предположение. Полуземлянки округлого типа обнаружены пока лишь в двух поселениях. Впервые они были открыты при раскопках Правобережного Цимлянского городища.[1] В 1950—1951 гг. аналогичные им полуземлянки были выявлены при исследовании нижних слоев Левобережного Цимлянского городища. На Правобережном городище округлые полуземлянки являются основным типом жилых построек, если не считать имевшиеся там какие-то каменные постройки (см. стр. 102); на Левобережном городище наряду с округлыми полуземлянками, как мы отмечали уже выше, имеются и прямоугольные.

При раскопках салтово-маяцких поселений открыты остатки не только жилых, но и хозяйственных построек. Наиболее интересными из них являются остатки полуземляночных сооружений, обнаруженные в 1951 г. при раскопках Карнауховского поселения. Эти прямоугольные ямы углублены в материк до 1 м. По размерам они резко отличаются от жилых полуземлянок. Ширина их 3—3.5 м, длина достигает 10—14 м. Весьма характерной чертой их является отсутствие очажных сооружений. Своеобразен и пол: в основе своей он материковый, но настолько испещрен втоптанными в него темными вкраплениями, что приобрел мраморовидный характер. Поверхность его неровная. Посредине пола почти через всю его длину проходит неглубокая, узкая канавка. Столбовые ямки, обнаруженные в некоторых сооружениях, свидетельствуют, что покрытие покоилось на столбах. От наземной части никаких следов не сохранилось. Все открытые хозяйственные постройки этого типа имеют довольно выдержанную ориентацию, все они вытянуты по длинной оси в направлении северо-восток—юго-запад. Устойчиво и их размещение на поселении: как правило, каждая из них расположена близ жилища, составляя с ним единый жилищно-хозяйственный комплекс.[1]

Среди археологических памятников сооружения подобного типа до сих пор не были известны. Трудно указать и этнографические параллели. Здесь мы можем сослаться лишь на личные наблюдения. Так, нам известно, что в практике сельского населения лесостепной полосы сооружение таких узких и длинных полуземляночных построек бытует и по сей день. Это зимние помещения (хлевы) для мелкого скота — овчарни, свинарники и т. п. В 1946 г. постройку подобного свинарника мы наблюдали в Полтавской области близ хут. Писаревки Ново-Сенжарского района. Очевидно, обнаруженные на Карнауховском поселении остатки описанных выше полуземлянок принадлежат таким хлевам (овчарням). Помимо этнографических данных, это положение подтверждается рядом фактов, установленных при исследовании вскрытых построек. Наиболее показательным в этом отношении является пропитанность пола на значительную глубину темными компонентами. Такая пропитанность могла появиться лишь в результате длительного втаптывания в пол инородных примесей, что имеет место на стоянках скота, как на открытых стойлах, так и в хлевах. Интересны в этом отношении и канавки, проложенные посредине пола, служившие для стока нечистот.

---

[1] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 58—62.

[1] См. нашу статью «Карнауховское поселение» в настоящем томе (стр. 285—301).

По-видимому, как остатки этого же типа хозяйственных сооружений, но несколько меньшего размера, следует рассматривать и некоторые из «жилых ям», вскрытых Н. Е. Макаренко в 1909 г. на Маяцком поселении, в частности яму № 8. Длина этой ямы около 5 м, ширина около 2.5 м. Никаких следов очага, судя по описанию Н. Е. Макаренко, обнаружено не было. В полу проложены две узкие, неглубокие канавки: одна вдоль стены, вторая посредине. К сожалению, данными об ориентировке воспользоваться нельзя, в них вкралась опечатка: в тексте указано, что яма ориентирована по длинной оси в направлении с северо-востока на юго-восток.[1]

Более широкое распространение из хозяйственных сооружений имеют так называемые хозяйственные ямы — погреба, хлебные ямы и т. п. В плане они округлые, причем нижний диаметр, как правило, несколько больше верхнего, что придает ямам колоколовидную форму. Размеры их самые разнообразные, некоторые из них достигают 1.5—2 м глубины и таких же диаметров. Они сохранились как внутри жилых помещений, так и за их пределами. Как располагаются они в последнем случае по отношению к жилым помещениям, установить пока не удалось. Хозяйственные ямы открыты на всех поселениях, где производились раскопки: на Маяцком,[2] Правобережном Цимлянском, Карнауховском, Суворовском, Левобережном Цимлянском. Наиболее вероятно, что такой же обычной хозяйственной ямой является, как мы попытаемся показать ниже, так называемая гончарная печь, открытая В. А. Бабенко на Салтовском городище.[3]

Наряду с полуземляночными жилищно-хозяйственными постройками на поселениях салтово-маяцкой культуры были обнаружены следы наземных сооружений. Так, при раскопках В. И. Сизова в 70-х годах прошлого столетия на Правобережном Цимлянском городище были отмечены остатки квадратного каменного здания.[4] Эти наблюдения В. И. Сизова в какой-то мере подтверждаются и раскопками, проводившимися на этом городище в 1939 г. Во время этих раскопок на территории центрального укрепления были открыты груды строительного мусора в виде битых кирпичей, камней, известковой щебенки и т. п.[1] Существование каменной постройки на городище подтверждается также донесением военного инженера Сацыперова, проводившего в 1742 г. по заданию императрицы Елизаветы обмеры городища. В рапорте на имя Правительствующего Сената от января 1743 г. Сацыперов писал, что на городище «в середине и снаружи строения нет никакого, кроме что маленькая каменная разломанная палата».[2] К рапорту приложен план городища. «Каменная палата» нанесена в той части городища, где В. И. Сизов в 70-х годах XIX в. производил раскопки.

Незначительные остатки наземных построек в виде каменных кладок были открыты и при раскопках Маяцкого городища, но, как и на Правобережном Цимлянском городище, исследование этих незначительных остатков доведено до конца не было и облик построек остался неясным.[3]

Так же не совсем ясен характер и другой группы наземных сооружений, открытых в 1950—1951 гг. на Карнауховском поселении, в неукрепленной его части. Постройки оказались полностью разрушенными. От них сохранились развалы обожженной глиняной обмазки с отпечатками тростникового каркаса, неглубокие канавки в виде замкнутых прямоугольников со слегка закругленными углами, служившие, по-видимому, пазами для установки камышового каркаса стен, и ямки от столбов, поддерживавших крышу. В некоторых сооружениях сохранились остатки очагов. Таким образом, по характеру строительных материалов и строительной техники эти наземные сооружения существенно отличались от описанных выше построек из камня. На территории поселения зафиксировано большое число точек (более 20), где прослеживаются аналогичные остатки; это свидетельствует, что постройки такого

---

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 40—41.
[2] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 38.
[3] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—470.
[4] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону, стр. 278.

[1] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58—62.
[2] Центральный архив древних актов, ф. Правительствующего Сената 1743—1747 гг., д. № 92/463, л. 16 об.
[3] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 154; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 12—17.

рода имели здесь широкое распространение. Установлено также, что по своему размещению они не обособлены от жилищно-хозяйственных построек полуземляночного типа, а вместе с ними составляют единые комплексы.[1]

Особый интерес среди материалов поселений представляют остатки производственных сооружений — гончарных обжигательных печей. Как отмечалось уже выше, существование их у населения, оставившего салтово-маяцкую культуру, давно отмечено в литературе. Основанием к этому служило как повсеместное бытование керамики, сделанной на круге, так и обнаружение остатков самих печей. Однако облик последних вплоть до наших дней оставался неясным. Обнаруженные печи имели очень плохую сохранность и, даже больше того, некоторые из остатков, как показывает изучение материалов, в действительности не были печами. Мы имеем в виду открытые В. А. Бабенко при раскопках Салтовского городища остатки «керамической мастерской, имевшей вид землянки», и найденной в ее полу гончарной печи.[2] Со времени опубликования В. А. Бабенко данных, относящихся к произведенному им открытию, прошло около 40 лет. Выводы, сделанные им из этих материалов, прочно вошли в научный обиход, и достоверность их, кажется, ни у кого, в том числе и у нас, не вызывала сомнений. Так продолжалось до последнего времени.[3]

При раскопках в 1951 г. Суворовского поселения были открыты остатки гончарных обжигательных печей, что заставило нас вновь пересмотреть все материалы, относящиеся к этому вопросу, в том числе и данные раскопок В. А. Бабенко. Изучение последних показало, что сделанные исследователем выводы не имеют под собой основания, в чем легко убедиться как из описания открытых им сооружений, так и из имеющейся графической документации.[4] Раскопки были произведены около южной стены укрепления. Площадь раскопа 10×6 аршин. «На глубине 2 арш. открыта каменная обрушившаяся кладка от потолка какого-то сооружения. Под каменными плитами оказалась масса пережженной глины, обожженных камней, крупные куски углей дубового и липового дерева. По очистке от мусора оказалась вполне оборудованная керамическая мастерская, имевшая вид землянки в 5 арш. длины и 4 ширины, стенки которой выложены были каменными плитами. Внутри мастерской оказалась целая масса фрагментов от различной формы и величины посуды, совершенно аналогичных с посудой могильников. Многие фрагменты были покрыты разнообразным орнаментом и лакировкой. Здесь же лежали слоями приготовленная отмученная беловатая глина, куски мазков со следами пальцев, куски обожженной глины, масса древесного угля и золы.

«Самая же важная и интересная находка оказалась в наполненной углями, золой, обожженными камнями и задымленной глиной гончарной печи, наполовину обрушенной. Печь эта углублялась ниже пола мастерской на 1½ арш. в западной ее стороне.

«Пол мастерской находился на глубине 1½ арш., а дно печи на глубине 4 арш. от поверхности почвы. После очистки печной ямы в ней на дне оказались семь огромных размеров амфор древнегреческой формы; из них многие были раздавлены обвалом, некоторые в более или менее хорошей сохранности и одна совершенно целая».[1] Таковы данные, характеризующие открытый В. А. Бабенко производственный комплекс, состоящий из керамической мастерской и гончарной обжигательной печи. Никаких других материалов, свидетельствующих о наличии печи, нет. В оригинале отчета, хранящемся в Архиве ИИМК, имеются некоторые разночтения и незначительные дополнения к опубликованному В. А. Бабенко тексту.[2] Некоторые из этих разночтений весьма важны для понимания исследуемого вопроса, и мы считаем необходимым их отметить. В вышеприведенной цитате после слов «и задымленной глиной» в оригинале следует: «*полуовальной ямы, очевидно* гончарной печи».[3]

---

[1] См. нашу статью «Карнауховское поселение» в настоящем томе (стр. 261—314).

[2] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 464—473, рис. 57; Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, лл. 39—42.

[3] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 331—332.

[4] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 468—470, рис. 57; Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, лл. 39—47.

[1] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 468—470.

[2] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, лл. 30—47.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, л. 40.

Из всей этой характеристики следует, что В. А. Бабенко были открыты остатки полуземляночного сооружения в виде прямоугольной в плане ямы размером 5×4 аршина, стены которой были выложены камнем. Кстати сказать, в оригинале размер этой ямы равен 6×4 аршина.[1] В яме В. А. Бабенко усмотрел «керамическую мастерскую». Против этого положения возражать мы не будем, ибо никаких аргументов ни за, ни против у нас не имеется, хотя каких-либо специфических признаков, свойственных керамической мастерской, здесь нет. Черепки, зола, куски глины, угли, кости животных — это обычное заполнение как жилых, так и хозяйственных сооружений полуземляночного типа.

Но обратимся к гончарной печи. Из описания следует, что это «полуовальная яма» глубиной 1½ аршина (т. е. около 1 м), расположенная в углу полуземляночного сооружения. Яма эта, как и полуземлянка, была заполнена сверху различными культурными остатками (углями, золой, обожженными камнями и задымленной глиной), а «на дне оказались семь огромных размеров амфор». Эту яму В. А. Бабенко назвал гончарной печью. В тексте дан разрез ямы с найденными в ней амфорами. К отчету, хранящемуся в Архиве ИИМК, приложен план городища, на котором нанесены остатки полуземлянки и в юго-западном углу обозначена овальная яма. На опубликованном плане последней детали нет. Изучение этих данных приводит нас к выводу, что признать в овальной яме, открытой В. А. Бабенко в углу полуземляночного помещения, гончарную обжигательную печь нельзя. Печь, какая бы она ни была, прежде всего должна иметь топку, а если она к тому же производственного назначения, в частности гончарная, то у нее должна быть какая-то камера. В открытой В. А. Бабенко яме нет ни того, ни другого. На самом деле, если допустить, что открытая В. А. Бабенко яма есть гончарная печь и найденные в ней амфоры находились в процессе обжига, то встает вопрос: где же расположена топка, где горело топливо? По приведенным исследователем данным, угли (если это только остатки топлива) лежат выше «обжигаемых» амфор вместе с камнями, кусками задымленной глины и другими культурными остатками. Допустим, что топка действительно располагалась выше обжигательной камеры. Естественно встает вопрос, а каким же образом мог попадать сверху в ниже лежащую яму горячий воздух? Объяснить мы не можем, да это и не объяснимо, ибо противоречит здравому смыслу.

Что же за сооружение представляет вскрытая В. А. Бабенко яма, названная им гончарной печью? Несомненно, это обычная хозяйственная яма-погреб, вырытая в полу какого-то полуземляночного помещения. Было ли последнее жилым или хозяйственным, сказать трудно вследствие полного отсутствия какой-либо полевой документации. Что касается амфор, то их следует рассматривать как тару, в которой хранились запасы каких-то (по-видимому, жидких) продуктов. Находка большого числа глиняных сосудов в хозяйственных ямах в археологической практике явление нередкое.

Можно привести несколько таких примеров из нашей полевой работы. Так, при исследовании в 1951 г. Суворовского поселения на дне одной из хозяйственных ям нами было обнаружено значительное число раздавленных сосудов. Три из них были собраны полностью, остальные сохранились частично (яма обнаружена в обрезе берега в разрушенном виде; часть находившихся в ней остатков погибла при ее разрушении, в том числе, по-видимому, и отдельные фрагменты сосудов).[1] Несколько сосудов (4) найдено в хозяйственной яме Новотроицкого поселения при раскопках 1952 г.[2]

Так, нам кажется, должен решаться вопрос о так называемой гончарной печи, открытой В. А. Бабенко на Салтовском поселении.

Остатки подлинной гончарной печи, относящиеся к салтово-маяцкой культуре, были обнаружены лишь в 1927 г. при разведочных работах Северо-Кавказской экспедиции близ Левобережного Цимлянского городища. Плохая сохранность печи не позволила создать отчетливого представления об ее устройстве, но общие ее контуры, как показывают данные, полученные позже, при

[1] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, л. 39.

[1] См. нашу статью «Средневековое поселение близ ст. Суворовской» в настоящем томе (стр. 323—336).

[2] Архив ИИМК АН СССР.

исследовании лучше сохранившихся печей, были схвачены верно.[1]

Наиболее отчетливо облик гончарных обжигательных печей определился в результате раскопок 1951 г. на Суворовском поселении, где были раскрыты остатки трех печей. Печи Суворовского поселения имеют более или менее удовлетворительную сохранность; не сохранилась в целостности лишь верхняя часть обжигательной камеры, но и та благодаря находкам некоторых ее деталей в какой-то мере может быть восстановлена. Это двухъярусные печи ямного типа без опорного столба («козла»). Форма их довольно устойчивая. Они сооружались в обрезе берега. Топки размещались внизу, обжигательные камеры — вверху; эти части разделены между собой специальным перекрытием, в котором проделаны округлые в плане отверстия диаметром 10—12 см. Через эти отверстия жар из топки поступал в обжигательную камеру.

Топка в плане овальной формы, вытянутая по оси перпендикулярно к линии берега, в обрезе которого устраивалось устье печи, представлявшее собой небольшое прямоугольное отверстие. Над подом оно расположено на высоте около 0.35 м, причем склон к поду довольно крутой. Размеры топки около 1.80×1.40 м. Под топки почти ровный, несколько повышающийся от устья к задней стенке. На расстоянии $^2/_3$ от устья топки через всю ширину пола имеется порожек высотой около 5 см. Стенки топки отвесные, высота их от 35 см близ устья до 70 см в средней части. Перекрытие плоское, с незначительным наклоном от задней стенки к устью. Стены, свод и под топки были обмазаны глиной. Судя по сохранившимся на обмазке следам, обработка велась каким-то плоским, по-видимому деревянным, инструментом в виде лопаточки. Обмазка сильно обожжена. Снаружи, на глубину 1.5—2 см, она имеет синевато-зеленоватый оттенок. Под этим слоем идет ярко-красный слой различной мощности, цвет которого переходит постепенно в темно-красные или коричневые тона. Слой обожженной обмазки в некоторых местах (особенно в перекрытии) достигает 10 см в толщину. Мощность перекрытия, отделяющего обжигательную камеру от топки, около 50 см. Перекрытие представляет глинистый материк, спекшийся под воздействием высокой температуры. Обжигательная камера в плане почти круглая; стенки ее слегка наклонные, что придает ей чашеобразную форму. Верхний диаметр ее около 1.5 м. Под обжигательной камеры — это перекрытие топки. Как и топка, под камеры обмазан глиной, но обмазка его не столько обожжена, сколько в силу большой примеси органических веществ перегорела. Поверхность обмазки имеет синеватый оттенок. О числе отверстий, соединяющих топку с обжигательной камерой, можно судить лишь по одному полностью сохранившемуся перекрытию топки, в котором их насчитывается восемь. Семь из них расположены по кругу, а одно — в центре. Форма отверстий цилиндрическая.

Об устройстве верха обжигательной камеры можно говорить лишь предположительно на основе тех остатков, которые сохранились от разрушения. Как и вся печь, верх сооружался из глины. Форму его восстановить нет возможности. По найденным обломкам глиняной обмазки, имеющим хорошо обработанный овальный изгиб, следует предполагать, что верхняя часть обжигательной камеры имела какое-то отверстие, довольно большого диаметра. Не исключено, что это был лаз и одновременно дымоход.

Печь именно этого типа была обнаружена в 1927 г. у Левобережного Цимлянского городища. Б. А. Рыбаков относит последнюю к типу двухъярусных печей с «козлом»,[1] но это явная ошибка, что видно как из разреза, опубликованного в отчете экспедиции,[2] так и из описания этой печи, сделанного М. И. Артамоновым, производившим ее обмеры. Вот как характеризует ее последний: «Печь, вырытая на откосе берега в лёссовом суглинке, представляла овальную яму, разделенную горизонтально на две части. Частично сохранившееся перекрытие, отделявшее нижнюю часть от верхней, снабжено было несколькими круглыми отверстиями. Стенки печи, так же как и перекрытие, оказались сильно обожженными, превратившимися на значительную толщину в блестящую ошлаковавшуюся массу. Благодаря

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 110; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 73.

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР, М., 1948, стр. 342—352.

[2] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 110, рис. 17.

прочности этой массы плоское перекрытие над небольшим овалом нижнего помещения, видимо, без всяких подпорок могло выдержать, кроме своей собственной тяжести, еще и некоторый груз в виде помещенных на нем гончарных изделий».[1] Но сходство печи Левобережного Цимлянского городища с суворовскими печами прослеживается и в некоторых деталях. В этом отношении весьма показательно устройство пода топки. Как и у печей Суворовского поселения, под топки Левобережного Цимлянского городища имеет незначительный подъем от устья к задней стенке. На расстоянии $^2/_3$ от устья под резко повышается, образуя порожек высотой около 5 см. В описании печи исследователи не отмечают этой детали, но на опубликованном разрезе она видна отчетливо.[1]

В 1950—1951 гг. при исследовании Левобережного Цимлянского городища было обнаружено еще несколько гончарных печей. Часть была открыта в том же районе, где и печь, найденная в 1927 г.; несколько печей найдено непосредственно у крепостной стены, с внешней ее стороны. Судя по предварительным данным, все печи относятся к раннему этапу жизни поселения, к IX—X вв., но конструктивно они неодинаковы.

Печи в береговом обрезе ямного типа, без «козла», как и печь 1927 г.; печи у крепостной стены имеют подпорный столб.

Существенный материал, проливающий свет на хозяйственную, общественную и духовную жизнь древнего населения, дают могильники, составляющие неотъемлемую часть поселений. К сожалению, могильники салтово-маяцкой культуры не имеют наземных признаков, вследствие чего отыскать их очень трудно. Известно их очень мало, не более десятка. Почти все они открыты случайно и лишь немногие из них были подвергнуты исследованию. Более чем все остальные изучался и изучается сейчас Салтовский могильник, с именем которого связано и название культуры. Случайно открытый в 1900 г. местным учителем В. А. Бабенко, он привлек к себе внимание Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. По поручению последнего могильник был подвергнут раскопкам, произведенным сначала специальной комиссией (Д. И. Багалей, Е. П. Трефильев, А. М. Покровский) при участии В. А. Бабенко, а затем одним А. М. Покровским.

Результаты раскопок были доложены А. М. Покровским XII Археологическому съезду. Раскопками было вскрыто более 50 могил. Все они оказались грунтовыми, без каких-либо следов наземных сооружений. Могилы были расположены по склонам высоких берегов Северского Донца и оврагов. Покойников хоронили в глубоко вырытых в земле катакомбах, или камерах, преимущественно овальной в плане формы, со сводчатым потолком. Вход в камеру шел через длинный (до 5—7 м), узкий коридор. Средние размеры камеры около 2×2×1.5 м. Камеры содержали в большей части по несколько захоронений — мужчин, женщин, детей. Костяки находились в вытянутом на спине положении, преимущественно перпендикулярно ко входу, реже ногами к нему. С покойниками клался многочисленный инвентарь, состоящий из предметов украшения, оружия, конского снаряжения, орудий труда, утвари, а также пища в виде мяса домашних животных. В ряде могил были найдены восточные монеты VI—X вв.

Отдельно от человеческих захоронений были обнаружены погребения лошадей.

По характеру могильных сооружений (камер и катакомб), обряду захоронения и могильному инвентарю могильник оказался совершенно тождественным северокавказским могильникам типа Чми, Кумбулта и др. По совокупности данных могильник был датирован VIII—X вв.[2]

После XII Археологического съезда Салтовский могильник исследовался много раз. Его копали В. А. Бабенко, Н. Е. Макаренко, А. И. Федоровский и многие дру-

---

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 73.

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 110, рис. 17.

[2] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 465—491; В. А. Бабенко. Археологические раскопки в Волчанском уезде Харьковской губернии. Екатеринослав, 1906.

гие.[1] В последние годы (после войны) могильник раскапывался С. А. Семеновым-Зусером (Харьковский университет).[2] В результате полустолетнего исследования накопился богатейший материал, однако принципиально нового по сравнению с тем, что было вскрыто первыми раскопками А. М. Покровского, последующие работы дали очень мало. Необходимо лишь отметить, что наряду с катакомбными захоронениями на территории могильника были найдены одновременные грунтовые могилы ямного типа с совершенно таким же инвентарем. Однако численно они составляют ничтожный процент.

Почти в те же годы, когда был открыт Салтовский катакомбный могильник, В. А. Городцовым был обнаружен и исследован могильник на левом берегу Северского Донца близ хут. Зливки в бывш. Изюмском уезде, содержащий погребальный инвентарь, совершенно одинаковый с инвентарем Салтовского могильника. Могильные сооружения представляли собой не катакомбы, а грунтовые ямы, форма которых, однако, осталась невыясненной.[3] Принадлежность этого могильника к салтовской культуре была признана как автором раскопок, так и всеми исследователями, в какой-либо мере соприкасавшимися с памятниками этой группы.[4]

Бытование различных могильных сооружений у населения салтово-маяцкой культуры находит подтверждение в материалах других могильников этой культуры, известных нам как по случайным находкам, так и по раскопкам.

В настоящее время катакомбные могильники, кроме Салтова, известны нам у Маяцкого городища (на Дону), около неукрепленного поселения близ хут. Подгоровки (на р. Ураевой, притоке р. Оскола), у городища близ дер. Доброй (на р. Короча; рис. 5), у с. Урыв. По-видимому, с катакомбным могильником связаны и находки у деревень Воробьево и Ютановка и в г. Валуйках. Из числа этих могильников небольшие раскопки были произведены на двух — Маяцком и Подгоровском. Подгоровский могильник во всех деталях повторяет Салтовский, не внося ничего нового ни в обряд захоронения, ни в инвентарь.[1]

Могильник у Маяцкого городища при наличии общих черт в инвентаре и обряде захоронения с Салтовским имеет и некоторые особенности. Наряду с катакомбами, близкими, но все же не одинаковыми с салтовскими, здесь встречены могильные ямы, округлые в плане, и прямоугольные склепы с подбоями.[2]

Могильник с погребениями в грунтовых ямах типа Зливкинского могильника известен у слободы Покровской бывш. Купянского уезда Харьковской губернии. Он был открыт случайно еще в конце XIX в. и тогда же по поручению Археологической комиссии был исследован В. З. Завитневичем. Как и в Зливкинском могильнике, характерям здесь выяснен не был; покойники были ориентированы головой на запад, так же как и зливкинские, и сопровождались инвентарем салтовского типа (предметы украшения, глиняная посуда).[3]

Два других грунтовых ямных могильника с инвентарем салтовской культуры у сел Залиманье и Шейковка были открыты также случайно. Оба они были обследованы Н. В. Сибилевым, но не раскапывались.[4]

Грунтовой ямный могильник несколько

---

[1] Г. І. Тесленко. Розкопи Верхньо-Салтівського могильника 1920 р. Наукові записки Науково-дослідчої катедри історії української культури, № 6, Харків, 1927, стр. 353—356. К статье приложен список литературы о раскопках могильника.

[2] С. А. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р.

[3] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 211—213 и 250—260.

[4] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г., стр. 211—213; А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 72—73; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 70—72; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе, стр. 62; М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 157—158; В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Изд. ЛГУ, 1940, стр. 38—39.

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, дела №№ 238/1926, 147/1925, 208/1927.

[2] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 157—161. Близкие к маяцким могилы в виде округлых грунтовых ям и прямоугольного склепа с подбоями мы наблюдали при раскопках Саркела в 1950 г. близ юго-западной стены крепости.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 69/1894, лл. 10—15. Ср.: А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 73.

[4] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 132/1925, лл. 24—25; Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. II, Изюм, 1926, стр. 20, табл. LX; вып. III, Изюм, 1928, стр. 18.

иного типа, чем у хут. Зливки и у слободы Покровской, открыт близ Рыгинского городища (у ст. Каменской на Северском Донце). Здесь погребенных клали в каменные ящики или же покрывали каменными плитами, поставленными на ребро под углом к стенкам могильной ямы. Ориентировка

Вторым существенным недочетом исследования памятников как исторических источников является неравномерное изучение отдельных частей (поселения и могильника) одного и того же памятника. Из достаточного большого числа известных в Подонье памятников салтово-маяцкого типа мы

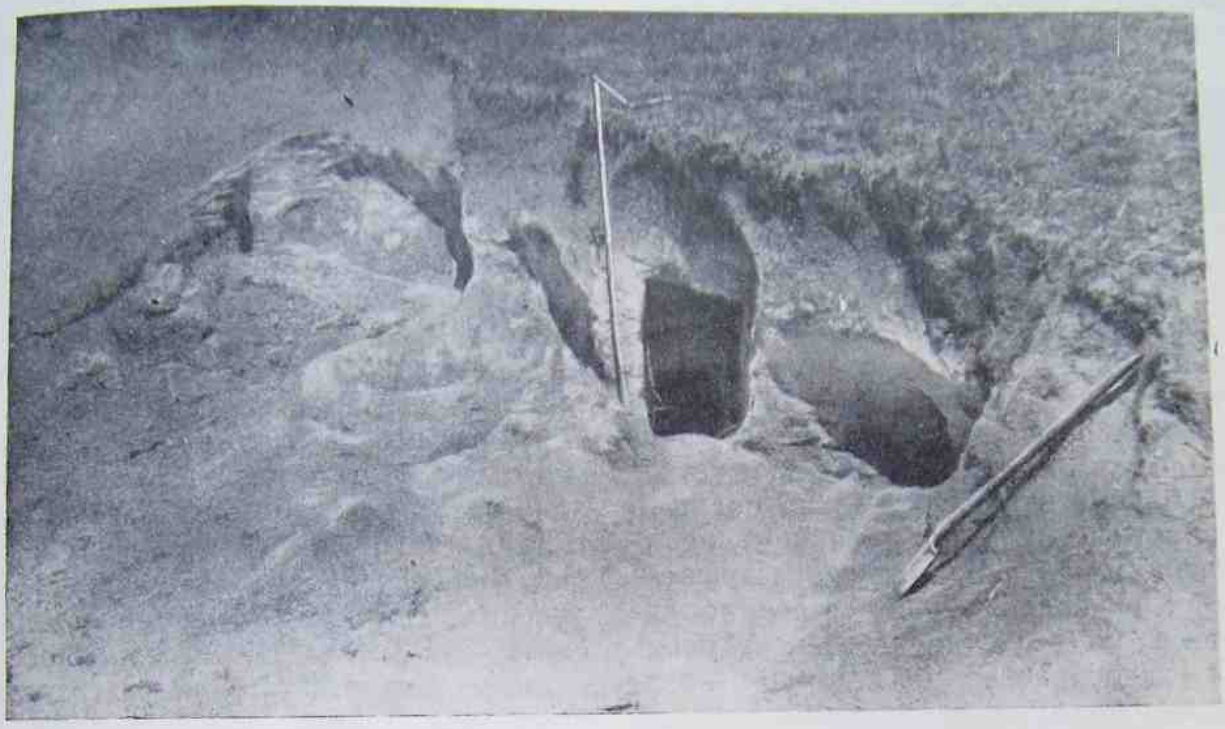


Рис. 5. Катакомбный могильник близ городища у дер. Доброй. Разрушенный дромос.

могил также иная: покойников клали головой на юг.[1]

Описание отдельных памятников и краткая общая характеристика их показывают, что по содержанию и степени изученности памятники как исторические источники далеко не равноценны. Наряду с комплексными памятниками, состоящими из поселений и могильников, более или менее исследованных (Салтов, Маяцкое), имеются поселения и могильники, о которых приходится судить лишь предположительно на основе отдельных вещей или комплексов их, найденных случайно (Воробьево, Ютановка, Валуйки и др.). Правда, это крайности, но они все же имеют место.

не знаем ни одного, за исключением Маяцкого, где были бы изучены и поселение и могильник. В одних комплексах (Салтово, Зливки, Покровск) внимание было сосредоточено на могильниках и почти ничего не сделано в деле изучения поселений, и больше того — в некоторых случаях даже не установлено наличие около могильника поселений (Зливки, Покровск), в других комплексах (Правобережное Цимлянское, Карнаухов ское) в какой-то мере изучены поселения (тип жилищ, хозяйственные постройки и т. д.), но ничего не известно о характере могильника. Есть и другие недочеты, например в отношении полевой документации и т. п., но на них останавливаться сейчас мы не будем.

III

Раскопки поселений дали возможность собрать много ценного материала для изучения некоторых сторон хозяйственной деятельности и быта населения. Значительно пополнились наши знания о керамике. Материалы поселений показывают, что существовавшее представление о керамике, сло-

[1] Отчет Ив. Тимощенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной, стр. 569—576.

жившееся на основе данных, добытых при исследовании могильников, отражало лишь одну сторону керамического комплекса салтово-маяцкой культуры, весьма богатого и разнообразного как по формам сосудов и их назначению, так и по технике производства. При раскопках поселений керамика оказалась самой многочисленной группой культурных остатков. Правда, сохранность ее здесь менее удовлетворительная, чем в могильниках, но все же бóльшую часть бытовавших форм сосудов удалось восстановить. При всем многообразии форм керамика салтово-маяцкого комплекса по своему назначению в быту может быть сведена к трем основным группам: 1) кухонные сосуды; 2) сосуды для хранения продуктов; 3) столовые сосуды.

Группа кухонных сосудов представлена рядом типов (рис. 6). Наиболее распространенное место среди них занимают горшкообразные сосуды. Форма их довольно устойчивая. Они имеют отогнутый, в большей части закругленный сверху венчик, невысокую шейку, довольно хорошо выраженные плечи, переходящие в постепенно суживающееся ко дну тулово. Вместимость их самая разнообразная — от 0.5 до 6—8 л, но соотношение между различными частями довольно устойчивое. Диаметр горловины, как правило, больше диаметра дна, высота горшка больше диаметра горловины. Поверхность сосуда всегда орнаментирована. Характер орнаментации довольно однообразен. У большинства сосудов корпус покрыт линейным узором. Часто такой орнамент сочетается с многорядным волнистым поясом. По плечикам размещается пояс из гирляндообразных концентрических дуг, обращенных концами вверх. Орнаментируется и венчик, причем орнамент его тот же самый: линейный, волнистый, отпечатки зубцов гребенки; располагается он преимущественно на внутренней стороне венчика, реже по краю. В последнем случае наиболее распространенными видами орнамента являются косые насечки и отпечатки зубцов гребенки. Горшкообразные сосуды изготовлялись из глины с примесью крупнозернистого песка или дресвы. Цвет этих сосудов преимущественно серый, очень редко палевый. Внешняя поверхность сосудов очень часто покрыта копотью.

По общему облику горшкообразные сосуды напоминают древнерусские горшки X—XIII вв. так называемого курганного типа. Однако это сходство только кажущееся. Изучение показывает, что в деталях (профилировка венчика, размещение орнаментации и т. п.) сосуды существенно различаются друг от друга; самое же главное — салтово-маяцкие сосуды этого типа хронологически предшествуют древнерусским.

Горшкообразные сосуды — наиболее распространенный тип среди керамических остатков салтово-маяцкой культуры. Они обнаружены на всех поселениях, независимо от того, производились ли на поселении раскопки или только внешнее обследование. Известны эти сосуды и среди материалов могильников. В катакомбных могильниках они составляют лишь незначительный процент по отношению к сосудам других типов. В ямных погребениях (например, Зливкинский могильник) горшкообразные сосуды также преобладают. Внешнее сходство их с древнерусскими горшками дало повод исследователю Зливкинского могильника В. А. Городцову сказать, что они являются «лишь иммитацией славяно-русских глиняных горшков средней России».[1] Эта мысль В. А. Городцова в дальнейшем получила широкое распространение, приобретя самые разнообразные оттенки. Одни считали, что салтово-маяцкое население позаимствовало данный тип сосуда у соседей-славян,[2] другие стали утверждать, что горшки данного типа являются славянскими древностями.[3] Последнее не могло не повлечь за собой вывода о том, что вся юго-восточная область, в границах которой обнаруживались сосуды этого типа, была занята славянскими поселениями.[4]

Весьма своеобразным типом кухонной посуды являются сосуды с внутренними

---

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г., стр. 212.

[2] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 439—446; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 112—113, прим. 186.

[3] С. А. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р., стр. 121—122 и 137 (резюме).

[4] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 57 и сл.; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. . ., стр. 201 и сл.; А. В. Арциховский. Введение в археологию. Изд. 3-е, М., 1947, стр. 187—189.

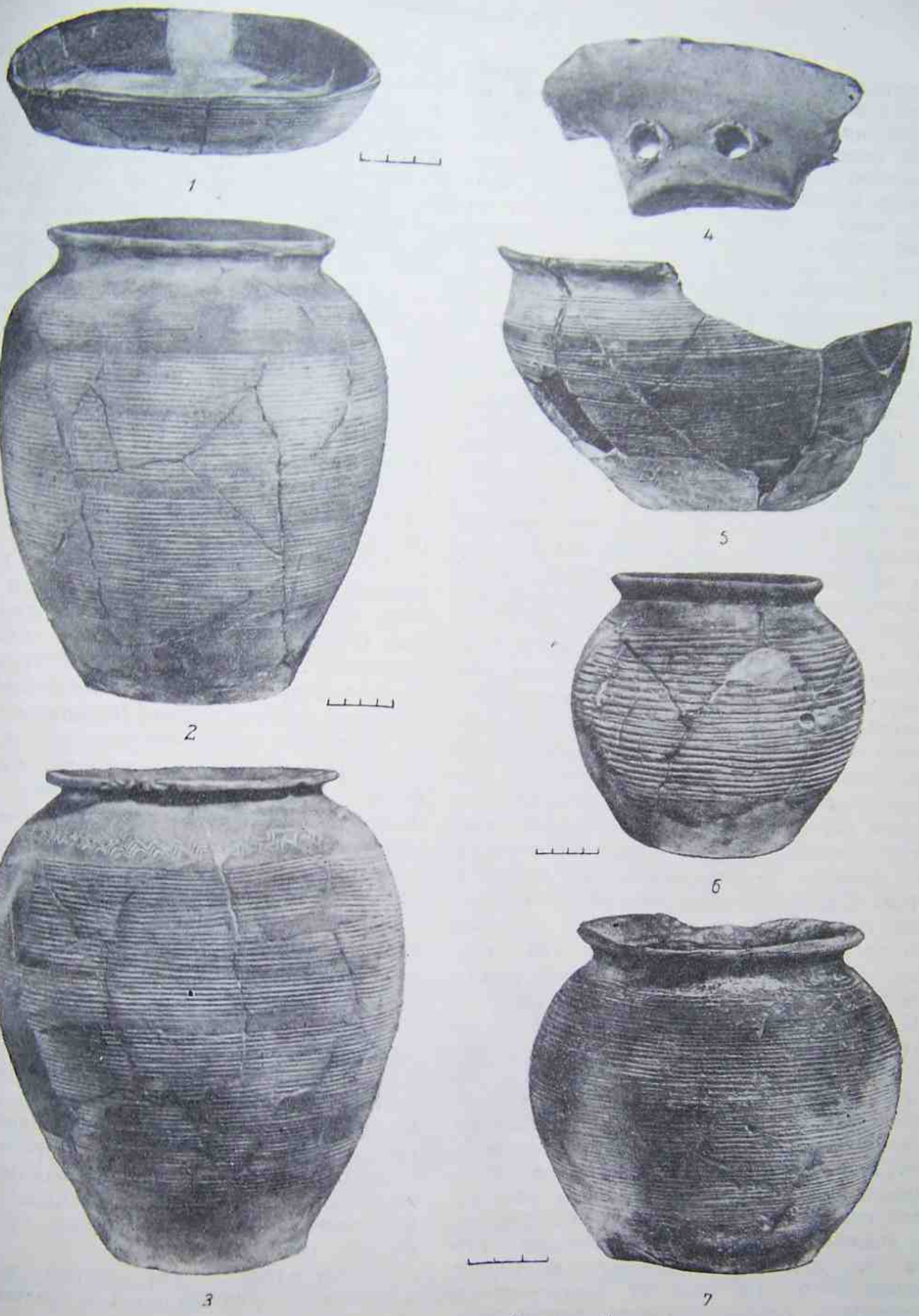


Рис. 6. Кухонная посуда (глиняная).

1, 5, 6 — Правобережное Цимлянское городище; 2 — Суворовское поселение; 4, — Карнауховское поселение

ушками. Форма их также довольно устойчивая, но существенно отличающаяся от формы горшков. Эти сосуды имеют высокий, резко отогнутый венчик и очень слабо выраженную шейку, переходящую непосредственно в корпус сосуда. Плечи, как правило, едва намечены. Внутри сосудов на линии изгиба шейки имеется два противолежащих выступа. Каждый выступ имеет или по два вертикальных, цилиндрической формы отверстия диаметром от 1 до 2 см, или по одному горизонтальному отверстию, слегка изогнутому, соответственно кривизне стенок сосудов. Размеры сосудов этого типа менее разнообразны, чем горшкообразных сосудов. Объем их чаще всего около 4—6 л. Резко отлично, по сравнению с горшкообразными сосудами, и соотношение отдельных частей. Диаметр верха более чем вдвое превышает диаметр дна и значительно превосходит высоту сосуда. Этот тип посуды напоминает современные полевые котлы (казаны), отличаясь от последних лишь плоским дном.

В технологическом отношении сосуды с внутренними ушками ничем не отличаются от кухонных горшков. Они изготовлялись из такой же глины с примесью крупнозернистого песка или дресвы. Цвет их серый, очень редко палевый. Стенки сосудов покрывались сплошным линейным орнаментом, который изредка сочетался с поясами волнистых линий, нанесенными по верхней части корпуса. Орнаментировался также и венчик. С внутренней стороны он покрывался волнистым или линейным поясом, а по срезу наносились насечки или отпечатки гребенки или же срезу придавали веревкообразный характер (рис. 6, *4* и *5*).

Сосуды с внутренними ушками в количественном отношении значительно уступают кухонным горшкам. Они обнаружены на многих поселениях, но далеко не на всех. В частности, совершенно неизвестно, имеется ли этот тип сосудов даже на таких поселениях, как Маяцкое и Салтовское, где производились раскопки. Объясняется это отчасти тем обстоятельством, что при раскопках указанных городищ керамическим остаткам не уделялось должного внимания. Данное положение находит подтверждение в отчетах, опубликованных исследователями этих городищ.[1]

Есть еще один тип сосудов, который следует отнести, по-видимому, к группе кухонной посуды,— это сковородки. Они имеют невысокие, прямые, слегка отогнутые наружу стенки и плоское дно. Высота стенок 3—5 см, верхний диаметр 25—30 см, диаметр дна 20—25 см. В технологическом отношении они ничем не отличаются от предыдущих двух типов сосудов. Они изготовлялись на круге из глины с примесью крупнозернистого песка или дресвы. Цвет их серый. С внешней стороны стенки покрывались линейным орнаментом, а по срезу наносились насечки или оттиски зубцов гребенки. Иногда орнаментировалась и внутренняя часть сковородки — дно. Среди керамических остатков сковородки занимают сравнительно небольшое место. Как и сосуды с внутренними ушками, они найдены на многих, но далеко не на всех поселениях (рис. 6).

Посуда второй группы, для хранения продуктов, как по формам, так и по технике изготовления значительно разнообразнее. Со стороны формы сосуды этой группы членятся на две большие подгруппы — сосуды с широким горлом (пифосообразные) и сосуды с узким горлом (кувшинообразные).

Наиболее распространенным типом пифосообразной посуды являются сосуды, по форме напоминающие кухонные горшки, имеющие совершенно такое же соотношение между отдельными своими частями, но отличающиеся громадными размерами: объем их нужно измерять не литрами, а ведрами. Венчик этих сосудов в большинстве случаев имеет веревкообразный характер (ложновитой), реже прямоугольный в сечении. Шейка выражена очень слабо; венчик, по сути дела, сидит непосредственно на плечиках. Вся поверхность корпуса сосуда (от венчика до дна) покрыта сплошным линейным орнаментом. Иногда по плечикам выше линейной орнаментации наносился пояс из ряда волнистых линий. Изредка встречаются сосуды, орнаментированные не горизонтальными, а вертикальными или наклонными линиями, идущими от венчика ко дну (рис. 7).

Изготовлялись эти сосуды из глины с примесью крупнозернистой дресвы. Стенки

[1] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 153—163; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 14, 17, 25—27, 34—43; В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—470.

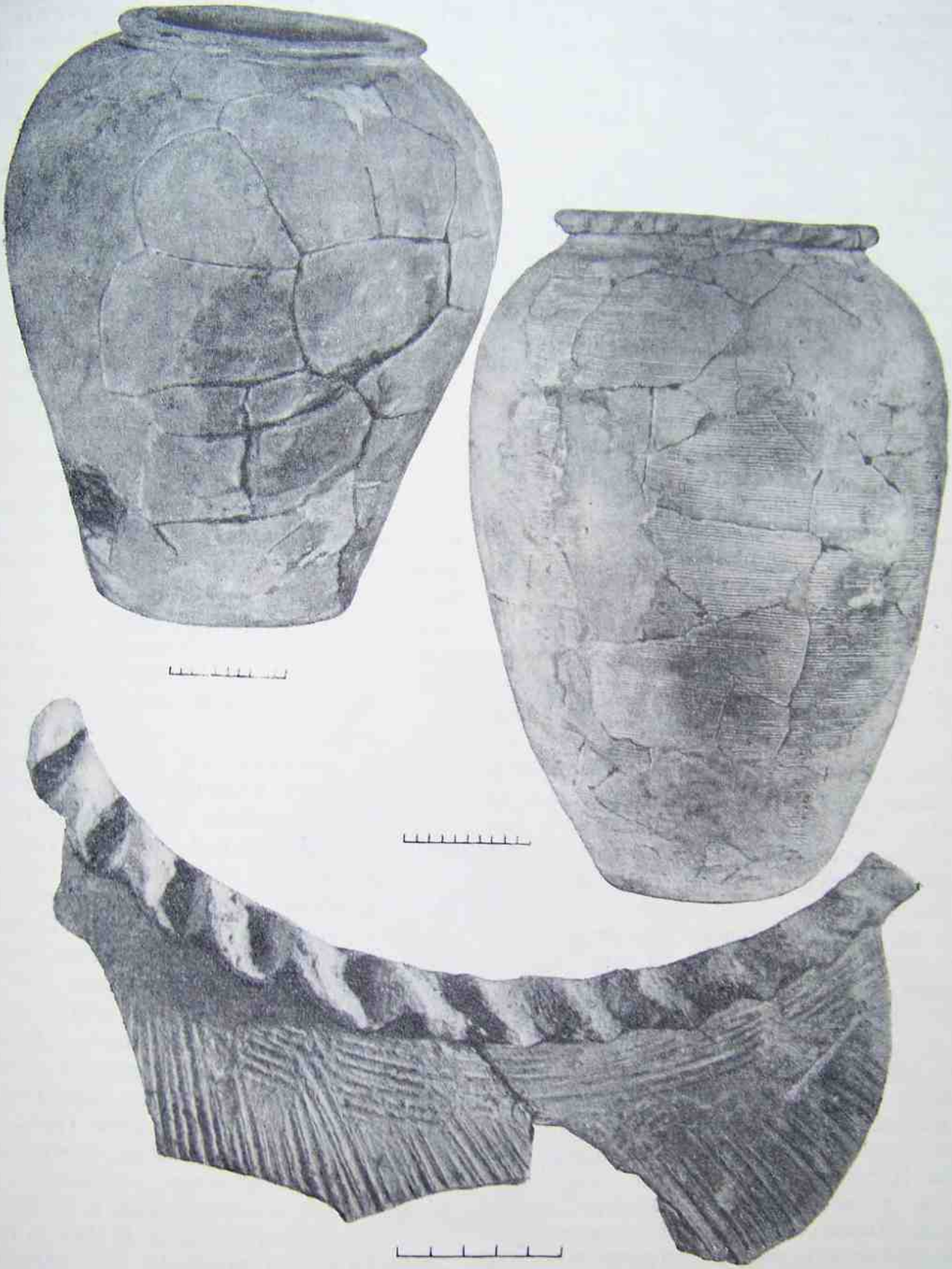


Рис. 7. Карнауховское поселение. Сосуды для хранения продуктов. Пифосообразные сосуды.

их толстые, от 1.5 до 3 см толщиной. Цвет сосудов серый и палевый. Общий облик их не столько массивный, сколько грубый. Несомненно, бóльшая часть их изготовлялась на гончарном круге, но впечатление от них такое, будто они вылеплены ручным способом.

Как и кухонные горшки, сосуды этого типа имели очень широкое распространение. Они найдены почти на всех поселениях, независимо от того, производились ли там раскопки или же только внешний осмотр.

Вторым типом этой подгруппы являются сосуды, по форме и технологии несколько отличные от охарактеризованных выше. Они имеют широкий, плоский, горизонтально отогнутый венчик, образующий невысокую, но отчетливо выраженную шейку, переходящую в почти горизонтальные плечики. Дно сосудов плоское. По размерам они близки к горшкообразным сосудам, но отличаются от последних меньшим диаметром горловины. Изготовлялись эти сосуды из хорошей, чистой глины с незначительной примесью очень мелкой дресвы или песка, вследствие чего поверхность их шероховатая. Тесто плотное и хорошо обожженное. Толщина стенок колеблется в пределах от 1 до 1.5 см. Цвет серый или буро-красный (рис. 7).

Остатки сосудов этого типа встречаются сравнительно редко. Они были найдены при раскопках Карнауховского поселения, где наряду с отдельными фрагментами был найден почти целый сосуд, а также при обследовании Волчанского поселения. Обращает на себя внимание большая близость этих сосудов как по форме, так и по технологическим свойствам с сосудами культуры «полей погребений» черняховского типа.[1]

При характеристике подгруппы пифосообразных сосудов нельзя не отметить находок на поселениях салтово-маяцкой культуры остатков и собственно средневековых пифосов. К сожалению, остатки эти незначительны и восстановить размеры, даже приблизительные, нет никакой возможности. В технологическом отношении данные сосуды существенно отличаются от сосудов, охарактеризованных выше. Они изготовлялись из хорошей, чистой глины без каких-либо примесей. Тесто их плотное, поверхность гладкая, цвет темно-красный. Толщина стенок колеблется от 1.5 до 2 см. Обломки пифосов были обнаружены пока лишь на двух поселениях — на Карнауховском и Левобережном Цимлянском.

Кувшинообразные сосуды для хранения продуктов в керамическом комплексе салтово-маяцкой культуры известны пока в виде двух типов: 1) трехручные кувшины и 2) яйцевидные амфоры.

Трехручные кувшины являются наиболее крупными сосудами из всех сосудов, известных нам в составе керамического комплекса салтово-маяцкой культуры. Высота их достигает 0.70 м, диаметр дна 0.25—0.30 м, диаметр горловины 0.12—0.15 м, наибольший диаметр корпуса около 0.45—0.50 м. Тулово кувшина имеет горшкообразную форму, переходящую постепенно в узкое, вверху слегка расширяющееся горло высотой 0.10—0.15 м. Горло имеет слив, против которого прикреплена ручка; две другие ручки прикреплены к тулову в самой широкой его части, одна против другой. Трехручные кувшины изготовлялись из довольно чистой глины с незначительной примесью мелкозернистой дресвы. Обработка поверхности сосудов неодинакова. Одни из них подвергались лощению и обжигались в темные цвета (черный, серый), другие оставлялись в естественном виде и обжигались в светлые тона (красный, палевый), но и в первом и во втором случае тулово орнаментировалось. Орнамент состоял из нескольких поясов многорядной волны, располагаемых более или менее на одинаковом расстоянии один от другого, и широких врезных полос, размещенных преимущественно на плечиках. Лощение наносилось иногда в виде вертикальных или перекрещивающихся полос (рис. 8).

Трехручные кувшины описанного типа имели, по-видимому, широкое хождение в быту. Они известны нам и по раскопкам, и по случайным находкам. В 1906 г. такой сосуд темного цвета, лощеный, был найден В. А. Бабенко при исследовании неукрепленной части Салтовского поселения. Высота этого сосуда была около 0.50 м. По сообщению В. А. Бабенко, местные жители передавали ему, что «такие же сосуды извлекаемы были в разных местах и раньше, но за непригод-

[1] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 27.

Рис. 8. Карнауховское поселение. Сосуды для хранения продуктов. Кувшинообразные сосуды.

ностью тогда же уничтожались».[1] Два таких же сосуда (один лощеный, другой без лощения) были найдены в разбитом виде при исследовании Карнауховского поселения в 1950—1951 гг. Имеются они и среди находок нижнего горизонта Левобережного Цимлянского городища. Ряд находок известен за пределами бассейна р. Дона. Давно и хорошо известна находка такого кувшина в числе других сосудов салтово-маяцкой культуры близ с. Мачехи Полтавской губернии, опубликованная Н. Е. Макаренко.[2] Из неопубликованных материалов нам известен такой сосуд в коллекциях Краснодарского музея.[3]

Приведенные данные позволяют предполагать, что трехручные кувшины являются одной из распространенных форм сосудов салтово-маяцкой культуры и лишь недостаточное наше знакомство с керамикой этой культуры не давало возможности выявлять в составе керамических находок, как при раскопках, так и среди материалов разведок, остатки сосудов описываемой формы.

Яйцевидные амфоры резко выделяются из состава сосудов керамического комплекса салтово-маяцкой культуры как своей формой, так и технологией (характером теста, яркостью своего оранжево-красного цвета и т. д.). Они изготовлялись из хорошей, чистой глины, в большинстве случаев без каких-либо заметных примесей. Тесто их плотное, хорошо обожженное. Изредка поверхность покрывалась слабым раствором краски (ангоб) светлых тонов. Форма амфор яйцевидная, но соотношение между высотой и диаметром корпуса не всегда выдержано. Горловина амфор сравнительно высокая, до 6—8 см, диаметр 5—7 см. Ручки массивные, овальные в сечении. Они прикреплены непосредственно под венчиком, расходясь от него в стороны, а затем почти под прямым углом опускаясь на плечи. Тулово большинства сосудов имеет желобчатую поверхность. У одних эта желобчатость выражена довольно резко, у других слабее (рис. 8).

Яйцевидные амфоры имеют широкое распространение в поселениях салтово-маяцкой культуры. Более того, в литературе утвердилось мнение, что амфоры этого типа и производились на поселениях салтово-маяцкой культуры, в частности на Салтовском, вследствие чего за ними установилось название «салтовские».[1] До последнего времени мы также придерживались этой же точки зрения.[2] Следует, однако, заметить, что не во всех известных нам поселениях амфоры занимают одинаковое место; это подтверждается рядом фактов. Так, несмотря на довольно тщательное внешнее обследование, а также и раскопки Суворовского поселения, здесь при наличии громадного количества керамических остатков вообще было найдено всего лишь один-два амфорных обломка. Совершенно иную картину мы наблюдаем на таких поселениях, как у хут. Ближнего Подгорского (правый берег р. Чир) и у с. Архангельского (Нежегольское городище, правый берег Северского Донца) и некоторых других. Оба последних поселения были подвергнуты лишь внешнему осмотру, и все же обломки яйцевидных амфор были найдены в значительных количествах.

Среди керамических остатков, обнаруженных как при раскопках поселений, так и при обследованиях, встречаются обломки, принадлежащие каким-то большим кувшинообразным сосудам иных форм, но, к сожалению, восстановить их пока нет возможности.

Третью группу сосудов составляет так называемая столовая посуда. В материалах поселений она представлена недостаточно ярко. Сохранившиеся остатки малочисленны и невыразительны. Тем не менее некоторые типы сосудов вполне можно определить; среди них миски, кувшины, кружки.

Миски по формам и размерам разнообразны. Одним из наиболее интересных ти-

---

[1] В. А. Бабенко. Дополнение к докладу «Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове», стр. 396.

[2] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 116—118.

[3] Как любезно сообщил нам научный сотрудник музея Н. В. Анфимов, сосуд был найден на Ангелинском селище близ ст. Ивановской при строительстве оросительной системы.

[1] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—470; М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 73; 2) Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 157.

[2] И. И. Ляпушкин. 1) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 127—128; 2) Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 32.

нов их следует признать миски, напоминающие деревянные резные чашки с вертикальными, слегка выпуклыми стенками и плоским дном. Переход от дна к стенкам плавно закруглен. Край стенок подчеркнут узкой вдавленной линией, придающей ему вертикальное положение. Размеры этих мисок довольно крупные: высота их около 10 см, диаметр верха около 20 см (рис. 9). Известны миски и меньших размеров. Таковы небольшие миски с высокими выпуклыми стенками и узким дном, напоминающие современные пиалы, и круглодонные миски полусферической формы.

Форма кувшинов, как и мисок, также разнообразна. Наиболее распространенным их типом являются невысокие одноручные кувшины шаровидной или близкой формы со сравнительно узким цилиндрическим горлом, с хорошо выраженным сливом. Значительный процент этих сосудов имеет очень характерное широкое дно, придающее кувшину приземистый характер (рис. 9, *4*, *6*). Реже встречаются кувшины удлиненных форм, с узкими днищами и невысокими горловинами (рис. 9, *1*).

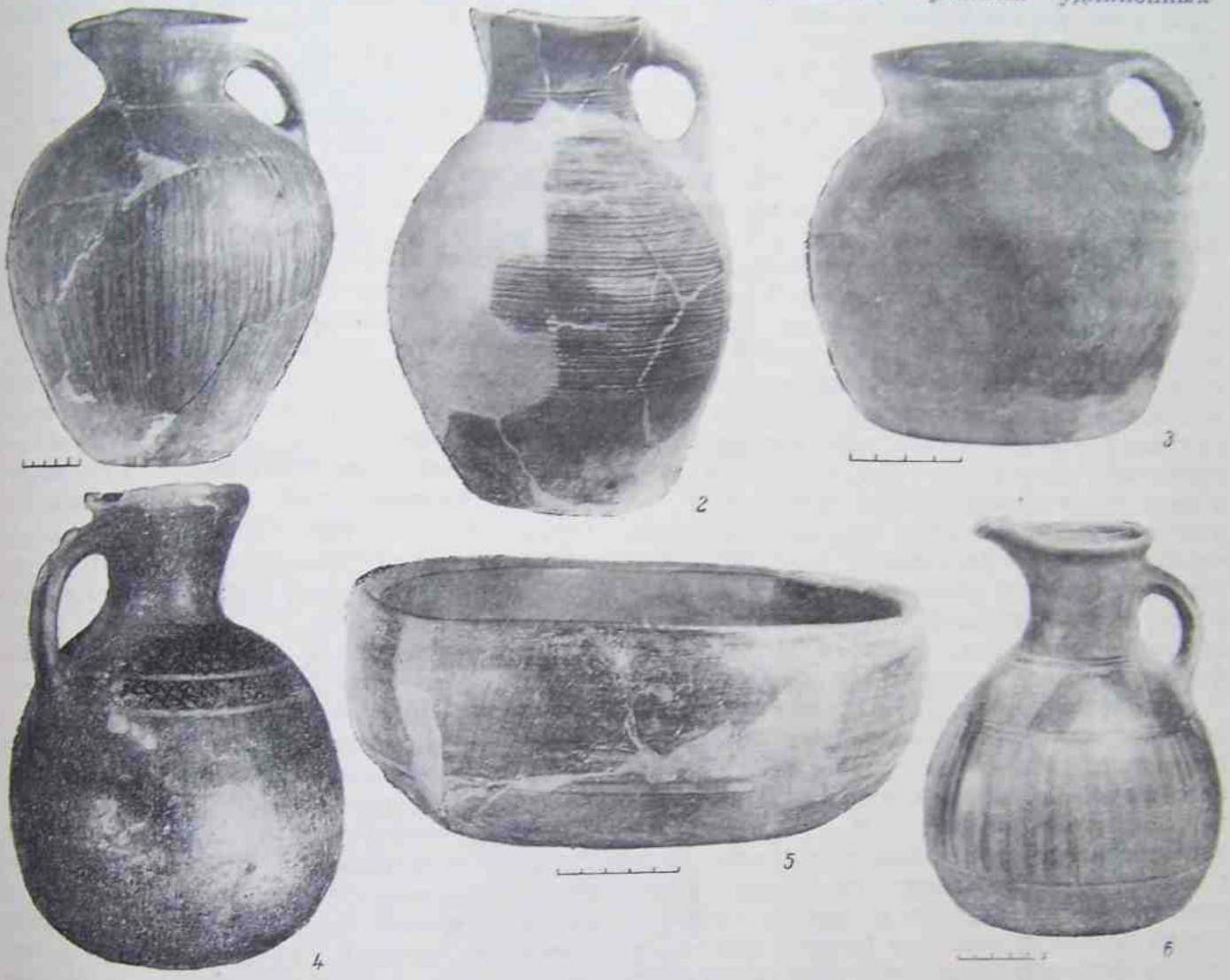


Рис. 9. Столовая посуда.

1, 5 — Суворовское поселение; *2* — Правобережное Цимлянское городище; *3* — поселение у дер. Доброй; *4* — Левобережное Цимлянское городище; *6* — Салтовский могильник.

Рассматриваемая группа кувшинов наиболее широко представлена среди могильного инвентаря катакомбных могильников Салтова, Маяцкого, Подгоровки и некоторых других памятников этого типа. Сосуды данного типа известны в литературе под именем салтовских в собственном смысле этого слова. На основании материалов мо-

гильников считалось, а некоторые исследователи считают еще и сейчас, что именно этот тип сосудов является наиболее широко распространенным в керамическом комплексе салтово-маяцкой культуры. Материалы поселений в корне опровергают такой взгляд.

Несколько слов о последнем типе сосудов этой группы — «кружках». Под этим термином в литературу вошли небольшие одноручные сосуды довольно разнообразной формы, представляющие собой скорее широкогорлые кувшинчики, чем кружки в нашем понимании слова.[1] Как и описанные выше кувшины, «кружки» значительно богаче представлены в составе материалов могильников, чем поселений.

В технологическом отношении группа столовой посуды представляет более или менее единое целое. Бóльшая часть ее изготовлялась из довольно чистой глины и хорошо обжигалась. Цвет ее преимущественно черный, серый или темно-коричневый. Поверхность, как правило, покрывалась лощением — или сплошным, или в виде вертикальных полос, реже треугольников или каких-либо других геометрических фигур. Встречаются кувшины, покрытые линейным орнаментом. По сравнению с другими группами керамики столовые сосуды отличаются бóльшим изяществом форм и лучшей отделкой их поверхностей.

Данная нами характеристика глиняной посуды далеко не исчерпывает всего богатства и многообразия керамики, бытовавшей у населения салтово-маяцкой культуры. Не говоря уже о том, что значительное число форм не представляется пока возможным восстановить вследствие недостаточности имеющихся в нашем распоряжении остатков, есть ряд хорошо известных типов, которые трудно отнести к какой-либо из трех рассмотренных нами групп. К числу их относятся так называемые фляги, или баклажки: округлые, плоские, с невысоким узким горлом и двумя ручками. По качеству теста, цвету фляги очень близки к яйцевидным амфорам. Их роднит с последними также форма горловины и ручек. В силу этих причин обломки фляг трудно отличить от амфорных обломков, если они не принадлежат какой-либо характерной части. Очевидно, поэтому среди керамических остатков очень редко отмечается присутствие обломков этих сосудов. Они фиксируются лишь в бесспорных случаях. Среди материалов поселений они известны лишь на Карнауховском, Левобережном и Правобережном Цимлянских и то в виде фрагментов. В целом виде одна фляга была обнаружена в Подгоровском катакомбном могильнике [1] и две найдены случайно.[2]

Характеризуя отдельные типы сосудов и группы в целом, мы не касались вопроса техники их производства. Не вызывает никакого сомнения то, что подавляющая масса сосудов изготовлялась на гончарном круге. Это положение находит бесспорное подтверждение в материалах как поселений, так и могильников. Бесспорно и то, что какая-то часть сосудов — лепные (рис. 9, *3*). Последние наиболее отчетливо выступают в памятниках, расположенных в пограничной полосе лесостепи и степи, таких как Салтово, Нежегольское, Добрая и некоторые другие. В каком соотношении находятся эти две группы сосудов между собой — сосуществуют они или предшествуют одна другой,— сказать трудно, ибо материалы салтово-маяцкой культуры до сих пор датируются широкими хронологическими рамками — VIII—X вв. Выделить из состава этих материалов более ранние и более поздние комплексы пока нет возможности.

Наряду с изделиями, изготовленными явно на гончарном круге и способом лепки, в составе салтово-маяцкой керамики необходимо отметить большую группу сосудов, технику изготовления которых установить очень трудно. Основную массу их составляют сосуды третьей группы (лощеная столовая посуда), кувшины по преимуществу. По изяществу формы и безукоризненности внешней отделки сосудов, казалось бы, изготовление их на гончарном круге не должно подлежать никакому сомнению, однако при внимательном рассмотрении оказывается, что на многих из них следы обработки на гончарном круге совершенно отсутствуют. Не соответствует гончарному способу производства и своеобразная слоистая структура их теста.

---

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 467, табл. XXIII, XXIV.

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 238/1926, лл. 2 об. и 45.

[2] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 100.

Среди материалов, найденных при исследовании поселений, большое место занимает хозяйственный инвентарь, почти совершенно неизвестный по данным раскопок могильников: орудия земледелия, рыбных промыслов, обработка дерева, камня и др. Наиболее полно представлены земледельческие орудия. В их составе орудия пахоты — сошники и плужные ножи, орудия уборки урожая — косы и серпы, орудия переработки зерна — жернова. Сошники симметричные, довольно устойчивой формы. Средние размеры их такие: общая длина около 20—22 см, длина рабочей части около 15 см, наибольшая ширина рабочей части около 14 см. Большим совершенством формы и выделки отличаются плужные ножи (рис. 10). Они довольно массивные. Общая длина их около 50 см, длина лезвия 21—23 см, наибольшая ширина лезвия около 5 см. Сечение черена ножа прямоугольное, со сторонами около 4×4 см.

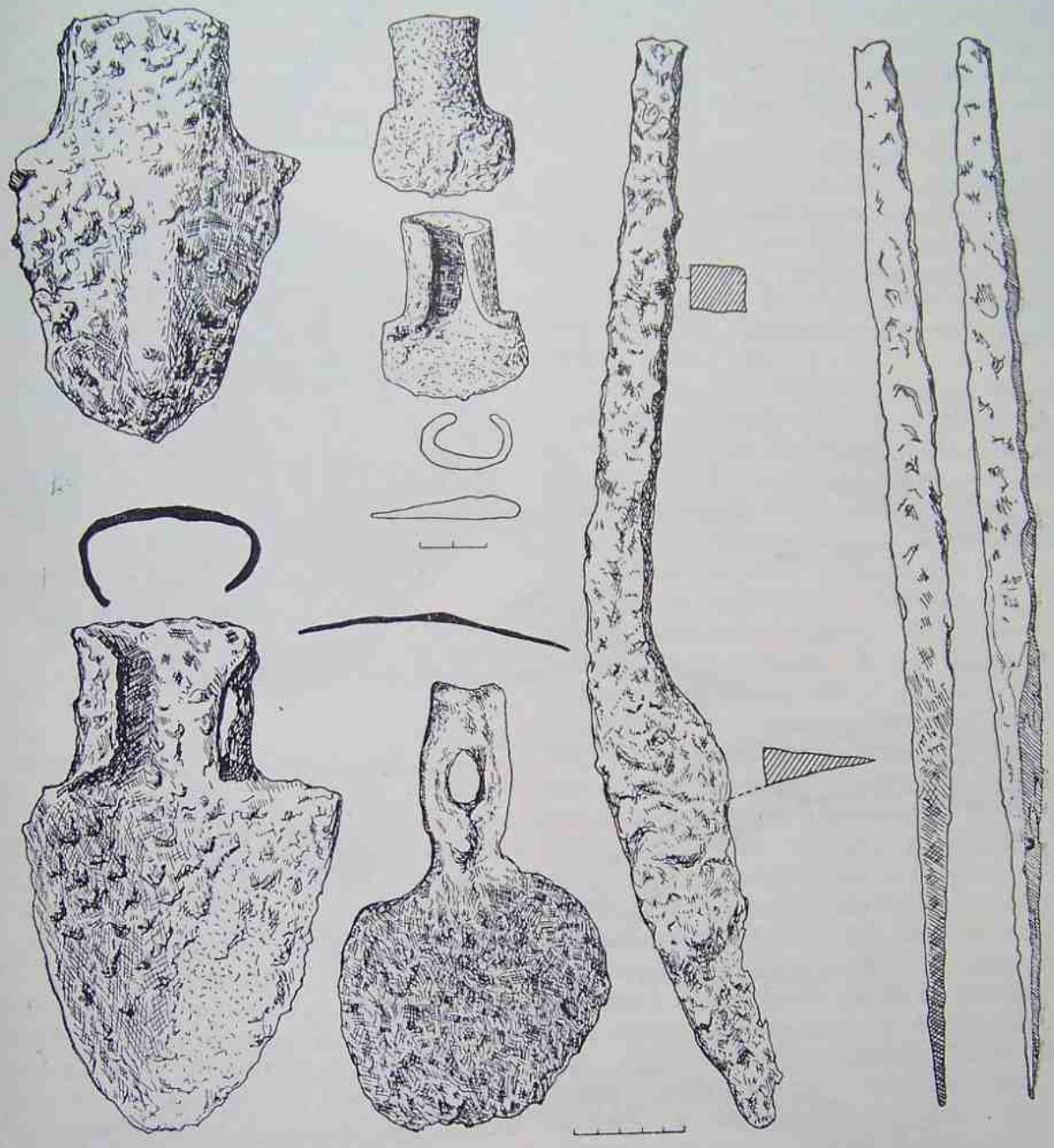


Рис. 10. Правобережное Цимлянское городище. Земледельческие орудия. Орудия обработки земли.

Менее совершенны орудия уборки урожая — косы и серпы (рис. 11). Косы небольшие, узколезвийные, с пяткой, посаженной под тупым углом. Общий облик

их близок к облику кос-горбуш. Общая длина кос около 40—42 см, длина лезвия около 37 см. Серпы разнообразные. Одни как и современные, в насечку. Размеры серпов разнообразные, но длиннее 30 см они не встречались.

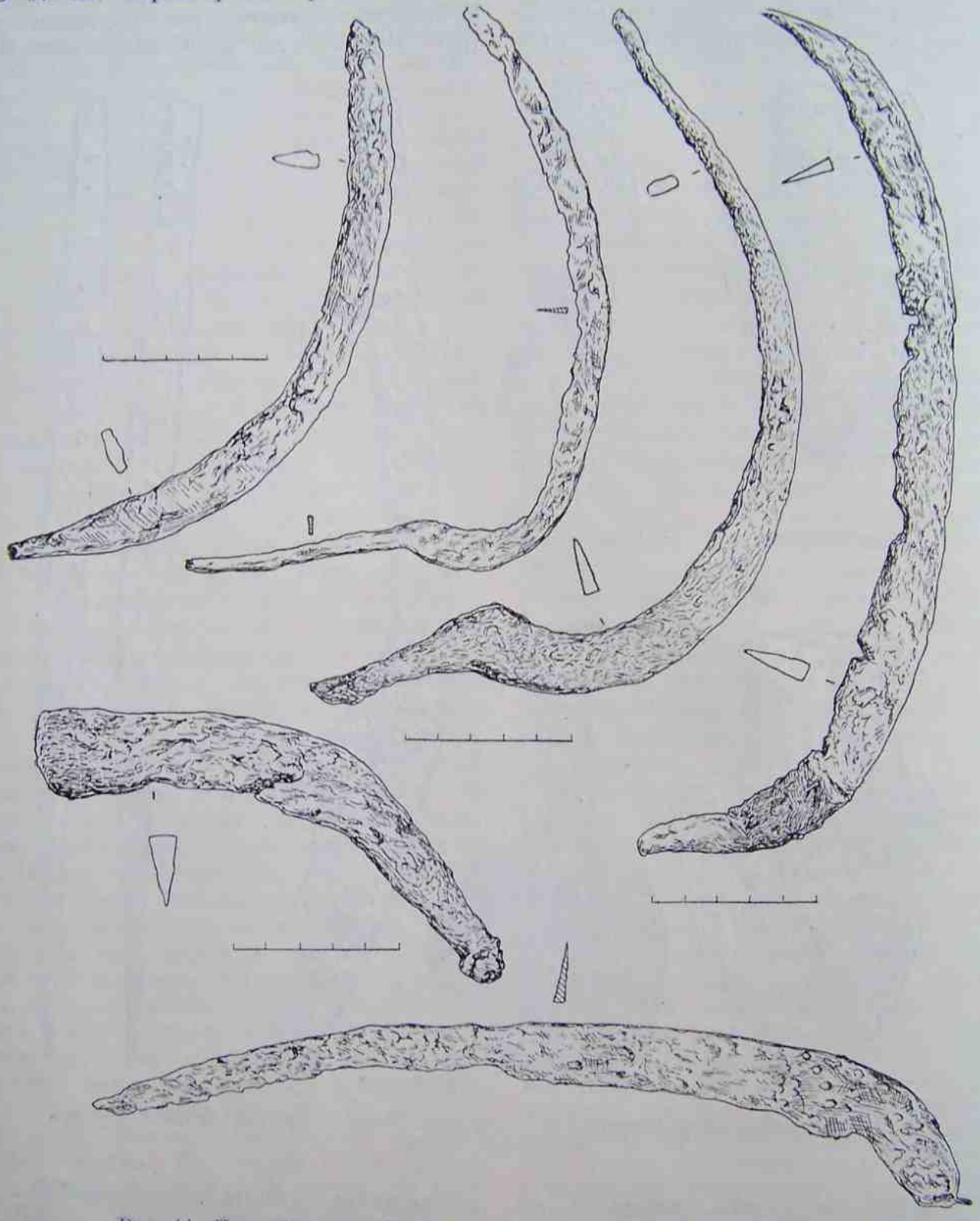


Рис. 11. Правобережное Цимлянское городище. Орудия уборки урожая.

из них почти одинаковы с современными, отличаясь от последних лишь меньшими размерами, другие резко выделяются своей незначительной кривизной, напоминая косу-горбушу. Лезвия серпов зубрились так же,

Широко распространены на поселениях жернова (рис. 12). Они небольшие, плоские, округлой формы, диаметр их 50—70 см, толщина нижнего (постава) около 4—6 см, верхнего (бегуна) около 5—7 см. В центре

жерновов небольшое (около 4—6 см в диаметре), округлое в плане, сквозное отверстие. Изготовлялись они из ракушечника или песчаника.

Найдены на поселениях и небольшие железные лопаточки (мотыжки?), хорошо известные по материалам могильников [1] (рис. 10). К числу земледельческих орудий следует отнести, по-видимому, и своеобразную мотыжку с округлой рабочей частью и тяжелым обухом, напоминающую кет-

Рис. 12. Карнауховское поселение. Жернов.

мень. Диаметр рабочей части мотыжки около 12 см, высота обуха около 8 см, толщина его около 4 см (рис. 10).

Земледельческие орудия найдены на ряде поселений — Правобережном Цимлянском, Карнауховском, Суворовском, Левобережном Цимлянском, Салтовском, Подгоровском и некоторых других, но нигде они не представлены так полно и в такой сохранности, как на Правобережном Цимлянском.

Менее разнообразны, чем земледельческие орудия, найденные на поселениях рыболовные принадлежности: крючки, пешни, грузила (рис. 13). По своему устройству крючки очень близки с современными. Изготовлялись они из железа. Бородка выражена довольно отчетливо; верх стержня заканчивается колечком. Размеры крючков по сравнению с современными очень большие. Длина стержня (спинки) колеблется в пределах 4—11 см. Наряду с обычными крючками найдены крючки без бородок, напоминающие багры, но только небольших размеров. Длина стержня их около 12 см. Пешни небольшие, длина их около 15 см, диаметр трубки около 2 см. Грузила преимущественно каменные.

Из орудий обработки дерева следует отметить топоры, долота, ложкорезы. В целом виде топоров не найдено; сохранились лишь обухи, так что восстановить облик топоров не представляется возможным. Судя по обухам, это были рабочие топоры, отличные от находимых в могилах боевых топоров (рис. 14).

Орудия обработки металла и камня представлены единичными находками. Из числа первых следует отметить бородки, из числа вторых — небольшие долота для тески камней. Бо́льшая часть этих орудий, как и орудий обработки земли, найдена на Правобережном Цимлянском городище.

При исследовании поселений найдены также изделия, хорошо знакомые по раскопкам могильников. В их числе предметы конского снаряжения, оружие, украшения и др. Из предметов конского снаряжения следует отметить стремена, удила, подпружные пряжки. По своим формам эти вещи совершенно одинаковы с такими же вещами из Салтовского и других, аналогичных ему могильников [1] (рис. 15).

Из оружия наиболее богато представлены наконечники стрел. Все они железные, черешковые. Форма их довольно разнообразна. Наряду с известными ранее по материалам могильников трехперыми и ланцетовидными, [2] при раскопках поселений были найдены и некоторые другие — листовидные, ромбовидные, а также единичные экземпляры с пятиугольным плоским прорезным острием и с острием в виде ласточкина хвоста. Есть и наконечники копий. Они железные, трубчатые, листовидной формы. Переход от втулки к перу хорошо прослеживается по довольно отчетливым плечикам. Длина трубки относится к длине пера как 1 к 1 (рис. 16).

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 470, табл. XX, 8; В. Бабенко. Дневник раскопок 1-го катакомбного могильника в селе Верхнем Салтове 1908 г. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 236—237 (катакомба 21).

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 468, табл. XXII.

[2] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 469, табл. XX.

Украшения представлены отдельными случайными вещами: перстнями, поясными

Более многочисленны (количественно) среди материалов поселений остатки железной

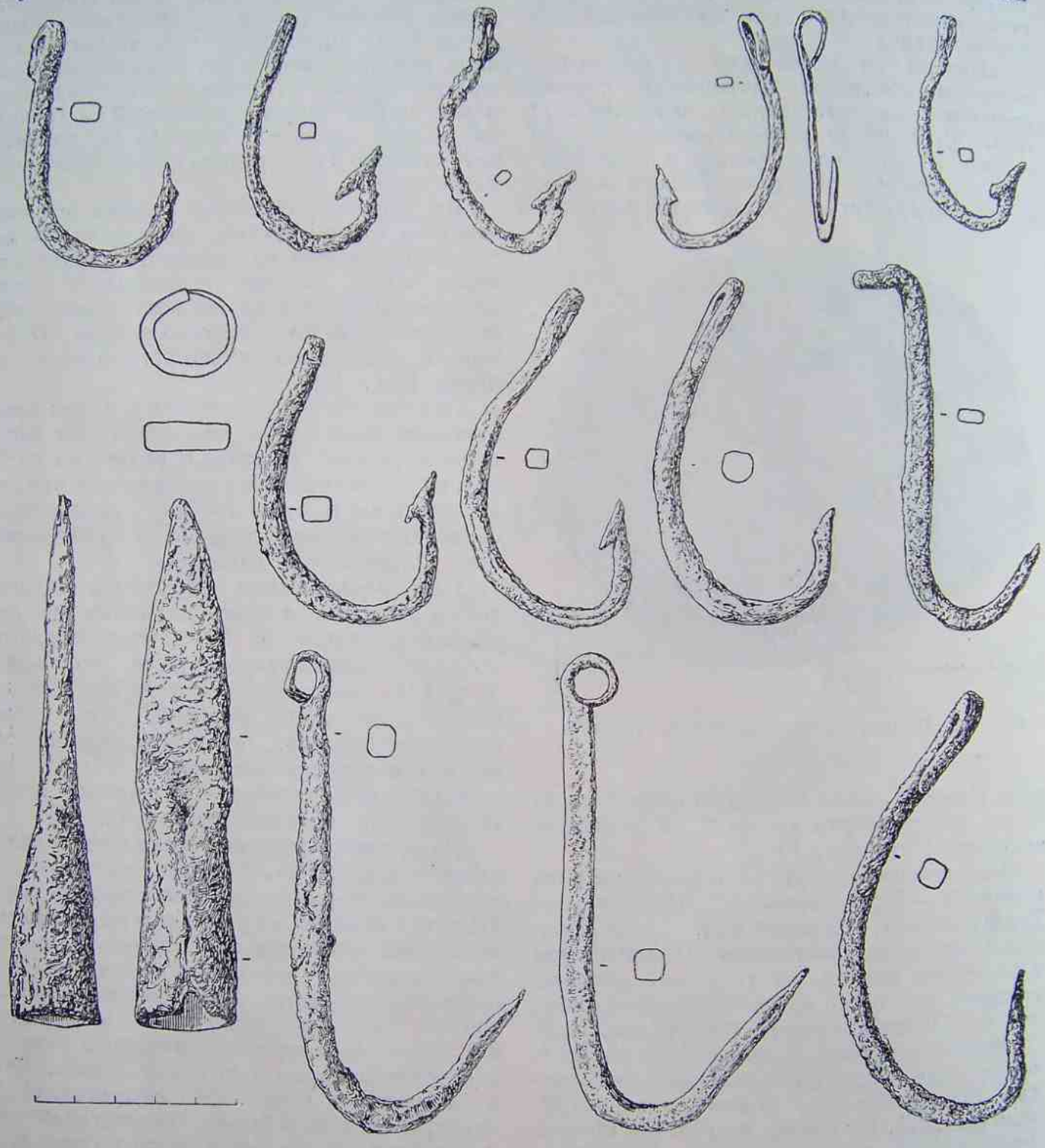


Рис. 13. Правобережное Цимлянское городище. Рыболовные принадлежности.

бляшками, браслетами, зеркалами, серьгами и др. По своим формам все они находят аналогии среди могильных инвентарей Салтова и других родственных ему могильников.

посуды — котлов или ведер. Сохранились они очень плохо, в виде груд тонких, сильно окисливших железных пластинок. О принадлежности последних ведрам или котлам

можно судить лишь по сохранившимся дужкам и петлям (рис. 17). Среди железных изделий большое место занимают ножи (рис. 18).

Заслуживает быть отмеченной еще одна группа находок, проливающая свет на хозяйственную деятельность населения, — это куски железа (бесформенные или, чаще, представляющие части готовых изделий) с отчетливыми следами рубки металла, а также небольшие железные крицы.

Наконец, нельзя не упомянуть находок монет. Встречаются они в памятниках салтово-маяцкой культуры, особенно в погребениях, сравнительно часто, почти всегда в качестве украшений — в виде подвесок в составе ожерелий или в головных уборах.[1] Большую ценность имеют монеты как датирующий материал отдельных могильных комплексов, а также и культуры в целом. Именно монетными данными обосновывалась первая датировка Салтовского могильника, предложенная А. М. Покровским на XII Археологическом съезде. А. М. Покровский датировал могильник VIII—X вв., причем период VIII—IX вв. он считал временем наибольшего расцвета жизни Салтовского поселения.[1] Эта дата была принята большинством исследователей.[2] Материалы последующих раскопок

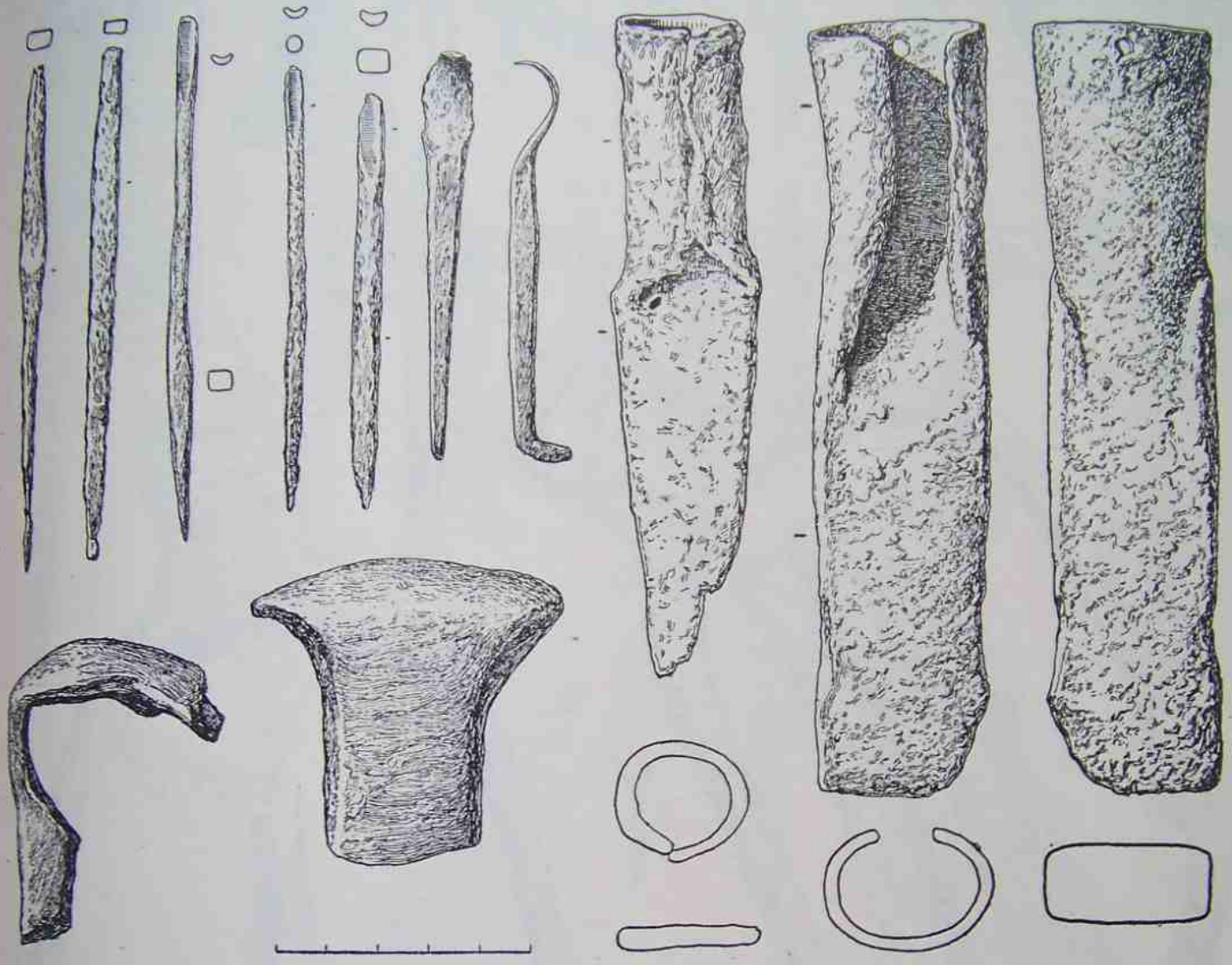


Рис. 14. Правобережное Цимлянское городище. Орудия обработки дерева.

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 465—478; А. С. Федоровский. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв. Вести. Харьковск. истор.-филолог. общ., вып. 3, Харьков, 1913, стр. 1—15.

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 475.

[2] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 72; А. С. Федоровский.

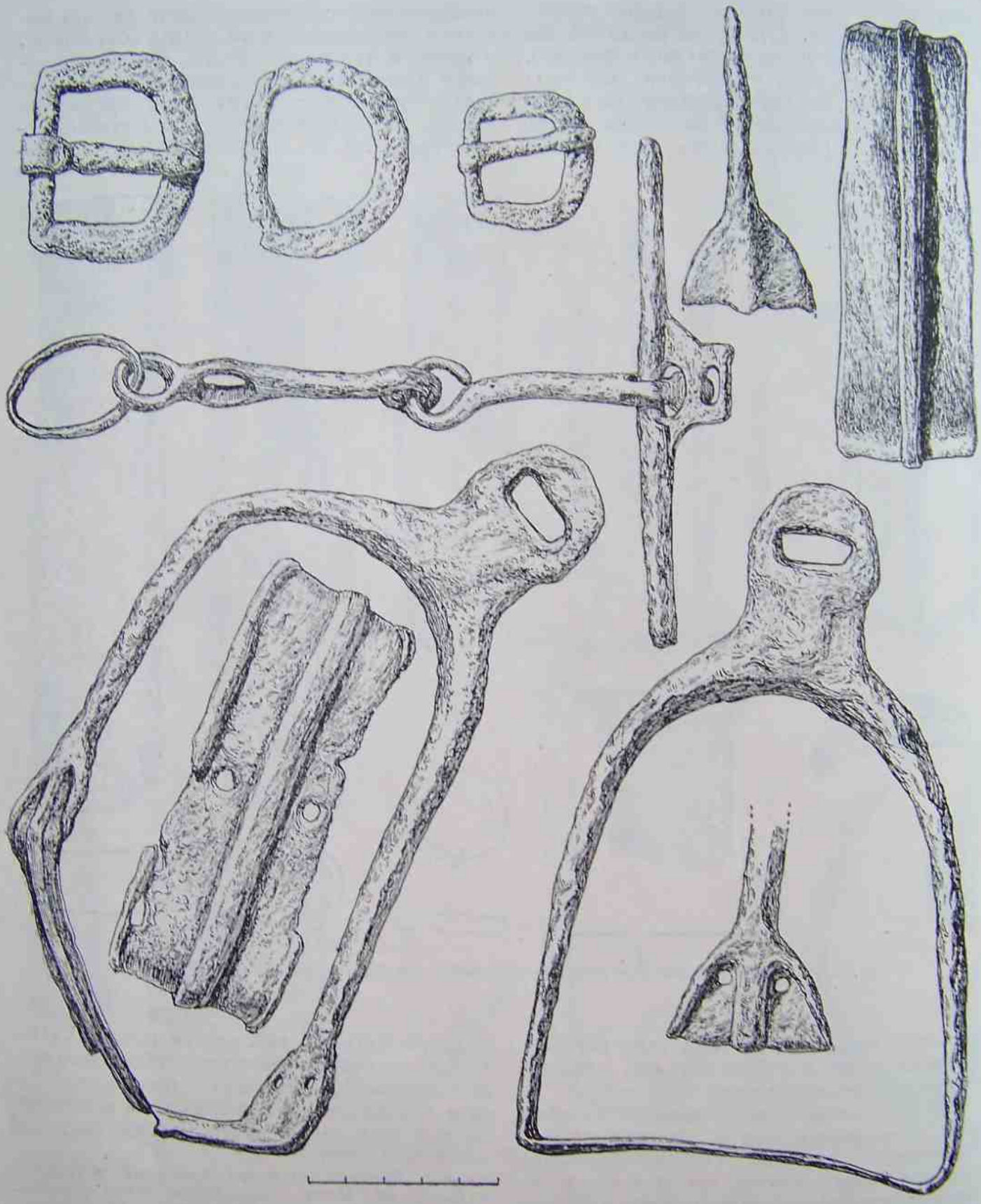


Рис. 15. Правобережное Цимлянское городище. Конское снаряжение.

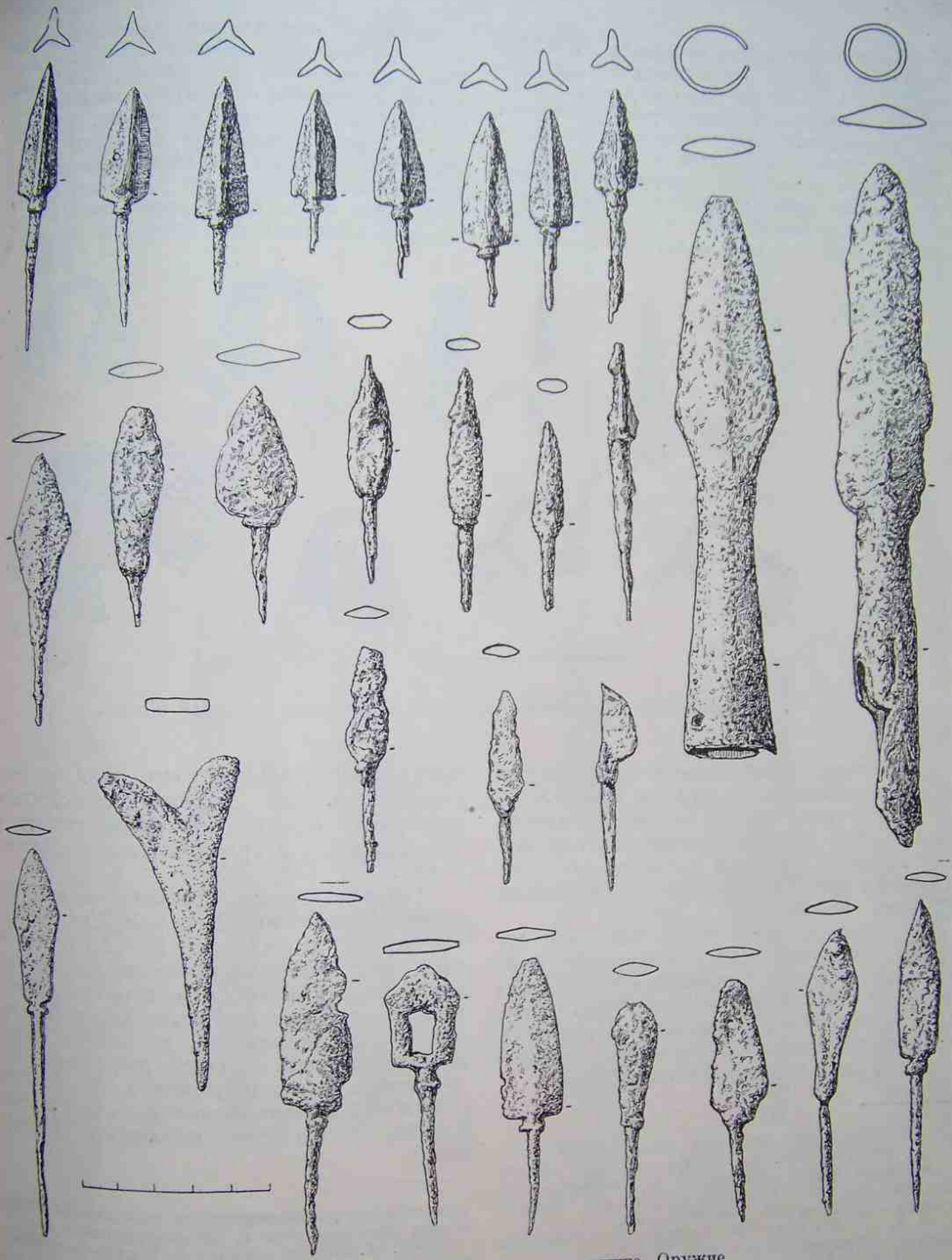


Рис 16. Правобережное Цимлянское городище. Оружие.

полностью подтвердили датировку А. М. Покровского. Монет более позднего времени, чем X в., найдено не было ни в поселениях, ни в могильниках. Выдвинутая датировка нашла подтверждение в массовом керамическом материале поселений и могильников, в частности в амфорах, датировка которых в настоящее время разработана более или менее удовлетворительно.[1] Среди многочисленных керамических остатков поселений

Судя по этим данным, салтово-маяцкая культура просуществовала от 200 до 250 лет. Конечно, это вовсе не означает, что жизнь во всех поселениях охватывает такой период. Одни из них существовали дольше, чем другие. О продолжительности их жизни можно будет судить лишь в результате исследования каждого памятника путем раскопок. Сейчас несомненно лишь одно: подавляющее большинство известных нам поселений являются

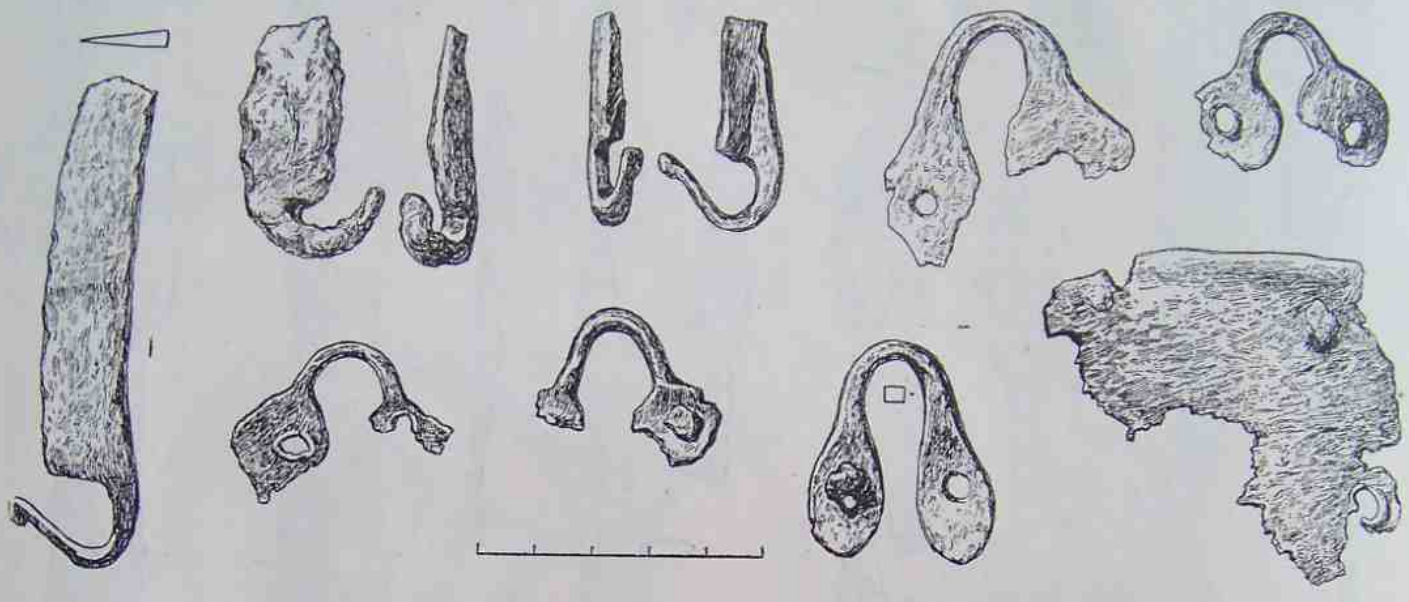


Рис. 17. Правобережное Цимлянское городище. Фрагменты железной посуды.

и могильников салтово-маяцкой культуры амфор, относящихся ко времени позже X в., хорошо известных нам по материалам поселений бассейна Дона (Левобережное Цимлянское городище русского периода), а также и смежных районов Поднепровья, совершенно не было встречено.

Это подтверждается также тем, что керамика салтово-маяцкого комплекса была находима в составе материалов славянских поселений VIII—X вв., датированных монетами, найденными в жилищах, которые закончили свое существование вместе с прекращением жизни на всем поселении.[2]

однослойными, содержащими хотя и многочисленные, но довольно однообразные культурные остатки, что свидетельствует о сравнительно непродолжительной жизни в них.

Такая же картина была выявлена и по материалам погребений. Еще А. М. Покровский, выступая с докладом на XII Археологическом съезде о первых раскопках Салтовского могильника, указывал, что хотя «Количество вещей, находимых при погребениях Верхне-Салтовского могильника, по большей части довольно велико, но самые предметы не поражают своим разнообразием, а скорее имеют один общий характер и повторяют одни и те же формы».[1] То же самое отмечает и А. А. Спицын.[2]

Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв., стр. 1—15; М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 164; В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, стр. 38.

[1] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья, стр. 325—344.

[2] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. Такой же материал найден на Новотроицком городище во время наших раскопок 1952 г. (не опубликован).

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 468.

[2] А. А. Спицын. Историко археологические разыскания, стр. 72.

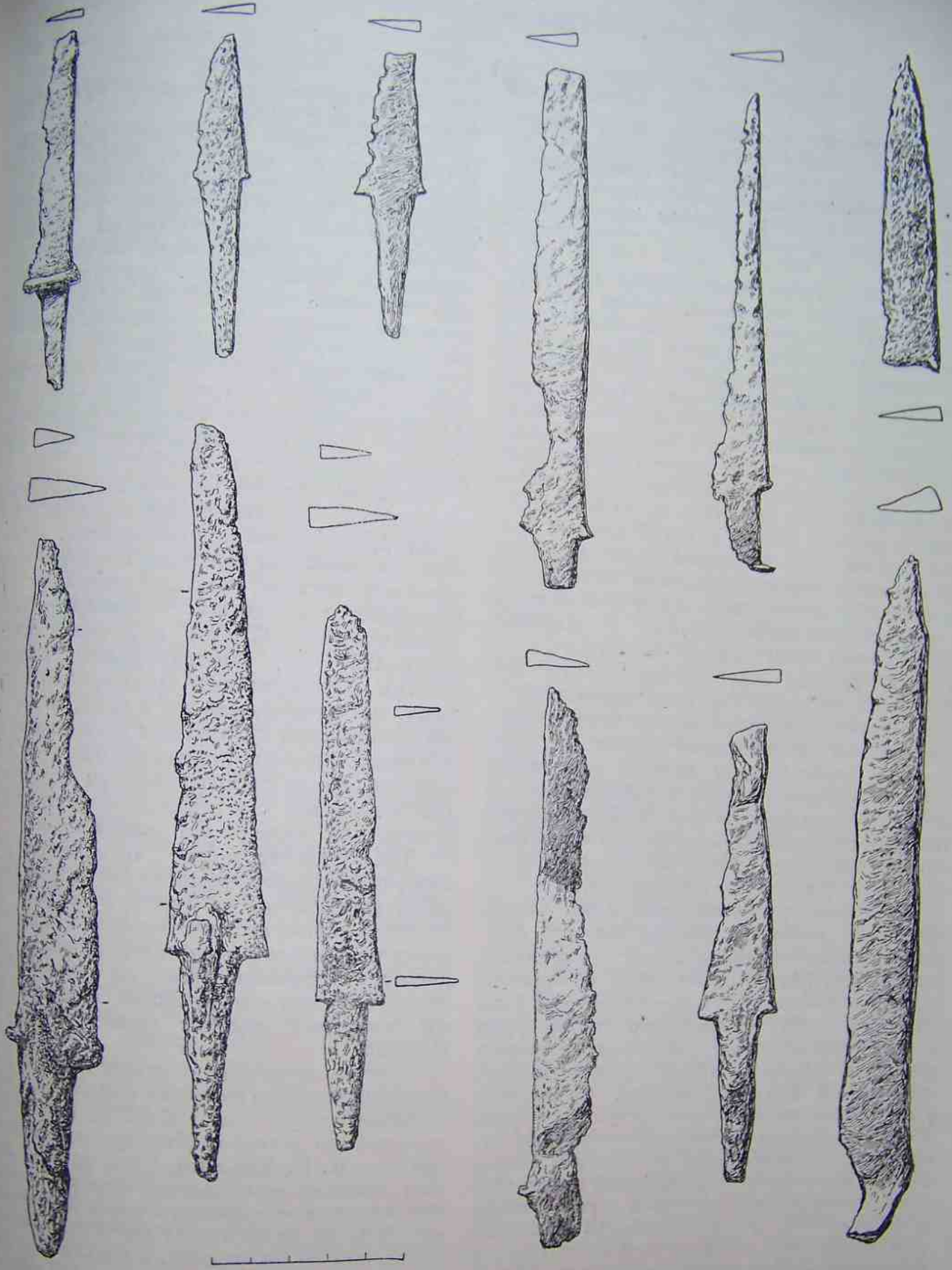


Рис. 18. Правобережное Цимлянское городище. Ножи.

IV

Материалы поселений, рассмотренные нами выше, дают возможность сделать ряд выводов как о характере общественной, хозяйственной и культурной жизни населения, оставившего памятники салтово-маяцкой культуры, так и о заселении края в целом.

Уже одно число известных нам в исследованном районе поселений, далеко еще не полностью обследованном, позволяет сделать заключение, что область бассейна Дона была занята в изучаемый период (VIII—X вв.) не только кочевым населением, наличие которого здесь было хорошо известно по письменным источникам, но и оседлым, причем оседлость была довольно хорошо выраженной, с установившимся типом поселений, выработанной формой жилищ и более или менее единообразным бытом и хозяйственной деятельностью. Судя по данным раскопок, одним из основных занятий населения было земледелие. Об этом свидетельствуют как находки сельскохозяйственных орудий в широком смысле этого слова (орудия обработки земли, уборки урожая, переработки продуктов), так и находки самих продуктов земледелия — зерен ячменя, пшеницы, проса, а по косвенным данным, и некоторых других культур. Ценным свидетельством наличия земледелия наряду с земледельческими орудиями является побочный продукт обмолота зерна — мякина (полова), найденная в качестве примеси к глиняной обмазке на одном из обследованных поселений (близ хут. Карнаухова).

О степени развития земледелия можно судить по характеру земледельческих орудий. Находки сошников вместе с плужными ножами говорят, что это было несомненно пашенное земледелие с применением довольно сложного плуга, снабженного специальным ножом, облегчающим вспашку тяжелых целинных земель, которые преобладали на исследуемой нами территории. О высоком уровне земледелия свидетельствуют и орудия уборки урожая — серпы, косы-горбуши, имеющие выработанные, устойчивые формы и высокое качество выделки. Как отмечалось нами выше, форма некоторых серпов близка к современной. О значительности удельного веса земледелия в жизни населения говорят и многочисленные находки крупных ручных жерновов. На поселениях, где культурные отложения обнажены (например, Карнаухово), обломки жерновов встречаются буквально около каждой усадьбы.

Наиболее яркие материалы, характеризующие культуру земледелия, были обнаружены на Правобережном Цимлянском городище. Здесь наряду с находками в культурных отложениях отдельных орудий в одном из жилищ был найден целый комплекс, состоящий из плужного ножа, двух симметричных сошников, косы-горбуши и небольшой железной лопатки. Находки злаков немногочисленны. Кроме Левобережного Цимлянского городища, мы можем назвать еще лишь одно поселение у хут. Карнаухова, где в обожженной глиняной обмазке были обнаружены отпечатки карликовой пшеницы, двурядного ячменя и проса.[1]

Не менее крупное место в хозяйственной деятельности средневекового населения бассейна Дона занимало скотоводство. Основными данными для суждения о составе стада являются костные остатки, собранные при раскопках поселений: Правобережного Цимлянского (1939 г.) и Карнауховского (1950—1951 гг.). Многочисленны костные остатки Левобережного Цимлянского городища, но использовать их в качестве источника салтовской культуры, к сожалению, невозможно. Городище это многослойное, сильно перекопанное как в прошлом, так и в наши дни, вследствие чего отделить остатки одного периода от другого нет возможности.

При характеристике остеологического материала Правобережного и Карнауховского городищ мы не будем, в связи с тем, что соотношение костных остатков в основных своих показателях на обоих поселениях совпадает, останавливаться на материалах каждого из них в отдельности, а рассмотрим их совместно, отметив лишь особенности каждого.

Костные остатки из раскопок Правобережного Цимлянского городища были определены научным сотрудником ИИМК В. В. Карачаровским, из раскопок Карнауховского поселения — К. Б. Юрьевым. Судя по этим данным, домашние животные играли в хозяйственной жизни преобладающую роль. Им принадлежит от 75 до 80% всех костных остатков, найденных на поселениях, и только 20—25% составляют кости диких животных. Такое же

[1] Определения злаков сделаны В. А. Петровым.

соотношение имеет место и по числу особей. Среди домашних животных первое место занимает бык, следующее — мелкий рогатый скот (баран и козел), затем идут лошадь, свинья, собака. При раскопках Карнауховского поселения в 1950 г. были найдены кости верблюда.[1] Из костей домашних птиц следует отметить кости гуся и курицы. Наличие последних в хозяйстве населения салтово-маяцкой культуры засвидетельствовано также остатками яичной скорлупы, найденными в катакомбных могилах Салтовского могильника.[2]

Любопытно отметить, что в составе костных остатков Правобережного Цимлянского городища совершенно не обнаружено костей домашней свиньи, но зато довольно многочисленны кости дикого кабана очень крупных размеров. Удельный вес его остатков приблизительно такой же, что и остатков домашней свиньи на Карнауховском поселении.

Из костей диких животных отчетливо выступают лишь остатки дикого кабана. Они найдены и на Карнауховском и на Правобережном Цимлянском городищах, занимая в составе остатков довольно значительное место. Кости других животных немногочисленны. На Карнауховском поселении найдены кости оленя (1 особь), на Правобережном Цимлянском — кости лося (2 особи), сайги (4 особи), лисицы (3 особи), зайца (9 особей). Из костей птиц найдены кости тетерева. Такой состав костных остатков диких животных свидетельствует о том, что в хозяйстве населения дикие животные не играли заметной роли. Больше того, за исключением кабана все они, по-видимому, являлись случайной добычей, а не объектом промысловой охоты.

Характерной чертой костных остатков является раздробленность, доведенная до крайнего предела. По замечанию В. В. Карачаровского, «раздроблению подвержены даже мелкие фаланги барана, не говоря уже об эпифизах костей всех прочих животных». Объяснение этому он усматривает в «максимальной утилизации костного мозга как продукта питания».

На крупное значение скотоводства в хозяйстве указывает широкое бытование в составе хозяйственных построек усадьб специальных сооружений (полуземляночных хлевов) для мелкого рогатого, а также, по-видимому, и для молодняка крупного рогатого скота с целью укрытия его от зимних холодов и дождливой осенней погоды. Вскрытые при раскопках усадебные комплексы показывают, что такие хлева являются составной частью многих усадьб. Значительные размеры их (5—12×3—4 м) дают основание предполагать, что каждое хозяйство имело не один десяток голов только мелкого рогатого скота, причем последний, как показывают данные костных остатков, количественно уступает крупному рогатому скоту, служившему, очевидно, основной тягловой силой при выполнении тяжелых хозяйственных работ, в первую очередь земледельческих. Наличие больших стад домашних животных подтверждается и некоторыми косвенными данными, в частности применением на некоторых поселениях в качестве топлива почти исключительно кизяка, о чем свидетельствует состав зольных остатков, сохранившихся вплоть до наших дней в виде громадных куч (зольников) около большинства древних усадьб.

Из сельскохозяйственных промыслов следует отметить рыболовство, занимавшее в жизни населения одних поселков большее, в других меньшее место, в зависимости, видимо, от местоположения поселения по отношению к водоемам. Наиболее отчетливо, судя по материалам исследованных поселений, рыбный промысел выступает на Правобережном Цимлянском городище, расположенном непосредственно у Дона. Здесь наряду с многочисленными пищевыми отбросами рыб (чешуя, кости), найденными как непосредственно в жилищах, так и около них, обнаружены и рыболовные принадлежности: крючки различных размеров, грузила от сетей, пешни для прорубки льда в зимнее время. Высокое качество рыболовных крючков, выработанность их форм и разнообразие размеров (от 4 до 12 см длины) наряду с многочисленными рыбными остатками говорит о значительном развитии этого промысла. Последнее подтверждается и находками специальных крючков-багров без бородки и кольца для привязки шнура. Судя по этно-

---

[1] Наличие в составе стада населения салтово-маяцкой культуры верблюда подтверждается изображением этого животного, запряженного в повозку, на костяной трубке, обнаруженной С. Н. Замятниным при раскопках в 1926 г. могильника катакомбного типа у хут. Подгоровки Уразовского района Харьковской области.

[2] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 439.

графическим данным, такие крючки, прикрепленные к деревянным рукояткам длиной около 1 м, употребляются и сейчас для вытаскивания крупных рыб (щук и др.), попавшихся на обычный рыболовный крючок.[1] В частности, под именем «котич» бытуют эти крючки на Дону.

Чешуя и костные остатки позволяют судить как о составе вылавливаемой рыбы, так и ее размерах. Подавляющее большинство остатков принадлежит таким рыбам как сом, щука, сазан, лещ и некоторым другим. В основном размер рыб средний, но встречаются и довольно крупные экземпляры. Диаметр некоторых найденных позвонков достигает 3—4 см. Только на крючки вышеописанных размеров (4—12 см длины) и можно было поймать такую рыбу. Наряду с остатками обыкновенных рыб встречаются остатки и осетровых (ганоидных), но последние в значительно меньшем количестве, чем первые.

Большое количество рыбных остатков, а равно и рыболовных принадлежностей обнаружено при исследовании Левобережного Цимлянского городища. Но, к сожалению, использовать их при исследовании нашего вопроса, как и костные остатки животных, в силу многослойности памятника нет никакой возможности.

Рассмотренные выше материалы, добытые при исследовании поселений, позволяют с полной уверенностью говорить о том, что население салтово-маяцкой культуры занималось не только сельским хозяйством и связанными с ним промыслами, но и некоторыми ремеслами. Из числа последних наиболее отчетливо выступает гончарное ремесло.

О наличии гончарного ремесла свидетельствуют остатки гончарных обжигательных печей, обнаруженных при раскопках Левобережного Цимлянского и Суворовского поселений. Найденная при их исследовании керамика дает основание говорить, что применявшаяся в обиходе населения глиняная посуда изготовлялась здесь же на месте, в бассейне р. Дона, в укрепленных и неукрепленных поселках. Основываясь на указанных данных, попытаемся раскрыть характер этого ремесла. Одним из основных показателей уровня гончарного производства является наличие производственных сооружений — гончарных обжигательных печей. По своему устройству они довольно сложные, двухъярусные, ямного типа. Одни из них с подпорным столбом, другие без столба. Первые найдены лишь в одной точке, на Левобережном Цимлянском городище. Конструктивно они довольно близки средневековым гончарным печам Крыма, продолжающим античные традиции. Появление их в поселениях салтово-маяцкой культуры, в частности на Левобережном Цимлянском городище, вероятнее всего следует рассматривать как заимствование. Последнее можно поставить в связь с пребыванием в Саркеле (Левобережном городище) византийских мастеров, приезжавших для постройки крепости. Печи второго типа без подпорного столба открыты в двух точках — на Левобережном Цимлянском и Суворовском поселениях. Подобных печей в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. мы почти не знаем. Печи первой половины I тысячелетия (культуры «полей погребений») все с подпорными столбами. Без подпорного столба есть еще лишь одна печь у с. Дуба-Юрт (Северный Кавказ), открытая Северо-Кавказской экспедицией в 1939 г.[1] По общему облику она очень близка к печам салтово-маяцкой культуры без подпорного столба. Найденные около печи и в печи керамические остатки принадлежат к комплексу салтово-маяцкой керамики. По-видимому, печь синхронна Дуба-Юртовскому могильнику,[2] т. е. одновременна печам Суворовского поселения. Печи этого типа в Восточной Европе имеют широкое распространение в более позднее время, в XI—XIII вв.; они доживают вплоть до наших дней.[3]

Характерной чертой салтово-маяцкого гончарного ремесла является сосредоточенность его в определенных населенных пунктах, что обусловливалось, с одной стороны, наличием соответствующего сырья (глины), а с другой — бо́льшими возможностями распространения производственных навыков среди населения в условиях, где это производство уже существует (традиции). С этим

[1] Л. П. Сабанеев. Рыбы России. Изд. 3-е, М., 1911, стр. 985—986.

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 165/1939, лл. 76—79; Фотоархив ИИМК, № 01470, сектор Средней Азии и Кавказа, по описи 1947 г. № 3/8.

[2] А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный, 1938 (Зап. Чечено-Ингушетск. научно-исслед. инст. языка и истории, т. I), стр. 13—31.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 342—352; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 114—120.

явлением мы сталкиваемся и на Суворовском и на Левобережном Цимлянском поселениях. В обоих поселениях были открыты не отдельные печи, а целые гнезда их (рис. 19 и 20). Каждая из таких печей могла вмещать в себя до полсотни сосудов средних размеров. Эти данные говорят о том, что гончарное производство достигло значительной ступени развития, что оно прочно выделилось в самостоятельную отрасль хозяйственной деятельности, что продукция изготовлялась на сбыт.

Другим показателем уровня гончарного производства является качество изготовляемой продукции. Как отмечалось выше, салтово-маяцкая керамика на первых этапах своего изучения вошла в научный обиход в искаженном виде, неполно, лишь той своей частью, которая представлена в погребальном инвентаре, — лощеными кувшинами, кружками и некоторыми другими близкими к ним формами. Такое представление о салтово-маяцкой керамике в какой-то мере сохраняется и по сей день.[1] Длительное время считалось также, что салтово-маяцкая керамика делалась не на гончарном круге.[1]

Материалы поселений позволяют полнее раскрыть богатство и многообразие керамики этой культуры. Уже сейчас, на первых этапах ее изучения, можно считать установленным, что подавляющая масса глиняной посуды изготовлялась на гончарном круге. Лепная посуда составляет незначительный процент; остатки ее отчетливо выступают лишь в поселениях и могильниках, расположенных в пограничной полосе лесостепи и степи — у сел Салтово и Архангельское и у дер. Доброй. Остатки гончарной посуды встречены повсеместно, как на поселениях, так и в могильниках. Судя по наличию клейм, а также по покрытию дна песком, сосуды изготовлялись на ручном круге. Формы их, как видно из приведенной выше характеристики, весьма разнообразны. Многие из них являются довольно оригинальными, не имеющими себе аналогий в соседних, в частности северо-западных, районах. Но среди них есть и такие, которые широко

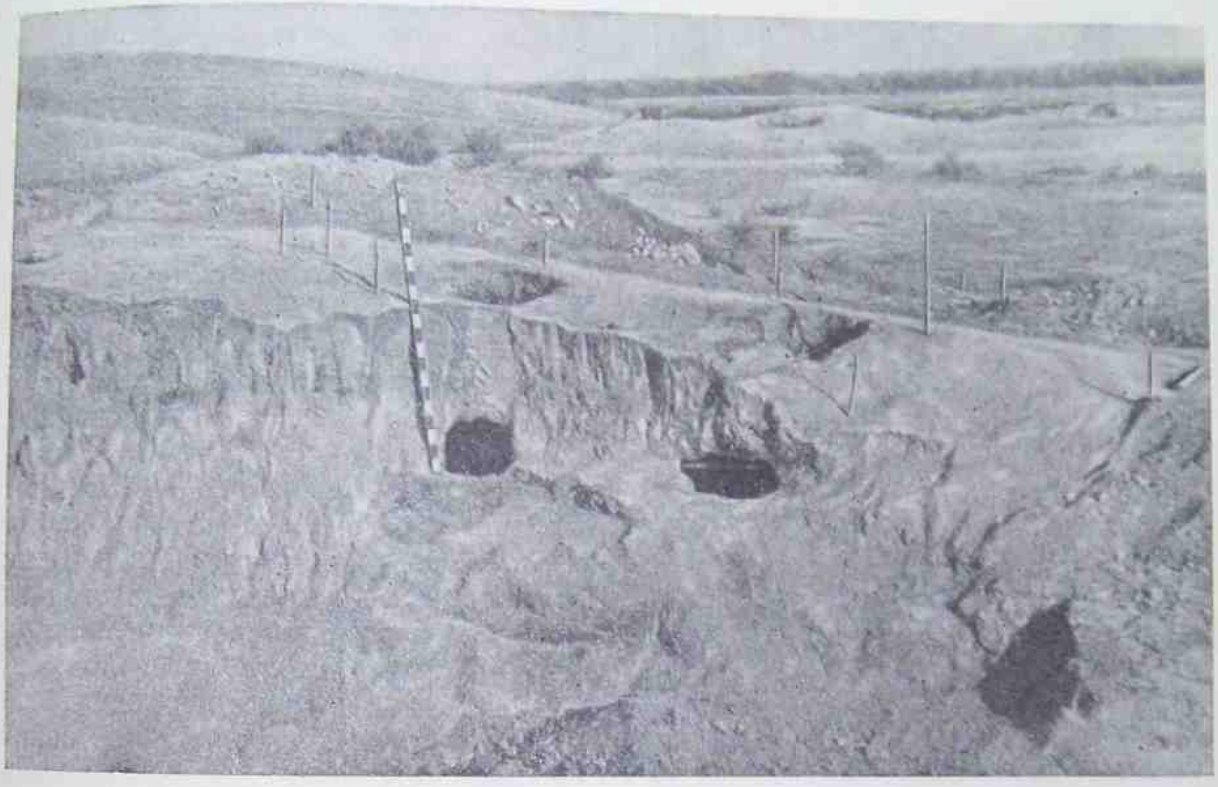


Рис. 19. Поселение у ст. Суворовской. Гончарные печи. Общий вид.

[1] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе, стр. 60—61; Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14—30.

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 477; В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 439—440.

бытуют и за границами распространения салтово-маяцкой культуры. К числу их относятся амфоры яйцевидной формы, известные в литературе под названием салтовских. Последнее название укрепилось за ними в связи с находками В. А. Бабенко нескольких таких амфор в хозяйственной яме Салтовского поселения, принятой им за

Рис. 20. Поселение у ст. Суворовской. Гончарные печи. Обжигательные камеры.

гончарную печь.[1] Ошибочность этого утверждения В. А. Бабенко мы разобрали выше довольно подробно, однако вопрос о месте производства этих амфор и, в частности, о том, изготовлялись ли они населением салтово-маяцкой культуры, нашими выводами ни в какой мере не предрешается. Следует все же иметь в виду, что как по форме, так и по технологическим свойствам яйцевидные амфоры резко выделяются из всего остального керамического комплекса салтовской культуры. Любопытно также и то, что при исследовании гончарных печей Суворовского поселения никаких следов производства яйцевидных амфор не обнаружено. Больше того, остатки амфор совершенно не найдены на всей территории Суворовского поселения, как при раскопках жилищно-хозяйственных сооружений, так и при внешнем осмотре всей площади поселения. Эти данные позволяют предполагать, что если амфоры и производились населением салтово-маяцкой культуры, то далеко не повсеместно, по-видимому лишь в определенных точках, там, где была потребность в такой таре (район виноделия); если же это действительно было так, имеются все основания предполагать, что в гончарном ремесле уже зародилась узкая специализация, т. е. отдельными мастерами изготовлялись лишь определенные типы сосудов.

В технологическом отношении сосуды изготовлялись со знанием дела, хотя и далеко еще не были совершенными. Они производились из довольно чистой глины и сравнительно хорошо обжигались. При этом состав теста не был постоянен, он изменялся путем добавления различных примесей в зависимости от назначения посуды. Сосуды для хранения продуктов, как мы отмечали выше, имели свой состав теста; своими особенностями характеризовался также состав теста кухонных сосудов и столовой посуды. В этом отношении, как и во многом другом, в керамическом производстве чувствуются традиции предшествующей поры, первой половины I тысячелетия н. э., когда состав теста посуды также был непостоянен и всецело определялся назначением сосудов.[1] Назначением сосудов определялась, по-видимому, и их орнаментация, которая применялась широко. С помощью лощения и прочерчивания горизонтальных и волнистых борозд создавались простые, но довольно своеобразные рисунки. Наиболее «нарядно» обрабатывалась столовая посуда. Бóльшая часть ее покрывалась лощением — или сплошь, или в виде геометрических фигур (треугольников, ромбов и т. п.). Кухонная посуда, как правило, не лощилась. На ее поверх-

[1] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—470.

[1] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений». . ., стр. 10—14.

Рис. 21. Салтовский могильник. Могильный инвентарь. Изделия из цветных металлов.

ность наносились горизонтальные или волнистые линии в самых различных сочетаниях. Сосуды для хранения продуктов орнаментировались обоими приемами: одни из них покрывались различными узорами, нанесенными с помощью лощения, на других прочерчивались незатейливые горизонтальные и волнистые бороздки.

Гончарное ремесло салтово-маяцкой культуры только начинает изучаться, но уже и то, что мы знаем сейчас, позволяет сделать вывод о его сравнительно высокой ступени развития для своего времени. Об этом красноречиво говорит как характер изготовляемой продукции, так и технология производства.

В составе могильного инвентаря, а также материалов, собранных при исследовании поселений, значительное место занимают изделия из металла — железа, бронзы (меди), серебра. Одни из них кованые, другие литые, третьи штампованные (рис. 21). Многие из них являются образцами тонкого ювелирного искусства и умелой обработки черных металлов. Вполне естественно встает вопрос: какие из известных нам металлических вещей являются продукцией местного производства и какие привозными? Каков был уровень обработки металлов? Мы не сомневаемся в том, что многие (если не большинство) металлические изделия, находившиеся в обиходе населения, как из орудий труда, так и из украшений, изготовлялись на месте. Однако отсутствие среди известных нам материалов каких-либо следов производства большей части металлических вещей не дает оснований для выводов ни о степени развития обработки различных металлов, ни о формах этого производства. Не считаем мы возможным принять за основу и точку зрения предшествующих исследователей, считавших все «изящное» привозным с Востока, из Византии и т. д., а все обычное — изготовлявшимся здесь, на месте.[1] Единственное, о чем мы в настоящее время можем говорить с какой-то достоверностью, это о существовании кузнечного дела. Правда, следует прямо признаться, что для освещения и этого вопроса мы располагаем очень скудными данными. В сущности, эти данные сводятся только к установлению следов обработки железа. Мы имеем в виду отмеченные нами выше куски железа с отчетливо выраженными признаками ковки и рубки, найденные при раскопках Правобережного Цимлянского городища и не могущие быть ничем иным, как только отходами кузнечного производства. Следует отметить, что в их составе наряду с бесформенными кусками железа имеется значительное количество обрубков от готовых изделий, например от стремян, клинка, меча или кинжала и некоторых других неопознанных изделий. Наряду с отбросами кузнечного производства на том же поселении были найдены отдельные кузнечные инструменты — бородок и зубило (рис. 22).

Наблюдения над этими материалами позволяют заключить, что кузнечное дело не было чуждо населению салтово-маяцкой культуры. Вывод этот весьма существенный, но в данном случае не решающий, ибо он не дает ответа на основной интересующий нас вопрос: какова же техника и организация кузнечного дела? Единственным источником, способным в какой-то мере ответить на этот вопрос, остаются многочисленные железные изделия, найденные при раскопках могильников и поселений. Состав этих изделий по техническим приемам их изготовления весьма разнообразен, начиная от вещей, могущих быть изготовленными одним кузнецом с помощью самых элементарных приемов (ножи, шилья, гвозди), и кончая изделиями, требующими для своего изготовления участия не менее двух человек и самых сложных технических приемов — сварки, клепки и т.п. (плужные ножи, лемехи, топоры, сабли). Все эти изделия отличаются прекрасным качеством ковки, сварки и чистотой отделки, стандартностью форм, свидетельствуя тем самым, что в кузнечном деле выработались определенные традиции и навыки, овладение которыми требовало длительной, специальной подготовки.

Изучая кузнечное дело, нельзя обойти полным молчанием основной вопрос — о выплавке железа, хотя здесь мы и находимся в полном неведении. До сего времени ни на одном поселении не было обнаружено никаких следов этого производства. Неизвестны нам и находки кричного железа. Все, что мы знаем по этому вопросу из материалов Левобережного Цимлянского городища, относится к славянскому периоду жизни поселения. Не исключена возможность, что в силу отсутствия соответствующей сырьевой базы выплавка железа здесь не

[1] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 435—445.

производилась и оно было привозным из более северных или южных районов.[1] Это обстоятельство должно объяснить и тот факт, почему салтово-маяцкое население так бережно обращалось с железом, перерабатывая ненужные и износившиеся железные изделия в новые. По-видимому, как ни широко было распространение этого металла в быту, он являлся дефицитным материалом.

мятниках материальной культуры они не находят достаточного отражения.

Наиболее частыми и повсеместными находками на поселениях являются пряслица — небольшие круглые и плоские изделия, просверленные в центре, изготовленные из камня или обломков глиняной посуды и применяющиеся для усиления вращения веретена (рис. 23). Они свидетельствуют о широком

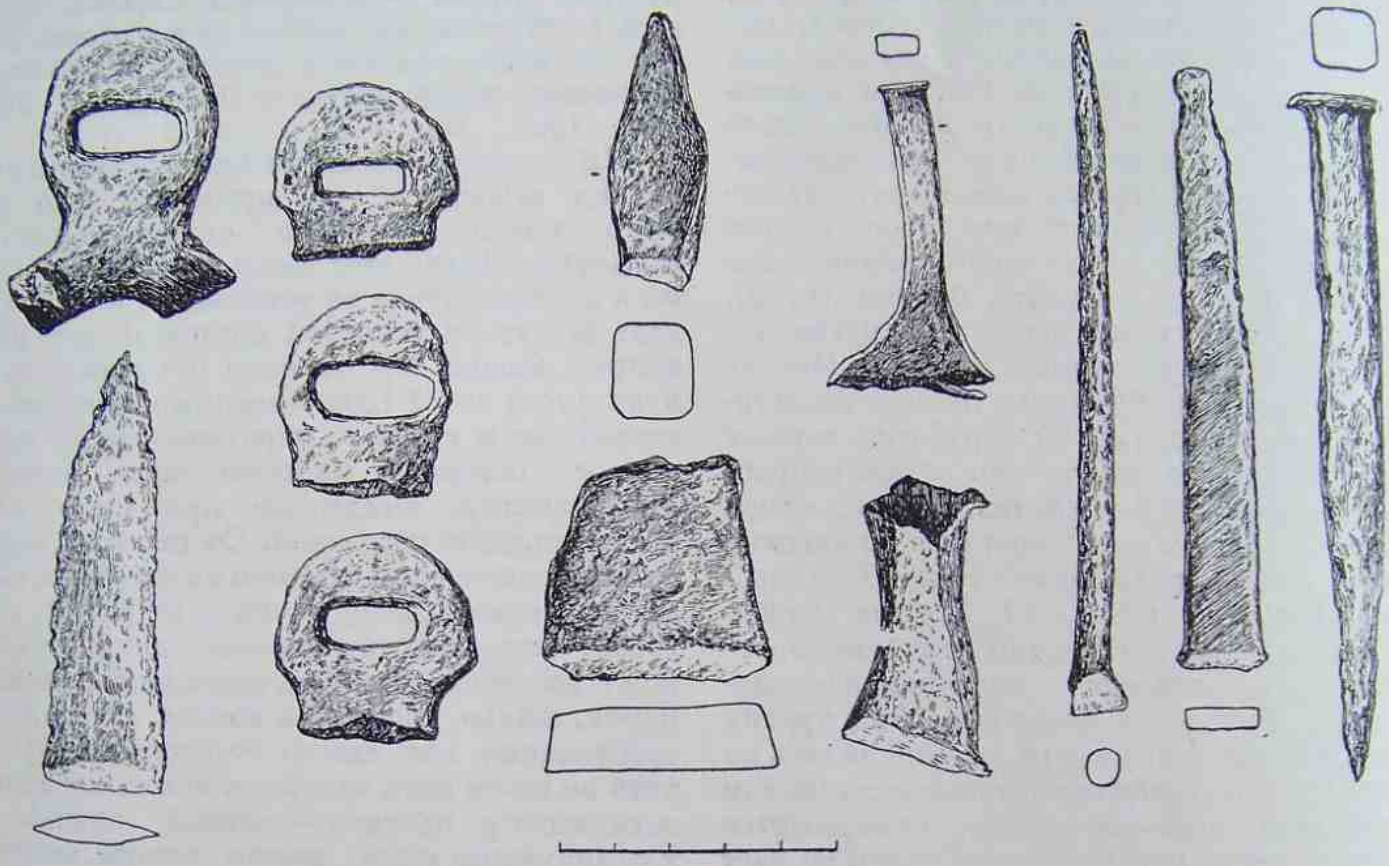


Рис. 22. Правобережное Цимлянское городище. Остатки кузнечного производства.

При всей отрывочности и неполноте имеющихся в нашем распоряжении данных для суждения о технике и организации кузнечного дела их все же достаточно для того, чтобы сделать вывод о месте кузнечного дела в хозяйственной жизни населения, — о том, что кузнечное дело являлось самостоятельной, обособившейся отраслью хозяйственной деятельности — ремеслом.

Из других отраслей производства необходимо остановиться на обработке волокна и дерева, т. е. на тех отраслях, которые в жизни человека всегда играли заметную роль. Приходится очень сожалеть, что в па-

распространении прядения. Несомненно, прялась прежде всего шерсть, имевшаяся в каждом хозяйстве благодаря широко развитому скотоводству. Наряду с шерстью пряли и растительное волокно, нити из которого неоднократно были находимы среди материалов погребений.[1] Прядение теснейшим образом переплетается с ткацким делом, изготовлением тканей. Наличие последнего у салтово-маяцкого населения не вызывает сомнений, хотя следов производственной деятельности среди археологических материалов пока не обнаружено. Существование ткацкого дела подтверждается лишь многочисленными находками пред-

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 35—40.

[1] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 440—443.

метов производства, остатками шерстяных и пеньковых тканей, применявшихся для изготовления одежды.

Очень мало данных сохранилось и для суждения об обработке дерева. Среди материалов, добытых при исследовании поселений, имеются топор (дефектный, только обух), долото, ложкорез и некоторые другие мелкие инструменты. Почти все эти орудия являются

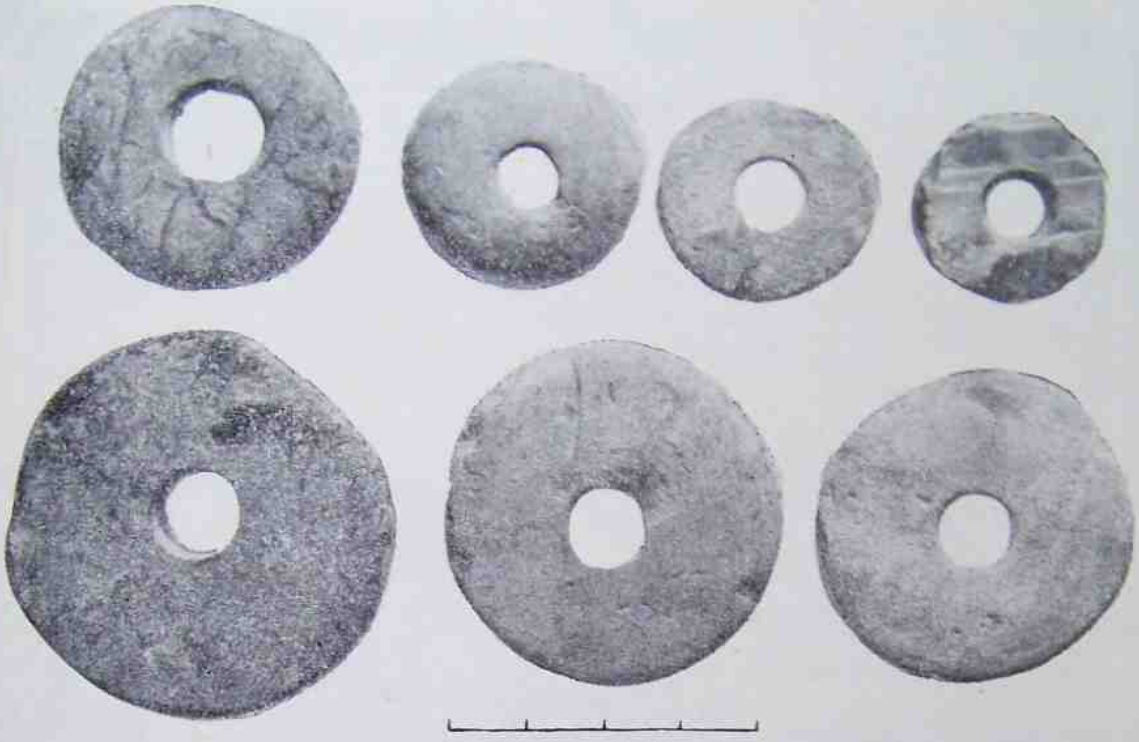


Рис. 23. Карнауховское поселение. Пряслица.

необходимыми в обиходе каждого хозяйства. Исключение составляет ложкорез, орудие специальное, связанное с узким кругом работ по дереву даже в наши дни. Наличие перечисленных орудий обработки дерева, однако, не дает еще каких-либо оснований для заключения о существовании обособленной деревообделочной отрасли производства, тем более что изделий из дерева среди археологических материалов салтово-маяцкой культуры совершенно не найдено. Очевидно, и обработка волокна, и обработка дерева не представляли собой обособленных отраслей хозяйственной деятельности. Они носили характер домашнего производства, обслуживая, как правило, нужды каждого хозяйства в отдельности.

Особо хочется остановиться на знакомстве населения салтово-маяцкой культуры с обработкой камня и на широком использовании последнего в качестве строительного материала. Данные, свидетельствующие об этой стороне хозяйственной деятельности, довольно многочисленные. Мы имеем в виду прежде всего остатки каменных стен укрепленных поселений, охарактеризованных нами выше. Наиболее исследованными из них, дающими представление как о технике обработки камня, так и о способах кладки, являются стены Маяцкого городища. По данным раскопок Н. Е. Макаренко, внешние части стен «были сложены из тесаных камней, плотно уложенных друг на друга, без цемента и без всяких скреп, в один, иногда в два ряда. Промежуток между такими стенками засыпан щебнем, мелкими и более крупными камнями, а пространство между ними заполнено мелким белым, слегка желтоватым составом в виде извести или толченого мела». По мнению Н. Е. Макаренко, «этот порошок есть остатки прежнего цемента». Все камни внешних частей кладки стен были обработаны способом тески, «орудием в виде плоскожелобчатого лезвия около 1 вершка шириной». Стены возводились непосредственно на материке, без фундамента. На многих облицовочных камнях Н. Е. Макаренко обнаружил различные знаки и изображения. Некоторые из них он рассматривал как надписи.[1]

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 7—34.

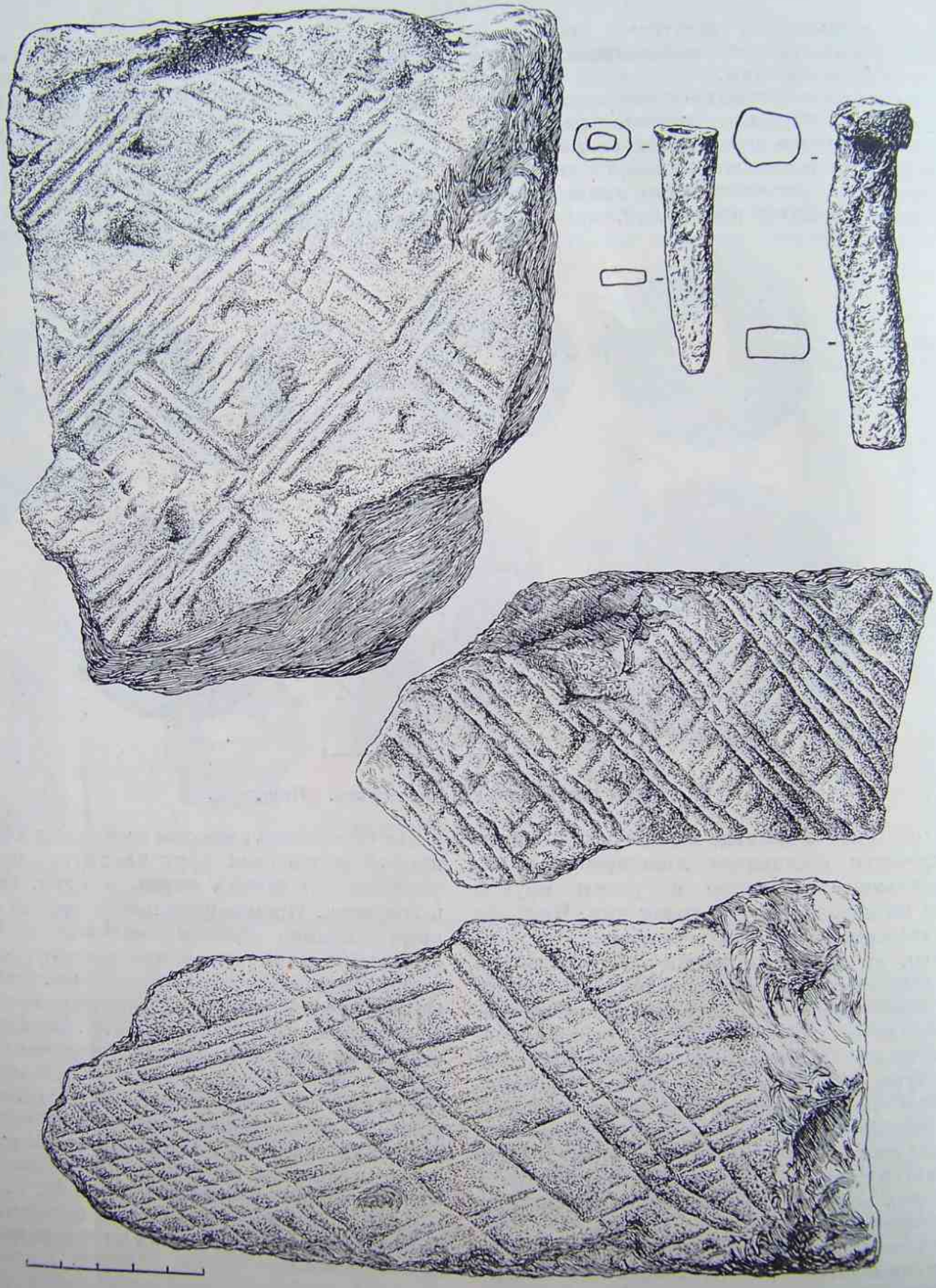


Рис. 24. Правобережное Цимлянское городище. Облицовочные камни.

Совершенно такой же технический прием кладки стен (внешние части сложены из тесаных камней, а промежуток между ними забутован рваным камнем) прослежен на Ольшанском,[1] Салтовском [2] и Правобережном Цимлянском [3] городищах. Судя по фрагментам облицовочных плит, найденных при исследовании Правобережного Цимлянского городища, теска камней производилась при помощи узких долот и зубил. Долота такого типа были найдены при раскопках того же городища. Обработка камней выполнена довольно искусно. Мастера так умело производили теску камней, что, сглаживая поверхность, одновременно наносили на нее с помощью тонких, едва уловимых линий своеобразный орнамент в виде различных геометрических фигур — ромбов, квадратов и т. п. (рис. 24). Как и на Маяцком городище, стены Правобережного Цимлянского и Салтовского городищ были возведены непосредственно на поверхности без каких-либо фундаментов (рис. 25).[1] По-видимому, такова же была кладка и стен Ольшанского городища. На облицовочных камнях Ольшанского и Салтовского городищ встречены знаки и изображения.

Вторую группу остатков, в какой-то мере характеризующих «каменное дело», составляют жернова. Находки их, как отмечалось выше, довольно часты и повсеместны. Жернова изготовлялись из кварцита, ракушечника и некоторых других горных пород (рис. 12). Обработка жерновов довольно тщательная, особенно рабочей стороны. Ей придавалась ровная, слегка шероховатая поверхность. Где, кто и как изготовлял жернова, неизвестно. Никаких исследований в этом направлении не производилось. Было бы весьма ценно произвести наблюдения, из каких горных пород в тех или иных районах изготовлялись жернова и имеются ли там данные породы.

Плохая изученность дошедших до нас памятников «каменного дела» не позволяет восстановить с должной полнотой ни технические приемы обработки камня, ни организации каменных работ. О последней,

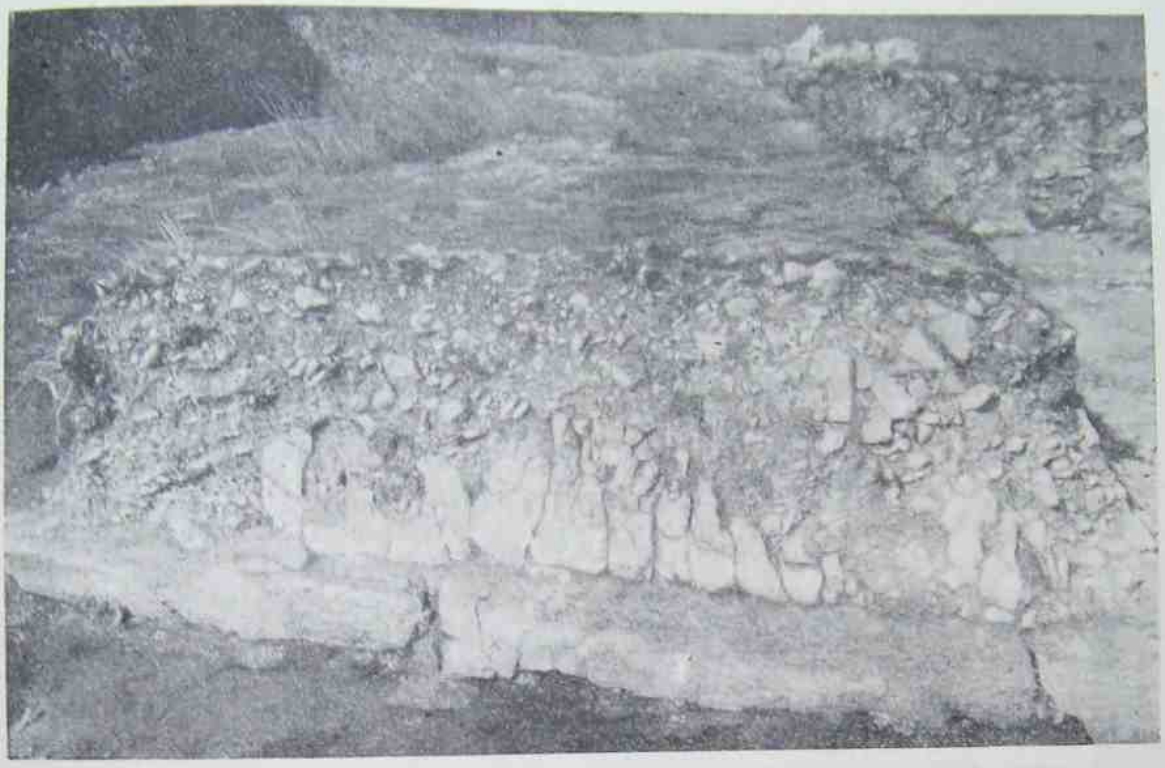


Рис. 25. Основание стен Правобережного Цимлянского городища.

[1] С. И. Замятнин. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах, стр. 2—4.
[2] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—468.
[3] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58—62.

[1] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища; В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России.

по сути дела, мы просто ничего не знаем. Несомненно одно: «каменное дело» стояло на такой ступени развития, при которой оно должно было выделиться в специальную отрасль; не исключено, однако, что занятие «каменным делом» носило сезонный характер.

Естественным результатом отделения ремесла от земледелия должно было явиться возникновение внутреннего обмена между группами населения, занятыми в различных областях хозяйственной деятельности. К сожалению, отсутствие данных не позволяет сказать что-либо о степени развития внутреннего обмена и о его формах. Несомненно, что существовали торговые связи и с другими племенами. О наличии их свидетельствуют находки таких вещей, о которых можно говорить с уверенностью, что они не местного производства. Это прежде всего те вещи, изготовление которых на месте невозможно из-за отсутствия соответствующего сырья. Таковы сердоликовые, хрустальные,[1] янтарные, ляпис-лазуревые и агатовые [2] бусы. По-видимому, привозными были также изделия из стекла, в том числе и бусы, а также некоторые типы глиняных сосудов (тара), например кувшины с плоскими ручками и амфоры. О наличии внешних торговых связей свидетельствуют и находимые восточные и византийские монеты. Несомненно, об этих же внешних торговых связях говорят и находки сосудов салтово-маяцкого типа в составе материалов славянских поселений бассейна Верхнего Дона и Днепровского Левобережья,[3] а также находки различных металлических изделий салтовского типа в погребальном инвентаре таких могильников, как Томниковский и Лядинский.[4] Все это дает основание говорить, что внешние торговые связи были развиты довольно широко. Однако ни о характере этих связей, ни об объеме их судить также нет никакой возможности.

При изучении жизни и быта населения салтово-маяцкой культуры наиболее сложным вопросом является характер общественных отношений. Сложность его, помимо недостаточной изученности памятников, состоит между прочим и в том, что исследуемое общество выступает перед нами лишь на незначительном отрезке своей жизни (VIII—X вв.), в отрыве как от предшествующего, так и от последующего этапов, остающихся пока что неизвестными, вне связи с исторической перспективой. В силу этих причин исчерпывающего ответа на вопрос — каков же характер общественных отношений — дать нельзя; освещению поддаются лишь некоторые его стороны. Наиболее ценным источником в этом отношении являются материалы погребений, прежде всего Салтовского могильника. При его исследовании наряду с погребениями в небольших катакомбах, имеющими немногочисленный и бедный инвентарь, состоящий из глиняного горшка, ножа, нескольких пастовых бус и бронзовых подвесок, встречаются, и довольно часто, погребения в больших и сложных по устройству могилах, с многочисленным и богатым инвентарем, состоящим из золотых и серебряных изделий, оружия, конского снаряжения и т. п. Последние погребения иногда сопровождаются отдельными захоронениями коня.[1] Этот факт позволяет установить существование явного имущественного неравенства, наличия богатых и бедных в среде населения, оставившего могильник. Об этом же свидетельствуют и некоторые, правда не совсем пока отчетливые, материалы поселений, в частности наличие наряду с массовыми жилищами полуземляночного типа, принадлежащими рядовому населению, единичных наземных построек из камня, расположенных, как правило, внутри укреплений.

Это экономическое неравенство явилось прежде всего естественным результатом того сравнительно высокого состояния производительных сил, которое так отчетливо раскрывается в археологических памятниках земледелия, ремесла и торговли. Однако констатация факта наличия имущественного неравенства и отделения ремесла от земле-

---

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 465—478.

[2] А. С. Федоровский. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв., стр. 1—15.

[3] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 37—44; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда Славянской археологической экспедиции 1952 г. Архив ИИМК.

[4] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, т. X, 1893, табл. III, VI—X.

[1] В. А. Бабенко. 1) Дополнение к докладу «Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове»; 2) Дневник археологических раскопок в Верхнем Салтове. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907; 3) Памятники хазарской культуры на юге России.

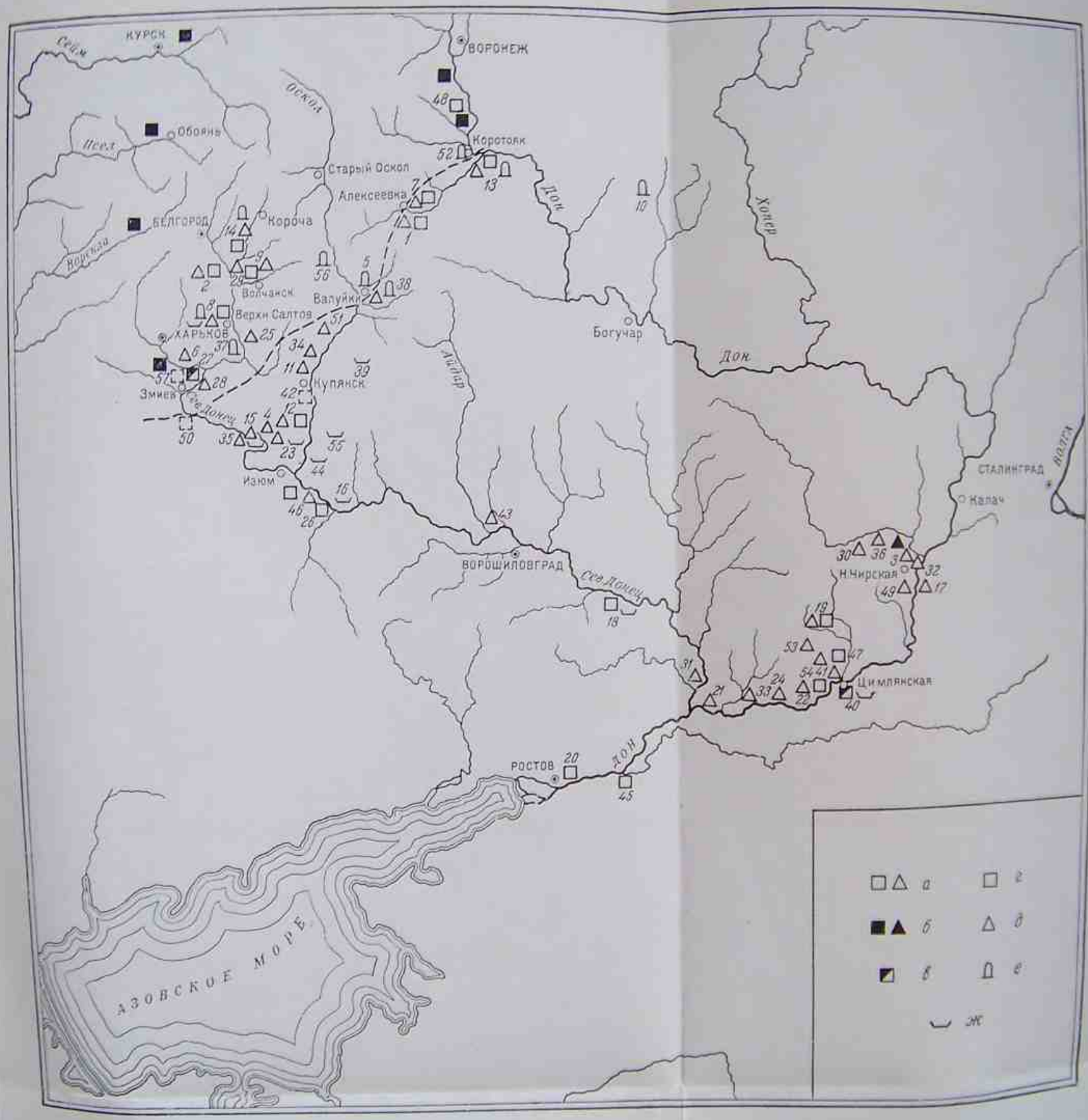


Рис. 26. Карта археологических памятников салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.

а — памятники салтово-маяцкой культуры; б — памятники славянской культуры; в — памятники, содержащие отложения славянской и салтово-маяцкой культуры; г — городища; д — селища; е — катакомбные могилы; ж — ямные могилы.

делия не дает еще ответа на основной вопрос: на какой же ступени развития находилось исследуемое общество? Имеем ли мы здесь дело с обществом классовым, или перед нами последняя ступень первобытно-общинного строя с ярко выраженной, богатой родоплеменной верхушкой?

М. И. Артамонов, исследуя укрепленные поселения салтово-маяцкой культуры (Салтовское, Маяцкое, Правобережное Цимлянское городища), выставил предположение: «Эти крепости были центрами формирующихся феодальных образований, и каждая из них, по-видимому, господствовала не только над тем населением, которое жило непосредственно возле ее стен, но и над жителями неукрепленных поселков, находящихся в ее окрестностях».[1] В своих суждениях о характере социальных отношений М. И. Артамонов исходит из представлений, что салтово-маяцкое оседлое население появляется в бассейне Дона в VIII—IX вв. в результате оседания болгаро-хазарских кочевых племен. М. И. Артамонов полагает, что одновременно с хозяйственными переменами у кочевого населения юго-восточных степей происходят серьезные изменения и в его социально-экономической организации, которую, как мы отмечали выше, он считает полуфеодальной или даже феодальной. Автор выдвигает предложение о возможности связать с этим процессом «и самое возникновение Хазарского государства как более развитой и сложной социальной организации по сравнению с союзами племен его кочевых соседей».[1]

Трудно что-либо возразить против оценки салтово-маяцкого общества как общества феодализирующегося. Нам кажется, что это положение вполне может быть принято как рабочая гипотеза. Однако мы не можем согласиться со вторым выводом М. И. Артамонова — утверждением о кочевнической хазаро-болгарской основе салтово-маяцкого населения и его месте в образовании Хазарского государства.

V

Вопрос об этническом облике населения салтово-маяцкой культуры и о месте этого населения в истории Юго-Востока нашей страны не новый. Он был поставлен еще на первых шагах изучения основного памятника этой культуры — Салтовского могильника. Еще до полной публикации материалов первых раскопок Салтовского могильника, произведенных накануне XII Археологического съезда Харьковским предварительным комитетом, А. А. Спицын, со свойственным ему чутьем, на основании газетных сообщений сумел осмыслить открытый памятник и в общих чертах верно наметить место этой новой культуры Подонья в истории Юго-Востока нашей страны. В докладе об открытии Салтовского могильника, сделанном на заседании Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества в январе 1902 г., им было высказано предположение, что могильник следует связать с аланским населением.[2] Эта точка зрения в развернутом виде была изложена в специальной статье «Исконные обитатели Дона и Донца».[2]

В названной работе автор, мобилизуя все письменные и вещественные источники, пытается показать, что начиная с половины I тысячелетия до н. э. и вплоть до монгольского завоевания бассейн р. Дона был занят иранской народностью, в разное время и у разных народов носившей различные наименования — сарматы, аланы, роксаланы, ясы. Именно этой иранской народности VIII—X вв. и принадлежат, по мнению А. А. Спицына, памятники салтовского типа (Салтово, Зливки, Покровское и др.). «По первым же газетным известиям об этом открытии (Салтовского могильника, — *И. Л.*), — пишет автор, — можно было понять, что этот могильник VIII—IX вв. и именно аланский».[3] И глубоко был неправ Ю. В. Готье, считавший вслед за А. А. Спицыным Салтовский могильник аланским, утверждая, что «когда Салтовский могильник был впер-

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 159.

[2] ИАК, вып. 3, 1902, Прибавление, стр. 6; ЗОРСАРАО, т. V, вып. 2, 1904, стр. 108—109.

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 164.

[2] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания.

[3] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 67—79.

вые открыт и подвергнут исследованиям, то как-то сразу установилось среди русских археологов мнение, что жители Салтова должны быть хазарами».[1] Мысль о принадлежности Салтовского могильника хазарам впервые была высказана лишь на XII Археологическом съезде, происходящем в августе 1902 г., в связи с докладом А. М. Покровского о Верхне-Салтовском могильнике. Мысль эта принадлежала Д. Я. Самоквасову. Она была поддержана Д. И. Багалеем; этот же взгляд разделял и В. А. Бабенко.[2] Таким образом, мнение русских археологов о населении оставившем Салтовский могильник не было единым с самого начала. При этом первым был высказан (А. А. Спицыным) взгляд о принадлежности могильника аланам,[3] а не хазарам, как уверяет Ю. В. Готье.[4] Обе точки зрения в различных вариантах дожили вплоть до наших дней. Взгляды М. И. Артамонова, утверждающего болгаро-хазарскую принадлежность салтово-маяцкой культуры, являются одним из вариантов «хазарской» точки зрения.

Основной аргумент исследователей, защищающих аланскую принадлежность салтово-маяцкой культуры, состоит в том, что памятники Салтова тождественны с северокавказскими памятниками типа могильников Чми и Балта и современны им, а так как последние находятся в области, где, по всем данным, находилась древняя Алания и где в настоящее время живут потомки алан — осетины, то северокавказские памятники должны быть тоже аланскими. Отсюда делается вывод, что и салтовские памятники принадлежат аланам — потомкам длительно обитавших на Юго-Востоке сармат.

В своих критических заметках по поводу мнения о принадлежности салтово-маяцкой культуры аланам М. И. Артамонов не отрицает, а, наоборот, всецело поддерживает сарматские истоки салтово-маяцкой культуры, однако признать в носителях этой культуры алан он не считает возможным. Аланы, согласно мнению М. И. Артамонова, основанному на письменных источниках, во второй половине I тысячелетия помещались в средней части Северного Кавказа, где они, по-видимому, укрылись после гуннского погрома. Здесь в горах «часть алан, — указывает он, — могла вследствие своей независимости не только сохранить хотя бы в устах соседей то имя, которое принадлежало до гуннского разгрома союзу Азовско-Каспийского междуморья, и . . . иранские элементы . . . но и развить их . . . Степные племена, подвергшиеся воздействию других этнических образований и скрещению с гуннами, а затем с тюрками, этнически не представляли и не могли представлять в рассматриваемую эпоху то же самое, что и ироны — осетины. Свое происхождение они вели также от сармат, или алан, но в это время они были уже болгарами или хазарами, этнически обособленными от алан Осетии».[1]

Исходя из этих данных, автор утверждает, что «с изложенной точки зрения сарматские элементы могли сохраниться не только в культуре алан—осетин, но и тех болгаро-хазарских племен, которые занимали степи и создали здесь особые политические образования — сначала болгарский племенной союз, а затем на его развалинах могущественное Хазарское царство, охватывавшее, между прочим, и район распространения салтовской культуры».[2]

Эти выводы находятся в прямом противоречии с данными письменных источников, свидетельствующими, что болгары и хазары являются народами тюркской группы. Что касается сарматских племен, ранее обитавших на этой территории, то судьба их могла быть двоякая: те части, которые были ассимилированы тюркскими племенами, перестали быть сарматами, остальные сохранили свое этническое лицо.

Касаясь второго довода в защиту принадлежности салтово-маяцкой культуры аланам — сходства этой культуры с культурой центральной части Северного Кавказа, — М. И. Артамонов отмечает: «На основании этого сходства действительно можно заключить, что в хазарскую эпоху одна и та же культура обнимала территорию между До-

---

[1] Ю. В. Готье. 1) Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 76, 77; 2) Железный век в Восточной Европе, стр. 53—90.

[2] Изв. XII АС в Харькове 15—27 августа 1902 г., Харьков, 1902, стр. 124—128; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 234.

[3] ИАК, вып. 3, 1902, Прибавление, стр. 5—6; ЗОРСАРАО, т. V, вып. 2, 1904, стр. 108—109.

[4] Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 80—82.

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 161—162.

[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 161.

ном и Донцом и центральную часть Кавказа, свидетельствуя об общности своего происхождения в обоих этих районах. Однако мы не можем быть уверены, что распространение этой культуры ограничивалось указанными местностями, что в других частях Хазарии ее вовсе нет. Никакой другой культуры в Хазарии в то время неизвестно (разрядка наша, — *И. Л.*), и сторонникам аланской гипотезы нечем поэтому подкрепить свои положения, которые приобретут полную убедительность только тогда, когда будет доказано, что у хазаро-болгарских племен была другая культура, чем у алан».[1]

В качестве обоснования этого положения М. И. Артамонов указывает на тот факт, что «раскопки в Саркеле, крепости, построенной хазарами и в X в. находившейся в хазарских владениях, доставили вещественные памятники, представляющие территориально-хронологический вариант той же салтовской культуры, свидетельствующей, что население Нижнего Дона и Салтово-Маяцкого района принадлежало к одной и той же культурно-этнической среде». Однородность культуры всего Юго-Востока подтверждается, по мнению М. И. Артамонова, и тем, «что ни при одном из донских поселений хазарской эпохи до сих пор не найдено современных с ними могильников», из чего он делает вывод, «что связанные с ними погребения принадлежат к тому же типу, какой известен по Верхнему Салтову и какой отличается отсутствием наружных признаков в виде курганной насыпи».[2]

Итак, поскольку на территории Хазарии других памятников, кроме салтово-маяцких, неизвестно, М. И. Артамонов не может согласиться с принадлежностью их аланам, пока не будет доказано, что у хазаро-болгар была другая культура, чем у алан. Однако, требуя от своих противников обоснования тех или иных выдвигаемых ими положений, нужно соблюдать одно условие, а именно чтобы само требование исходило из обоснованных предпосылок. Такой предпосылки у М. И. Артамонова мы не находим. Он исходит в своем требовании из положения, что территория между Доном и Северским Донцом, где находятся памятники салтово-маяцкой культуры, являлась составной частью Хазарии в собственном смысле этого слова. Что М. И. Артамонов имеет здесь в виду Хазарию в узком смысле слова, в этом нет никакого сомнения, ибо он прекрасно знает, что на территории Хазарии в широком смысле этого слова (т. е. включая в нее области, платящие ей дань) известны памятники не только салтово-маяцкой, но и ряда других культур. Между тем это исходное положение о принадлежности территории между Доном и Донцом Хазарии в собственном смысле слова явно неверное, что подтверждается письменными источниками. Мы имеем в виду письмо хазарского царя Иосифа к испанскому еврею Хасдаю Ибн-Шафруте. Письмо, как известно, дошло в двух редакциях — краткой и пространной. Нужные нам сведения содержатся в обоих вариантах. В них дается описание пределов Хазарии как в узком смысле этого слова, так и в широком, т. е. территории, включающей области, платящие ей дань. Нас интересуют в данный момент пределы Хазарии, как описываются они в краткой редакции: «Я еще сообщу пределы моей страны. В восточную сторону она простирается на 20 фарсахов пути, и в южную сторону на 30 фарсахов пути, и в западную сторону на 40 фарсахов пути. . . В северную сторону она простирается на 30 фарсахов пути».[1]

Свои измерения царь Иосиф ведет от столицы Итиль, расположенной где-то в устье р. Волги. Исходя из этих данных, следует признать, что интересующая нас западная граница отстояла от устья Волги на расстояние менее 300 км, т. е. не выходила за пределы левого берега Дона. Что касается пространной редакции, то в ней пределы каганата в западном направлении еще менее — 30 фарсахов, т. е. около 200 км. Эти сведения подтверждаются и некоторыми другими данными, содержащимися в письме царя Иосифа. Так, в пространной редакции царь Иосиф, очерчивая границы своих владений с западной стороны, в числе пограничных пунктов называет «Ш-р-кил»,[2] в котором нельзя не признать хазарскую крепость Саркел на левом берегу р. Дона.

---

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 162.

[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 162—163.

[1] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 87.

[2] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в., стр. 98—103.

Таким образом, область междуречья Дона и Северского Донца, занятая памятниками салтово-маяцкой культуры, в состав Хазарии в узком ее значении, т. е. территории, занятой собственно хазарами, не входила, а являлась одной из областей, находящихся, по-видимому, в даннических отношениях. А если это так, то почему для доказательства положения о принадлежности салтово-маяцкой культуры аланам нужно доказывать, что у хазар была другая, чем у алан, культура? Ведь если идти по этому пути, аналогичное требование с равным правом можно предъявить исследователю любой средневековой культуры, связанной с областью, население которой находилось в даннических отношениях к хазарам, а не только салтово-маяцкой. Но нам кажется, что такая постановка вопроса уведет нас в сторону от сути дела.

Несмотря на всю несостоятельность разобранного нами выше положения, мы считаем все же необходимым остановиться на нем по существу. Как отмечалось, в своих суждениях о возможном бытовании салтово-маяцкой культуры на всей территории Хазарии М. И. Артамонов одним из доводов в защиту этой точки зрения выдвигает положение, что «никакой другой культуры в Хазарии в то время неизвестно». В данный момент это положение уже устарело, о чем свидетельствует ряд фактов. Одним из них является то, что в настоящее время в границах территории Хазарии, кроме памятников салтово-маяцкой культуры, стали известны памятники, принадлежащие другим культурам, относящиеся к хазарскому времени и территориально расположенные ближе к центру Хазарии, в той ее части, которую М. И. Артамонов считает важнейшей, характеризуя ее словами Константина Багрянородного как область, откуда «идут все средства к жизни и все довольство Хазарии».[1] Мы имеем в виду Агачкалинский могильник близ г. Буйнакска (северо-западное побережье Каспия), исследуемый в последние годы К. Ф. Смирновым.[2] Агачкалинский могильник, по характеристике К. Ф. Смирнова, входит в общую группу памятников Северного Кавказа алано-хазарского времени (VI—X вв.). Территориально и хронологически ближе всего к Агачкалинскому могильнику, по заключению автора, стоит катакомбный могильник IX в. у с. Дуба-Юрт на р. Аргуни Грозненской области. Однако Агачкалинский могильник имеет специфические черты в сооружении земляных могил и склепов, в обряде погребений и в составе погребального инвентаря. К. Ф. Смирнов предполагает, что могильник принадлежал, по-видимому, местному населению, известному в письменных источниках под именем барсилов.[1] Приводя эти данные, мы вовсе не хотим сказать, что Агачкалинский могильник относится к той культуре, которая свойственна хазарам. Для нас этот факт важен в другом отношении: он опровергает положение М. И. Артамонова, что «никакой другой культуры в Хазарии в то время неизвестно».

В качестве доказательства общности «культурно-этнической среды» всей Хазарии М. И. Артамонов ссылается также на сходство материалов из раскопок Саркела — крепости, построенной хазарами и в X в. находившейся в хазарских владениях, — с материалами салтово-маяцкими и на однотипность погребального обряда донских могильников и Верхне-Салтовского.

В отличие от других поселений салтово-маяцкой культуры — памятников, как правило, однослойных, — Саркел является многослойным. Наряду с отложениями салтово-маяцкой культуры в нем есть остатки и иных культур, прежде всего славяно-русской и некоторых других. Расчленение остатков салтово-маяцкой и славяно-русской культур не вызывает особых затруднений. Более сложным является вопрос об отношении материалов салтово-маяцкой культуры к населению Саркела времени пребывания здесь хазарского гарнизона. Соглашаясь с положением М. И. Артамонова, что в отложениях Саркела имеются остатки салтово-маяцкой культуры, не следует, однако, считать, что мы тем самым признаем эти остатки тождественными культуре Салтова в собственном смысле слова, т. е. той культуре, которую отождествляют с культурой

---

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 162.

[2] К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 113—119; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 95—96.

[1] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг., стр. 95.

центральной части Северного Кавказа и считают аланской. Салтово-маяцкая культура в том представлении, какое сложилось о ней на основании известных нам материалов, является далеко не единым целым, как это было принято считать с первых дней ее открытия.

Наиболее ярко неоднородность салтово-маяцкой культуры выступает в могильных памятниках. Как хорошо известно, в составе погребений салтово-маяцкой культуры с первых же шагов ее изучения были выявлены два обряда захоронения — катакомбный (Салтово) и в обычных ямах (Зливки). Особого значения этому различию не придавали. И Салтово и Зливки во всех работах, посвященных салтово-маяцкой культуре, выступают как памятники одной культуры.[1] Более бедный характер Зливкинского могильника по сравнению с Салтовским заставил В. А. Городцова, исследовавшего Зливкинский могильник, прийти к выводу, что «такое явление, вероятнее всего, объясняется разницей сословного, а может быть, экономического положения владельцев обоих могильников: Салтовский могильник, как показывает богатая обстановка погребений, принадлежит богатому, скорее всего городскому сословию, тогда как Зливкинский могильник мог принадлежать лишь небогатым поселянам. . . Очевидно, в обоих могильниках похоронены люди, жившие в одно время, весьма возможно принадлежавшие к одному племени, хотя этот вопрос может быть лучше вырешен антропологией на основании вполне достаточных материалов, представленных из обоих могильников».[2]

Если первая часть вывода В. А. Городцова о Зливкинском могильнике как бедном сельском могильнике салтово-маяцкой культуры получила широкое распространение в нашей научной литературе, то вторая часть о том, что вопрос о населении «может быть лучше вырешен антропологией», не нашла места при изучении этих памятников, а между тем именно в данных антропологии мы находим разъяснение различиям погребального обряда Салтовского и Зливкинского могильников. Оказывается, что погребения этих могильников различаются не только по количеству инвентаря, но и по антропологическим данным. Один из последних исследователей антропологических материалов Салтовского и Зливкинского могильников, Г. Ф. Дебец, прямо указывает, что черепа зливкинцев «существенно отличаются от салтовских», что между поселениями, оставившими Зливкинский и Салтовский могильники, имеется глубокая разобщенность. Основной антропологический тип Салтовского могильника — длинноголовый, а Зливкинского — короткоголовый.[1]

Изучение материалов других могильников показывает, что выявленные антропологические различия между катакомбными и ямными захоронениями в материалах Салтова и Зливок являются не случайными. Оказывается, что все катакомбные могильники как Северного Кавказа, так и бассейна Дона дают тот же самый длинноголовый тип. Меньше данных имеется о погребениях в ямах, но и то, что известно, например постоянство ориентировки погребений головой на запад, говорит об устойчивости этой группы захоронений. Весьма интересный материал дает небольшой могильник, открытый в 1949 г. при исследовании Левобережного Цимлянского городища. Могильник обнаружен во внешнем дворе городища, между валом и кирпичной крепостью. Раскопано 17 погребений; костяки лежали в вытянутом положении в направлении с запада на восток с небольшим отклонением к югу. Антропологически все черепа брахикефального типа.[2] Отстаивая культурно-этническую общность населения Нижнего Дона и Салтово-Маяцкого района, М. И. Артамонов в качестве одного из доводов выставляет то положение, что близ донских поселений до сего времени не найдено современных с ними могильников, а это, по его мнению, объясняется тем, что «связанные с ними погребения принадлежат

[1] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 72—73; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 70; М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 157; В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, стр. 38—39 и др.

[2] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, стр. 212—213.

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948 (Тр. Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер., т. IV), стр. 251—256.

[2] М. И. Артамонов. Раскопки Саркела—Белой Вежи в 1950 г. Вопросы истории, 1951, № 4, тр. 149—150.

к тому же типу, какой известен по Верхнему Салтову и какой отличается отсутствием наружных признаков в виде курганной насыпи».[1] Раскопки немногочисленных могил близ Саркела показали, что наружных признаков они действительно не имеют, однако тип могильных сооружений оказался не верхнесалтовский (катакомбный), как утверждал М. И. Артамонов, а зливкинский (ямный).

О неоднородном характере салтово-маяцкой культуры свидетельствуют материалы и второй группы памятников—поселений, в первую очередь жилые постройки. Как отмечалось, в поселениях салтово-маяцкой культуры мы встречаемся с двумя основными типами массовых жилищ — прямоугольными полуземляночными жилищами столбовой конструкции (Маяцкое, Суворовское и Карнауховское поселения) и овальными полуземлянками, по-видимому юртообразного типа (Правобережное Цимлянское городище). Каждому поселению, как правило, свойственны жилища лишь одного какого-либо типа; только на Левобережном Цимлянском городище — поселении не только многослойном, но и пестром в этническом отношении для каждого отдельного периода его жизни — встречаются жилища обоих рассматриваемых типов. К сожалению, проследить, в каком отношении находятся различные типы жилищ с различными обрядами захоронения у населения салтово-маяцкой культуры не представляется возможным. Бессистемность раскопок памятников салтово-маяцкой культуры, отмеченная выше, привела к тому, что памятники как целостные комплексы не изучались. Есть исследованные могильники (Верхний Салтов, Подгоровка, Зливки), но ничего не известно о поселениях при них, и наоборот, около исследованных поселений совершенно неизвестны могильники. Лишь Маяцкое городище и могильник при нем раскапывались комплексно. Но этого, конечно, недостаточно. Косвенные данные содержатся в материалах Правобережного Цимлянского городища, при раскопках которого были найдены человеческие костяки.[2] Изучение сохранившихся черепов показало, что население городища в антропологическом отношении представляло короткоголовый (брахикефальный) европеоидный тип с некоторыми отдельными монголоидными признаками, т. е. тот же тип, что и в Зливках.[1] Возможно, мы встретим здесь, как и в Саркеле, зливкинский ямный тип погребения.

Делать из изложенного какие-либо определенные выводы, безусловно, преждевременно, но намечающиеся связи между катакомбным типом погребения и прямоугольными полуземляночными жилищами, с одной стороны, и овальными полуземляночными жилищами и зливкинским типом погребения—с другой, следует иметь в виду.

Таким образом, салтово-маяцкая культура в том широком понимании, какое установилось в литературе, не представляет единого целого. Это единство внешнее, кажущееся, проявляющееся лишь в единообразии керамического комплекса и в более или менее одинаковом могильном инвентаре (предметах украшения, оружии, конском снаряжении). Внимательное изучение показывает, что за этим единством скрывается существенное отличие памятников друг от друга. Уже сейчас, когда изучение салтово-маяцкой культуры только начинается, в ней явно прослеживаются две обособленные группы памятников, отличающиеся одна от другой как характером могильных сооружений и антропологическими типами, присущими каждому из этих видов могильных сооружений, так и, возможно, особыми типами жилищных построек.

Этого не заметили ни те, кто доказывал принадлежность памятников салтово-маяцкой культуры аланам и объединял вместе с Верхне-Салтовским могильником Зливкинский и подобные ему могильники,[2] ни М. И. Артамонов, объединивший в одну «культурно-этническую среду» население Саркела и Верхнего Салтова.[3]

Исходя из изложенного, материальную культуру Саркела IX—X вв. следует рас-

---

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 163.

[2] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58—62.

[1] В. В. Гинзбург. Антропологические данные по этногенезу хазар. СЭ, 1946, № 2, стр. 86; Г. Ф. Дебец. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма. Сб. МАЭ, т. XII, 1949, стр. 346, прим. 4.

[2] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 72—73; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 70—72.

[3] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 162—163.

сматривать как салтово-маяцкую лишь в широком понимании этого термина; ее нельзя отождествлять с культурой Верхнего Салтова, а тем самым и с культурой центральной части Северного Кавказа, как это утверждает М. И. Артамонов.

Для более отчетливого представления о связи салтово-маяцкой культуры с хазарами нельзя не остановиться еще на одном вопросе — о распространении этой культуры в границах собственно Хазарии, т. е. между Волгой и Доном. Нужно прямо заявить, что, несмотря на довольно тщательное обследование указанной территории, особенно бассейна нижнего течения Волги, никаких следов салтово-маяцкой культуры здесь до сих пор не найдено. Мы думаем, что это не случайно. Очевидно, салтово-маяцкая культура оседлого населения не была свойственна кочевникам, каковыми хазары были и оставались вплоть до последних дней существования Хазарского каганата, что с полной наглядностью вытекает как из письма царя Иосифа к испанскому еврею Хасдаю Ибн-Шафруте,[1] так и из арабских источников.[2]

М. И. Артамонов прекрасно чувствует слабую сторону своей позиции и пытается ее защитить путем доказательств, что салтово-маяцкая культура есть культура кочевников, переходящих к оседлому образу жизни. Заключая свой критический разбор о принадлежности салтово-маяцких памятников аланам, М. И. Артамонов пишет: «Итак, аланская принадлежность салтовской культуры отнюдь не бесспорна. Однако наибольшее значение, с нашей точки зрения, представляет не вопрос об этнической принадлежности салтово-маяцких и нижнедонских могильников и поселений, а самый факт появления в степях, а в особенности на границе степи, оседлых поселений».[3] Появление последних в степях М. И. Артамонов связывает с процессом оседания кочевников. Для времени I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. М. И. Артамонов указывает два периода, когда процесс этот выступал наиболее отчетливо. Первый он относит к концу I тысячелетия до н. э. и началу I тысячелетия н. э.; возникшие в это время поселения к IV в. в связи, по-видимому, с гуннским нашествием прекращают свое существование. Второй период начинается около VIII в. н. э. «Салтовская культура с ее могильниками и городищами,—указывает М. И. Артамонов, — как раз и является наиболее выразительным памятником этого процесса».[1]

Попытаемся разобраться в этом вопросе. Чем обосновывает М. И. Артамонов свои выводы? В работе автора доказательства полностью отсутствуют. Все строится на априорных заключениях, причем и они немногочисленны. Вот один из примеров. «Оседлые земледельческие поселения прежде всего появляются по южной границе степи, в частности в Предкавказье, по Кубани. К настоящему времени в этом районе известен ряд поселений, относящихся к раннему средневековью, и хотя ни одно из них еще надлежащим образом не исследовано, можно не сомневаться ни в их земледельческом характере, ни в этнической связи их с исконным населением степей.

«О характере культуры этих поселений до некоторой степени можно судить по случайным находкам на месте Пашковского могильника (№ 1) близ Краснодара, представляющего в составе своего инвентаря ряд аналогий как с комплексами и отдельными находками горного Северного Кавказа, так и Черноморского побережья и Крыма. Эта культура широко распространенная, непосредственно предшествующая и генетически связанная с так называемыми аланскими могильниками Северного Кавказа».[2] Все это верно. Но какое отношение Пашковский могильник V—VII вв. имеет к кочевникам? Инвентарь, собранный при обследовании территории разрушенного могильника, ближе всего стоит к материалам Борисовского могильника, могильников средневекового Крыма и центральной части Северного Кавказа. Все они являются памятниками оседлого, а не кочевого населения и тем самым не могут служить основанием для заключения

---

[1] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в., стр. 85—87.
[2] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 17.
[3] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 163.

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 163—164.
[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 164.

о принадлежности Пашковского могильника осевшим кочевникам, вчерашним обитателям степей. По своему облику этот могильник тяготеет не к северу (степям), а к югу, к пограничью лесостепи и степи, к району, где оседлость не прерывалась с первых веков нашей эры.

Если мы обратимся непосредственно к памятникам салтово-маяцкой культуры, то в них мы найдем еще меньше оснований для подобных заключений. Памятники этой культуры датируются VIII—X вв. Некоторые исследователи отодвигают нижнюю границу до VII вв., но для этого пока нет оснований. Наиболее ранними из этих памятников являются памятники пограничной полосы лесостепи и степи (Салтово, Маяцкое, Добрая и некоторые другие), т. е. группа памятников с катакомбным обрядом захоронения верхнесалтовского типа. В степной полосе, а также по нижнему течению Дона поселения возникают несколько позже, повидимому на рубеже VIII—IX вв. Изучение памятников салтовской группы показывает, что с момента своего появления в бассейне р. Дона салтово-маяцкая культура выступает как вполне сложившаяся культура оседло-земледельческого населения, ведущего пашенное земледелие (при помощи сравнительно высокой земледельческой техники), знакомого со строительным делом, широко применявшимся как при постройке жилых и хозяйственных помещений, так и при возведении оборонительных сооружений укрепленных поселений, имеющего высокоразвитое гончарное ремесло, кузнечное дело и т. д. В свете этих данных нет никаких оснований считать собственно салтовскую группу поселений памятниками, принадлежащими оседающим кочевникам. Но это не дает, конечно, права полностью отрицать наличие в составе населения салтово-маяцкой культуры кочевников. Последнее противоречило бы тому, что было показано нами выше при анализе памятников салтово-маяцкой культуры в целом.

Судя по археологическим данным, оседлое население в бассейне Дона и Северского Донца появляется на рубеже VII—VIII вв. Основу его составляло именно оседлое земледельческо-скотоводческое население пограничной полосы лесостепи и степи, с которым мы связываем группу памятников собственно салтовского типа, т. е. Верхне-Салтовское, Маяцкое и некоторые другие поселения и могильники. В них мы находим наиболее ранние керамические комплексы, отдельные вещи и монеты. Естественно, возникает вопрос: откуда же собственно могло явиться население? Вопрос этот сложный. Ответить на него — значит указать, где и когда сложилась салтово-маяцкая культура, где обитало население, оставившие эту культуру, в предшествующий период (V—VII вв.), — в период наиболее темный в археологическом отношении в Восточной Европе вообще и в южной ее части в особенности. Исследователи, считавшие салтово-маяцкие памятники хазарскими (Д. Я. Самоквасов, Д. И. Багалей, В. А. Бабенко) и исходившие в своих построениях из общего положения о господстве в VII—X вв. на Юго-Востоке (в том числе на Дону и Северском Донце) хазар и наличия у хазар полуоседлого образа жизни, этого вопроса вообще не касались.[1] А. А. Спицын и Ю. В. Готье, утверждавшие, что салтово-маяцкая культура принадлежит аланам, рассматривали памятники этой культуры в бассейне Дона как одно из звеньев сармато-аланской культуры вообще, не делая никакой попытки показать конкретную связь памятников этого периода с предшествующими. Больше того, Ю. В. Готье просто датировал их V—IX вв.[2] Не касались этого вопроса и сторонники хазаро-болгарской точки зрения. Они считали, очевидно, что поскольку появление оседлости рассматривается как результат оседания кочевников, обитавших в степи и в пограничье лесостепи и степи, постольку само собой разумеется, что и салтово-маяцкая культура слагалась здесь же.[3]

А между тем, как нам кажется, сторонникам именно этой точки зрения нужно было бы обратить внимание на данную сторону в первую очередь. Для доказательства правоты нужно было бы показать с фактами в руках наличие не только отдельных элементов этой культуры, но и целых комплексов ее у кочевого населения на территории степи V—VII вв., ибо без этого салтово-

---

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 232—234; В. А. Бабенко. Дополнение к докладу «Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове», стр. 394—410.

[2] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 71—75; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 80—84.

[3] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие поселения в северо-западной Хазарии, стр. 130—167.

маяцкая культура как культура осевших кочевников — явление совершенно неожиданное.

Сделанная в последнее время Н. Я. Мерпертом попытка выяснить происхождение салтово-маяцкой культуры также не привела к ясным выводам. Вместо показа возникновения культуры в целом как устойчивого комплекса, включающего в себя поселение со всеми присущими ему элементами (жилища, хозяйственные постройки, орудия труда, бытовой инвентарь) и могильник (обряд захоронения, погребальный инвентарь, антропологический тип погребения и т. д.), автор занялся прослеживанием развития форм отдельных вещей, свойственных погребальному инвентарю, подыскивая аналогии этим вещам среди могильных памятников обширной территории, от Волги до Днепра и от верховьев Дона до Северного Кавказа. Это привело автора к выводу «о местном характере основной части салтовского инвентаря и генетической связи его с исконными культурами Юго-Востока европейской части СССР».[1] Ничего другого такой подход, естественно, и не мог дать.

В полной мере обоснованный ответ на поставленный вопрос в настоящее время дать очень трудно. Единственное, что мы сейчас можем сделать, это обозначить направление, по которому, нам кажется, следует повести дальнейшие изыскания.

Нет никаких сомнений в том, что салтово-маяцкая культура, как культура оседлого населения, не только в отдельных ее частях и элементах, а и в целом, взятая комплексно, в основе своей местная, юго-восточная, а не привнесенная откуда-либо в эти края. Складывалась и развивалась она на широкой территории Юга и Юго-Востока. Следы ее отчетливо начинают выступать здесь в III—IV вв. Наиболее показательными в этом отношении являются памятники у с. Кантемировки Полтавской области (поселение и могильник),[2] близ с. Николаевки[3] на Днепре бывш. Херсонской области (поселение и могильник), на Северном Кавказе и др. Эти памятники представляют собой комплексы, близкие к памятникам верхнесалтовского типа, правда, в отдельных частях еще не приобретшие тех законченных форм, какие мы наблюдаем в последних, например в устройстве погребальных камер.

Однако в условиях пограничья лесостепи и степи памятники типа поселений Кантемировки и Николаевки дальнейшего развития не получили; с конца IV в., по-видимому, в результате нашествия гуннов, нарушивших мирный труд земледельческого населения, жизнь в этих поселениях прекращается. От V—VII вв. никаких следов оседлой культуры в районах, пограничных с лесостепью, до сих пор не обнаружено. Уровня салтово-маяцкой культуры эта оседлая культура достигла, по-видимому, лишь в одном районе — в предгорьях центральной части Северного Кавказа, в памятниках типа могильников Чми, Балта, Комунта и др. Судя по некоторым данным, в указанном районе есть возможность проследить непрерывное развитие этой культуры, начиная с IV—V вв., т. е. со времени исчезновения ее в северных районах, вплоть до VIII—X вв. и далее, когда памятники ее вновь появляются в пограничье лесостепи и степи (поселение и могильник в Верхнем Салтове и др.).

В свете этих данных появление в VIII в. в пограничье лесостепи и степи оседлого населения, оставившего салтово-маяцкую культуру, может быть объяснено только как результат расселения племен этой культуры, обитавших до того времени в центральной части Северного Кавказа.

До VII—VIII вв., т. е. в то время, когда в степях и пограничных районах происходило сильное движение кочевников — сначала гунно-болгарских племен, а затем аваров, — оседлое население Юга и Юго-Востока могло обитать лишь за границами степи, куда кочевники если и проникали, то редко. Предгорье Северного Кавказа, как показывают археологические данные, и было одним из таких районов наряду с горным Крымом и лесными районами Севера и Северо-Запада. Около VII в. движение кочевников в южнорусских степях ослабевает: авары и часть болгарской орды уходят на запад, другая часть болгар переселяется на север, в район Прикамья, хазары на границе Европы и Азии создают свой каганат.

[1] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры, стр. 14—30.

[2] М. Рудинський. Кантамирівські могили римської доби. Зап. ВУАК, т. I, Київ, 1930.

[3] M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson. Praehistorische Zeitschrift, Bd. V, 1913, Heft 1/2, Leipzig, 1913, стр. 80—100; В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 117—145.

Устанавливается относительное затишье. Оседлое население получило возможность выйти за пределы той территории, на которой оно вынуждено было замкнуться в течение ряда столетий. Мы имеем этому прекрасное свидетельство в археологических материалах. Именно в это время начинается продвижение роменской группы славян в лесостепь и пограничные районы Юго-Востока, причем это движение приобретает такой широкий размах, что часть роменцев отрывается от основной группы и проникает в степные районы почти до Дона (поселение у хут. Ближняя Мельница на р. Чир). Нет никакого сомнения в том, что подобное устремление в лесостепные и пограничные с лесостепью районы имело место и из предгорья Северного Кавказа. Памятники салтовского типа, тождественные одновременным памятникам центральной части Северного Кавказа, являются наиболее убедительным доказательством этого процесса. Близость этих памятников подтверждается всеми исследователями, независимо от того, какой точки зрения они придерживаются в отношении этнической принадлежности салтово-маяцкой культуры, а единство взглядов противников нельзя не признать наиболее верным признаком правильности оценки тех или иных явлений.

Так и только так, нам кажется, могло появиться население салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона. Других источников для этой культуры на Юго-Востоке мы пока не знаем. Кочевники, о которых говорит М. И. Артамонов, воспринявшие эту культуру от местного населения в период V—VII вв., едва ли могли развить ее далее в том же направлении, в каком она развивалась в условиях оседлости Северного Кавказа. Но если даже допустить, что это могло случиться, то следует задать вопрос: где же следы этой, развивающейся параллельно с северокавказской, культуры кочевников V—VII вв., выступающей в VIII в. в бассейне Дона в таких выработанных, устойчивых формах? Их нет. И, наконец, почему эти кочевники приобрели одинаковый с северокавказцами антропологический облик?

В изложенном выше мы выразили наши представления лишь о происхождении салтово-маяцкой культуры, совершенно не касаясь вопроса о том, к какой этнической группе принадлежит это население. При нашей трактовке происхождения салтово-маяцкой культуры вопрос об этнической природе ее носителей приобретает более широкий характер, естественно упираясь в вопрос об этнической природе населения, ответвлением которого мы считаем салтовцев, т. е. населения центральной части Северного Кавказа (Чми, Балта, Комунта). Исследование этого вопроса не является предметом нашей темы, да и этом и нет, как нам кажется, необходимости. В наши дни разногласий на этот счет как будто нет ни среди археологов, ни среди лингвистов.[1] Все признают, что центральная часть Северного Кавказа в изучаемое нами время была заселена аланами, а тем самым им несомненно должны принадлежать и интересующие нас памятники. Такое решение дает нам основание считать, что и население бассейна Дона, оставившее памятники салтово-маяцкой культуры типа Верхне-Салтовского поселения, должно относиться также к аланам.

Однако в составе салтово-маяцкой культуры, как показано выше, наряду с памятниками верхнесалтовского типа имеется и другая группа, отличная от первых, которую мы условно назвали элшкинской. С каким же населением следует связать эту группу памятников? В общей форме на этот вопрос можно ответить так, что памятники элшкинской группы и есть, по-видимому, памятники кочевников, переходящих к оседлому образу жизни. Какие имеются основания для такого заключения? Их немного, но они все же есть. Одним из доводов является наличие у населения, оставившего указанную группу памятников, явно кочевнических традиций в типе жилищ. Мы имеем в виду округлые в плане, покрытые, по-видимому, коническим верхом, полуземляночные жилища Правобережного Цимлянского городища. По своей планировке, расположению в центре помещения очага открытого тйпа, это настоящие кочевнические юрты. Традиции явно кочевнического характера прослеживаются также и в составе бытового инвентаря. В частности, следует отметить широкое распространение у населения этой группы несомненно кочевнического типа сосудов с внутренними ушками, отчасти напоминающих современные поленые котлы (ка-

[1] См. последнюю сводку по этому вопросу: Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 38—54.

заны). Кстати заметим, что среди материалов памятников первой группы (верхнесалтовского типа) сосуды этого типа пока неизвестны.

Наконец, следует отметить еще одну черту, которая, по нашему мнению, является хотя и косвенным, но все же свидетельством связи зливкинской группы населения с кочевническим миром; мы имеем в виду наличие некоторых отдельных монголоидных признаков в антропологическом облике этого населения.[1]

Затишье в степи, наступившее после длительного (IV—VII вв.) разгула кочевников в Северном Причерноморье, должно было привести к установлению мирных экономических отношений между оседлым населением и кочевниками, к постепенному вовлечению последних в сферу оседлой жизни, чему в значительной мере могло способствовать и отмеченное выше продвижение оседлого населения ближе к степи. Судя по размещению археологических памятников зливкинского типа, поселения кочевников, в отличие от поселений верхнесалтовцев, возникали в степных районах по берегам рек, в условиях, близких к тем, к которым они привыкли при кочевом образе жизни. Хронологически, как уже не раз отмечалось в литературе, степные поселения возникают несколько позднее, чем собственно салтовская группа поселений, по-видимому около рубежа VIII—IX вв.,[2] что находит свое объяснение в приведенных нами выше соображениях.

Вместе с переходом к оседлости кочевое население постепенно воспринимало от оседлого населения и его культуру и быт. Но и оседлое население, по-видимому, не оставалось вне влияния со стороны кочевников. Под воздействием кочевнического общества проникли к оседлому населению некоторые новые элементы вооружения (сабля), а также конского снаряжения (стремена). Однако полного слияния населения этих групп, как показывают археологические памятники, не произошло. Больше того, судя по антропологическим данным Салтовского и Зливкинского могильников, между этими двумя группами населения существовала глубокая разобщенность.[1]

Кто же были эти кочевники?

Для периода V—VII вв. на Юго-Востоке (в Приазовье и к северу от него) письменные источники отмечают две большие кочевые группы населения — гунно-болгарскую в ее многочисленных разветвлениях, главными из которых начиная с V в. были утигуры, обитавшие к востоку от Азовского моря, и кутригуры, обитавшие к западу от Азовского моря, и аварскую. Последняя недолго оставалась в восточной части южнорусских степей. Появившись здесь около середины VI в., авары уже во второй половине этого столетия продвинулись на запад, в бассейн Дуная. Около середины VII в. южнорусские степи покидает и часть болгарских племен. Одни из них ушли на север в область Прикамья, другие — на запад, в Подунавье. Оставшаяся часть, известная позднее в древнерусских летописях под именем черных болгар, подпала под власть образовавшегося в это время в прикаспийских степях Хазарского каганата. Таким образом, к моменту появления изучаемой нами оседлости в степной полосе междуречья Дона и Северского Донца, а также в Приазовье из кочевых племен здесь могли обитать лишь болгары. Они-то, по-видимому, и являются той второй группой населения, которую мы прослеживаем в археологических памятниках салтово-маяцкой культуры. Помимо изложенного, имеются и некоторые другие основания, в какой-то мере подтверждающие принадлежность рассматриваемой нами группы населения к болгарам. Мы имеем здесь в виду археологические материалы, собранные при раскопках древнеболгарской столицы Абоба-Плиски, содержащие в своем составе ряд элементов материальной культуры (в частности, керамический комплекс), близко стоящих к материалам рассматриваемых нами памятников. Среди них особого внимания заслуживают глиняные сосуды с внутренними ушками для подвешивания (глиняные котлы).[2]

---

[1] В. В. Гинзбург. Археологические данные по этногенезу хазар, стр. 86; Г. Ф. Дебец. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма, стр. 346, прим. 4.

[2] М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 117—118; 2) Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 163—165.

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 251—256.

[2] Материалы для болгарских древностей Абоба-Плиска. Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, София, 1905, гл. XII, XIII; М. И. Артамонов. Новые раскопки Саркела — Белой Вежи. Вопросы истории, 1949, № 10, стр. 140.

Раскопками последних лет на территории Болгарии в районе Абоба-Плиска добыты новые материалы, подтверждающие изложенные нами соображения. К числу их следует отнести могильник Нови-Пазар (Коларовградской околии).[1] Не менее убедительны в этом отношении данные, полученные при исследовании территории Волжской Болгарии и прилегающих к ней районов (на путях продвижения Болгар из Приазовья в Прикамье). Часть материалов опубликована,[2] другие находятся в процессе обработки.

Переход болгар к оседлости наблюдается не только в исследуемом нами районе; он хорошо известен и на Балканах, и в Прикамье. По-видимому, за счет оседания болгар происходит в то же самое время рост населения в поселениях восточной части Крыма, на Тамани и в Прикубанье, где за последние годы в средневековых отложениях ряда поселений и могильников обнаружены культурные остатки, по общему облику весьма близкие к памятникам салтово-маяцкого типа в широком понимании этого слова.[3] Однако и во всех этих районах оседание кочевников происходит не непосредственно, в отрыве от оседлого населения, а в окружении последнего и под его воздействием.

В X в. жизнь на поселениях салтово-маяцкой культуры прекращается. Насколько этот процесс проходил одновременно, сказать трудно. Это может быть выяснено лишь тогда, когда раскопками будет охвачено значительно большее число памятников и к тому же в различных районах. Среди известных материалов вещей позже X в. как будто нет. По какой причине население салтово-маяцкой культуры оставило занимаемый им край, ответить, исходя из материалов этой культуры, нет возможности. Вопрос этот выходит за рамки рассматриваемой темы. Нужно иметь в виду, что одновременно с прекращением жизни на поселениях салтово-маяцкой культуры прекратилась жизнь на многих поселениях смежной полосы, занятой славянами, причем как в тех, так и в других заметны следы ярко выраженного насильственного разрушения поселений, сопровождающегося пожарами и человеческими жертвами.[1] Приблизительно в то же время (X в.) прекращается жизнь и на большей части поселений восточного Крыма: Планерное (бывш. Коктебель), Илурат, Тиритака, Мирмекий и др. Нет никакого сомнения в том, что на Юго-Востоке произошли какие-то крупные политические события, повлекшие за собой перемещение значительных масс населения. Но это уже особая тема и касаться ее здесь нет возможности, ибо она требует специальной разработки более широкого круга источников, а не только памятников салтово-маяцкой культуры. Это же самое обстоятельство не позволяет нам остановиться сейчас и еще на одном весьма важном для понимания истории Юго-Востока вопросе — на взаимоотношении населения салтово-маяцкой культуры и славяно-русского населения, юго-восточные поселения которого примыкали непосредственно к поселениям салтово-маяцкой культуры. Здесь также нужны дополнительные полевые изыскания.

---

[1] С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА XXVII, М., 1957, стр. 107—132.

[2] П. Ф. Ищериков. Аланский могильник близ г. Стерлитамака. КСИИМК, вып. XLVII, М., 1952, стр. 78—85; Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА XXII, М., 1955, стр. 153—176; Т. А. Трофимова. Антропологические материалы из аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии. Институт этнографии. Краткие сообщения, XVII, М., 1952, стр. 56—65; Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА № 42, Труды Куйбышевской археологической экспедиции, с. I., М., 1954, стр. 104; 126—129; 155—156.

[3] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г., стр. 67—68; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. . ., стр. 191—244; Материалы и исследования по археологии СССР, № 4, М.—Л., 1941, стр. 32—36; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 100—105, 133—134; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 177—178, 218—219.

[1] И. И. Ляпушкин. 1) Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58—62; 2) Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда славянской археологической экспедиции за 1952—1954 гг. Архив ИИМК АН СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, БЛИЗ КОТОРЫХ РАСПОЛОЖЕНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

1 — Алексеевка, Белгородская обл. (правый берег р. Тихой Сосны) — городище и селище;
2 — Архангельское, Белгородская обл., Шебекинский район, Нежегольское городище (правый берег р. Сев. Донца) — городище и селище;
3 — Ближний Подгорский, Каменская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир) — селище;
4 — Бублайка, Харьковская обл., Савинский район (левый берег Сев. Донца) — селище;
5 — Валуйки, Белгородская обл. (правый берег р. Валуй) — могильник (?);
6 — Васищево, Харьковская обл., Харьковский район (левый берег р. Уды) — селище;
7 — Верхний Ольшан, Воронежская обл., Острогожский район (левый берег р. Тихой Сосны) — городище и селище;
8 — Верхний Салтов, Харьковская обл., Старо-Салтовский район (правый берег р. Сев. Донца) — городище, селище и могильник;
9 — Волчанск, Харьковская обл. (правый берег р. Волчьей) — городище и селище;
10 — Воробьевка, Воронежская обл. (бассейн р. Толучеевой) — могильник;
11 — Голубовка, Харьковская обл., Купянский район (правый берег р. Оскола) — селище;
12 — Гороховатка, Харьковская обл., Боровский район (правый берег р. Оскола) — городище и селище;
13 — Дивногорье, Воронежская обл., Лискинский район, Маяцкое городище (правый берег р. Тихой Сосны, при впадении в Дон) — городище, селище и могильник;
14 — Добрая (Козеевка), Белгородская обл., Шебекинский район (правый берег р. Корочи) — городище, селище и могильник;
15 — Залиманье, Харьковская обл., Савинский район (правый берег р. Сев. Донца) — селище и могильник;
16 — Зливки, Сталинская обл., Краснолиманский район (левый берег р. Сев. Донца) — могильник;
17 — Ильменский (Суворовский), Сталинградская обл. (левый берег р. Дона) — селище;
18 — Каменск-Шахтинский (Рыгинский хутор), Каменская обл. (правый берег р. Сев. Донца) — городище и могильник;
19 — Карнаухов, Каменская обл., Цимлянский район (левый берег р. Котлубанки) — городище и селище;
20 — Кобяково, Ростовская обл., Аксайский район (правый берег р. Дона) — городище (?);
21 — Константиновская, Каменская обл. (правый берег р. Дона) — селище;
22 — Крутой, Каменская обл., Цимлянский район (правый берег р. Дона) — селище;
23 — Лысогорка, Харьковская обл., Савинский район (левый берег Сев. Донца) — селище и могильник;
24 — Мариинская, Каменская обл., Николаевский район (правый берег Сев. Донца) — селище;
25 — Мартово, Харьковская обл., Печенежский район (левый берег Сев. Донца) — селище;
26 — Маяки, Сталинская обл., Славянский район (правый берег Сев. Донца) — городище;
27 — Мохнач, Харьковская обл., Змиевский район (правый берег Сев. Донца) — городище;
28 — Мохнач, Харьковская обл., Змиевский район (левый берег Сев. Донца) — селище;
29 — Нежеголь, Белгородская обл., Шебекинский район (левый берег Сев. Донца) — селище;
30 — Нижне-Калиновский, Сталинградская обл., Суровикинский район (правый берег р. Чир) — селище;
31 — Нижне-Кундрюческая, Каменская обл., (правый берег Сев. Донца) — селище;
32 — Нижне-Чирская, Каменская обл., (правый берег р. Дона) — селище;
33 — Николаевская, Каменская обл. (правый берег р. Дона) — селище;
34 — Новоселье, Харьковская обл., Двуреченский район (правый берег р. Оскола) — селище;
35 — Норцовка 2, Харьковская обл., Савинский район (правый берег р. Сев. Донца) — селище;
36 — Островской, Каменская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир) — селище;
37 — Печенеги, Харьковская обл. (правый берег р. Сев. Донца) — могильник (?);
38 — Подгоровка, Белгородская обл., Уразовский район (правый берег р. Ураевой) — селище и могильник;
39 — Покровское, Ворошиловградская обл. (правый берег р. Дуванки) — могильник;
40 — Попов, Ростовская обл., Романовский район (левый берег р. Дона) — городище и могильник (?);
41 — Потайновский, Каменская обл., Цимлянский район (правый берег р. Дона) — селище (?);
42 — Пристен, Харьковская обл., Купянский район (правый берег р. Оскола) — городище (?);
43 — Рогалик (Петропавловское) Ворошиловградская обл., Верхне-Тепловский район (левый берег Сев. Донца) — селище;

44 — Рубцово, Сталинская обл., Краснолиманский район (левый берег р. Оскола) — могильник;

45 — Семикаракорская, Ростовская обл. (левый берег р. Дона, при устье р. Сал) — городище;

46 — Сидорово, Сталинская обл., Славянский район (правый берег р. Сев. Донца) — городище и селище;

47 — Средний, Каменская обл., Цимлянский район (правый берег р. Котлубанки) — городище и селище;

48 — Сторожевое, Воронежская обл., Давыдовский район (правый берег р. Дона) — городище;

49 — Суворовская, Каменская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона) — селище;

50 — Сухая Гомольша, Харьковской обл., Змиевский район (правый берег р. Сев. Донца) — городище (?);

51 — Тополи, Харьковская обл., Двуреченский район (правый берег р. Оскола) — селище;

52 — Урыв, Воронежская обл., Коротоякский район (правый берег р. Дона) — могильник;

53 — Хороший, Каменская обл., Цимлянский район (правый берег р. Котлубанки) — селище;

54 — Цимлянская, Каменская обл., Правобережное городище (правый берег р. Дона) — городище;

55 — Шейковка, Харьковская обл., Боровский район (бассейн р. Оскола, левый берег) — могильник;

56 — Ютановка, Белгородская обл., Волоконовский район (правый берег р. Оскола) — могильник (?);

57 — Кабановское городище, Харьковская обл., Змиевский район (правый берег р. Уды) — городище (?).

С. А. Плетнева

ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И ПОЛОВЦЫ В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ

ВВЕДЕНИЕ

Тюркоязычные кочевники раннего и позднего средневековья, заселявшие необозримые пространства от Монголии до Дуная, играли огромную роль в этногенезе и жизни народов соседних с ними оседлых государств Азии и Восточной Европы. Отношение кочевников с каждым из государств могут быть предметом специального исследования. Настоящая работа посвящена истории кочевников конца IX—середины XIII в. на территории южнорусских степей, т. е. кочевников, являвшихся соседями крупнейшего в Восточной Европе того времени государства — Руси.

Печенеги, торки и половцы были тесно связаны родственными и племенными узами с кочевниками Заволжья, Средний Азии и Сибири. Однако политическая их история развивалась исключительно в зависимости от западных соседей. Обособление южнорусских кочевников в отдельную ударную группу позволяет выделить и изучать их в отрыве от основного азиатского кочевого массива. Отдельные орды мощных племенных союзов кочевников, разбитые Русью, устремлялись в дунайские степи, но взаимоотношение их с балканскими государствами не будет рассматриваться в настоящей работе, поскольку это уже другая тема, требующая особого изучения.

Несмотря на большую роль, которую играли печенеги, торки и половцы в жизни Русского государства, в русской историографии им принадлежит очень скромное место. В общих трудах по истории России (М. Погодин, С. М. Соловьев, М. В. Довнар-Запольский, Д. И. Багалей, В. О. Ключевский) неоднократно указывалось, что кочевники были «несчастьем Руси», что они явились одной из основных причин перемещения центра Руси из Приднепровья во Владимиро-Суздальское княжество. Собственно же о кочевниках писалось мало. Объясняется это тем, что вопрос о них был слабо разработан. До капитальной монографии П. В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», изданной в 1884 г., не было ни одной крупной работы, посвященной кочевникам. Монография П. В. Голубовского исчерпывающе для того времени освещает взаимоотношения между степняками и Русью, основываясь на данных русских летописей. Наиболее слабым ее разделом является глава о быте и общественных отношениях кочевников, что признает сам автор, ссылаясь на бедность материала.

С 80-х годов XIX в. начались поиски и исследования археологических памятников, оставленных кочевниками в южнорусских степях. Курганные раскопки Н. Е. Бранденбурга в Поросье в 1888—1902 гг. дали науке богатейший материал.[1] Особенно активизировались археологические изыскания в период XII—XIII археологических съездов (в 1902—1904 гг.), проводившихся в центрах областей, занятых некогда кочевниками — в Харькове и Екатеринославле (Днепропетровске). Таковы раскопки Гош-

[1] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908.

кевича, Миллера, Харламова, Трефильева, Эварницкого, Самоквасова, Городцова.[1]

В советское время кочевникам южнорусских степей по-прежнему уделялось мало внимания. Опубликованы всего две сравнительно крупные работы, посвященные истории половцев: статья А. И. Попова «Кипчаки и Русь»[2] и сборник очерков К. В. Кудряшова «Половецкая степь».[3] Обе работы написаны исключительно на основании анализа русской летописи.[4]

Почти совершенно прекратились археологические исследования кочевнических памятников на территории Восточной Европы. Только те погребения, которые попадались случайно при раскопках курганов других эпох, расчищались, фиксировались и иногда публиковались. Единственные раскопки, прямой целью которых было изучение кочевнических древностей, проводились в числе многих других работ Волго-Донской экспедицией (на кочевническом могильнике близ Саркела—Белой Вежи).

Из всего сказанного ясно, что в русской литературе, как дореволюционной, так и советской, нет ни одного труда, который осветил бы историю кочевников, исходя из совокупности всех исторических источников (письменных и археологических).

В 1952 г. в Москве были защищены две диссертации о кочевниках Восточной Европы: Л. П. Зяблина «Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы» и С. А. Плетневой «Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв.». Обе представляют собой первую попытку освоить археологические памятники кочевников как исторический источник и, связав их с письменными данными, по-новому осветить многие стороны жизни кочевников. Предлагаемая статья является сокращенным изложением второй диссертации.

Благодаря раскопкам конца XIX—начала XX в., а также раскопкам Волго-Донской экспедиции 1949—1951 гг. в моих руках оказался значительный археологический материал, состоящий из 332 археологических комплексов. В действительности кочевнических погребений в южнорусских степях за последние 100 лет раскопано значительно больше (около 700). Однако небрежность фиксации и хранения привели к тому, что половина их пропала для науки. От них сохранилось только неполное описание погребального обряда или один инвентарь. Другая половина сохранилась или полностью, т. е. с подробным описанием погребального обряда и с вещами, или без вещей, но с точным описанием их. Эту часть комплексов можно считать полноценной; именно она и использована мной в археологической части работы. Кроме того, для изучения быта и одежды кочевников привлечены коллекции каменных баб, собранные в Киевском, Ждановском, Новочеркасском, Таганрогском и Днепропетровском музеях.

Что касается письменных источников, то в первую очередь в работе использована русская летопись,[1] дающая по истории степняков наибольшее количество сведений. Сообщения русского летописца дополняются данными, взятыми из других русских, византийских и восточных произведений X—XIII вв.[2] Из последних особенного внимания заслуживают трактат Константина Багрянородного «Об управлении государством»,[3] «Сказание о пленном половчине»[4] и половецко-латинский словарь, известный в мировой исторической литературе под названием «Codex Cumanicus».[5]

В первой главе настоящей работы дается классификация кочевнических памятников, обнаруженных на территории южнорусских степей. Анализ вещественных находок из

---

[1] Тр. XII АС, М., 1905; Тр. XII АС I, т. I, М., 1907; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908.

[2] А. И. Попов. Кипчаки и Русь. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор. наук, вып. 14, 1949.

[3] К. В. Кудряшов. Половецкая степь. Зап. Всесоюзн. геогр. общ., нов. сер., т. 2, 1948.

[4] Ряд других, менее значительных работ освещает только отдельные вопросы быта или языка кочевников: В. Пархоменко. Следы половецкого эпоса в летописях. Проблемы источниковедения, 1940, № 3; В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк». ИАН, Отд. яз. и литер., № VI, 1947; С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». ИАН, Отд. яз. и литер., № V, 1946.

[1] В основном использована Ипатьевская летопись, т. е. «Повесть временных лет», переработанная в XII в. киевским монахом, приверженцем Мономаховичей.

[2] Византийские и арабские источники использованы мной в переводах на русский или новые европейские языки.

[3] Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934.

[4] Киево-Печерский патерик. М., 1870.

[5] Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880.

этих памятников, принадлежавших различным племенным союзам, и сопоставление их с письменными источниками позволяют в ряде случаев восстановить этническую географию степи в ту эпоху. Следующие главы, написанные на основании письменных источников и археологического материала, посвящены хозяйству, социальному строю и культуре кочевников. В последнем разделе работы излагается политическая история трех основных кочевнических союзов, известных средневековым авторам на территории южнорусских степей в X—XII вв.

I. ДРЕВНОСТИ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ X—XIII вв.

«Аще либо си суть от пустыни Етривськия межи въстоком и севером; ищьло жь есть их колен 4: торкмени и печенези, торци, половце».[1] Русский летописец этими словами как нельзя лучше подчеркивает родство трех основных тюркоязычных народов — печенегов, торков и половцев, обитавших в южнорусских степях в IX—XIII вв. О родстве и тесных связях между ними неоднократно писали также арабские и византийские ученые (Ибн-Хордадбех, Махмуд Кашгарский, Константин Багрянородный, Анна Комнин и др.).[2]

Различить эти народы как исторически, так и археологически очень трудно. Сведения об одном народе переплетаются с данными о другом. Вещевой материал у всех трех народов почти однороден. Погребальные обычаи и обряды разнятся только незначительными деталями. Эти последние в свою очередь исчезают и заменяются новыми при слиянии или смешивании народов, что постоянно происходило в среде кочевников при передвижении их по южнорусским степям. Тем не менее весь имеющийся у нас в руках полноценный археологический материал (332 курганных комплекса) по ряду признаков погребального обряда и частично по вещам разделен на 5 групп.

1

В первую группу включено 48 погребальных комплексов[3] (рис. 1, *4*; 2). Для них характерны:

1. Небольшие курганные земляные насыпи. Следует отметить, что подавляющее большинство могил первой группы — впускные в насыпи курганов предыдущих эпох, а потому говорить о форме или строении курганной насыпи в таких случаях нет смысла.

2. Грунтовые неглубокие (до 0.8 м), прямоугольные или овальные в плане могилы, в которых только в виде исключения встречаются различные земляные сооружения — подбои, приступки, подсыпки.[1] Глубина и строение впускных могил почти никогда не прослеживались исследователями. Впускные погребения обнаруживались обычно случайно, в насыпи или на подошве кургана.

3. Ориентировка покойника всегда головой на запад (с отклонениями, зависящими от времени года, в которое производилось захоронение).

---

[1] Ипат. лет., стр. 163.

[2] МИТТ, стр. 17—18; В. В. Бартольд. История турко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 12; Константин Багрянородный. Об управлении государством. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934; Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081—1118). Труд Анны Комниной, ч. I. Перевод под ред. проф. В. И. Карпова. СПб., 1859 (сер. «Византийские историки»).

[3] Киевская обл.: с. Зеленки (кург. 219, 306, 311, 343), с. Катарлык (кург. 218, 238/1, 238/2, 239, 241), с. Краснополка (кург. 221, 275, 276/1, 276/2), с. Забара (кург. 321, 322), с. Шандры (кург. 409), с. Поток (кург. 400, 415, 417), с. Бурта (кург. 337), с. Липовец (кург. 266), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. Кишиневская обл.: с. Екатериновка (кург. 1/11), см.: Изв. Молдавск. фил. АН СССР, № 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 48. Одесская обл.: с. Павловка (кург. 1/10), см.: ОАК за 1908 г., стр. 162—163; с. Будаки (кург. б/№), см.: ОАК за 1890 г., стр. 50—51. Гор. Симферополь (кург. 1), см.: ОАК за 1895 г., стр. 13—14. Харьковская обл.: с. Ямполь (кург. 1/6), с. Ковалевка (кург. 2/2), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 246—247, 299. Ростовская обл.: хут. Попов (кург. 8, 10, 16, 21, 34, 37, 40, 47—49, 53, 54, 56, 59, 15/4, 45, 68/1, в яме на городище), см.: Гос. Эрмитаж, колл. Волго-Донской экспедиции 1934—1936 и 1949—1951 гг.; с. Покровское (кург. Д), см.: колл. ТИКМ, № 171; с. Мануйловка (кург. б/№), см.: колл. ГИМ, № 15/13-б. Казанская обл.: с. Танкеевка (кург. б/№), см.: ОАК за 1904 г., стр. 135—136.

[1] Изменения основного обряда — результат влияния чуждых обычаев, вероятнее всего это отголосок «накатных» сооружений над могилами.

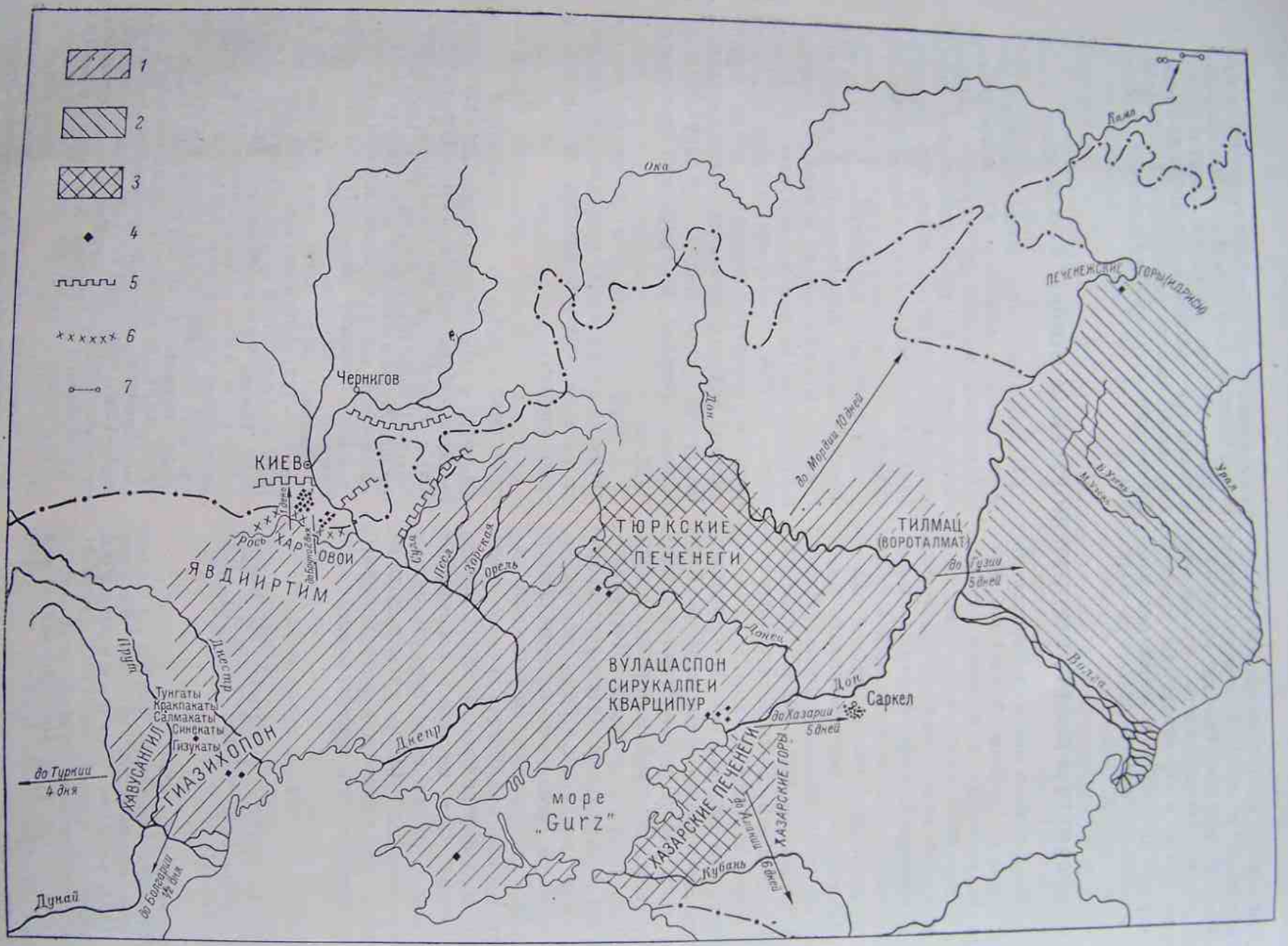


Рис. 1. Карта кочевий печенегов в IX—XI вв. (по письменным источникам и археологическим данным).

1 — печенеги в X в. (по Константину Багрянородному); *2* — печенеги в VIII—IX вв.; *3* — печенеги в конце IX—начале X в. (по Худуд-ал-Алему); *4* — погребения печенегов на территории южнорусских степей; *5* — оборонные линии Руси в X в.; *6* — оборонные линии Руси в XI в.; *7* — находки удил без перегибов.

4. Положение покойника: вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками [1] (чаще в гробу, реже без гроба).

5. Наличие в могиле отрубленных головы и ног коня, разложенных в анатомическом порядке слева от покойника, рядом с ним или на приступке-подсыпке.

6. Наличие удил, сделанных из одного железного прута,— так называемых удил без перегиба.

Ни один из перечисленных признаков, взятый в отдельности, не может быть решающим при определении принадлежности какого-либо погребения к этой группе, поскольку все они отдельно взятые встречаются и в погребениях других групп. Только удила без перегиба находятся в других группах как исключение, а потому могут служить определителем принадлежности погребения к данной группе, особенно если они встречены в захоронении, имеющем хотя бы часть вышеизложенных признаков. Так, к первой группе условно,

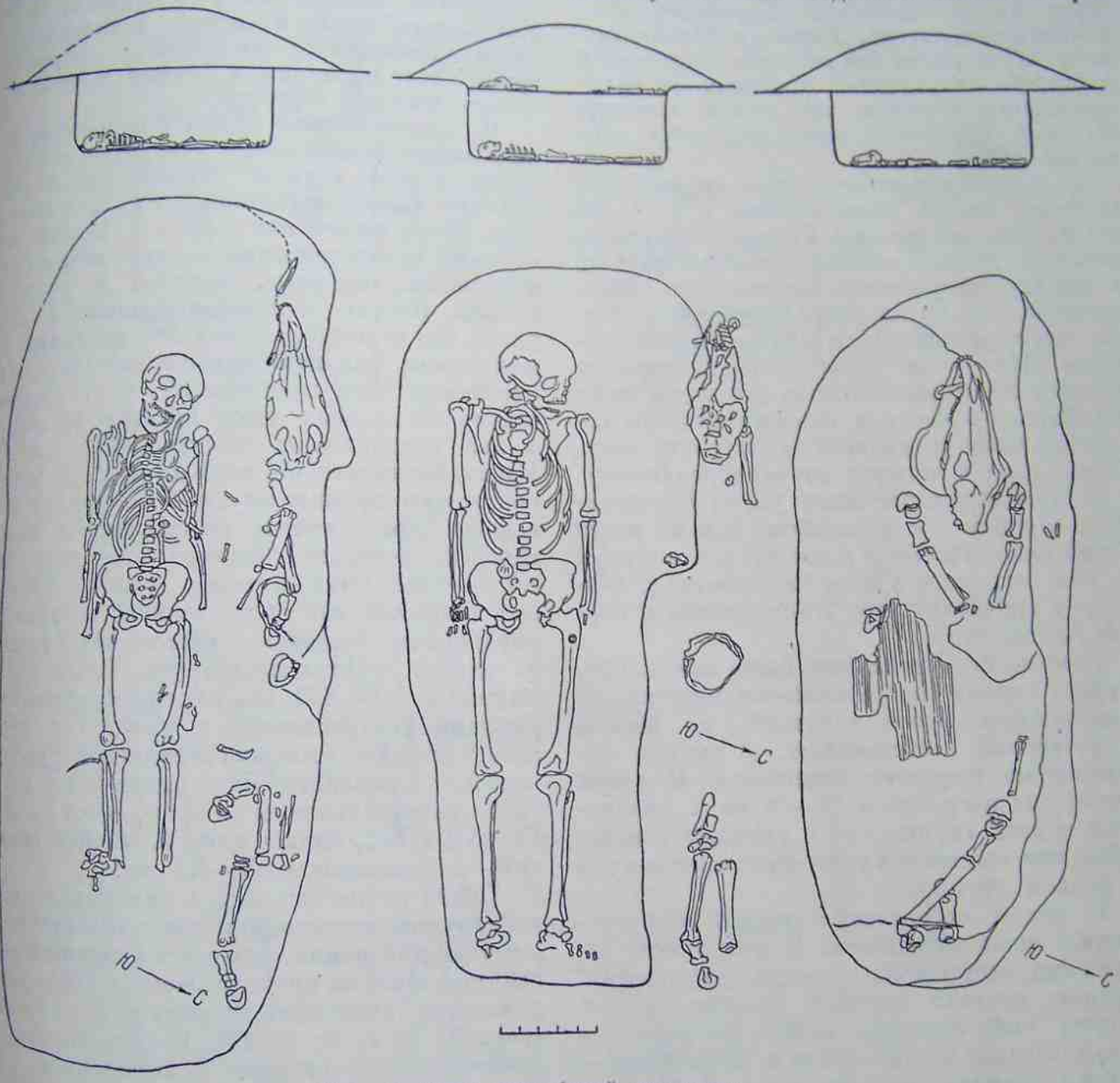


Рис. 2. Типы погребений печенегов.

[1] Изредка руки немного согнуты в локтях и лежат на тазу.

только по форме удил, отнесено несколько разграбленных погребений, а также погребения, описания обряда которых не дошли до нас. Таковы погребение из кургана Д в с. Покровском (Ростовская обл.), погребение из с. Танкеевки (Казанская обл.) и некоторые другие. Только в редких случаях, когда удила без перегиба встречаются в погребениях с резко отличным от вышеописанного обрядом, мы можем говорить об иной групповой принадлежности этих погребений.

К первой группе относятся также 7 погребений частей коня (головы и ног) без захоронения человека.[1] Групповая принадлежность их устанавливается прежде всего по обряду захоронения. Голова коня ориентирована мордой на запад, передние и задние ноги разложены в анатомическом порядке. На узком пространстве справа от костей в некоторых могилах положены вещи покойника, в честь и память которого совершено было ритуальное захоронение коня. Форма удил в четырех случаях неизвестна, в двух обнаружены были удила без перегиба, в одном — с перегибом. Тем не менее общий вид погребений и тот факт, что в двух из них встречены удила без перегиба, позволяют причислить все 7 комплексов к первой группе.

Помимо перечисленных выше признаков, первая группа погребений отличается от последующих менее заметной, но весьма существенной особенностью, а именно архаичностью вещевого комплекса. В связи с этим ряд погребений IX—X вв. с признаками первой группы, но с удилами с перегибом или совсем без удил причислены мной к данной группе.[2]

В целом ассортимент вещей в погребениях очень ограничен. В них почти совершенно отсутствуют посуда, украшения, зеркала, остатки дорогой одежды, и наоборот, как правило, в них встречаются копья, стрелы, иногда сабли и части сбруи — удила, стремена, пряжки (рис. 3, 4). Очевидно, большинство покойников были мужчины-воины.

В наборе оружия также прослеживается большое своеобразие. Во-первых, совершенно отсутствуют оборонительные доспехи (т. е. шлемы, кольчуги и т. д.). Во-вторых, оружие клалось в могилу в очень ограниченном количестве. Обычно это 1—3 стрелки, лук или колчан, копье и, в виде исключения, сабля. Последнюю как наиболее дорогое оружие мог положить в могилу к родичу только богатый степняк.[1]

Не только подбор вещей в погребениях, но и самые формы вещей говорят о своеобразии первой группы. Прежде всего это наличие упомянутых выше удил без перегиба. Они имеют вид прута с загнутыми концами, в неподвижные колечки вставлены подвижные, крупные, круглые в разрезе кольца. Иногда, помимо подвижных колец, удила без перегиба снабжались псалиями — железными, так называемыми «крылатыми», костяными или деревянными. В последнем случае на концах удил имеется не одно, а два неподвижных колечка (рис. 3, *4*). Удила без перегиба с первого взгляда могут показаться примитивными — они рвали рот лошади при каждом неосторожном натягивании поводьев. Однако известно, что современные мундштучные удила, служащие всаднику для более тонкого и строгого управления лошадью, также изготовлены из одного негнущегося прута. В Западной Европе в XI—XII вв. наряду с обычными удилами употреблялись и удила без перегиба.[2] Изредка ими пользовались и русские воины.[3] Хронологически удила без перегиба распространены широко — от конца IX до XIII в., однако чаще их можно встретить в комплексах X—XI вв.

Почти исключительно в комплексах первой группы встречаются овальные стремена с петлей для ремня, пробитой в специальном выступе, а также продолговатые, с вогнутыми длинными сторонами подпружные пряжки (рис. 3, *1*, *4*, *6*; 4, *11*). Безусловно предшественниками стремян с выделенной петлей являются стремена из могильников VII—VIII вв. в Восточной Европе (в Салтово, на Северном Кавказе, в муромо-мерянских могильниках). В IX—X вв. эти стремена

---

[1] Киевская обл., кург. 238, 311, 343; Ростовская обл., хут. Попов, кург. 15/4, 45, 61/1, в яме на городище.

[2] Киевская обл., кург. 322, 415; г. Симферополь, кург. 1; Ростовская обл., кург. б/№, Д; Казанская обл., кург. 1.

[1] В качестве дорогого оружия сабля могла передаваться по наследству от отца к сыну.

[2] A. Demmin. Guide des amateurs d'armes. Paris, 1869, стр. 174, рис. 5.

[3] Экспозиция ГИМ, раскопки Молчановского 1935 г.

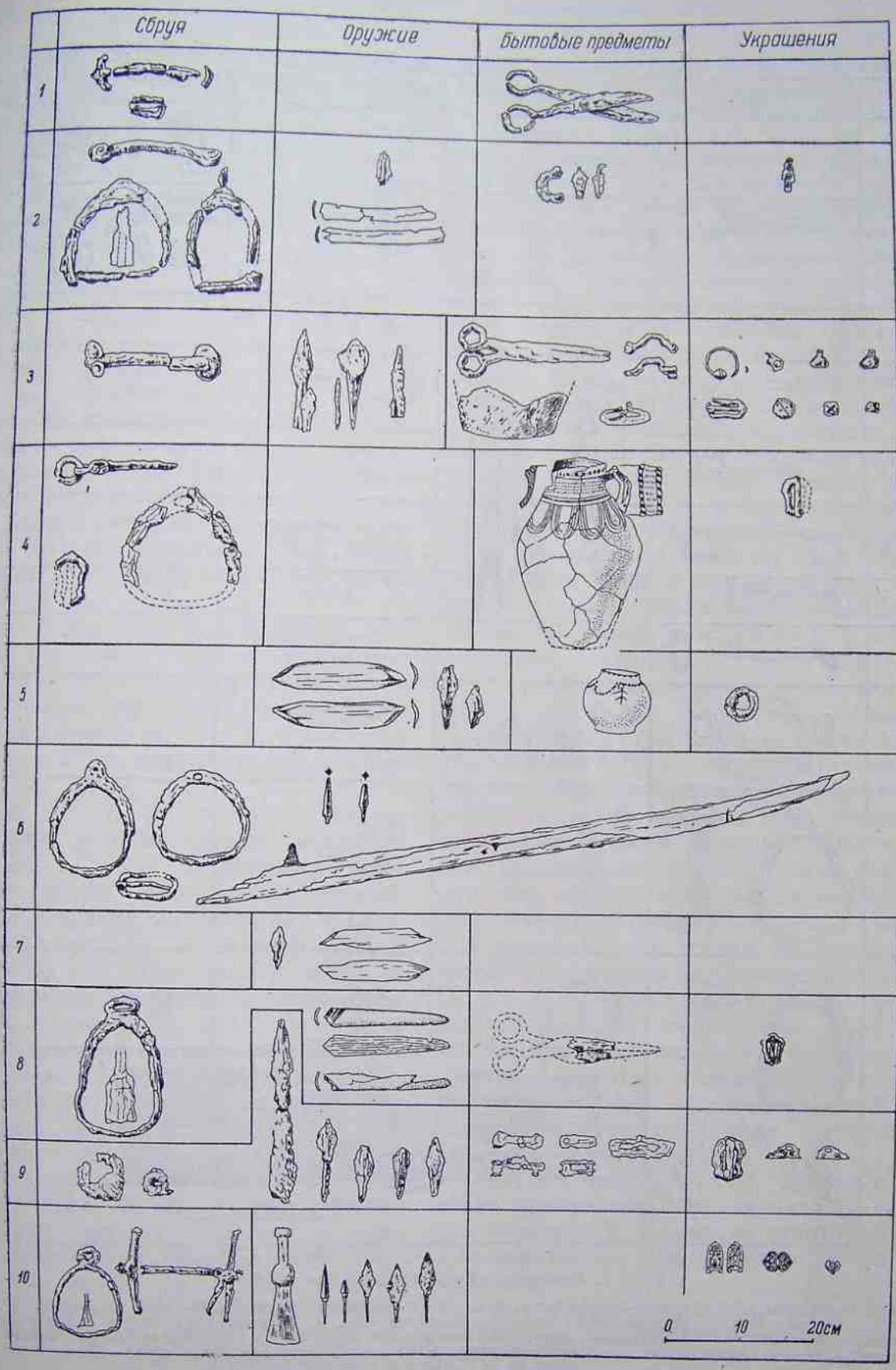


Рис. 3. Печенежские древности IX—X вв.

1 — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 47; *2* — там же, кург. 8; *3* — Кишиневская обл., дер. Екатериновка, кург. 1/11; *4* — Ростовская обл., с. Покровское, кург. Д; *5* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 10; *6* — там же, кург. 34; *7* — там же, кург. 49; *8* — там же, кург. 40; — там же, кург. 21; *10* — Казанская обл., дер. Танкеевка, кург. б/№.

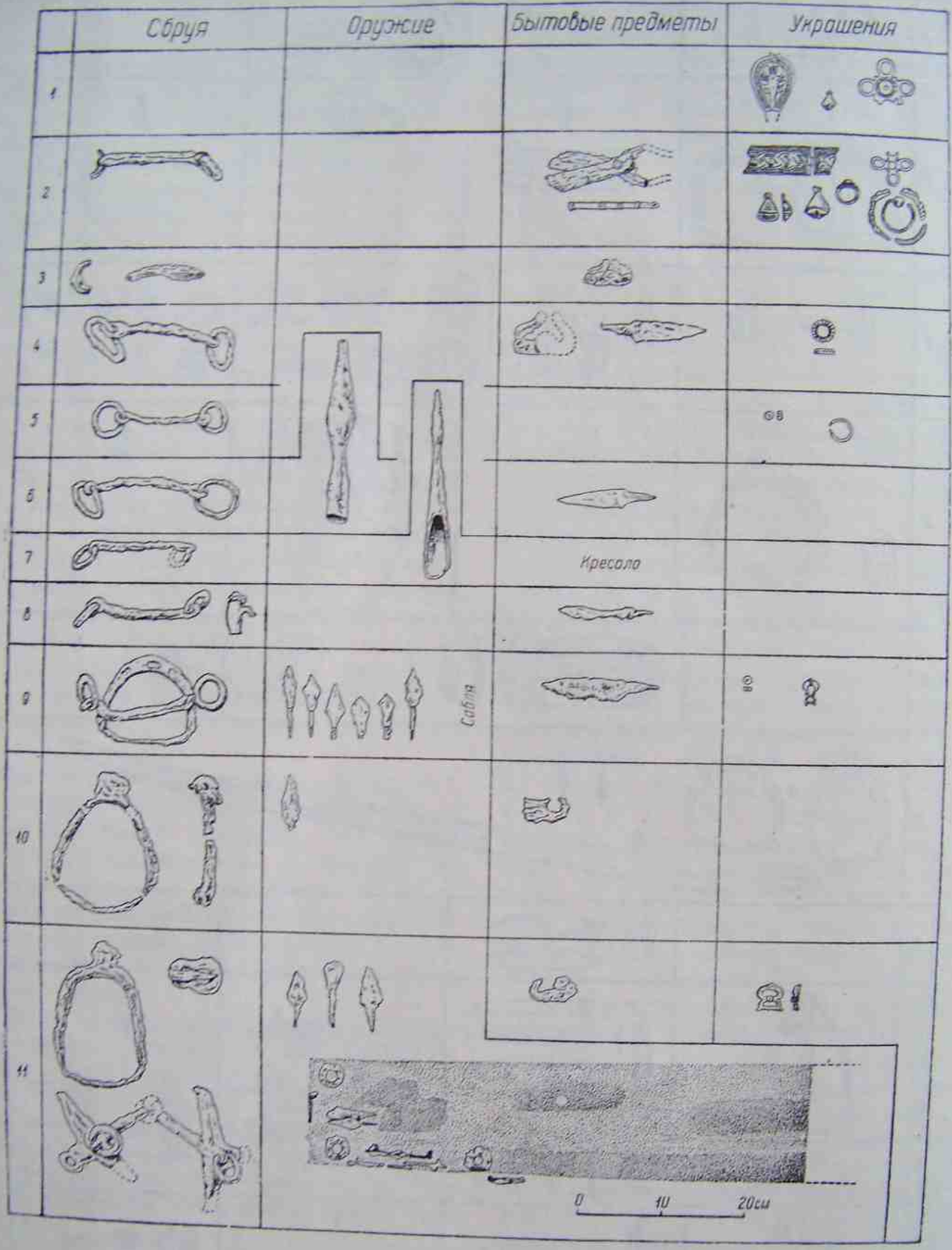


Рис. 4. Печенежские древности X—XI вв.

1 — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 59; *2* — там же, кург. 37; *3* — там же, кург. 45; *4* — Киевская обл., с. Шандры, кург. 409; *5* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 305; *6* — Киевская обл., с. Краснополка—с. Кагарлык, кург. 275; *7* — там же, кург. 221; *8* — Киевская обл., с. Забара, кург. 321; *9* — Одесская обл., с. Павловка, кург. 1/10; *10* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 56; *11* — там же, кург. 54.

видоизменились, потеряли свои первоначальные прямоугольные очертания и приобрели форму овалов. В погребениях первой группы овальная форма стремян встречается только вместе с продолговатыми пряжками, датирующимися по аналогиям не позже середины X в. (они известны в салтовском и северокавказском могильниках VII—VIII вв., в венгерских могильниках VI—VIII вв., в муромо-мерянских VIII—IX вв. и, наконец, в русских языческих курганах IX—начала X в.). Другие формы стремян характерны для всех кочевнических древностей в целом (рис. 3, *2*, *4*, *6*; 4, *9*).

Сабли из погребений первой группы однотипны, это массивные, широкие, слабо искривленные клинки (рис. 3, *6*). Длина их не превышает 1 м. Рукояти их были деревянные, перекрестия деревянные или железные, эллипсовидные. Датируется этот тип сабель ранним временем. Они почти тождественны венгерским и древнерусским саблям IX—X вв.

Костяные накладки — единственное, что сохраняется в могилах от лука. Для погребений первой группы характерны массивные парные «рыбообразные» накладки, имеющие аналогии в могильниках VIII в. в Сибири [1] и датирующиеся, по-видимому, не позднее X в. (рис. 3, *5*, *7*).

Несмотря на то, что находки посуды в погребениях первой группы исключительно редки, в двух комплексах были обнаружены сосуды, позволившие связать всю группу с кочевниками, жившими в IX—X вв. в Тмуторокани и Саркеле—Белой Веже. Один из них имеет форму кувшина (рис. 3, *4*), украшенного пышным орнаментом из наколов, валиков, гирлянд. Другой — небольшой горшочек с раздутыми боками. Он также орнаментирован наколами по плечикам. Кроме того, на нем по сырому тесту прочерчен знак тюркской письменности или кочевническая тамга. Ближайшие аналогии этому знаку встречаются в салтово-маяцкой письменности (рис. 3, *5*). Обломки сосудов, орнаментированных наколами и гирляндами, в большом количестве были найдены в слоях IX—X вв. в Тмуторокани и особенно в Саркеле. Следующим бытовым датирующим предметом является овальное кресало с незамкнутыми, загнутыми в завитки концами (рис. 3, *9*). Аналогии ему известны в русских древностях IX—X вв.

Только в наиболее богатых мужских погребениях попадаются какие-то остатки богатой одежды, например серебряный поясной набор IX в. из погребения в Танкеевке (рис. 3, *10*). Вещи из немногочисленных женских погребений не типичны для кочевнических древностей: крученые и черненые браслеты, перстни, височные кольца или серьги с дутой нанизкой, аналогичные русским изделиям X—XI вв. Исключением являются обломки двух бронзовых крестовидных фибул из женского и детского погребений Саркелского могильника (рис. 4, *1*, *2*) и листовидная, прорезная, литая, обломанная с острого конца бляха с изображением древа жизни или птицы с распростертыми крыльями из детского погребения (рис. 4, *1*). Фрагменты подобных подвесок обнаружены были на городище Саркел—Белая Вежа в слое X—XI вв. Целая бляха с аналогичным изображением древа жизни или птицы найдена была в одном из волжских кочевнических курганов. А. Кушева-Грозевская весьма необоснованно датирует эту бляху XIV в. и сближает ее с чудскими сулде.[1] Однако известно, что изображение древа или птицы с солнцем-кругом над головой, олицетворявшее главные силы природы — землю и небо, свойственно не только чудским народам. Многочисленные, сравнительно единообразные изображения этих стихий встречаются в древностях всех времен, племен и народов. Упрощенный вариант точно таких же подвесок известен по находкам на Саркелском городище (X в.) и в заволжских курганах кочевников.[2] В Заволжье обнаружены были целые экземпляры. Это оказались большие конопушки с навершием в виде сложно орнаментированной бляхи (пальметка, или «процветший крест», вписанная в традиционную листовидную фигуру).

Таким образом, анализ вещевого материала первой группы позволяет датировать ее в основном X в. Только некоторые вещи, а следовательно и погребения, могут дати-

---

[1] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан, 1948.

[1] А. Кушева-Грозевская. Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925—1926 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов, 1928, стр. 14—15.

[2] См. колл. ИИМК и ЛОИИМК, раскопки К. Ф. Смирнова и В. П. Шилова в Нижнем Поволжье в 1955 г.

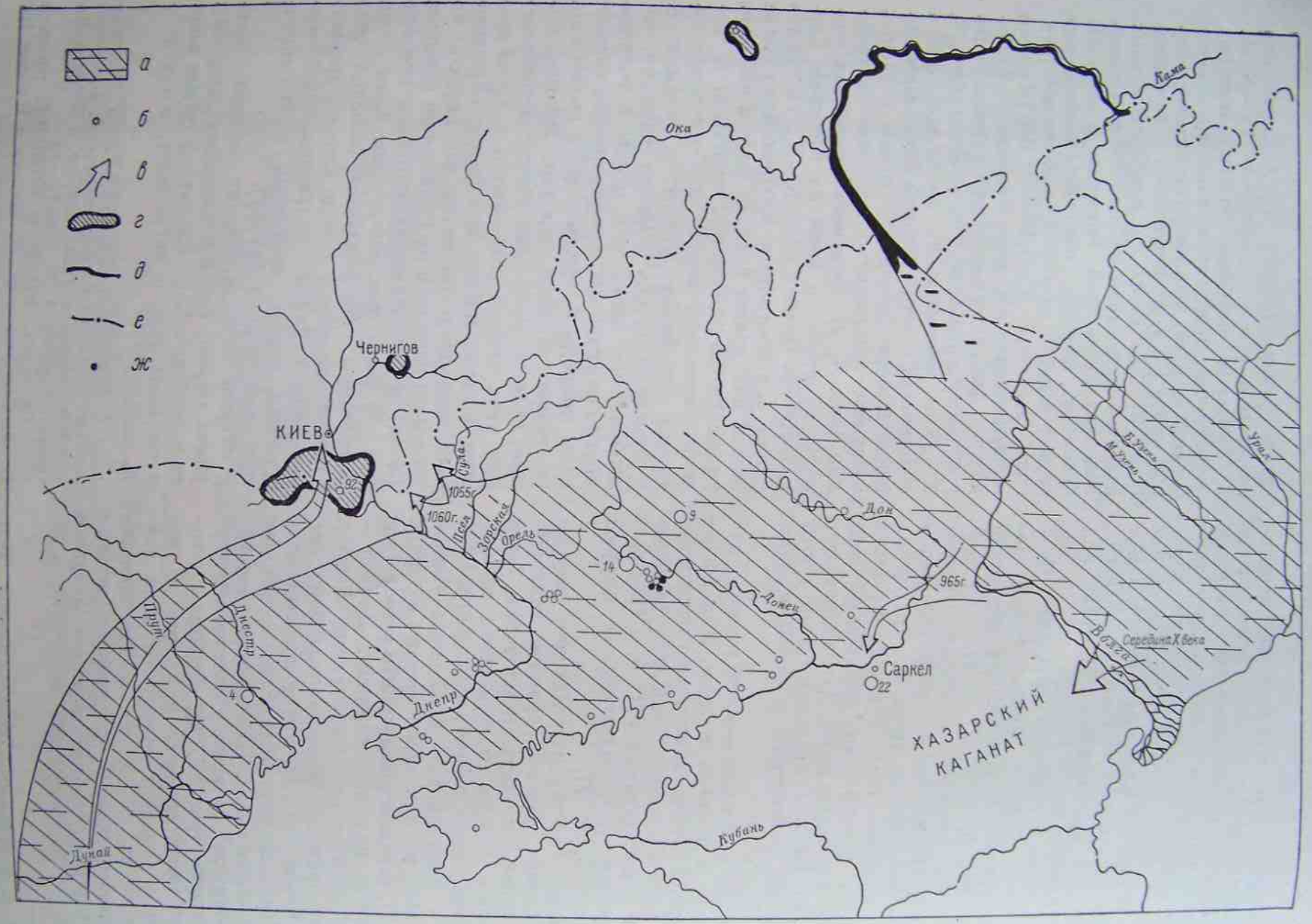


Рис. 5. Карта кочевий торко-печенегов и черных клобуков в X—XIII вв. (по письменным источникам и археологическим данным).

а — территория кочевий сельджуков и черных клобуков в XI—XII вв.; б — погребения торко-печенегов и черных клобуков (цифра у кружка обозначает количество погребений); в — нападения торков на Хазарию и Русь; г — кочевья черных клобуков; д — поход торков совместно с Владимиром в 985 г.; е — границы леса и лесостепи; жс — погребения торков.

роваться IX—X вв. (рис. 3, *4*, *5*, *10*) или X—XI вв. (рис. 4, *1—4*).

Расовая принадлежность костяков первой группы определялась только по материалам из кочевнического могильника близ Саркела и из нескольких курганов, раскопанных В. А. Городцовым на Северском Донце.

Все исследованные костяки — брахицефалы-европеоиды или же европеоиды с небольшой примесью монголоидности, т. е. метисированные европеоиды. Метисированные черепа по числовым показателям почти тождественны современным узбекским.

Географически погребения первой группы распространены на всем протяжении степей от Волги до Молдавии (рис. 1, *4*). Известны они и в Подунавье (погребения «всадников» в Венгрии).[1] Однако подавляющее большинство их обнаружено в Поросье (в Киевской обл.), на Северском Донце (в Харьковской обл.) и на Дону (в Ростовской обл.). Это говорит, во-первых, о том, что указанные районы наиболее исследованы археологами, а, во-вторых, о концентрации населения первой группы на берегах крупных южнорусских рек.

[1] J. H a m p e l. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, Bd. I, стр. 78, 79, рис. 88—89; Bd. III, tab. 501; Archaeologica Ertesito, vol. XLVIII. Budapest, 1935, стр. 216, рис. 152.

2

Во вторую группу входит всего 3 погребения. Они, как и погребения первой группы, характеризуются земляными курганными насыпями, грунтовыми могилами, западной ориентировкой костяка, захоронением костей коня вместе с покойником. Основным признаком, отличающим их от погребений первой группы, является конструкция могилы — наличие в ней деревянных сооружений, облицовок и настилов над погребением человека. Форма удил, встречаемых в погребениях второй группы, неустойчива: в одном случае в погребение положены удила без перегиба, в другом — с перегибом, в третьем форма удил не указана автором отчета.

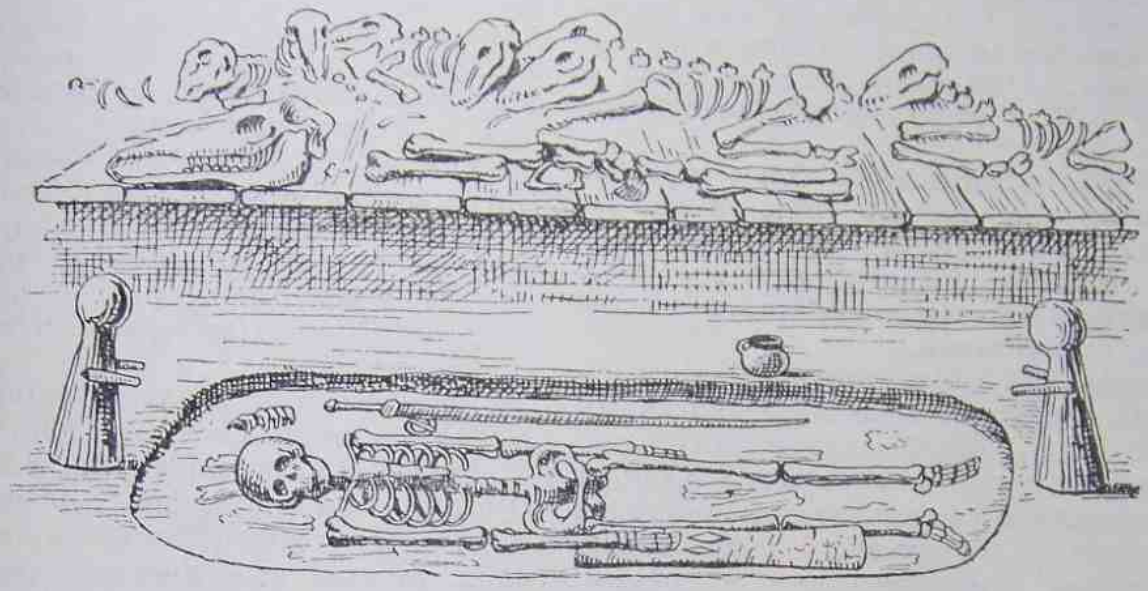


Рис. 6. Погребения торков (реконструкция по В. А. Городцову).

Все погребения обнаружены в местности недалеко от ст. Торской Купянского района Харьковской области, т. е. на Северском Донце (рис. 5, *ж*). Два из них раскопаны Е. П. Трефильевым, одно — В. А. Городцовым.[1] Последнее, наиболее богатое и сложное по устройству, заслуживает особого внимания (рис. 6). Оно произведено в на-

[1] Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 141—144; Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 346. Все три погребения дошли до нас только в описаниях, вещевой материал, сданный исследователями в Харьковский музей, погиб во время Великой Отечественной войны.

сыпи большого земляного кургана (высота около 1.8 м). На специальном настиле над могилой было положено 6 телят. Здесь же лежала обращенная мордой на запад голова коня, а также его ноги, расположенные в анатомическом порядке. Гроб с покойником, ориентированным головой на запад, стоял в глубокой и широкой могиле. У ног и изголовья были поставлены деревянные, грубо сделанные статуэтки без ног, с вставленными перпендикулярно к телу руками-палочками, а слева от гроба — глиняный горшок. Похороненный был мужчина. Рядом с ним лежала сабля и колчан со стрелами. Лошадиная сбруя — удила и стремена — были обнаружены у костей лошади.

Два других комплекса более просты. Над могилой на настиле лежали только кости коня, а в самой могиле не было деревянных статуэток. Их заменяли, вероятно, грубо высеченные каменные статуи — бабы, стоявшие на курганах.

Погребальный обряд второй группы захоронений в деталях совпадает с описанным в начале X в. Ибн-Фадланом погребальным обрядом гузов, или торков.[1] Табл. 1 дает возможность сопоставить это описание Ибн-Фадлана с данными, полученными при изучении комплексов второй группы. Таким образом, очевидно, что погребения второй группы сооружались гузами—торками.

Что касается этнической принадлежности погребений первой группы, то о ней высказывались соображения А. А. Спицыным, В. А. Городцовым и в последнее время Н. Д. Мец.[2] Все они считали, что погребения с костями коня и удилами без перегиба принадлежат торкам. Однако против этого говорит уже то, что торки оставили после себя яркие и не вызывающие сомнения памятники — погребения второй группы. Топонимические и исторические данные, привлеченные указанными исследователями для подтверждения своей гипотезы, далеко не достаточны. Свидетельство Ибн-Фадлана, привлеченное Н. Д. Мец в качестве основного аргумента, использовано методологически неверно, поскольку из описания всего обряда взят только один признак — погребение костей коня. Этот признак встречается и в других группах, например В. Рубрук в XIII в. упоминает о нем, описывая погребальный обряд половцев.

Другим немаловажным фактом, свидетельствующим не в пользу положения, высказанного В. А. Городцовым и Н. Д. Мец, является то обстоятельство, что в Средней Азии, на исконной территории гузов—торков, удила без перегиба не попадались ни разу. Распространение их в Заволжье, в лесных и лесостепных землях (северная граница их распространения проходит по Каме—Вятке, южная — по р. Урал), говорит о том, что они принадлежали какому-то полулесному народу, обитавшему на территории от Урала до Днепра и даже Дуная в IX—XII вв. Народом этим могли быть только печенеги.

Печенеги были авангардом мощного движения тюркоязычных народов, хлынувших в начале IX в. в восточноевропейские степи. Это было одно из крупных племен сильного племенного союза, известного в среднеазиатских степях под именем союза канглов («кангюй» китайских источников).[1] С захвата заволжских земель, принадлежавших ранее сарматским племенам, началось образование нового племенного союза — печенежского. В него вошли печенеги-канглы и покоренные ими сарматские и отчасти лесные фино-угорские племена.[2] Константин Багрянородный, описывая племенной состав печенежского союза в X в., отмечал, что печенеги делились на восемь округов, три из которых, именуемые «кангар» (канглы), считались знатнейшими. Остальные пять округов были, по-видимому, сильно сарматизированы. Сильная европеоидность печенегов, отмечаемая антропологами, объясняется большим количеством влившихся в печенежский союз сарматов.

---

[1] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. под редакцией И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 63. Тождество гузов, узов, торков доказано уже в работе П. В. Голубовского (Об узах или торках. ЖМНП, 1884, июль).

[2] А. А. Спицын. Курганы киевских торков и берендеев. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, 1899, стр. 156—160; В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910; Н. Д. Мец. К вопросу о торках. КСИИМК, вып. XXIII, 1948.

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

[2] От них печенеги могли получить и свое имя: слово «печенеги» в переводе на угорские наречия означает «лесные люди» (см.: Д. П. Европеус. Об угорском народе. Тр. II АС, т. I, СПб., 1876, стр. 84).

Таблица 1

	По Ибн-Фадлану	Курган, раскопанный Городцовым	Курганы, раскопанные Трефильевым	
			№ 1	№ 2
Надмогильные сооружения.	«Накладывают подобие юрты из глины».	Земляная насыпь.	Земляная насыпь.	Земляная насыпь.
Строение могилы.	«Роют большую могилу наподобие дома... покрывают настилом дом (т. е. могилу, — *С. П.*) над ним (покойником, — *С. П.*)».	Настил над могилой.	Остатки деревянной кладки над могилой.	Кладка над покойником сгнила, кости лошади лежали, по-видимому, на ней, на 70 см выше человеческого скелета.
Кости жертвенных животных.	«Съедают их (лошадей, — *С. П.*) мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста».	На настиле кости лошади и 6 телят.	Кости лошади на кладке.	Кости лошади над костяком человека.
Сосуды.	«Оставляют перед ним (покойником, — *С.П.*) сосуд с набидом».	Глиняный сосуд у стенки гроба.	Сосуда нет.	3 глиняных сосуда: 2 горшка и 1 чашка рядом с костями коня
Статуи.	«Вырезают изображения из дерева и помещают их на его (покойника, — *С. П.*) могиле».	Деревянные статуэтки у ног и изголовья покойника.	Каменная баба на кургане.	Каменная баба на кургане.
Вещи.	«Одевают на него (покойника, — *С. П.*) куртку и его пояс, его лук... приносят все его имущество и кладут с ним».	Вещи: сабля, остатки кожаного колчана, горшок, железная поясная пряжка, удила с перегибом, два стремени.	Вещи: ножик, одежная пряжка, серебряная гривна, янтарная буса, серебряная витая рукоять плети, удила без перегиба, стремя.	Вещи: наконечник стрелы, ножик, глиняная лепная посуда (чашка и 2 цилиндрических горшка), удила с перегибом, стремя.
Пол захороненного.	Ибн-Фадлан говорит только о погребениях мужчин-воинов.	Покойник — мужчина-воин.	Пол погребенного неизвестен; возможно, судя по инвентарю, это женщина или богатый юноша (украшения, в частности гривна, носились и мужчинами, преимущественно молодыми). [1]	Покойник — мужчина-воин.

[1] См. погребение мальчика с жеребенком из кургана, сооруженного черными клобуками в Поросье (Киевская обл., с. Цозаровка, кург. 260; см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 66).

О заволжском периоде печенежской истории, длившемся около столетия (IX в.), сохранилось очень мало сведений. Тем не менее, дошедшие до нас известия позволяют восстановить границы заволжской Печенегии, лежавшей между реками Волгой и Уралом в лесостепной зоне.[1] Северная ее граница доходила по Волге до Жигулевских гор, называемых в некоторых источниках Печенежскими.[2] Лесистость печенежской земли неоднократно отмечалась восточными авторами. Естественно, что именно в лесистой, сильно пересеченной местности впервые появились у кочевников удила без перегиба, которые служили всаднику для более строгого управления лошадью. От печенегов удила без перегиба проникли далеко на север, на вятские и камские городища (рис. 1, 7).

В конце IX в. печенеги, вытесненные более сильными племенными союзами гузов и кипчаков (торков и половцев), хлынули в донецкие степи и в короткое время заняли огромную территорию от Волги до Прута.

Б. А. Рыбаков составил и издал карту Восточной Европы и, в частности, Печенегии по данным Константина Багрянородного.[3] В основном она представляется мне вполне убедительной, только на востоке Печенегия не ограничивалась Северским Донцом, как изобразил ее Б. А. Рыбаков, а доходила до Волги, о чем свидетельствует географическое сочинение начала X в. Иосифа-бен-Гориона.[4] Указанный автор сообщает, что племя «тилмац», названное Константином Багрянородным правобережным племенем талмат-вороталмат, кочует по р. Итиль, т. е. Волге.

В первой половине XI в. началось отступление печенегов из южнорусских степей к Дунаю (в основном в Венгрию).

Таким образом, есть все основания полагать, что погребения X—XI вв. с удилами без перегиба и с покойниками европеоидного и метисированного типов, распространенные на территории от Волги до Прута и Дуная, оставлены печенегами.

Собственно гузы—торки сыграли в южнорусских степях менее значительную роль, несмотря на то, что в Средней Азии они представляли мощное племенное объединение. Гузы в IX в. занимали земли по Сыр-Дарье (называемой рекой гузов) и вокруг Аральского моря. С. П. Толстов, основываясь на ряде исторических свидетельств (письменных и археологических), доказывает, что гузы были развитым полуоседлым скотоводческо-рыболовецко-земледельческим народом, имеющим города и центрального правителя — ябгу.[1] До конца IX в. гузские владения не переходили через р. Урал. В конце IX в. гузы, разбив печенегов, захватили Заволжье.

В первой половине XI в. началось гузское движение на запад, известное в литературе под именем сельджукского.[2] Гузы шли двумя путями — южным и северным. Единый, целеустремленный план этого движения предусматривал завоевание всех крупных и богатых западных государств — Персии, Византии, Руси и др. Состав гузского союза не был однородным, в него входили племена и народности различного происхождения. Одной из крупных частей его было племя печенегов, влившееся в союз после захвата гузами Заволжья. Вот что писал об этом Константин Багрянородный: «. . . в то время, когда печенеги были изгнаны из своей земли, некоторые из них по собственному желанию и решению остались там, поселились вместе с так называемыми узами и доселе остаются среди них».[3] В число гузов, продвигавшихся на запад по южнорусским степям, входили, вероятно, большие отряды этих печенегов, поскольку они были самым северо-западным племенем, находившимся в составе гузского союза. Кроме гузов и печенегов, двигался ряд племен, перечисленных впоследствии русским летописцем в записях XII в.,

---

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14; В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. ЗАН, истор.-филолог. отд., сер. VII, т. I, № 1, 1897, стр. 120; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 65.

[2] P. A. Jaubert. Geographie d'Edrisi, t. II. Paris, 1840, стр. 437.

[3] Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

[4] А. Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. ТВОАО, ч. 17, 1874, стр. 219.

[1] С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3.

[2] См. работы: В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. Труды, т. 1, СПб, 1908; С. П. Толстов. Города гузов; В. С. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии. М., 1941.

[3] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14, стр. 16.

касающихся истории Поросья, а именно берендеи, коуи, каепичи, боуты. С. П. Толстов делает сопоставления некоторых из этих названий с названиями 24 племен, входивших в состав гузского союза: берендеи—баяндур, каепичи—коуи—кайи, боуты—баят. Возможно, что некоторые из указанных племен вели происхождение, как и печенеги, от чуждых гузам народностей. Например, берендеи—баяндур могли происходить от кипчаков—половцев, так как в состав этих последних входил род бояндер, о чем писал Гардизи.[1] Во время движения многоплеменных сельджукских орд по южнорусским степям в них постоянно вливались новые отряды печенегов, основные силы которых отступали под давлением торков и руси на запад.

Таким образом, торки, прошедшие по южнорусским степям, были настолько смешаны с другими народами и, в частности, с печенегами, что выделить их памятники на этой территории не представляется возможным (исключение — три погребения второй группы).

После разгрома в 1060 г. Русью северной ветви гузского—торческого союза большая часть племен, входивших в него, пошла на службу к киевскому князю и была поселена им в Поросье (на левом берегу р. Роси). Кочевники, заселившие Поросье в XII в., объединились в новый племенной союз — черноклобуцкий.

Племенное многообразие торческого и позднее черноклобуцкого союзов привело к тому, что в результате тесного общения племен между собой у всех их выработался новый погребальный обряд. Следует, правда, отметить, что в основу этого обряда лег, по-видимому, печенежский обряд, поскольку печенеги были наиболее многочисленным племенем в союзе торков. Особенности обрядов других племен лишь несколько изменили описанный выше печенежский обычай.

3

Третья группа включает в себя все погребения смешанного типа, т. е. погребения людей, входивших в гузский—торческий и черноклобуцкий союзы. В нее входит более 150 комплексов, из которых 88 обнаружено в Поросье, т. е. на основной территории черных клобуков (рис. 5, *б*).[1]

Естественно, что основные признаки погребений третьей группы, касающиеся погребального обряда, совпадают с печенеж-

[1] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 105.

[1] Киевская обл.: с. Зеленки (кург. 215, 220, 293, 296—298, 299/1, 299/2, 306, 307, 309/1, 309/2, 310, 312—314, 317, 319/1, 319/2, 344—347, 365), с. Ковали (кург. 394), с. Кагарлык (кург. 217, 334—336, 338/5), с. Краснополка (кург. 224, 270, 271/1, 271/2, 280, 281), с. Краснополка—с. Гадомка (кург. 222, 224), с. Бурты (кург. 258, 259, 261, 262, 263/1, 263/2, 270, 272, 273, 276), с. Степанцы (кург. 215, 216, 347), с. Поток (кург. 398, 401, 417, 452), с. Юзефовка (кург. 247, 248), с. Цозаровка (кург. 250/1, 250/2, 260, 269), с. Емчиха (кург. 348—350, 352, 354, 357/1, 357/2, 359, 360), с. Липовец (кург. 264, 265/1, 265/2, 267), с. Занудевка (кург. 268/1, 268/2), с. Карапыши (кург. 391/1, 391/2), с. Хальча (кург. 325, 328, 329), с. Гороховатка (кург. 283/1, 283/2), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг.; с. Лучка (кург 1—3), с. Клиново (кург. 1), с. Яблоновка (кург. 1), см.: Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 223—225, 237, 238. Черкасская обл.: с. Берестняги (кург. 27, 54), см.: А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы (дневники раскопок 1889—1897 гг.), т. III. СПб., 1901, стр. 106, 124. Переяславская обл.: с. Войницы (кург. б/№), см.: Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 238. Херсонская обл.: с. Александровка (кург. б/№), см.: Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 730; с. Дымовка (кург. 3, 9), см.: ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1899, стр. 147, 173. Днепровская обл.: с. Афанасьевка (кург. 5), с. Григорьевка (кург. 6), с. Бузовка (кург. 2), с. Татарбранка (кург. 4), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 119, 122, 128, 147. Гор. Никополь (кург. 1/19, 4/1, 4/2), см.: Отчет Б. Н. Гракова за 1939 г. (Архив ИИМК). Харьковская обл.: с. Пески (кург. 24), с. Каменка (кург. 10/2, 16, 1/7), с. Ступки (кург. 3/3, 5/7), дер. Ново-Александровская (кург. 2), дер. Переездная (кург. 3/1), с. Щеглово (кург. 12/1), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 281, 296, 301, 309, 317, 320, 323, 333, 344. Харьковская обл.: хут. Червенков (кург. 1/3), хут. Камышеваха (кург. 2/1), хут. Стратилатовка (кург. 8/1, 9/1), хут. Урусовка (кург. 2/1), хут. Николаевка (кург. 3/1, 3/2, 4/3), хут. Ковалевка (кург. 1/2, 2/1), хут. Верхний Степок (2/7, 1/7, 2/1), с. Кунье (кург. 1/1), с. Рай-городок (кург. 2/2, 3/1), хут. Бражковский (кург. 2/3), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 228—231, 236, 261—264, 271, 280—282, 284, 286, 287, 293, 297, 298. Гор. Жданов (кург. б/№), см.: колл. ЖИКМ, № 680. Гор. Славянск (кург. 253), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 162. Ростовская обл.: хут. Попов (кург. 5, 11, 12, 15, 20, 27—29, 33, 35, 36, 38/1, 39, 42, 46, 15/1, 18/1, 19/22, 19/26, 19/29, 19/56), см.: Гос. Эрмитаж, колл. Волго-Донской экспедиции; с. Елисаветинское (кург. 2), см.: ОАК за 1909—1910 гг., стр. 142; с. Недвиговская (кург. 41), см.: ОАК за 1908 г., стр. 129, г. Новочеркасск (кург. б/№), см.: ОАК за 1890 г.,

скими, поскольку именно этот народ составлял ядро обоих союзов (рис. 7).

Земляные насыпи, простые грунтовые могилы, вытянутое положение покойника, западная ориентировка типичны как для печенежских, так и для черноклобуцких погребений. Это долгое время затрудняло работу по разделению всей массы погребений с перечисленными признаками на две указанные группы. Потребовался подбор дополнительных признаков, отличающих погребения третьей группы от печенежских.

В первую очередь бросается в глаза разница в захоронении останков коня. В двух предыдущих группах при покойнике было обязательно захоронение частей коня. В третьей группе 17.5% всех захоронений сделано с полным остовом коня, 48% совсем без останков лошади и два погребения с частями быка вместо частей лошади. Во-вторых, в третьей группе много бедных вещевым материалом комплексов. Как правило, во всех безлошадных погребениях вещей очень мало или нет совсем. В-третьих, судя по инвентарю, количество женских погребений почти равно числу мужских. В-четвертых, в третьей группе никогда не встречаются удила без перегиба, характерные для печенегов. В-пятых, меняется по сравнению с первой группой ассортимент вещей в погребениях, он становится шире, разнообразнее. Появляются оборонительные доспехи, остатки одежды, украшения сбруи, пряслица и т. д. И, наконец, последним и едва ли не самым важным является хронологическая разница погребений первой и третьей групп. В то время как печенежские погребения датируются временем не позднее первой половины XI в., погребения третьей группы доходят до XIV в. Несомненно, что чисто печенежские погребения не могли относиться к позднему времени, так как основная масса печенегов покинула степи в середине XI в.

Остановимся на вещевом материале, характеризующем погребения третьей группы и позволяющем сделать ряд необходимых датировок (рис. 8—10).

Удила, найденные в могилах третьей группы, всегда с перегибом; трензельные кольца у них двух видов: небольшие, диаметром 3—4 см, круглые в сечении (рис. 8, *1*, *3*; 9, *2*, *6*) и большие, 5—8 см диаметром, овальные или чаще плоские (рис. 8, *2*; 9, *1*; 10, *3*, *7*). Большие плоские кольца датируются более поздним временем, чем первые, а именно концом XII—XV в. Стремена с полукруглыми, треугольными или квадратными дужками (рис. 8, *2*, *3*, *4*, *8*; 9, *1*, *2*; 10, *3*, *6*, *7*) и узкими подножками, укрепленными жгутом, датируются временем до начала XIII в. Поздних стремян с широкими плоскими подножками (XIII—XIV вв.) почти нет. Сбруйные украшения встречаются только в богатых погребениях. Особенного внимания заслуживают бронзовые бляхи в виде гусиных лапок (рис. 8, *3*). Они изготовлены, по-видимому, под воздействием искусства фино-угорских народов, в среде которых были широко распространены подвески в виде гусиных лапок.

Набор оружия в погребениях третьей группы чрезвычайно обширен: сабли, копья, луки, колчаны, стрелы, шлемы, кольчуги и даже наколенники. Сабли, как дорогое оружие, встречаются только в половине погребений воинов. Это тонкие однолезвийные клинки, кривизна которых значительно заметнее, чем печенежских (рис. 9, *2*, *4*, *5*; 10, *3*, *6*). Однако и в могилах черных клобуков попадаются слабо изогнутые клинки без эфесов, часто с тупыми концами (рис. 8, *1*; 9, *1*). Они подробно описаны Н. Е. Бранденбургом, связывающим их с азиатскими кончарами.[1] Что касается копий, то, судя по тому, как редко их находят в погребениях третьей группы, можно утверждать, что у этого народа они были значительно менее распространенным видом оружия, чем у печенегов.

От луков и колчанов сохраняются в земле только костяные и железные части.

стр. 45; с. Морской Гуляк (кург. 3), см.: ОАК за 1900 г., стр. 48. Каменская обл.: ст. Вешенская (кург. б/№), см.: Печатный каталог НИКМ, №№ 2581—2591. Запорожская обл.: г.Ногайск (кург. 3), см.: ОАК за 1889 г., стр. 16, 17. Гор. Симферополь (кург. б/№), см.: ОАК за 1892 г., стр. 6, 7. Винницкая обл.: с. Каменка (кург. 442), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 172, 173. Молдавская ССР: г. Тирасполь (кург. 23), с. Поркан (кург. 100), с. Суклея (кург. 319), с. Плоское (кург. 228), см.: Вісник Одеської комісії краєзнавства, ч. 4—5, Одесса, 1930, стр. 104, 106, 107, 109. Владимирская обл.: г. Юрьев Польский (кург. б/№), см.: ИАК, вып. 15, 1905, стр. 78, рис. 1.

[1] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 62—63 (кург. 248).

В редких случаях доходят до нас берестяные колчаны, имеющие вид длинных футляров, расширенных в нижней части. Носились они на широких ремнях с костяными петлями на концах (рис. 11). Костяные петли — одна из наиболее частых находок в кочевнических древностях XI—XIV вв. Так же широко датируются и костяные накладки на луки. Стрелы во всех кочевнических группах аналогичны одновременным с ними стрелам соседних народов (Русь, Венгрия и др.). Это небольшие, ромби-

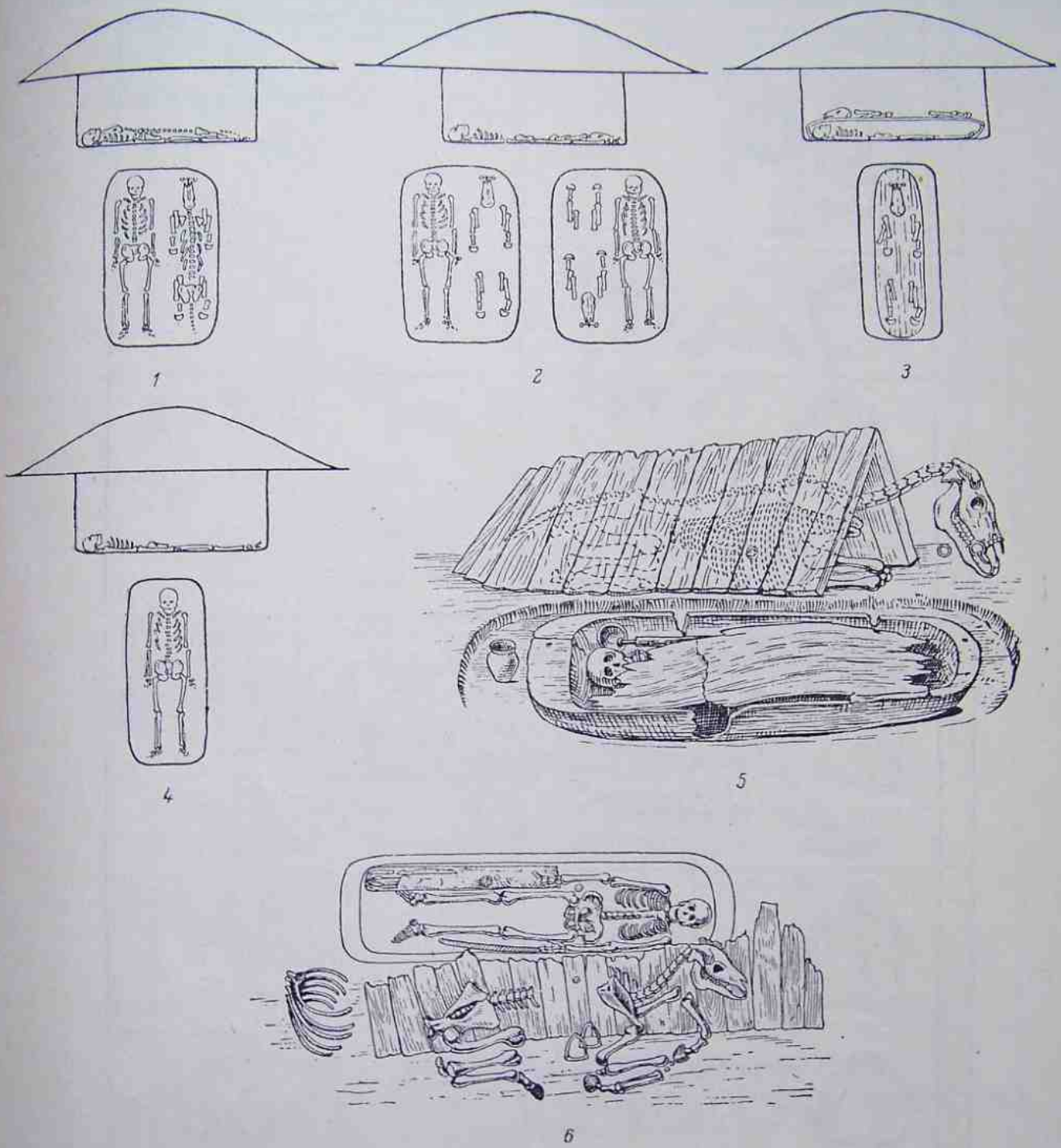


Рис. 7. Типы погребений торко-печенегов и черных клобуков.

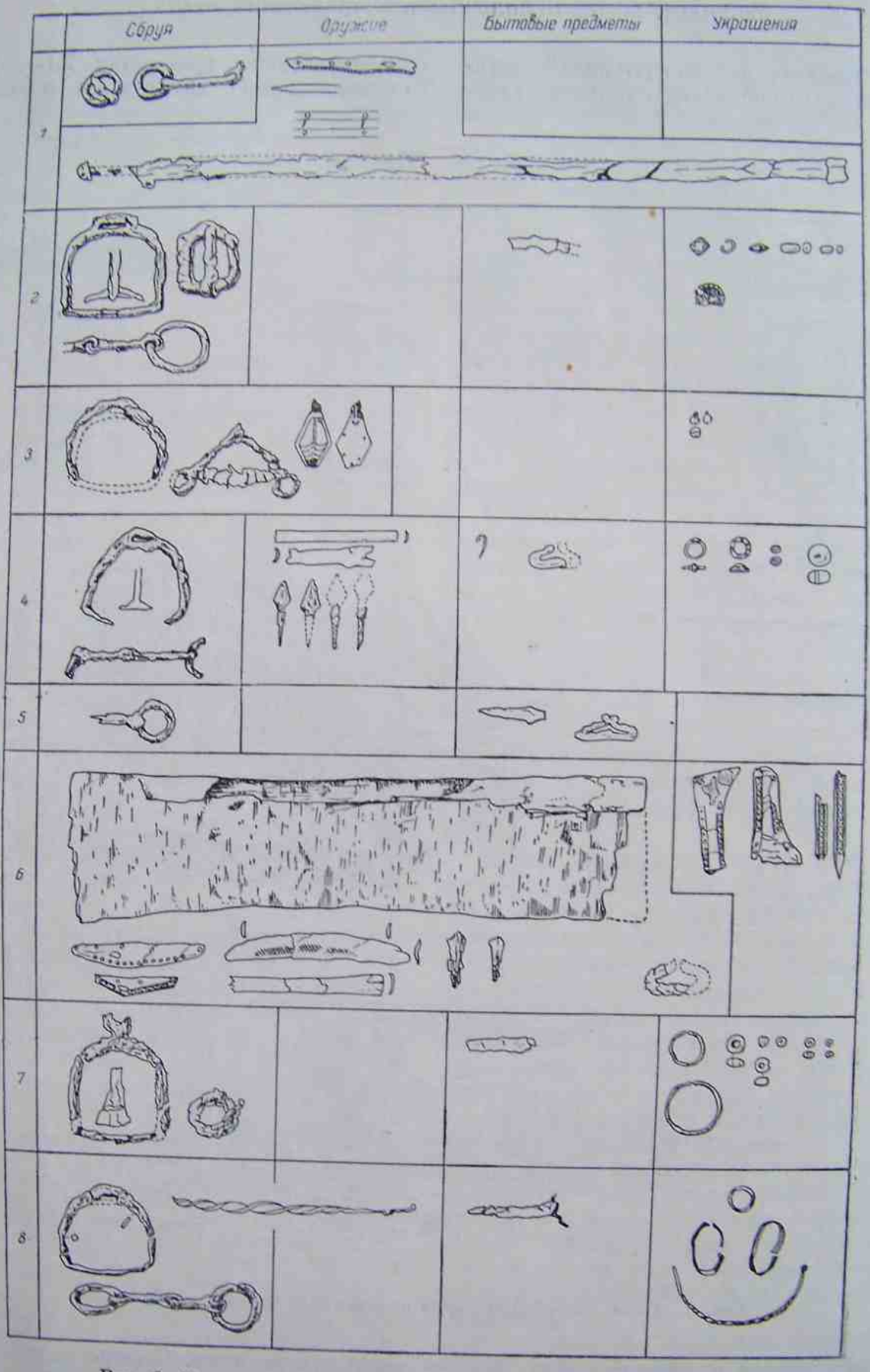


Рис. 8. Торко-печенежские и черноклобуцкие древности XI в.

1 — Киевская обл., с. Юзаровка, кург. 250/2; *2* — Киевская обл., с. Бурты, кург. 272; *3* — Киевская обл., с. Кагарлык, кург. 217; *4* — Харьковская обл., хут. Каменка, кург. 16; *5* — Киевская обл., с. Потоп, кург. 417; *6* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 18; *7* — там же, кург. 19/26; *8* — там же, кург. 19/56.

ческие или удлиненно-ромбические, черешковые наконечники.

Особо следует отметить характерные для черных клобуков кожаные шлемы на сферическом железном каркасе, упоминания о находках которых есть в отчетах Н. Е. Бранденбурга.[1]

Подавляющее большинство погребений сопровождается бытовыми предметами: ножиками, кресалами, ножницами и т. д. Наиболее важны для датировок кресала:

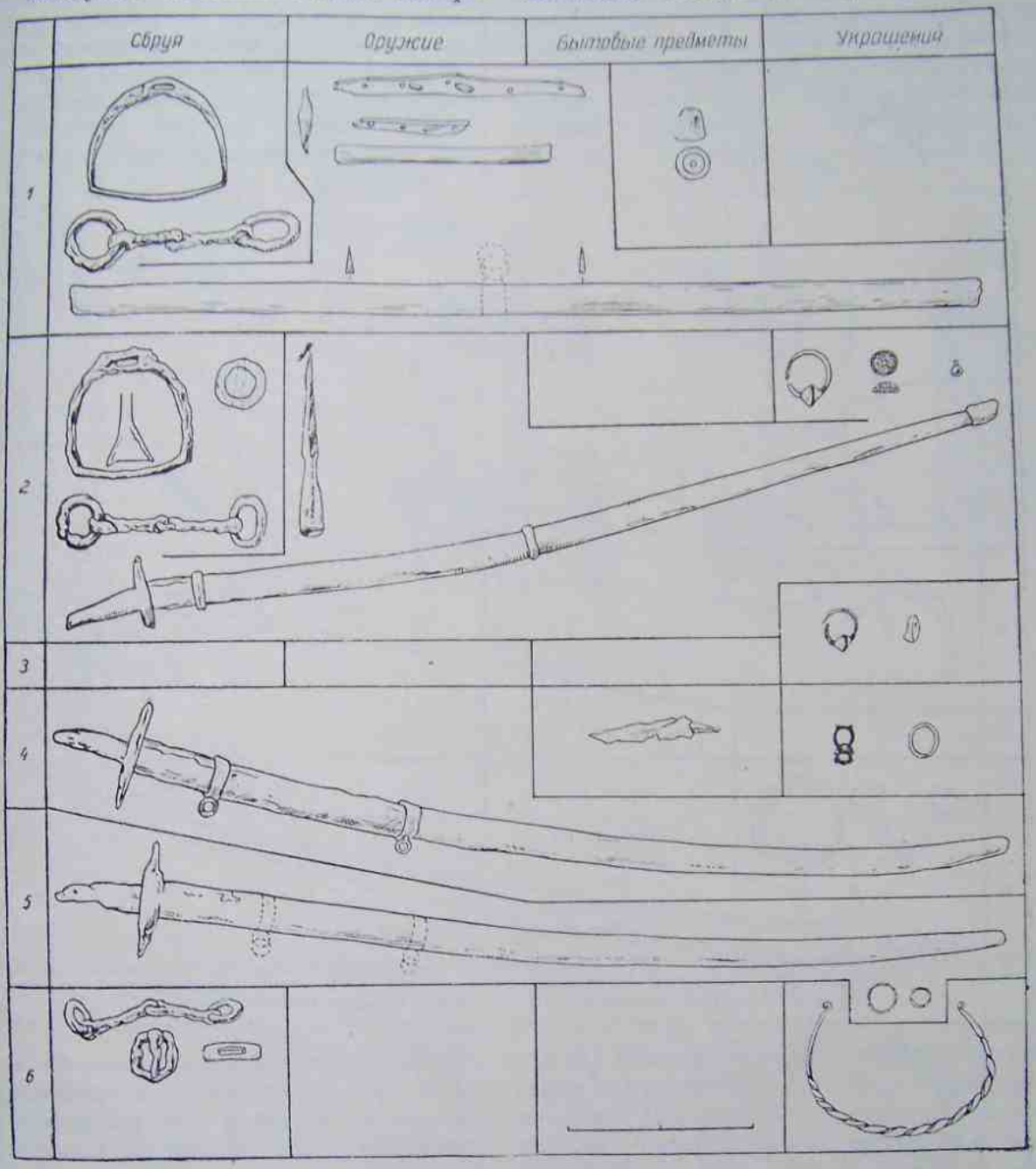


Рис. 9. Торко-печенежские и черноклобуцкие древности XI—XII вв.

1 — Киевская обл., с. Краснополка—с. Гадомка, кург. 222; *2* — Киевская обл., с. Краснополка, кург. 271/1; *3* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 365; *5* — Киевская обл., с. Степанцы, кург. 215; *5* — там же, кург. 216; *6* — Киевская обл., с. Цозаровка, кург. 260.

треугольные с завитыми концами XI в., овальные замкнутые середины XII в., прямоугольные замкнутые начала XIII в. (рис. 8, *4—6*; 9; 10, *3*).

Женские погребения третьей группы содержат серьги, гривны, браслеты, синие

[1] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 69, 70 (кург. 261).

каменные подвески, серебряные нашивки на головной убор и остатки головных уборов, сделанных из шелковых тканей и серебряных цепочек и бубенчиков. Серьги в виде массивных серебряных колец с дутой биконической или «рогатой» нанизкой привозились к кочевникам из Руси, где они датируются XI—XII вв. (рис. 9, *2*, *3*; 10, *2*). То же можно сказать и о пластинчатых наручах и витых браслетах со вставками на концах из ляпис-лазури, а также крученных из квадратного жгута гривнах с петлями на концах (рис. 4, *2*; 8, *8*; 9, *6*). Типичными кочевническими предметами,

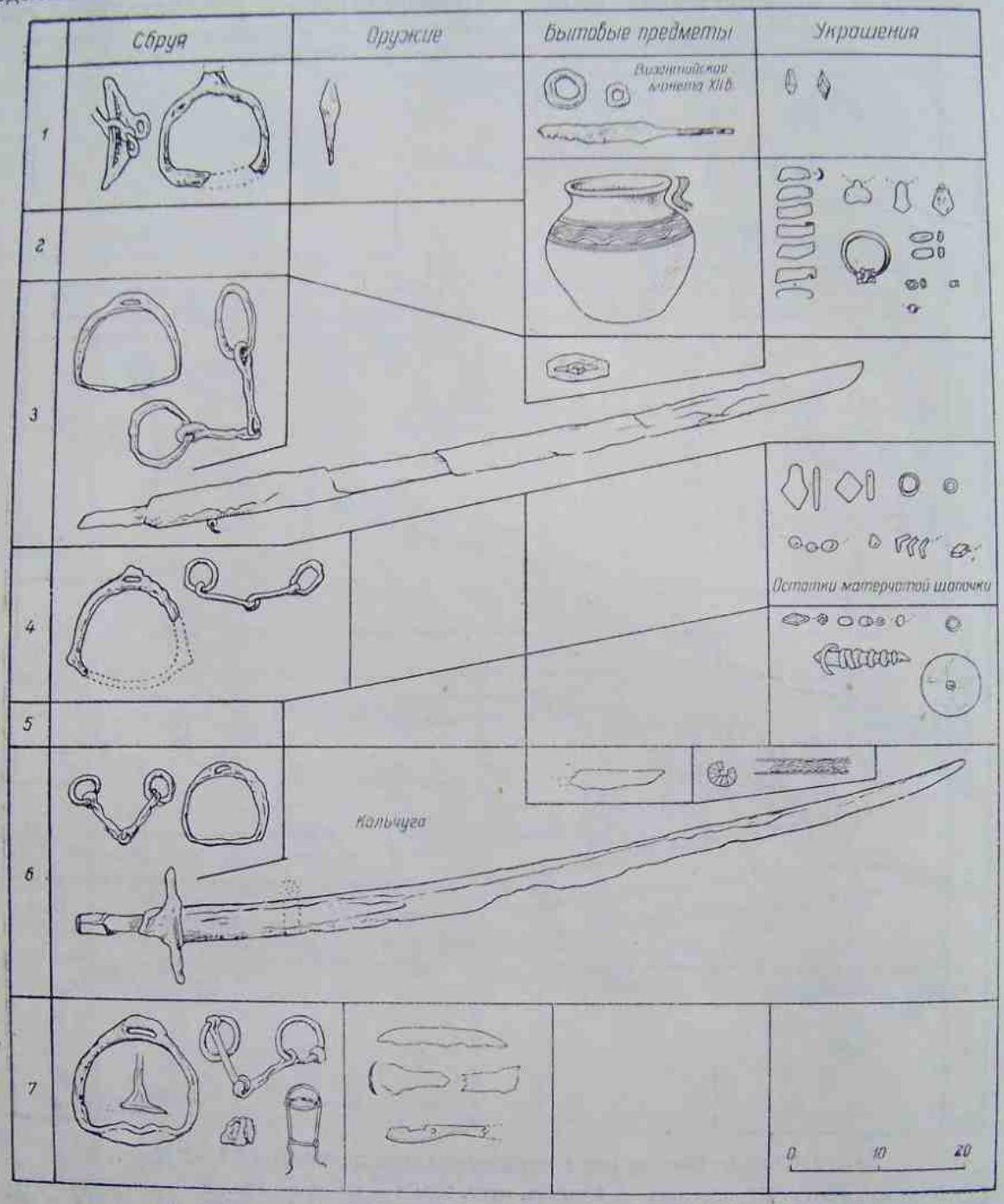


Рис. 10. Торко-печенежские и черноклобуцкие древности XII в.

1 — Киевская обл., дер. Яблоновка, кург. 1; *2* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 297; *3* — Киевская обл., с. Ковали, кург. 394; *4* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 317; *5* — там же, кург. 299/2; *6* — Киевская обл., с. Цозаровка, кург. 250/1; *7* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 312.

встречающимися одновременно с привозными, можно назвать серебряные пластинки-полукольца, являющиеся частью головных уборов или причесок (рис. 10, *2*, *4*). Полукольца находят обычно нашитыми на войлочные или кожаные валики, лежащие на лбу или у висков покойницы. Подобные же валики изображались на головах женских каменных статуй. Другим предметом, характерным только для кочевников, являются

Итак, изучение инвентаря погребений третьей группы определяет их хронологические рамки — IX—XII вв. К этому отрезку времени относится основная масса погребений, лишь небольшая группа датируется более поздним временем — XIII—XIV вв.

Антропологическая принадлежность костяков определена только на материале могильника Белой Вежи. Преобладающее большинство покойников — европеоиды-брахи-

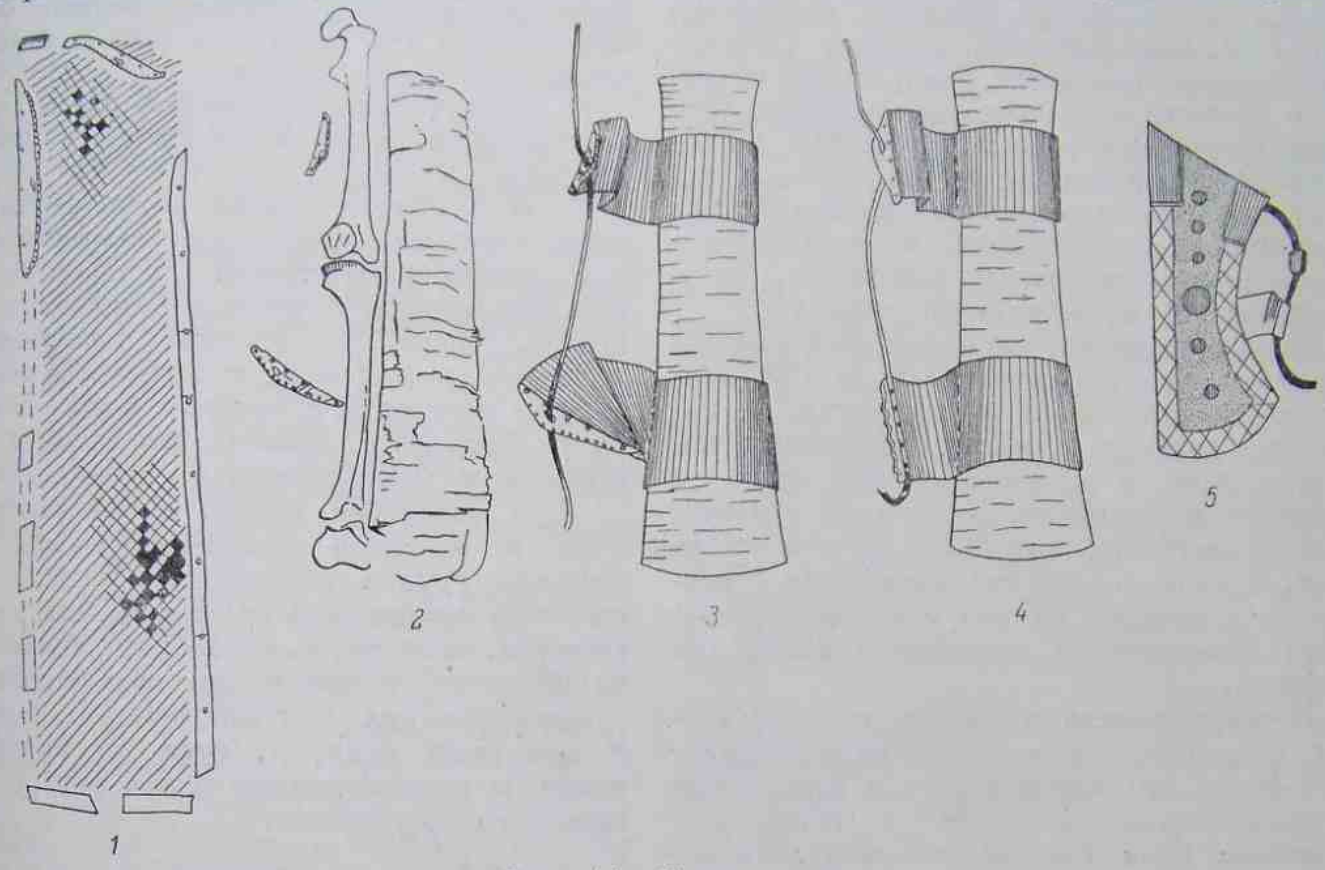


Рис. 11. Колчаны.

1 — кожаный колчан с костяными накладками, Поросье, кург. 269; *2* — расположение колчана и петель в погребении, Саркел—Белая Вежа, кург. 18; *3* — реконструкция колчана с двумя петлями; *4* — реконструкция колчана с одной петлей; *5* — башкирский колчан XIX в.

синие, ромбические и треугольные подвески, распространенные в то же время, что и головные украшения из валиков, и также изображающиеся на шее и груди каменных статуй.

В мужских погребениях украшений почти нет. Исключение составляют бронзовые бубенчики, небольшие бляшки и костяные пластинки на сапогах.

Бесспорную дату, во всяком случае самую раннюю, дают ряду комплексов находки монет. В Поросье было обнаружено погребение с византийской золотой монетой XII в., в Молдавии — 4 погребения с татарскими монетами конца XIII—XIV в.

краны или метисированные европеоиды, однако встречаются среди них и чистые монголоиды. Наличие монголоидов в третьей группе объясняется, вероятно, тем, что в огузский союз влились многие племена, в числе которых могли быть и чисто монголоидные. Обряд их погребения или мало разнился от печенежского или был заимствован у печенегов в результате тесного общения. Погребения у Белой Вежи датируются X—XII вв., т. е. оставлены были населением, обитавшим у этого города в его русский период (с 965 по 1117 г.). По-видимому, это были кочевники — вассалы русского города, подобные черным клобукам

в Поросье. О связях беловежцев с кочевниками свидетельствуют три женские погребения с кочевническим обрядом захоронения на христианском беловежском кладбище. Вероятно, захоронения эти принадлежали женам кочевников, происходившим из семей христиан-беловежцев.

Среди поросских погребений третьей группы выделяются погребения с захоронением вместе с человеком целого остова коня. Это наиболее богатые погребения в группе. Следовательно, разницу в обряде (целый остов или части коня) можно объяснить и имущественным неравенством. Однако в группе есть немало богатых погребений с захоронением частей коня, а потому погребение в могиле целого остова объясняется, по-видимому, не только имущественным положением покойника, но и своеобразием погребального обряда.

Вполне вероятно, что погребения с целым остовом коня (они составляют 17.5%) принадлежали не торкам и печенегам, а какому-то другому племени, игравшему немалую роль в черноклобуцком союзе и близкому к половцам, в могилах которых часто встречаются погребения целого остова коня. Возможно, что это погребения берендеев, род которых входил в состав кипчакского (половецкого) племенного союза (по Гардизи).

Кочевники-вассалы жили не только у южных городов, но и во Владимиро-Суздальской Руси, что подтверждается известными топонимическими данными,[1] а также раскопанным близ Юрьева кочевническим погребением. Многие подробности погребального обряда в нем, в частности ориентировка, остаются неизвестными из-за небрежности исследовавшего его А. С. Уварова. Тем не менее простое устройство могильной ямы, захоронение частей коня слева от покойника и датировка погребения XI—XII вв. говорят как будто о принадлежности его к третьей, печенего-торческой, смешанной группе.

Помимо сконцентрированных в Поросье и у Белой Вежи печенего-торческих погребений, оставленных вассалами русских князей, в южнорусских степях известно немало погребений этой группы, расположенных далеко от русских владений. Это погребения в Причерноморье, в Молдавии, на Северском Донце (рис. 5, *б*). Интересно, что погребения на Северском Донце расположены в районе близком к рекам, в названиях которых сохранилось имя торков (Тор, Сухой Торец и др.). Здесь стояли, по-видимому, зимовища какой-то части торческо-печенежского союза.

Торческо-печенежские погребения в глубине южнорусских степей могли быть оставлены в три хронологически и исторически различных периода:

1. Во времена продвижения племен огузо-печенежского союза по степям в первой половине XI в.

2. В половецкое время, когда отдельные орды торко-печенегов, подчиненные половцам, кочевали по степям. Об одной из таких орд сообщает русский летописец под 1103 г.: Владимир Мономах, возвращаясь из похода на половцев, встретил и захватил в степи «печенегов и торков с вежи» и увел их на Русь (т. е. поселил, вероятно, в Поросье и у Переяславля).

3. В татарское время, после разгрома Руси и половцев татаро-монголами. Небольшая группа поздних молдавских погребений свидетельствует о том, что торко-печенеги, или черные клобуки, бежавшие из Поросья, кочевали на отдаленных от золотоордынских центров землях. Однако и они были втянуты, судя по находкам монет, в экономическую жизнь татаро-монгольского государства.

4

В четвертую группу погребений включено 72 комплекса[1] (рис. 12, 13а—13в).

---

[1] Дер. Торчино, селение Торки, слобода Берендеевка, болото Берендеево и др. (см.: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 344).

[1] Винницкая обл.: Ольгопольский р-н: хут. Каменка (кург. 428—435, 437—441, 443). Киевская обл.: с. Зеленки (кург. 291, 292, 294, 303, 304, 304/2, 361, 364, 366, 367), с. Кагарлык (кург. 235/1), с. Березовка (кург. 380/1), с. Пешки (кург. 323), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг.; Гос. Эрмитаж, колл. №№ 898, 914, 915, 917, 924, 942, 949; Васильковский р-н (кург. 1), см.: Тр. III АС, т. II, Киев, 1878, стр. 24. Днепропетровская обл.: дер. Вороная (кург. 7, 13), см.: ИАК, вып. 43, 1911, стр. 77—79; дер. Ново-Григорьевка (кург. б/№), см.: ОАК за 1882—1888 гг., стр. XI; дер. Афанасьевка (кург. 7, 4), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 122—124. Запорожская обл.: г. Ногайск (кург. 255), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 193;

Они характеризуются следующими чертами:

1. Наличие каменных обкладок или просто камней, перемешанных с землей, в курганной насыпи.

2. Сооружение для коня отдельной могильной ямы.

3. Наличие перекрытий над могилой человека.

4. Сложное устройство гробов, изготовлявшихся из отдельных поперечных дощечек.[1]

5. Положение покойника: вытянутое на спине, с уложенными вдоль тела руками.

6. Ориентировка погребенного головой на восток или на запад (с годовыми отклонениями).

Для могил четвертой группы, как и для предыдущей, не характерен какой-либо определенный вид захоронения коня. В них встречаются как целые остовы, так и части коней. В ряде погребений останков коня нет совершенно. Причем интересно, что они отсутствуют не только в бедных погребениях, но иногда и в богатых вещами комплексах. Это говорит, по-видимому, об изменении погребального обряда. Коней по-прежнему убивали на тризне умершего хозяина, но трупы их не клали в могилу, а помещали на поверхности курганов. О растягивании шкуры коня над могилой умершего кумана-половца рассказывал в XIII в. В. Рубрук.[1] Обычай этот сохранялся у среднеазиатских кочевников вплоть до XIX в., они оставляли на могиле умершего родича голову, ноги и шкуру его любимой лошади. В бедных погребениях четвертой группы нередко попадались кости крупного рогатого скота (коровы, быка), заменяющие, по-видимому, лошадиные.

Перечисленные выше признаки встречаются отнюдь не в каждом погребении четвертой группы. Однако то обстоятельство, что три из этих признаков (первый, второй и четвертый) и восточная ориентировка характерны только для четвертой группы, позволяет относить погребения хотя бы с одним из указанных признаков к данной группе.

Как уже говорилось, погребения четвертой группы делятся по количеству положенных в них предметов на богатые и бедные. В 30% комплексов материал беден и невыразителен, в 10% — вещей нет совершенно и только половина погребений дает материал, по которому можно судить о вещевом комплексе группы в целом. К сожалению, часть его хранилась в южных музеях (Днепропетровском, Харьковском, Киевском и др.), коллекции которых были уничтожены или разграблены во время Великой Отечественной войны.

Сбруя, оружие, бытовые предметы и даже украшения почти полностью аналогичны вещам из комплексов третьей группы (рис. 14, 15,16). Совпадают не только формы вещей, но и их подбор в каждом отдельном погребении. Поэтому подробно останавливаться на описании и датировках вещей четвертой группы нет необходимости. Укажу только на те различия, которые прослеживаются между материалом обеих групп. В основном различия эти хронологические. В древностях четвертой группы чаще встречаются вещи XIII и даже XIV в. Таковы массивные стремена с широкой, плоской подножкой (рис. 14, *1*; 15, *2*), сильно искривленные, тонкие сабли с изогнутым железным эфе-

---

дер. Белозерка (кург. 31), см.: Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 730; дер. Белозерка (кург. 31, 39), см.: Тр. VIII АС, т. III, М., 1897, стр. 148. Ростовская обл.: дер. Ново-Николаевка (кург. 2, 5, 8, 10), см.: ЗРОИДП, т. II, 1914; хут. Попов (кург. 19/15), см.: Гос. Эрмитаж, колл. Волго-Донской экспедиции; ст. Елисаветовская (кург. 7), см.: ИАК, вып. 56, 1914, стр. 233; ст. Казанская (кург. 25, 27), см.: ОАК за 1901 г., стр. 79; ст. Грушевская (кург. б/№), см.: колл. НИКМ, № 2788—2793. Краснодарский край: Анапа (кург. 2, 3, 4/1, 5), см.: ОАК за 1894 г., стр. 130—139; ст. Раевская (кург. б/№), см.: ОАК за 1894 г., стр. 172; ст. Курчинская (кург. 4), см.: ОАК за 1880 г., стр. VI—VII. Каменская обл.: ст. Усть-Белокалитвенская (кург. б/№), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 171; ст. Нижне-Кувдрюченская (кург. 2), см.: там же, стр. 170. Ворошиловградская обл.: с. Лучки (кург. б/№), с. Нижняя Дуванка (кург. б/№), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 133, 137. Харьковская обл.: хут. Пески (кург. 17, 22, 23), хут. Каменка (кург. 1, 7, 12/2, 15, 17, 19, 20), ст. Ясноватая (кург. 7/2, 8), ст. Переездная (кург. 1/5), хут. Марченки (кург. 27/2), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 286, 291, 298, 299, 302, 303, 306, 331, 332, 336, 337, 342, 343, 346. Воронежская обл.: хут. Гаевка (кург. б/№), см.: ИАК, вып. 19, 1906, стр. 153, 154; Гос. Эрмитаж, колл. № 612.

[1] Некоторые крайне южные погребения (в Прикубанье) выделяются из остальной массы наличием в них каменных гробов. Вероятно, эта особенность появилась под влиянием местных племен, для которых каменные гробницы были характерны вплоть до XVI в.

[1] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод Маленна. СПб., 1911, стр. 80.

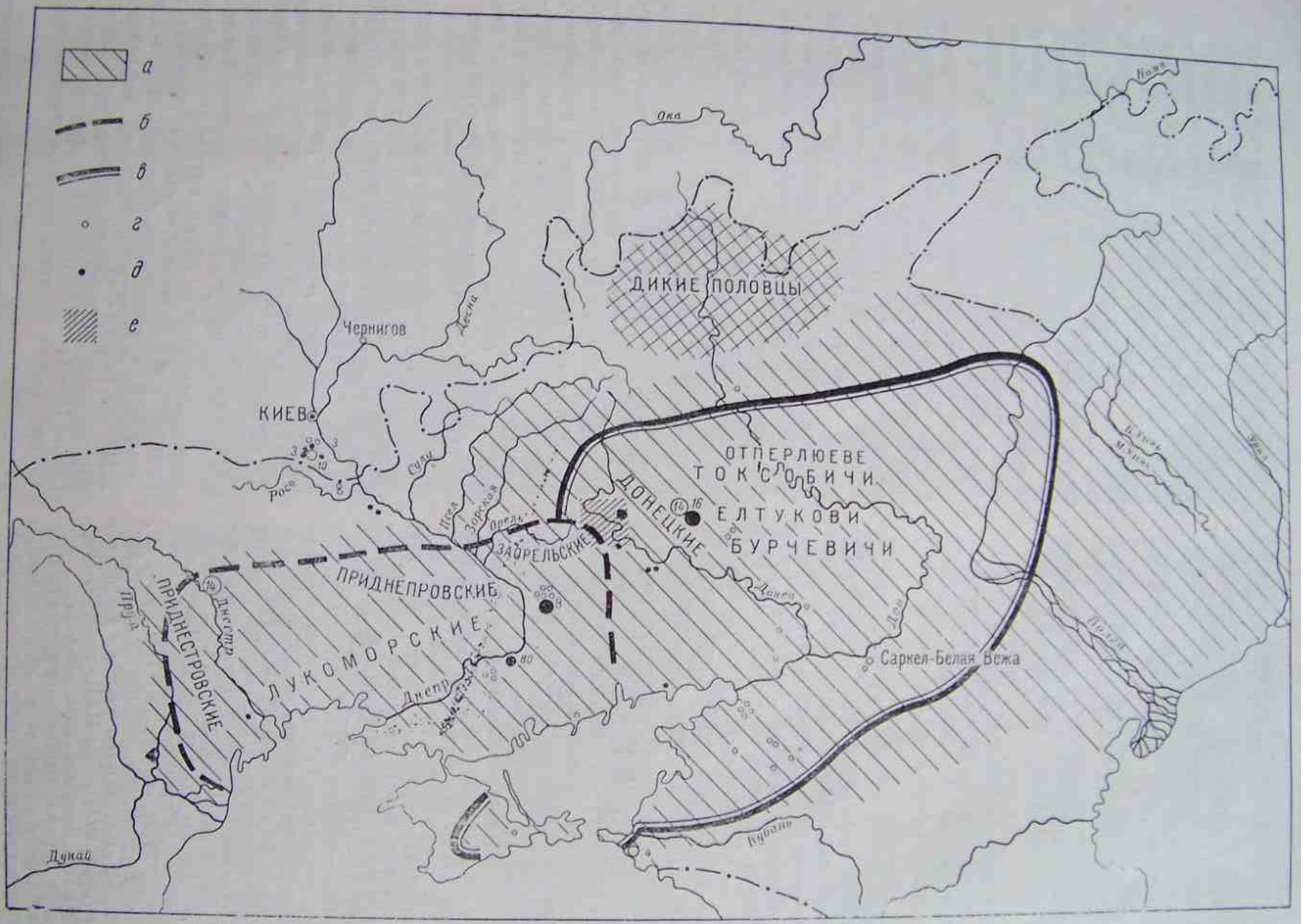


Рис. 12. Карта кочевий половцев в XI—XIII вв. (по письменным источникам и археологическим данным).

а — половецкие кочевья (по летописи); *б* — границы Белой Кумании (по Идриси—Рыбакову); *в* — границы Черной Кумании (по Идриси—Рыбакову); *г* — половецкие погребения (цифра у кружка обозначает количество погребений); *д* — погребения смешанного типа (цифра у кружка обозначает количество погребений); *е* — возможный район половецких городков Шаруканя, Балина, Сугрова.

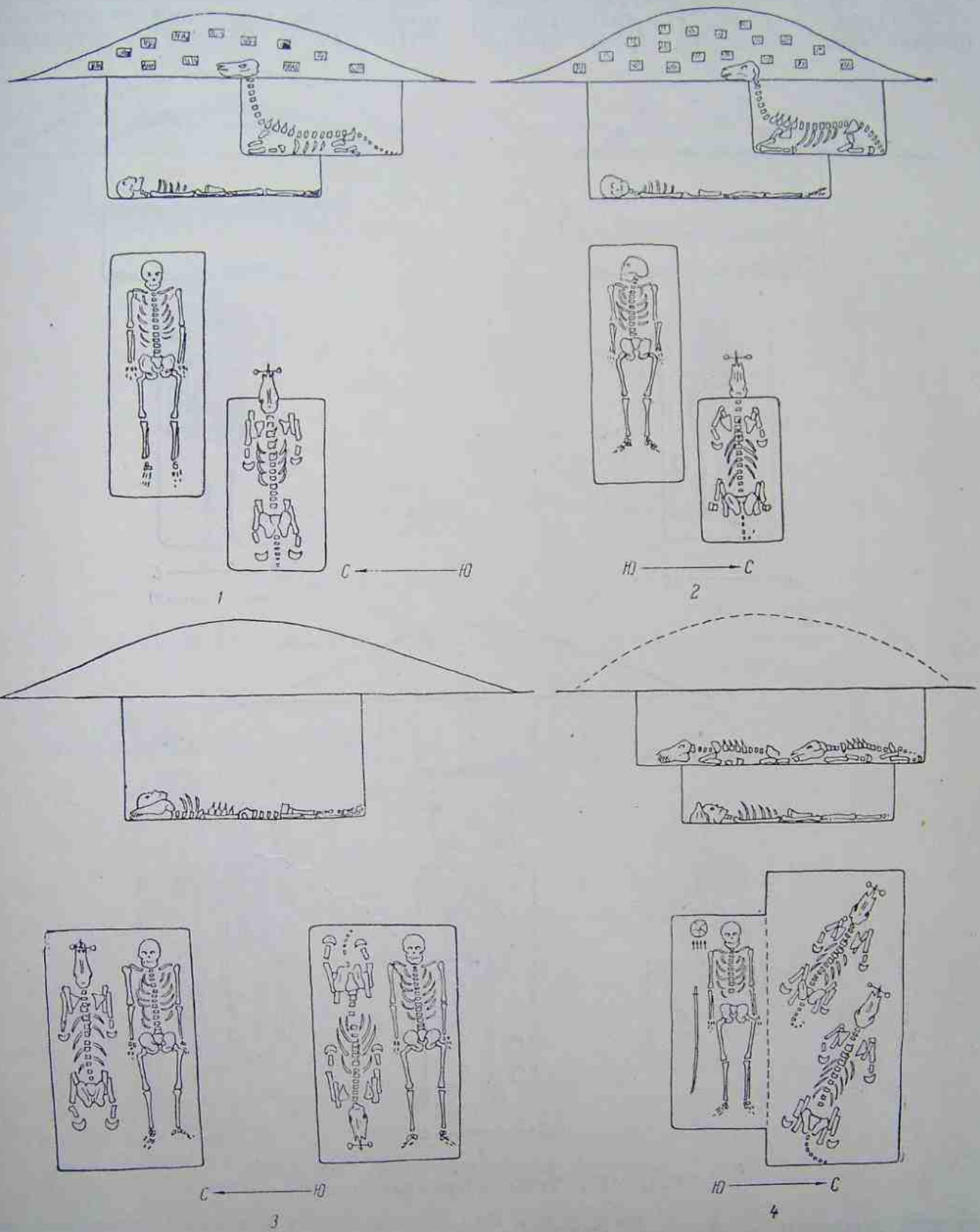


Рис. 13а. Типы погребений половцев.

сом (рис. 14, *1*), большие фигурные наконечники стрел (рис. 16, *7*), прямоугольные кресала (рис. 15, *3*; 16, *1*, *4*), зеркала, имеющие аналогии в Булгаре (XIV в.), и, наконец, костяные пластинки, украшенные пышным звериным и геометрическим орнаментом (рис. 17). Костяные пластинки появились у кочевников, по-видимому, в начале XIII в., особенный же расцвет их производства падает на вторую половину XIII—XIV в. Предметом, встречающимся, как и костяные пластинки, только в четвертой группе, являются серьги в виде знака вопроса с нанизкой-бусинкой на конце (рис. 16, *2*, *3*). Датируются они временем не раньше начала XIII в.

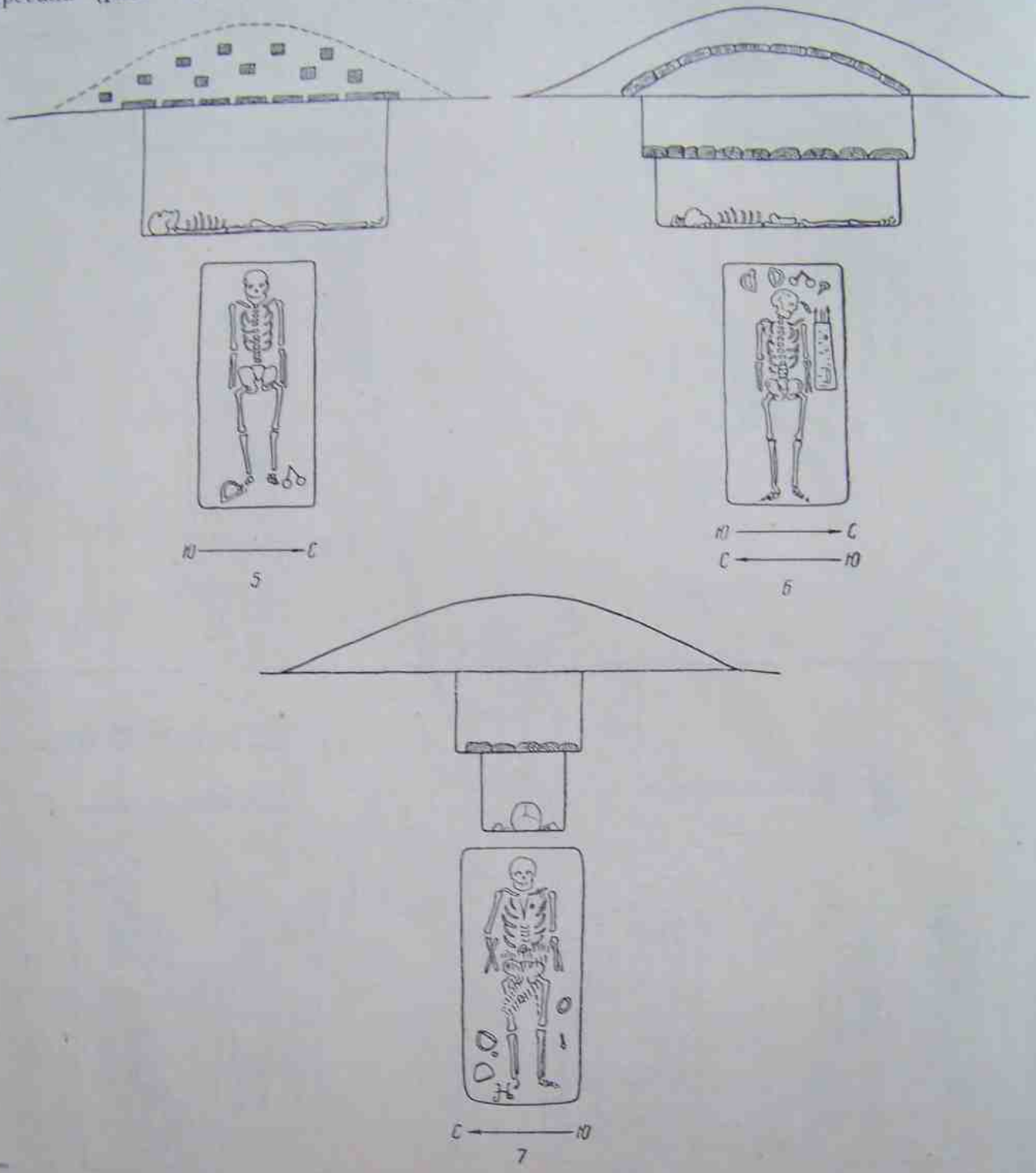


Рис. 13б. Типы погребений половцев.

В заключение следует отметить, что в погребениях четвертой группы значительно чаще, чем в третьей, находят зеркала, а также керамику, причем большей частью грубую лепную. Лепные сосуды известны нам в основном по изданиям, в которых указывается, что они имеют форму стаканов с нарезками по венчику и грубыми толстыми стенками. Другой формой лепной кочевнической керамики этого времени (XII—XIII вв.) являются горшки. Один из них найден был в кургане Поросья. Это шаровидный сосуд с выделенным поддоном и нарезным орнаментом-зигзагом по плечикам (рис. 14, *10*). Стаканы и горшки описанных типов аналогичны лепным со-

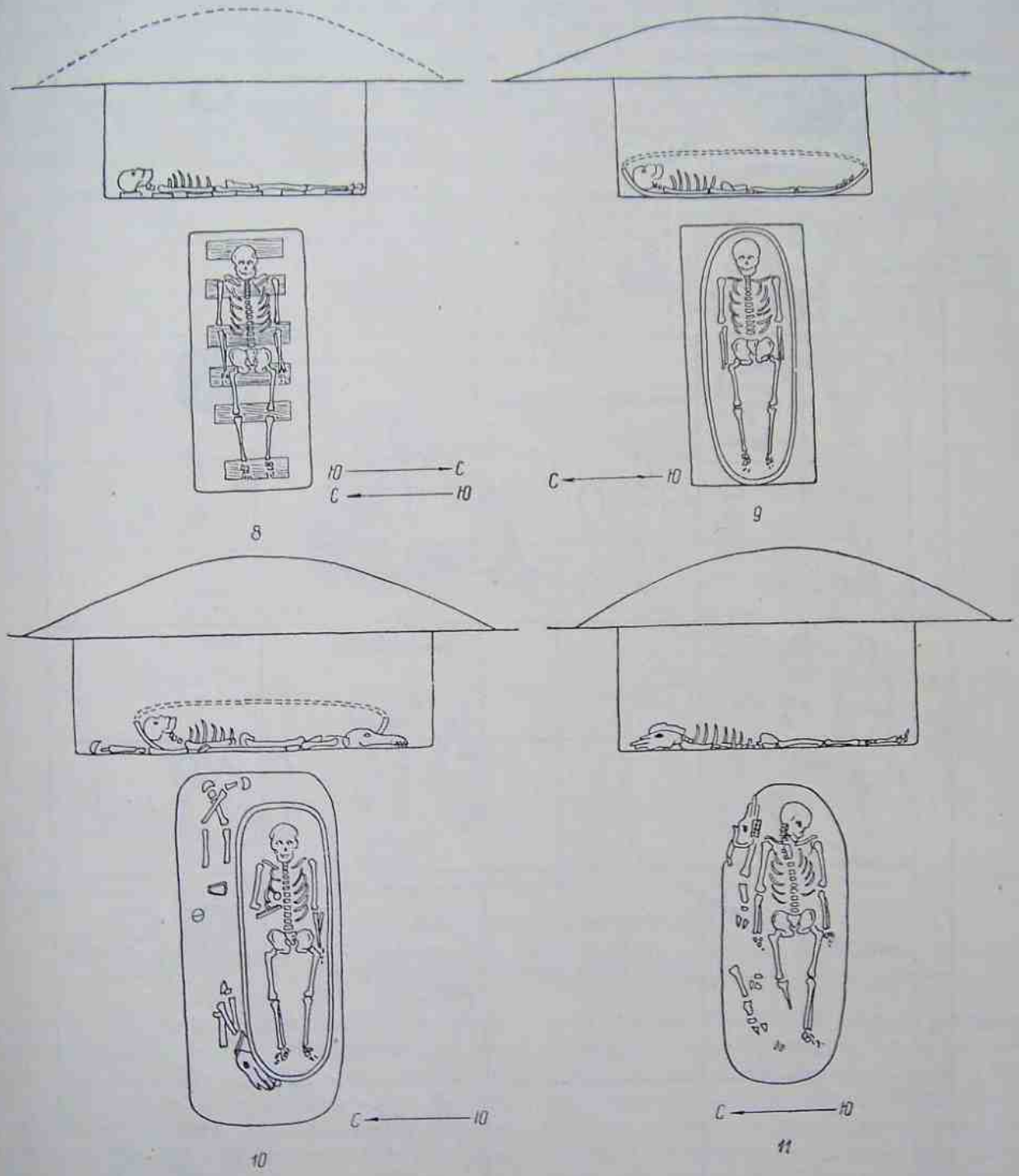


Рис. 13в. Типы погребений половцев.

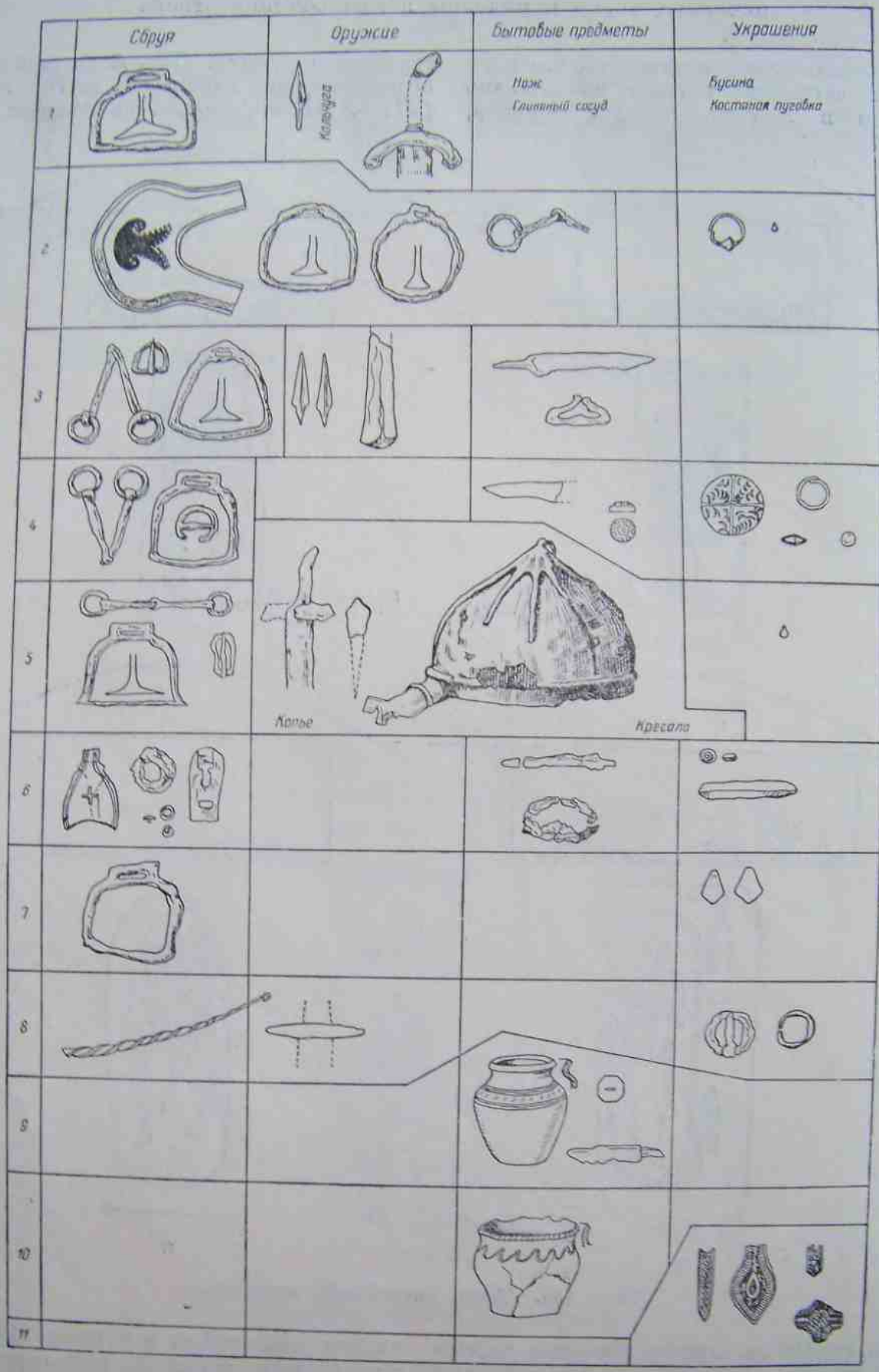


Рис. 14. Половецкие древности XI—XII вв.

1 — Краснодарский край, ст. Раевская, кург. б/№; *2* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 303; *3* — Винницкая обл., хут. Каменка, кург. 433; *4* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 304; *5* — Киевская обл., с. Пешки, кург. 323; *6* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 19/15; *7* — Харьковская обл., хут. Каменка, кург. 122; *8* — там же, кург. 20; *9* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 291; *10* — Киевская обл., с. Березовка, кург. 380/1; *11* — Воронежская обл., дер. Гаевка, кург. б/№.

судам, найденным в слоях XI—XII вв. в Белой Веже. Цилиндрические сосуды с пухлым венчиком изображались обычно в руках каменных статуй (каменных баб). Во всем остальном сходство вещевых комплексов обеих групп настолько велико, что различить их бывает невозможно.

Большинство вещей, встреченных в кочевнических комплексах, не было принадлежностью какого-то определенного народа, а употреблялось всеми кочевниками, являясь порождением эпохи на огромной территории степей от Урала до Дуная, своеобразной «модой», изменяющейся только с течением времени. Особенно ярким проявлением этой «моды» были серебряные полукольца на валиках головных уборов, синие подвески, серьги с коническими низками, сферические шлемы (кожаные и железные) на железном каркасе.

Основная масса погребений четвертой группы датируется концом XI—XIII в. Ранних погребений — X—первой половины XI в.— нет совершенно. В то же время поздних комплексов — конца XIII—XIV в. — в четвертой группе значительно больше, чем в третьей, черноклобуцкой.

Пол погребенных определялся по инвентарю, обнаруженному в могилах. Количество мужских захоронений лишь немного превышает количество женских. Антропологическое определение костяков не производилось.

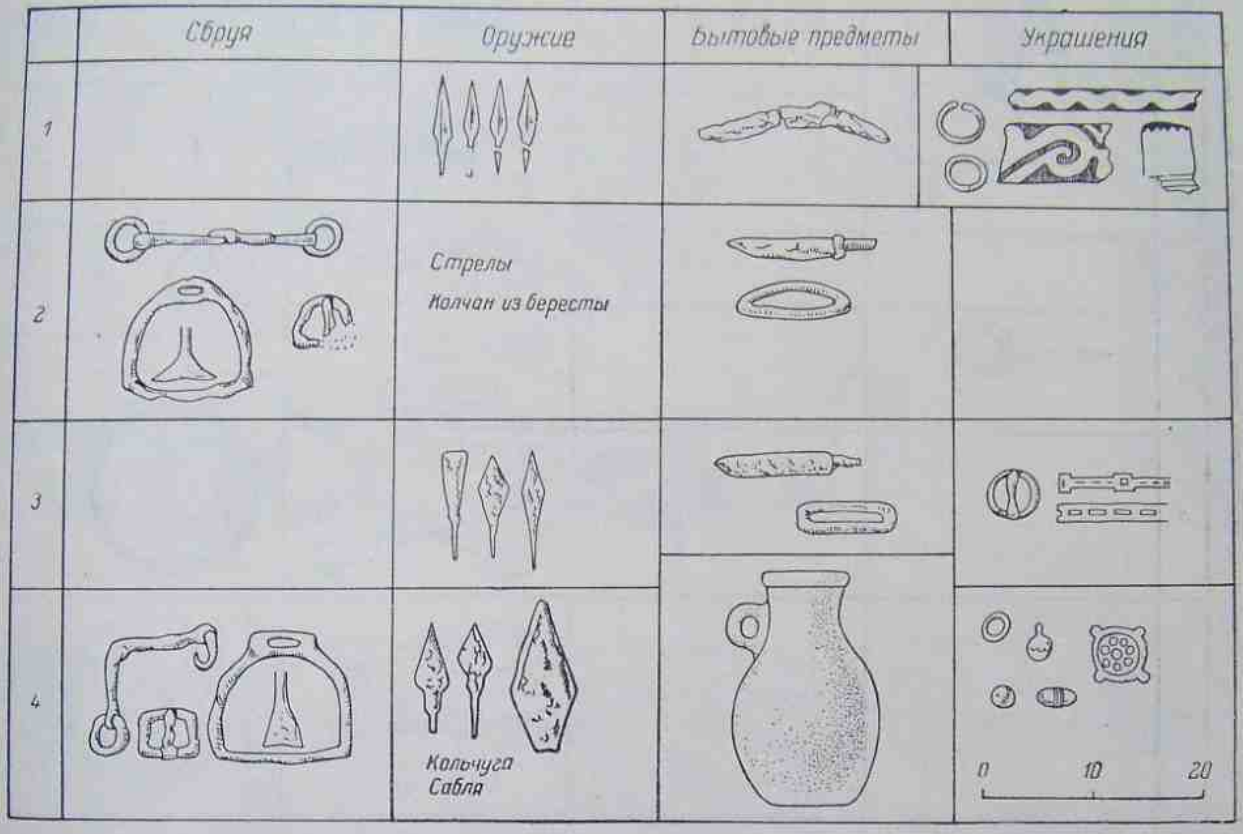


Рис. 15. Половецкие древности XII в.

1 — Крым, с. Мысхако, кург. 1; *2* — Винницкая обл., хут. Каменка, кург. 443; *3* — там же, кург. 441; *4* — Краснодарский край, Анапа, кург. 5.

Курганы четвертой группы распределены в южнорусских степях, как и печенежские и огузо-печенежские, на огромных пространствах от Днестра до Волги (рис. 12,*а*). В XII—XIV вв. эту территорию, по письменным источникам, занимали кипчаки—половцы, следовательно погребения четвертой группы могли быть оставлены только ими (рис. 12, *г*).

До нас дошло описание половецкого погребального обряда, сделанное в XIII в. В. Рубруком. Описание его настолько обще, что является скорее характеристикой языческого, шаманистского, а не конкретного половецкого погребального обычая. В опи-

сании интересен только один факт, а именно: «Команы (т. е. половцы,— *С. П.*). . . воздвигают ему (умершему,— *С. П.*) статую, обращенную лицом к востоку и державшую у себя в руках перед пупком чашу».[1] В южнорусских степях известно огромное количество этих статуй. Детали их костюма до мелочей совпадают с могильным инвентарем третьей и четвертой групп и, следовательно, позволяют датировать статуи примерно XII—XIII вв.

Поскольку торки также ставили в могилу и над могилами статуи, можно предположить, что эти статуи или хотя бы часть их принадлежали кочевникам, входившим в торческо-печенежский союз. Однако известно, что у торков статуи изображали слуг, а потому изготовлялись крайне небрежно (в Сибири, например, вместо балбалов, изображавших слуг, нередко стави-

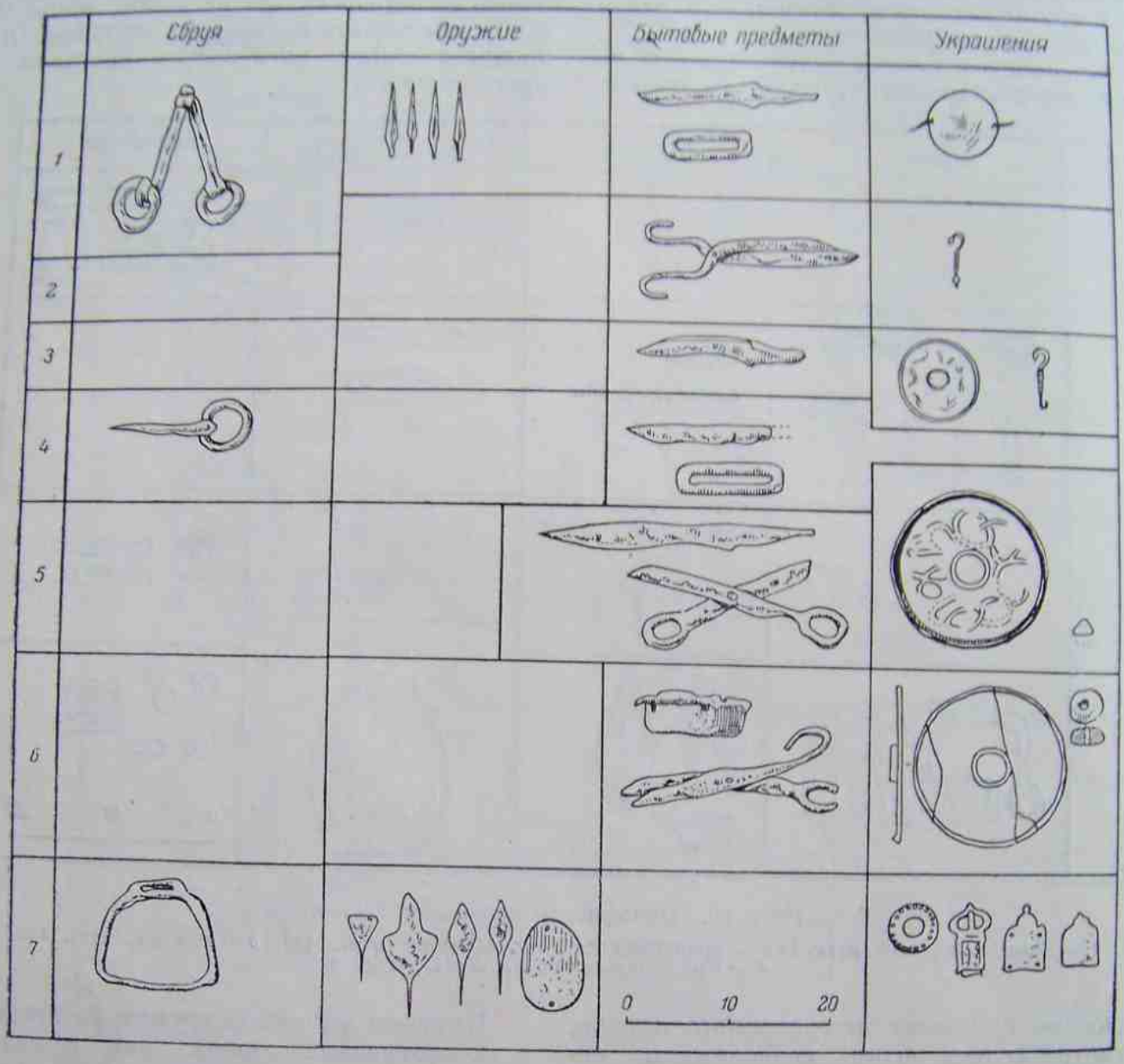


Рис. 16. Половецкие древности XII—XIII вв.

1 — Винницкая обл., хут. Каменка, кург. 434; *2* — там же, кург. 431; *3* — там же, кург. 439; *4* — там же, кург. 430; *5* — там же, кург. 437; *6* — там же, кург. 432; *7* — Днепропетровская обл., дер. Воронан, кург. 7.

[1] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 80.

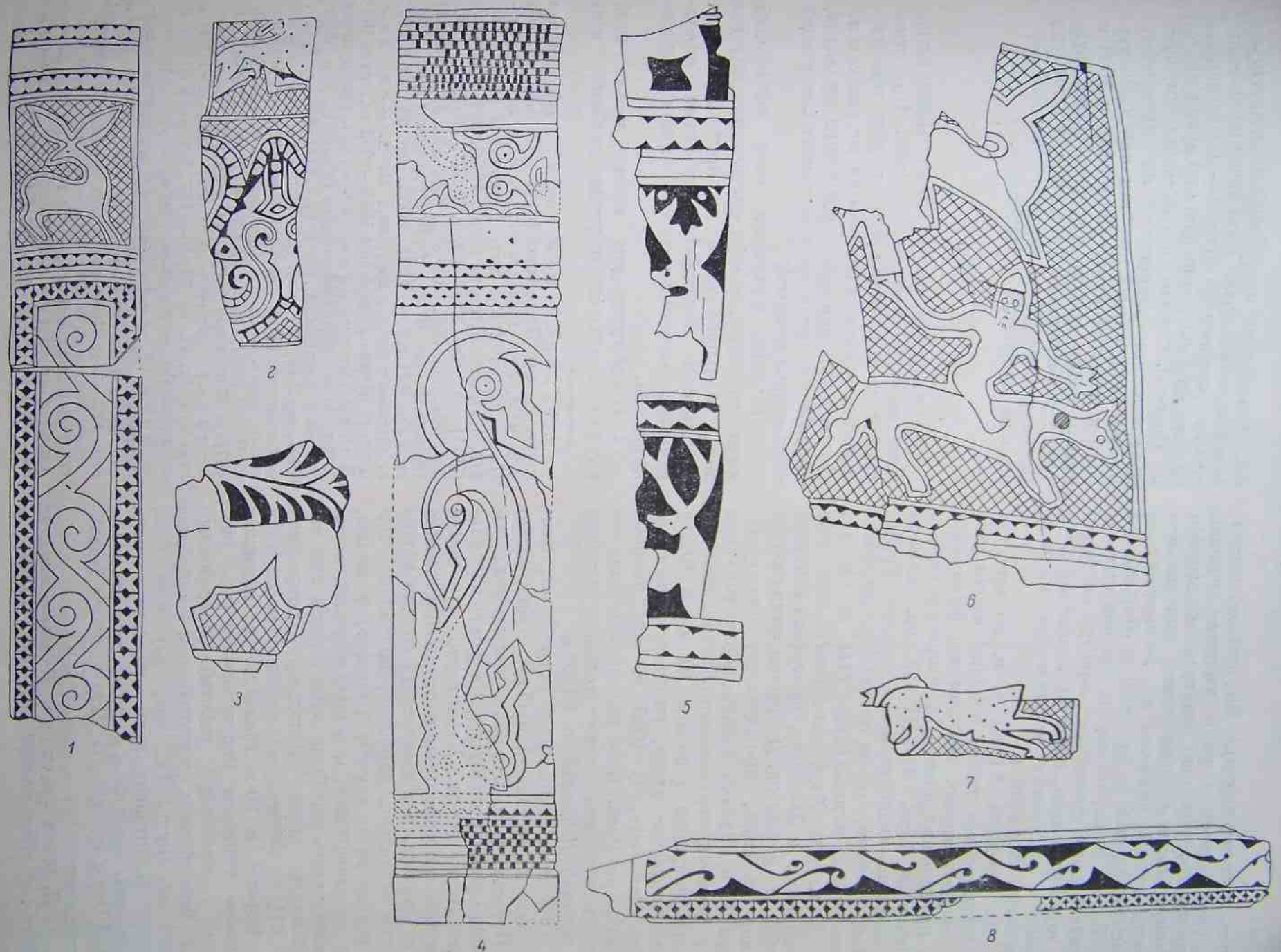


Рис. 17. Костяные, богато орнаментированные накладки на колчаны и седла. НИКМ.

лись простые камни).[1] Половецкие статуи, воздвигавшиеся в честь умерших воинов, естественно, ваялись тщательнее. Другим доказательством половецкой принадлежности статуй является их географическое распространение — их нет в Поросье и у Белой Вежи, в местах наибольшего и безусловного скопления черных клобуков и торко-печенегов, в местах скоплений курганов и курганных могильников, принадлежащих последним.

До середины XI в., т. е. до прихода в южнорусские степи, половцы имели уже большую историю, так как это было одно из крупнейших племен, а позднее и союзов племен в Азии. В VIII—IX вв. кимаки и кипчаки—половцы жили еще за Уральским хребтом, о чем писал Гардизи, пользовавшийся источниками VIII и IX вв. В X в. (по Худуд-ал-Алему) они уже проникали в Заволжье, несколько севернее гузов и печенегов. Движение кипчаков на запад началось, по-видимому, около начала X в. Однако только после того как гузо-печенежские северные объединенные отряды двинулись в начале XI в. за Волгу в южнорусские степи, кипчаки смогли занять Заволжье. В 1055 г. они впервые напали на Русь. Этот год явился началом так называемого южнорусского периода в истории половецкого народа.

19% всех половецких погребений, описанных в настоящей работе, обнаружено в Поросье, т. е. в районе враждебных половцам черных клобуков, на земле вассального Киеву союза. Характерно, что почти все они сосредоточены в одном могильнике у с. Зеленки. Эта компактная группа погребений оставлена, вероятно, половцами, поступившими на службу к киевскому князю, но не влившимися в черноклобуцкий союз. Скорее всего эта была одна из орд так называемых диких половцев, потерявшая в XII в. кочевья в степях и поселенная в Поросье в 90-х годах XII в. киевским князем Рюриком Ростиславичем (см. раздел V настоящей работы). Погребенный на беловежском христианском кладбище половец (кург. 19, погр. 15) тоже был, вероятно, оторвавшимся от своего рода «изгоем», вошедшим в состав живших у Белой Вежи кочевников. Что касается отдельных половецких погребений на территории Поросья, то это могли быть жены половчанки или же половецкие воины — родственники черных клобуков, погибшие во время набега на Поросье. Случаи захоронения умерших родственников, входивших во враждебное племя, вполне вероятны, так как даже русский князь-христианин Святополк в 1096 г. считал своим долгом отыскать после битвы труп тестя-язычника Тугоркана, убитого под Переяславлем, и похоронить его на княжеском кладбище в Берестове.

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952.

5

В последнюю, пятую группу могил включено мной 40 комплексов (рис. 18), отличающихся от остальных групп ориентировкой покойника головой на юг или север.[1] Кроме этого первого и основного признака, погребения пятой группы имеют следующие характерные черты:

1. Больше половины всех погребений являются впускными в насыпи предыдущих эпох. Меньшая часть их произведена под небольшими земляными насыпями, аналогичными печенежским и черноклобуцким курганам.

2. Преобладающим типом могил этой группы являются простые глубокие ямы

[1] Харьковская обл.: хут. Ступка (кург. 1), дер. Переездная (кург. 3/2, 3/3, 3/4, 4/1, 4/2, 4/3), хут. Каменка (кург. 3, 8/2, 8/3), хут. Пески (кург. 21/3), хут. Родионовка (кург. 2/1, 2/2, 4/1), дер. Щеглова (кург. 12/2), хут. Марченко (28/1), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 289, 294, 304, 305, 309, 310, 312, 333, 340, 348; слобода Ямполь (кург. б/№), с. Рай-городок (кург. 2/1), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 247, 261, 262; г. Славянск (кург. 253), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 106. Днепропетровская обл.: дер. Григорьевка (кург. 1—6), дер. Рыбальская (кург. 1), дер. Афанасьевка (кург. 2, 3), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 146, 147, 135, 121. Киевская обл.: с. Кагарлык (кург. 235/2), с. Кагарлык—с. Краснополка (кург. 277), с. Краснополка (кург. 224/2), с. Поток (кург. 416), с. Бурты (кург. 289/2, 339, 447), с. Карапыши (кург. 391), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 5, 6, 42, 47, 76, 79, 106, 137. Черкасская обл.: с. Смела у р. Серебрянки (кург. 14), см.: А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I, стр. 40; с. Берестняги (кург. 53), см.: там же, т. III, стр. 122—124; Киевский истор. музей, № 4556/2. Одесская обл.: с. Павловка (кург. 2/3), см.: ОАК за 1891 г., стр. 162—163; ГИМ, № 15/4. Сталинская обл.: г. Жданов (кург. Чермалык), см.: ОАК за 1902 г., стр. 59; ГИМ, № 144/64.

с камышовыми подстилками, кусками мела и извести или с углями. Только в некоторых погребениях прослежены деревянные, часто обгорелые накаты и земляные подсыпки над

ником положен был целый остов или голова и ноги коня.

Вещевой материал погребений пятой группы беден и известен нам почти исклю-

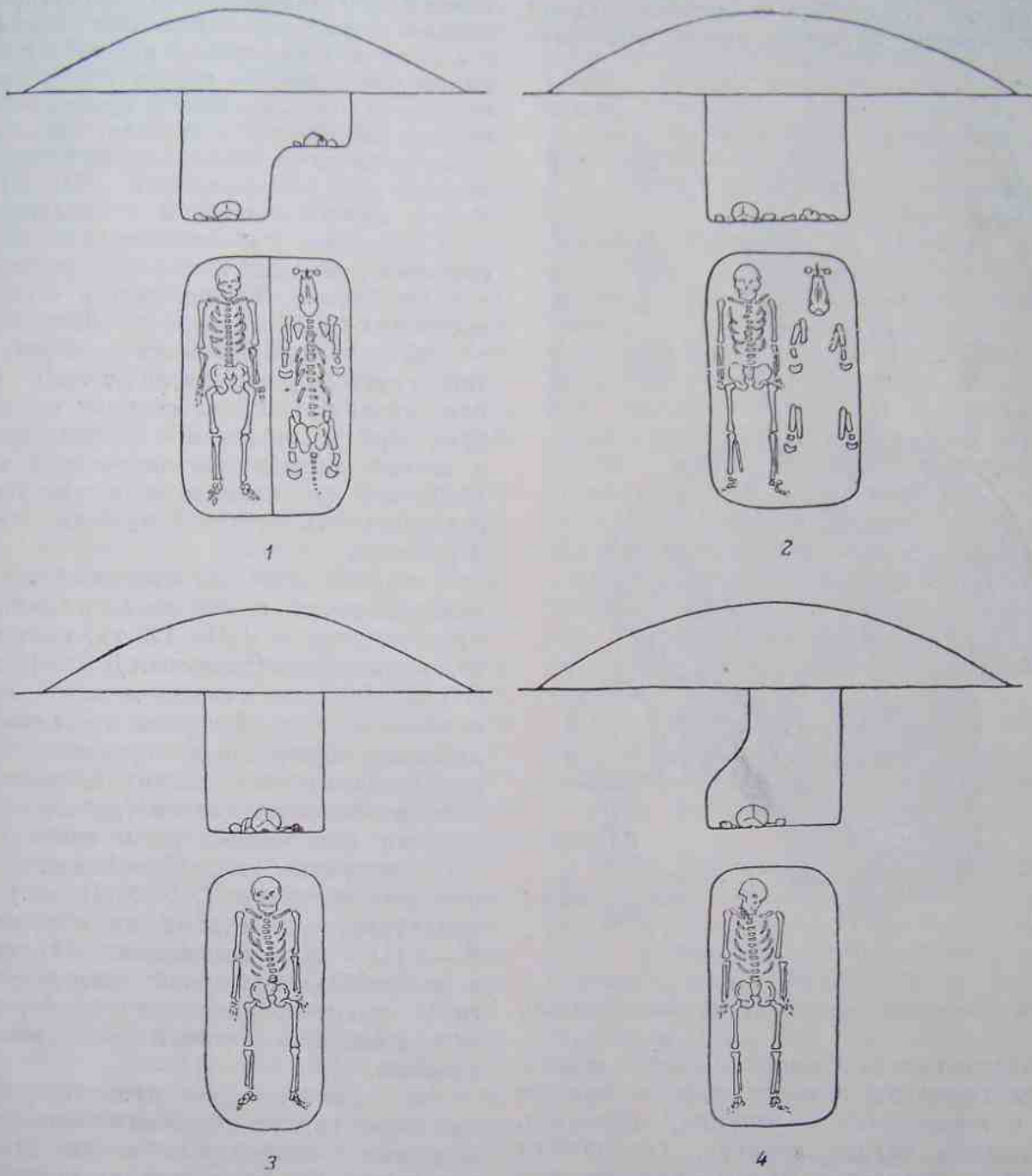


Рис. 18. Погребения смешанного типа (ориентировка по оси север—юг).

покойником, приступки слева от него, подбои.

3. Подавляющее большинство погребений произведено без одновременного захоронения останков коня. Только в 9 наиболее богатых погребениях рядом с покой-

чительно по отчетам авторов раскопок. Особенно характерно в могилах пятой группы присутствие керамической и медной посуды — кувшинов, горшков, чашечек и даже котлов (посуда встречена в 70% погребений). Формы сосудов неизвестны, так как

ни один из них не дошел до нас, а издававшие материал исследователи не останавливались на описаниях обнаруженной в погребениях керамики.

Нередко попадались в могилах пятой группы кости баранов, коров, лошадей,

Рис. 19. Инвентарь погребения № 53 (Поросье).

причем чаще всего лопатки. Лопатка животного у тюркских народов играла важную роль в шаманистском ритуале;[1] вероятно, и в данном случае лопатка, положенная в могилу, играла скорее роль амулета, чем запаса пищи. В качестве запаса пищи клались в могилу другие части туши — ноги, ребра.

Конская сбруя, оружие, украшения встречаются только в 16 погребениях; шесть из них — с погребением останков коня. Наибольшее количество вещей (оборонительного и наступательного оружия) дало поросское погребение у с. Берестняги (кург. 53). В нем обнаружены замечательные оборонительные доспехи воина: кольчуга, шлем-шишак и забрало — железная маска, выкованная с соблюдением сходства с покойником (вероятно, по слепку лица; рис. 19). Остальное оружие пятой группы — сабли, стрелы, колчаны, копья-пики и наколенники — ничем не выделяется из общей массы кочевнических древностей XI—XII вв. То же можно сказать и о конской сбруе.

Украшения ограничиваются серебряными серьгами-кольцами и мелкими стеклянными синими бусами. Кроме них, в четырех погребениях были обнаружены обломки зеркал.

Расовая принадлежность костяков пятой группы установлена только в двух погребениях. В обоих случаях это европеоиды, причем в одном — долихокран. Пол и возраст покойников определены в 17 погребениях (по инвентарю и указаниям исследователей), из них 8 мужчин, 7 женщин, 2 ребенка.

Географически погребения пятой группы располагаются в основном в районе распространения в VIII—IX вв. салтово-маяцкой культуры на Северском Донце (рис. 12, *д*). С погребениями салтово-маяцкой культуры захоронения пятой группы связываются следующими признаками: ориентировкой, наличием камышовых подстилок, извести, углей и керамики в могилах и (редко) небольших подбоев для покойника в стенках могил.

О датировке погребений пятой группы поздним временем (XI—XIII вв.) говорит инвентарь, а о связях их с кочевниками X—XIII вв. — изменения, происшедшие в погребальном обряде: сооружение курганов, накатов, присыпки и приступок в могилах, захоронения частей коня вместе с человеком.

Все сказанное дает право предполагать, что пятая группа погребений оставлена отюреченным, завоеванным населением донецких степей. То, что в могилах данной группы редко встречаются конская сбруя и оружие, свидетельствует о бедности и даже, может быть, некоторой бесправности этого населения сравнительно с остальными кочевниками. Только самые богатые из них имели право и возможность носить оружие.

Завоеванное население обитало в поселках, расположенных на Северском Донце

[1] В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии. СПб., 1859, стр. 232.

и его притоках. Оно же населяло донецкие городки половцев — Шарукань, Балин, Сугров, упоминающиеся в русской летописи. В 1111 г., когда Владимир Мономах захватил город Шарукань, там, по свидетельству летописца, были христиане, встретившие русского князя как освободителя, а в 1116 г. при захвате другого половецкого городка, Балина, русский князь Всеволод Владимирович вывез оттуда дочь ясского князя, «красну вельми», и женился на ней.

Вероятно, в результате этих походов небольшая часть ясского населения перешла на службу к киевскому князю и влилась в черноклобуцкий союз, о чем свидетельствуют погребения пятой группы, обнаруженные в Поросье. Одно из них, наиболее богатое (рис. 19), принадлежит безусловно князю или предводителю отряда. Другая часть яссов продвинулась под давлением занявших их земли кочевников с Донца в Приднепровские земли (рис. 12, *д*).

К пятой, смешанной группе имеют отношение и погребения из могильника у с. Каменка Запорожской области, раскопанные Э. А. Сымоновичем. Правда, они в значительной степени потеряли характерные для них как свои, местные, так и кочевнические черты (ориентировка у них западная, могилы простые, посуды, остатков ритуальной пищи, курганов над могилами и останков лошадей в погребениях нет). Основным признаком, связывающим покойников из Каменского могильника с местным населением, является антропологическая близость их черепов со зливкинскими черепами, а с кочевническими погребениями их связывает инвентарь (костяные пластинки с пышным растительным узором, зеркала и т. д.). Эти вещи датируют могильник XIII—XIV вв. Вполне возможно, что изменения погребального обряда произошли в связи с принятием этой группой населения христианства. Бескурганные могилы, западная ориентировка и находки крестиков в некоторых из погребений говорят в защиту этого предположения.

В кочевнических древностях Поросья выделяется одно богатейшее курганное погребение, обнаруженное у дер. Королевино под Таганчой (Каневский р-н Киевской обл.). В нем захоронен мужчина, ориентированный головой на запад; вместе с ним положен конь. Инвентарь чрезвычайно богат и разнообразен: стремена, удила, сабля, копье, булава, остатки щита, кольчуга, шлем, медальон с изображением Христа, серебряные накладки, серебряная чаша и т. д.[1] Погребение воина у Таганчи неоднократно вызывало интерес, его считали принадлежащим печенегу (Хойновский), венгру (Хампель), викингу (Арендт), славянину (Нидерле) и, наконец, князю Ярополку Святославичу (Сарновская). Последняя гипотеза основывается на трех положениях: длинноголовость покойника, датировка погребения X в. и сообщение летописца о захоронении Ярополка на Днепре.

Однако датировка погребения ранним временем, X в., вряд ли возможна, поскольку наряду с действительно ранними вещами (образок Христа) в нем встречены вещи, аналогии которым известны в кочевнических комплексах XI—XII в. (удила с большими плоскими кольцами, шлем вытянутой формы с наносником, как в кургане 53). Кроме того, под 1044 г. «Повесть временных лет» сообщает: «. . . выгребоша два князя Ярополка и Ольга, сына Святославле, и крестиша кости ею, и положиша я в церкви святые Богородица»;[2] следовательно, старое языческое захоронение Ярополка Святославича было разрушено еще в середине XI в.

Представитель какого народа похоронен под Таганчой, сказать трудно: в XI—XIII вв. в Поросье мог быть похоронен черноклобуцкий, половецкий и ясский воин или князь.

Вещи при определении этнической принадлежности погребенных не могут играть никакой роли, так как Поросье в XI—XIII вв. было местом, в котором мог появиться человек любой народности и приобрести вещи из всех стран, с какими воевала или торговала Русь. Так, наличие в погребении щита, булавы, чаши, образка Христа, никогда не встречавшихся в погребениях ко-

---

[1] Погребение опубликовано дважды: в 1896 г И. Хойновским, раскопавшим его (Краткие археологические сведения о предках славян на Руси. Киев, 1891), и в 1946 г. В. Сарновской, изучившей его по коллекции, хранившейся до второй мировой войны в Варшавском войсковом музее (W. Sarnowska. Wczesnohistoruczny kurhan z Korolewina nod Tagańcza w pow. Kaniowskim. Swiatowit, t. XX, Warszawa, 1949, стр. 233—297, табл. I—VIII).

[2] Повесть временных лет, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 104.

чевников, а также европеоидность и длинноголовость покойника говорят как будто о христианском и даже русском его происхождении. Тем не менее, очевидно, что в XI—XII вв. русские богатые дружинники не могли хоронить по языческому обряду — с конем и оружием.

Длинноголовый европеоид, т. е., по-видимому, все-таки русский, христианин (судя по образку), принявший кочевническую обрядность, мог быть только бродником, т. е. примкнувшим к кочевникам русским воином. Из бродников в XII—начале XIII в. составлялись целые отряды. Они участвовали в Липецкой (1216 г.) и Калкинской (1223 г.) битвах.

В науке неоднократно высказывалось мнение о том, что бродники — это предки казаков.[1] Казаки часто (об этом говорится в украинских песнях-думках) хоронили воина вместе с его конем. Их предводителями были наиболее выдающиеся воины — кошевые, имевшие знак отличия и власти — булаву. Похороненный в Таганче воин с булавой был, вероятно, кошевым одного из броднических отрядов, положенным с атрибутом его власти — булавой, по бродническому, т. е. казацкому, обычаю с конем и оружием. То, что в Поросье он не был исключением, подтверждается наличием там бедных погребений длинноголовых европеоидов, похороненных по кочевническому обряду (под курганной насыпью, с вещами).[2]

II. ХОЗЯЙСТВО КОЧЕВНИКОВ

1

Для более полного представления о жизни кочевников нужно прежде всего восстановить реальные условия, окружавшие их повседневно. На приложенных к настоящей работе картах (рис. 1, 5, 12) видно, что средневековые памятники, принадлежащие кочевникам, расположены в зоне степей и отчасти лесостепей. Граница леса и степи не могла существенно измениться; пятьсот—тысячу лет назад она проходила по тем же землям, что и сейчас, поскольку распределение почв и растительности по зонам восходит к глубокой древности.[1] Тем не менее картина самой степи изменилась до неузнаваемости. Распашка девственной степи привела к тому, что степь превратилась в желтую, потрескавшуюся и пыльную полупустыню. Только в некоторых местах сохранились типичные уголки девственной степи. Описания их современными учеными почти дословно совпадают с описанием степи, сделанным в 1578 г. Мартином Броневским, польским послом в Крымском ханстве: «. . .почва этих степей чрезвычайно плодоносна и удобна к обработке и населению. По ним растут в изобилии разного рода травы пахучие и чрезвычайно питательные для огромных стад овец и рогатого скота».[3]

Степь не была совершенно безлесной местностью. В. И. Докучаев писал, что «все речные долины наших степей, по крайней мере долины, начало которых находится в лесной полосе России, были одеты смешанной лесной растительностью вплоть до Черного и Азовского морей».[4] Леса стояли сплошными труднопроходимыми чащами, как бы стеной возвышаясь над землей. Русский летописец имел в виду, вероятно, именно такую чащу-стену, употребляя выражение «притиснувше к лесу»,[5] подчеркивающее почти полную непроходимость лесного массива.

Фауна степей была чрезвычайно разнообразной. В XVI в. Мартин Броневский писал, что в степях водились «дикие буйволы, лоси, лошади, олени, однорогие бараны, козлы, вепри и степные медведи».[6] Все эти животные перечисляются в «Половецком

---

[1] В. И. Докучаев. Наши степи прежде и теперь. Избранные труды, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 393.

[1] П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884; А. И. Попов. Кипчаки и Русь.

[2] Киевская обл., с. Зеленки (кург. 300, 318, 392). См.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 22, 23, 33, 52.

[3] Мартин Броневский. Описание Крыма. ЗООИД, т. 6, 1867, стр. 334.

[4] В. И. Докучаев. Наши степи прежде и теперь, стр. 386.

[5] Ипат. лет., стр. 369.

[6] Мартин Броневский. Описание Крыма, стр. 334.

словаре» (XIII в.), который, расширяя список, называет также волков, рысей, куниц, белок и зайцев.[1]

2

В период IX—XIII вв. у степняков было, судя по составу стада, развитое кочевое хозяйство. Стадо в развитом кочевом хозяйстве состоит из лошадей, овец, верблюдов, коз, крупного рогатого скота. Все эти виды скота перечисляются в составе печенежского, гузского и половецкого стада восточными авторами и русской летописью.

В X в. персидский Аноним сообщал, что хазарские печенеги владеют «всяким скотом и баранами»,[2] а Константин Багрянородный утверждал, что руссы покупают у печенегов быков, коней и овец.[3] По свидетельству Ибн-Фадлана (X в.), богатые гузы владели стадами, состоящими из 10 тыс. лошадей и 100 тыс. голов овец. В состав калыма, платившегося гузами, входили, по словам этого автора, «верблюды или лошади или иное подобное».[4] Наконец, русский летописец, перечисляя полоны, захваченные русскими князьями в степях в 1096, 1103, 1111, 1191, 1193 гг.,[5] подробно характеризует состав половецкого стада. В него входили кони, верблюды, овцы и «скоты», т. е. крупный рогатый скот.

Скот содержался на подножном корму круглый год. Летом корма хватало: травы девственной степи «до такой степени переплетаются между собой, что, пройдя с трудом шагов сто, вы должны отказаться от дальнейшего пути через опутывающую вас зелень — писал В. И. Докучаев. С наступлением осени это море растительности постепенно замирает, травы сильно наклоняются и перепутываются, зимой снег окончательно придавливает их к земле торчат только немногие, самые крепкие стебельки».[1] Таким образом, под снегом образовывались как бы залежи сена. Ими питался скот зимой. Об этом писал Ибн-Фадлан: «. . . чаще всего пасутся овцы на снегу, выбивая копытами и разыскивая траву».[2] Плано Карпини в XIII в., отмечая неприспособленность европейских коней к путешествию по южнорусской степи, объяснял это тем, что «они не умели добывать копытами траву под снегом подобно лошадям татар».[3] В очень снежные зимы скот (особенно мелкий) не мог доставать траву из-под снега и погибал массами.

Боясь падежа скота, кочевники на зимнее время, как правило, перебирались в более южные, малоснежные места. Гардизи в главе о кимаках сообщает, что «зимой они уводят лошадей в отдаленную страну».[4] В. Рубрук в середине XIII в. отмечал, что зимой обитатели половецкой степи спускаются в более теплые страны, летом поднимаются на север — в более холодные».[5]

О породах скота, разводимых кочевниками в IX—XIII вв., судить трудно. Поскольку стада паслись круглый год на подножном корму, и скот жил в естественных условиях, он был, во-первых, очень выносливый, а, во-вторых, будучи выведен табунным способом, мелкопороден и в большинстве случаев малопродуктивен. Повышение общей производительности стада происходило за счет увеличения количества скота, а не качества его. Крупный рогатый скот не только разводили для пищи, но и употребляли в качестве тягловой силы. Быки впрягались в телеги наряду с лошадями и верблюдами (об этом писали Рубрук в XIII в. и Броневский в XVI в.). Одним из источников, по которому можно судить о породе верблюдов, разводимых средневековыми кочевниками, является фреска Софийского собора (над дверью в северную башню). На ней изображен двугорбый верблюд. Представление о нем русский художник вынес,

[1] «Половецкий словарь» или «Codex Cumanicus», — памятник XIII в. Он написан итальянцем, жившим в Крыму, в Солхате, и содержит 1560 половецких слов с переводом их на латинский и персидский языки. См.: K u u n. Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880; А. Н. С а м о й л о в и ч. К истории и критике Codex Cumanicus. ДРАН, апрель—июнь, Л., 1924; Д. А. Р а с о в с к и й. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus. SK, t. III, Praga, 1928.

[2] V. F. M i n o r s k y. Hudud-al-Alem. London, 1937, стр. 160.

[3] Константин Б а г р я н о р о д н ы й. Об управлении государством, стр. 5.

[4] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 61, 65, 66.

[5] Ипат. лет., стр. 158, 192, 452, 455.

[1] В. И. Д о к у ч а е в. Наши степи прежде и теперь, стр. 380—381.

[2] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 66.

[3] Плано К а р п и н и. История монголов. Перевод Маленна. СПб., 1911, стр. 5.

[4] В. В. Б а р т о л ь д. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 106, 107.

[5] В. Р у б р у к. Путешествие в восточные страны, стр. 69.

безусловно, из степи, от ближайших соседей, владевших этим животным. Обнаруженные в кочевническом могильнике около Саркела—Белой Вежи останки коня показывают, что в основном это была большеголовая с крепкими массивными конечностями порода, т. е. типичная лошадь кочевников.[1] Другой тип лошади, останки которой найдены в том же могильнике, отличается от первого меньшими размерами головы, узким носом, тонкими и длинными пястными костями (погребение в кургане 37).

В. О. Витт, исследуя остовы коней из Пазырыкских курганов,[2] пишет о двух породах лошадей: первая — грубая, большеголовая, вторая — тоже местная, но возникшая под влиянием других условий, тонконогая, стройная, породистая лошадь, употребляемая только под седло князю. За последними лошадьми был особый уход, их берегли и держали на конюшнях. В. О. Витт замечает по этому поводу, что навес в могиле над остовом коня и подстилка под ним свидетельствуют об особых условиях содержания и кормления коней при жизни.

В ряде южнорусских кочевнических курганов обнаружены были вместе с останками коней остатки крыш над ними и подстилок [3] (рис. 7, *5*, *6*). Наличие этих остатков в погребениях также обозначает, по-видимому, что некоторые лошади были выделены из общей массы и за ними осуществлялся специальный уход. Косвенным подтверждением тщательного ухода за отдельными лошадьми служит наличие в «Половецком словаре» половецких слов: стойло (ayran), скребница (chasrau), попона (eyat yabogi), подкова (naal) и др.[4]

Скотоводство обеспечивало кочевника почти полностью. Оно давало ему одежду, жилище, пищу, средства передвижения по степи. Вот как говорит об этом тюркская легенда о Богач-Джане: «Дай ему бедуинского коня с длинной шеей; пусть он ездит на нем. . .

[1] На этот тип кочевнической лошади неоднократно указывали этнографы. О небольшом росте степной лошади говорит и русская былина: при описании княжеских коней упоминается «маленький полоненный воронко» (Онежские былины, т. II. Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 388).

[2] В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. СА, XVI, 1952, стр. 168—169.

[3] Харьковская обл., Изюмский р-н, хут. Черевков, кург. 1/3; слобода Николаевка, кург. 3/2, 4/3. См.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 228—231, 264.

[4] Codex Cumanicus, стр. 121, 122.

«Дай ему 10 тыс. овец из твоих стад; пусть они служат этому юноше пищей. . .

«Дай ему красных верблюдов из твоих рядов; пусть они служат ему для вьюков».[1]

3

Основой кочевнического хозяйства было скотоводство. Вместе с тем несомненно, что часть кочевников южнорусских степей под влиянием ряда причин переходила к оседлому земледельческому труду. Причинами этого являлись, как полагает А. Ю. Якубовский, феодализация кочевнического общества и связанное с ней обнищание некоторой части кочевников, а также влияние соседних земледельческих народов.[2]

Все это прекрасно подтверждается этнографами. По данным М. А. Леваневского, казахи после суровой зимы 1879/80 г., во время которой они потеряли весь скот, стали прикрепляться к земле: «занялись посевами хлебов и стали оставаться на зимовищах, готовя запасы хлеба и сена на зиму».[3] Недостаток пастбищ у башкир, по наблюдениям А. Калачева и С. И. Руденко, также вызывал переход к земледелию.[4]

Археология дала нам интересный и показательный материал для установления экономического неравенства кочевников XI—XIII вв., т. е. кочевников гузского—торческого, черноклобуцкого и половецкого союзов.

Все погребения третьей и четвертой групп делятся на три типа:

1) богатые — с дорогими вещами, оружием, сбруей и останками лошадей;

2) средние — с небольшим количеством вещей, состоящих преимущественно из конской сбруи и оружия (удила, стрелы, накладки на луки), и с останками лошадей;

3) бедные — почти без вещей и без костей коня.

Иногда вместо захоронения полагающихся по ритуалу останков лошади в могилу по-

[1] В. В. Бартольд. Китаби-Коркуд. ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 186.

[2] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 19.

[3] М. А. Леваневский. Очерки киргизских степей. Журн. «Земледелие», кн. IV, М., 1895.

[4] А. Калачев. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии. ЖС, вып. II, год IX, СПб., 1899; С. И. Руденко. Башкиры, т. II. Л., 1925.

ложены отдельные ее части (одна нога, одно ребро и т. д.) или же кости коровы.

Выделение малоимущих из общей массы кочевников, а также находки в их могилах костей коровы говорят о том, что часть кочевников не имела возможности заниматься только скотоводством и была полуземледельческой или целиком земледельческой, разводя при этом более подуктивный молочный скот.

Кочевники, по многочисленным свидетельствам древних и современных этнографов, выращивали просо, ячмень, пшеницу, дыни, арбузы, лук, чеснок и некоторые другие культуры. Арбузы кочевники-половцы называли своим, оригинальным, именем, отличным от латинского, персидского и русского, а именно «coun».[1] Слово это до настоящего времени сохранилось в украинском языке — «кавун».

4

Особой, причем значительной статьей дохода в кочевническом обществе был грабеж соседних более цивилизованных стран и связанные с ним выкупы и откупы. В. Г. Васильевский приводит чрезвычайно интересную характеристику кочевников, данную Феофилактом Болгарским: «. . . жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны».[2] В основном во время набегов захватывались пленники-рабы. Половцы, по словам русского летописца, «ездяху по оной стороне Днепра люди емлюще».[3] После удачных набегов кочевники обыкновенно продавали пленников. Об этом опять-таки писал летописец: «. . . много крестьян изгублено бысть, а другое полонено бысть и расточено по землям».[4] Впрочем, кочевники не всегда сразу продавали пленников, очень часто они требовали за них выкуп. Так, Анна Комнин рассказывает, что когда «начальники скифов (печенегов, — *С. П.*) хотели было убить пленных, которых содержали. . . сходка не позволила этого, надеясь выдать их за деньги».[5] Выкуп требовали очень настойчиво; если пленник отказывался дать его, то его убивали или подвергали жестоким мучениям. Так, автор «Жития многотерпеливого Никона, черноризца» писал: «. . .се же все (пытки, — *С. П.*) творяхуть ему окаяннии половци, да даст за себе окуп».[1] Под 1167 г. в летописи записано: «. . . яша половци Шварна за Переяславлем, а дружину его избиша и взяша на нем искуп множество».[2]

Огромные богатства переходили к кочевникам в виде откупов при заключении мирных договоров. Константин Багрянородный с раздражением рассказывает о жадности печенегов, которые «бесстыдно требуют больших гостинцев. . . для себя. . . для своих жен».[3] Анна Комнин так изображает заключение союза византийского императора с половцами: «Алексей, зная изменчивость их мыслей, пригласил их к себе, одарил, угостил и тогда потребовал клятвы и заложников».[4]

Описания подобных откупов со стороны оседлых соседей кочевников постоянно попадаются на страницах средневековых произведений.

5

Несмотря на постоянные войны, обогащавшие некоторую часть кочевников, несмотря на появление в их хозяйстве земледелия, базисом их производства являлось скотоводство. Естественно, что ремесла, возникшие и развившиеся у кочевников, прежде всего были связаны с обработкой продуктов, получаемых от скотоводства. В «Половецком словаре» [5] перечисляется ряд профессий, связанных с обработкой этих продуктов: убойщик скота, мясник, меховщик, сапожник. Судя по свидетельству В. Рубрука о татарах, женщины кочевников делали войлок, а мужчины приготовляли кожи «при помощи кислого, сгустившегося и соленого овечьего молока».[6]

Ведя натуральное хозяйство, кочевники не только обрабатывали продукты, получаемые от скотоводства, но и изготовляли почти

---

[1] Codex Cumanicus, стр. 126.
[2] В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 5.
[3] Ипат. лет., стр. 213.
[4] Ипат. лет., стр. 157.
[5] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 334.

[1] Памятники русской литературы XII—XIII вв. СПб., 1872, стр. 96.
[2] Ипат. лет., стр. 362.
[3] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 7.
[4] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 375.
[5] Codex Cumanicus, стр. 203—205.
[6] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 78.

все предметы, необходимые для их жизни. Женщины, по данным В. Рубрука, занимались шитьем «сандалий, башмаков и другого платья» из обработанных шкур животных, а мужчины строили дома и повозки, делали луки, стрелы, стремена, уздечки и седла. То, что все эти отрасли производства были хорошо известны тюркоязычным степнякам средневековья, подтверждается «Половецким словарем», в котором дан перечень специальностей и предметов, с ними связанных: портной — игла, нитки, ножницы, пуговицы, шов, наперсток; сапожник — сапог, колодка, шило, подошва, башмак, сафьян; кузнец — наковальня, молот, щипцы, ножи, меха, печь, уголь, таз, железо, серебро, золото, сплав серебра и свинца, олово, латунь; токарь — токарный станок, рубанок, скребок, бурав, пила, циркуль, веревка для измерения, топор, молоток; седельщик, уздечник, лучник, выделыватель стрел, мечник, живописец, каменщик.[1]

Чрезвычайно характерно отсутствие в «Половецком словаре» названия «гончары». Горшки делались женщинами грубо, от руки, или привозились из соседних стран. Гончарный круг не употреблялся кочевниками, а значит, не было у них ни выделенного гончарного ремесла, ни ремесленников-гончаров.

Таким образом, ремесло у кочевников, судя по письменным источникам XIII в., не было выделено в отдельную отрасль хозяйства. Правда, многие из специалистов, указанных в «Словаре», могли быть и ремесленниками. Особенно это относится к таким специальностям, как каменщик, живописец, кузнец-золотоделатель, токарь, работающий на токарном станке. Совершенно очевидно, что прекрасно изваянные каменные статуи воинов и женщин изготовлялись специалистами-художниками. То же можно сказать и о каменных подвесках, находимых почти в каждом женском погребении XII—XIII в., о серебряных полукольцах для головных уборов и некоторых других вещах, характерных и широко распространенных у кочевников.

Ремесленники, как и земледельцы, выделялись из массы кочевников вследствие интенсивного экономического расслоения общества. Это были, видимо, оседавшие в зимовищах бедняки.

[1] Codex Cumanicus, стр. 96—100, 103—104.

6

Кочевники оседали обычно по берегам рек, на местах длительных ежегодных зимовищ. А. Калачев, характеризуя быт башкир (конец XIX в.), пишет, что кочевники, засеяв пашню, «уходили за несколько десятков верст на кочевку. . . Близ пашни устраивались постоянные зимовки — избы, примитивные и жалкие».[1]

Часто зимовища устраивались кочевниками в захваченных и полуразрушенных городах и укреплениях. В X в. в Печенегии «по сю сторону Днепра, в стороне, обращенной к Булгарии. . . имеются опустевшие города», — читаем мы в трактате Константина Багрянородного.[2] Печенежские названия этих городов являются доказательством того, что они не были заброшены печенегами полностью (Тунгаты, Кракпакаты, Салмакаты, Синекаты, Гизукаты). Особенно интересно последнее название — Гизукаты. Этот город был назван по имени известного печенежского князя Гиази и был, по-видимому, главным его зимовищем. Анна Комнин в XII в. писала, что печенеги «взяли несколько местечек и, имея в них некоторую оседлость, возделывали землю и сеяли просо и пшеницу».[3]

Русский летописец называет несколько городков, принадлежащих в XII в. половцам и названных, как и печенежские городки, по имени князей, владевших ими: в записи под 1111 г. названы Шарукань и Сугров, под 1116 г. — Шарукань, Сугров и Балин. Все они расположены на Северском Донце в районе разрушенных еще в конце IX в. печенегами салтово-маяцких крепостей.[4]

Таким же разрушенным городищем-зимовищем была и Белая Вежа, после того как бóльшая часть русского населения покинула ее (в 1117 г.). Верхний слой Белой Вежи характеризуется остатками глинобитных наземных жилищ такого типа, какой описан был М. Броневским в XVI в., со-

[1] А. Калачев. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии, стр. 367.

[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 16.

[3] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 310.

[4] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. XLIII, 1952.

общавшим, что татары «обмазывали свои жилища землей и навозом».[1]

Интенсивное оседание земледельцев и ремесленников в зимовищах постепенно превращало эти последние в небольшие поселения-городки. Зимовища, устроенные на месте разрушенных городов и крепостей, были, видимо, укреплены стенами и валами, однако новые зимовища не укреплялись вовсе и представляли собой вид обширных селищ. В случае опасности кочевники, не защищая их, откочевывали в глубь степи.

Совсем иное значение имели города черных клобуков, подданных киевского князя. Это были небольшие крепости, в которые скрывалось население во время половецких налетов. В летописи под 1150 г. записано: «. . . придоша к нему (Изяславу, — *С. П.*) черныи клобуци, жены своя и дети своя в городах затвориша на Поросьи».[2] Оборонный характер городков объясняется влиянием русских, стремившихся образовать на границе своего государства цепь крепостей, задерживающую половцев.

Помимо городищ-зимовищ, половцы в отличие от печенегов имели под своей властью и настоящие торгово-ремесленные города. Печенегам так и не удалось за 150 лет своего хозяйничанья в степях овладеть ни одним крупным причерноморским городом. Хазарский каганат и Византия были еще сильны, чтобы удержать власть над Причерноморьем. Что касается объединения половцев, то оно, как более сильное и централизованное, вытеснило к концу XII в. с берегов Черного и Азовского морей не только ослабленную и разоренную крестоносцами Византийскую империю, но и Русь, пользовавшуюся в причерноморских городах после разгрома Хазарии и образования Тмутороканского княжества исключительным влиянием. В результате агрессивных действий половцев Тмутороканское княжество перестало существовать уже в середине XII в. В конце XII в. автор «Слова о полку Игореве» включает Тмуторокань в число половецких владений.[3] Половцам же принадлежал и описанный Ибн-ал-Асиром (в середине XIII в.) город Судак (Солхат): «. . . этот город кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасные меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их».[1] Определяя географическое положение Судака, В. Рубрук подчеркивает огромное торговое значение этого города на пути от Турции до «Северных стран». В «Половецком словаре»[2] даны названия самых разнообразных ремесел, занятий и профессий, необходимых в крупном торговом городе, начиная от купца и кончая брадобреем и трактирщиком.

Таким образом, развитие торговли и ремесел в приморских городах не было задержано кочевниками и протекало так, как в любом из крупных европейских и восточных городов. Получая от торговли огромные выгоды, половецкие ханы, как в свое время хазары, всячески поддерживали ее и способствовали ее развитию, стараясь в то же время захватить все торговые пути, проходившие по их землям. Во второй половине XII в. князь Мстислав Изяславич призывает русских князей «поискати отець своих и дед своих пути», поскольку половцы у них «и гречьский путь изъотимають, и соляный, и залозный».[3] Захватывая пути, половцы поощряли и не грабили даже в случае войны купцов, ездивших по ним. Примером может служить летописный рассказ о том, что в 1184 г. во время крупного похода русских князей в степи им навстречу попались купцы, благополучно прошедшие мимо приготовившихся к битве половецких отрядов: «Устретостя гости, идущь противу себе ис Половец и поведоша, им яко половцы стоять на Хороле».[4] Правда, изредка половцы нападали на русских «гостей», по всей вероятности для того, чтобы заставить их платить пошлину. Так, в 1167 г. во время очередной княжеской междоусобицы половцы «шедше в пороги, начаша пакостить гречником».[5] Упорно борясь за монопольную власть над степной торговлей, половцы более полустолетия вели войну с Белой Вежей — русским торговым го-

---

[1] Мартин Броневский. Описание Крыма, стр. 337.
[2] Ипат. лет., стр. 279.
[3] Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 12.

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884.
[2] Codex Cumanicus, стр. 104, 105.
[3] Ипат. лет., стр. 368.
[4] Ипат. лет., стр. 429.
[5] Ипат. лет., стр. 360.

родом, стоявшим почти в центре половецкой земли и связанным с Тмуторокапским княжеством. Только в 1117 г. борьба эта закончилась разгромом Белой Вежи, превратившейся после того в небольшой половецкий городок-зимовище.

III. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, ПРАВО, ВОЕННОЕ ДЕЛО КОЧЕВНИКОВ

1

Письменные источники, в которых в той или иной степени авторы касаются вопросов общественного строя кочевников X—XIII вв., немногочисленны и лаконичны, поэтому восстановить полную картину их общественной жизни не представляется возможным. Другой причиной, затрудняющей изучение общественных отношений кочевников в их динамике, является консервативность кочевнического общества, происходящая от замедленности развития производительных сил в кочевом, скотоводческом хозяйстве. Патриархально-родовой строй характерен для общества скотоводов-кочевников от начала нашей эры до XX в. Естественно, что проследить в нем черты зарождения феодализма, превращения его в полупатриархально-полуфеодальный строй на протяжении трех столетий почти невозможно. Однако из источников очевидно, что общественный строй печенегов, половцев и черных клобуков [1] в период их пребывания в южнорусских степях претерпел значительные изменения, в результате которых в конце XII в. половецкий племенной союз превратился в государственное, хотя и непрочное образование, а черные клобуки вошли в феодальное русское государство.

2

Константин Багрянородный, посвятивший печенегам несколько глав своего знаменитого трактата, обратил внимание читателей не только на дипломатические выгоды дружбы византийцев с дикими печенегами, но постарался разобраться в связях между отдельными ордами и в некоторых обычаях, характерных для печенегов.[2]

Он делил печенегов на две ветви, в каждую из которых входило по 4 округа, т. е. племени. По существу западные и восточные печенеги не представляли собой единого племенного союза. Это были два объединения, с различной территорией и различным этническим составом.

Местоположение кочевий четырех западных (правобережных) племен, с которыми византийцы имели постоянные сношения, Константин указывает с предельной для того времени точностью: «. . . округ Гиазихопон соседит с Булгарией, округ Гила соседит с Туркией, округ Харовои соседит с Русью, а округ Явдиертим соседит с подвластным Русской земле областями, именно Ултинами, Деревленинами, Лензенинами и прочими славянами» (рис. 1, *1*).

На левом восточном берегу Днепра располагались кочевья округов Кварцицур, Сирукалпеи, Вороталмат и Вулацоспон, обращенные «к восточной и северной сторонам Узии, Хазарии, Алании, Херсону и прочим Климатам». Несмотря на то, что византийцы безусловно общались и с восточными племенами, поскольку последние граничили с Херсоном и «Климатами», Константин не счел нужным указывать точно местонахождение каждого из них. Мы знаем только из сочинения Иосифа-бен-Гориона, что племя тилмац, или вороталмат, кочевало на берегах Волги. Как располагались остальные три племени на огромных пространствах между Днепром и Доном, неизвестно (рис. 1, *1*).

Восемь округов, или племен, печенежских делились на 40 частей, или родов, т. е. в каждое племя входило 5 родов. Родоплеменная структура печенежского общества по схеме 1 : 2 : 2 : 2 : 5 (40) существует и поныне у каракалпаков.[1] Во главе племен стояли «великие князья»,[2] во главе родов — «меньшие князья». Князья выбирались на племенном совете, в который входила вся разбогатевшая родовая верхушка. О существова-

[1] Общественному строю гузов посвящена значительная часть монографии акад. В. С. Гордлевского «Государство сельджуков Малой Азии» (М., 1941).

[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 1—9, 13, 14, 38, 40, 42.

[1] Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. АЭХЭ, М., 1952, стр. 481.

[2] Во времена Константина Багрянородного имена князей 8 округов были: Куэль, Куркут, Ипай, Кондум, Коста, Ватан, Гиазп, Манну.

нии таковой у печенегов говорит наличие богатых погребений. Русский летописец называет ее представителей «лучшие мужы в родах». В венгерских летописях говорится, что из числа последних избирались все должностные лица: сотники, десятники и т. д.[1] Наличие родовой верхушки подтверждается свидетельствами епископа Бруно (XI в.) и Анны Комнин (XII в.).[2]

Роль племенных и родовых князей сводилась главным образом к роли военачальников. Общего военачальника над всеми восемью округами-племенами у печенегов не было. Каждое племя действовало, по-видимому, в значительной степени самостоятельно. Во время грабительских войн власть князей и родов, к которым они принадлежали, усиливалась, в их руках сосредоточивались огромные богатства. Все это привело к тому, что власть некоторых родов стала наследственной. Причем интересно, что власть наследовалась не по прямой линии, а племянником или двоюродным братом.[3] Узурпация власти отдельным родом вызывала недовольство аристократии других родов. На этой почве возникали междоусобицы, подрывавшие силы и без того непрочных племенных объединений печенегов. Примером междоусобной смуты является разгоревшаяся в среде причерноморских печенегов борьба между правящим богатым родом Тираха и родом Кегена, описанная в XI в. византийцем Кедриным.[4]

Епископ Бруно и Анна Комнин противопоставляют совету старейшин народные собрания, которые Бруно именует советом, а Анна Комнин сходкой. Совет-сходка всех печенежских воинов собирался в исключительных случаях, чаще всего во время походов, когда аристократии приходилось считаться с мнением рядовых кочевников. Таким образом, у печенегов прослеживаются все органы военной демократии, а именно совет старейшин, выбранные на совете военачальники и народное собрание.

Во время военных походов печенеги захватывали огромное количество рабов, которых они затем в подавляющем большинстве случаев продавали. Кроме того, ал-Бекри сообщал еще об одном чрезвычайно интересном использовании пленников: печенеги предоставляли военнопленным «на выбор, желают ли они оставаться у них на условиях полной равноправности и даже вступления в брак у них, если того пожелают, или быть отправлены обратно в безопасное для них место».[1] Такие «равноправные» пленники превращались в силу обстоятельств в вассалов отпустившего их рода, поскольку у них не было ни собственной земли, ни скота для ведения самостоятельного хозяйства. Возможно, что в подобных случаях имел место обычай суан, охарактеризованный С. П. Толстовым[2] как «зерно кочевого феодализма»: богач давал бедняку на выпас скот, от которого бедняк кормился и за это пас стада сюзерена и выполнял другие порученные ему работы.

Рабов, судя по письменным источникам, у печенегов не было. Можно только предполагать, что оставленные печенегами для себя женщины-пленницы в единичных случаях превращались в рабынь и даже убивались на похоронах мужчины, о чем говорит парное печенежское погребение, обнаруженное в большом кургане под Кишиневом.[3]

Сообщение ал-Бекри о «равноправных» пленниках-вассалах имеет огромную важность, поскольку означает, что внутри рода племенного печенежского общества появились разлагающие его элементы феодализма. Однако они не получили, по-видимому, достаточного развития во время пребывания печенегов в южнорусских степях. В этот период истории печенегов для них была характерна высшая стадия родо-племенного строя — военная демократия. Об этом свидетельствует самая политика печенегов — политика постоянных войн, грабежей и разорения соседних земледельческих стран.

3

Восстановить географию половецкой земли по имеющимся источникам значительно труд-

[1] А. Куник. О торкских печенегах и половцах по мадьярским источникам. ЗАН, т. III, вып. 5, 1855.

[2] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, стр. 76; Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 334.

[3] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 16.

[4] В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 9—14.

[1] А. Куник и В. Розен. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах, ч. I. СПб., 1878, стр. 60.

[2] С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Изв. ГАИМК, вып. 103, I, 1934, стр. 188.

[3] Изв. Молдавск. фил. АН СССР, № 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 48.

нее, чем печенежской, так как единого и связного описания ее, подобного описанию византийского императора, не сохранилось. Русская летопись дает материалы только для того, чтобы определить расположение отдельных половецких орд.[1] Об объединении этих орд в две группы, или два союза, говорится в «Географии» XII в., написанной арабом Идриси. Анализ этого источника был сделан Б. А. Рыбаковым.[2] Благодаря его работе стало очевидно, что Половецкая земля (Дешт-и-Кипчак) делилась в середине XII в. на Белую и Черную Куманию. Белая, или Западная, Кумания включала в себя приднестровские и приднепровские орды. Центром Черной Кумании был Северский Донец. В нее входили земли, перечисленные в «Слове о полку Игореве» под общим названием «земли незнаемой», на которую двинулся Игорь Святославич в 1187 г., — Волга, Поморье, Посулие, Сурож, Корсунь, Тмутороканъ.

Таким образом, деление на два крыла (или ветви) характерно было как для печенегов, так и для половцев. Б. А. Рыбаков справедливо замечает, что деление племен на две ветви является обычным у многих тюркских народов (в частности, у хазар).

Структура половецкого общества внешне мало отличается от того общественного устройства, которое прослежено у печенегов. Основой уклада в XI и даже в XII в. продолжал оставаться патриархальный род. В источнике XII в. — «Житии черноризца Никона» говорится о половчине, который «крестися и бысе монах и с родом своим».[3] Еще под 1172 г. летописец упоминал: «Кончак с родом своим».[4] Роды объединялись в более крупные образования. В летописи неоднократно встречаются названия: Отъперлюеве (1152 г.), Токсобичи (1152 и 1147 гг.), Елтукови (1147 г.), Бурчевичи (1193 г.).[5] Значение, которое придает летописец перечисленным группировкам, заставляет предположить, что это были не роды, а племена, или орды. О существовании последних у половцев было известно итальянцам даже в XIII в.: слово «orda» в «Половецком словаре» переведено по-латыни как «curia». Все это говорит как будто о крепости родоплеменных отношений в половецком обществе. Несмотря на это, из источников становится очевидным, что половцы переживали период бурного разложения родо-племенного строя, хотя многие внешние черты последнего оставались у них вплоть до татарского нашествия. Внешняя патриархальная оболочка долгое время скрывала от исследователей сущность половецкого общества, ставшего к началу XII в. феодальным.

Общественная дифференциация половцев подтверждается прежде всего их экономической дифференциацией, установленной благодаря анализу половецких погребений (богатые и бедные погребения). Половцы разделились в XII в. на ряд экономически и политически различных групп. Какие это были группы, говорит, на наш взгляд, следующая фраза летописца: «. . .ополонишася Ростислав и чернии клобуце. . . челядью и колодники много взъимаша, княжичевых и добрым мужи».[1] Как видим, кроме княжичей и «добрых мужей», в цитате говорится о колодниках и челяди. Колодниками летописец считал только взятых в плен воинов. В 1111 г. непосредственно после боя и победы над половцами русские разговаривали с колодниками, а в 1103 г., когда русские взяли вежи, упоминается челядь, а не колодники. Таким образом, половцы разделены летописцем на две группы — на воинов-хозяев и на челядь, зависимую от первых, называемую «Половецким словарем» «eudági erči» (лат. «famulu»), т. е. «домашние рабы».[2] О последних говорится и в «Сказании о пленном половчине»: половец «повеле рабам своим нарядитися и стадо коней отлучити».[3]

Тот же источник — «Сказание о пленном половчине» — свидетельствует о разложении рода, о появлении новой общественной единицы — семьи: «. . .иде в дом свой и созва весь род свой и племя (т. е. семью,

---

[1] Пользуясь русской летописью, К. В. Кудряшов в сборнике «Половецкая степь» (М., 1948) составил карту расположения половецких орд Приднепровья.

[2] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г.

[3] Памятники русской литературы XII—XIII вв. стр. 96.

[4] Ипат. лет., стр. 375.

[5] Араб Эннувейри в XV в., ссылаясь на летопись эмира Руккеддина Бейбирса, приводит названия половецких (кипчакских) племен: Токсоба, Иета, Бурджоглы, Бурлы и др.; см.: В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, стр. 540—541.

[1] Ипат. лет., стр. 455.

[2] Codex Cumanicus, стр. 93, 103.

[3] Памятники старинной русской литературы, т. I. СПб., 1860, стр. 73.

— *С. И.*)».[1] Глава семьи владел всеми богатствами независимо от рода, который в свою очередь не оказывал ему материальной поддержки. Вполне возможно, что понятие «семья» тождественна понятию «чадь», с которым мы встречаемся неоднократно на страницах летописей (1147, 1170, 1172 гг.). В феодальную семью, по словам акад. В. Я. Владимирцова, включались не только близкие — домочадцы и челядь, но и воины-дружинники (нукеры) хана или баатура.[2] И. И. Срезневский трактует «чадь» как «дети, люди, народ, свои, товарищи, дружина», а Даль — как «дружина, ополчение, челядь».[3] Таким образом, понятие «чадь» в их толковании объединяет все составные элементы феодальной семьи.

Появление у половцев семьи — ячейки классового общества — по существу уничтожало родо-племенную структуру. Старые родовые традиции существовали в дальнейшем только формально, прикрывая хищнические тенденции феодальной верхушки половецкого общества. Иерархическая феодальная лестница заключала вассальные отношения половцев в строгие и продуманные рамки. Внизу лестницы стояли свободные половецкие воины — главы феодальных семей. Наиболее богатые из них назывались русским летописцем «добрыми мужами» или «господичичами». «Половецкий словарь» именует их беями (лат. «baron», перс. «эмир»).[4] Как беи, так и бедные, но свободные главы семей были вассалами беков — князей, стоявших во главе родов («княжичи» по русской летописи). Беки в свою очередь подчинялись главам орд или племен, называемым в «Словаре» солтанами (лат. «rex»).[5] Правители половецких племенных союзов назывались у половцев ханами (лат. «imperator»).[6] Сила и прочность власти ханов зависела от их военной активности; если хан возглавлял и организовывал постоянно военные походы, обогащающие аристократию, она поддерживала его, власть хана возрастала почти до абсолютной. Такими могущественными ханами были Боняк и Тугоркан, делившие власть над Белой Куманией в конце XI—начале XII в., или хан Шурукань, владевший Черной Куманией. В первой половине XII в. власть ханов свелась к минимуму, вероятно в связи с многочисленными удачными походами русских в глубь степи, разгромивших оба объединения половцев (Белую и Черную Куманию).[1] Именно этим можно объяснить слова еврейского путешественника Петахьи: «. . .куманы не имеют общих владетелей, а только князей и благородные фамилии».[2] Князьями Петахья именует, вероятно, солтанов, возглавлявших орды, а «благородные фамилии» — это беи и беки, богатые главы семей и родов.

Власть ханов и солтанов по старым племенным обычаям была выборной и ограничивалась советом старейшин — съездом аристократии, описанным в XII в. печерским монахом в одном из житий: «. . .приключился сному быти князем их и вельможем, съехавшемся мнозем».[3] Однако ханы и солтаны, как и в печенежском обществе, могли избираться только из определенных богатых и знатных родов, и поэтому власть их по существу оставалась наследственной, хотя и не передавалась по прямой линии от отца к сыну. Так, в начале XII в. Боняк передал власть брату Таазу, а уже у Тааза наследовал ее сын Боняка — Севенч. Точно так же, по-видимому, Шарукану наследовал Сугр (брат?), а после Сугра власть пришла к сыну Шаруканя, Сырчану, и затем к внуку Шаруканя и племяннику Сырчана — Кончаку.

Развитие феодальных отношений в половецком обществе, борьба антагонистических классов привели в конце XII в. к необходимости создания сильной центральной власти. В качестве хана — объединителя всей половецкой земли был выдвинут половецкой аристократией хан Кончак. Вся политическая деятельность Кончака была направлена на создание из разрозненных

---

[1] Памятники старинной русской литературы, т. I. СПб., 1860, стр. 73.

[2] В. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 95.

[3] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1912; В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955.

[4] Codex Cumanicus, стр. 104—105.

[5] Codex Cumanicus, стр. 104—105.

[6] Codex Cumanicus, стр. 104—105.

[1] Так, в 1103 г. пассивная политика князя Урусобы в отношении Руси привела к тому, что «уньшие», т. е. рядовые, половцы вышли из повиновения и без его согласия двинулись на Русь (Ипат. лет., стр. 183—184).

[2] П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв. СПб., 1881.

[3] Хрестоматия по русской истории. СПб., 1870, стр. 1281.

половецких орд и эфемерных союзов единого государства с крепкой наследственной властью. По-видимому, в какой-то степени ему удалось добиться этого, поскольку известно, что наследником Кончака был его сын — Юрий Кончакович, названный русским летописцем «больший всех половец». Государство Кончакидов не имело еще ни стройной налоговой системы, ни управленческого аппарата, ни достаточных средств для поддержания власти хана. Неокрепшее и рыхлое, оно распалось и бесследно исчезло при первом же столкновении половецких войск со скованной железной дисциплиной феодальной армией татаро-монголов.

4

Что касается черных клобуков, то общественный строй их, как и у половцев XII в., характеризуется чертами полупатриархального-полуфеодального быта. Семья с «клиентами» — «чадь» — существовала и у черных клобуков, о ней дважды упоминается в русской летописи.

Социальное устройство черных клобуков в значительной степени было подчинено социальному строю Киевской Руси, так как они были гражданами этого государства и вассалами русских князей. Наверху иерархической лестницы стояли «лепшие мужи» и князья, возглавлявшие роды, т. е. беки. Верховными владетелями черных клобуков, такими, как ханы у половцев, являлись русские князья, которым черные клобуки служили. Для поросских кочевников это были киевские стольные князья. В конце XII в. Поросье с центральным городом Торческом стало одним из уделов киевского князя, который давал этот удел наиболее удалым князьям. Это было последним шагом к включению Поросья в систему феодального государства.

5

Правовые отношения кочевников совершенно не освещены источниками. Исключением является право половцев, определенное русским летописцем: «половци закон держать отец своих».[1] О двух основных законах так называемого обычного права говорится далее: «крови проливати, а хвалящуся о сем» (обычаи кровной мести), «поимають мачехы своя и ятрови» (обычай левирата).

Араб Ибн-Батута отмечает еще один закон обычного права, бытовавший у кипчаков-половцев: «. . . у скотины их нет ни пастухов, ни сторожей вследствие строгостей постановлений их за воровство. Постановление же их по этой части такое, что тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину его и вместе с тем дать ему 9 таких же [коней], а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают».[1] Подобный закон обычного права сохранился до XVII в. у бурят, о чем писал С. А. Токарев. Там за кражу лошади вор должен был отдать 7 лошадей.[2]

Специальных судей у половцев не было, однако понятие «судья» (половецк. «yarguzi», лат. «potestas») существовало (см. «Половецкий словарь»).[3] Вероятно, знатоки обычного права в качестве судей жили только в крупных торговых городах с этнически пестрым населением, подобно тому, как жили судьи для язычников в хазарском Итиле. Судьи следили за исполнением законов половцами и разъясняли их представителям других народов в случае недоразумений, возникавших между ними и половцами.

6

«Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот», — писал Энгельс.[4] У кочевников, для которых война и грабеж являлись одним из основных средств обогащения, военная организация была неразрывно связана с общественным строем. В период военной демократии и позднее, при феодализации кочевнического общества, войско не отделялось от народа, поскольку «вооруженный народ и был войском», и участие в «войске было правом и обязанностью всех свободных».[5] Этим обстоятельством объясняются огромные по тому времени размеры кочевнических войск, которые.

---

[1] Ипат. лет., стр. 9.

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, стр. 282.

[2] С. А. Токарев. Памятник обычного права бурят XVII в. Истор. архив, т. II, М.—Л., 1939.

[3] Codex Cumanicus, стр. 104.

[4] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, М., 1945, стр. 156.

[5] Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 347.

по образному выражению русского летописца, выступали «аки борове и не бе перезрети их».[1]

Основной тип войска у кочевников — конница. Она делилась на два вида — легкую и тяжелую. В мужских могилах X—XIII вв. встречаются погребения воинов трех видов:

1) погребения с конем или без него, с остатками лука и наконечниками стрел;

2) погребения с конем, взнузданным и оседланным, с пикой-копьем, остатками лука, стрелами, колчаном, иногда с остатками кольчуги и с саблей;

3) погребения с конем, взнузданным и оседланным, богато украшенным сбруей, с полным набором наступательного оружия (саблей, пикой, луком и т. д.), как правило, со шлемом и кольчугой; в некоторых случаях оружие покрыто серебряной насечкой и в могилу положены дорогие, серебряные и золотые предметы.

Первый вид — воины-стрелки, входившие в легкую конницу. Во время расцвета военной демократии легковооруженные воины выделялись из наиболее молодых и ловких наездников, с разделением же общества на классы эта часть войска стала составляться преимущественно из беднейших кочевников, лишенных возможности приобрести более дорогие доспехи. Второй вид воинов — всадники с пикой и саблей (лук и стрелы обязательны для всякого кочевника), составлявшие тяжелую конницу кочевников. Третий вид — богатые и знатные воины. Они не составляли специальных отрядов, а входили в тяжелую и легкую конницу в качестве военачальников — баатуров.[2] О делении кочевнической конницы на легкую и тяжелую пишет русский летописец. Легкую конницу он называет стрельцами и противопоставляет ее остальному войску — «силе половецкой»: «. . .выехаша ис половецких полков стрельци и пустивше по стреле на Русь и тако поскочиша. . .поскочиша же и ти половци сили половецкие».[3]

Кочевническое войско, несмотря на наличие в нем тяжелой конницы, было несравненно более легким и подвижным, чем западноевропейское и даже русское; поэтому естественно, что у них выработались особые, отличные от других народов военный строй и тактика.

Вот как описывает военный строй печенегов Анна Комнин: «Скифы (печенеги, — *С. П.*) тоже построились в боевой порядок: они, от самой природы наученные военному делу, расположились по фалангам, разместились засадами, связали свои ряды по правилам тактики и, оградив войско крытыми повозками, будто башнями, двинулись на самодержца поотрядно и стали издали метать стрелы».[1] Рашид-эд-дин объясняет возникновение этого способа наступления и обороны следующим образом: «В старинные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-нибудь месте наподобие кольца и старейший из них был подобен точке в середине круга, — это называли курень. В нынешнее время, когда приближается неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель».[2] Принцип наступления под укрытием повозок-веж, составленных в кольцо или каре, прослеживается П. В. Голубовским вплоть до XVI в. (у казаков).[3] Для удобства маневрирования войско кочевников делилось на части: фаланги — по словам Анны Комнин, полки — по выражению русского летописца: «и ту приеха к нему (князю Глету, — *С. П.*) все черни клобуци с радостью великою всеми своими полкы»[4] или: «[Боняк] разделися на два полка по 50 на сторону».[5] Еще в XI в. Гардизи рассказывал, что у печенегов «есть знамена и копья, которые они поднимают во время битв».[6] Выражение «поднимают знамена» очень интересно. Русский летописец, подчеркивая готовность половцев к бою, писал: «. . .половци пришедше к валове, поставиша стяги своя».[7] Поднятые во время боя стяги изображены над головами сражающихся полов-

---

[1] Ипат. лет., стр. 437.

[2] С. Е. Малов полагает, что таинственные тюркские слова из «Слова о полку Игореве» — олберы, могуты, щельбиры, топчаки, ревуги — обозначают высшие чины кочевнического войска (см.: ИАН, Отд. литер. и яз., т. V, вып. 2, 1946).

[3] Ипат. лет., стр. 431.

[1] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 327.

[2] Рашид-эд-дин. История монголов, т. I. Перевод М. Н. Березина. СПб., 1858.

[3] П. В. Голубовский. С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором. Тр. XI АС, т. II, М., 1902.

[4] Ипат. лет., стр. 216.

[5] Ипат. лет., стр. 178.

[6] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 120.

[7] Ипат. лет., стр. 186.

цев в Радзивилловской рукописи[1] (рис. 20 и 21). Описывая поражения половцев, летописец прежде всего констатирует: «. . .не взмогоша и стяга поставити, но побегоша хватаючи копии».[2] На миниатюре в Радзивилловской летописи, изображающей эту

Рис. 20. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 69, лицевая).

битву, половецкий стяг нарисован сильно наклоненным, почти падающим (миниатюра, л. 153; рис. 22). Стяги были эмблемой власти военачальников и предводителей отдельных полков. О значении их во время боя (ориентир, к которому стягивались воины) писал Б. А. Рыбаков.[3]

Для тактики легко вооруженного войска кочевников характерны стремительность нападения, засады, ложное бегство, быстрые отступления при неудаче и поражении. Анна Комнин, из рассказов отца прекрасно осведомленная о всех особенностях кочевнической тактики боя, подробно описывает все три приема, причем отмечает, что византийские полководцы не только охотно использовали союзные им печенежские войска, но и заимствовали при этом характерную для последних тактику.[1] Судя по описанию русским летописцем битвы князей Давида и Боняка с уграми в 1097 г., половцы для «наведения на засады» в ложном бегстве использовали наиболее быструю и легкую часть своего войска, возглавляемую молодым князем Алтунопой: «Алтунопа же пригна к первому заступу и стреливше побегу перед Угра, Угры же погнаху по них, мьняху Боняка бежаща».[2]

Кочевники редко осаждали крупные города. Византийцы (Анна Комнин, Георгий Акрополит) отмечали, что они овладевали только городками, которые были слабее

[1] Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб., 1902.
[2] Ипат. лет., стр. 186.
[3] ИКДР, т. I. М.—Л., 1948, стр. 413.

[1] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 24, 30 и сл.
[2] Ипат. лет., стр. 178.

Рис. 21. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 233, лицевая верхняя).

Рис. 22. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 153, лицевая).

Рис. 25. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 242, оборотная).

Рис. 26. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 232, оборотная).

вища, возникшие у кочевников под влиянием русских. В отличие от обычных домовкибиток или юрт половцы называли их по-русски — избами, о чем свидетельствует имеющееся в «Половецком словаре» слово «izba».[1]

Подвижные, т. е. поставленные на повозки, кибитки (или вежи, как называет леса которой равнялся 1.3 м. Тягловой силой для передвижения вежей служили лошади, верблюды и волы. Способ управления ими в татарское время описан был арабом Ибн-Батута в XIV в.: «. . .тот, который заправляет арбой, садится верхом на одну из ведущих лошадей, на которой [находится] седло. В руке его плеть, кото-

Рис. 27. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 237, оборотная нижняя).

их русский летописец) употреблялись кочевниками во время передвижения по степи. Повозки, которыми пользовались половцы, ставились на два или на четыре колеса. И тот и другой вид повозок изображен на радзивилловских миниатюрах. Кроме того, в позднем половецком погребении[2] раскопками Д. И. Эварницкого найдены были обломки двухколесной повозки, диаметр ко-

рую он приводит в движение для погонки, и большой шест, которым он направляет ее [арбу], когда она сворачивается с пути».[1] Таким же способом управляли повозкой и лошадьми половцы. Русский художник-миниатюрист изобразил погонщика-половца с длинным кнутом в руке, сидящего верхом на запряженной в повозку лошади (рис. 26).

Помимо кибиточной езды, подавляющее большинство кочевников передвигалось по степи верхом на лошадях и верблюдах. Верховой ездой прекрасно владели как муж-

[1] Ananiasz Zajaczkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Prace w rocławskiego towarzystwa naucowego, ser. A, № 34, Wrocław, 1949.

[2] Днепропетровская обл., дер. Афанасьевка, кург. 7. См.: Тр. XIII АС, т. 1, М., 1907, стр. 123—124.

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, стр. 281.

чины, так и женщины. Анна Комнин указывала, что женщины участвовали в боях наравне с мужчинами,[1] а Плано Карпини отмечал, что «девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины».[2]

Очень существенным моментом в кочевке по степи являлись переправы через реки. Впервые описание способа, которым пользовались средневековые кочевники при переправах, сделано Ибн-Фадланом в начале X в.: «Люди вытащили свои дорожные мешки, а они из кож верблюдов. . . потом они наложили их одеждами и [домашними] вещами, и, когда они наполнились, то на каждый дорожный мешок села группа человек в пять-шесть-четыре, меньше или больше. Они взяли в руки деревяшки из белого тополя и держали их как весла. . . А что касается лошадей и верблюдов, то на них кричат, и они переправляются вплавь».[3] О переправе на тюках, набитых имуществом или сеном, писали и византийцы. В XIII в. Георгий Акрополит сообщал, что половцы, «теснимые татарами. . . переплыли на мехах Дунай».[4] Плано Карпини, дополняя Ибн-Фадлана, писал: «. . .этот корабль [т. е. мешок с вещами, — *С. П.*] они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед наравне с лошадью человека».[5] Иных средств для переправы у кочевников, видимо, не было.

Главными продуктами питания для кочевников-скотоводов были, естественно, мясо и молоко. Гардизи сообщал о кимаках, что «на зиму они заготовляют сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств».[6] Мясом перечисленных животных питались кочевники на протяжении тысячелетий. О способах приготовления мясной пищи, кроме описания Гардизи, имеются сведения в письме еврея Петахьи, проезжавшего по половецкой земле в XII в.: «. . .они кладут куски мяса под седло лошади, на которой едут, и потом гоняют ее, пока она не вспотеет. Мясо делается теплым и они едят его».[1] Петахья наблюдал, вероятно, способ, довольно часто употребляемый кочевниками, но им не понятый. В действительности кочевники не клали мясо под седло лошади, так как это неизбежно привело бы к образованию на спине коня тяжелых ран, а привешивали мясо к задней луке седла. Под летним солнцем мясо в несколько дней провяливалось и становилось годным в пищу.

Главное место среди молочных продуктов занимали кобылье молоко и его производное — кумыс. У того же Гардизи находим сведения, что летом кимаки «питаются кобыльем молоком, которое у них называется кумысом»,[2] а Петахья отмечал, что куманы (половцы) употребляют «кобылье молоко вместо питья».[3] Какую важную роль играло молоко в жизни кочевников, можно судить по описанию одного из обрядов их клятвы: «. . .медный сосуд, имеющий форму человеческого лица, наполняется молоком; путешественник и его спутник пьют из него, и после этого никогда не бывает измены».[4] Об употреблении половцами кумыса сообщал и русский летописец. В 1185 г. в день бегства Игоря Святославича из плена «половци напилися бяхуть кумысу, а и бы при вечере».[5] Большую роль играло молоко и в изготовлении половцами мучной пищи: «хлеба они не употребляют в пищу, но едят рис и просо, сваренные в молоке», — писал в том же письме Петахья.

О мучных продуктах у кочевников южнорусских степей X—XIII вв. сведений почти не сохранилось. Только в «Половецком словаре» в 20-й группе слов помещено слово «пекарь» («etmači») и связанные с его специальностью слова: печь, лопата, тесто, хлеб и др.[6] Половецкое слово «peč» взято из русского языка, что свидетельствует, по-видимому, о заимствовании как самой печи, так и ремесла пекаря у русских.

---

[1] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 342.
[2] Плано Карпини. История монголов, стр. 16.
[3] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 163.
[4] Летопись великого логофета Георгия Акрополита, стр. 63—65.
[5] Плано Карпини. История монголов, стр. 30.
[6] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 106—107.

[1] П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв., стр. 3.
[2] П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв., стр. 3.
[3] П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв., стр. 3.
[4] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 106—107.
[5] Ипат. лет., стр. 438.
[6] Codex Cumanicus, стр. 100—104.

2

Господствующей религией у южнорусских кочевников X—XIII вв. был шаманизм. Основные черты его отображены в источниках IX—XIII вв.: поклонение вещам, волхование, вера в злых духов и главного бога, вера в загробную жизнь, являющуюся продолжением земной.

Гардизи писал о том, что у тюрков существовал «обычай испрашивать дождя посредством камня».[1] О подобной вере в чудодейственную силу вещей и о поклонении им сообщал персидский Аноним: «. . .они поклоняются каждой вещи, которая [чем-нибудь] хороша или удивительна. Они почитают лекарей и всякий раз, как видят их, [им] поклоняются. Эти лекари распоряжаются и жизнью и имуществом их».[2]

В русской летописи дана яркая сцена половецкого волхования (XII в.): «Идущими же има и сташа к ночьлегу и яко бысть полунощи и встав Боняк, отъеха от рати и поча выти волъчьски, и отвеся ему волк, и начаша мнози волцы выти; Боняк же приеха поведе Давыдови, яко победа ны есть на Угры».[3] Перекличкой с волками Боняк стремился узнать результат предстоящего боя. Смысл этого волхования и личность самого Боняка подробно охарактеризованы в работе В. А. Гордлевского «Что такое „босый волк“».[4]

Главного бога половцев звали, по словам Карпини, Кам; «они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров», — сообщает этот автор.[5] О вере в злых духов говорят некоторые обычаи, связанные с болезнью: «А если заболевает человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему и никто из домочадцев не приближается к нему. Для него ставят палатку в стороне от домов и он остается в ней, пока не умрет или не выздоровеет», — так писал Ибн-Фадлан об обычаях гузов.[6] Подобный обычай наблюдал 350 лет спустя монах В. Рубрук у половцев: «. . . никто не посещает недужного, кроме прислуживающего ему», так как «они опасаются, чтобы со входящими не явился злой дух или ветер».[1]

В качестве амулетов (оберегов) от злых духов служили острые, режущие предметы. Доброе женское божество Умай по верованиям сибирских тюрок отгоняло злых духов мечом, стрелой, веретеном.[2] Южнорусские кочевники с целью защиты от духов в могилы женщин часто клали в изголовье ножницы и маленькие ножики без футляров. Иногда ножницы-обереги изображались и на головном уборе каменных статуй (рис. 32, № 37).

Анализ погребального обряда кочевников неопровержимо доказывает веру их в продолжение земной жизни за гробом.

В источниках сохранились сведения о проникновении в кочевническую среду мусульманства и христианства. У ал-Бекри читаем, что уже в XII в. «случился у печенегов пленный из мусульман, который и объяснил ислам некоторым из них, вследствие чего те и приняли его. . . и стала распространяться между ними пропаганда ислама».[3] О принятии южнорусскими кочевниками христианства дошло значительно больше известий. В 1008—1009 гг. епископ Бруно писал, что во время пятимесячного пребывания его у печенегов он обратил в христианство около 30 душ, и «было тогда посеяно христианство между самым грубым и самым свирепым. . . языческим народом».[4] Особенно интенсивно христианизация степного населения началась в XII в. под непосредственным влиянием христианского центра Руси — Киево-Печерского монастыря. О переходе половцев в христианство целыми родами известно из повествований, написанных монахами этого монастыря, — «Жития черноризца Никона» и «Сказания о пленном Половчине». В записи от 1224 г. русский летописец отмечал важный политический шаг великого половецкого князя Бастия, который, находясь под угрозой нападения татар, бежал в Киев и крестился там, перейдя тем самым и передав свой

---

[1] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 103—104.
[2] МИТТ, т. I, стр. 211.
[3] Ипат. лет., стр. 177.
[4] ИАН, Отд. литер. и яз., т. VI, вып. 4, 1947.
[5] Плано Карпиии. История монголов, стр. 10.
[6] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 63.

[1] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 80.
[2] Н. П. Дыренкова. Умай в культе тюркских племен. Сб. «Культура и письменность Востока», кн. III, Баку, 1928.
[3] А. Куник и В. Розен. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах, т. I, стр. 58.
[4] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. М., 1936, стр. 76—77.

Рис. 28. Каменные статуи.
1 — № 11; *2* — № 1.

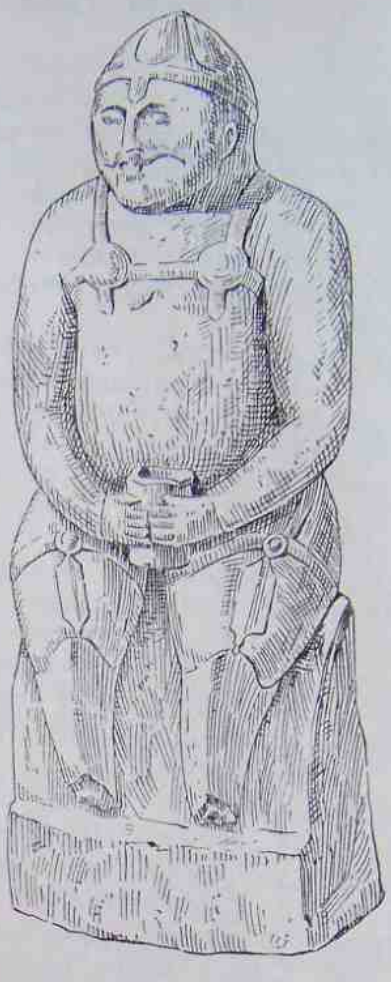


Рис. 29. Каменная статуя № 15.

Рис. 30. Каменные статуи.
1 — № 12; *2* — № 13.

народ под защиту христианского государства.

Однако, принимая новую религию, кочевники не отказывались полностью от древних верований своего народа. В. Рубрук как нельзя лучше подтверждает это, описывая типично языческий обряд погребения человека, про которого говорили, «что он окрещен».

3

Искусство у кочевников X—XIII вв., как и у всех средневековых народов, тесно связано с религией. Памятники половецкого изобразительного искусства — каменные статуи (бабы) — являются важнейшим элементом погребального, т. е. одного из религиозных, обряда половцев. Обычай ставить в могилах или над ними балбалов с различным значением (изображение самого воина или его слуг) существовал у многих тюркских народов начиная с VIII в.[1] Однако половецкие каменные статуи наиболее совершенны по тщательности и художественности отделки. Естественно, что заказывать изображения умерших родичей могли только наиболее богатые кочевники, поэтому статуи изображали всегда представителей аристократической верхушки половецкого общества (знатных князей, баатуров и их жен). Ремесленники-камнерезы, изготовлявшие статуи, воплощали в них идеалы воинов и женщин.

Л. А. Евтюхова в работе о каменных изваяниях Сибири писала, что в подавляющем большинстве случаев статуи ставились не на могилах, а в специально сооруженных оградках из камней, игравших, по-видимому, роль жертвенников.[2] В. А. Городцов, раскопавший специально 8 больших курганов с каменными бабами над ними, в 6 из них не нашел никаких следов кочевнических погребений, а в насыпях двух остальных обнаружил бедные впускные погребения, к которым статуи, стоявшие на насыпях, по признанию самого автора, не могли иметь никакого отношения.[1] Таким образом, кочевники южнорусских степей, как и сибирские тюрки VIII в., ставили свои памятники отдельно от могил умерших, которым они были посвящены. Чтобы статуя была издали заметна и привлекала внимание, ее ставили на большие курганы пре-

Рис. 31. Каменная статуя № 14.

дыдущих эпох (отсюда возникла версия, что каменные бабы сделаны были скифами или в бронзовую эпоху).

Установленные на высоких курганах статуи играли, по-видимому, роль дорожных жертвенников. В памятнике XVII в., «Книге Большому Чертежу», неоднократно упоминаются каменные мужские и женские статуи, стоящие на видных местах при скрещении степных дорог или на высоких курганах: «Человек камен, а у него кладут из Белгорода станичники доездные грамоты, а другие памяти кладут на Самаре у двп девок каменных» или «курган высок, а на нем 3 человека каменных».[2] Таким же до-

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии. Нередко кочевники изображали человека не из камня, а из дерева. Так делали гузы, а 800 лет спустя — казахи, о чем писал в 1771 г. этнограф-путешественник Рычков (Киргизы Букеевской Орды. М., 1889). Деревянные изображения дошли до нас только в исключительных случаях.

[2] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии.

[1] Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 215.

[2] Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

Рис. 32. Каменная статуя № 37.

Рис. 33. Каменная статуя № 34.

1 2

Рис. 34. Каменные статуи.
1 — № 33; *2* — № 38.

рожным жертвенником был, вероятно, и «Тмутараканьский блъвань» о котором писал автор «Слова о полку Игореве».[1]

Выполненные с замечательным реализмом половецкие каменные статуи могут быть прекрасным источником для изучения одежды

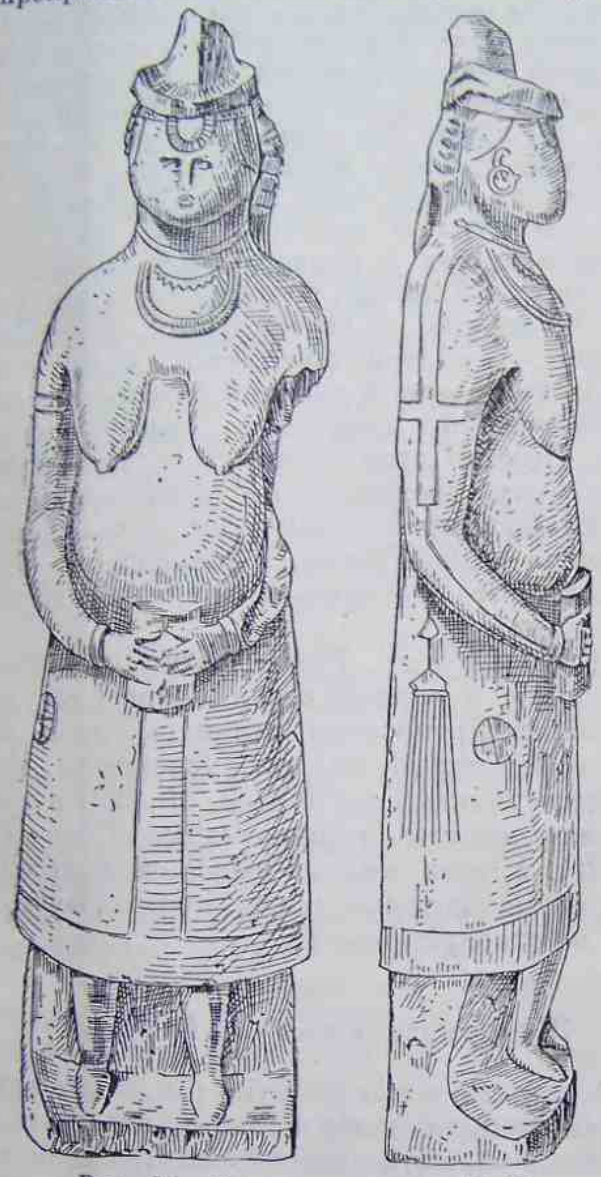


Рис. 35. Каменная статуя № 35.

кочевников (рис. 28—36). Ниже мы даем описание 68 хорошо сохранившихся и нигде не изданных каменных статуй (рис. 37, 38). Они входят в коллекции Новочеркасского, Днепропетровского, Таганрогского и Ждановского музеев. В начале XX в. проф. Н. И. Веселовский описал и издал коллекцию статуй Одесского музея.[2] В нашу работу мы включили только 4 из изданных Веселовским статуй (рис. 37, №№ 1а, 2а, 3а, 4а). Все они исполнены с таким искусством и такими подробностями в одежде,

Рис. 36. Каменная статуя № 36.

что не включить их в обобщающую таблицу было невозможно, поскольку это обеднило бы представление о всех южнорусских статуях в целом.

Мужские статуи (рис. 37)

А. Головные уборы. На 20 статуях изображены конические шлемы, на трех — полушаровидные (№№ 3, 5, 12) и на одной — конический с небольшим, стершимся от времени шишаком (№ 6). Дошедшие до нас шлемы половецкого времени очень похожи по форме на шлемы каменных статуй. На некоторых из них изображены даже прутья каркаса (№№ 6, 11, 14, 15), шишаки (№ 6), наносники (№ 15) и дополнительные пластины, укреплявшие шлемы (№ 2). На некоторых радзивилловских миниатюрах летописец-художник нарисовал степняков в высоких остроконечных шапках с отогнутыми вверх полями (миниатюры на листах 72 об., 127 об.). Подобные войлочные островерхие шапки употребляются тюркскими народами до настоящего времени, но на каменных статуях их нет, вероятно, потому, что воинским боевым

[1] Слово о полку Игореве, стр. 12.

[2] Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о каменных бабах. ЗООИД, т. XXXII, 1915.

головным убором кочевника-половца был шлем. Из-под шлема по спине статуи спускаются три косы, иногда они слиты на затылке в одну косу (№№ 5, 18). Изредка затылок воина прикрыт бармицей в виде квадратной лопасти, спускающейся от шлема (№№ 7, 8, 11). В одном случае из под бармицы выпущены косы (№ 11).

Некоторые изваяния выделяются замечательно выточенными лицами (№№ 11, 12, 13, 15). Все они европеоиды с большими глазами, высокими, даже в скульптуре, носами и длинными густыми усами. Обычай носить усы существовал и у печенегов, и у половцев.[1] На лицах статуй, опубликованных Н. И. Веселовским, гораздо сильнее сказывается монголоидность: у них широкие лица, узкие глаза и тонкие усы (№ 1а). По-видимому, среди половцев встречались различные типы, как европеоиды, так и монголоиды.

Б. Одежда. Почти на каждой статуе, выполненной хотя бы с минимальной тщательностью, грудь воина прикрыта двумя бляхами-кругами, прикрепленными к системе ремней, охватывающей весь торс воина. Иногда ремни покрыты поперечными полосками, изображающими, возможно, небольшие поперечные бляшки. Остатки нагрудных блях, сделанных из толстых кожаных и войлочных кругов, заключенных между железными и серебряными пластинами, неоднократно были находимы в кочевнических комплексах XII—XIII вв.

Одежду половецких воинов составлял длиннополый кафтан, настолько плотно охватывавший верхнюю часть тела, что о наличии его на руках и груди статуи можно судить только по узким обшлагам и нашивкам на рукавах (№№ 1, 7, 11).

В. Обувь. Ноги у стоячих статуй вытачивались в виде бутылок горлышками вниз. Расширение в верхней части ног, вероятно, обозначало широкие штаны. Голенища сапог изогнуты, заходят на колени (№ 1) и подхвачены выше колен поножами (№ 4), уходящими под полы кафтана. Особенно хорошо видны поножи на сидячих статуях, поскольку у них по́лы кафтанов забраны в шаровары. Высокие сапоги пристегнуты к ременным поножам, охватывающим бедра и прикрепленным к поясу.[1]

Г. Поясной набор. К поясу слева и справа подвешивались различные предметы обихода и оружия: слева — мешочки и кресала, справа — ножи и гребешки. На одной статуе (№ 4) слева на боку помещена искривленная сабля с отогнутой к лезвию ручкой, висящая на двух ремнях, прикрепленных у эфеса и на середине ножен. К эфесу прикреплен какой-то треугольный предмет, вероятно кисть. В двух случаях на левом боку воинов изображены сложные луки в налучьях (№№ 2а, 3а), у одной статуи с правого бока изображен кельтовидный колчан со стрелами и накладкой посредине и своеобразный овальный предмет — лопатка или весло, в котором Н. И. Веселовский склонен видеть типично кочевнический струнный инструмент — комс. Помимо этих обычных в кочевническом быту предметов, на поясе одной из статуй был процарапан контур человечка, вероятно куклы-божка. Возможно, это обозначало, что изваянный воин при жизни был шаманом.

Д. Сосуды. Руки статуй соединены на животе и держат сосуд. Формы сосудов однообразны: простые цилиндры, лишь изредка некоторые из них усложнены толстыми венчиками (№№ 7, 9, 15, 23); в трех случаях сосуды горшковидные (№№ 11, 17, 21). У всех сосудов выдолблены небольшие ямки, которые могли предназначаться для жертвоприношений.

Женские статуи (рис. 38)

А. Головные уборы. Головные уборы женщин очень сложны, это даже не головные уборы, а сложнейшие прически, составленные из «шляпы», волос, лент, цепочек и колец. Основной частью прически являлись «шляпы», прикрывающие макушку и темя. Формы их разнообразятся различной высотой тульи, величиной и степенью изогнутости полей. К приподнятым на затылке полям «шляпы» часто прикреплялась спускающаяся на спину лопасть (№№ 31, 32, 36, 37, 42, 58, 64). Если на статуе изображались спускающиеся на спину косы, лопасть

[1] П. В. Голубовский. Половцы в Венгрии. Универс. изв., № 12, Киев, 1889.

[1] Н. И. Веселовский писал, что подобная манера привязывания голенищ к поясу существовала в XIX в. у некоторых бурят.

делалась гораздо миниатюрнее (№№ 44, 50) или совсем отсутствовала (№№ 34, 43). Косы никогда не изображались с насечками — видимо, их носили заключенными в футляры. На концах кос изредка вытачивались тонкие лунницы (№ 34). Обычай носить косы, а также спускающуюся с головного убора на спину лопасть, отмечал А. Терещенко у казахов в середине XIX в.: «Волосы женщины и девушки разделяют на 2 и 3 косы: 2 висят по плечам, третья обшита в бархат. Иногда вместо косы — лопасть, украшенная кистями, лентами и бляхами».[1]

Следующим важным элементом прически являются «рога» — полукруги, обрамляющие лицо статуи. Археологические остатки подобных украшений встречены во многих кочевнических могилах XI—XIII вв. Это серебряные легкие полукольца, нашитые на войлочные валики. Их находят почти всегда у висков и лба покойниц. Рубчатость валиков на статуях подтверждает то, что они были составлены из отдельных члеников — поперечных полуколец.

Высокие «шляпы» с «рогами» были наиболее праздничным нарядом женщин. «Рога» имели не только декоративное, но и смысловое значение. Они были, вероятно, символом девушки-невесты. Предположение это позволяет сделать прослеженная этнографами у тюрок свадебная игра — скачка, в которой невеста отождествлялась с бараном, а жених и его дружки с волками, обязанными догнать девушку.

Второй тип убора на головах статуй представляет собой небольшую, круглую и плоскую шапочку (№№ 28, 33). Особенно роскошна и тщательно выточена шапочка на статуе № 33. Затылок женщины прикрыт полукруглым козырьком и перехвачен лентой, сходящейся на лбу. По щекам к ушам проведена цепочка.

Третьим типом головных уборов являются низкие плоские «шляпы» (№№ 63, 65), имеющие аналогии среди головных уборов современных кочевых народов; это повязка из фаты, называемая «жаулык», — принадлежность пожилой замужней женщины.[2]

Б. Украшения. В ушах статуй изображаются кольчатые серьги — без подвесок, с биконической подвеской и с кистью. Шея, как правило, увешана наборами различных украшений: гривнами гладкими и витыми, с несходящимися концами, ожерельями из крупных бус и ромбических подвесок, наконец, лентой, покрытой бляшками (№ 33). На груди статуй — квадратные, ромбические, круглые, пальметообразные бляхи-подвески. Это или талисманы или, как полагал Н. И. Веселовский, коробочки-капторги для хранения парфюмерных принадлежностей.

В. Одежда. Все стоячие статуи женщин — в длинных кафтанах с расходящимися по́лами, в юбках, из-под которых видны заправленные в сапоги шаровары. Сидячие женские фигуры встречаются редко. Обычно по́лы их кафтанов не заправлялись в шаровары, хотя встречались статуи и с заправленными по́лами. В таком случае они отличались от мужских статуй только головным убором и наличием груди. Грудь у всех женских статуй обнажена. Одежда богато украшена различными орнаментальными вставками. В действительности она, вероятно, украшалась вышивкой.

Г. Поясной набор. На поясе женщины, как и мужчины, носили много предметов. Это прежде всего зеркала в круглых мешочках, часто на кожаном витом шнурке (№№ 32, 34, 35, 38, 43, 50, 51), гребешки в квадратных футлярах или без них (№ 51), ножики и длинные кисти непонятного назначения (может быть, многохвостные плетки).

Д. Сосуды. Руки женских статуй, как и мужских, соединены на животе и держат сосуд, обыкновенно цилиндрической формы с утолщенным венчиком. Кроме этого основного типа, встречаются горшкообразные и бокаловидные сосуды.

Одежда других средневековых кочевых народов, в частности печенегов, тюрок и особенно черных клобуков, вероятно, была похожа на половецкую. У печенегов отсутствовали только некоторые детали костюмов, появившиеся в XII—XIII вв. (нагрудные ремни, серьги, синие подвески и др.).

Кроме скульптуры, половцы прекрасно владели родственным ей костерезным ремеслом. Они покрывали кость пышным растительно-геометрическим и звериным узором, используя часто оригинальный и изящный

---

[1] А. Терещенко. Следы Дешт-и-Кипчака и внутренняя Киргиз-Кайсатская орда. Москвитянин, № 22, кн. 2, 1853, ноябрь, стр. 68.

[2] Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о каменных бабах, стр. 437.

прием врезания в кость квадратов и треугольников, расположенных в различных комбинациях. Узор этот так прост, что им пользовались и камнерезы для украшения статуй (№ 34).

О других видах искусства у кочевников говорить трудно, поскольку от них не осталось материальных памятников. О наличии в половецкой среде музыкантов (гудцов) и певцов сообщают нам русский летописец в знаменитом рассказе о Сырчане и Отроке («оставъшю у Сырчана единому гудьцу же Орели, посля й в Обезы. . . ной же ему песни половецкии»)[1] и «Половецкий словарь», в котором упомянуты профессии музыканта (cobuxči), певца (yrči) и их инструменты — рог (suruna) и барабан (taf).[2] Кроме этих двух инструментов, половцы пользовались комсом — двухструнной мандолиной, изображенной на одной из мужских статуй (№ 3а). В. А. Пархоменко делает очень интересное предположение о том, что в русских летописях иногда ощущается «половецкая литературная струя».[3] Он приводит ряд мест из летописи, которые могут считаться взятыми из половецкого эпоса. Таковы упомянутое повествование о Сырчане и Отроке, описание съезда половецких князей в 1103 г. и др.

Несмотря на эти отрывочные сведения и гипотезы, очевидно, что в культурном отношении кочевники южнорусских степей стояли значительно ниже своих оседлых соседей. В этом отношении чрезвычайно показательно отсутствие у них письменности, т. е. собственного алфавита. О существовании последнего у южнорусских кочевников X—XIII вв. не сохранилось никаких сведений. В «Половецком словаре»[1] в отделе письменных принадлежностей перечислены на латинском и персидском языках различные предметы, относящиеся к письму (буква, бумага, чернила, перочинный нож, книга, записная книжка и др.), но ни одного из этих слов нет на половецком языке.

Это обстоятельство как нельзя лучше свидетельствует о том, что тюркоязычные кочевники X—XIII вв., в отличие от сибирских тюрок и своих предшественников болгар и хазар, не имели собственной письменности.[2]

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ (КОЧЕВНИКИ И РУСЬ)

1

Политическая история кочевников южнорусских степей X—XIII вв. неразрывно связана с историей Руси. Русь была в эти столетия единственным государством, способным сдержать движение хлынувших из азиатских степей кочевников и принять основную силу их ударов. Поэтому история кочевников является по существу историей отношений их с Русью. Взаимоотношения эти нашли подробное отражение на страницах русской летописи. Все остальные государства, соприкасавшиеся в какой-то степени с печенегами, торками и половцами в период их пребывания в южнорусских степях, или были слишком слабы (Хазарский каганат), или находились далеко (Булгарское царство, Грузия, Византия), в связи с чем они не могли играть существенной роли в истории степняков. Все три народа безусловно имели большую историю до вторжения в южнорусские степи. На некоторых

[1] Ипат. лет., стр. 479.
[2] Codex Cumanicus, стр. 206.
[3] В. А. Пархоменко. Следы половецкого эпоса в летописях. Проблемы источниковедения, 1940, № 3.

[1] Codex Cumanicus, стр. 99.
[2] В Венгрии, в Миклоше, был обнаружен клад из нескольких серебряных, богато орнаментированных сосудов. На некоторых из них процарапаны от руки знаки, похожие на орхонское и салтово-маяцкое письмо. Известный венгерский тюрколог Немет полагает, что надписи и сосуды принадлежат печенегам. Не зная языка, трудно говорить о том, прав Немет или нет. Приведу только ряд соображений о принадлежности сосудов и о всаднике, изображенном на одном из них. Поскольку вооружение этого всадника аналогично оружию салтовских погребений VII—VIII вв., можно полагать, что сделаны сосуды были в эти века по заказу одного из салтово-маяцких воинов. Им же, по-видимому, были процарапаны надписи на своем языке. Предположение это тем более вероятно, что некоторые языковеды, в частности А. М. Щербак, считают эти надписи булгарскими. См.: J. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn, Bd. I—III. Braunschweig, 1905; I. Nemeth. Die Inschriftes des Schatzes von Nagi-Scent-Miklos. Budapest, 1932; А. М. Щербак. О приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, XIX, 1954.

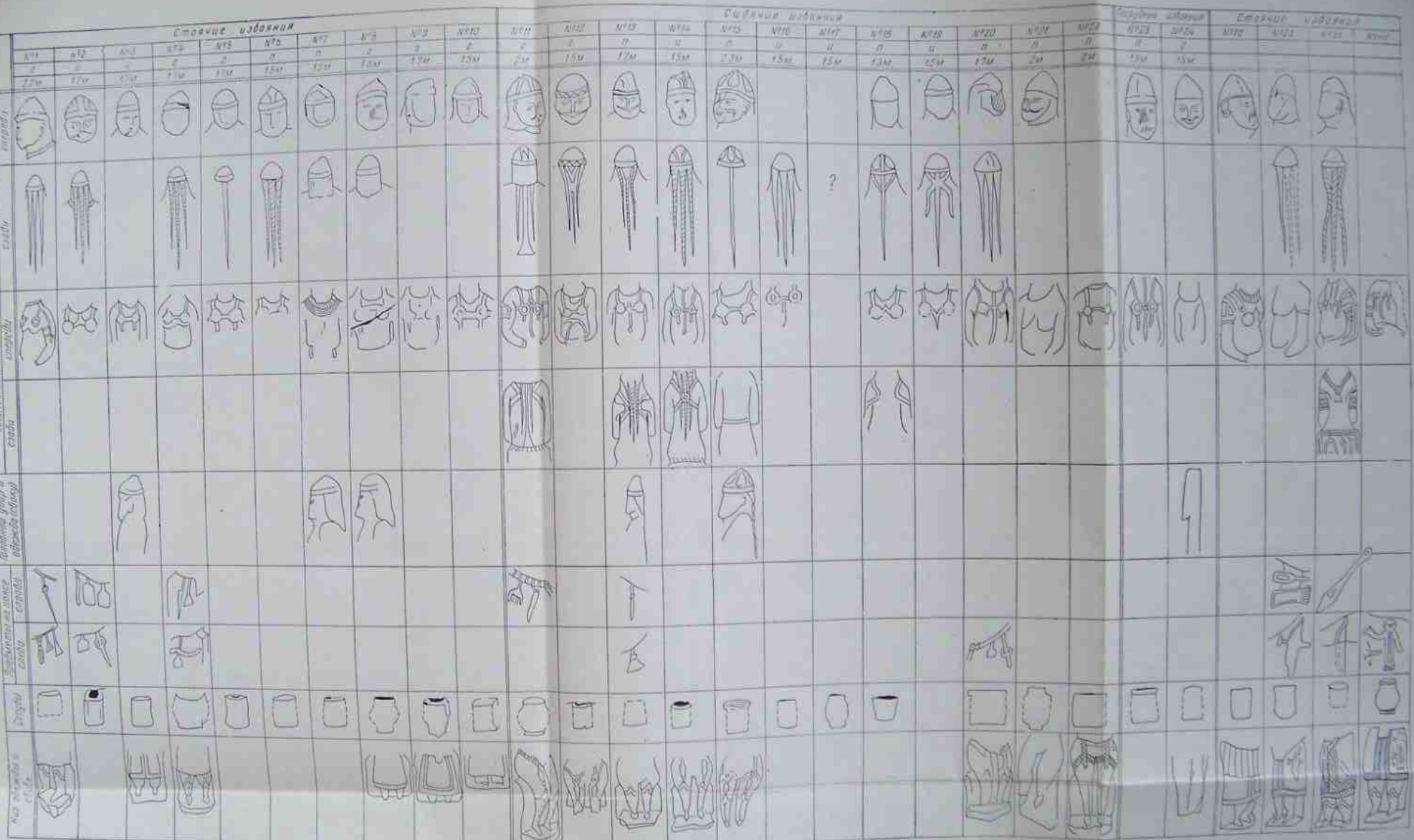


Рис. 37. Таблица каменных статуй, изображающих воинов.

№ 1 — ДИМ, № 8018, из Днепропетровской обл. (Кайдановский район); № 2 — ДИМ, № 8001; № 3 — ЖИКМ; № 4 — ДИМ, № 8003; № 5 — ДИМ, б/№; № 6 — ДИМ, № 7968; № 7 — ДИМ, № 7970; № 8 — ТИКМ; № 9 — ЖИКМ; № 10 — ЖИКМ; № 11 — ДИМ, № 8007, из Ворошиловграда (?); № 12 — ДИМ, № 7976; № 13 — ДИМ, № 7999, из Днепропетровской обл. (дер. Котовка); № 14 — ДИМ, № 7985, из Днепропетровской обл. (дер. Марьевка); № 15 — ЖИКМ; № 16 — ДИМ, б/№; № 17 — ДИМ, № 7985; № 18 — ДИМ, № 7967, из Днепропетровской обл. (Славянская район); № 19 — ДИМ, № 7991, из Днепропетровской обл. (с. Гуляй Поле); № 20 — ДИМ, № 8006, из Днепропетровской обл. (дер. Мартыновка); № 21 — ЖИКМ; № 22 — ЖИКМ; № 23 — ТИКМ; № 24 — ЖИКМ. 1а—4а — статуи, изданные Н. И. Веселовским в работе «Современное состояние вопроса о каменных бабах» (ЗООИД, т. XXXII, 1915). п — песчаник; м — известняк; г — гранит.

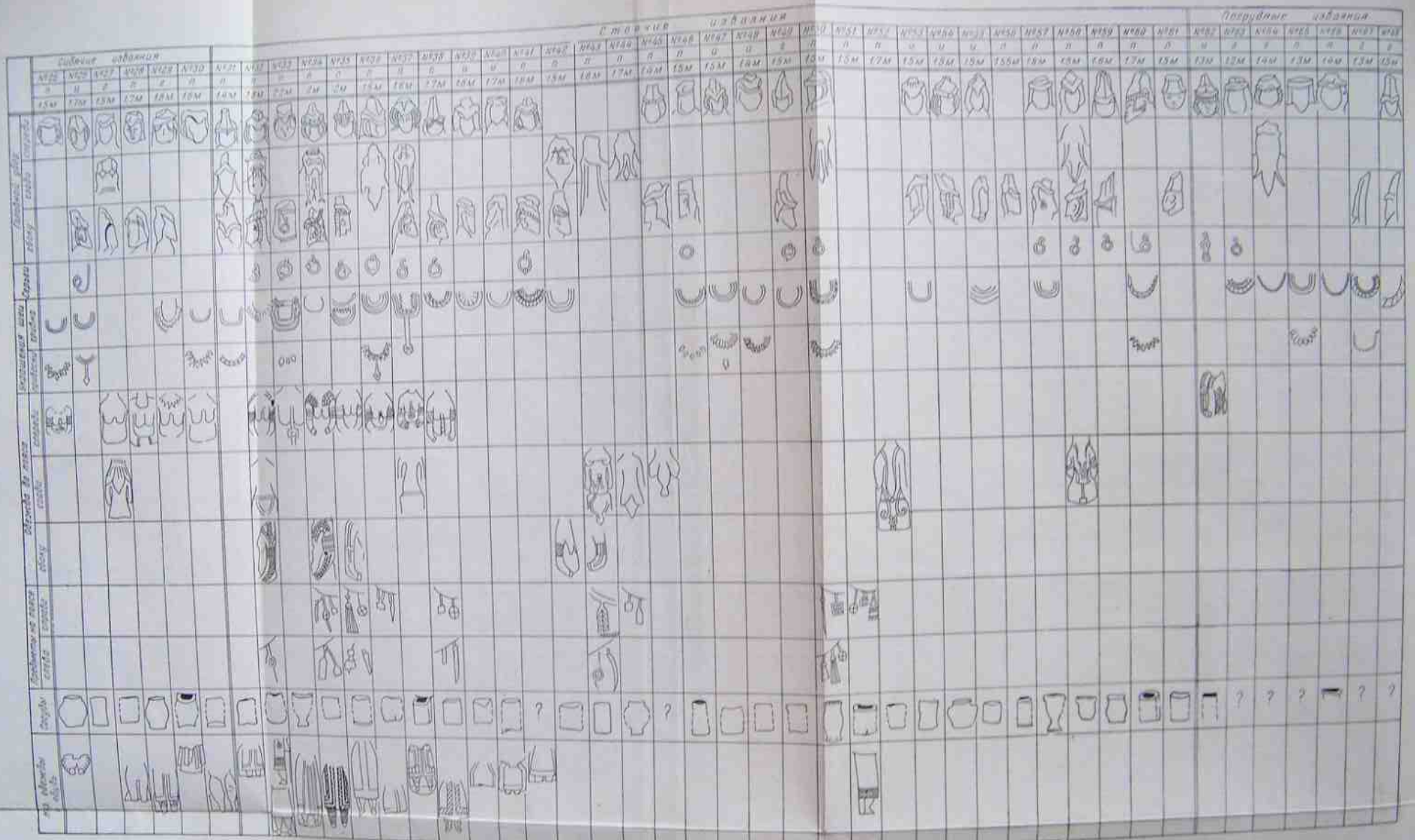


Рис. 38. Таблица каменных статуй, изображающих женщин.

№ 25 — ДИМ, № 7983, из Днепропетровской обл.; № 26 — ДИМ, № 7988; № 27 — ЖИИМ; № 28 — ТИИМ; № 29 — ТИИМ; № 30 — Новочеркасский городской сад; № 31 — ЖИИМ, № 32 — ДИМ, № 7875, № 33 — ДИМ, № 7872, из Днепропетровской обл. (с Новомосковска); № 34 — ДИМ, № 8009; № 35 — ДИМ, № 8013, из Днепропетровской обл. (с Петриковки); № 36 — ДИМ, 6/36; № 37 — ДИМ, № 8004, из Днепропетровской обл. (Солонянский район); № 38 — ДИМ, № 8005, из Днепропетровской обл. (Солонянский район); № 39 — ЖИИМ; № 40 — ЖИИМ; № 41 — Новочеркасский городской сад; № 42 — ДИМ, № 8010; № 43 — ДИМ, № 8012; № 44 — ДИМ, № 8015; № 45 — ДИМ, № 7981; № 46 — ДИМ, № 7980; № 47 — ДИМ, № 7984; № 48 — ДИМ, 6/36; № 49 — ДИМ, 6/36; № 50 — ЖИИМ; № 51 — ДИМ, № 8011; № 52 — ДИМ, № 7997; № 53 — ДИМ, № 7758, из Днепропетровской обл.; № 54 — ДИМ, № 7996, из Днепропетровской обл.; № 55 — ДИМ, № 7963, из Днепропетровской обл.; № 56 — ДИМ, № 7985; № 57 — ДИМ, № 7965; № 58 — ДИМ, № 8014; № 59 — ДИМ, № 8008; № 60 — ДИМ, 6/36; № 61 — ЖИИМ; № 62 — ЖИИМ; № 63 — ЖИИМ; № 64 — ТИИМ; № 65 — ТИИМ; № 66 — ТИИМ; № 67 — ТИИМ; № 68 — ТИИМ, с — песчаник) п — известняк; г — гранит.

фактах этой истории мы остановимся в той мере, в какой они связаны с событиями, происшедшими в последующую эпоху.

2

В заволжский период своей истории печенеги были со всех сторон окружены сильными народами: хазарами и буртасами с запада, гузами с юга, кипчаками с востока, булгарами и башкирами с севера. «Все эти народы производят нашествия, нападают на печенегов, уводят их в плен и продают в рабство»,[1] — писал Гардизи. Наиболее слабым звеном в окружавшем печенегов кольце был дряхлеющий и распадающийся на части Хазарский каганат. Естественно, что печенеги, отступая под давлением юго-восточных соседей, столкнулись с хазарами. Последние, пытаясь ослабить напор печенегов, вынуждены были заключить союз с гузами, основным и наиболее сильным врагом печенегов. «. . .узы, войдя в соглашение с хазарами и вступив в войну с печенегами, одержали верх, изгнали их из собственной страны», — писал в 50-х годах X в. Константин Багрянородный.[2] Событие это произошло, по его словам, примерно в последней четверти IX в.

Хазары ошиблись в расчетах. Разбитые орды печенегов, убегая от гузов, хлынули на территорию каганата, который не смог противостоять этому. Годы завоевания печенегами южнорусских степей не получили достаточного отражения в источниках. Только в персидском географическом труде «Границы мира», составленном неизвестным автором X в. «из книг и рассказов умных людей»,[3] говорится несколько слов о печенегах, разделенных на две ветви. Географическое положение одной из них, «тюркской», он описывает следующим образом: «Восток их страны граничит с гузами, на юг от них буртасы и барадасы, на запад от них мадьяры и рус, на север от них [река] Рута».[4] Описание это запутано и неясно, однако, если признать, что река Рута — Дон в среднем его течении, в том месте, где он делает изгиб на восток,[1] то окажется, что сведения обо всех остальных соседях печенегов даны Анонимом совершенно точно (рис. 1, *3*). Тюркские печенеги в период, описанный Анонимом, кочевали в Донецко-Донском междуречье.

Другая ветвь — «хазарские» печенеги — расположилась на землях, на восток от которых проходили «Хазарские горы, на юг от них — аланы, на запад — море Gurz, на север от них — мирваты».[2] Хазарскими горами Аноним мог назвать только холмистую гряду предгорий Кавказа, тянущуюся вдоль Кума-Манычской впадины, так как настоящих гор, идущих с севера на юг, на территории южнорусских степей вблизи Хазарского каганата нет. В таком случае «море Gurz» — вероятнее всего, Хазарское, или Азовское, море, а это значит, что хазарские печенеги занимали земли в устье Дона и Кубани (рис. 1, *3*). Название «тюркские» и «хазарские» Аноним дал, по-видимому, по основному, наиболее опасному для печенегов соседу: у «тюркских» печенегов это были гузы-тюрки (торки), у «хазарских» — хазары.

«Хазарские» печенеги, вклинившись между основной территорией Хазарии и подвластными ей в IX в. крымскими городами, прервали всякую связь между ними и этим нанесли экономике каганата сильный удар. Вероятно, пострадали от печенегов и самые города Крыма и Тамани, однако данных об этом ни письменных, ни археологических у нас нет. Хазары всячески старались вытеснить печенегов с захваченных последними земель. Они постоянно нападали на печенегов, уводили и продавали их в рабство, угоняли скот и т. п. К каким-либо явственным результатам это не привело, печенеги не покинули междуречья Кубани и Дона. В X в. Константин Багрянородный писал, что они были очень близки к Херсону, но еще ближе к Боспору и что они «окружали» Боспор,[3] т. е. подходили к нему не только со стороны Крыма, но и с востока.

---

[1] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 119.

[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14.

[3] Изыскания В. В. Бартольда обнаружили влияние на него Балхи и Истахри, а также Ибн-Русте и ал-Джейхани, от которых он и взял свои сведения о печенегах.

[4] V. F. Minorsky. Hudud-al-Alem, стр. 160.

[1] Так располагал печенегов Б. А. Рыбаков на карте, составленной по Худуд-ал-Алему (доклад на Секторе этногенеза в ИИМК в 1950 г.).

[2] V. F. Minorsky. Hudud-al-Alem, стр. 160.

[3] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14 и 42.

«Тюркские» печенеги захватили Донецко-Донское междуречье, разрушили все донские и донецкие крепости, построенные местным населением (Маяцкое, Салтовское, Мохначевское, Гомольшевское и другие городища) и подчинили это население (в основном болгар и яссов). Только небольшая часть местного населения бежала на юг, в земли собственно Хазарского каганата. Видимо, в этот период крепость Саркел превратилась в пограничный городок с этнически пестрым населением. Послойный анализ керамического материала позволил сделать заключение, что кочевники занимали в составе этого населения значительное место. Это были, вероятно, печенеги, перешедшие на службу к хазарскому кагану и поселенные им в пограничном городке. Часть наиболее ранних погребений из кочевнического могильника близ города оставлена безусловно вассальными Саркелу печенегами.

После захвата донецких степей печенеги начали упорную борьбу за расширение своей территории. Движение на восток, откуда их только что вытеснили гузы, было невозможно, движению на юг препятствовали хазары. Печенеги вновь обратились на запад. На этот раз противниками их оказались мадьяры и русские.

Для борьбы с мадьярами печенеги заключили союз с Дунайской Болгарией. Воспользовавшись тем, что основные силы мадьяр находились в походе, печенеги вторглись на их земли и почти полностью вырезали оставшееся там население (женщин, стариков, детей). Вернувшиеся из похода мадьяры нашли свою землю «пустою и разграбленною» и потому решили поселиться в другом месте,[1] тем более что передовые орды печенегов, вероятно, уже заняли к этому времени все основные места их кочевок.

Вытеснение мадьяр из Причерноморья произошло в 90-х годах IX в. В годы борьбы за Причерноморье печенеги сталкивались и с Русью. Об этом косвенным образом свидетельствует составленный русским летописцем хронологический перечень кочевых народов, проходивших в VIII—IX вв. через южнорусские степи, — «булгаре», «волохи», «угре белии», «обре», «печенезе» и «угре черныи». Последний раз угры подходили к Киеву, по словам летописца, в 898 г.[1] Это были, по-видимому, угры черные, упомянутые в хронологическом перечне VIII—IX вв. последними. Очевидно, печенеги подходили к границам Руси раньше 898 г., т. е. в разгар борьбы их за днепровские степи. К этому времени (конец IX в.) относятся оттеснение уличей, живущих в луке Днепра, на север в Поросье и построение близ Сугны сильно укрепленного уличского города Пересечена.[2] В эти же годы были разрушены славянские (тиверские) городки в Приднестровье.[3] Как и донецкие крепости, города эти были превращены в груды развалин, что и отмечал в середине X в. Константин Багрянородный: «. . .по сю сторону р. Днестра. . . имеются опустевшие города».[4] Разгромом тиверцев завершен был захват причерноморских степей. К началу X в. печенеги окончательно овладели территорией, очерченной Константином Багрянородным (рис. 1, *I*).

С первых лет появления в южнорусских степях печенеги разделились на две основных ветви, или на два объединения. Константин Багрянородный писал о том, что границей между объединениями в X в. был Днепр. Действия Восточного, или Левобережного, объединения не нашли отражения в письменных источниках. В силу географического положения оно было связано с Хазарским каганатом, по истории которого в этот период не сохранилось никаких сведений. Русский летописец только один раз упоминает о столкновении Восточного объединения с Русью.

В 993 г. «печенезе придоша по оной стороне от Сулы».[5] Битва печенегов и русских началась со знаменитого единоборства «Кожемяки» с «печенежином» и кончилась разгромом печенежского войска и бегством его. Поражение оказалось гибельным для Восточного объединения. В дальнейшем печенеги уже ни разу не нападали на Русь с левой стороны Днепра. В начале XI в. епископ Бруно, проезжавший по Печенегии, говорит только о четырех племенах

---

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 19.

[1] Ипат. лет., стр. 14.

[2] Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

[3] Г. Б. Федоров. Доклад на пленуме ИИМК АН СССР в 1951 г.

[4] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14.

[5] Ипат. лет., стр. 83—85.

печенежского союза, т. е. только о Западном объединении.[1] О существовании заднепровских печенегов он даже не слышал.

Западное печенежское объединение оказалось более сильным и устойчивым. Все соседящие с ним страны постоянно подвергались опустошительным набегам печенежских полчищ. Болгария и Венгрия с трудом могли противостоять им. Оба эти государства вели по отношению к печенегам пассивную оборонительную политику, поскольку, «будучи многократно. . . побеждены и ограблены ими, они по опыту познали, что хорошо и полезно жить всегда в мире с ними».[2] Один из крупных походов печенегов к Дунаю отмечен под 915 г. русским летописцем: «. . .придоша печенези первое на Русскую землю и створивше мир с Игорем, идоша к Дунаю».[3]

Отношения печенегов с приморскими портами в значительной степени обусловливались отношениями с Византией, поскольку эти города с начала X в. вновь перешли под власть Греческой империи. Помимо оживления торговли, которую вели печенеги с портами, они, по сообщению того же Константина, «делали набеги и грабили самый Херсон и так называемые Климаты».[4] Византия, отделенная от печенегов двумя странами (Венгрией и Болгарией), менее страдала от их грабительских налетов. Византийский император, предотвращая попытки кочевников проникнуть в его государство, постоянно посылал печенегам подарки и получал от них заложников из среды самой влиятельной аристократии, что помогало византийским политикам не только поддерживать мир, но и воздействовать на внешнюю политику печенегов, побуждая их к войнам против наиболее опасных врагов Византии — русов и болгар.

После 915 г. до второй половины X в. о печенегах не упоминается в русской летописи. П. В. Голубовский объясняет это тем, что печенеги не вмешивались в эти годы в жизнь Киевской Руси, т. е. не грабили и не разоряли ее земли.[5] Однако Константин Багрянородный, использовавший и обобщивший в своем трактате материалы IX—первой половины X в., утверждал обратное: «. . .печенеги. . . когда живут не в мире. . . грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков. . . Руссы. . . не могут даже выступать в заграничные войны, если не живут в мире с печенегами. . . руссы в случае войны с печенегами не могут свободно передвигаться по Днепру».[1] Таким образом, не только пограничные земли страдали от соседства печенегов, но и торговля и внешняя политика Киевской Руси были парализованы ими уже в начале X в.

Русские князья различными способами пытались обезопасить свои земли от кочевников. Так, в 920 г. князь Игорь возглавил поход в степь. Чаще русские, как и византийцы, использовали печенегов в своих целях. «Руссы, — писал Константин, — стараются быть в союзе с ними (печенегами, — *С. П.*) и получать от них помощь, чтобы вместе и избавляться от вражды с ними и пользоваться помощью».[2] В 944 г. тот же Игорь, по сведениям летописца, «совокупи воя многи варяги, и русь, и поляны, и словены, и кривичи, и печенегы ная. . . поиде на греки в лодьях и на конех».[3] Эта политика в отношении печенегов проводилась русскими на протяжении нескольких десятилетий — в периоды княжения Игоря и Святослава. Печенеги могли участвовать в походах Святослава, в частности в походе на Хазарию в 965 г., так же как они участвовали в военных предприятиях Игоря.[4] Святослав, организуя поход на хазар, должен был прежде всего обезопасить свой тыл союзом с печенегами, через земли которых он проходил. Как уже говорилось, Византия всеми средствами старалась влиять на внешнюю политику Печенегии в отношении Руси. Особенно активизировалась враждебная деятельность византийских дипломатов во времена Святослава, который, захватив болгарские земли, грозил Византии. Весьма вероятно, что в 968 г., когда Святослав овладел Переяславцем на Дунае, именно благодаря интригам Византии печенеги предприняли большой поход на Русь

---

[1] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, стр. 77.
[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 6—7.
[3] Ипат. лет., стр. 26.
[4] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 5.
[5] П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, стр. 68.

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 5.
[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 6.
[3] Ипат. лет., стр. 28.
[4] Ипат. лет., стр. 42.

и впервые подошли к Киеву «и оступиша. . . город в иелу тяжьце, бещисленое множьство».[1] Надежды, возлагаемые в Константинополе на этот поход печенегов, оправдались: «Святослав вборзе всед на конь с дружиною своею и приде к Кыеву»,[2] оставив на время придунайские земли.

Второе столкновение печенегов со Святославом, кончившееся разгромом русской дружины и убийством князя, опять-таки было организовано врагами Русского государства — переяславцами (болгарами) и, возможно, византийцами, которые сообщили печенегам о возвращении Святослава из Доростола в 971 г. с полоном «бещислен» и с «малой дружиной». Печенеги, с которыми Святослав, отправляясь в поход, не заключил мира, «заступиша пороги». Святослав вынужден был перезимовать в Белобережье, что окончательно подорвало силы его дружины, а весной сделал попытку прорваться сквозь печенежское окружение, но «нападе на ня Куря князь Печенежьский и убиша Святослава. И взяша голову его и во лбе его зделаша чашю, оковавше лоб его золотом и пьяху в нем».[3]

Следующий период истории печенегов связан исключительно с Русью. Он начался в княжение Владимира Святославича на киевском столе, в конце X в. Возросшая активность печенегов заставила Владимира заняться укреплением южных границ своего государства: «. . . и нача ставити городы по Десне и по Устреви, по Трубешеви, и по Суле, и по Стугне». Часть знаменитых Змиевых валов сооружалась, видимо, в то время, а более древние укрепления по Суле, Трубежу [4] и т. п. были обновлены и укреплены сторожевыми постами и городками. Об укреплениях, расположенных южнее Стугны, упоминает в своем письме епископ Бруно (1008—1009 гг.): «Русский государь (Владимир, — *С. П.*) . . два дня провожал меня до последних пределов своего государства, которые у него, для безопасности от неприятеля, на очень большом пространстве обведены со всех сторон самыми завалами».[1] Несмотря на попытки печенегов отодвинуть границу Русского государства к северу, Владимир укрепил ее и к концу своего княжения увеличил расстояние между Русью и печенежскими кочевьями с одного дня пути, как было при Константине Багрянородном, до двух дней.

В первые годы XI в. епископ Бруно и его спутники, проехавшие в землю печенегов через Киевское государство, «от лица (и, видимо, по просьбе, — *С. П.*) русского князя заключили с печенегами мир». Русский князь обещал выполнить ряд их требований и «дал печенегам в заложники мира сына своего».[2] В чем состояли требования, установить невозможно, заложником же был, вероятно, Святополк — нелюбимый и опальный сын Владимира.[3] Не случайны дальнейшие связи Святополка с печенегами при его попытке после смерти Владимира (1015 г.) захватить киевский стол и стать единовластцем на Руси.[4] Грабительские походы печенегов вместе с князем Святополком окончились полным разгромом печенежских полков. По-видимому, поражение было настолько серьезным, что в начале княжения Ярослава напор печенегов значительно ослабел. Русские незамедлили воспользоваться передышкой и в 1132 г. «Ярослав поча ставити городы по Роси».[5] Русь заняла территорию, долгое время остававшуюся нейтральной зоной, отделявшей ее границы от кочевников.

Теснимые с востока торками, а с севера Русью, печенеги, пытаясь удержаться на прежних землях, предприняли в 1036 г. большой поход на Русь и осадили Киев. Ярослав, бывший в то время в Новгороде,

---

[1] Ипат. лет., стр. 42—43. Описания этого набега и обмена оружием между русским дружинником и печенежским князем неоднократно приводились русскими историками. Русское летописное изложение этого события А. Н. Бернштам (Историческая правда в легенде об Огуз-кагане. СЭ, 1935, № 6) связывает с легендой о походе Огуза на Урум и Урус.

[2] Ипат. лет., стр. 48.

[3] Ипат. лет., стр. 48.

[4] В. Г. Ляскоронский указывает, что Змиевы валы сооружались различными племенами и народами на протяжении тысячелетий; см. работы В. Г. Ляскоронского, опубликованные в «Трудах» XI (т. 1), XIII (т. I) и XIV (т. III) археологических съездов.

[1] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., стр. 76.

[2] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., стр. 77.

[3] В 90-х годах X в. Владимир раскрыл заговор Святополка с Болеславом и арестовал сына вместе с его женой и духовником (Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 467).

[4] Ипат. лет., под 1016, 1018 и 1019 гг.

[5] Ипат. лет., стр. 105.

поспешил на юг с сильной дружиной. Подойдя к Киеву, он вступил в бой с печенегами. Вот как характеризует эту битву и ее результаты русский летописец: «И бе сеча зла и одва одолев к вечеру Ярослав. И побегоша печенезе раздно, и не ведахуся камо бежаче, и овии бегающе тоняху в Ситомли, инеи же во инех реках, и тако погибоша, а прок их пробегоша и до сего дни».[1] Блестящая победа Ярослава фактически уничтожила Западное печенежское объединение, а вместе с тем и печенежскую опасность.

В середине XI в. 4 округа западных печенегов распались и самой крупной административной единицей стала считаться часть (как называл ее Константин Багрянородный), или колено. По сообщению византийца Кедрина,[2] 13 печенежских колен обитали на берегу Черного моря, между Днепром и Дунаем, примерно в тех местах, где некогда кочевали округи Гиазихопон и Хавуксингил (рис. 1, *1*). Однако номинальный правитель — хаан— еще возглавлял печенежские орды. Это был Тирах, человек безынициативный, а потому не пользовавшийся популярностью у соплеменников. На борьбу с Русью у печенегов уже не хватало сил, отдельные восточные колена отражали натиск напиравших с востока торков. В схватках с ними, как полагает В. Г. Васильевский, выделился новый вождь — Кеген. Он попытался захватить власть над всеми 13 коленами, но знать, видимо, воспротивилась этому и поддержала Тираха. Кеген бежал от Тираха в Византию, за ним последовал и сам Тирах (видимо, под давлением гузов—торков). Орды Тираха были разбиты и поселены Византией на ее границах — между Балканами и Дунаем — в качестве пограничных войск.

Дальнейшая история печенегов связана уже с западными странами — Византией и Венгрией. Она нашла отражение в работе В. Г. Васильевского «Византия и печенеги», а также в трудах венгерских ученых и отчасти в статье Д. А. Расовского «Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии»,[3] написанной по венгерским источникам.

[1] Ипат. лет., стр. 106.

[2] Изложение глав из работы Кедрина, посвященной печенегам, и толкование их см. в работе В. Г. Васильевского «Византия и печенеги». Труды, т. 1, СПб, 1908.

[3] SK, t. VI, Praga, 1933.

3

Оставшиеся небольшие роды печенегов влились в орды торческо-печенежского союза, пытавшиеся в середине XI в. пробиться к Византии для соединения там с основными силами сельджуков. Это заставляло торков поддерживать мирные и даже союзные отношения с Киевской Русью — наиболее сильным и опасным противником в Восточной Европе. Союзные отношения торков с Русью начались еще при Святославе, когда торки кочевали в заволжских степях. По свидетельству Ибн-Асира, торки напали на Хазарию в том же 965 г., что и Святослав, и были отброшены от ее границ только благодаря помощи хазарам со стороны Хорезма.[1] Дружественные связи с торками продолжались и при Владимире Святославиче. В 985 г. торки помогали князю Владимиру в походе на волжских булгар.[2] Наконец, борьба Руси с печенегами велась, видимо, тоже в союзе с торками, которые, стараясь обойти Русь, направили основной удар на печенегов, занимавших южнорусские степи.

Несмотря на кажущуюся миролюбивость торков в отношении Руси, русские князья учитывали опасность, которая грозила Киеву в случае соединения торческих отрядов с сельджуками, пытающимися захватить Балканский полуостров. Надо полагать, что немало дипломатических усилий для организации разгрома торков приложили греки. Характерно, что борьбу с торками начал Всеволод Ярославич, женатый на «царице грекине». В 1055 г. «иде Всеволод на торки зиме к Воиню и победи торки».[3] В 1060 г. его поддержали остальные князья «триумвирата» (Изяслав и Святослав) и Всеслав Полоцкий, которые «совокупивше воя бещисленыи и поидоша на конях и в лодьях бещисленное множество на торки».[4] Торки не приняли битвы, «убоявьшеся, пробегоша», и, как пишет летописец, «бог избави крестиан от поганых».

Разгромленные и ослабленные орды торков в массе своей двинулись на Византию. В 1064 г. они впервые появились на Дунае.

[1] В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. Сов. востоковедение, т. I, 1940, стр. 34; М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI, 1952.

[2] Ипат. лет., стр. 56.

[3] Ипат. лет., стр. 114.

[4] Ипат. лет., стр. 114—115.

Однако «византийское золото и повальные болезни»[1] заставили их уйти с правого берега Дуная. Только часть из них осталась на императорской службе. Подавляющее большинство вернулось назад, в южнорусские степи, и перешло в подданство к русскому князю, заселив пограничные русские земли.

4

История кочевников, ставших под покровительство Руси, делится на два этапа. Первый этап длился около 100 лет (60-е годы XI в.—40-е годы XII в.). В течение этого времени Поросье было заселено тремя народами — торками, печенегами и берендеями. Все они неоднократно упоминаются на страницах Ипатьевской летописи: под 1080, 1095, 1126 гг. — торки; под 1085, 1093 гг. — Торческий град; под 1105 г. — торки и берендеи; под 1142 г. — печенеги; под 1097, 1121 гг. — торки, печенеги и берендеи. Они не составляли в этот период единого целого; видимо, каждый из них имел отдельные договорные отношения с Русью, причем, возможно, договоры заключались не только с племенами, но и с отдельными ордами этих племен. В 1080 г. «заратишася торци переяславлестии на Русь, Всеволод же посла на не сына своего Володимера, Володимер же шед, побив тороки».[2] Летописец подчеркивает, что не все торки, а только одна их орда — переяславская — участвовала в восстании.

Как полагает Б. Д. Греков,[3] киевские князья, предоставляя кочевникам свободные территории, едва ли занимались благотворительностью. Они поселяли их на выгодных для себя условиях. Самое поселение их на границах Русского государства свидетельствует о намерении создать из тюрков щит, пограничное войско, сочетающее в себе подвижность кочевников и устойчивость оседлых племен. Второй обязанностью кочевников было предоставление военной вспомогательной силы в войска русских князей, в особенности киевского великого князя. Последнее обстоятельство превращало их в опору центральной власти в Киевском государстве в борьбе с феодальными центробежными стремлениями. В случае невыполнения принятых обязательств русские князья быстро и решительно расправлялись с непокорными (пример 1080 г.), а в отдельных случаях даже изгоняли их из пределов своего государства. Так, в 1121 г. «прогна Володимер береньдичи из Руси, а торци и печенези сами бежаша».[1] Все перечисленные обязанности, выполнявшиеся торками, берендеями и печенегами в первый период их зависимости от Руси, с еще большей силой выявились впоследствии, при слиянии их в единый черноклобуцкий союз.

Впервые термин «черные клобуки» употреблен летописцем под 1146 г.: «И ту приспашася к нему (Изяславу Мстиславичу,— *С. П.*) чернии клобуци и все Поросье».[2] Записи последующих лет дают основание считать это название общим для всех кочевников Поросья. Так, под 1151 г. говорится, что к Киеву «Володимер приде с всимы черными клобукы», и далее: «Изяслав и Ростислав повелеша Володимиру пойти с берендеи. . . ко Олгове. . . а коуеве и торчи и печенези туда сташа у Золотых ворот. . . до Лядьских ворот».[3] Приведенная цитата свидетельствует также о том, что, несмотря на объединение племен в единый союз, каждое из них сохранило свое имя и выступало по требованию киевского князя не только в соединении с остальными, но и самостоятельно. С 1146 по 1193 г. кочевники Поросья фигурируют на страницах Ипатьевской летописи в 24 записях из 47, в том числе: черные клобуки в 14 записях,[4] берендеи — в 17,[5] торки — в 8,[6] печенеги — в 3,[7] коуи — в 2,[8] каепичи — в 1.[9]

Судя по тому, что берендеи упоминаются в летописи чаще остальных племен, они стали, вероятно, в союзе самым крупным и влиятельным племенем, хотя главный город Поросья по-прежнему именовался Торческом. Возросшее значение берендеев

---

[1] В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 28.
[2] Ипат. лет., стр. 143.
[3] Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 344.

[1] Ипат. лет., стр. 205.
[2] Ипат. лет., стр. 230.
[3] Ипат. лет., стр. 296.
[4] Ипат. лет. под 1146, 1150, 1151, 1152, 1153, 1154, 1162, 1169, 1174, 1177, 1187, 1190, 1191, 1193 гг.
[5] Ипат. лет. под 1146, 1147, 1148, 1151, 1153, 1157, 1160, 1162, 1169, 1170, 1172, 1173, 1174, 1177, 1184, 1185 гг.
[6] Ипат. лет. под 1151, 1154, 1160, 1162, 1169, 1170, 1173, 1193 гг.
[7] Ипат. лет. под 1151, 1162, 1169 гг.
[8] Ипат. лет. под 1151, 1162 гг.
[9] Ипат. лет. под 1160 г.

объясняется их политической активностью. Остальные племена, по-видимому, быстрее поддались русскому влиянию, осели и стали менее подвижны в военном отношении, а потому реже использовались Русью и меньше интересовали киевского летописца.

Образование черноклобуцкого союза совпало с периодом ожесточеннейшей междоусобной смуты на Руси, поэтому естественно, что именно в эти годы окончательно оформились отношения между киевским князем и кочевниками Поросья. Киевский великий князь, нуждаясь в военной силе для обуздания своевольных феодалов, установил тесный контакт с черными клобуками, превратив их из федератов, какими они были в первый период, в вассалов. Уже в 1146 г. черные клобуки называют великого князя своим князем. Особенно четко вассальные отношения черных клобуков отображены летописцем под 1154 г., когда умер великий князь Изяслав Мстиславич: «. . .плакася по нем вся Русская земля и вси черни клобуци и яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци».[1]

Помимо обязанности помогать киевскому князю против остальных русских князей, черные клобуки должны были по-прежнему нести пограничную службу и участвовать в походах против внешних врагов Руси (половцев). Обыкновенно в русских войсках они играли роль легкой конницы, употреблявшейся для погони (1162, 1172 гг.), в передовых разведывательных отрядах (1160, 1184 гг.), в засадах и т. п. В 80—90-е годы XII в., в период затишья феодальных усобиц на Руси, они использовались уже как самостоятельное войско. В 1185, 1187 гг. черные клобуки, возглавляемые русским дружинником Романом Нездиловичем, выступают против половцев по приказу великого князя Святослава, а в 1190, 1192, 1193 гг. ими руководили уже «лепшии мужи» из их же среды, которые сами планировали поход и предлагали русскому князю Ростиславу Рюриковичу, сидящему в удельном Торческе, лишь возглавить его, что лишний раз подчеркивает их вассальную зависимость от отца Ростислава — Рюрика.

Кроме Поросья и Переяславской земли, небольшие орды кочевников окружали многие русские города. Под 1185 г. специально упоминаются летописцем коуи черниговские, участвовавшие в знаменитом походе Игоря Святославича. Часть берендеев, по-видимому, во времена княжения в Киеве Юрия Долгорукого переселилась в Ростово-Суздальскую землю, где оставила после себя след в топонимике. Наконец, степной город Белая Вежа, форпост русских, тоже был окружен кочевьями «своих поганых», от которых сохранились кочевнические могилы под стенами города. Косвенным доказательством в пользу того, что торки и печенеги были вассалами Белой Вежи, является рассказ летописца о двух последовавших одно за другим событиях. В записи под 1116 г. говорится: «. . . бишася половци и с торкы и с печенегы у Дона и секошася два дни и две нощи и придоша на Русь к Володимеру торци и печенези».[1] Запись 1117 г. сообщает о том, что жители Белой Вежи ушли с донских берегов на Русь. Связь обоих событий очевидна. После того как военный заслон беловежцев был разгромлен и оставил степи, незащищенный город не смог продолжать своего существования среди половцев, особенно озлобленных удачными походами Владимира Мономаха.

Целый ряд тюркских названий в топонимике Галиции и Волыни говорит о заселении кочевниками этих земель. Летописцы неоднократно сообщают об участии половцев в первой половине XIII в. в жизни Галицко-Волынской земли.

5

Основной причиной, заставившей торков и печенегов, оставшихся в степях, стать в подчиненное отношение к русским князьям, было нашествие на южнорусские степи половцев, оказавшихся более безжалостным и жестоким врагом для прежних владельцев степей, чем русские. О периоде завоевания половцами южнорусских степей нет никаких известий в источниках. Очевидно только, что половцы были значительно более мощным племенным объединением, чем два предыдущих. В 1055 г. их передовая, разведывательная орда впервые появилась на левом берегу Днепра под Переяславлем: «. . . приходи Блуш с половци и створи Всеволод мир с ними и возвратишася (половцы, — *С. П.*) вьсвояси».[2]

[1] Ипат. лет., стр. 323.

[1] Ипат. лет., стр. 204.
[2] Ипат. лет., стр. 114.

История половцев в южнорусских степях (с 1055 по 1223 г., до Калкинской битвы) разделена мной на несколько периодов. Внешняя политика половцев была обусловлена процессами, происходящими внутри их общества, и в значительной степени силой сопротивления, оказываемого им Русью.

Первый период длился с середины XI до начала XII в. Это период разложения родо-племенного строя и возникновения двух крупных государственных объединений — Днепровского и Донского. Резко агрессивная политика половцев объясняется стремлением крепнущей кочевой аристократии к обогащению. За время от 1061 г., когда «придоша половци первое на Руськую землю воевати»,[1] и до 1092 г. Ипатьевская летопись постоянно сообщает о грабежах и разорении пограничных русских земель: «рать велика. . . от половец отовсюду».[2]

Несмотря на отпор, даваемый Русью, половцы в эти годы чувствовали превосходство своих сил над русскими и потому, естественно, вели себя дерзко и вызывающе. В 1093 г., после смерти великого князя Всеволода, половцы направили к его преемнику Святополку послов. Предложенные половецкими послами условия мирного договора были настолько тяжелы и оскорбительны, что Святополк «послы всаже в погреб» и категорически отказался от переговоров, несмотря на уговоры Владимира Всеволодовича. Половцы двинулись на Русь. Русские дружины не смогли противостоять половецким силам, и «створи бо ся плач велик у земле нашей, и опустели города наши, и быхом бегающе и перед враги нашими». Это вынудило киевского князя в 1094 г. заключить мир: «створи мир с половце Святополк и поя жену, дщерь Тугортоканю, князя половецьского».

Победа половцев над киевским князем не дала им абсолютного перевеса над Русью, так как уже в следующем году русские князья демонстративно нарушили договор 1094 г. В 1095 г. половцы правобережных днепровских орд ушли в поход на Византию с одним из претендентов на византийский престол — Девгеневичем.[3] Опасаясь нарушения мира со стороны русских князей, половцы левобережной орды (или двух орд) во главе с Итларем и Китяном направились к Владимиру под Переяславль для заключения повторного договора о мире.[1] Владимир же, воспользовавшись отсутствием основных половецких сил, хитростью убил Итларя и Китяна, перебил их дружину и затем совместно со Святополком «вежи их взяхом, шедше за Голтавом» (т. е. на Ворскле).[2] Византийский поход половцев кончился неудачей, императору удалось захватить Девгеневича, и половцы вынуждены были вернуться в свои степи.

Набег половцев на поросский город Юрьев,[3] предпринятый тотчас после их возвращения, был, видимо, местью за смерть Итларя и Китяна. Юрьев был сожжен, окрестности его ограблены, однако половцы, ослабленные византийским походом, не решились проникнуть в глубь русских земель. Летом 1096 г. борьба между Русью и Приднепровским объединением, во главе которого стояли князья Тугоркан и Боняк,[4] разгорелась с новой силой. Правобережные половцы совершили налет под предводительством князя Кури на окрестности Переяславля и г. Устье. Святополк и Владимир в это время были заняты междоусобной распрей с Олегом Святославичем, бежавшим от них в Стародуб, в котором он был осажден дружинами князей-союзников. За набегом Кури последовали более серьезные военные действия половцев: Боняк в мае подступил к Киеву («повоеваша около Киева»),[5] а Тугоркан — к Переяславлю. Святополк и Владимир поспешили к Киеву («идохом с Святополком на Боняка за Рось»,[6] — писал сам Владимир в «Поучении»), а затем направились через Заруб к Переяславлю, где неожиданным нападением смешали ряды половцев; «июля в 19 день побежени быша иноплеменьнице и князь их Тугортъкан убьен бысть». Чтобы оттянуть силы русских от Переяславля и

---

[1] Ипат. лет., стр. 115.
[2] Наиболее крупные набеги указаны летописцем под 1068, 1071, 1092 гг.
[3] Самозванец, выдававший себя за Константина, сына императора Романа-Диогена.

[1] Ипат. лет., стр. 158.
[2] Повесть временных лет, стр. 161.
[3] Ипат. лет., стр. 159.
[4] Оба эти князя стали известны еще раньше, чем русским, византийскому императору Алексею Комнину, которому они пришли на помощь в его борьбе с печенегами. Анна Комнин называет их Маниак и Тогортак (см.: В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 98 и сл.).
[5] Ипат. лет., стр. 161.
[6] Повесть временных лет, стр. 181.

помочь Тугоркану. Боняк снова подошел к Киеву и «мало в город не вогнаше половци».[1] Взять город Боняку не удалось, и он ограничился тем, что разграбил Печерский монастырь и его окрестности. Совершилось это, по указанию летописца, 20 июля, т. е. после разгрома половцев под Переяславлем. По-видимому, после того как до Боняка дошли известия о гибели Тугоркана, он решил отступить, тем более что к Киеву возвращался Святополк с дружиной.

Успешные действия русских и большие потери, понесенные кочевниками, побудили половцев завязать мирные отношения с Русью. В 1101 г. «прислаша половци слы ото всех князь къ всей братьи (к русским князьям, — *С. П.*) и просяще мира».[2] Мир был заключен. Русские князья охотно заключали перемирия с половцами, так как это давало хотя бы временную передышку от грабительских налетов кочевников, однако влиятельнейший и умнейший князь того времени, Владимир Мономах, настаивал на продолжении военного нажима на половцев, что являлось главным условием для обеспечения полного спокойствия русских границ.

Долобский съезд русских князей (1103 г.) утвердил предложенную Мономахом политику систематического наступления на половцев. Он положил начало новому (третьему) периоду половецкой истории, который определяется не столько внутренними процессами (продолжающееся разложение родоплеменного строя, начало феодализации), сколько внешними причинами, прежде всего активизацией Руси в отношении кочевников. Ипатьевская летопись насчитывает в период от 1103 до 1132 г. 9 набегов половцев на Русь, из которых 5 окончились поражением половцев и ответными походами русских в степь (см. табл. 2).

Таблица 2

Участники со стороны половцев	Походы Руси на половцев		Походы половцев на Русь	
	удачные	неудачные	удачные	неудачные
Западное (Днепровское) объединение	1 (1103 г.)	—	3 (1105, 1107, 1107 гг.)	2 (1106, 1113 гг.)
Восточное (Донское) объединение	3 (1103, 1111, 1116 гг.)	—	—	—
Западное и Восточное объединения	—	—	—	1 (1107 г.)
Неизвестные	—	—	1 (1110 г.)	2 (1110, 1126 гг.)

В этот период в борьбу против Руси было втянуто и Восточное (Донское) объединение. До 1107 г. и Русь и донские половцы избегали серьезных столкновений. Тем не менее сильное половецкое объединение мешало Руси в торговле с Востоком, отрезая ее от Белой Вежи и Волги. Разгромив войско Шаруканя, соединенное с боняковскими дружинами, в 1107 г. под Лубном, русские перешли в решительное наступление против донской группировки, нанеся ей ряд крупных поражений. По образному выражению летописца, «Володимер Мономах пил золотым шоломом Дон и приемшю землю их всю»,[1] изгнавши Отрока в «Обезы» за «Железные ворота», о чем сохранились известия в грузинских хрониках. Царь Грузии Давид, нуждавшийся в отборной коннице,

[1] Ипат. лет., стр. 162.
[2] Повесть временных лет, стр. 182.

[1] Ипат. лет., стр. 479.

принял на службу 40-тысячное войско половцев под командой Отрока, на дочери которого, Гурандухт, он впоследствии женился.[1]

Другая часть половцев отступала на восток. Вероятно, именно во время этого отступления, начавшегося после похода 1116 г., половцы разорили Белую Вежу, столкнулись с окружавшими ее печенегами и торками[2] и, наконец, в 1117 г. подошли к волжскому городу Булгару. Князь Булгара выслал им под видом почетного угощения отравленное вино «и пив Аепак и прочии князи, вси помроша».[3] Булгар освободился от необходимости давать половцам военный отпор. При Мстиславе Владимировиче половцы, по словам летописца, загнаны были «за Дон и за Волгу, за Яик».[4] Третья часть половцев (преимущественно восточных), выбитая из привычной колеи походами русских князей, составила особую группу — это так называемые «дикие» (т. е. не входящие в объединения) половцы.

Борьба с половцами, организованная и возглавленная Мономахом, оставила глубокий след в народной памяти. Многочисленные былины и сказания русского народа сохранили имена влиятельных князей половецких, разгромленных и убитых в ходе этой борьбы (Тугарин—Кудреванко—Тугоркан, Идолище—Итларь, Буняк—Боняк).[5] Некоторых из западных половецких князей Владимир пытался обезвредить и подчинить своему влиянию посредством браков своих сыновей на дочерях половецких ханов. В 1107 г. Георгий Владимирович женился на дочери князя Епиопа,[6] в 1117 г. «поя Володимер за Андеря внуку Тугортоканю».[7] Сам Мономах заявляет в «Поучении», что он «миров есмь створил с половечьскьми князи без одного 20».[8] Правда, несмотря на родственные связи, половецкие князья иногда нарушали договоры и соединялись с Боняком, подчиняясь ему как старейшему. Тем не менее в целом политика Владимира, заключавшего сепаратные договоры с влиятельными князьями, нарушала единство и подтачивала непрочное государственное объединение половцев. Половецкое наступление было остановлено.

Однако это не означало, что Русь в последующие годы избавилась от половецких набегов. В 30-х годах XII в. начинается новый период половецкой истории, характеризующийся в основном участием кочевников в междоусобицах русских князей, разделившихся на два враждебных лагеря — Мономаховичей и Ольговичей. Ольговичи широко привлекали в борьбе против Мономаховичей половцев Восточного объединения, среди которых у них было много родни и союзников. Об этом прямо говорит летописец, конкретно указывая орды, близкие Ольговичам: «Отперлюеве, Токсобици и вся Половецкая земля, что же межи Волгою и Днепром».[1] За 30 с небольшим лет (1128—1161 гг.) русская летопись отмечает 15 нашествий половцев на русские земли в качестве союзников Ольговичей. В условиях междоусобных распрей кочевники беспрепятственно проходили по русской земле, «воююче села и города . . . люди емлюще, а другие секуще».[2] Возможно, именно за счет постоянных грабежей обогатилось и благодаря этому окрепло и возродилось разбитое Мономахом Донское объединение половцев.

С 70-х годов начался четвертый период половецкой истории. О взаимоотношениях Руси и половцев в этот период дает представление табл. 3. Из таблицы прежде всего становится очевидной большая роль Восточного объединения в борьбе с Русью в 1172—1187 гг. Это время можно назвать периодом политического возвышения восточных половцев, возглавляемых ханом Кончаком. Западные половцы так и не сплотились вновь в единый массив. Номинальным правителем западных орд был хан Кобяк, не сумевший создать из них сильного объединения.

Таким образом, поход великих князей Святослава и Рюрика в 1184 г. на запад-

---

[1] Урбнели. Давид-Строитель и его время. Тифлис, 1894, стр. 19—20.
[2] Ипат. лет., стр. 204.
[3] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 44; Ипат. лет., стр. 205.
[4] Ипат. лет., стр. 217.
[5] Кузьмичевский. Шолудивый Буняка в украинских народных сказаниях. Киевская старина, 1887, № 8; Архангельские былины и исторические песни. Собрание О. Д. Григорьева, т. III. СПб., 1910; Онежские былины. Ред. Ю. М. Соколова. Изд. АН СССР, М., 1948, и др.
[6] Ипат. лет., стр. 186, 205.
[7] Ипат. лет., стр. 157.
[8] Повесть временных лет, стр. 162.

[1] Ипат. лет., стр. 315.
[2] Ипат. лет., стр. 213.

Таблица 3

Участники со стороны половцев	Походы половцев на Русь		Походы Руси на половцев	
	удачные	неудачные	удачные	неудачные
Восточное (Донское) объединение	2 (1185, 1187 гг.)	3 (1179, 1183, 1184 гг.)	—	1 (1185 г.)
Западное (Днепровское) объединение	—	2 (1172, 1173 гг.)	3 (1184, 1187, 1187 гг.)	1 (1187 г.)
Западное и Восточное объединения	—	1 (1174 г.)	1 (1174 г.)	—
Неизвестные	1 (1177 г.)	2	2 (1133, 1185 гг.)	—

ных половцев как на наиболее слабое звено единого половецкого наступления был результатом стратегического расчета. Русские наголову разбили кочевников, «а поганого Кобяка из луку моря от железных великих плъковъ половецкьх яко вихрь выторже: и падеся Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святославли».[1]

Кончак после смерти Кобяка остался единственным ханом, способным продолжать борьбу с Русью. В 1184 г. в ответ на разгром западного войска и убийство Кобяка он выступает в поход на Русь, угрожая «пленити грады русские и пожещи огнем».[2]

Особенно серьезным и разорительным для Руси был поход Кончака и Гзака в 1185 г. после победы над Игорем, когда эти князья разорили окрестности Переяславля и Путивля, взяли Римов и ушли с полоном в степи. Поход этого года на Русь Кончак демонстративно объявил местью за великого днепровского хана Боняка и его дружину, погибших на «киевской стороне», что явственно выявляет тенденцию Кончака объединить под своей властью все половецкие земли от Волги до Днестра. Претензии Кончака сделаться единовластцем у половцев были, видимо, широко известны не только в половецких землях, но и за их пределами. В одном из архангельских вариантов былины о Ваське-пьянице говорится:

Подымается на Киев да Кудреванко царь
А да с любимым-то зятелком со Артаком,
Он с любимым-то сыном да все со Коньшиком.
Да у Артака силушки сорок тысячей,
Да у Коньшика сылы да сорок тысячей,
А у самого Кудреванка да числа-смету нет.[1]

Историческая правда в этом отрывке (упоминание Отрока вместе с Кончаком и сорокатысячного войска, сопровождавшего Отрока в Грузию) переплетена с вымыслом (трактовка Кончака как сына Тугоркана). Вымысел этот мог возникнуть только под влиянием хорошо известного русским стремления Кончака объявить себя наследником великих западных ханов. В конце своего княжения Кончаку удалось достигнуть известного единства, так как с 1187 г. отряды под его руководством или по его приказу воевали уже на правом берегу Днепра: «воева Концак по Рси с половци: по сем же почаша часто воевати по Рси».[2] Русское государство выдержало и отразило организованное Кончаком наступление на южнорусские княжества. Начиная с 90-х годов напор половцев становится слабее. Походы русских князей 1190—1193 гг.[3]

[1] Слово о полку Игореве, стр. 18.
[2] Ипат. лет., стр. 428.

[1] Былины. Ред. М. Сперанского. М., 1916, стр. 229.
[2] Ипат. лет., стр. 439—440.
[3] Ипат. лет., стр. 451—453.

подорвали силы половцев, и в конце XII в. набеги последних прекратились почти совершенно. Большую роль сыграли в ослаблении половцев, в уменьшении их набегов оседание, обнищание масс, а в связи с этим разгорающаяся борьба внутри общества.

В 1224 г. под угрозой татарского порабощения половцы во главе с Юрием Кончаковичем и князем Бастием [1] обратились за помощью к русским, считая их своими союзниками и покровителями в борьбе с новым врагом.

Разгром половцев татарами и дальнейшее существование их в составе Золотой Орды освещены А. Ю. Якубовским в книге «Золотая Орда и ее падение».[2]

Как в середине XI в. обессиленные неравной борьбой с Русью печенеги и торки перешли в подданство к киевскому князю, так и в середине XII в. к этим мерам прибегли некоторые группы половцев, образовавшие самостоятельные от остальных половцев отряды, зависимые от того или иного русского князя и называемые летописцем «дикими половцами». Появились они, как полагает Б. А. Рыбаков,[3] в результате сокрушительных ударов Владимира Мономаха на половецкие объединения. Часть половцев потеряла из-за этих походов и вежи и земли, превратившись в своего рода «изгоев», а это побудило их искать защиты у соседей, в частности у русских князей.

Место обитания «диких половцев» установить невозможно. Очевидно только, что они кочевали на Левобережье Днепра. Политическая близость их к Юрию Долгорукому дает возможность предположить сравнительную близость их кочевий к Ростово-Суздальской земле (примерно в верховьях Донца и Дона). «Дикие половцы» не были вассалами русских князей, они нанимались к ним на службу за землю и военную добычу, т. е. были федератами.

О «диких половцах» Ипатьевская летопись сообщает под 1146, 1148, 1151, 1159, 1195 и 1196 гг. В эти годы они 3 раза участвовали в походах Ольговичей, 4 раза — в походах Юрия Долгорукого на Киев. В 1195 г., после смерти Святослава Всеволодовича Рюрик Ростиславич сел на Киевский стол. Он сразу же постарался привлечь на свою сторону давнишних врагов Мономаховичей — «диких половцев»: «дикыи половци отпусти в вежи своя, одарив я дарами многими».[1] Испытанная в отношении кочевников политика подкупа дала желаемый результат: в 1196 г. «Рюрик же приведъ братью свою и дикыи половци и почаша воеватися со Олговичи».[2]

Дальнейшие сведения о них прекращаются, возможно, потому, что бóльшая часть их стала в вассальное отношение к Рюрику и влилась в черноклобуцкий союз (отсюда и массовость половецких погребений в Поросье).

VI. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

О трех основных тюркоязычных народах (печенегах, торках и половцах), занимавших в X—XIII вв. степные пространства от Волги до Прута, до нас дошли многочисленные, хотя и отрывочные, письменные данные и археологические памятники. Изучение дошедших источников дает возможность сделать следующие выводы.

1

1. Печенеги овладели южнорусской степью в конце IX в. Это было большое кочевое племенное объединение, оттеснившее или поглотившее все остальные племена, обитавшие в южнорусских степях.

2. Административно печенеги делились на две большие группы, граница между которыми проходила по Днепру.

3. На протяжении всей своей истории печенеги оставались кочевниками-скотоводами, для которых было типичным натуральное хозяйство. Ни развитого ремесла, ни развитой торговли у них не было.

---

[1] Ипат. лет., стр. 495.

[2] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, гл. 2—3. Археологические памятники кочевников XIII—XIV вв. позволили Л. П. Зяблину подтвердить вывод А. Ю. Якубовского о том, что население Дешт-и-Кипчак в эти века состояло в основном, как и до прихода татаро-монголов, из половцев (Л. П. Зяблин. О татарских курганах. СА, XXII, 1955).

[3] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г., стр. 44.

[1] Ипат. лет., стр. 463.

[2] Ипат. лет., стр. 466.

4. Политика завоевания земель и грабежа соседних государств и народов обусловливалась общественным строем печенегов (военная демократия, базисом которой являлся патриархально-родовой строй). Войско их составлял весь вооруженный народ, что особенно характерно для периода военной демократии.

5. В середине XI в. сильно ослабевшие вследствие давления на них Руси и внутренней междоусобицы печенеги оставили степи, перейдя в подавляющем большинстве в Византию и Венгрию.

2

1. Торки—гузы, которым до настоящего времени придавалось преувеличенно большое значение, не играли, по моему мнению, значительной роли в южнорусских степях.

2. В VIII—IX вв. в Средней Азии образовался гузский союз, состоявший преимущественно из тюркских племен. Крупным соединением, влившимся в состав этого союза, были печенеги, оставшиеся на территории между Волгой и Уралом после ухода основной массы народа на Запад.

3. В XI в. северная ветвь гузского союза двинулась через южнорусские степи на соединение с южной ветвью, подошедшей к Дарданеллам через Переднюю Азию.

4. Поставленная торками цель побуждала их не задерживаться в степях и сохранять нейтральные отношения с Русью. Тем не менее русские князья поняли опасность, грозившую им в случае захвата кочевниками Балканского полуострова. В двух последовавших одна за другой битвах они наголову разбили торков.

3

1. Потерпев поражение, торки—гузы вместе с печенегами, оставшимися в некотором количестве в степях, стали в подчиненное отношение к киевскому князю, который поселил их в Поросье, вдоль южной границы Русского государства.

2. Этнический состав тюркских подданных киевского князя, как и состав гузов, был весьма разнообразен, однако печенеги, вероятно, играли в нем немаловажную роль, поскольку влились в гузский союз дважды — за Волгой и на Днепре.

3. Погребений собственно печенежских и собственно торческих обнаружено в южнорусских степях немного, однако изучение их дает возможность говорить о преобладании печенежского обряда погребения у черных клобуков, а это позволяет предполагать, что печенеги являлись одной из основных частей гузского, а затем черноклобуцкого союза.

4. Вначале отношения тюркских племен к киевскому князю носили федеративный характер, позднее, в XII в., племена объединились в единый черноклобуцкий союз и превратились в вассалов киевского князя.

5. Обязанности, возложенные на черных клобуков, заключались, во-первых, в сторожевой, пограничной службе; во-вторых, в участии в войнах с внешним врагом и, в-третьих, в поддержке киевского великого князя в междоусобных распрях.

6. Черные клобуки, как и печенеги и торки, были кочевниками, однако они быстрее, чем все остальные кочевники, поддались влиянию Руси — начали оседать и вместе с тем переходить к новому для них типу производственных отношений — феодализму.

7. Вассалы-кочевники группировались не только в Поросье, но и вокруг крупнейших русских городов — Чернигова, Переяславля, Белой Вежи и др.

8. Использование тюрок в качестве подсобной военной силы и опоры центральной власти было характерно для многих соседящих с ними средневековых государств (Византии, Венгрии, Грузии, Хорезма и др.).

4

1. Половцы впервые появились в южнорусских степях в середине XI в. и на протяжении 170 лет (до 1223 г.) оставались их абсолютными хозяевами.

2. Большое количество письменных и археологических памятников, дошедших до нас о половцах, говорит о том, что народ этот отличался многочисленностью и силой.

3. Как и печенеги, половцы делились на два объединения — Западное (Приднепровское) и Восточное (Донецкое).

4. За полтора столетия пребывания половцев в южнорусских степях в их хозяйстве и обществе произошли значительные изменения. Примерно до второй четверти XII в. для них были типичны такие же хозяйство и общественный строй, какие прослежены у печенегов. Со второй четверти XII в. у половцев появляются земледелие,

некоторые ремесла, развивается внешняя торговля. В середине XII в. в половецкое общество проникли феодальные порядки, а в 70-х годах началось интенсивное укрепление центральной власти, что объясняется общей исторической обстановкой и деятельностью крупнейшего половецкого политического деятеля — хана-объединителя Кончака.

5. В отличие от внутренней, внешняя история половцев дробится на более мелкие периоды. Пять этапов внешней истории половцев обусловлены не столько внутренними процессами, сколько ходом их борьбы с основным противником — Русью. Сила отпора, даваемого русскими, определяла характер каждого периода.

5

1. На протяжении всей истории кочевники (печенеги, торки и половцы) смешивались с туземным, алано-хазарским населением.

2. Результатом этого слияния явилось появление в бассейне р. Донца населения, выделяющегося из кочевнической массы особым погребальным обрядом, в котором соединены черты салтовского и кочевнического обрядов.

3. Вероятно, это население преимущественно обитало в донецких городках, захваченных и разоренных печенегами еще в IX в. и постепенно возрожденных впоследствии.

6

Исключительно важным фактором для внутренней и внешней жизни кочевников являлось соседство их с Русью. Влияние Руси сказывается в самых различных областях хозяйства и общественных отношений кочевников.

1. Под непосредственным воздействием соседнего большого земледельческого народа у кочевников начало развиваться земледелие. В XII в. у половцев и особенно у черных клобуков к нему переходили уже значительные группы обедневшего населения.

2. Анализ вещевого материала показывает широкое проникновение русских изделий в кочевую степь и к черным клобукам (шлемы, кольчуги, керамика, стремена с выделенной петлей, черненые вещи, бусы, серьги с дутой бусиной и т. п.). Вещи попадали в степь двумя путями: во-первых, в результате грабежей и, во-вторых, вследствие торговых сношений, особенно активизировавшихся во второй период внутренней половецкой истории (XII в.).

3. Зарождение феодализма, обострение междоусобиц внутри кочевнического общества зависели в значительной степени от соседства с Русью и политики последней в отношении кочевников.

4. Наконец, этапы внешней истории кочевников зависели, как указывалось, от тех взаимоотношений, которые существовали в данный отрезок времени между степью и Киевской Русью.

Таким образом, Русь не только давала военный отпор кочевникам, но как представитель более высокой культуры и общественного уклада воздействовала на кочевых соседей, постепенно подчиняя их своему влиянию и изменяя общее направление их политики.

И. И. Ляпушкин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЗОНЫ ЗАТОПЛЕНИЯ ЦИМЛЯНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

(По материалам Разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1950—1951 гг.)

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ

В истории нашей страны, особенно в ранний ее период, область бассейна р. Дона (древнего Танаиса) играла довольно значительную роль. Об этом свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. Несмотря на это, систематического археологического изучения края не велось. Проводимые здесь работы носили случайный и далеко не равномерный, по отношению к отдельным районам края, характер. И в дореволюционное время, и в послеоктябрьский период наибольшее внимание было сосредоточено на двух участках — на территории бассейна верхнего течения Дона до впадения р. Тихой Сосны и на участке нижнего течения Дона от ст. Цимлянской до устья реки. Район от впадения Тихой Сосны до ст. Цимлянской изучался лишь от случая к случаю. Наибольшее внимание ему было уделено в конце 20-х — начале 30-х годов нашего века в связи с проектированием канала Волга—Дон. Но и эти работы носили преимущественно разведочный характер, охватив в основном зону затопления — от ст. Мигулинской до ст. Цимлянской.[1]

К моменту начала работ Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР (1949 г.) на территории зоны затопления Цимлянского водохранилища было известно всего лишь около десятка древних памятников (поселений и могильников). Территориально они концентрировались в двух точках — в районе ст. Цимлянской Ростовской области (памятники эпохи бронзы и средневековья) и около хут. Ляпичева в Калачевском районе Сталинградской области (памятники эпохи бронзы и раннего железа).

Значительные материальные средства, предоставленные в распоряжение Волго-Донской археологической экспедиции, давали возможность произвести детальное изучение зоны затопления. С этой целью в составе экспедиции был организован специальный Разведочный отряд. Перед отрядом была поставлена задача произвести сплошное обследование зоны затопления с целью выяснения археологического облика района. Вместе с тем на отряд было возложено производство археологических раскопок разведочного порядка на наиболее важных обнаруженных памятниках. Состав отряда был непостоянен. Помимо начальника, в него входило до четырех научно-технических сотрудников и до десяти рабочих, прикомандированных из состава экспеди-

[1] М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК. (Поселение предскифской эпохи близ хут. Ляпичева на Дону). Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 1—2, стр. 51—55; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 169—201.

ции в зависимости от характера работы, выполняемой отрядом в тот или иной отрезок времени. Отряд имел в своем распоряжении автомашину.

Работа отряда продолжалась два летних сезона (1950—1951 гг.), в общей сложности около 7 месяцев. За этот период были обследованы оба берега р. Дона и берега его притоков в границах зоны затопления (правый берег от хут. Малого Набатовского Калачевского района Сталинградской области до ст. Цимлянской Ростовской области; левый берег от пос. Калача Сталинградской области до пос. Ново-Соленовского Романовского района Ростовской области) и произведены разведочные раскопки на средневековых поселениях у хут. Карнаухова (левый берег р. Котлубанки) Цимлянского района Ростовской области, у ст. Суворовской (правый берег р. Дона) и у хут. Ближняя Мельница (правый берег р. Чир) Калачевского района Сталинградской области (рис. 1).

В очерченных границах было обследовано около 60 памятников, преимущественно поселений. По своему характеру памятники обоих берегов одинаковы. Хронологически они охватывают время от перехода камня к металлу до средневековья (XIII—XIV вв.). Однако это далеко не означает, что состав данных памятников отражает непрерывный исторический процесс всего этого периода. Памятники времени перехода от камня к металлу единичны. Не обнаружено ни одного поселения скифо-сарматского времени, а также и последующей поры вплоть до VII в. н. э. включительно. Однако нет никакого сомнения в том, что и в этот период край был заселен; это довольно ясно прослеживается по могильным памятникам. Отчетливо выступают памятники лишь следующих хронологических групп: 1) поселения поздней бронзы (срубного времени, типа поселения у хут. Ляпичева); 2) средневековые поселения.

Из числа обследованных памятников совершенно неясен памятник у хут. Лисенского (№ 58), лепная керамика которого не находит аналогий среди известных нам материалов.

1. ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Поселения эпохи бронзы концентрируются вокруг водных бассейнов — по берегам пойменных рек (притоков Дона) и озер, а также по краю надпойменной террасы Дона. Произведенный внешний осмотр этих поселений, собранный подъемный материал, а также зачистка естественных обнажений в местах, где это было возможно произвести, позволяют охарактеризовать данные памятники следующим образом. Все поселения являются открытыми, следов искусственных укреплений нигде не замечено. Размер поселений в большинстве случаев проследить не представляется возможным вследствие сплошной задернованности обследованной территории или занятости обследуемых участков современными постройками. Только в местах, где имеются естественные обнажения, удается выявить протяженность линии выходов культурных остатков. Судя по этим данным, некоторые поселения имели протяженность до 0.5 км и более, например поселение на северо-восточном берегу оз. Ильмень (№ 8), поселение у хут. Быстрянского (№ 31), у хут. Рубеженского (№ 37) и др. Как далеко распространялись они в глубь берега, сказать трудно. Далее 40—50 м от края берега выходов культурных остатков наблюдать не приходилось. Мощность культурных напластований прослежена лишь на нескольких поселениях — у хуторов

Объяснение к рис. 1.

а — поселения эпохи бронзы; *б* — поселения салтово-маяцкой культуры; *в* — позднесредневековые поселения; *г* — славянорусские поселения; *д* — курганы; *е* — памятники, известные до обследования 1950—1951 гг. *1* — хут. Ляпичев; *2* — хут. Ляпичев; *3* — хут. Ляпичев (левый берег); *4* — хут. Красный Дон; *5* — хут. Ермохин; *6* — хут. Ильменский (Чирский); *7* — хут. Рубежный; *8* — хут. Рубеженный; *9* — хут. Ильменский (Суворовский, северо-восточная окраина хутора); *10* — хут. Ильменский (Суворовский, юго-западный берег озера); *11* — хут. Ильменский (Суворовский); *12* — хут. Ильменский (Суворовский, к западу от озера); *13* — хут. Нижне-Кибиревский; *14* — хут. Молоканский; *15* — хут. Чаусов; *16* — хут. Подрыночный; *17* — хут. Алдабульский; *18* — хут. Жуков (оз. Линево); *19* — хут. Жуков; *20* — хут. Хороший (между хуторами Средним и Хорошим); *21* — хут. Хороший (берег р. Кумшачика); *22* — хут. Средний (на берегу р. Цимлы); *23* — хут. Средний (на берегу р. Цимлы); *24* — хут. Попов; *25* — ст. Нижне-Чирская (берег р. Чир); *26* — между хут. Ближняя Мельница и хут. Лисенским; *27* — хут. Головский; *28* — хут. Рудаковский; *29* — хут. Максимов; *30* — хут. Липовский; *31* — хут. Быстрянский; *32* — хут. Генералов; *33* — хут. Красный; *34* — ст. Есауловская; *35* — между ст. Голубинской и хут. Малым Голубиным; *36* — ст. Голубинская; *37* — хут. Рубеженский; *38* — хут. Малая Лучка; *39* — хут. Подтихов; *40* — хут. Самодуровский; *41* — хут. Рычков; *42* — хут. Ильменский (Суворовский); *43* — хут. Хороший (между хуторами Средним и Хорошим); *44* — хут. Средний; *45* — хут. Карнаухов; *46* — хут. Крутой; *47* — хут. Ближний Подгорский; *48* — хут. Островский; *49* — хут. Нижне-Калиновский; *50* — ст. Нижне-Чирская (берег р. Чир); *51* — ст. Суворовская; *52* — хут. Ближняя Мельница; *53* — устье р. Донской Царицы; *54* — ст. Терновская; *55* — хут. Ермохин; *56* — хут. Хороший (правый берег р. Котлубанки); *57* — хут. Малый Набатовский; *58* — хут. Лисенский; *59* — хут. Попов (Левобережное Цимлянское городище); *60* — ст. Цимлянская (Правобережное Цимлянское городище); *61* — хут. Потайновский.

Рис. 1. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища.

Головского (№ 27), Липовского (№ 30), Быстрянского (№ 31) и некоторых других. Ни на одном поселении толща культурного слоя не достигает более 0.75—0.80 м. В большинстве случаев культурные отложения представляют темный гумусированный слой. На некоторых поселениях древний культурный слой сверху оказывается перекрытым

Состав культурных остатков большей части поселений одинаков: керамика, немногочисленные изделия из кремня, а также кремневые отщепы, кости животных и единичные поделки из глины и камня. Количество их на отдельных поселениях неодинаково, что отражает, однако, не насыщенность памятника культурными остатками,

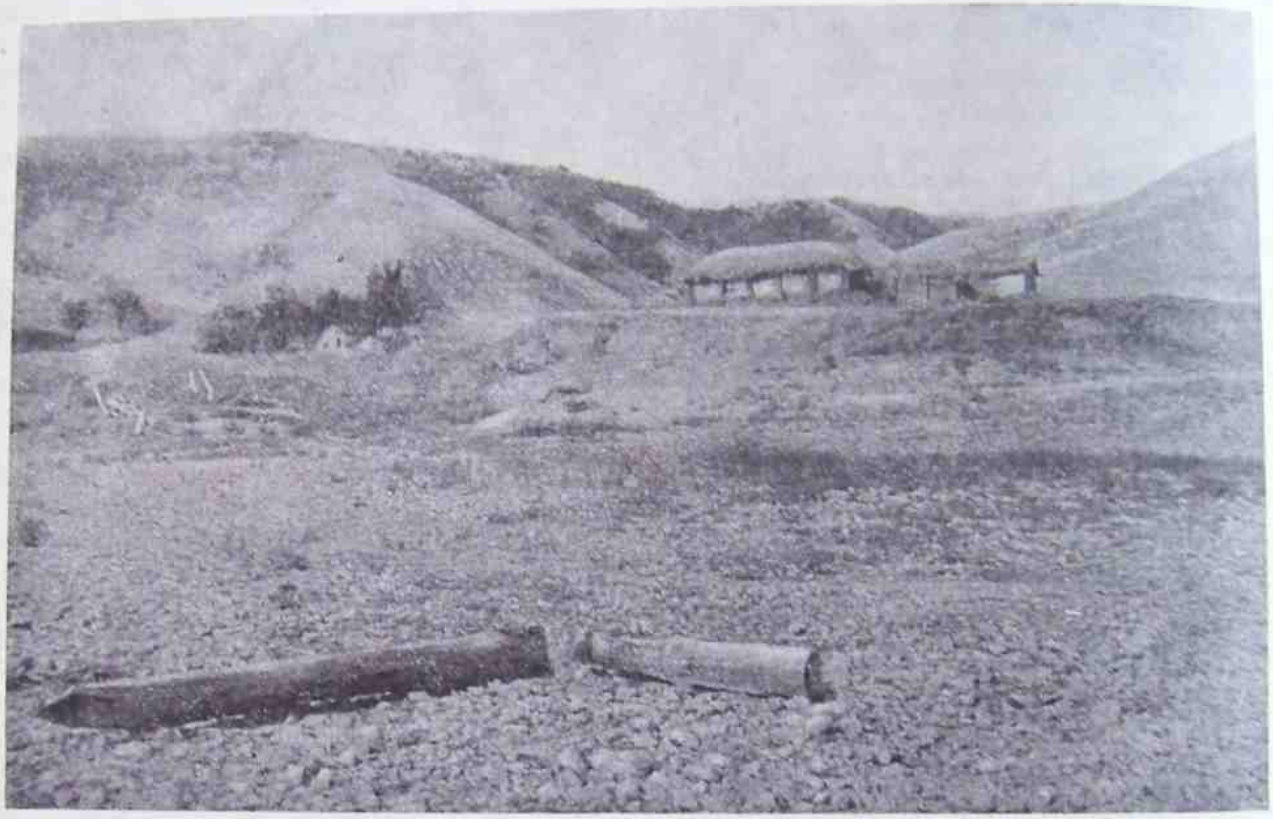


Рис. 2. Правый берег р. Дона (хут. Рубеженский). Место поселения эпохи бронзы и позднего средневековья.

или илистыми отложениями или культурными отложениями более поздних периодов, вплоть до наших дней. Явления подобного порядка чаще всего наблюдаются на поселениях, расположенных по краю надпойменной террасы (хуторы Рубеженский, Нижне-Киберевский, Малаканский, Подрыночный, Липовский, Быстрянский) (рис. 2).

Культурные отложения поселений, расположенных в пойме (по берегам рек и озер), во многих случаях в какой-то своей части выступают непосредственно на дневной поверхности вследствие размыва дернового покрова весенними водами (северо-восточный берег оз. Ильмень, оз. Линево и др.).

а лишь степень его обнажения. На таких поселениях, как на берегу оз. Ильмень (№ 8), у хут. Быстрянского, у хут. Рубежного и некоторых других, где весенние воды сильно разрушают берега и культурные отложения выходят на поверхность, культурные остатки представлены значительным количеством обломков глиняной посуды и костей животных. Много их и в местах, где хозяйственные сооружения наших дней (погреба, подвалы и т. п.) прорезали древний культурный слой на большую глубину (например, поселение у хут. Самодуровского, № 40). В большинстве же случаев культурный слой обнажен лишь слегка, вследствие чего культур-

ные остатки выступают на поверхность довольно слабо. Все же материалы эти в достаточной мере выразительны и дают ясное представление о характере памятников. Лучше всего облик поселений определяют керамические остатки. Подавляющая масса поселений эпохи бронзы содержит керамику срубного типа, хорошо известную в этом районе по материалам поселения у хут. Ляпичева Калачевского района Сталинград-

Рис. 3. Керамика эпохи бронзы (срубного времени).

1, 2 — поселение между ст. Голубинской и хут. Малым Голубиным (№ 35); *3* — поселение близ ст. Нижне-Чирской (№ 25).

ской области.[1] В бассейне Дона поселения с керамикой этого типа имеют широкое распространение, начиная от Воронежа (поселение Монастырщина)[2] и кончая нижним течением реки.[3] Очень близки к ним поселения нижнего течения р. Волги (бывш. Хвалынский уезд).[4]

Обломки глиняной посуды составляют основную массу культурных остатков. Все они принадлежат сосудам, сделанным без применения гончарного круга. Тесто их грубое, с примесью дресвы и шамота (?), тем не менее поверхность стенок довольно гладкая. Цвет сосудов разнообразен — от палевого до черного, причем в изломе всегда черный. Сосуды плоскодонные, горшкообразных и баночных форм. Наиболее широко распространенными являются обломки сосудов 3—4 типов: 1) остроребериых горшкообразных сосудов с отогнутым наружу венчиком; 2) банкообразных сосудов со слегка загнутым внутрь краем; 3) таких же сосудов с краем, отогнутым наружу; 4) небольших мискообразных сосудов с краем, загнутым внутрь. У большинства сосудов диаметр дна, по-видимому, значительно меньше диаметра горловины (рис. 3).

Значительный процент сосудов орнаментирован. Сосуды баночной формы с загнутым внутрь краем и такие же мискообразные сосуды орнаментированы по верхней части. Орнамент их простой, это вдавления самых различных форм и самых различных сочетаний, нанесенные палочкой или каким-то другим подобным орудием (рис. 4, *1а—1г*). Остроребериые сосуды орнаментировались не только в верхней части, но и в нижней. Наряду с вдавлениями различных форм на них часто можно встретить геометрические фигуры, нанесенные путем прочерчивания или оттиска веревочки (рис. 4, *2а*, *2б*). Довольно интересна орнаментация сосудов с венчиком, отогнутым наружу. С этой группой сосудов связан орнамент в виде отпечатков палочки, обмотанной тонкой веревочкой. Для нанесения этого вида орнамента по плечику сосуда вылеплялся невысокий валик шириной около 1.5 см, по которому и наносились

---

[1] Фотоархив ИИМК, колл. № II11461—11464.

[2] Фотоархив ИИМК, колл. № II40842—40869, № I25467—25472.

[3] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. Сообщения, т. II, Изд. ГАИМК, Л., 1929, стр. 111—117, рис. 20 и 21.

[4] Фотоархив ИИМК, колл. № II44126—44135. См. также: В. Ф. Орехов. Две раскопки на церковной земле села Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губернии. Тр. Саратовск. учен. архивн. комиссии, вып. 33, Саратов, 1916, стр. 39—84.

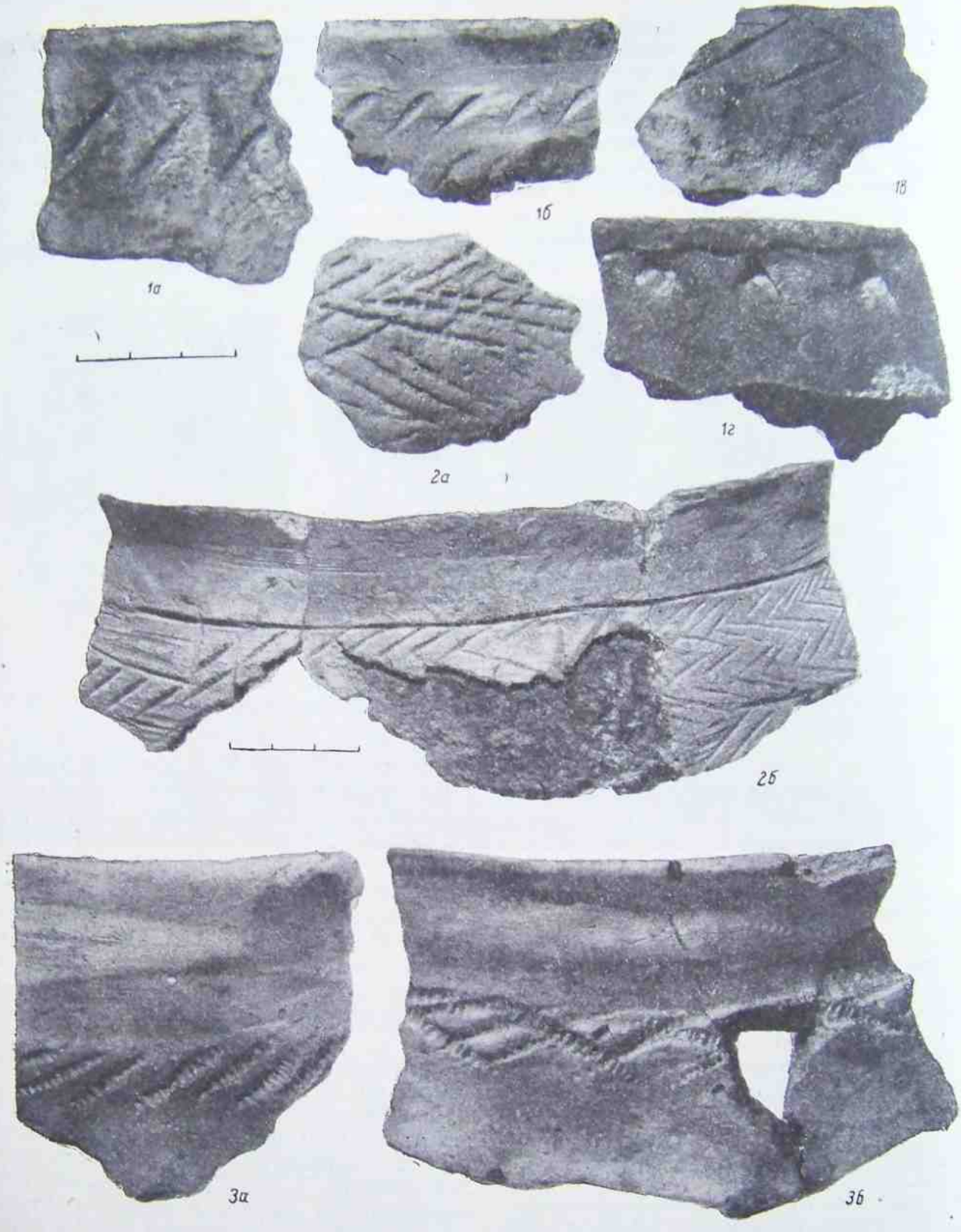


Рис. 4. Орнаментация керамики эпохи бронзы (срубного времени).

1а—1в — сосуды, орнаментированные вдавлениями и насечками по краю венчика; *2а, 2б* — сосуды, орнаментированные прочерченными линиями или оттисками веревочки; *3а, 3б* — сосуды, орнаментированные отпечатками палочки, обмотанной веревочкой.

отпечатки (рис. 4, *3а*, *3б*). Обломки сосудов этого типа встречены на ряде поселений. Целый такой сосуд найден М. П. Грязновым при раскопках поселения у хут. Ляпичева в 1951 г.

Среди керамических материалов на отдельных поселениях встречены обломки сочения принадлежат домашним животным (бык, лошадь, овца). Какая группа животных была наиболее распространенной в хозяйстве населения изучаемой поры, сказать на основе имеющихся данных невозможно.

Таков в кратких чертах внешний облик остатков основной массы поселений эпохи

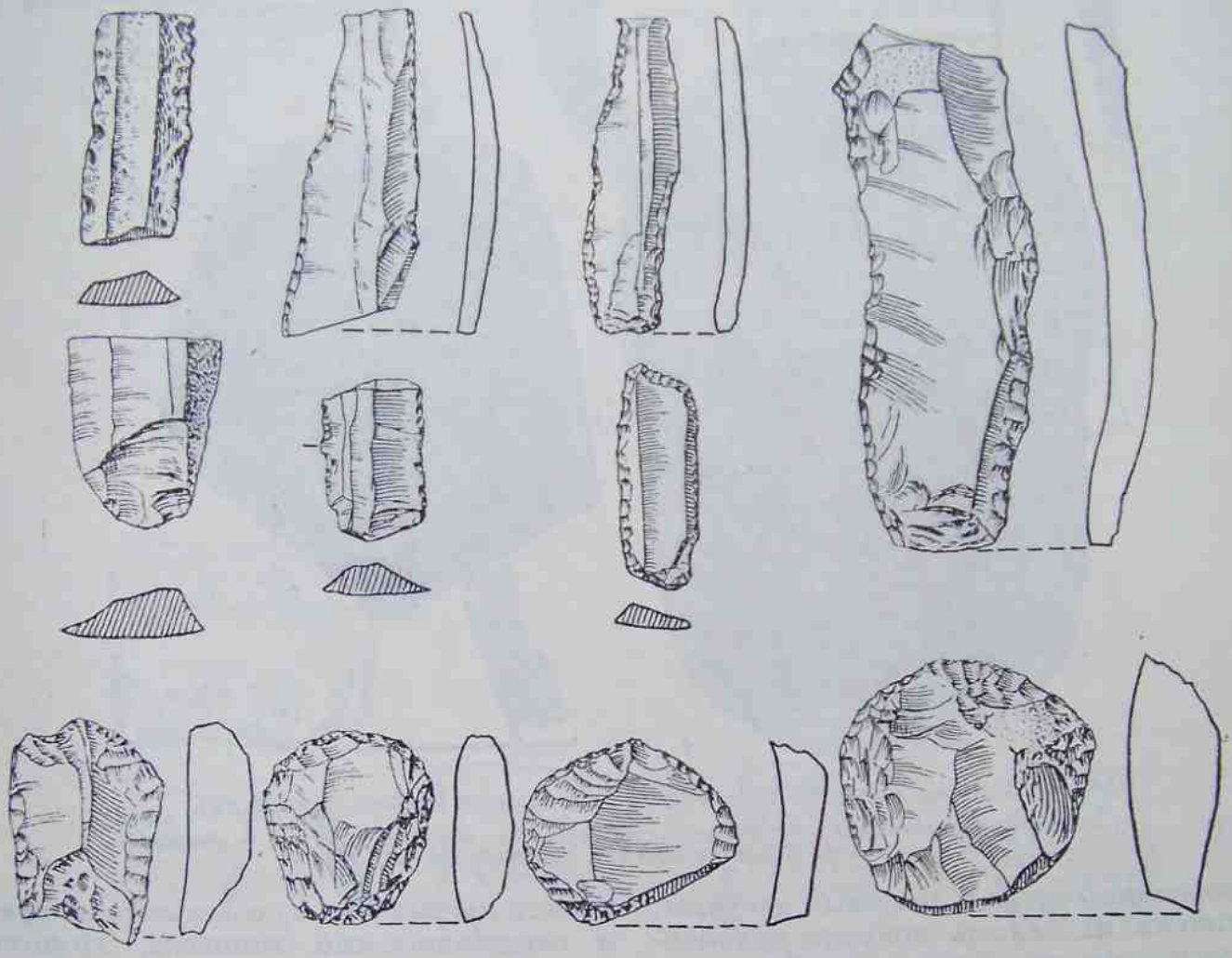


Рис. 5. Изделия из кремня поселений эпохи бронзы (срубного времени).

судов других форм, восстановить которые пока невозможно. Не исключено, что здесь мы имеем дело с керамикой, относящейся к другому времени.

На многих поселениях этой группы найдены изделия из кремня. Наиболее распространенными из них являются скребки округлой формы (рис. 5). Из единичных вещей следует отметить молот из песчаника (поселение на северо-восточном берегу оз. Ильмень) и обломок шлифованного молота (рис. 6).

Немногочисленные кости животных, собранные на ряде поселений, все без исключения принадлежат домашним животным (бык, лошадь, овца). Какая группа животных была наиболее распространенной в хозяйстве населения изучаемой поры, сказать на основе имеющихся данных невозможно.

Таков в кратких чертах внешний облик остатков основной массы поселений эпохи бронзы. Их содержание наиболее полно раскрыто в материалах Ляпичевского поселения, исследованного путем раскопок в 1923 г. (М. И. Артамонов)[1] и в 1951 г. (М. П. Грязнов).[2]

Особо следует остановиться на трех поселениях: 1) у хут. Жукова (№ 18, берег оз. Линево-Верибское); 2) у хут. Красного (№ 33, берег оз. Топольное); 3) у хут. Ля-

[1] М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК, стр. 51—55.

[2] М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. L, М., 1953, стр. 137—148.

пичева (№ 3, между хутором и поселком совхоза, на левом берегу р. Донской Царицы).

В поселении у хут. Жукова в составе культурного слоя наряду с керамическими остатками срубного типа было найдено небольшое число обломков тонкостенных сосудов, изготовленных из глины с примесью мелкозернистого песка и толченых ракушек. Поверхность их сплошь покрыта орнаментом, состоящим из оттисков гребенчатого штампа и ямочек в различных сочетаниях (рис. 7). Аналогичная керамика известна среди материалов, собранных В. А. Городцовым в бывш. Изюмском уезде и относимых им к эпохе неолита.[1] Но поселение у хут. Жукова выделяется среди других не только наличием особой группы керамики, но и значительным содержанием изделий из кремня и кремневых отщепов, в совершенно несвойственных поселениям срубного типа количествах. Здесь найдено около полсотни кремневых орудий и не одна сотня отщепов (рис. 8, 9). В каком стратиграфическом соотношении между собой находятся перечисленные культурные остатки, проследить нет возможности, так как культурный слой сильно перемыт.

Едва ли, однако, будет ошибкой, если немногочисленные остатки тонкостенной керамики, кремневые отщепы и изделия из кремня мы выделим из остального материала в самостоятельный комплекс, хронологически более ранний, чем существовавшее на этом месте поселение срубной культуры. Не исключено, что мы имеем в этом комплексе остатки стоянки эпохи позднего неолита. По составу культурных остатков близким к поселению у хут. Жукова (№ 18) является поселение у хут. Красного (№ 33, берег оз. Топольного), расположенное в аналогичных условиях. Здесь наряду с типичной срубной керамикой найдено несколько обломков тонкостенных сосудов, напоминающих керамику раннего слоя поселения у хут. Жукова, а также кремневые орудия и отщепы. По-видимому, поселение у хут. Красного представляет собой, как и поселение у хут. Жукова, памятник двух эпох. Правда, ранний период здесь выражен менее отчетливо.

Рис. 6. Изделия из камня поселений эпохи бронзы (срубного времени).

1 — молот, поселение близ хут. Рубежного, на берегу оз. Ильмень (№ 7); *2* — обломок молота, поселение близ хут. Хорошего (№ 20).

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, табл. XVII, *1*, *4*.

На территории поселения между хут. Ляпичевым и поселком совхоза (№ 3, левый берег р. Донской Царицы), кроме керамики срубного типа, найдены резко отличные обломки, принадлежащие сосудам была. Аналогии ей можно указать в материалах катакомбных могил бывш. Изюмского уезда, исследованных В. А. Городцовым.[1] Очевидно, к памятникам катакомбной группы эпохи бронзы и следует отнести

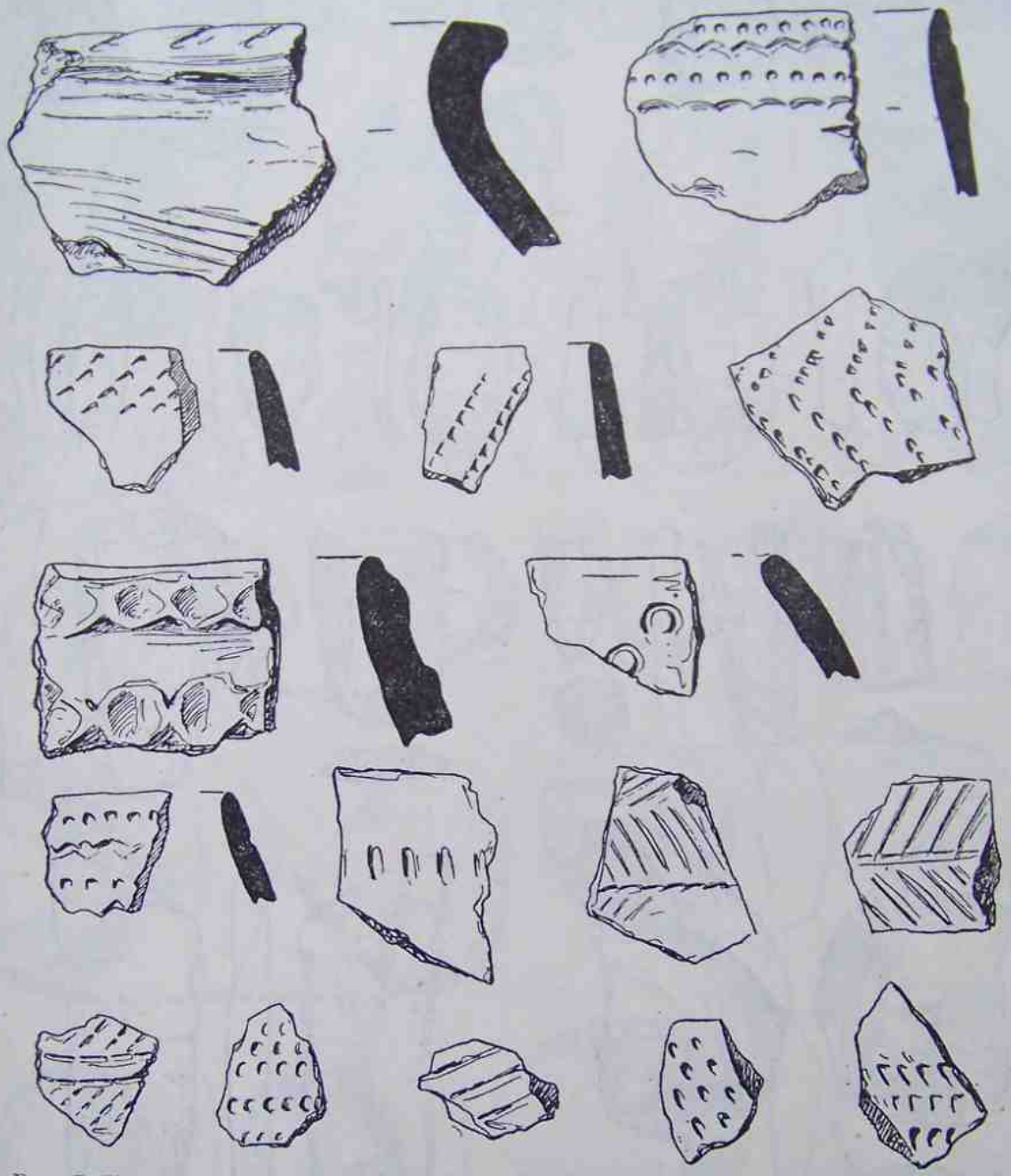


Рис. 7. Керамика поселения у хут. Жукова (берег оз. Линево) времени позднего неолита (?).

с высоким вертикальным венчиком и почти сплошь орнаментированным. Орнаментация нанесена веревочкой или зубчатым штампом. Цвет сосудов красно-бурый или оранжевый (рис. 10). Ни на одном из обследованных в зоне затопления поселений эпохи бронзы керамика этого типа найдена не

рассматриваемые керамические остатки поселения, расположенного между хут. Ляпи-

[1] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губернии. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, табл. VIII и IX.

Рис. 8. Изделия из кремня поселения у хут. Жукова (берег оз. Линево) времени позднего неолита (?).

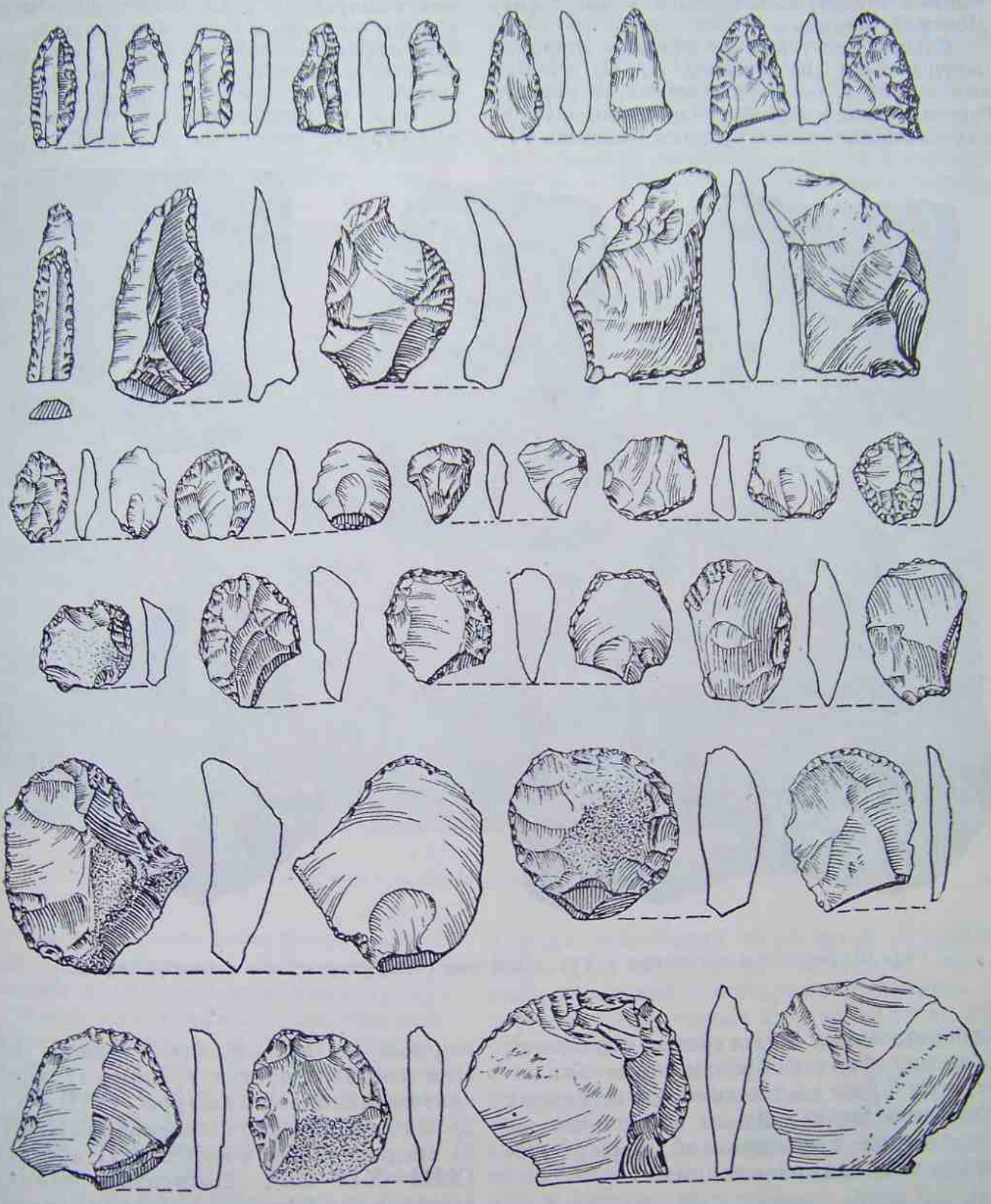


Рис. 9. Изделия из кремня поселения у хут. Жукова (берег оз. Линево) времени позднего неолита (?).

чевым и поселком совхоза на левом берегу Донской Царицы.

Совершенно такие же обломки глиняной посуды были обнаружены А. Н. Рогачевым в 1952 г. на склоне коренного правого берега р. Дона у дер. Александровки, недалеко от палеолитической стоянки Костенки VI.[1]

них памятников зоны затопления. Расположены они, как и поселения эпохи бронзы, близ водных бассейнов, а иногда даже на тех же местах. Наибольшее количество их сосредоточено в бассейне правого берега р. Дона. В хронологическом и в историко-культурном отношении памятники средне-

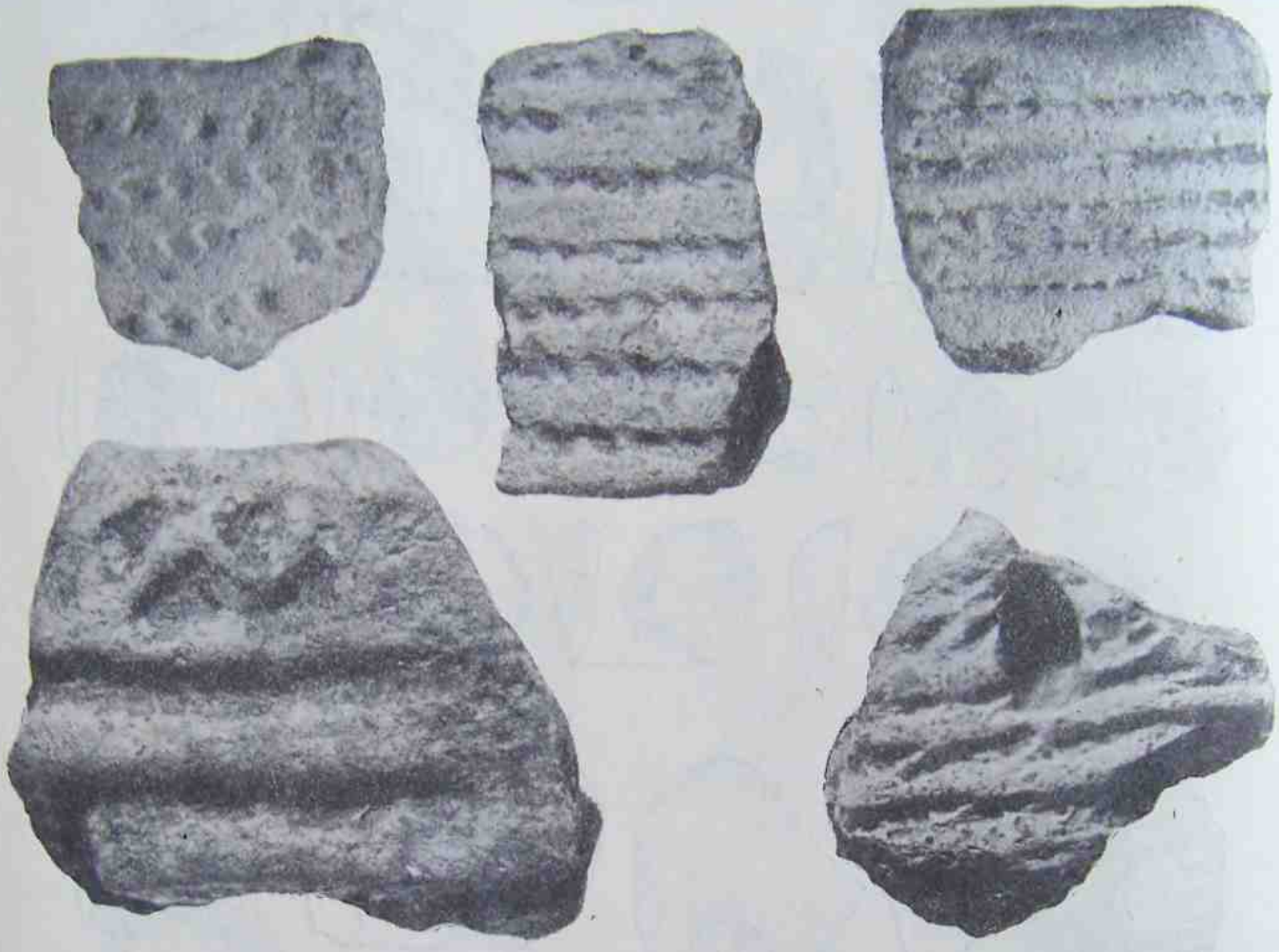


Рис. 10. Керамика поселения у хут. Ляпичева (между хутором и поселком совхоза).

Характеристика культурных отложений в поселениях эпохи бронзы была бы неполна, если бы мы не отметили, что во многих из поселений были найдены единичные обломки сосудов средневековой поры, преимущественно салтово-маяцких.

2. ПОСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОРЫ

Поселения средневековой поры являются второй отчетливо выраженной группой древ-

вековья не представляют единого целого. Они членятся на три группы: 1) поселения салтово-маяцкой культуры (VIII—X вв.); 2) раннеславянские поселения (VIII—X вв.); 3) средневековые поселения II тысячелетия (XIII—XIV вв.). Датировка памятников дается в тех широких границах, какие приняты для этих групп памятников в нашей археологической литературе. Никаких данных, заставляющих пересмотреть установившиеся даты, в собранных материалах не содержится.

[1] А. Н. Рогачев. Отчет о работе Палеолитической экспедиции ИИМК АН СССР за 1952 г. Архив ИИМК.

Поселения салтово-маяцкой культуры

Из средневековых памятников поселения салтово-маяцкой культуры являются наиболее многочисленной группой. За время работ Разведочным отрядом было обследовано 10 памятников, из числа которых два (поселения у хут. Карнаухова и хут. Среднего) неоднократно обследовались в прошлом, остальные 8 ранее совершенно не были известны. Все поселения салтово-маяцкого типа, кроме двух ранее известных (у хут. Карнаухова и хут. Среднего), являются неукрепленными. Поселения у хут. Карнаухова и хут. Среднего оказались памятниками сложными, состоящими из укрепленных частей (городищ) и прилегающих к ним неукрепленных поселков (селищ).

Поселения обнаружены как по берегу р. Дона, так и по берегам его притоков и пойменных озер. В частности, ряд поселений этой культуры обнаружен по берегу р. Чир (правый приток р. Дона). Это обстоятельство весьма важно, ибо оно существенно изменяет наши представления о территории распространения памятников данной культуры в бассейне нижнего и среднего течения р. Дона. Поселения, как правило, расположены на надпойменных террасах, редко поднимаясь на склоны высоких коренных берегов (поселение у ст. Суворовской; рис. 11). Судя по распространению культурных остатков, размеры поселений достигали значительной величины — 0.5×1.5 км (поселение у хут. Карнаухова). Мощность культурных отложений колеблется в пределах 0.30—0.60 м. Следует отметить, что на ряде поселений культурные отложения залегают в виде сорных куч (зольников), представляющих собой всхолмления высотой до 1 м, диаметром до 25—30 м и более, состоящие из золы с включением бытовых отбросов — обломков глиняной посуды, разбитых жерновов, поломанных вещей из кости, металла, а также костей животных (поселения у хуторов Карнаухова, Среднего, Крутого, Ближне-Подгорского).

Рис. 11. Площадка поселения салтово-маяцкой культуры у ст. Суворовской.

Материалы, собранные при обследовании поселений, состоят в основном из керамических остатков. Вся посуда, за исключением, по-видимому, какой-то ничтожной части, изготовлялась на гончарном круге.

По формам, составу глины и технике обработки поверхности сосуды неодинаковы. Наиболее разнообразна группа сосудов для хранения продуктов. В их составе значительное место принадлежит кувшинообразным сосудам. Интересна группа кухонной посуды; в ней наряду с горшками, обычными и для других культур той поры, имеются оригинальные формы в виде сосудов с внутренними ушками типа полевых котлов (рис. 12). Любопытно отметить, что на ряде поселений отдельные типы сосудов как будто отсутствуют (например, в поселениях у станиц Суворовской и Нижне-Чирской не встречено круглодонных амфор). На некоторых поселениях были найдены единичные вещи из камня и металла. Так, в неукрепленной части поселения у хут. Карнаухова было найдено значительное число обломков ручных жерновов.

Помимо внешнего осмотра, на двух поселениях — у хут. Карнаухова и ст. Суворовской — были произведены небольшие разведочные раскопки, давшие дополнительный материал для суждения о характере салтово-маяцкой культуры. На обоих поселениях были открыты остатки жилых и хозяйственных построек, а на поселении у ст. Суворовской — сооружения производственного назначения: гончарные обжигательные печи. Кроме того, в курганном могильнике близ поселения у хут. Карнаухова в одном из курганов были вскрыты две могилы, одна из которых относится

Рис. 12. Керамика поселений салтово-маяцкой культуры.

Рис. 13. Общий вид на раннеславянское поселение у хут. Ближняя Мельница (с юго-востока).

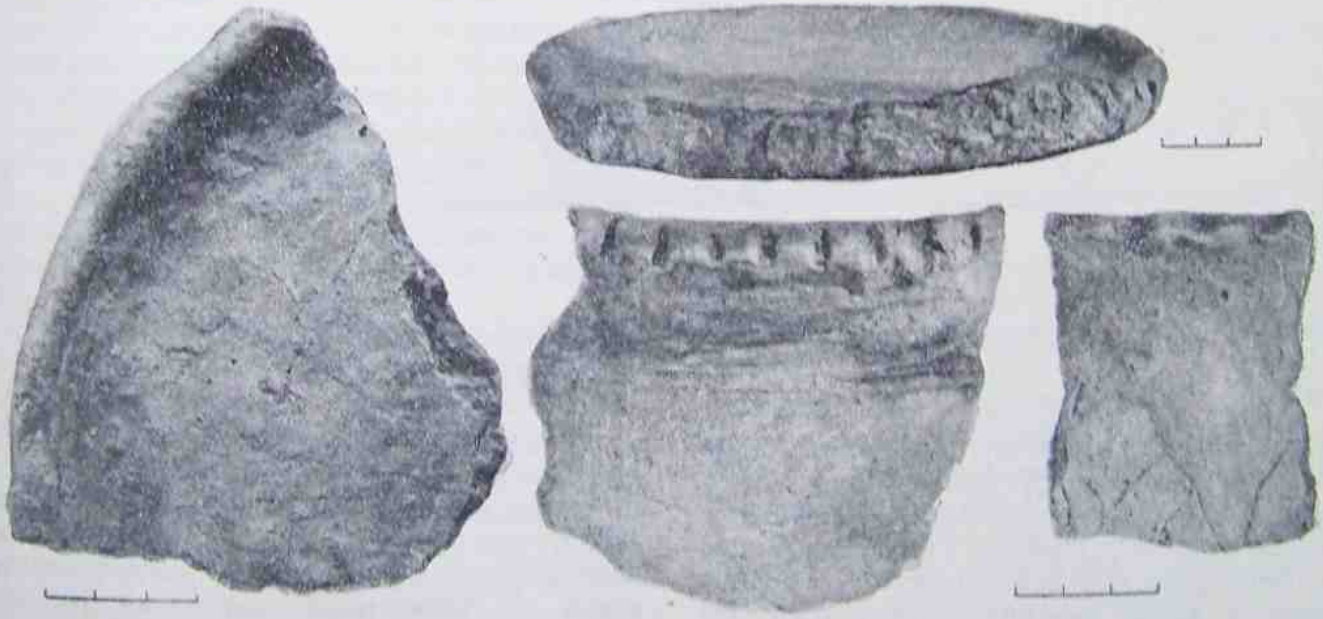


Рис. 14. Керамика раннеславянского поселения.

к позднескифскому времени (IV—III вв. до н. э.), вторая — к сарматскому (III—IV вв. н. э.) (см. стр. 315—322).

Раннеславянские поселения

В 1951 г. в зоне затопления впервые было обнаружено раннеславянское поселение. До этой поры в данном районе был известен лишь один памятник раннеславянской культуры — Левобережное Цимлянское городище (Белая Вежа). Открытое поселение находится в долине р. Чир на территории хут. Ближняя Мельница, непосредственно у реки (правый берег; рис. 13). Поселение неукрепленное, с весьма слабо выраженным культурным слоем, но довольно типичными полуземляночными жилищами, с печами-каменками и сопровождающим их керамическим комплексом роменско-боршевского типа. Керамика преимущественно лепная, основные типы — кухонные горшки и сковородки. Сделаны они из глины со значительной примесью крупнозернистого шамота. Поверхность стенок неровная, цвет палевый или буро-красный. Многие сосуды орнаментированы по краю венчика «щипками» или насечками. Один обломок сковородки орнаментирован зубчатым чеканом (рис. 14). В числе собранного материала есть фрагменты от сосудов с высоким вертикальным венчиком. В слое найдены также немногочисленные обломки сосудов салтово-маяцкой культуры — яйцевидных амфор, серых и черных лощеных, — в какой-то мере позволяющие датировать это поселение. На поселении были произведены небольшие раскопочные работы.

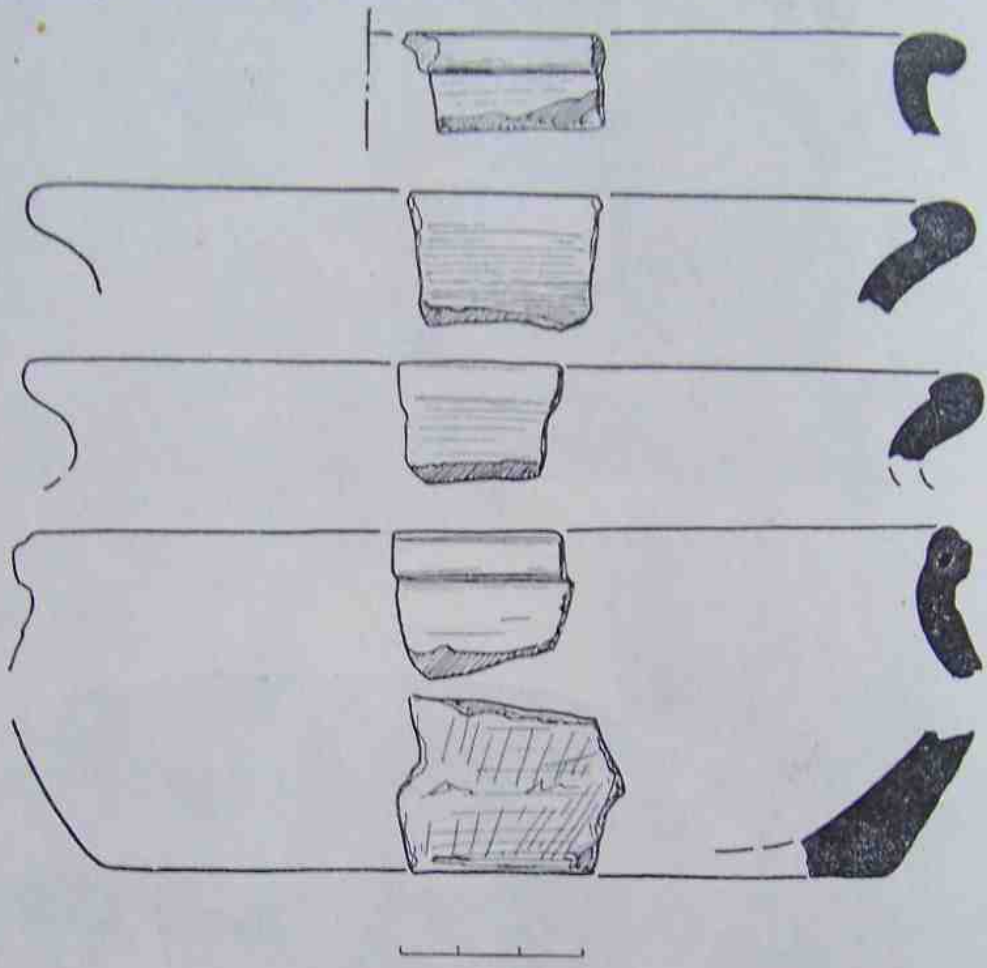


Рис. 15. Русская керамика киевского типа XIII в. Поселение при устье р. Донской Царицы.

Средневековые поселения II тысячелетия

Позднесредневековые памятники зоны затопления немногочисленны и к тому же в историко-культурном отношении не пред-

ставляют единства. Нет достаточных оснований и для их датировки.

Одним из наиболее интересных памятников этой группы является поселение на левом берегу устья р. Донской Царицы, в отложениях которого найдены обломки русской керамики киевского типа XIII в. (рис. 15), а также татарской керамики. Кроме того, на поселении найдена золотоордынская монета Тохтамыша (783=1381/82 г.), чеканенная в Азаке (рис. 16, *1*). Керамические остатки обеих групп найдены на поверхности площадки, вследствие чего стратиграфическое соотношение остатков этих двух культур осталось невыясненным.

На ряде поселений обнаружена татарская керамика. Все эти поселения расположены в пойме; они неукрепленные, сравнительно большой протяженности, со слабо выраженным культурным слоем. Основную массу культурных остатков и здесь составляют обломки глиняной посуды. К сожалению, все они настолько измельчены, что нет никакой возможности даже приблизительно восстановить формы сосудов. Бóльшая часть обломков принадлежит красноглиняной посуде, сделанной из хорошей плотной глины, хорошо обожженной. Судя по большому числу найденных ручек, следует предполагать, что в составе красноглиняной посуды было значительное количество кувшинообразных сосудов. Многие обломки покрыты многорядным линейным и волнистым орнаментом или вертикальными лощеными полосами. Вторую, меньшую группу составляют обломки кухонных, по-видимому, горшкообразных сосудов серого цвета с линейным и волнистым многорядным орнаментом.

Кроме поселений с татарской керамикой, довольно отчетливо выступает еще одна группа средневековых поселений II тысячелетия, правда количественно немногочисленная. Обнаружено всего лишь два поселения этой группы — у хуторов Малого Набатовского и Рубеженского. Это неукрепленные поселения, расположенные на надпойменных террасах р. Дона и его притока — р. Большой Голубой (рис. 17).

По местоположению они напоминают поселения салтово-маяцкой культуры, но по составу культурных остатков эти памятники несколько отличны от последних. Прежде всего следует отметить довольно своеобразный характер керамики. Вся она красноглиняная, причем очень многие сосуды покрыты красной краской и налощены. Типы сосудов довольно разнообразны: 1) кухонные горшки; 2) миски; 3) горшкообразные сосуды для хранения продуктов; 4) кувшинообразные сосуды, и т. п. Много обломков орнаментированных сосудов. Орнамент линейный, волнистый, гирляндообразный. Все эти виды орнамента часто сочетаются между собой в самых различных комбинациях. Наносился он, по-видимому, многозубчатым инструментом. Среди собранных остатков есть несколько обломков, орнаментированных оттисками такого зубчатого инструмента (рис. 18). В культурном слое много железных шлаков и криц.

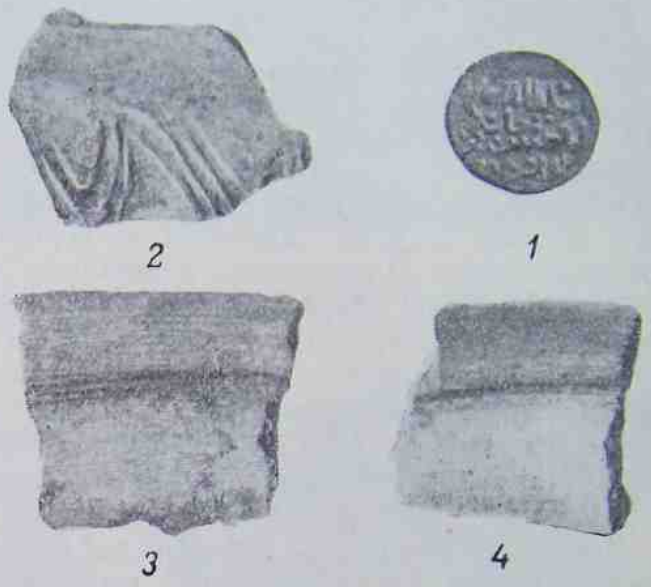


Рис. 16. Поселение при устье р. Донской Царицы.

1 — монета Тохтамыша (чеканенная в 783=1381/82 г.); *2—4* — керамика киевского типа XIII в.

Время существования этих поселений определить очень трудно. Подобная керамика известна на Потайновском поселении, где, судя по данным М. И. Артамонова, она залегает выше славянского слоя XI—XII вв.[1] При осмотре Потайновского поселения летом 1951 г. керамика подобного типа нами была там найдена, однако место ее в стратиграфии этого поселения определено не было.

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 89—90.

II. ОПИСАНИЕ ОБСЛЕДОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ[1]

1. ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

1. Хут. Ляпичев, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Донской Царицы).

В 1—1.5 км к западу от хутора среди поймы на останце первой террасы расположена небольшая группа курганов. Большинство их разрушено траншеями и другими сооружениями военного времени. Курганы, по-видимому, были невысокими, до 1.5—2 м высотой. Из их числа по размерам выделяется курган Дележный, расположенный в северо-западной части останца. Высота его не менее 3 м при диаметре 35—40 м. На склонах останца к пойме в южной, западной и северной частях его встречаются культурные остатки в виде обломков глиняных лепных сосудов баночных и горшкообразных форм. Поверхность некоторых обломков покрыта штриховкой. Материалы маловыразительны. Центральная часть останца возделывается под бахчи, склоны этой части не обрабатываются.

2. Хут. Ляпичев, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Донской Царицы).

Поселение находится в 1—1.5 км к юго-западу от хутора и в 0.5—0.7 км к юго-востоку от описанного выше останца, в пойме на берегу р. Донской Царицы. Над уровнем воды берег возвышается на 4—5 м. Склон берега довольно крутой. Бóльшая часть склона, как и вся площадь поймы, задернована. В местах размыва прослеживаются культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды, костей животных и единичных поделок из кремня. Керамические остатки такие же, как и на останце (№ 1), но более выразительные. Они принадлежат плоскодонным сосудам баночной формы, а также остроребериым горшкам. Многие фрагменты орнаментированы. Имеются обломки, покрытые штриховкой. На пойме видны неглубокие западины, остатки заплывших полуземляночных жилищ.

В 1932 г. поселение было исследовано экспедицией ГАИМК под руководством М. И. Артамонова.[2] Следы раскопок в виде удлиненной, четырехугольной в плане ямы размером около 20×10 м заметны еще и сейчас. В 1951 г. поселение исследовалось под руководством М. П. Грязнова.

3. Хут. Ляпичев, Сталинградская обл., Калачевский район (левый берег р. Донской Царицы).

На склоне обнаженного левого берега р. Донской Царицы между хутором и поселком совхоза (ближе к последнему) обнаружены выходы культурных остатков в виде обломков глиняной лепной посуды, костей животных и единичных поделок из кремня. Бóльшая часть собранных керамических обломков принадлежит сосудам несколько иного характера, чем на поселениях правого берега. Они имеют высокий вертикальный венчик, цвет их преимущественно желтый или красный, поверхность вся покрыта орнаментом, нанесенным веревочкой или зубчатым чеканом. Правда, среди этих материалов есть керамика и аналогичная собранной на поселениях правого берега.

Протяженность территории, на которой прослеживаются культурные остатки, незначительная, около 15 м. Распространение культурного слоя в глубь берега проследить не представлялось возможным вследствие сильной задернованности.

4. Хут. Красный Дон, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

Следы поселения обнаружены по берегу южной оконечности оз. Подстепного, именуемой местным населением Назмище, на расстоянии около 0.7—0.8 км к северу от поселка. Культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды, костей животных и кремневых отщепов прослеживаются как по обнаженному склону берега, так и на поверхности дюнного всхолмления, тянущегося к югу от берега. Собранные керамические остатки принадлежат толстостенным плоскодонным сосудам, по-видимому баночной формы. Поверхность некоторых фрагментов покрыта штриховкой. Остатки немногочисленны и маловыразительны. По общему облику они близки керамике поселений у хут. Ляпичева (№№ 1 и 2).

5. Хут. Ермохин, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

К западу от хутора р. Мышкова образует небольшую излучину к северо-востоку; на левом берегу у основания излучины

---

[1] Нумерация описания памятников соответствует нумерации памятников на приложенной карте (рис. 1).

[2] М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК, стр. 51—55.

Рис. 17. Позднесредневековое поселение у хут. Малого Набатовского (южная окраина поселения на фоне долины р. Большой Голубой).

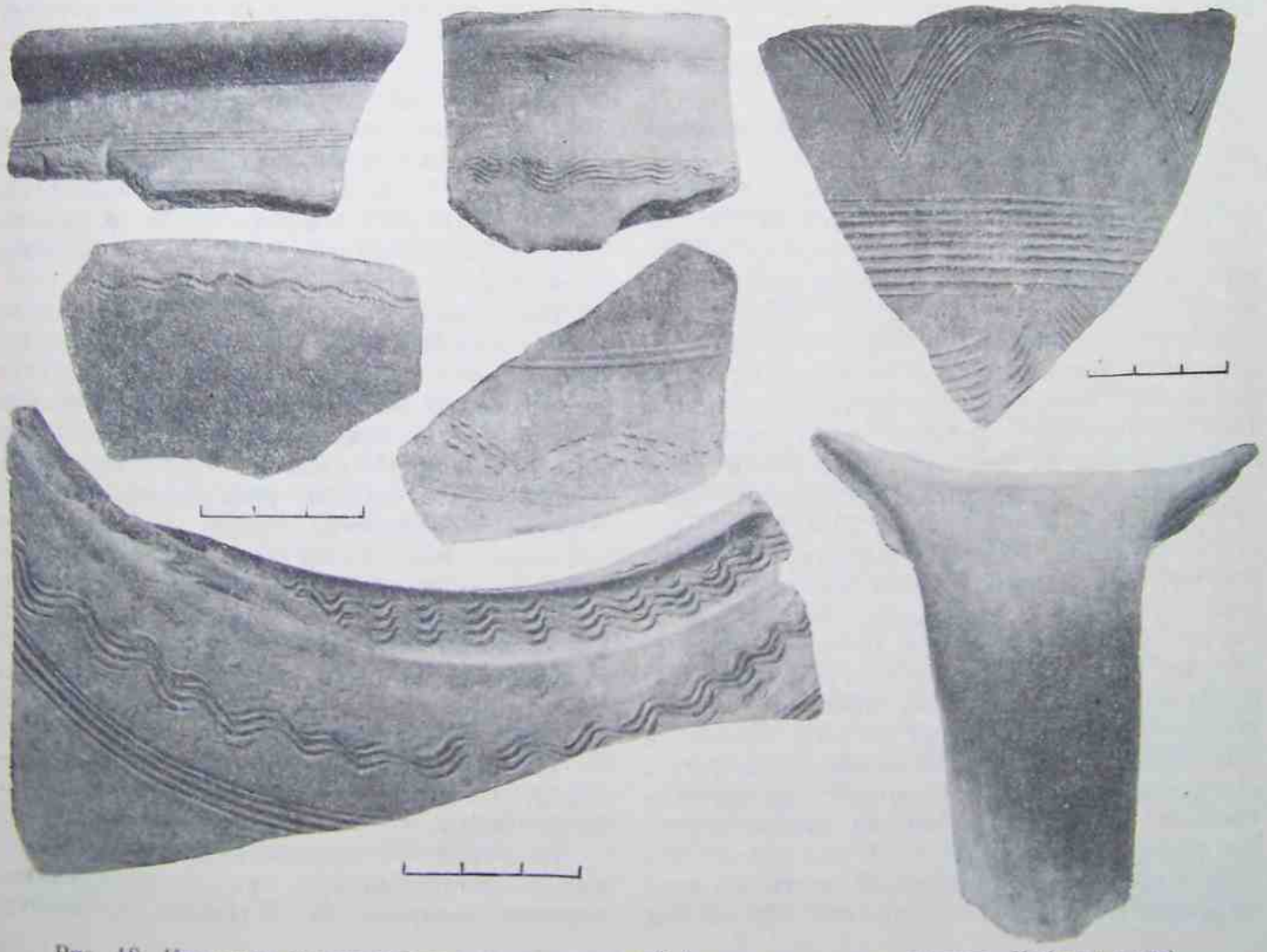


Рис. 18. Керамика позднесредневековых поселений (поселение у хут. Малого Набатовского).

имеется небольшой курган (ближе к юго-восточной стороне). На северо-западной и юго-восточной сторонах излучины, на линии, проходящей через курган, — следы поселения. Культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды, костей животных и изделий из кремня прослеживаются по склону берега на северо-запад на протяжении около 30 м, на юго-восток — около 25 м. Керамика такая же, как у хут. Ляпичева (правый берег р. Донской Царицы).

6. Хут. Ильменский (Чирский), Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

В 2—2.5 км к западу от хутора по северо-западному берегу пересохшего оз. Солонецкого заметны следы поселения. Культурные остатки прослеживаются по краю низкого, пологого берега на линии протяженностью около 0.4 км. В ряде мест выходы культурных остатков прерываются. В составе остатков обломки глиняной лепной керамики и кости животных. Керамика преимущественно серая; глина с примесью крупнозернистой дресвы. Судя по обломкам, посуда плоскодонная. Формы неясны, но по общему облику керамика может быть отнесена к группе керамики поселений у хут. Ляпичева (№№ 1 и 2).

7. Хут. Рубежный, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

Поселение расположено на северном конце оз. Ильмень вдоль восточного берега излучены, в 1—1.5 км к юго-западу от хутора, в пойме р. Дона. Культурные остатки встречаются вдоль берега по линии протяженностью около 0.5 км и до 0.05 км шириной. Дерновый слой на большей части площадки поселения размыт, благодаря чему культурные остатки выступают непосредственно на дневной поверхности. Они размещаются гнездами, отстоящими одно от другого не менее как на 20—25 м. В составе остатков обломки глиняной лепной посуды, кости животных и единичные поделки из камня. Керамика темно-серая и бурая. В тесте имеется примесь дресвы. Сосуды плоскодонные, по форме баночные и остроребериые. Многие фрагменты орнаментированы. По общему облику керамика совершенно такая же, как на поселении у хут. Ляпичева. Среди собранных материалов имеется каменный молот из светло-серого песчаника без сверлины. Поверхность его обработана грубо, в средней части по всей окружности проходит выемка, оба конца тупые. Длина молота 14.5 см, диаметр 8—9.5 см (рис. 6, *1*).

8. Хут. Рубежный, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

Поселение находится на окраине хут. Рубежного, слева от дороги на хут. Ильменский (Суворовский), на краю надпойменной террасы. Культурные остатки в виде обломков глиняных лепных сосудов, костей животных, а также кремневых отщепов прослеживаются в обрезе террасы и в ее оползнях на линии протяженностью до 0.25 км. Общий облик керамики совершенно такой же, как и керамики поселения у хут. Ляпичева. Некоторые формы сосудов, например остроребериые, здесь представлены довольно выразительными фрагментами.

9. Хут. Ильменский (Суворовский), Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

На северо-восточной окраине хутора близ колхозной овцеводческой фермы по краю надпойменной террасы прослеживаются культурные отложения. В их составе обломки глиняных лепных сосудов и кости животных. Остатки немногочисленные и неяркие, однако принадлежность глиняной посуды к группе керамики поселения у хут. Ляпичева не вызывает сомнений. Размер площадки, на которой прослеживаются культурные остатки, не превышает 100×120 м.

10. Хут. Ильменский (Суворовский), Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

Поселение находится на юго-западном берегу оз. Ильмень, в 1—1.5 км к северо-западу от хутора. Культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды и костей животных прослеживаются по линии обнаженной кромки берега на протяжении около 0.1 км. Как далеко в глубь берега распространяются культурные остатки, проследить не представляется возможным вследствие сильной задернованности берега. Берег низкий, пойменный, как и вокруг большей части озера. Обломки посуды немногочисленны. Общий облик их такой же, как и керамических остатков смежных поселений (№№ 8 и 9).

11. Хут. Ильменский (Суворовский), Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

Совершенно такие же культурные остатки, как и на предыдущем пункте, обнаружены немного западнее оз. Ильмень, по берегу

ерика Ильменского. Протяженность берега, где встречаются остатки, не более 50 м. Керамические остатки немногочисленные и неяркие. Имеются кремневые орудия.

12. Хут. Ильменский (Суворовский), Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

Несколько севернее вышеописанного поселения, между ериком Ильменским и Калмыцкой музгой, что западнее оз. Ильмень, были обнаружены следы еще одного поселения. Культурные остатки здесь такие же, как и на поселении вдоль северо-восточного берега оз. Ильмень (№ 7), и выступают гнездами. В составе остатков имеются обломки глиняной посуды, кости животных. По общему облику керамика аналогична керамическим остаткам смежных поселений (№№ 7, 8, 9 и др.). К северо-востоку от поселения на расстоянии около 0.15—0.2 км находится курган.

13. Хут. Нижне-Кибиревский, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

Остатки поселения тянутся длинной (около 1 км) полосой, от устья балки Кибирева на север к хут. Ильменскому, по краю надпойменной террасы. Культурные остатки в виде обломков глиняной посуды и костей животных прослеживаются в обрезе террасы и ниже, по склону к пойме. Поверхность террасы задернована, но единичные находки были и здесь. Среди собранных материалов имеются обломки плоскодонных лепных сосудов баночной формы того же типа, что и на поселениях вокруг оз. Ильмень и у хут. Ляпичева. Есть кремневые орудия.

14. Хут. Молоканский, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

Поселение, как и предыдущее (№ 13), расположено по краю надпойменной террасы на территории хутора против Молоканского озера. Культурные остатки прослеживаются как в обрезе террасы, так и в ее оползнях. Единичные находки встречены и на самой террасе на усадьбах колхозников. Как далеко вглубь простираются остатки поселения, сказать не представляется возможным, так как терраса перекрыта мощным слоем отложений современного поселка. По линии север—юг (по краю террасы) культурные остатки прослеживаются на протяжении до 0.4 км. Керамика представлена ярко выраженными обломками сосудов типа найденных на хут. Ляпичеве (№№ 1 и 2).

15. Хут. Чаусов, Сталинградская обл., Верхне-Курмоярский район.

В 2—2.5 км к западу от хутора на правом берегу р. Есауловского Аксая есть группа курганов. С севера ее огибает старое русло реки. По левому берегу этого старого русла, напротив курганной группы, на линии протяженностью более 0.5 км встречаются культурные остатки в виде обломков глиняных лепных сосудов и костей животных. Остатки немногочисленны и малоыразительны. По общему облику они такие же, как и на поселениях у хут. Ляпичева (№№ 1 и 2) и вокруг оз. Ильмень (№№ 7, 8 и др.). Старое русло в большей своей части сухое. Только на месте ответвления от современного русла на протяжении 0.2—0.3 км оно заполнено водой. Берег русла крутой, около 3—4 м высоты.

16. Хут. Подрыночный, Сталинградская обл., Верхне-Курмоярский район.

Поселение расположено на восточном берегу оз. Подрыночного в границах существовавшего здесь недавно хутора. Остатки поселения прослеживаются прежде всего в обрезе берега надпойменной террасы, высота которого достигает здесь 2—2.5 м. Выходы культурного слоя обнаружены в ряде мест. Наиболее ярко они выступают вдоль берега по линии север—юг, метрах в 70 от места, где берег круто меняет свое направление на восток—запад. Здесь при очистке обреза собрано значительное число костей животных и обломков глиняной лепной посуды. Мощность культурного слоя достигает 0.75—0.80 м. Древний слой сверху перекрыт наносным песком мощностью 0.20—0.25 м, а также современным культурным слоем. Состав керамических остатков близок к керамике поселений у хут. Ляпичева (№№ 1 и 2) и вокруг оз. Ильмень (№№ 7, 8, 9 и др.). Протяженность поселения по линии берега значительная, не менее 0.15 км.

В ряде мест выходы культурных остатков прерываются. В глубь берега распространение культурных остатков проследить не представляется возможным, так как они перекрыты наносным слоем и современными отложениями.

17. Хут. Алдабульский, Ростовская обл., Дубовский район.

Следы разновременной жизни человека обнаружены вдоль всего западного берега

ерика Огибного, или, по местному названию, Гатного. На линии протяженностью около 1 км, почти от самой окраины хутора до оз. Щучьего, прослеживаются обломки керамической посуды, кости животных и некоторые другие поделки (например, точильные камни). Керамические остатки довольно разнообразны. Тут обломки и лепных сосудов эпохи бронзы (такого же типа, как у хут. Ляпичева), и гончарных сосудов салтово-маяцкого типа, а также, по-видимому, и татарских. Обломки сильно измельчены и маловыразительны. Из их состава более всего выделяются керамические остатки эпохи бронзы. Наибольшая концентрация последних обнаружена на полпути от хутора до оз. Щучьего.

18. Хут. Жуков, Ростовская обл., Дубовский район.

В 1.5—2 км к северу от хутора в пойме р. Дона находится оз. Линево (известное у местного населения больше под именем оз. Верибского). вытянутое по оси северо-восток—юго-запад. Западный берег северо-восточной оконечности озера низкий и пологий. Поверхность склона сильно размыта. В местах обнажений прослеживаются культурные остатки. Они встречаются вдоль берега на линии протяженностью не менее 0.25 км. В составе остатков обломки глиняной посуды, кости животных, изделия из кремня и кремневые отщепы. Культурные остатки, собранные здесь, отличаются от материалов других обследованных нами поселений того же времени наличием большого числа кремневых орудий и кремневых отщепов. Изделия из кремня довольно разнообразны: скребки различных форм, орудия для сверления, наконечники стрел, трапециевидные пластины и некоторые другие (рис. 8). Имеет свою особенность и состав керамических остатков. Наряду с обломками сосудов ляпичевского типа здесь встречены керамические остатки, резко отличающиеся от последних. Это обломки сравнительно небольших, тонкостенных сосудов, изготовленных из глины с примесью мелкозернистого песка или толченых ракушек. Поверхность их сплошь покрыта орнаментом, состоящим из оттисков гребенки и небольших ямочек в самых различных сочетаниях (рис. 7). Близкую аналогию им можно указать в материалах, собранных В. А Городцовым в 1901 г. в Изюмском уезде Харьковской губернии и относимых им к неолитической эпохе.[1] Число обломков этих сосудов по сравнению с первой группой невелико.

19. Хут. Жуков, Ростовская обл., Дубовский район.

Хут. Жуков расположен на дюнном холме поймы р. Дона. На юго-западном конце хутора по склону всхолмления ближе к пойме прослеживаются выходы древних культурных отложений, включающие в себя керамические остатки и кости животных. По своей темной окраске они резко отличаются от окружающих их песков. Около кладбища культурные остатки в большом числе рассеяны прямо на поверхности. В их составе обломки глиняной посуды, кости животных и кремневые орудия. Судя по собранным материалам, керамические остатки совершенно такие же, как и на большинстве обследованных нами поселений, т. е. ляпичевского типа (№№ 1 и 2).

20. Хут. Хороший, Ростовская обл., Цимлянский район.

Культурные остатки эпохи бронзы прослеживаются на значительном отрезке правого берега р. Котлубанки, на участке между хут. Средним и хут. Хорошим. Наиболее ярко они выступают по правому берегу старого русла Котлубанки, к северо-востоку от поселения салтово-маяцкой культуры (№ 25), на узкой береговой полосе, свободной от дернового покрова, на линии протяженностью около 0.35 км. В составе остатков обломки глиняной посуды, кости животных и единичные кремневые орудия. Керамика сильно измельчена (территория находится под пастбищем), но тем не менее принадлежность ее к кругу сосудов ляпичевского типа и ему подобных не вызывает сомнений.

21. Хут. Хороший, Ростовская обл., Цимлянский район.

Немногочисленные и маловыразительные керамические остатки того же типа, что и на предыдущем пункте, а также кости животных обнаружены в обрезе левого берега р. Кумшачик против хутора, несколько выше соединения ее с р. Котлубанкой. Выходы культурных остатков прослеживаются по линии берега на протяжении более 100 м. Берег обрывистый, высота его до 3 м. Остатки залегают до глубины 0.7—0.8 м в гумусиро-

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г., табл. XVII, *1*, *4*.

ванном слое, ничем не отличающемся от смежных участков.

22. Хут. Средний, Ростовская обл., Цимлянский район.

На расстоянии около 0.4—0.5 км от левого берега р. Цимлы, почти прямо на восток от хут. Среднего, находится большой курган, известный под именем кургана Мурзалетова. Курган расположен на дюнном всхолмлении долины рек Дона и Цимлы. Форма всхолмления овальная, диаметр его до 1.5 км. По юго-западному склону этого всхолмления, обрабатываемому под посевы бахчи и частично занятому виноградником, на линии протяженностью не менее 0.5—0.6 км прослеживаются выходы культурных остатков в виде обломков глиняной посуды, костей животных и кремневых отщепов. Особенно ярко они выступают на территории виноградника, где недавно была произведена вспашка. Керамика лепная, толстостенная, преимущественно темно-серого цвета. Общий облик ее близок к керамике поселений у хут. Ляпичева (№№ 1 и 2), но имеются и ярко выраженные формы горшкообразных сосудов, не встречающиеся среди материалов других поселений.

23. Хут. Средний, Ростовская обл., Цимлянский район.

Культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды, по общему облику напоминающие керамику Ляпичевского поселения, обнаружены на левом берегу р. Цимлы в 2—2.5 км ниже кургана Мурзалетова, справа от моста, выстроенного по дороге из ст. Цимлянской в ст. Терновскую, там, где речка образует вторую излучину. Участок, на котором встречаются культурные остатки, постоянно используется как стойло для пасущегося здесь крупного и мелкого рогатого скота, вследствие чего керамические остатки так измельчены и стали настолько невыразительными, что очень плохо поддаются определению. Несомненно, они относятся к тому же типу, что и материалы предыдущего поселения.

24. Хут. Попов, Ростовская обл., Цимлянский район (левый берег Дона).

На расстоянии около 1 км к югу от хутора, справа от дороги на пос. Нижний Соленовский, по склону правого берега Большого, или так называемого Цимлянского, лога прослеживаются выходы культурных остатков в виде обломков глиняной лепной посуды и костей животных. Обломки сильно измельчены, тем не менее они в достаточной мере выразительны и не вызывают никакого сомнения в принадлежности их сосудам эпохи поздней бронзы срубного типа. Среди обломков есть венчики от сосудов баночной формы со слегка загнутым внутрь краем, а также остроребериых сосудов, в том числе и орнаментированные. Цвет серый и темно-бурый. Выходы культурных остатков прослежены вдоль берега по линии восток—запад на протяжении более 50 м. Вследствие задернованности берега и прилегающей к нему территории выявить размеры поселения не представляется возможным. К северу от места выходов культурных остатков, в 30—40 м от берега, имеется небольшая группа курганов. Курганы невысокие, сильно расплывшиеся.

В августе 1951 г. А. Д. Столяром на месте выходов культурных остатков было заложено несколько разведочных шурфов.

25. Ст. Нижне-Чирская, Сталинградская обл. (правый берег Быстрика, рукава р. Чир).

На северной окраине станицы слева от дороги, идущей в направлении хут. Ближне-Подгорский—хут. Ближняя Мельница—станция Чир, в обрезе надпойменной террасы, почти полностью уничтоженной при земляных работах, в гумусированном слое, сильно насыщенном рваными камнями (известняк и сланец), обнаружены обломки глиняной лепной посуды. Бóльшая часть обломков принадлежит банкообразным сосудам со слегка загнутой внутрь верхней частью. Край венчика срезан горизонтально. Поверхность некоторых обломков покрыта штриховкой. Стенки сосудов довольно толстые, более 1 см толщиной; цвет от розоватого до серого, в изломе черный (сажистый).

На склоне одного из обрезов найдены обломки небольшого лепного сосуда горшкообразной формы. Высота его 9.5 см, диаметр горла 9 см, диаметр дна 7—7.5 см. Венчик слегка отогнут, плечи выражены слабо, но тем не менее шейка выступает довольно отчетливо. В глине явная примесь шамота, причем довольно крупнозернистого, вследствие чего поверхность сосуда имеет бугорчатый характер, чем существенно отличается от других керамических остатков, найденных здесь же. Цвет горшка светло-палевый, в изломе черный (рис. 3, *3*).

Протяженность участка, на котором встречаются остатки, не превышает 50 м.

Значительная часть террасы уходит под дорогу. По общему облику керамика напоминает срубную, но у нее есть и некоторые особенности. Ближе всего к ней стоит керамика с поселения (№ 22) близ кургана Мурзалетова (левый берег р. Цимлы). Среди материалов этого поселения имеются обломки таких же небольших горшкообразных сосудов, а равно и банкообразных сосудов со слегка загнутой внутрь верхней частью.

26. Между хут. Ближняя Мельница и хут. Лисеицким, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

На расстоянии 1—1.5 км вверх от моста через р. Чир, близ хут. Ближняя Мельница, коренной берег отходит от русла реки, образуя надпойменную террасу. Здесь в весеннее время устраивается паромная переправа. Выше и ниже переправы в обрезе крутого берега реки в гумусированном слое встречаются выходы культурных остатков в виде обломков глиняной лепной посуды и костей животных. Ниже парома в оползшем береге обнаружено большое красное пятно обожженной глины, напоминающее развал глинобитного очага. Керамические остатки сильно измельчены, однако облик их довольно ясен — это обломки сосудов срубного типа. Среди них есть венчик от банкообразного сосуда со слегка загнутой внутрь верхней частью, орнаментированной по краю вертикальными вдавлениями. Цвет поверхности от буро-красного до серого, в изломе в большей части черный.

Протяженность береговой линии, где встречаются остатки, не превышает 80 м.

27. Хут. Головский, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

В северном конце хутора высокий коренной берег, идущий в направлении север—юг, отходит от русла реки, образуя широкую надпойменную террасу, на которой размещается хутор. В ряде мест северная часть террасы прорезана глубокими канавами, отгораживающими одну усадьбу от другой. В обрезах этих канав и в выбросах из них, а также в обрезе северного склона террасы прослежены выходы древних культурных отложений, состоящие из обломков лепной глиняной посуды и костей животных. Мощность культурного слоя достигает здесь 0.50 м. Сосуды плоскодонные, большей частью баночной формы, со слегка загнутым внутрь краем. Верхняя часть некоторых сосудов орнаментирована насечками в разных сочетаниях, а также вдавлениями самых разнообразных форм. Есть обломки, поверхность которых покрыта штриховкой. По линии сопряжения стенок с донышками у части сосудов имеется рантик. Цвет сосудов от буро-красного до темно-серого. Остатки достаточно выразительны, они принадлежат сосудам эпохи бронзы срубного типа.

Площадь, на которой прослежены выходы культурных остатков, довольно значительна — 300 (по линии север—юг)× ×200 м (по линии восток—запад).

28. Хут. Рудаковский, Сталинградская обл., Суровикинский район (правый берег р. Чир).

Выше хут. Головского коренной берег на протяжении 4—5 км почти вплотную подходит к руслу реки. В ряде мест проход между рекой и коренным берегом возможен лишь по узкой тропинке, пролегающей по крутому склону, или по узкой полосе около воды у подножия берега. У хут. Рудаковского высокий берег отходит от русла, уступая место надпойменной террасе, на которой и находится хутор. В границах участка, занимаемого хутором, в обрезах оврагов, прорезающих террасу, а также по склону террасы прослеживаются культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды и костей животных. Обломки сильно измельчены, однако нет никакого сомнения в принадлежности их керамике срубного типа. Участок, где встречаются культурные остатки, сильно изрезан канавками и оврагами и перекрыт культурными отложениями наших дней. Протяженность его не более 100 м.

29. Хут. Максимов, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (левый берег р. Чир).

В 2 км к югу от хутора Максимова по направлению к хут. Ерицкому на краю надпойменной террасы стоит большой курган, а около него группа небольших курганов. На расстоянии около 0.7 км от большого кургана в сторону хут. Максимова, слева от дороги, по склону надпойменной террасы на поверхности хорошо прослеживаются сильно измельченные обломки глиняной лепной посуды. Они размещаются гнездами на линии протяженностью 0.15—0.2 км, тянущейся в направлении северо-запад—юго-восток. Обломки принадлежат плоскодон-

ным сосудам баночной формы и, по-видимому, остроребериым. Верхняя часть некоторых сосудов слегка загнута внутрь; край венчика горизонтальный или слегка закруглен. По кромке доньев встречаются рантики. Поверхность стенок некоторых обломков штрихованная, иногда и орнаментированная. Орнамент весьма простой как по технике, так и по сюжету: всевозможные вдавления, чекан, насечки.

30. Хут. Липовский, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

Хутор расположен на склоне коренного берега р. Дона и на примыкающей надпойменной террасе. Берег и терраса изрезаны оврагами и балками. На одном из отрезков террасы, на усадьбе Т. С. Перфильева, и выше по Дону в обрезе террасы в хорошо гумусированном слое, лежащем на суглинке, обнаружены древние культурные отложения в виде обломков глиняной посуды, костей животных и кусков обожженной глиняной обмазки. В ряде мест древние отложения перекрыты культурными отложениями наших дней или же перекопаны. Насыщенность культурными остатками очень слабая. Протяженность берега, где встречены остатки, достигает 0.2 км. Мощность культурного слоя не превышает 0.40 м. Все керамические остатки, за исключением одного обломка салтовского (?) сосуда, принадлежат лепным, плоскодонным сосудам. Наряду с обломками, принадлежащими сосудам явно срубного типа, есть ряд фрагментов сосудов несколько иного характера, сделанных из глины с примесью крупных зерен шамота, имеющих неровную поверхность и рваный излом.

31. Хут. Быстрянский, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

На северо-восточной окраине хутора, на расстоянии 0.1—0.15 км от будки 487-го километра, в обрезе надпойменной террасы р. Дона ясно выступает мощный культурный слой, доходящий до 1.5 м в толщину. Верхнюю часть его составляют отложения наших дней, нижнюю — древние отложения. Мощность последних около 0.6 м. Древние отложения представляют собой гумусированный слой со значительным содержанием зольных остатков, костей животных и обломков глиняной лепной посуды. Судя по собранным обломкам, это остатки плоскодонных сосудов баночной и горшкообразной формы, в том числе остроребериых. Есть венчики, имеющие значительный отгиб наружу, есть слегка загнутые внутрь. Много обломков венчиков, орнаментированных насечками и вдавлениями разных форм в различных сочетаниях. Реже орнаментированы стенки сосудов, причем их орнаментация такая же, как и у венчика. Один обломок стенки орнаментирован отпечатками веревочки. Поверхность некоторых обломков покрыта штриховкой, имеющей самое разнообразное направление. Цвет сосудов от красно-бурого до темно-серого. В изломе большинство обломков имеет темную (почти черную) окраску. В глине имеется примесь (дресва, шамот?), однако поверхность большей части обломков сравнительно ровная. Лишь небольшое число обломков значительно отличается от остальных. К сожалению, все они принадлежат стенкам сосудов (а возможно, и одному сосуду). Они имеют красно-бурую внешнюю поверхность и темную внутреннюю. В изломе около $^2/_3$ толщины (к внутренней стороне) черепка из темной глины; в глиняном тесте этих обломков имеется примесь крупнозернистого шамота (?), вследствие чего поверхность их неровная, бугорчатая.

Общий облик керамического комплекса достаточно характерен и не вызывает сомнений. Это комплекс эпохи бронзы срубного типа. В каком отношении к нему стоят немногочисленные обломки с примесью крупнозернистого шамота (?), имеющие неровную поверхность, сказать на основе немногочисленных данных невозможно.

Культурные отложения в обрезе берега прослеживаются на линии протяженностью до 0.5 км. Много керамики и костей у подножия берега, где они отложились в результате оползания берегового склона. Ширина полосы, где встречаются культурные остатки, достигает у подножия берега 20 м.

32. Хут. Генералов (Погановский), Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

На расстоянии около 1 км к северо-востоку от хутора на западном высоком берегу оз. Шелаева, несколько ниже моста, проложенного через ерик, впадающий в это озеро, в гумусированном слое мощностью около 0.6—0.8 м ясно выступают культурные отложения в виде костей животных и обломков глиняных лепных сосудов. Много костей

и керамики по склону берега, в его оползнях. Керамика довольно толстостенная. В составе теста мелкая дресва, обжиг неравномерный. В изломе стенки темные, цвет поверхности от светло-желтых и оранжевых тонов до темно-серых. Сосуды плоскодонные, баночной и горшкообразной форм. Верхняя часть баночных сосудов слегка загнута внутрь и иногда орнаментирована. Орнамент довольно простой — вдавления различных форм. Сосуды горшкообразной формы имеют сравнительно высокий (до 2 см) венчик и пологие плечики. Последние орнаментированы оттисками зубчатого чекана или веревочкой, намотанной на палочку. На двух фрагментах (возможно, от одного сосуда) по плечику налеплен невысокий валик шириной около 1.5 см. По этому валику нанесен орнамент в виде косых оттисков зубчатого чекана. Совершенно такой же прием орнаментации применен на сосуде из раскопок М. П. Грязнова на поселении близ хут. Лящичева (1951 г.). Поверхность многих обломков покрыта штриховкой, причем только с наружной стороны.

Сосуды первой группы (банкообразные) довольно типичны, и принадлежность их к срубной керамике не вызывает сомнений. Вторые сосуды (горшкообразные) хотя и встречаются на этих поселениях, но лишь в единичных экземплярах.

Протяженность береговой линии, где встречены выходы культурных отложений, достигает 150 м. В обе стороны от этой полосы берег разрушен. Как далеко распространяются культурные отложения вглубь от берега, сказать не представляется возможным, так как поверхность сильно задернована.

33. Хут. Красный, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

В 1.5—2 км к северо-востоку от ст. Есауловской, близ хут. Красного, на краю надпойменной террасы, идущей параллельно оз. Топольному, близ места, где последнее соединяется с оз. Рыбным, прослеживаются культурные остатки в виде сильно измельченных обломков глиняной посуды, костей животных, кремневых изделий, а также кремневых и кварцитовых отщепов. Бóльшая часть территории задернована, вследствие чего выявить характер культурных отложений не представлялось возможным. Большинство остатков собрано в обрезе дороги, идущей от хут. Генералова (Погановского) к хут. Красному, и в параллельном этой дороге, незначительном «сдире» края террасы, где культурные отложения выступают на поверхность. Сильная измельченность керамических остатков делает их маловыразительными. Тем не менее имеется полная возможность установить в их составе две группы. Одна из них срубного типа, вторая напоминает керамику раннего слоя стоянки у хут. Жукова (берег оз. Линево—Верибское, № 18). С этой ранней группой вероятнее всего связываются кремневые и кварцитовые орудия и отщепы, найденные здесь. Другими словами, здесь мы имеем поселения с отложениями двух культур: 1) времени перехода от неолита к бронзе (?), 2) срубного времени, т. е. совершенно такого же типа, что и на берегу оз. Линево—Верибское у хут. Жукова, но с более бедными материалами.

34. Ст. Есауловская, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

Станица расположена на западном берегу большого озера Рыбное. В черте станицы берег его довольно высокий, не менее 3—4 м высотой. Склон берега сильно ополз, верхняя часть его перекрыта культурными остатками наших дней, ниже лежит гумусированная погребенная почва, а затем материковый песок. Последний сильно разрушен (размыт и растоптан пасущимися стадами) и превращен в сыпучий. По склону берега на линии протяженностью более 0.4 км встречаются разновременные культурные остатки, вплоть до эпохи бронзы. Последние представлены обломками глиняной лепной посуды банкообразной и горшкообразной формы. Есть обломки остроребериых сосудов. В целом керамический комплекс довольно отчетливо характеризует поселение как памятник эпохи бронзы срубного типа.

35. Между ст. Голубинской и хут. Малым Голубиным, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

Между хут. Малым Голубиным и ст. Голубинской участок зоны затопления представляет узкую пойменную полосу, лежащую у подножия высокого коренного берега. Лишь в одном месте, в 0.4—0.5 км к югу (вниз по течению) от урочища Городище, расположенного на полпути между хутором

и станицей, над поймой лежит широкая терраса. Постепенно повышаясь, она переходит в высокий коренной берег. Склон ее прорезает ряд молодых оврагов, идущих почти параллельно берегу. Приблизительно в центре террасы, в обрезе левого берега крайнего от поймы террасы оврага, на глубине 0.20—0.25 м от поверхности обнаружен небольшой

Рис. 19. Поселение между ст. Голубинской и хут. Малым Голубиным. Сосуд срубного типа в обрезе берега оврага.

лепной горшок почти баночной формы со слегка загнутым внутрь верхним краем и почти горизонтально срезанным венчиком (рис. 19). Высота горшка около 13—14 см, диаметр дна 8—8.5 см, диаметр горла 11.5—12.5 см, наибольший диаметр 13—13.5 см. Сосуд асимметричен. Поверхность стенок как с внешней, так и с внутренней стороны покрыта штрихами, нанесенными довольно неравномерно. Цвет сосуда светло-оранжевый; бóльшая часть поверхности покрыта копотью. Верхняя часть сосуда была наполнена землей, нижняя на $^2/_3$ высоты — золой.

Метрах в 20 от места находки вышеописанного сосуда на дне оврага было найдено несколько фрагментов (составляющих полный профиль) другого лепного сосуда. Найденные фрагменты позволили реконструировать сосуд. Он оказался небольшим остроребериым горшком, 12 см высотой, с диаметром дна около 9 см и диаметром горла 10—11 см (рис. 3, *3*). Большая часть поверхности сосуда орнаментирована. По верхней части (выше ребра) проходит меандровый пояс, нанесенный каким-то острием. По ребру тем же острием прочерчена линия, шедшая, по-видимому, вокруг всего сосуда. Под этой линией идет пояс из неглубоких, треугольной формы вдавлений. Нижняя часть сосуда на высоте 1—1.5 см от дна украшена еще одним орнаментальным поясом из углов, обращенных вершинами кверху. Углы нанесены в той же технике, что и меандр.

Ближе к краю террасы по склону оврага было найдено еще несколько обломков лепных сосудов; один из них орнаментирован отпечатками широкого зубчатого чекана. В обрезе правого берега того же оврага, где найден целый сосуд, но несколько выше (метрах в 150), прослеживаются контуры ниши (катакомба?). Пол ниши завален обрушившейся сверху землей. Следов кургана над разрушающейся нишей незаметно.

Собранные материалы позволяют заключить, что здесь мы имеем дело безусловно с памятником эпохи бронзы срубного типа.

В силу большой покатости поверхности террасы культурные отложения, по-видимому, в значительной мере разрушены и смыты.

На нижнем конце террасы, ближе к ст. Голубинской, найдено несколько обломков красноглиняных сосудов средневековой поры, одинаковых с керамикой поселения Малого Набатовского.

36. Ст. Голубинская, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

На северо-восточной окраине станицы от коренного берега отходит надпойменная терраса, на которой и расположены усадьбы колхозников. Склон террасы в этой части подмыт и сильно оползает. В обрезах склона, а также в осыпи встречаются культурные остатки в виде обломков глиняной лепной посуды и костей животных. Керамика довольно единообразная. Это обломки банкообразных сосудов со слегка загнутым внутрь верхним краем срубного типа. В составе глины хорошо заметны блестки слюды.

Как велика территория, содержащая древние остатки, проследить не представляется возможным вследствие занятости участка жилыми и хозяйственными постройками.

37. Хут. Рубеженский, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

Несколько выше Калача (в 5—6 км) у подножия правого высокого коренного берега на небольшой надпойменной террасе (0.5×0.5 км) расположился хут. Рубеженский. Ниже террасы идет неширокая каменистая пойменная коса. Терраса сильно разрушается вешними водами Дона и постепенно уменьшается. В высоких (2—4 м) обрезах хорошо прослеживаются культурные отложения. Они представлены тремя слоями: сверху залегают отложения наших дней, ниже их лежат средневековые культурные напластования такого же типа, как у хут. Малого Набатовского, а под последними — гумусированный слой мощностью около 0.6—0.7 м, содержащий культурные остатки эпохи бронзы срубного типа. Под гумусированным слоем эпохи бронзы лежит материк. Отложения всех трех эпох прослеживаются вдоль береговой линии террасы (рис. 2).

Культурные остатки эпохи бронзы состоят из обломков глиняной лепной посуды и костей животных. Керамика обычная. В ее составе сосуды банкообразной формы со слегка загнутым внутрь краем, а также горшкообразные сосуды со сравнительно высоким венчиком, орнаментированные по плечикам оттисками веревочки, намотанной на палочку (в виде зубчатого чекана). Как и на сосудах у хут. Генералова (№ 32), отпечатки нанесены по валику, вылепленному на плечиках.

Слой, связанный со средневековыми отложениями такого же типа, как у Малого Набатовского, имеет сероватый оттенок. В составе слоя обломки керамики, кости животных, железные крицы. Со средневековым слоем связываются прослеженные в обрезе берега остатки полуземляночного помещения с развалившейся глинобитной печью. Хорошо выражен глинобитный, по-видимому обожженный, пол.

38. Хут. Малая Лучка, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

Хутор размещается на небольшой надпойменной террасе. Бóльшая часть террасы находится под развалами разобранных жилых и хозяйственных построек, а также завалившихся ям погребов, колодцев и других хозяйственных сооружений. Восточный склон террасы (ближе к Дону) изрезан промоинами. В обрезах промоин, а также различных ям встречаются обломки лепной глиняной посуды эпохи бронзы срубного типа, а также кости животных. Вследствие сильной засоренности террасы проследить границы распространения культурных остатков не представилось возможным.

39. Хут. Подтихов, Сталинградская обл., Калачевский район.

Надпойменная терраса, на которой расположен хутор, со стороны поймы постепенно размывается. В обрезе подмытого края и его оползнях встречены обломки глиняной лепной посуды и кости животных. Слой, в котором прослеживаются культурные остатки, гумусирован; никаких следов стратиграфии не обнаружено. Мощность слоя около 0.2—0.3 м. Протяженность берега, где встречены культурные остатки, не превышает 0.3 км. Керамика относится к эпохе бронзы срубного типа.

40. Хут. Самодуровский, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

В полукилометре к югу от хутора в долину Дона впадает балка Городищен-

ская. При ее устье на правом террасообразном уступе находилось несколько усадеб колхозников. Сейчас они снесены. В осыпавшихся стенках разрушенного погреба обнаружен хорошо выраженный культурный слой с большим содержанием обломков глиняной лепной керамики срубного типа, костей животных и золы. Слой гумусирован, мощность его 0.50—0.60 м. Обломки посуды принадлежат лепным плоскодонным сосудам баночных форм со слегка загнутым внутрь верхним краем и, по-видимому, остроребериым сосудам. Последние, как правило, орнаментированы. Орнамент размещен по плечикам.

Аналогичные культурные остатки найдены в обрезах и других ям, оставшихся после разрушения хозяйственных построек. Значительное количество керамических остатков собрано по склону террасы на поверхности. Среди подъемного материала есть один фрагмент средневековой амфоры (салтовского типа).

41. Хут. Рычков, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

Хутор расположен на высоком берегу русла р. Дона. В обрезах берега и его оползнях встречаются обломки лепной глиняной посуды эпохи бронзы (типа срубной), а также кости животных. Протяженность береговой линии, где встречаются остатки, около 0.15 км. Застроенность берега жилыми и хозяйственными сооружениями не дает возможности выяснить границы древнего поселения по направлению в глубь берега.

2. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Поселения салтово-маяцкой культуры

42. Хут. Ильменский (Суворовский), Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

Поселение находится на западном берегу оз. Ильмень. Оно расположено на дюнном всхолмлении, резко выделяющемся на фоне остальной низкой береговой линии озера. На склоне к озеру в местах выдувов заметны темные пятна выходов культурных остатков. В их составе большое количество обломков глиняной посуды, костей животных и единичные поделки из металла и камня. Керамика лепная и гончарная. Остатки первой немногочисленны, по общему облику они могут быть отнесены к группе керамики смежных поселений эпохи бронзы. Основная же масса керамических остатков принадлежит гончарным сосудам салтово-маяцкого типа. Среди них обломки серых кухонных горшков, тулово которых сплошь покрыто линейным орнаментом, и обломки сосудов с внутренними ушками. Значительное место в составе гончарной керамики занимают остатки лощеных сосудов, яйцевидных амфор и кувшинообразных сосудов. Из единичных находок следует отметить свинцовое грузило, глиняные пряслица, несколько фрагментов каких-то бронзовых поделок.

Выходы культурных остатков прослеживаются на линии протяженностью около 0.25 км. Обломки лепной керамики концентрируются преимущественно ближе к краю берега, там, где дюнное всхолмление переходит в низкий пологий берег.

43. Хут. Хороший, Ростовская обл., Цимлянский район.

Поселение находится между хуторами Средним и Хорошим на правом берегу старого русла р. Котлубанки. Поселение открытое, никаких следов укрепления не обнаружено. Выходы культурных остатков прослеживаются начиная от места соединения нижней части старого русла с современным вверх по течению на протяжении 0.4 км. Наиболее ярко культурные остатки выступают в местах, где дерновый покров размыт. В их составе обломки глиняной посуды и кости животных. Керамика лепная и гончарная. Первая немногочисленна и представляет собой не что иное, как обломки сосудов эпохи бронзы (ляпичевского типа). Поселение этого времени расположено несколько выше, по правому же берегу старого русла. Обломки гончарной посуды принадлежат сосудам салтово-маяцкого типа (кухонным горшкам, сосудам с внутренними ушками, лощеным сосудам самых разнообразных форм, круглодонным амфорам и т. п.).

44. Хут. Средний, Ростовская обл., Цимлянский район.

Поселение у хут. Среднего является сложным памятником. Оно состоит из укрепленной части (городища) и прилегающего к ней неукрепленного поселка (селища). Поселение расположено на правом берегу р. Котлубанки, в углу, образованном ре-

кой и рукавом, соединяющим эту реку с р. Кумшачиком. Укрепленная часть занимает центр поселения. С севера, запада и юга она обнесена валом и рвом. Вал сохранился плохо, в ряде мест он прерывается. Высота его не более 1 м, длина вала около 1 км. Ров сохранился по всей линии. Он неглубокий (0.5—1 м) и узкий (2—2.5 м). Восточной стороной укрепленная часть поселения примыкает к реке. Остатков искусственных укреплений здесь не прослеживается. Протяженность этого участка береговой линии около 0.65 км. Наибольшая ширина укрепленной части по линии юго-запад около 0.25 км. Поверхность площадки неровная, особенно в юго-западной части. Последняя вся покрыта курганообразными насыпями (зольниками), состоящими из золы с включением культурных остатков.

В ряде мест площадку прорезают траншеи и окопы военного времени. Не совсем еще заплыли и ямки-западинки (остатки полуземлянок?). Вследствие задернованности площадки культурные остатки на поверхности почти не прослеживаются. Лучше всего они выступают в обрезах траншей, а также в береговых обнажениях. Собранные здесь материалы (керамические остатки) принадлежат исключительно к комплексу салтово-маяцкой культуры. Такие же остатки были найдены и при расчистке разрушенной на склоне берега ямы. Яма в плане почти круглая, с диаметром около 1.6 м; глубина неразрушенной части (западной) около 0.5 м, разрушенной (восточной) — 0.03—0.05 м. Яма была вырыта в материке (песок). Западная часть ямы вверху заполнена илом, внизу — золой; мощность зольного слоя 0.05—0.07 м. Восточная (разрушенная) часть ямы была перекрыта оползшим сверху культурным слоем, состоящим из золы, кусков обожженной глины, камней, обломков глиняных сосудов, костей животных и т. п. Дно ямы и в этой части было покрыто золой. Большинство керамических остатков, извлеченных из заполнения ямы, принадлежит серым кухонным горшкам, покрытым сплошь рифлением. Обломки других типов сосудов немногочисленны (амфоры салтовского типа, лощеные сосуды). Из единичных вещей следует отметить астрагал, подвергнутый частично обработке.

Селище расположено к северу и югу от укрепленной части поселения вдоль берега р. Котлубанки, захватывая частично берег рукава, соединяющего р. Котлубанку с р. Кумшачиком. Общая протяженность поселения (включая укрепленную часть) около 2 км. Участок, расположенный к югу от городища, до последних лет находился под хутором. Культурный слой древнего поселения в этой части перекрыт отложениями наших дней и сильно нарушен при сооружении хозяйственных построек (погреба, колодцы, канавы фундаментов и т. п.). Здесь, как и на городище, выходы древних культурных напластований, содержащих остатки салтово-маяцкой культуры, лучше всего прослеживаются в обрезе берега. Мощность их колеблется в пределах 0.3—0.5 м. Участок, лежащий к северу от укрепления, представляет сравнительно ровную, задернованную поверхность, частично размытую весенними разливами. В местах размывов ясно выступают культурные отложения, содержащие остатки, аналогичные собранным в других частях поселения.

Поселение у хут. Среднего известно в литературе со второй половины XIX в.[1] В конце 20-х—начале 30-х годов нашего века поселение дважды было обследовано Северо-Кавказской экспедицией, однако никаких раскопочных работ на нем проведено не было.[2]

45. Хут. Карнаухов, Ростовская обл., Цимлянский район.

Поселение у хут. Карнаухова, как и у хут. Среднего, представляет сложный памятник, состоящий из укрепленной части (городища) и неукрепленного поселка (селища). В литературе оно, как и поселение у хут. Среднего, известно давно, со второй половины XIX в., сначала как городище,[3] а позднее (начиная с конца 20-х годов XX в.) как селище.[4]

Поселение находится на левом берегу р. Котлубанки на склоне надпойменной террасы. Укрепленная часть (городище) рас-

---

[1] Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел. Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 275.

[2] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 118—122; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 25—27.

[3] Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел, стр. 275.

[4] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 117; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 25—27.

положена на северной окраине хутора на мысу, образованном долиной реки и впадающей в нее балкой. С восточной стороны городище укреплено валом и рвом дугообразной формы протяженностью около 0.9 км. Вал и ров в наши дни использовались как изгородь. Южная часть городища занята современным кладбищем.

Неукрепленный поселок (селище) расположен в 0.2—0.3 км к северу от городища, вверх по течению реки за балкой. Общая протяженность поселения по линии север—юг около 2 км, по линии восток—запад — 0.6 км. Выходы древних культурных отложений выявлены как на городище, так и на селище. На городище они, однако, маловыразительны; это, по-видимому, объясняется, с одной стороны, сильной задернованностью большей части площадки, а с другой — тем, что древние напластования перекрыты отложениями наших дней. На селище выходы культурных отложений прослеживаются более отчетливо. Они выступают здесь не повсеместно, а скоплениями — гнездами. Гнезда эти двух типов. Первые из них в виде невысоких курганообразных насыпей, диаметром от 10 до 35 м, состоящих из золы с включением значительного количества обломков глиняной посуды, костей животных, кусков обожженной глиняной обмазки и единичных поделок (преимущественно испорченных) из кости, камня и т. п. По общему облику эти насыпи представляют типичные зольники, хорошо известные по поселениям скифского времени Среднего Поднепровья. Гнезда второго типа отличны от первых как по форме, так и содержанию. Они имеют вид ровной поверхности, лежащей в одной плоскости с окружающей территорией. Основной составной частью их являются куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками тростника. Обжиг их довольно сильный, многие куски даже ошлакованы. Из других остатков, встречаемых здесь, следует отметить обломки глиняной посуды, фрагменты ручных жерновов и единичные кости животных. Кроме того, и на городище и на селище имеется значительное количество неглубоких овальных в плане западинок.

В течение двух лет (1950—1951 гг.) на территории поселения произведены небольшие раскопки. Произведенные разведочные раскопки показали, что зольники есть не что иное, как сорные кучи, скопления кусков глиняной обмазки — развалины наземных построек, а западинки — нижние, углубленные в землю части полуземлянок. На территории поселения зарегистрировано около 50 зольников, 19 точек с выходами глиняной обмазки и 53 западинки. Эти цифры не являются показателями для суждения о соотношении количества жилищно-хозяйственных построек и зольников на поселении. Несомненно, зольники как более заметные точки учтены полнее, чем выходы глиняной обмазки и западинки.

Собранные при обследовании материалы, а также данные раскопок полностью подтвердили ранее сделанные выводы о принадлежности поселения к салтово-маяцкой культуре.[1]

46. Хут. Крутой, Ростовская обл., Цимлянский район (правый берег р. Дона).

На территории хутора, расположенного на надпойменной террасе вдоль склона коренного берега по обе стороны устья балки Боршевой, впадающей в долину Дона, в обрезах погребных, колодезных и других ям обнаружены выходы культурных отложений, состоящие из костей животных, обломков глиняной, сделанной на круге посуды салтовского типа, массы золы и т. д. Состав керамических остатков довольно разнообразен; обломки сероглиняных кухонных горшков со сплошным рифлением по корпусу, пифосообразных сосудов с веревкообразным венчиком, невысоких серых мисок со слегка наклонными наружу бортиками, покрытыми линейным и волнистым орнаментом, сосудов с внутренними ушками, амфор, лощеных сосудов различных форм и т. п. Культурные остатки прослеживаются на территории протяженностью по линии восток—запад около 0.15 км, по линии север—юг около 0.6 км. Вся территория древнего поселения в недавнем прошлом находилась под усадьбами колхозников. Многие хозяйственные сооружения, углубленные в землю (погреба, нижние части хат и т. п.), врезались в древние отложения; ряд построек сооружен на местах мощных древних зольных отложений со значительным содержанием культурных остатков (костей животных, обломков глиняной посуды и т. п.).

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 117; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 25—27.

По-видимому, это места сорных куч типа зольников на поселении у хут. Карнаухова.

Культурные отложения салтовского типа прослеживаются и несколько южнее хут. Крутого, на расстоянии 1.5 км от описанного поселения, на южном конце той же надпойменной террасы, там, где коренной берег обрывается прямо в долину Дона и круто поворачивает на запад. Здесь наряду с керамическими остатками описанных выше типов найдены обломки кувшинов с высоким (в виде раструба) горлом и плоскими ручками и обломки амфор с частым линейным орнаментом, нанесенным поясами. В каком отношении находятся эти два обследованных пункта, связаны ли территориально они между собой или нет, выяснить не удалось.

47. Хут. Ближний Подгорский, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

На южной окраине хутора на надпойменной террасе у подножия высокого коренного берега, по обе стороны от дороги, идущей из ст. Нижне-Чирской вдоль реки, прослежены выходы средневековых культурных отложений салтово-маяцкого типа. Несмотря на то, что древний культурный слой на большей части территории перекрыт отложениями наших дней, остатки его на поверхности выступают достаточно отчетливо. Наиболее заметны они в ямах разрушенных погребов и оснований жилых построек. В составе собранных остатков обломки глиняной гончарной посуды салтовского типа: серых кухонных горшков со сплошным рифлением по корпусу, пифосообразных сосудов с веревкообразным венчиком, различных лощеных сосудов, амфор и некоторых других форм. Встречаются кости животных. Следует отметить наличие в отдельных точках больших скоплений золы типа зольников.

Выходы культурных остатков прослежены на площади около 300 (по линии север—юг)×350 м (восток—запад).

48. Хут. Островский, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

В северо-западной части хутора, вокруг современного кладбища, а также и на его территории, справа от дороги, идущей на хут. Головский, в выбросах из канав, служивших оградой кладбища и усадебных участков, найдены древние культурные отложения в виде костей животных и обломков глиняной посуды. Все собранные керамические обломки принадлежат сосудам, сделанным на гончарном круге: кухонным серым горшкам, красноглиняным яйцевидным амфорам. Принадлежность собранных остатков салтовской культуре не вызывает сомнений.

Территория, где найдены остатки древних культурных отложений, представляет собой нижний край надпойменной террасы. Границы распространения культурных остатков проследить не представляется возможным, так как бóльшая часть территории сильно задернована. Собранные остатки найдены на площади около 100×200 м. Наибольшая концентрация их наблюдается вокруг кладбища, главным образом с северо-западной его стороны. Судя по выбросам из канав, древний культурный слой залегает на довольно значительной глубине, под культурными напластованиями наших дней и наносами.

49. Хут. Нижне-Калиновский, Сталинградская обл., Суровикинский район (правый берег р. Чир).

Следы средневекового поселения салтово-маяцкой культуры в виде немногочисленных обломков гончарной глиняной посуды (серых кухонных горшков со сплошным рифлением по корпусу, амфор яйцевидной формы) обнаружены на правом берегу р. Калиновой при впадении ее в р. Чир, там, где в недалеком прошлом находился поселок Нижне-Калиновский (сейчас последний размещается по левому берегу). Обломки керамики найдены в выбросах из ям, траншей военного времени и канав (остатки изгороди усадьб) на довольно широкой территории (около 150×200 м). Территория, где найдены остатки, сверху перекрыта отложениями наших дней и сильно задернована.

50. Ст. Нижне-Чирская, Сталинградская обл. (правый берег р. Дона).

Недалеко от впадения р. Чир в Дон вдоль правого коренного берега тянется узкой полосой надпойменная терраса. Поверхность ее задернована и поросла мелким кустарником. Склоны террасы обнажены; в обрезах много камней (известняк, сланец). Метрах в 100 от начала террасы (вниз по р. Чир) на склоне в оползне встречаются обломки глиняной посуды, сделанной на гончарном круге, принадлежащей к комплексу салтовской культуры. В основном это обломки сероглиняных кухонных горшков со сплошным рифлением и разнообразных лощеных сосудов. Совершенно не найдено обломков

красноглиняной амфорной посуды. Несмотря на сильную задернованность площадки, отдельные керамические обломки встречены и на ее поверхности. Общая протяженность береговой линии, где встречены культурные отложения, около 150 м. На этой же линии найдено несколько фрагментов лепных сосудов эпохи бронзы (срубного типа).

51. Ст. Суворовская, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона).

Между станицей и лежавшим выше нее по течению хут. Быстрянским коренной берег р. Дона резко изменяет свое меридиональное направление на юго-западное, образуя в этом месте пологий склон, переходящий в амфитеатрообразную надпойменную террасу. В ряде мест берег прорезан молодыми и древними оврагами, достигающими в верхних своих частях 6—8-метровой глубины. По склону берега, а также в обрезах оврагов и в долине Дона у подножья коренного берега прослеживаются древние культурные отложения в виде костей животных, обломков глиняной гончарной посуды салтовского типа, скоплений золы, линз обожженной глины и т. п. В составе керамики значительное место занимают обломки глиняных лощеных сосудов, преимущественно кувшинов и серых кухонных горшков, покрытых сплошным рифлением по всему корпусу. Почти совершенно нет амфорных остатков (найдено всего 2—3 фрагмента). Культурные отложения особенно отчетливо выступают в обрезах оврагов. На линии протяженностью около 100 м по склону берега в обрезах оврагов прослеживается непрерывная полоса культурного слоя различной мощности, достигающей в отдельных местах 70 см.

Культурные отложения залегают под дерновым слоем и слоем наносов мощностью в некоторых точках до 0.4—0.5 м. Ниже культурного слоя лежит песчанисто-глинистый материк. В ряде мест в обрезах оврагов заметны остатки жилых и хозяйственных сооружений, углубленных в материк. Эти углубления заполнены или гумусированным слоем с включением культурных остатков (обломков глиняной посуды и костей животных), или золистыми отложениями, иногда довольно чистыми, с включением тех же остатков. Таких разрушенных сооружений в обрезах оврагов довольно много. В некоторых местах в обрезах оврагов были прослежены значительные выходы обожженной глиняной обмазки. Обследование склона показало, что культурные остатки распространены на значительной площади: не менее 700 м с северо-востока на юго-запад и около 300 м по склону, в направлении к берегу Дона. Поселение было открытое, без каких-либо искусственных укреплений.

Помимо внешнего осмотра и сбора подъемного материала, на поселении были произведены небольшие разведочные раскопки. Раскопками были вскрыты остатки двух полуземляночных жилищ, хозяйственной ямы (погреба) и трех гончарных обжигательных печей.

Славянские поселения

52. Хут. Ближняя Мельница, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

В черте хутора, метрах в 200 ниже моста через р. Чир, в обрезе правого высокого крутого берега реки на высоте 4—6 м от уровня воды в глинистом слое ясно прослеживаются контуры прямоугольных в разрезе ям, заполненных гумусированным слоем со значительным содержанием камней, часто обожженных, костей животных и немногочисленных обломков глиняной лепной посуды. Обломки аналогичной посуды встречены и на склоне берега, в оползших слоях, вплоть до линии воды. По внешнему облику обломки посуды довольно грубые, с примесью крупнозернистого шамота. Донья сосудов плоские, венчики слегка отогнуты наружу. Цвет большинства собранных обломков светлый (от палевого до красно-бурого). Среди обломков имеются фрагменты сковородок роменско-боршевского типа с низким бортиком. Найдено несколько черепков салтово-маяцкой посуды. Размер ям от 1 до 3 м в длину и до 1 м в глубину.

Единичные обломки древней керамики встречаются и помимо ям, в гумусированном слое, лежащем на материковом суглинке и перекрытом сверху культурными отложениями наших дней. Протяженность береговой линии, где встречаются культурные остатки, достигает 0.3 км.

На поселении были произведены небольшие раскопки. Раскопками были вскрыты остатки четырех полуземляночных жилищ роменско-боршевского типа с печами-каменками. Три из них, расположенные на линии берегового обреза, частично были разрушены

при оползании берега, четвертое сохранилось полностью. При раскопках был собран керамический материал совершенно того же типа, что и при внешнем осмотре, но только более яркий. Несколько сосудов удалось восстановить. Основная масса керамических остатков состоит из грубой лепной посуды с примесью шамота. Типы сосудов роменско-боршевские. Небольшое число обломков принадлежит сосудам салтово-маяцкой культуры. Поселение, очевидно, было неукрепленное, ибо никаких следов искусственных оборонительных сооружений не обнаружено.

Средневековые поселения II тысячелетия

53. Устье р. Донской Царицы, Сталинградская обл., Калачевский район.

Поселение находится в 0.3 км от устья на левом берегу. Оно расположено на ровной задернованной площадке. Выходы культурных остатков прослеживаются на площади около 120×800 м, в местах, где дерновая поверхность размыта. В их составе обломки глиняной гончарной посуды, кости животных и другие единичные вещи. Керамические остатки членятся на две группы — татарскую, состоящую из обломков красноглиняных сосудов с многорядным мелкозубчатым, волнистым и линейным орнаментом, а также с вертикальным полосатым лощением, и русскую, состоящую из обломков кухонных горшков киевского типа XIII в. (рис. 15). Из единичных вещей следует отметить золотоордынскую монету Тохтамыша, чеканенную в Азаке (783 = 1381/82 г.;[1] рис. 16, *1*).

Вследствие того что культурные остатки собраны на поверхности, стратиграфическое соотношение различных керамических комплексов выяснить не представлялось возможным.

54. Ст. Терновская, Ростовская обл., Цимлянский район.

Поселение находится в 3—4 км к западу от станицы на левом берегу старого русла р. Цимлы (что находится на левом берегу современного русла), в 2.5—3 км от ее устья. Остатки поселения прослеживаются на узкой полосе (15—20 м шириной) протяженностью не менее 0.3 км в направлении север—юг. Вся эта полоса резко выделяется от окружающей территории более бедным растительным покровом. На поверхности этой полосы встречаются сильно измельченные обломки гончарной глиняной посуды. По внешнему облику их можно разделить на три группы: 1) обломки различных красноглиняных сосудов из тонкой глины хорошего обжига; 2) обломки крупных сероглиняных сосудов хорошего обжига; 3) обломки серых кухонных горшков, иногда орнаментированных многорядной волнистой или прямой линией. В тесте последних сосудов значительная примесь крупнозернистого песка. Найдено несколько плоских пряслиц, сделанных из обломков глиняных сосудов. Малая выразительность керамических остатков не позволяет определить с полной достоверностью, к какому времени следует отнести данное поселение. Несомненно, здесь есть отдельные обломки сосудов татарской культуры, но есть и отличные от них, по-видимому салтово-маяцкие. Наиболее вероятно, что мы имеем здесь дело со сложным памятником.

55. Хут. Ермохин, Сталинградская обл., Нижне-Чирский район.

К западу от хут. Ермохина р. Мышкова образует большую излучину в направлении к северу. Левый пойменный берег этой излучины несколько ниже поймы Дона. По кромке понижения общей протяженностью около 1.5 км в отдельных точках прослеживаются измельченные обломки глиняной посуды, преимущественно гончарной. В их составе ведущее место занимают обломки красноглиняных сосудов с многорядным мелкозубчатым волнистым и линейным орнаментом. По общему облику эти остатки ближе всего стоят к татарской (золотоордынской) керамике.

56. Хут. Хороший, Ростовская обл., Цимлянский район.

От места соединения р. Котлубанки с р. Кумшачиком правый берег Котлубанки представляет собою ровную, хорошо задернованную пойму, возвышающуюся над уровнем воды на 2—2.5 м. Вдоль берега на расстоянии 10—20 м от его края тянется узкая полоса, свободная от дернового покрова, разрушенного, по-видимому, весенними водами. На поверхности этой полосы хорошо прослеживаются культурные остатки, состоящие из костей животных и обломков глиняной посуды. Последние сильно измельчены и очень плохо поддаются определению. Здесь есть обломки лепных сосудов эпохи бронзы типа керамики поселения у хут.

[1] Определение сделано А. А. Быковым.

Ляпичева, обломки гончарных сосудов салтово-маяцкого типа, татарских и, наконец, современных. Наиболее ярко из этого состава выступают остатки татарской красноглиняной посуды. Среди них много обломков кувшинообразных сосудов. Из единичных вещей, найденных на данном участке, следует отметить обломок шлифованного молота.

Несколько выше по течению Котлубанки на берегу старого русла находятся поселения салтово-маяцкой культуры (№ 43) и эпохи бронзы (№ 20).

57. Хут. Малый Набатовский, Сталинградская обл., Калачевский район (правый берег р. Дона).

Поселение находится на левом берегу р. Большой Голубой при ее впадении в Дон. Оно занимает нижнюю кромку надпойменной террасы, проходящей по крайним, юго-восточным усадьбам колхозников, поднимаясь по берегу Дона вверх до северо-восточной окраины современного хутора. Площадь его 400×500 м. Поселение неукрепленное (рис. 17). Культурные отложения выступают как на поверхности указанной территории (на вспаханных огородах, в обрезах канавок, дорог и т. д.), так и в обрезе берега р. Дона (вернее его старицы). В ряде мест берегового обреза древние культурные отложения перекрываются отложениями наших дней. Мощность первых достигает 0.7 м. В слое много костей животных, обломков глиняной посуды, железных шлаков и криц, золы. Состав керамических остатков довольно своеобразен. Почти вся керамика красноглиняная (буро-красного оттенка). Очень много обломков, принадлежащих лощеным сосудам, преимущественно кувшинам (одноручным, с ярко выраженным сливом). Формы их восстановить нет возможности, но какая-то часть сосудов близка к салтовским (широкодонным). Лощение полосатое, вертикальное, но есть и сплошное. Поверхность многих лощеных сосудов покрыта красной краской.

Из других форм следует отметить кухонные горшки с невысоким венчиком, слегка отогнутым наружу, а также более крупные сосуды горшкообразной формы (по-видимому, для хранения продуктов). Есть неглубокие миски со стенками, слегка отогнутыми наружу. Большое число керамических остатков покрыто линейным и волнистым орнаментом в самых различных сочетаниях. Довольно много обломков покрыто поясами из дуг, сомкнутых одна с другой концами, обращенными то вниз, то вверх; эти дуги образуют гирляндообразный или аркообразный орнамент. Часто дуги нанесены гребенчатым инструментом, благодаря чему образуется пучок концентрически расположенных дуг. Встречаются обломки сосудов, орнаментированных зубчатым чеканом (гребенкой). Орнамент помещается на срезе венчика, на плечиках и на тулове (рис. 18).

Из единичных вещей, найденных на поселении, следует отметить глиняную поделку округлой формы, диаметром около 10 см, толщиной около 4 см, со сквозным отверстием (2.5—3 см) в центре. От отверстия по радиусу идет след значительной сработанности, по-видимому от привязи. Наиболее вероятно предположение, что это рыболовное грузило (для сетей и т. п.). На территории поселения найдено несколько железных поделок, в том числе долото. Последнее имеет прекрасную сохранность. Общая длина его 31 см, длина рабочей части 18 см, длина лезвия 1.5 см, длина рукояти 13 см. Насколько вероятна принадлежность найденного долота данному поселению, решить невозможно. На территории найдено также несколько точильных камней.

58. Хут. Лисенский. Сталинградская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир).

Около хутора в реку впадает большая балка Лисенская. Метрах в 70 ниже ее впадения в оползнях крутого, высокого (около 5 м) берега, в 3—4 м от воды, среди галечника прослеживаются культурные остатки, состоящие из обломков глиняной посуды и костей животных. Бóльшая часть собранных обломков принадлежит грубым лепным, толстостенным сосудам, преимущественно бурого цвета. Многие обломки покрыты копотью. В изломе стенки сосудов черные. В глине имеется примесь дресвы и шамота (?). Среди собранных остатков есть обломки высокого, слабо отогнутого венчика. По срезу венчика имеются отпечатки кончика пальца со следами ногтей. Отдельные черепки лепных сосудов были найдены на поверхности задернованного поля. Кроме обломков лепных сосудов, имеется пять обломков сосудов, сделанных на гончарном круге. Среди них две ручки: одна от амфоры, вторая от светло-серого кувшина. Один обломок — стенка темно-серого сосуда, орнаментированная двумя параллельными бороздками,

а между ними волнистой линией; второй — обломок шейки налевого кувшина, орнаментированной тремя вдавленными пролощенными полосами; третий — стенка красноглиняной амфоры. По общему облику обломки гончарных сосудов относятся к группе салтово-маяцкой керамики. Обломки лепных сосудов пока определены быть не могут.

Разведочными работами 1950—1951 гг. Волго-Донской археологической экспедиции обследована большая группа древних памятников и собран значительный материал. По сути дела, для данного района это первое детальное обследование на огромной территории археологических памятников большого хронологического отрезка — от эпохи камня до средневековья. И все же разведочные изыскания не смогли охватить всего многообразия древних памятников. В частности, очень мало сделано в отношении изучения могильных памятников, прежде всего курганов, исследование которых требовало проведения больших, непосильных для отряда земляных работ. Этот пробел в какой-то мере заполняется работами других отрядов, однако не для всей зоны, а лишь для небольшой территории (окрестности ст. Цимлянской, хут. Ляпичева). Собранные материалы отражают основные этапы жизни человека в этом крае, дают общее представление об отдельных этапах истории Юго-Востока нашей страны. Начиная с эпохи бронзы край был густо населен, особенно в поздний, так называемый срубный ее период. Последующее, скифо-сарматское время и более позднее вплоть до VIII в. н. э. не находит отражения в памятниках оседлости. На всей исследованной территории не обнаружено ни одного поселения этой поры. Однако жизнь в крае, очевидно, не замирала. Следы ее выступают в материалах исследованных в этом районе курганов. Хотя число последних и невелико, материалы, добытые при их исследовании, все же не вызывают сомнения в принадлежности их скифо-сарматскому времени.[1]

По-видимому, население этого периода вело кочевой образ жизни. Небольшой объем работ не дал возможности собрать достаточно данных для ответа на вопрос, в каком отношении находилось кочевое население скифо-сарматского времени к оседлому населению предшествующей поры (бронзы срубного времени): имеем ли мы в лице кочевников потомков населения срубной культуры, перешедших к новому хозяйственному укладу, или это новое население, вытеснившее своих предшественников.

Новые, интересные данные содержат материалы средневековья, в первую очередь славяно-русской культуры, позволяющие говорить о продвижении отдельных групп славян к берегам среднего течения Дона уже в VIII—IX вв. (поселение у хут. Ближняя Мельница). Находят подтверждение в археологических материалах письменные свидетельства XIII в. о русских поселениях среди татар на Дону (поселение при устье р. Донской Царицы).[1] Существенно пополняются наши знания о салтово-маяцкой культуре, как в отношении границ распространения памятников этой культуры в бассейне р. Дона, так и содержания самой культуры.

Наконец, заслуживают серьезного внимания памятники средневековой поры (II тысячелетия) типа поселения у хут. Малого Набатского, представляющие высокоразвитую оседлую культуру, отличную от культуры татар XIII—XIV вв., известной нам по материалам Нижней Волги.[2] Отложения этой культуры встречались в бассейне нижнего течения р. Дона и ранее, но только в памятниках многослойных и в недостаточно отчетливом виде. Обнаружение поселений, содержащих отложения только данной культуры и к тому же с хорошо выраженным культурным слоем, ставит перед исследователями вопрос о необходимости заняться этой группой памятников.

---

[1] Отчеты о раскопках А. Д. Столяра близ хут. Попова и о наших раскопках близ хут. Карнаухова см. в настоящем томе (стр. 263—314, 348—416).

[1] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод Малеина. СПб., 1911, стр. 86—87.

[2] Ф. Баллод. Приволжские «Помпеи». М.—Пгр., 1923.

И. И. Ляпушкин

КАРНАУХОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Карнауховское поселение известно в литературе с конца XIX в. Первые сведения о нем мы находим в статье Х. И. Попова, посвященной изучению вопроса о местоположении крепости Саркел. В ней был опубликован план этого поселения под названием «Городище Цимлянское на р. Котлубанной». На плане имеется пометка, что «под городищем земли 19 дес. 1500 кв. с.». В тексте статьи данных о городище не содержится.[1] Долгое время после этого никаких сведений в литературе о нем не появлялось, поселение оставалось, по-видимому, совершенно неисследованным. Только в 1927 г. в связи с разведочными работами Северо-Кавказской экспедиции оно попало в поле зрения археологов. Обследованием, произведенным экспедицией, было установлено, что древние культурные отложения прослеживаются как в черте хутора, так и за его пределами. Наиболее отчетливо они выступают в отложениях берега р. Котлубанки. В границах распространения культурного слоя экспедицией были выявлены неглубокие, округлые в плане (диаметром около 7 м) западинки, определенные исследователем как остатки древних круглых жилищ. На основании собранных материалов (обломки керамической посуды, шлаки) поселение у хут. Карнаухова было признано средневековым, близким к поселению у хут. Попова (Правобережное Цимлянское), но более бедным, чем последнее. Существенно, что остатки древней ограды, нанесенной на план, опубликованный Х. И. Поповым, экспедицией найдены не были.[1]

В 1929 г. Карнауховское поселение было обследовано вторично, однако ничего нового выявлено не было. Как и при обследовании 1927 г., на поверхности были встречены неглубокие западины, признанные также за остатки углубленных в землю построек; из культурных остатков были найдены обломки гончарной посуды и куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Следов ограды, «несмотря на внимательное изучение всей местности, примыкающей к реке», и на этот раз обнаружено не было.[2] Ни при первом, ни при втором обследовании раскопочных работ на поселении не производилось. В последующее время, вплоть до 1950 г., в исследовании поселения вновь наступил перерыв, хотя в районе ст. Цимлянской в 30-х годах в течение ряда лет Саркелской археологической экспедицией проводились довольно широкие полевые изыскания.

В связи с Волго-Донским строительством на Нижнем Дону в 1949—1951 гг. развернулись значительные по объему археологические работы. Вся территория зоны затопления была подвергнута сплошному археологическому обследованию с целью выяснения облика как известных, так и вновь открываемых древних памятников. В 1950 г. было обследовано и Карнауховское поселение,

[1] Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел. Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 267—277.

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. Сообщения, т. II, Изд. ГАИМК, Л., 1929, стр. 117—118.

[2] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 25—27.

причем одновременно с внешним изучением памятников на поселении были произведены небольшие раскопочные работы. При раскопках были обнаружены остатки весьма своеобразных по строительной технике наземных построек, не известных в археологической практике. Это обстоятельство повело к тому, что раскопочные работы на поселении были продолжены и в 1951 г. В итоге этих работ на поселении собран сравнительно большой материал, характеризующий отдельные стороны жизни средневекового оседлого населения Юго-Востока нашей страны, остающегося до последнего времени все еще недостаточно изученным.

1

Поселение представляет сложный памятник, состоящий из укрепления (городища) и неукрепленной части (селища). Городище расположено на левом берегу р. Котлубанки, на северной окраине хутора, на мысу, образованном долиной реки и впадающей в нее балкой (рис. 1). С восточной и южной сторон городище укреплено валом и рвом дугообразной формы; с западной и северной сторон следов искусственного укрепления не заметно. Здесь поселение имело, по-видимому, естественную защиту: с запада — р. Котлубанку, с севера — балку, впадающую в долину реки. По местоположению и планировке укрепленная часть поселения полностью соответствует плану городища, опубликованному Х. И. Поповым.[1]

Как отмечалось выше, Северо-Кавказская экспедиция в 1927 и 1929 гг. не нашла следов укрепления. Объяснение этому следует искать как, по-видимому, в плохой сохранности вала и рва, разрушенных временем и при сооружении хозяйственных построек (в частности, отдельные участки вала и рва были использованы в качестве ограды усадеб колхозников), так, быть может, и в том, что и в 1927, и в 1929 г. экспедиция при обследовании района поселения натолкнулась не на укрепленную часть (городище), а на селище, имеющее более ярко выраженные культурные отложения, и сосредоточила поиски ограды на этом участке, удаленном в отдельных частях от городища до километра и более. Последнее предположение наиболее вероятно. Оно подтверждается теми материалами, которые были собраны экспедицией в 1929 г. при обследовании поселения. Мы имеем в виду куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев.[1] Как установлено двухлетними работами, 1950—1951 гг., такая обмазка, в громадном количестве встречаемая в культурных отложениях селища, ни разу не найдена при раскопках укрепленной части (городища).

Неукрепленный поселок (селище) находится в 200—300 м к северу от укрепления, за балкой. Основная, наиболее яркая по выходам культурных отложений часть селища занимает склон надпойменной террасы левого берега р. Котлубанки, но следы поселения заметны и на правом берегу, непосредственно против укрепления.

Общая протяженность всего поселения по линии север—юг около 2 км, по линии восток—запад не менее 0.5 км. Культурные отложения древнего поселения довольно отчетливо прослеживаются на всей этой площади. В одних местах они выступают в обрезах берега реки и оврагов, в других — там, где производилась распашка, непосредственно на поверхности. Следует, однако, отметить, что отложения древнего поселения не представляют сплошного слоя на всей очерченной территории. Они выступают в виде скоплений (гнезд), расположенных на некотором расстоянии одно от другого. Характер культурных остатков по содержанию в отдельных гнездах неодинаков, да и форма залегания их различная. В одних точках мы находим скопления кусков глиняной обожженной обмазки с отпечатками тростника, залегающие в одной плоскости с окружающей территорией; в других — это курганообразные насыпи диаметром до 30—35 м, высотой до 1 м, состоящие из золы с включением значительного количества обломков глиняной посуды, костей животных и единичных, в большей части дефектных, различных вещей из металла, кости, камня и т. п.; в третьих — это неглубокие, овальные в плане, сильно гумусированные западинки, диаметром от 5 до 10—12 м, имеющие более яркий растительный покров, чем окружающая территория.

Наиболее отчетливо остатки прослеживаются на неукрепленной территории посе-

[1] Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел, стр. 267—277.

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 26.

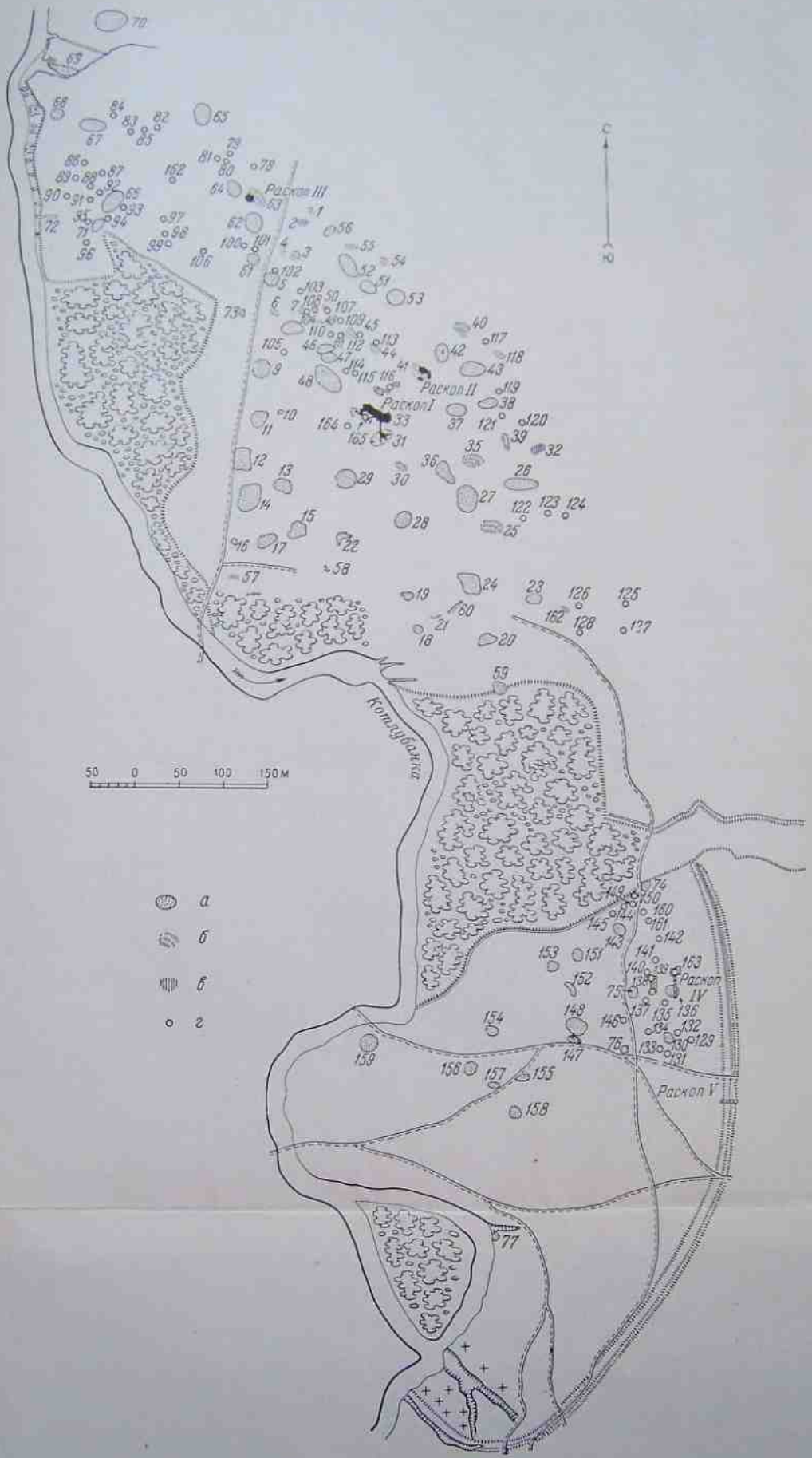


Рис. 1. План поселения.

а — зольники; *б* — остатки разрушенных построек; *в* — скопления различных культурных остатков; *г* — западины на местах полуземляночных сооружений.

ления, бóльшая часть которой в недалеком прошлом подвергалась распашке. Менее заметны выходы древних остатков на городище. Северная и западная части последнего длительное время находились под усадьбами колхозников, вследствие чего древние отложения здесь в ряде мест перекрыты мощным слоем отложений наших дней; юго-восточная половина служила, по-видимому, выгоном для скота и сильно задерновалась. Тем не менее и на городище есть участки, где следы древнего поселения в виде зольных всхолмлений и западинок выступают достаточно ясно. Совершенно не найдено на городище скоплений глиняной обожженной обмазки с отпечатками тростника.

В течение двух сезонов (1950—1951 гг.) на территории поселения было заложено пять раскопов — три на селище и два на городище, — охвативших собой все виды выходов культурных отложений (рис. 1). При раскопках участков со скоплениями глиняной обожженной обмазки с отпечатками тростника были обнаружены остатки наземных сооружений; на местах западинок оказались жилые и хозяйственные полуземляночные сооружения, а разрезы курганообразных зольных насыпей вскрыли сорные кучи. За время работы раскопками было вскрыто шесть наземных сооружений (на раскопе I — 5 и на раскопе III — 1), пять полуземляночных (на раскопе I — 2 и на раскопе IV — 3), произведены разрезы трех зольных всхолмлений (на раскопах I, II и IV) и прорезаны траншеей вал и ров городища (раскоп V). Кроме того, с целью отыскания могильника было заложено за пределами поселения четыре траншеи и произведено частичное вскрытие одного кургана в курганном могильнике, расположенном к юго-востоку от городища.

Параллельно с раскопочными работами производилось всестороннее изучение внешнего облика поселения (границы распространения культурных остатков, их характер и топографическое размещение, особенности культурных отложений укрепления и неукрепленной части поселения и т. д.). Результаты этой работы нашли отражение в плане поселения, выполненном с помощью глазомерной съемки. На план нанесены скопления глиняной обмазки (места наземных сооружений), западинки (места полуземляночных построек), зольные всхолмления (сорные кучи), вал, ров и некоторые другие детали, могущие в той или иной мере характеризовать облик исследуемого памятника.

Несомненно, план далеко не отражает топографии древнего поселения, в частности не полностью зафиксированы жилые и хозяйственные постройки, часть которых, и, по-видимому, довольно значительная, перекрытая отложениями наших дней, осталась невыявленной. Тем не менее план заключает в себе такие сведения, которые в значительной мере дополняют данные раскопок и тем самым помогают разобраться в исследованном памятнике (рис. 1).

2

При обследовании поселения в 1950 г. на территории селища в тех его частях, где была произведена распашка (преимущественно к востоку от дороги), были обнаружены участки, на поверхности которых выступали скопления кусков глиняной обожженной обмазки самых различных размеров, от небольших зерен до блоков величиной $0.20 \times 0.15 \times \times 0.10$ м. Бóльшая часть их имела отпечатки, как позже выяснилось — тростника (рис. 2). Отпечатки, как правило, покрывали одну сторону, вторая была гладкой. Лишь немногие куски имели отпечатки с обеих сторон. Глина была обожжена довольно сильно. Отдельные фрагменты были ошлакованы.

Участки, содержащие включения обожженной обмазки, представляли собой площадки размером $6—8 \times 10—12$ м, вытянутые по линии северо-запад—юго-восток. Поверхность их имеет розоватую окраску, отличную от окружающего темного, гумусированного поля (рис. 3). Как отмечалось выше, обожженная обмазка обнаружена лишь на территории селища, в первую очередь в тех частях, где поверхность была перепахана, но выходы ее прослежены и на задернованных участках. При обследовании поселения выходы обмазки зафиксированы в 19 точках. Большинство их расположено в северо-восточной части селища. В западной части, не подвергавшейся распашке, а также в южной, находившейся под усадьбами, их очень мало.

Произведенными раскопками было установлено, что скопления обожженной глиняной обмазки являются остатками разрушенных наземных построек. Сохранность последних очень плохая. В большинстве слу-

чаев они дошли до нас в виде развала глиняной обмазки, и лишь в помещениях II и III открыты незначительные участки сохранившихся стенок высотой до 0.20 м (рис. 4). Эти стены, возведенные непосредственно на почвенно-материковой поверхности, представляют собой двухстороннюю глиняную обмазку по тростниковому каркасу. Толщина обмазки до 0.15 см. Каркас не сохранился, но промежуток между наружной и внутренней обмазкой заполнен золисто-гумусированным слоем, в котором обнаружены угольки тростника. Каркас устанавливался в специально вырытую канавку глубиной около 0.30 м и такой же приблизительно ширины. Сохранность канавок довольно хорошая (рис. 5). На участках, где стены сохранились, канавки залегали непосредственно под ними. Канавки, так же как и пространство между внутренней и наружной обмазкой, были заполнены золистым слоем с вкраплением угольков сгоревшего тростника, а в верхней части содержали куски обожженной обмазки. Канавки, вырытые в коричневатом суглинистом слое, благодаря золистому заполнению отчетливо прослеживались на вскрытой поверхности, что позволяло точно выяснить планировку помещений даже в тех случаях, когда стены были разрушены полностью (рис. 6).

Все постройки, за исключением одной (помещение VI), были прямоугольными с округленными углами, несколько вытянутыми по оси северо-запад—юго-восток. Размеры их колеблются в пределах 4—6×4—9 м. Полы во всех постройках земляные, довольно плотные, а вдоль стен и в центре как будто даже обожжены. В ряде помещений на полу был найден бытовой и хозяйственный инвентарь в виде глиняной посуды (в раздавленном виде), разбитых жерновов, точильных камней, пряслиц и т. п. Следует подчеркнуть, что находки бытовых и хозяйственных остатков немногочисленны. В некоторых помещениях в полу были вырыты хозяйственные ямы (погреба). В одних случаях (помещение V) ямы полностью размещались внутри помещения, в других (помещение I) ямы выносились за границы помещения, но вход в них шел из помещения. В ряде помещений обнаружены следы очагов. Устройство их самое различное: одни из них совершенно открытые, другие размещались в ямах, наконец часть их, по-видимому, имела перекрытие. Различным, вероятно, было и их назначение.

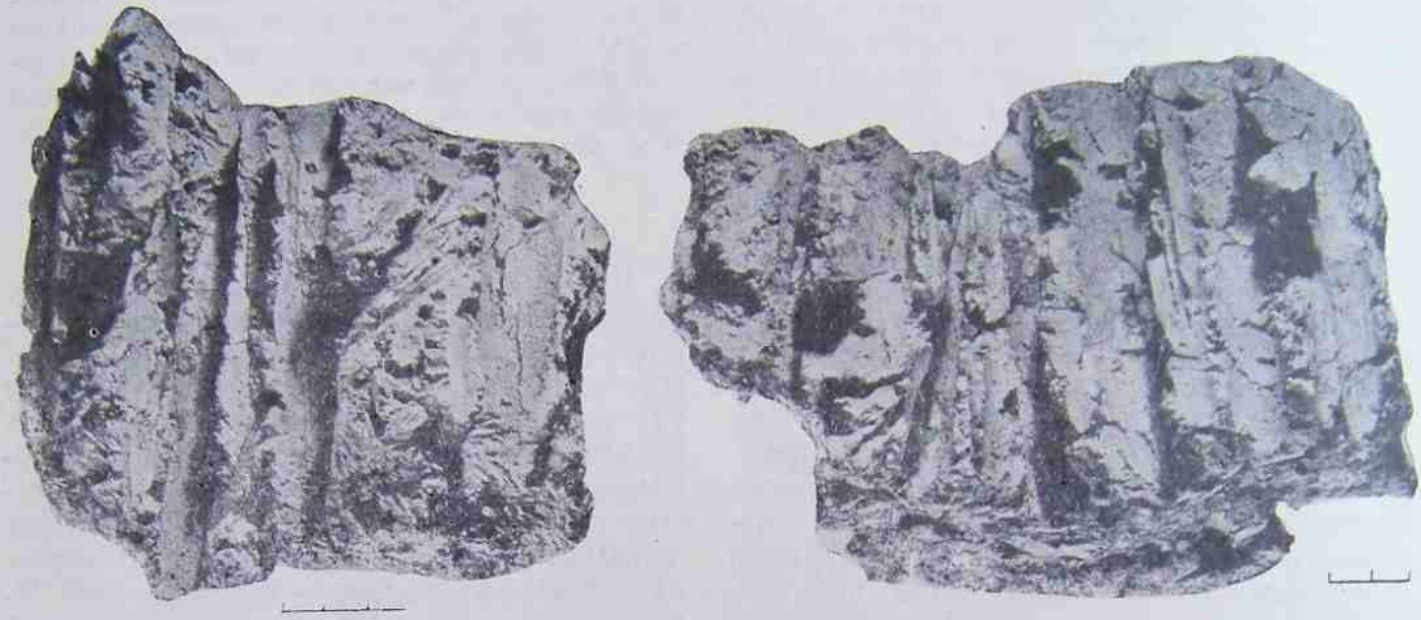


Рис. 2. Глиняная обмазка с отпечатками тростника.

Как ни отрывочны данные, относящиеся к нижней части построек, они все же в какой-то мере позволяют восстановить планировку последних. Значительно меньше данных мы имеет для реконструкции верхней части построек — стен и кровли. Как уже отмечалось, от стен сохранились лишь незначительные фрагменты высотой до 0.20 м.

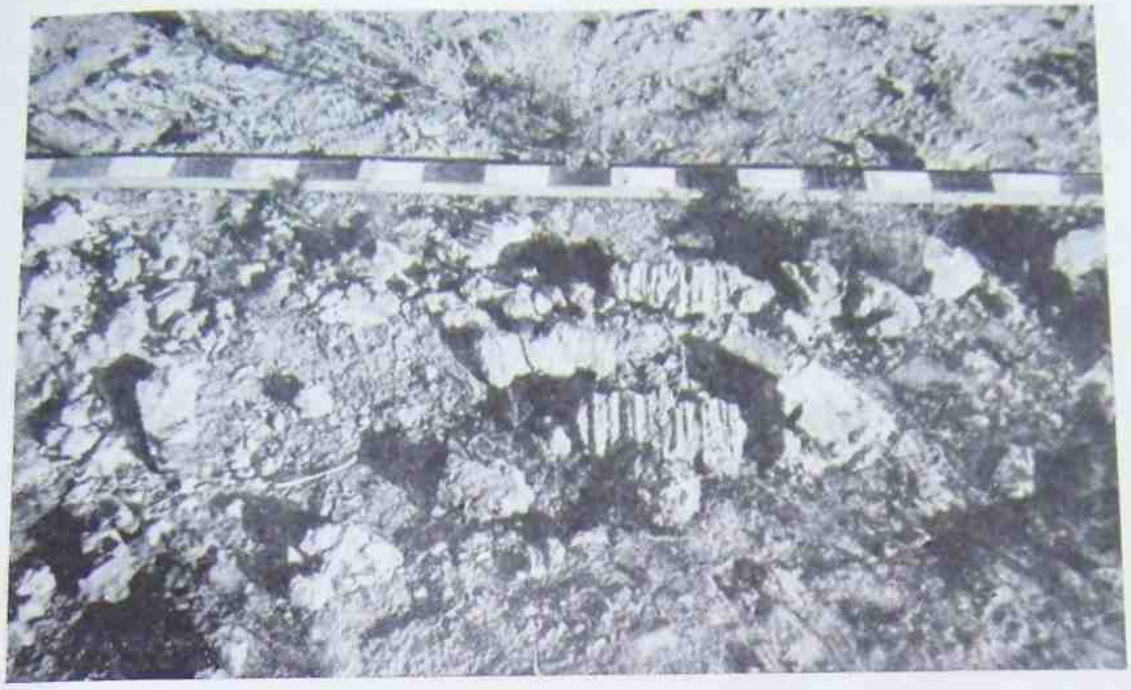


Рис. 3. Площадка поселения с выходами обмазки.

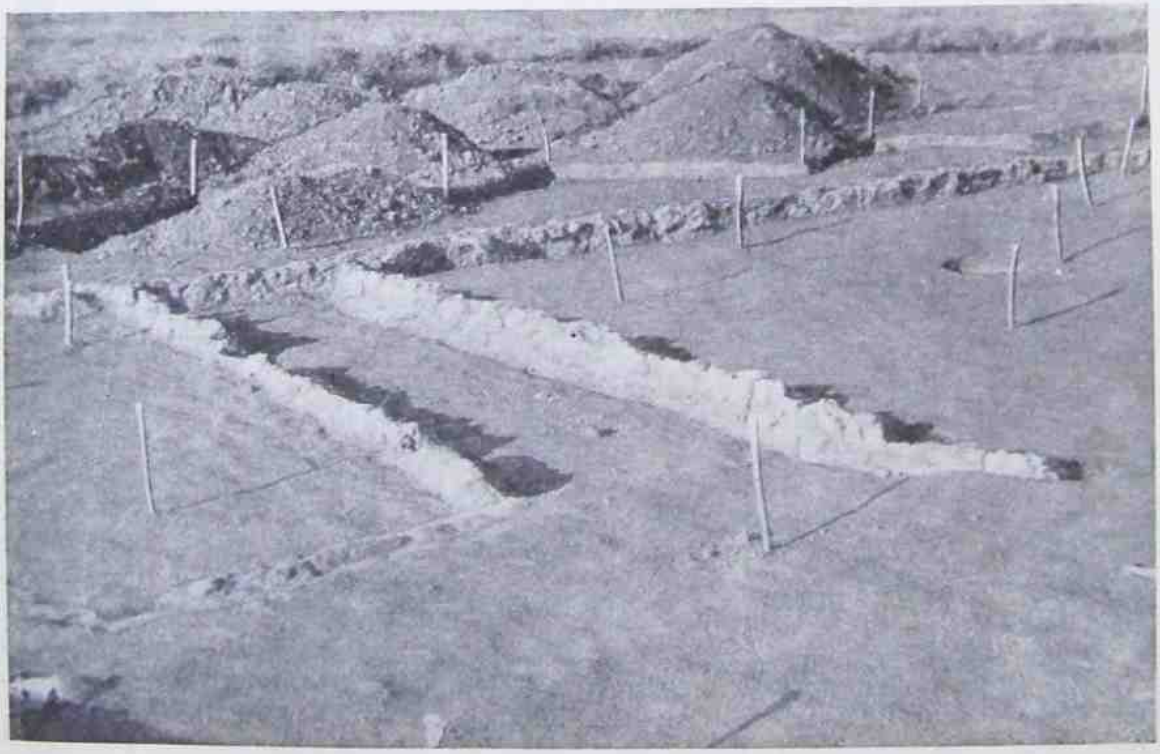


Рис. 4. Остатки стен наземных построек (юго-восточная стена помещения II и северо-западная стена помещения III).

Какова была первоначальная их высота, неизвестно. Количество сохранившейся глиняной обмазки дает основание говорить, что они не могли быть высокими. Были ли стены вообще невысокими, или же в верхней своей части они изготовлялись из более легкого строительного материала (например, из того же тростника, но без обмазки), не дошедшего до нас, сказать невозможно.

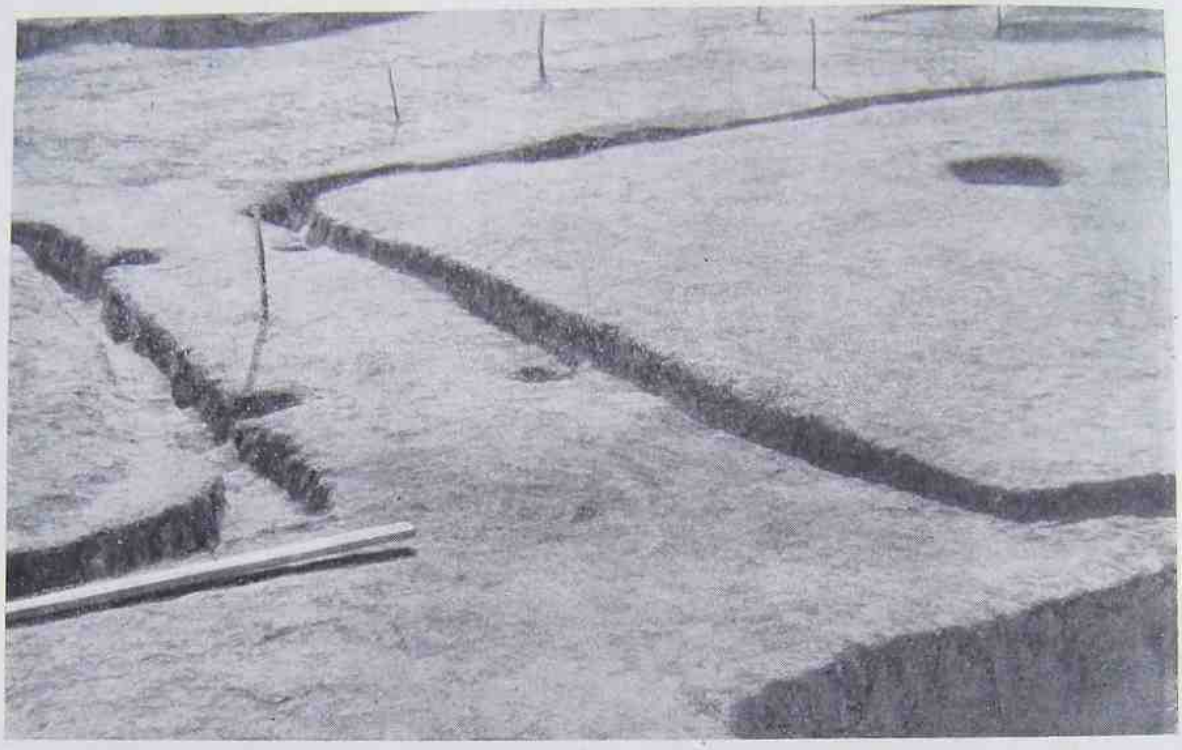


Рис. 5. Канавка для установки каркаса стен (юго-восточная стена помещения II и северо-западная стена помещения III).

Очень мало сохранилось данных для ответа на вопрос о системе перекрытия. Несомненно, оно опиралось на столбовую конструкцию, следы которой наиболее отчетливо наблюдаются в помещении V в виде четырех пар столбовых ямок, размещенных симметрично внутри помещения вдоль длинных стен (рис. 7). Отдельные ямки, выявленные в ряде помещений, а в некоторых случаях (помещение III) остатки сгоревших столбов подтверждают это положение. Все же имеющиеся материалы не позволяют еще сделать определенное заключение, какой характер имела крыша — плоский, двухскатный или четырехскатный, равно как и чем были покрыты эти сооружения.

Несколько обособленное место среди наземных построек занимает помещение VI. Близкое по строительной технике ко всем другим наземным постройкам, оно существенно отличается от них своей планировкой. Это трехстенное помещение, совершенно открытое с юго-восточной стороны, — своеобразный навес. Полное отсутствие следов непосредственной человеческой жизни, в первую очередь отсутствие очага, дает основание предполагать, что это была надворная постройка, навес хозяйственного назначения. Такое предположение подтверждается и местоположением данного помещения по отношению к другим постройкам усадьбы. Перейдем к описанию отдельных построек.

Помещение I (раскоп I; рис. 8) расположено на склоне надпойменной террасы в центральной, наиболее густо насыщенной выходами культурных отложений части селища (рис. 1). Остатки его в виде скопления кусков обожженной глиняной обмазки отчетливо прослеживались на поверхности, подвергавшейся в недавнем прошлом распашке. Поверхность участка, на котором вскрыты остатки постройки, сравнительно ровная. Культурный слой по мощности незначительный, не более 0.40 м толщиной. Верхняя часть его, на глубину 0.15—0.25 м, является пашенным черноземом темно-коричневого цвета с включением кусков обож-

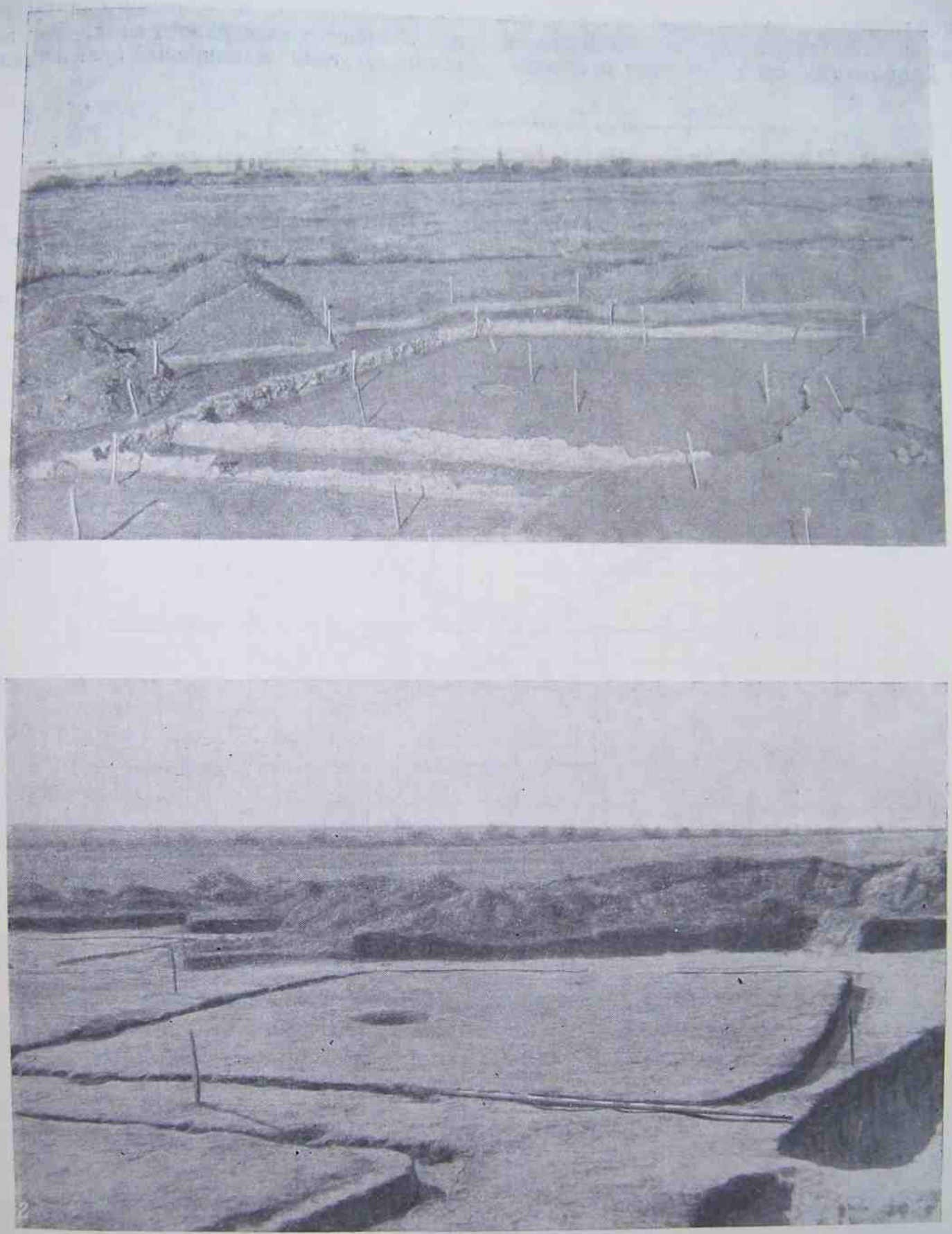


Рис. 6. Наземная постройка II.

1 — остатки стен; *2* — канавка для установки каркаса (после разборки стен и выборки зольного заполнения). Снимки сделаны с близких точек.

женной глиняной обмазки, немногочисленных обломков глиняной посуды и костей животных. Глиняная обмазка залегала в слое непашенного слоя, по общему облику почти не отличается от верхнего слоя. Они имеют такой же темно-коричневый цвет и такие же

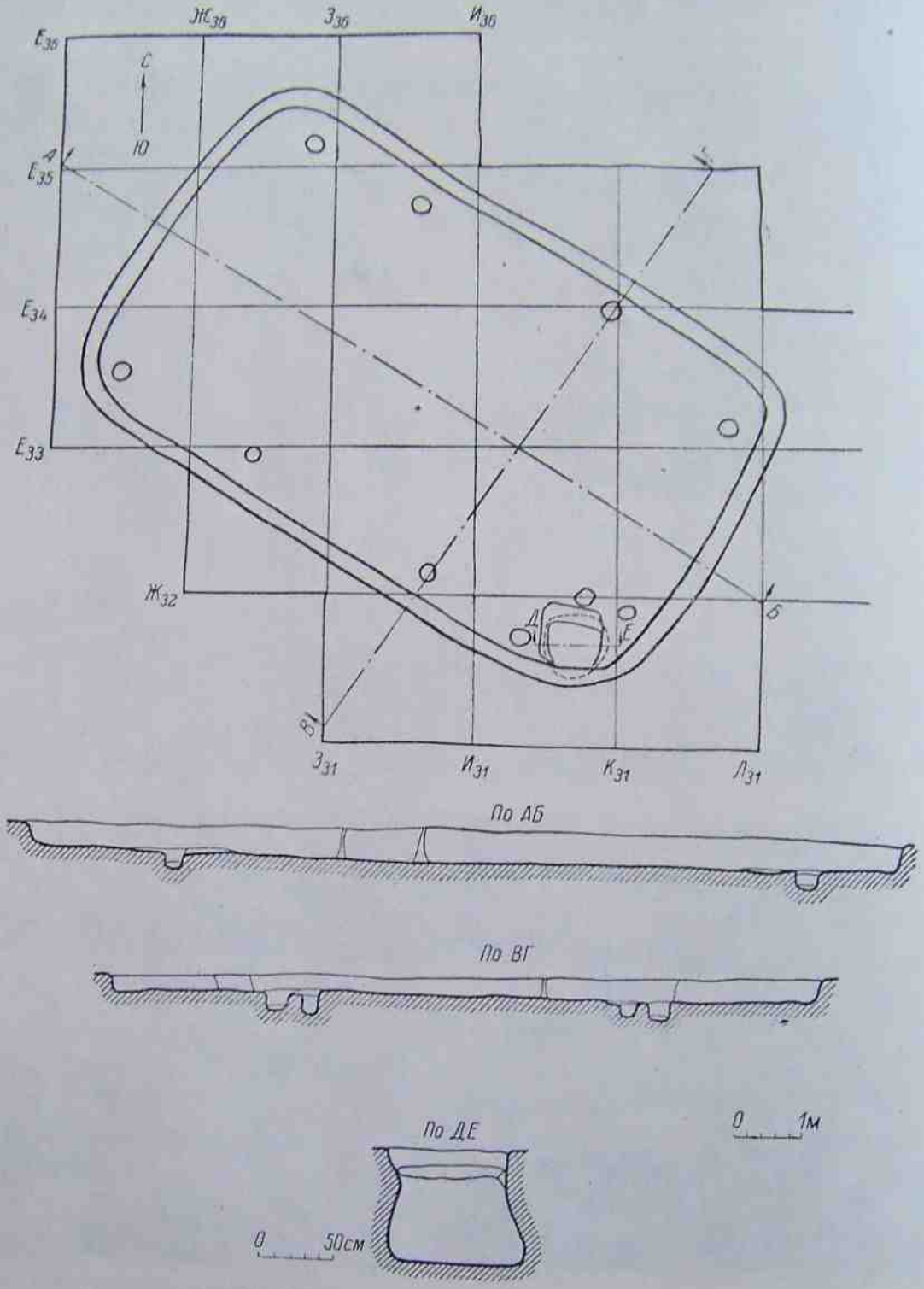


Рис. 7. Наземная постройка V. Планы и разрезы.

равномерно. В одних местах ее довольно много, в других — едва уловимые следы. Культурные напластования, лежащие ниже культурные остатки, но менее затронутые пахотой. Залегание глиняной обмазки ниже пашенного слоя в какой-то мере отражает пла-

нировку вскрытого здесь помещения. Последнее представляет собой прямоугольное в плане сооружение размером 4.50—5.25×5.40 м, ориентированное по длинной оси в направлении северо-запад—юго-восток. От помещения сохранились лишь незначительные фрагменты нижней части обожженных, глинобитных по тростниковому каркасу стен высотой 0.05—0.10 м, при толщине не более 0.15 м. Границы помещения прослеживаются довольно отчетливо. На участках, где стенки не сохранились, направление их

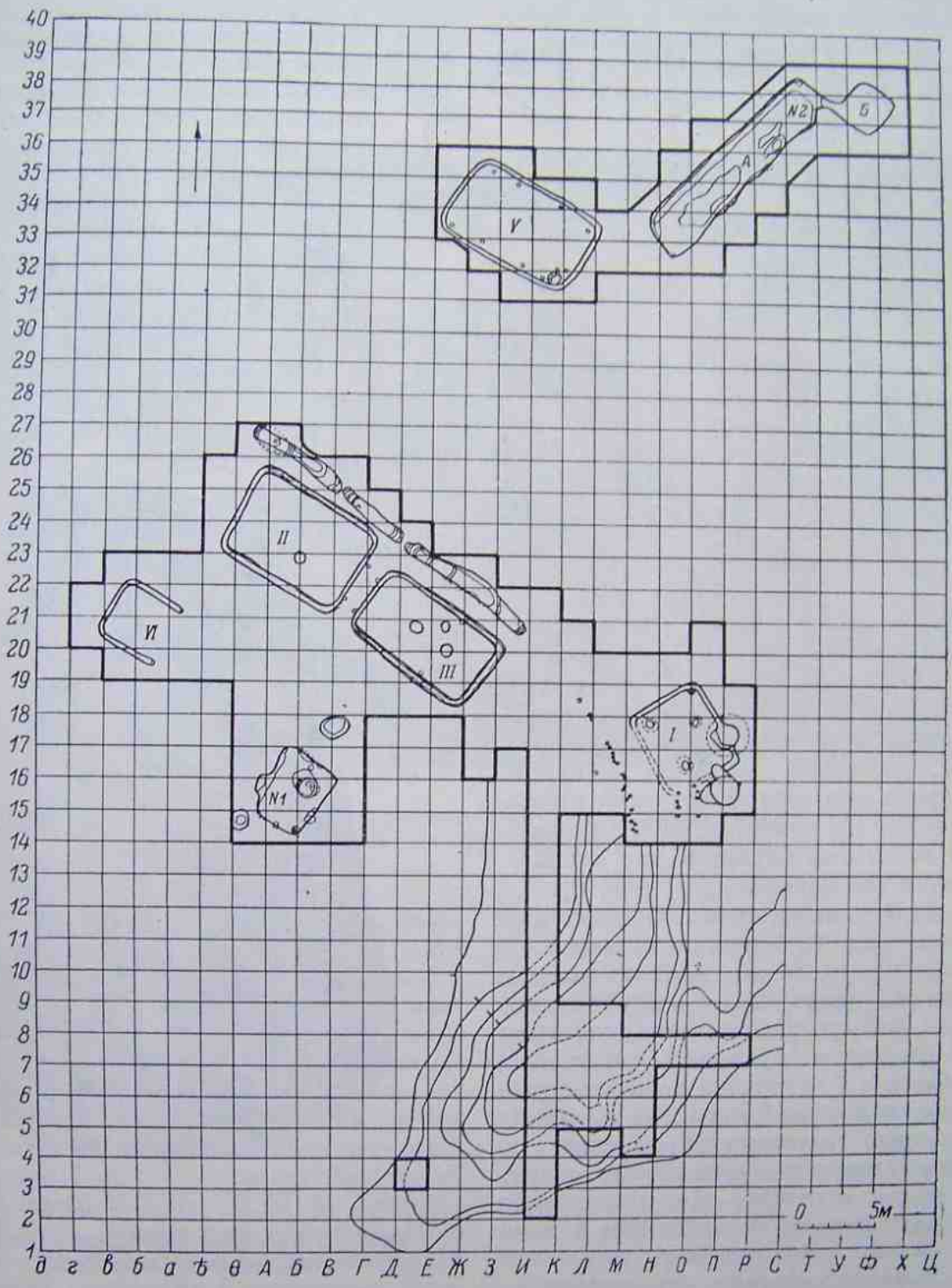


Рис. 8. Раскоп I. План раскопа.

хорошо прослеживается по развалу обмазки, а также по отпечаткам стен на поверхности. Кроме того, поверхность земли по всей линии стен обожжена.

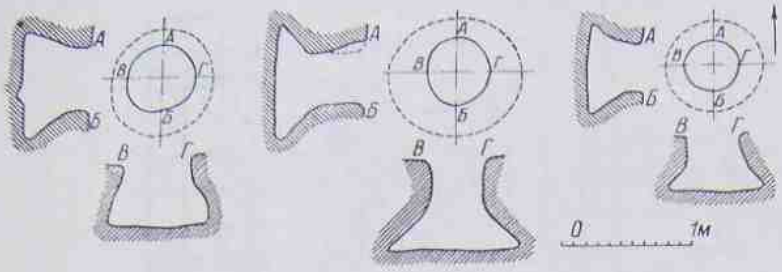


Рис. 9. Наземная постройка I. Планы и разрезы «жаровых» ям.

В юго-восточной стене около южного угла помещения, по-видимому, находился вход. Ширина его около 1.20 м; по краям его имеются столбовые ямки диаметром 0.15—0.17 м, глубиной около 0.25 м. К югу от них обнаружено еще шесть таких ямок, расположенных двумя параллельными рядами на линии протяженностью около 1.60 м (рис. 8).

Пол помещения земляной. Поверхность его ровная и довольно плотная. Центральная часть сильно обожжена. В полу три ямы. Все они как по форме и размерам, так и по заполнению почти одинаковые. Судя по размещению, размерам, зольному заполнению и обожженности стенок эти ямки имели не хозяйственное, а какое-то иное назначение, скорее всего они служили для отопления помещения («жаровые» ямы; рис. 9).

Яма № 1 расположена в северо-западном углу помещения. Верхний диаметр ее 0.60 м, нижний — 0.80—1 м, глубина ее 0.65 м. Верхняя часть ямы на глубину до 0.20 м была заполнена темным золистым слоем с включением кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками тростника. Ниже залегал слой чистой золы, содержащий немногочисленные культурные остатки в виде обломков глиняной посуды салтовского типа и костей животных. Яма выкопана в почвенно-материковом слое. Стенки и дно гладкие и сильно обожженные.

Яма № 2 расположена в юго-восточной части помещения. Верхний диаметр ямы 0.45 м, нижний — 1.15 м, глубина ямы 0.85 м. Яма вырыта в почвенно-материковом слое. Заполнение ее, характер стенок и обжига их те же, что и в яме № 1.

Яма № 3 расположена в северо-восточной части помещения. Форма ее такая же, как и ям №№ 1 и 2. Верхний диаметр ямы 0.45 м, нижний — 0.80 м, глубина ямы 0.50 м. Заполнение ямы однородно с предыдущими, но в золе меньше культурных остатков. В верхней части заполнения найдены фрагментированный пестик (рис. 10) и пряслице. Обработка стенок и обжиг их такие же, как в ямах №№ 1 и 2.

Культурные остатки, собранные в границах помещения I, немногочисленны. В северном углу помещения найден раздавленный нифосообразный сосуд. Часть обломков его была выпахана на поверхность (рис. 11, 12). Около юго-восточной стены близ входа обнаружено большое число обломков ручного жернова (из ракушечника). Несколько обломков жернова было

Рис. 10. Наземная постройка I. Каменный пестик из ямы № 3.

собрано в этих же границах на дневной поверхности до начала раскопок.

На линии юго-восточной стены раскрыта хозяйственная яма-погреб (рис. 8). Яма имела трехчастную форму. Центральная часть ее

в плане округлая, диаметром около 1.80 м, глубиной около 0 80 м, почти цилиндрической формы; дно ровное. С юго-западной стороны к этой большой яме примыкает своеобразная ниша, полуовальной в плане формы, размером около 0.60 м по линии юго-запад—северо-восток и около 1 м по линии северо-запад—юго-восток (наибольшая ширина). Дно этой части покатое в направлении к центральной яме. Наименьшая глубина ее 0.45 м. Стенки имеют небольшой (около 0.20 м) подбой. Третья часть ямы расположена к северо-западу от центральной. Она представляет собой почти прямоугольное в плане углубление со слегка закругленными углами. Размер этой части ямы по длинной оси (северо-запад—юго-восток) около 1 м, по короткой (северо-восток—юго-запад) — около 0.70 м. Глубина ее 0.40—0.55 м. Стенки ямы отвесные. В то время как две первые части ямы находятся за пределами помещения I, последняя заходит в помещение, представляя собой как бы ступеньку из помещения в центральную часть (погреб).

Яма вырыта в ненарушенном подпочвенно-материковом слое. Бо́льшая часть ее была заполнена золистыми отложениями. Только вдоль стены центральной части ямы залегали большие глыбы коричневатой подпочвы. По-видимому, это оползшие стены центральной части, имевшей первоначально не цилиндрическую, а колоколовидную форму. В заполнении встречались обломки глиняной посуды салтовского типа, кости животных и куски обожженной глиняной обмазки. Заполнение второй, юго-западной части ямы было также золистым, но в нем оказалось значительно больше кусков обожженной (вернее, перегоревшей) дочерна глины и большое количество обломков глиняной посуды салтовского типа, в том числе обломки одного большого трехручного кувшина (реставрирован; рис. 13). Заполнение третьей части ямы отличалось от предыдущих наличием в зольном слое большого числа кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками тростника.

Рис. 11. Наземная постройка I. Северо-восточный угол помещения в процессе расчистки (остатки разбитого пифосообразного сосуда).

Вторая хозяйственная яма (погреб) была вскрыта под развалом северо-восточной стены. Яма имела колоколовидную форму. Верхний диаметр ее около 1.30 м, нижний — более 2.50 м, глубина 1.25—1.30 м. Яма вырыта в почвенно-материко-

вом слое. Дно и стенки обработаны довольно хорошо; поверхность их ровная и гладкая. Западная часть ямы, расположенная под

Рис. 12. Наземная постройка I. Сосуд из северо-восточного угла помещения (реставрация).

полом помещения I, оползла. Это оползание произошло еще в период, когда помещение было обитаемо, о чем свидетельствует то, что оползшая часть была выравнена путем подмазки глиной под лицо с остальной частью пола помещения. Верхняя часть ямы была заполнена золистым слоем с включением культурных остатков в виде обломков глиняной посуды салтовского типа, костей животных и кусков обожженной глиняной обмазки. Последние сконцентрированы в виде завала в юго-западной части ямы на линии стены помещения. Под золистым слоем залегал слой необожженной глины куполообразной формы. В центре ямы мощность его достигала 0.50 м; к краям слой выклинивался. В верхней части глина плотная и чистая, внизу в нее вкраплены тонкие линзы чистой золы голубоватого цвета. Под необожженной глиной лежал слой чистой золы с включением костей животных и рыб, а также небольшое число обломков глиняной посуды, среди которых преобладали обломки небольшого кухонного горшка, покрытого по тулову сплошным линейным орнаментом, а по плечикам гирляндами, нанесенными многозубчатым гребнем. Мощность зольного слоя в центральной части ямы около 0.15—0.20 см; по мере удаления от центра слой выклинивался.

По внешнему виду зола, лежащая под слоем необожженной глины, резко отличается от золистого заполнения верхней части ямы. Она имеет голубоватый оттенок и производит впечатление зольных остатков только что потухшего костра. Зола лежит на дне ямы. Дно ямы слегка обожжено.

Рис. 13. Наземная постройка I. Сосуд из хозяйственной ямы (реставрация).

На северо-западной и юго-восточной стенках ямы в местах пересечения ямы стеной помещения обнаружены пазы глубиной 0.25 м,

шириной около 0.20 м, расположенные прямо под стеной. Пазы заполнены золистым слоем. Расчистка их показала, что они представляют торцы канавки, служившей основанием для установки тростникового каркаса стен. Глубина канавки 0.20—0.25 м, ширина около 0.20—0.25 м. Судя по тому, что северо-восточная стена помещения I была сооружена над хозяйственной ямой, следует полагать, что последняя по времени предшествовала сооружению помещения I. К моменту постройки на этом месте помещения I яма была заброшена и засыпана. Оседание засыпи ямы повело к тому, что часть пола помещения, расположенная над ямой, также осела, вследствие чего обитатели жилища были вынуждены подмазать глиной осевший край ямы под лицо с полом.

На расстоянии около 2 м к юго-западу от помещения I вскрыто 11 пар небольших ямок диаметром около 0.10—0.12 м и такой же глубины, размещенных по линии северо-запад — юго-восток, параллельно юго-западной стене помещения. Сверху вся линия ямок была перекрыта темным гумусированным слоем. Ширина полосы около 0.70—0.80 м. Слой был сильно насыщен культурными остатками в виде костей животных и обломков глиняной посуды салтовского типа и резко отличался от культурных отложений окружения. Вероятнее всего открытые ямки следует связать с кольями изгороди, отделяющими одну усадьбу от другой. Незначительная величина вскрытого участка не позволила проследить протяженность линии этой изгороди (рис. 14).

Рис. 14. Следы изгороди вдоль юго-западной стены наземной постройки I.

Помещение II (раскоп I) расположено в той же части, что и помещение I, метрах в 20 к северо-западу от последнего (рис. 8). По характеру остатков и условиям залегания, равно как и по планировке и строительной технике, оно мало чем отличается от первого помещения (рис. 15). Это прямоугольное в плане сооружение размером 5—5.5×7.5—8 м, вытянутое по длинной оси в направлении северо-запад—юго-восток (рис. 16). Остатки его залегали на глубине 0.15—0.25 м от дневной поверхности. Они состоят из завала глиняной обожженной обмазки с отпечатками тростника и незначительных участков полуразрушенных стенок высотой 0.20—0.25 м при толщине 0.15—0.20 м. Фрагменты стен помещения II имеют лучшую сохранность, чем помещения I. Так, юго-восточная стена сохранилась на всем своем протяжении (около 5.5 м длиной).

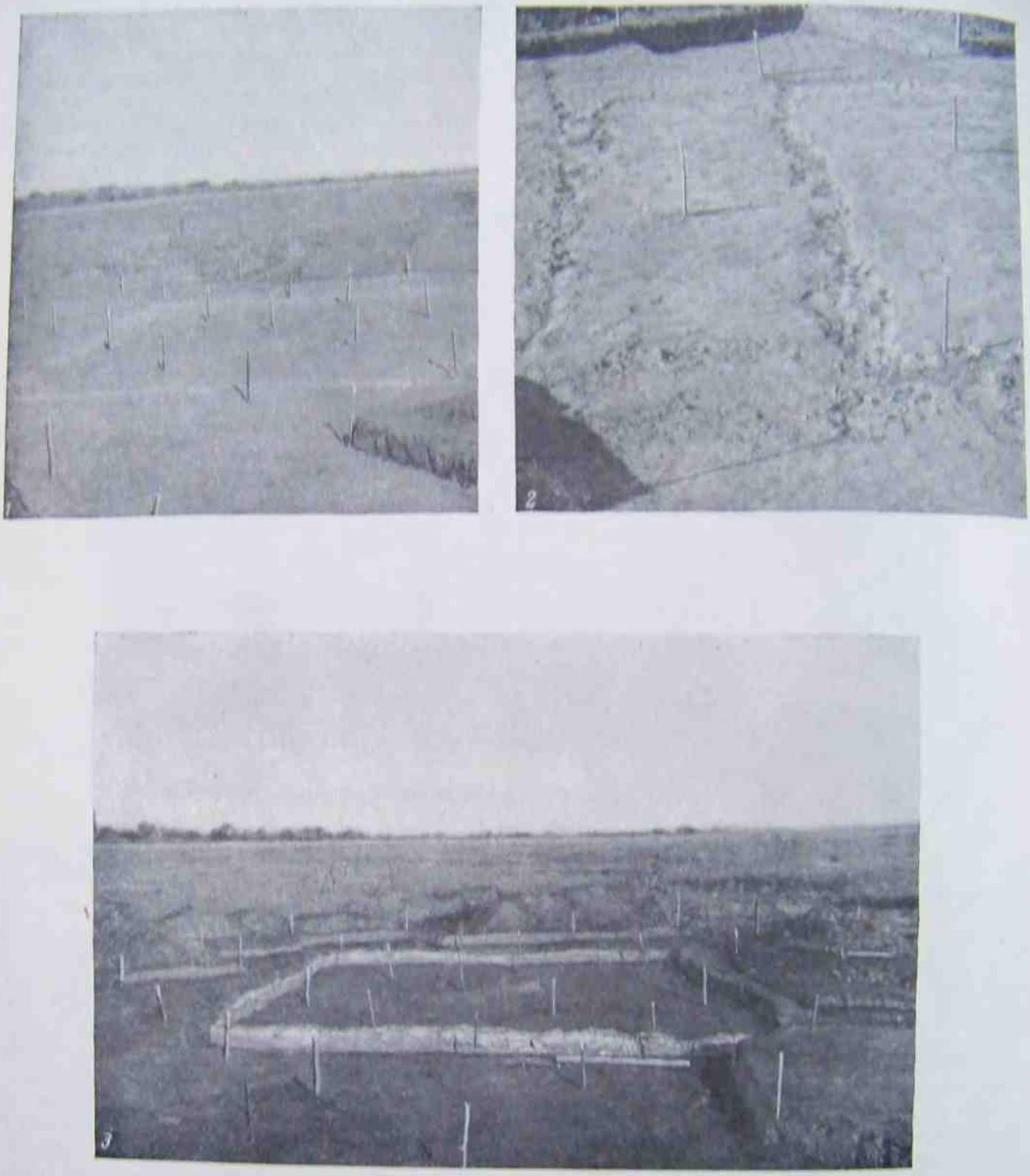


Рис. 15. Наземная постройка II. Остатки развала стен (процесс расчистки).
1 — после снятия первого штыка; *2* — то же (деталь, юго-восточная часть); *3* — на горизонте пола.

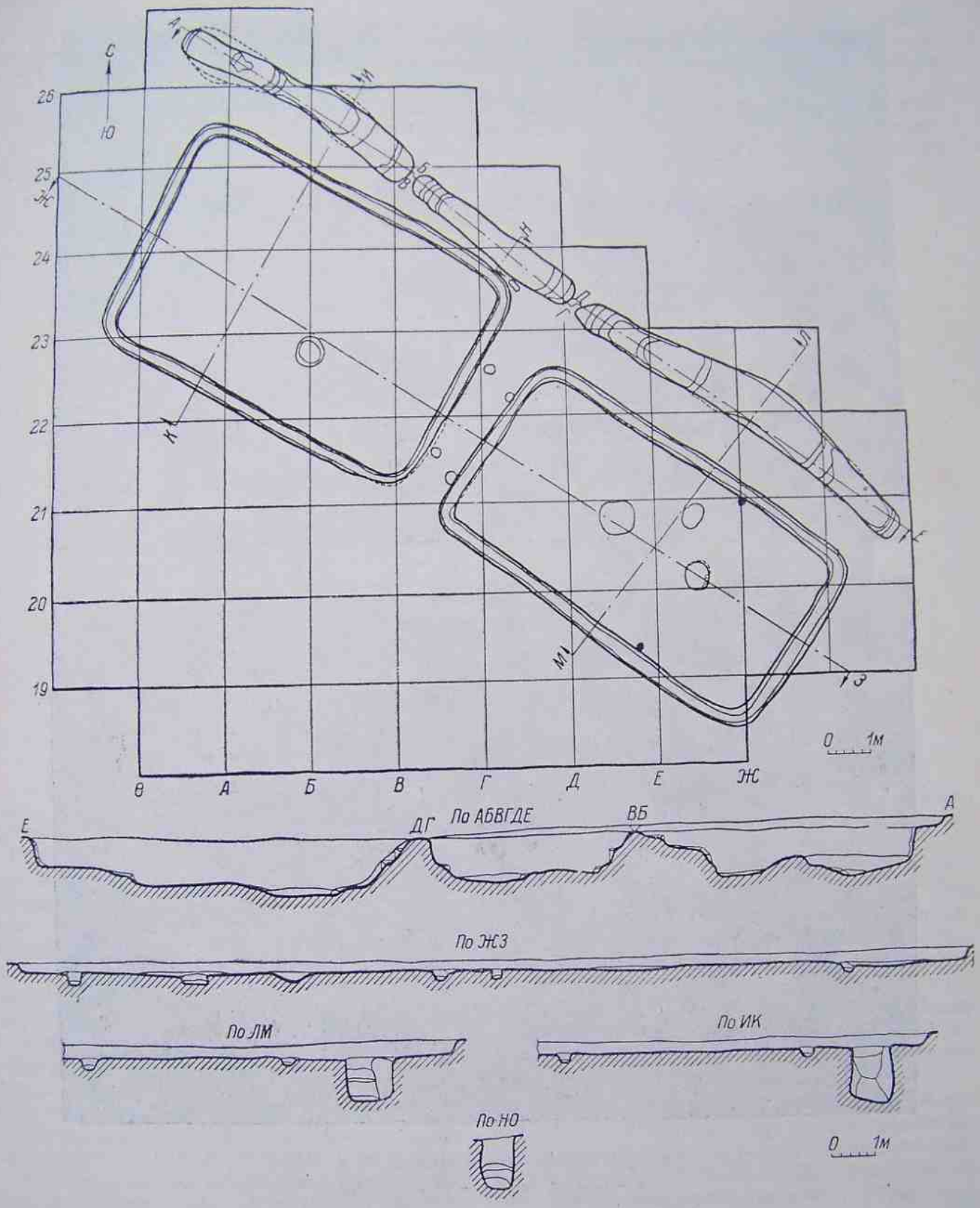


Рис. 16. Наземные постройки II и III. План и разрезы.

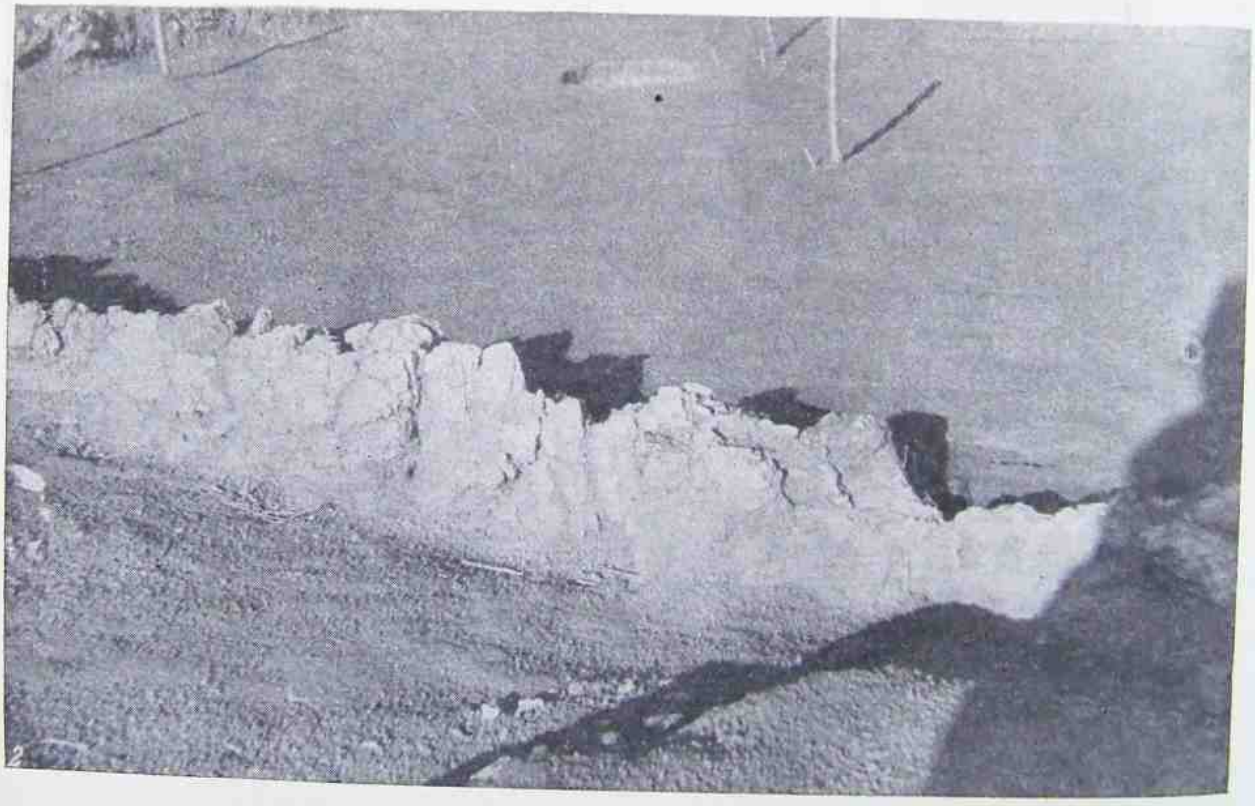


Рис. 17. Наземные постройки II и III

1 — остатки стен; *2* — то же (деталь).

Почти в таком же состоянии сохранилась северо-западная стена. Остатки продольных стен (северо-восточной и юго-западной) в результате распашки поля разрушены достаточно сильно и представляют развалы обожженной глиняной обмазки. Особенно подверглась разрушению северо-восточная стена, почти полностью вынесенная при распашке на дневную поверхность (рис. 17).

Сохранившиеся участки стен представляют двухстороннюю глиняную обмазку по тростниковому каркасу. Внешняя поверхность обмазки сравнительно ровная, а на отдельных участках даже гладкая; внутренняя, прилегающая к каркасу сторона имеет отпечатки тростника. Каркас не сохранился. Сохранность обмазки не везде одинакова. В одних местах сохранились обе ее стороны, в других лишь одна. Обмазка сильно потрескалась и не представляет целостного массива. На некоторых участках отдельные куски даже сместились. Все же в целом характер стенки выражен довольно отчетливо.

При разборке сохранившихся фрагментов стен под ними была обнаружена канавка 0.20—0.30 м глубины и такой же ширины, тянущаяся по всему периметру стен (рис. 18). Стенки и дно канавки были обожжены. Канавка была заполнена золистым слоем с включением в верхней части кусков обожженной обмазки и единичных тростниковых угольков (рис. 19).

Пол помещения II земляной, но довольно плотный; средняя часть его обожжена. Почти в самом центре находится небольшая котлообразная яма. Диаметр ее около 0.50 м, глубина 0.25—0.30 м. Несколько севернее, ближе к северо-восточной стене, обнаружены остатки открытого, тарелкообразной формы очага. Диаметр его 0.40—0.50 м. Очаг был заполнен золой. Дно его обожжено докрасна. По краю очага — четыре небольших, наклонных к плоскости очага ямки диаметром 0.05—0.06 м. С внешней стороны юго-восточной стены имеются две неглубокие столбовые ямки диаметром около 0.20 м.

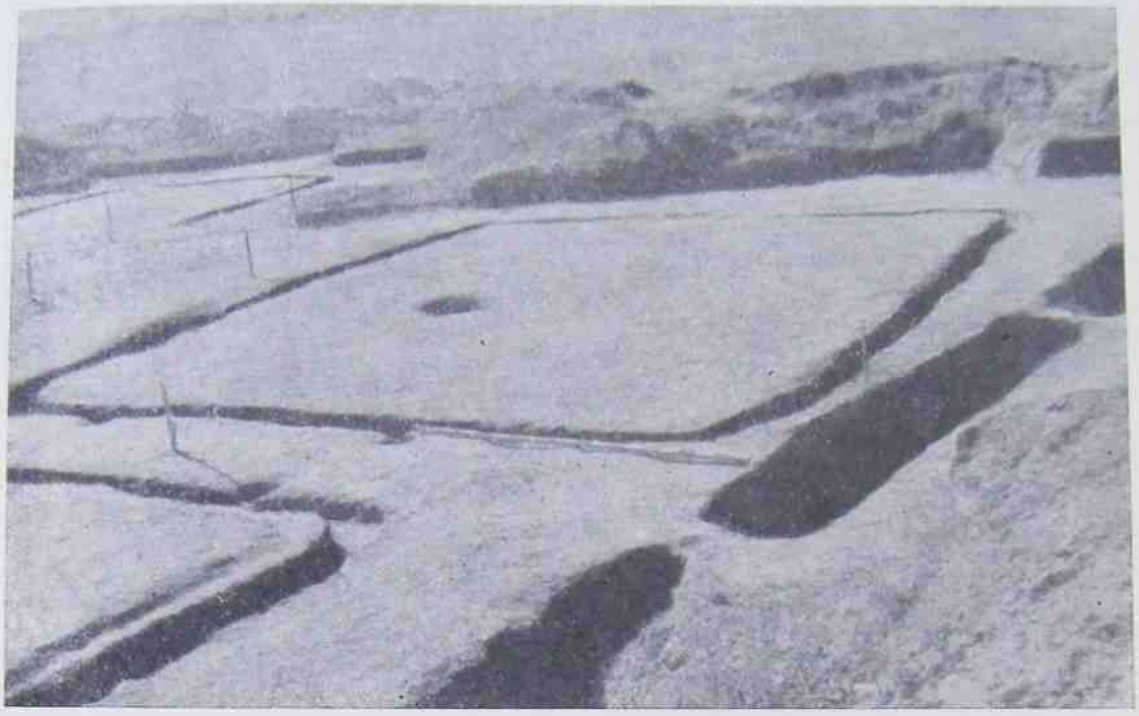


Рис. 18. Наземная постройка II. Канавка для установки каркаса стен.

В границах помещения найдено плоское каменное пряслице.

Помещение III расположено в 1—1.3 м к юго-востоку от помещения II. Это прямоугольное в плане помещение размером 4—4.25×8.25—8.40 м, вытянутое по оси северо-запад—юго-восток. Углы его, как и у помещения I и II, слегка закруглены (рис. 16). Остатки его в виде незначительных фрагментов нижней части стен, представляю-

Рис. 19. Наземная постройка II. Канавка для установки каркаса стен (процесс расчистки).

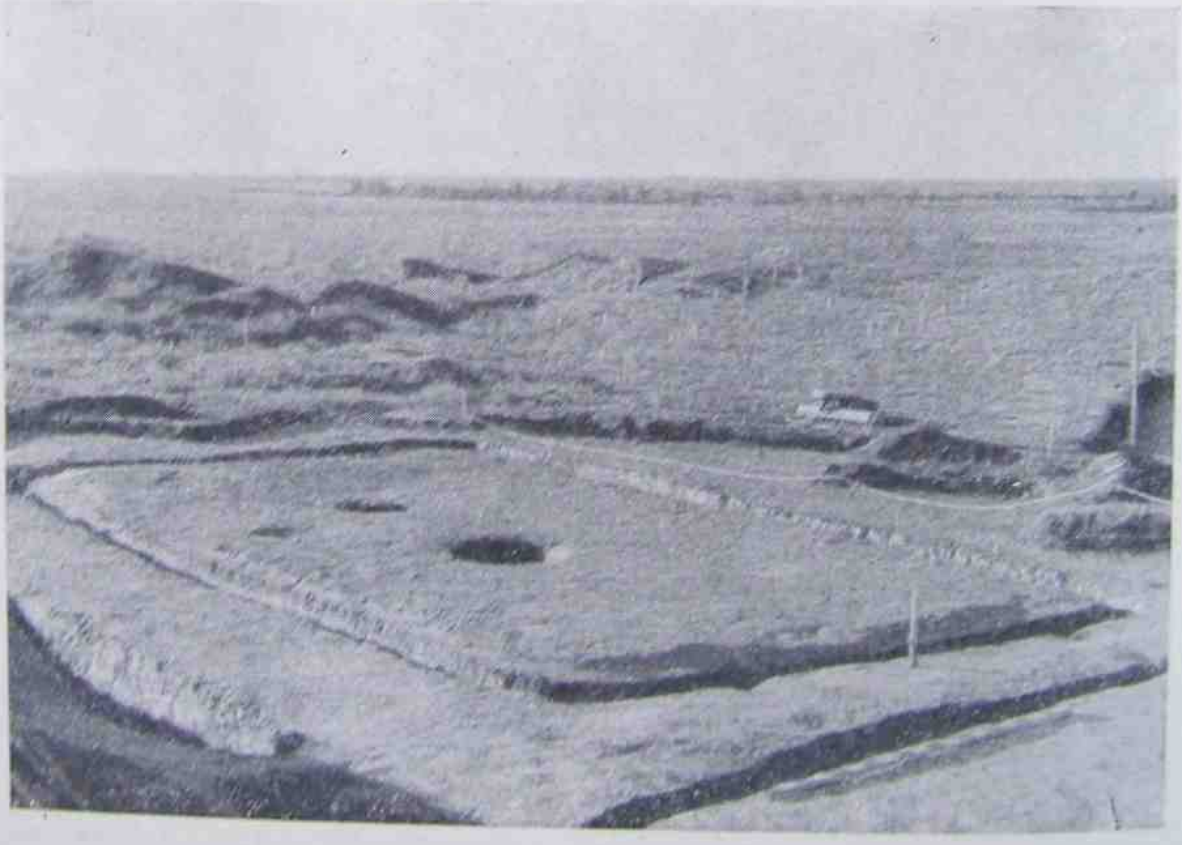


Рис. 20. Наземная постройка III. Канавка для установки каркаса стен.

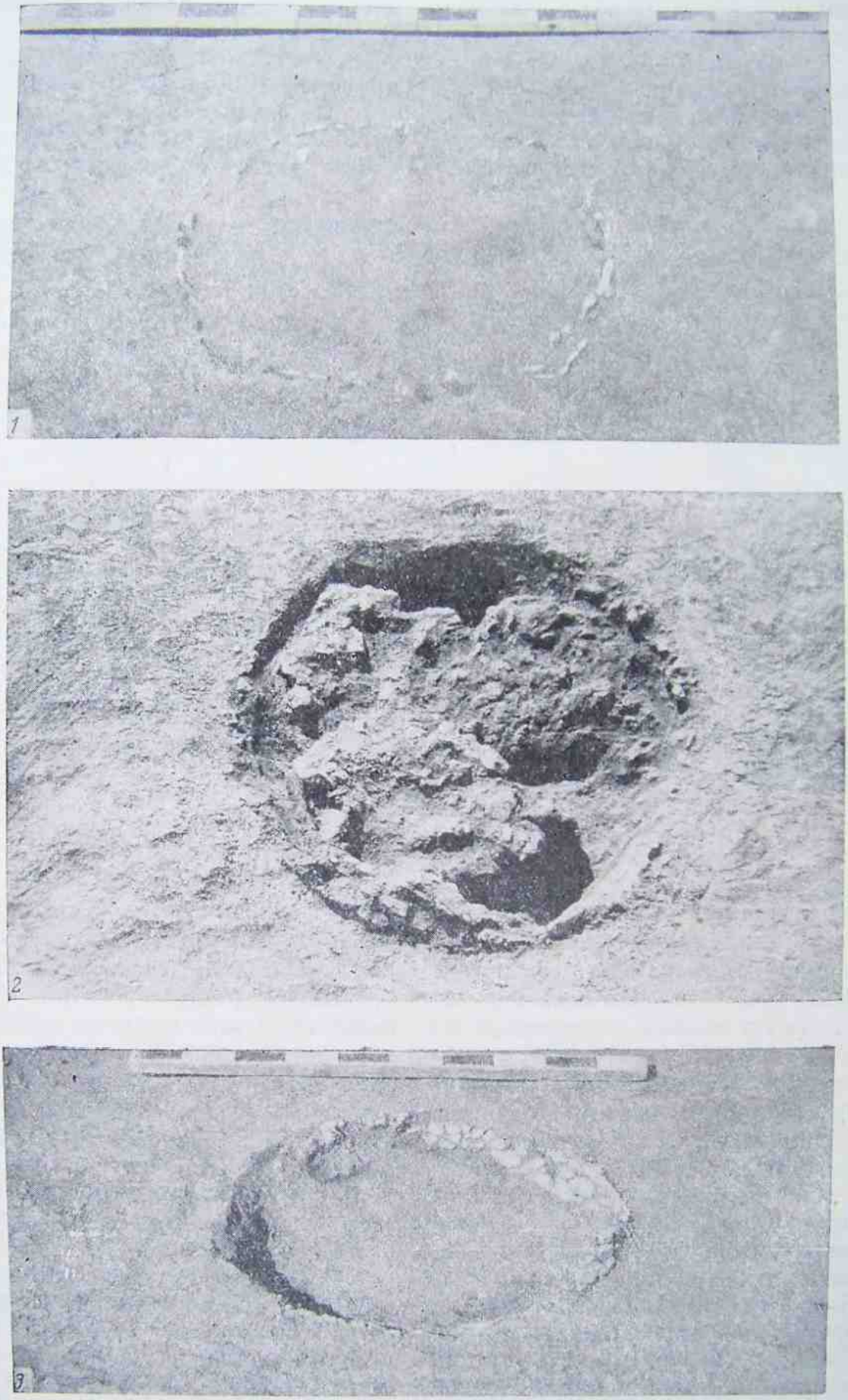


Рис. 21. Наземная постройка III. Остатки очага.

1 — на горизонте пола; *2* — после выборки земли; *3* — после выборки завала обожженной глины.

щих двухстороннюю глиняную обмазку по тростниковому каркасу, и развала обожженной глины с отпечатками тростника обнаружены на глубине 0.15—0.25 м от современной дневной поверхности (рис. 17, *1*). Характер фрагментов стен, а равно и завал обожженной глины совершенно такие же, как и у помещения II. Под сохранившимися стенами и под развалом обмазки по всему периметру стен, как и у описанных выше помещений, обнаружена канавка шириной и глубиной 0.25—0.30 м, заполненная золистым слоем. Дно и стенки канавки обожжены (рис. 20).

Пол помещения III земляной, без какой-либо искусственной подмазки. В центре помещения обнаружена очажная яма диаметром около 0.80 м. Несколько восточнее открыто еще два очага более сложной конструкции. Один из них, расположенный ближе к северо-восточной стене, в плане овальный, вытянут по оси север—юг. Диаметр его 0.65—0.70 м, глубина 0.10—0.15 м. Очаг был перекрыт сверху завалом плотной глиняной обмазки. Верхняя часть стенки очажной ямы была покрыта глиняной обмазкой, совершенно такой же, как и в завале, перекрывавшем очаг сверху. В ряде мест обмазка стенок поднималась над очагом в виде свода. Под очага был сильно обожжен (рис. 21). Второй такой же очаг найден южнее первого, на расстоянии около 1 м от него. В плане он овальный, вытянутый по оси север—юг. Размер его 0.50×0.60 м. Очаг углублен в пол до 0.15—0.20 м. Диаметр нижней части очага несколько больше верхнего, размер его 0.60×0.70 м (рис. 22). Стенки очага обмазаны глиной толщиной

Рис. 22. Наземная постройка III. Остатки очага.

до 1.5—2 см и обожжены докрасна. Под ровный, горизонтальный, сильно обожженный. Бо́льшая часть его имеет губчатую структуру (ошлаковалась). В зольном заполнении очага найдены куски обожженной обмазки, совершенно такой же, какой обмазаны стенки.

С внутренней стороны северо-восточной и юго-западной стен на горизонте пола обнаружены остатки двух обгорелых дубовых столбов. Диаметр их 0.12—0.16 м. С внешней стороны северо-западной стены прослеживаются две неглубокие столбовые ямки.

При расчистке пола помещения III, помимо обломков глиняной посуды салтовского типа и немногочисленных костей животных, найдены плоское каменное пряслице, точильный брусок со сверлиной на конце для подвешивания и несколько бесформенных, сильно окисливших кусков железа.

Помещение IV (раскоп III) расположено в северо-западной части селища,

на участке, не подвергавшемся на памяти местных старожилов распашке (рис. 1, №№ 63 и 64). Это прямоугольное в плане, с несколько округлыми углами сооружение размером 4.25×6.70 м, вытянутое по оси северо-запад—юго-восток (рис. 23). Остатки его в виде завала кусков обожженной глины с отпечатками тростника залегали непосредственно под дерновым слоем мощностью 0.10—0.15 м. Стены помещения IV не сохранились совершенно, но развалы их были в лучшей сохранности, чем у предыдущих помещений. Они оказались не перепаханными. При разборке развала стен под ним была обнаружена канавка шириной около 0.20—0.25 м и такой же глубины, заполненная золистым слоем, с большим содержанием в верхней части кусков обожженной глины с отпечатками тростника. В слое найдено несколько тростниковых угольков. Стенки и дно канавки обожжены. В плане канавка представляет четырехугольник со слегка овальными углами, полностью совпадающий с линией развала глиняной обмазки. В юго-восточной части канавка, как и развал обмазки, имеет разрыв около 0.70 м (рис. 24).

Пол помещения земляной, в ряде мест обожженный. На полу у северо-восточной стены под развалом глиняной обмазки лежал раздавленный трехручный кувшин (одна ручка на горле и две на тулове в самой широкой его части; рис. 25). Высота кувшина 70 см, диаметр дна 23 см, диаметр верхней части горла 15 см, наибольший диаметр тулова 46 см. Цвет сосуда желто-красный. Через весь сосуд от дна до горла проходит спиралеобразно в пол-оборота темная полоса шириной около 15 см (след горения).

Поверхность сосуда покрыта тремя поясами волнистого орнамента, отстоящими на равное расстояние один от другого, нанесенными четырехзубчатой гребенкой, и поясом линейного орнамента, нанесенным тем же четырехзубчатым гребнем по плечику. Сосуд реставрирован (рис. 26). Недалеко от сосуда найден обломок черепицы. Судя по сохранившейся части, это была прямоугольная, плоская черепица, слегка суженая в нижней части. Края черепицы имели бортики, прямоугольные в сечении, высотой около 2 см. Толщина черепицы 2.5—3 см. Цвет черепицы желтовато-красный.

Помещение V находится в северной части раскопа I (рис. 1, № 34), в 25—30 м к северу от помещений II—III (рис. 8). Оно представляет прямоугольное в плане сооружение размером 8.5×5 м, вытянутое по оси северо-запад—юго-восток. От сооружения сохранился лишь развал глиняной обожженной обмазки, залегавшей в пашенном слое на глубине до 0.30—0.35 м от современной поверхности. Развал обмазки в плане представлял замкнутый четырех-

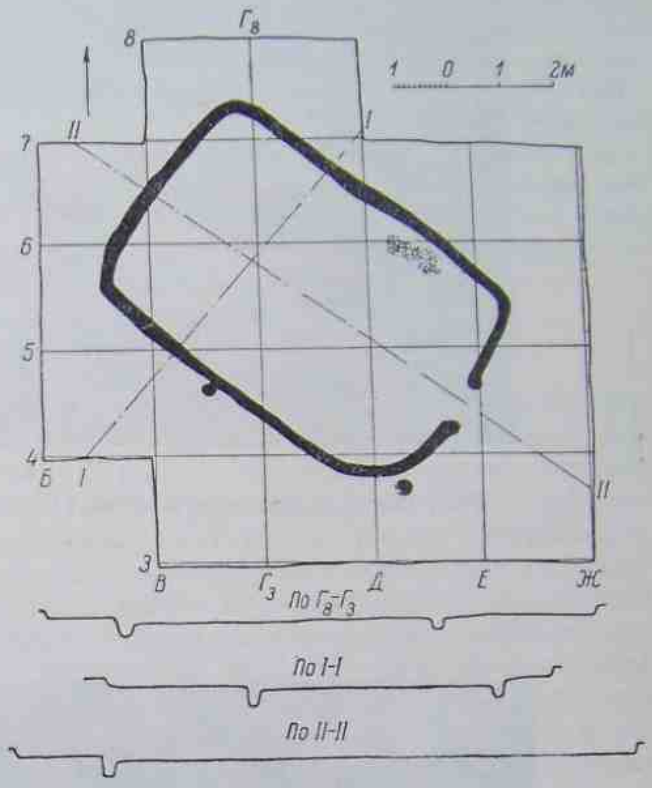


Рис. 23. Наземная постройка IV. План и разрезы.

угольник. Неразрушенных участков стен, как это имело место у сооружений II—III, не сохранилось. Под развалом обмазки обнаружена канавка шириной до 0.30 м и такой же глубины, заполненная золистым слоем (рис. 7 и 27).

Пол помещения земляной, плотный, в центре сильно обожженный (по-видимому, место открытого очага). В полу помещения вдоль стен обнаружены столбовые ямки, по 4 с каждой стороны, расположенные симметрично. В южном углу находится округлая в плане хозяйственная яма глубиной около 0.80 м. Верхний диаметр ее 0.60—0.70 м, нижний — около 0.90 м. По северо-западному краю ямы расположены две небольшие столбовые ямки. Здесь же, в южном углу помещения, около хозяйственной ямы найден разбитый жернов (рис. 28). Судя по характеру залегания отдельных обломков,

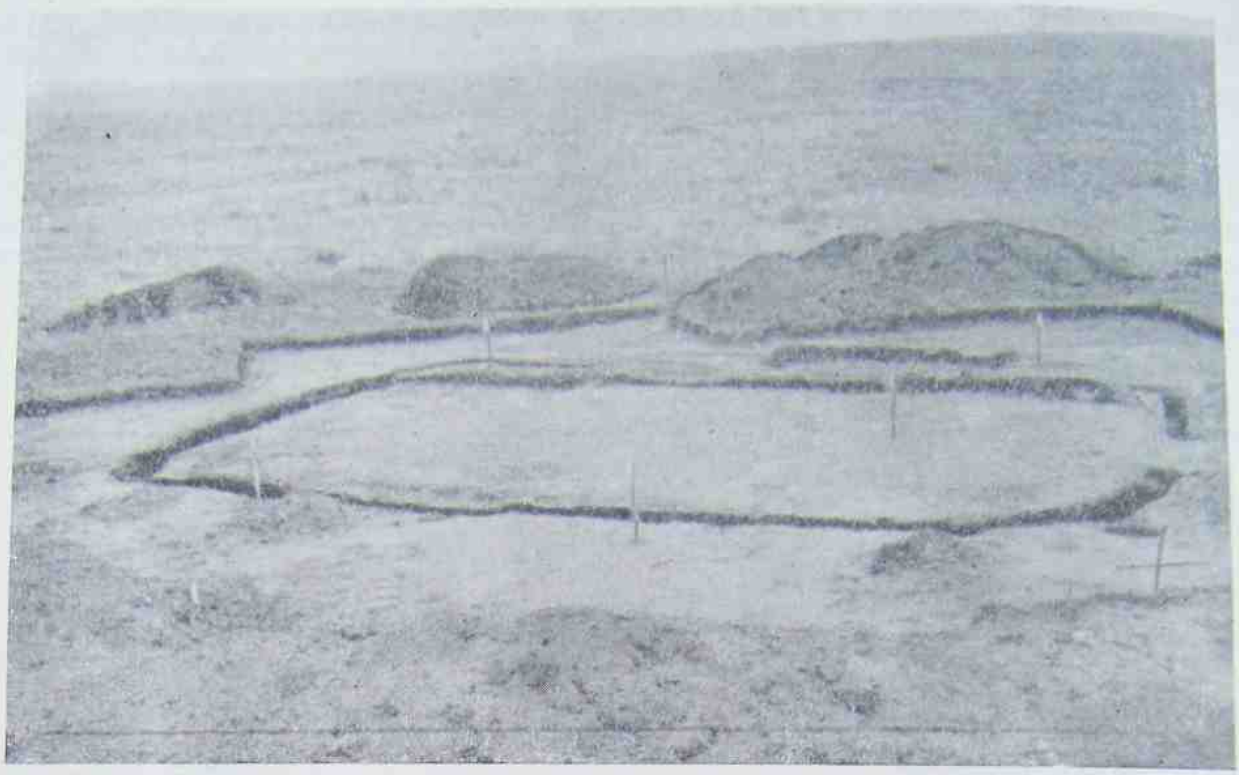


Рис. 24. Наземная постройка IV. Канавка для установки каркаса. Вид с юго-востока.

Рис. 25. Наземная постройка IV. Раздавленный кувшин у северо-восточной стены.

жернов был разбит при распашке. Кроме того, в культурном слое в границах помещения найдена бронзовая бляшка округлой формы.

Наземное помещение V по характеру остатков ничем не отличается от других сооружений, описанных выше. В отличие

Рис. 26. Наземная постройка IV. Кувшин из помещения (реставрация).

от последних, в нем лишь полнее сохранились столбовые ямки, позволяющие в какой-то мере восстановить каркас перекрытия, но все же не дающие ответа на основной вопрос — каков был внешний облик наземных сооружений.

Помещение VI (раскоп I) расположено в 4—5 м к юго-западу от помещения II (рис. 8). Оно представляет собой прямоугольное, по-видимому трехстенное, в плане сооружение размером 4×4 м, ориентированное по линиям северо-запад—юго-восток и северо-восток—юго-запад. По характеру остатков помещение VI ничем не отличается от остальных исследованных наземных сооружений. И здесь обнаружен развал глиняной обожженной обмазки, залегающей на глубине до 0.20—0.25 м от современной дневной поверхности, причем значительное количество обмазки было выпахано на поверхность. Под развалом обмазки залегала канавка глубиной до 0.25—0.30 м и такой же ширины, заполненная золистым слоем. И развал обмазки, и канавки были выявлены лишь по трем линиям сооружения — юго-запад, северо-запад, северо-восток. По направлению четвертой линии, юго-восточной, ни развала обмазки, ни канавки не оказалось. Судя по этим данным, следует предполагать, что помещение VI было трехстенное, открытое с юго-восточной стороны (рис. 29, 30). В границах помещения VI было найдено незначительное число обломков глиняной посуды и костей животных, а из единичных вещей — бронзовый перстень салтовского типа со стеклянной вставкой, закрепленной четырьмя усиками.

3

Еще в 1927 г. при обследовании Северо-Кавказской экспедицией Карнауховского поселения на его территории было отмечено «наличие в пределах культурного слоя неглубоких, круглых в плане углублений, которые, по заключению исследователя, могут соответствовать круглым древним жилищам».[1] Наличие таких западинок было подтверждено обследованием 1929 г.[2] При исследовании поселения в 1950—1951 гг. западинки были подвергнуты всестороннему изучению и нанесены на план (рис. 1, *г*). Всего было учтено 75 западинок. Наибольшее число их выявлено на ровных задернованных участках. На местах, недавно освобожденных, в связи с предстоящим затоплением, от усадеб колхозников, западинки не обнаружены совсем. Мало их оказалось и на распахиваемых склонах террасы.

Западинки представляют собой неглубокие, овальные в плане, сильно гумусированные ямки с пологими краями. Размер их колеблется от 6 до 15 м по длинной оси и от 6 до 8 м по короткой. На фоне желтой степной растительности они резко выделяются своей светло-зеленой растительностью.

Раскопками, произведенными на местах западинок, было установлено, что последние представляют действительно остатки

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 118.

[2] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 25—27.

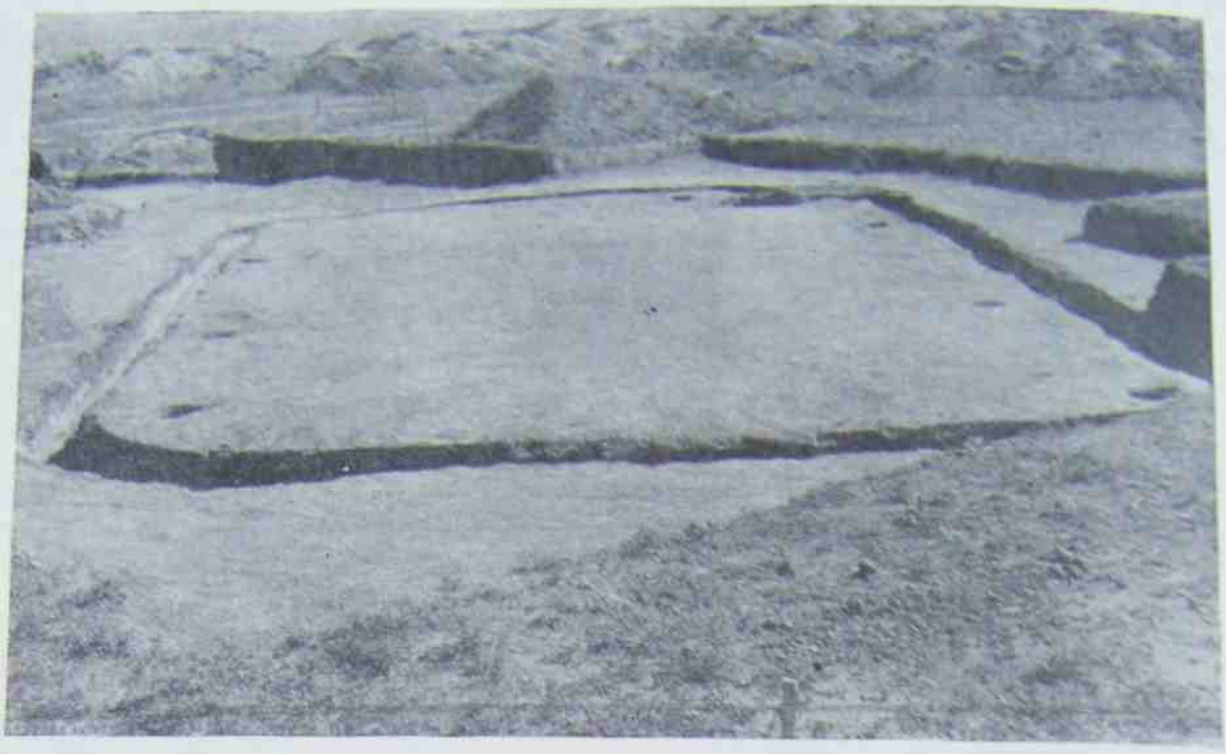


Рис. 27. Наземная постройка V. Канавка для установки каркаса стен и столбовые ямки. Вид с северо-запада.

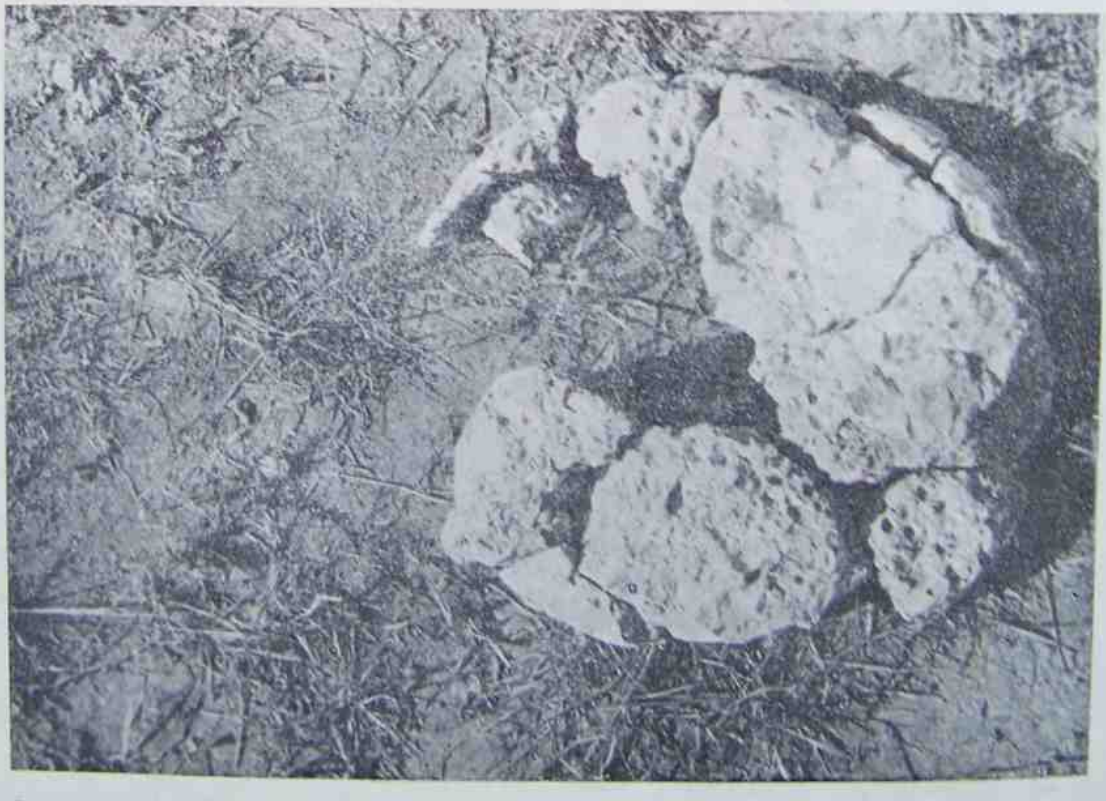


Рис. 28. Наземная постройка V. Жерновъ, найденный в юго-восточном углу помещения.

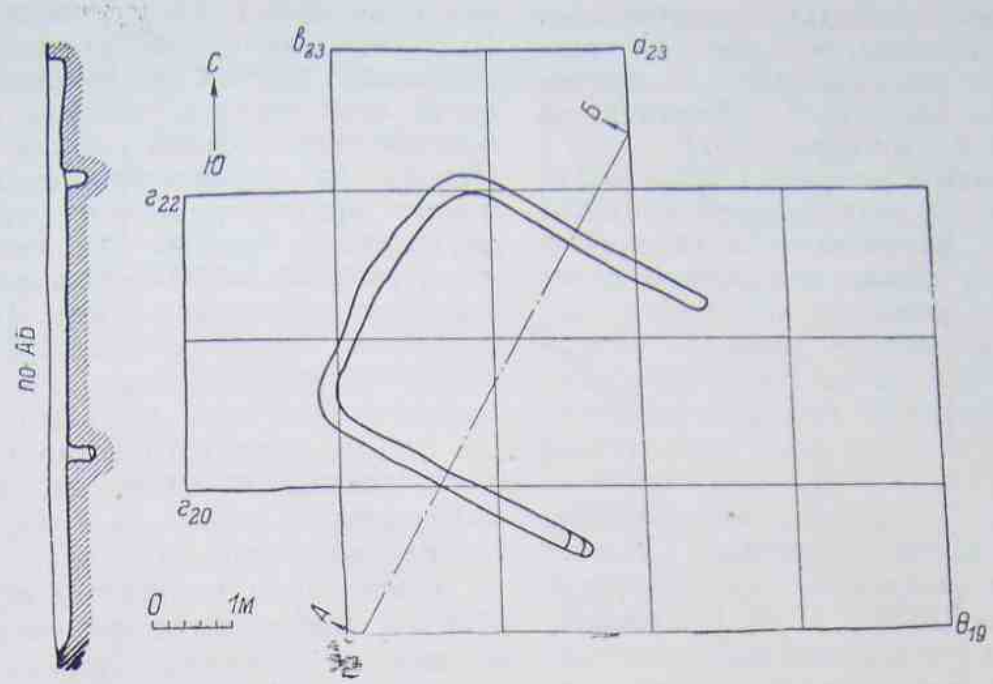


Рис. 29. Наземная постройка VI. План и разрезы.

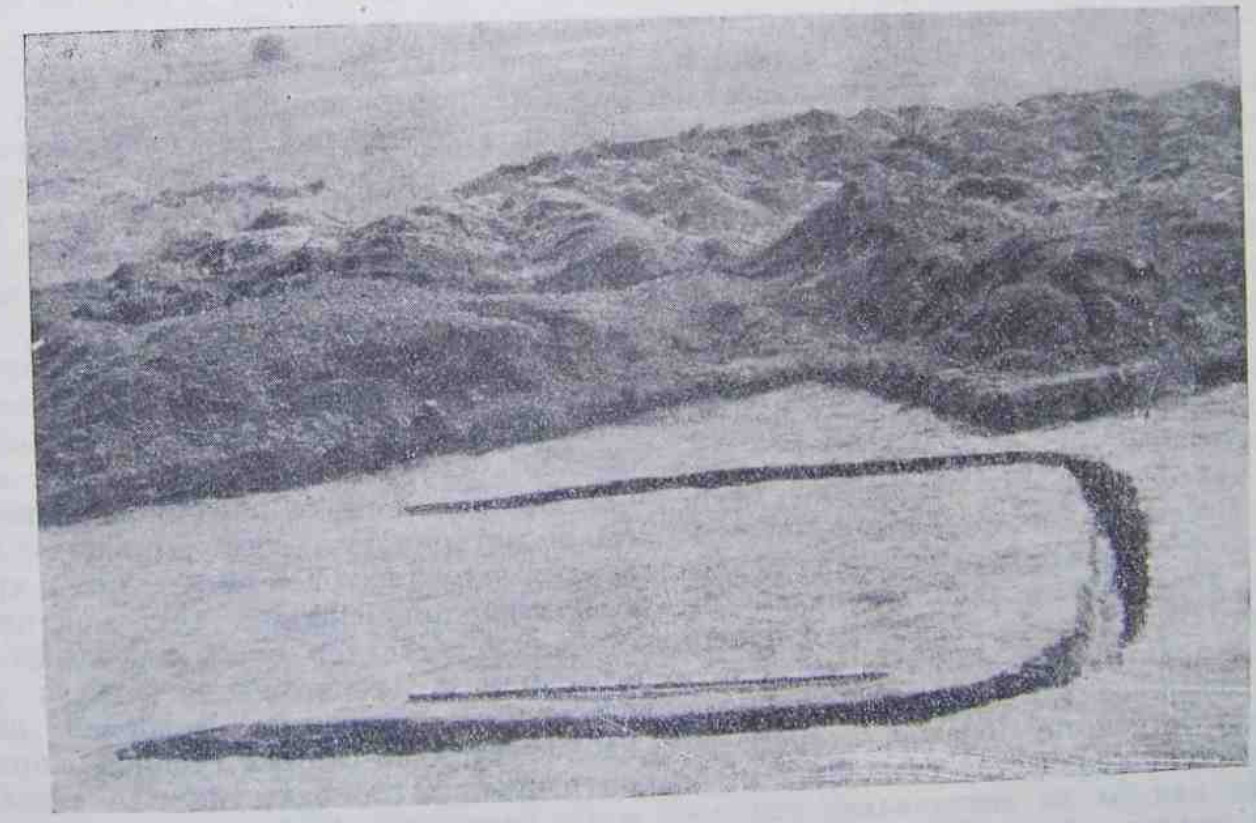


Рис. 30. Наземная постройка VI. Канавка для установки каркаса стен. Вид с северо-запада.

древних построек, несколько углубленных в землю (полуземлянок), но только не круглых в плане, как предполагалось, а прямоугольных. Всего вскрыто 5 западинок, из них 2 на селище и 3 на городище.

Изучение остатков вскрытых полуземляночных сооружений позволило установить, что по размерам, планировке, внутреннему устройству, а тем самым несомненно и по назначению исследованные постройки неодинаковы. В их составе довольно отчетливо выступают два типа. Постройки первого типа представляют собой небольшие, почти квадратные в плане сооружения, размером 2.7—3.5×2.8—4.3 м, при глубине от 0.6 до 1.1 м, с хорошо выраженными утрамбованными полами, очагами, хозяйственными ямами (погребами) и столбовыми ямками (сооружения №№ 1, 2Б, 4). Постройки второго типа, имея в основании также прямоугольную в плане яму, резко отличаются от первых своими размерами и другими деталями. При ширине 3—3.5 м они достигают 10—14 м в длину и не имеют никаких следов очага. Весьма своеобразен их пол. Это материковая глина, пропитанная на значительную глубину отложениями гумуса, золы и других темных компонентов. Посредине пола почти через всю длину помещения проходит сравнительно узкая, неглубокая канавка, заполненная золистым слоем. В центре помещения канавка несколько шире и глубже. Постройки этого типа имеют ясно выраженный вход в виде наклонной выемки, сделанной в торцовой стене или в длинной стене на стыке с торцом. Ориентировка этих сооружений строго выдержана. Все они вытянуты по длинной оси в направлении северо-восток—юго-запад.

Среди археологических памятников средневековой Восточной Европы, в том числе и юго-восточной ее части, полуземляночные сооружения, аналогичные нашим полуземлянкам первого типа, давно известны в археологической практике. В деталях эти полуземлянки не везде одинаковы; они различаются по устройству очагов, характеру обработки стен, количеству столбовых ямок и т. п. Но как бы не различались эти постройки в деталях, общий облик их довольно устойчив. Археологи уже давно пришли к выводу о принадлежности таких полуземляночных сооружений жилым постройкам, и это положение ни у кого не вызывает сомнений. Бесспорно, что и карпауховские полуземлянки №№ 1, 2Б и 4 являются жилыми. К сожалению, среди остатков сохранилось очень мало данных для суждения о наземной части этих жилищ, которые позволили бы восстановить общий облик сооружений. Исходя из размещения столбовых ямок, можно предполагать, что жилища имели двухскатные крыши. На деревянный каркас крыши накладывался хворост или камыш, а сверху насыпалась земля. Остатки такого покрытия были прослежены нами в заполнении полуземлянки № 1. Мощность земляного покрова достигает 0.15—0.20 м. Не всегда ясно устройство входа. Наряду с жилищами, имеющими входные ступеньки, вырезанные в одной из стен, есть и такие, где следов входа не обнаружено.

Значительно сложнее восстанавливается облик и определяется назначение полуземляночных сооружений второго типа. Среди археологических памятников постройки подобного типа пока неизвестны. Трудно указать и этнографические параллели. По личным наблюдениям можно указать, что в практике сельского населения лесостепной полосы такие узкие и длинные полуземляночные постройки сооружаются и по сей день. Это зимние помещения, хлевы для мелкого скота: овчарни, свинарники и т. п. В 1946 г. постройку подобного свинарника мы наблюдали в Полтавской области, близ хут. Писаревка Нижне-Сенжарского района. Очевидно, что и вскрытые остатки полуземлянок второго типа принадлежат таким же хлевам для укрытия в зимнее время мелкого скота (овчарни). Это предположение находит подтверждение в ряде фактов, установленных при исследовании вскрытых построек. Наиболее показательными в этом отношении являются полы, представляющие собой материковую глину, пропитанную на значительную глубину черноземом и другими темными компонентами. Пол мог приобрести такой характер лишь под воздействием длительного втаптывания в него сверху инородных примесей. Подобная картина наблюдается на местах стоянок скота, как на открытых стойлах, так и в хлевах. Не менее показательны в этом отношении и проложенные посредине пола почти по всей его длине канавки, служившие, по-видимому, для стока нечистот. Любопытно отметить, что все они были заполнены золой.

Приводим краткую характеристику полуземляночных сооружений.

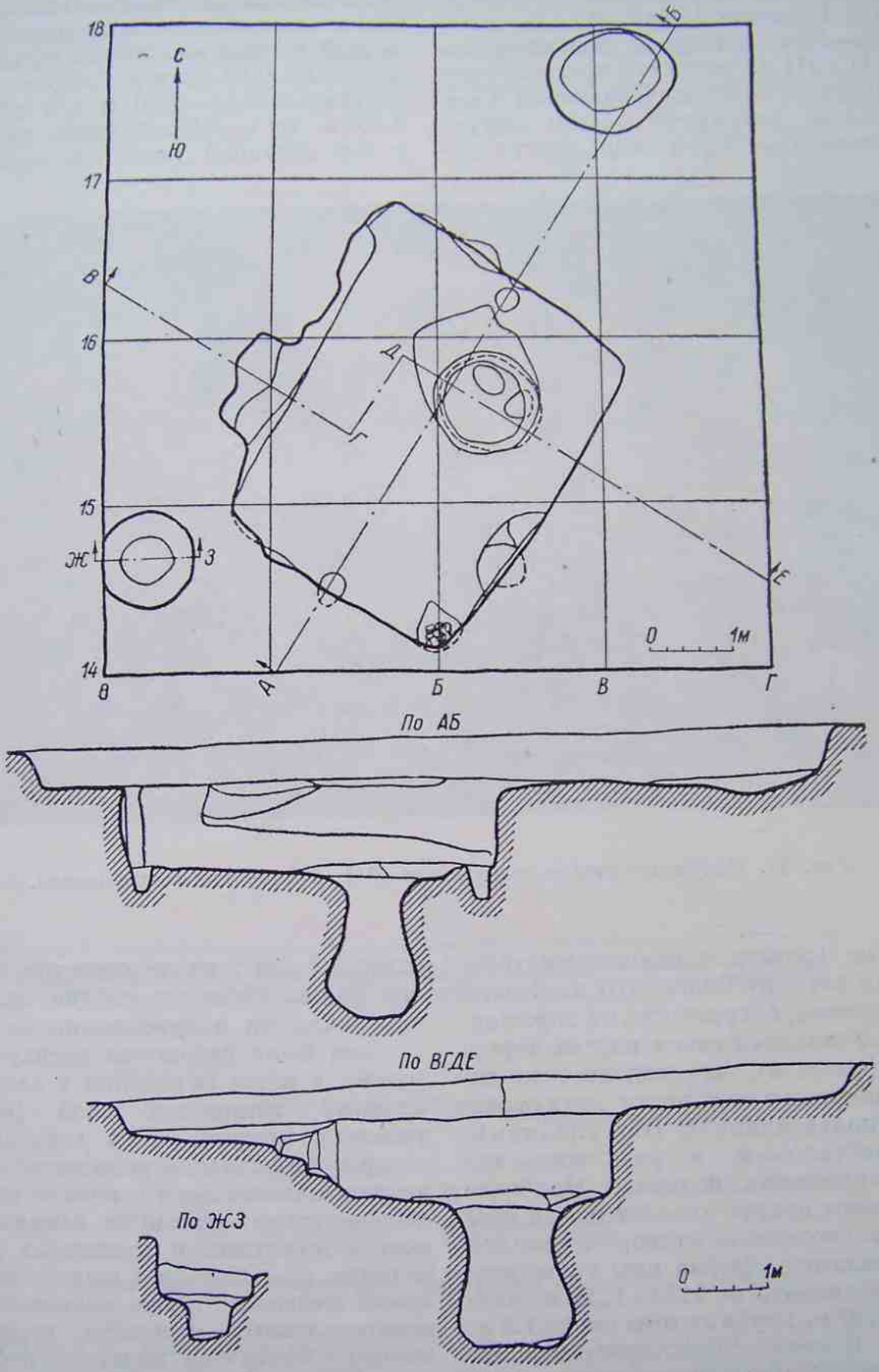


Рис. 31. Полуземляночное сооружение № 1. План и разрезы.

Полуземляночное сооружение № 1 (раскоп I; рис. 31, 32) расположено в 8—10 м к югу от наземных сооружений II и III. Остатки его представляют прямоугольную в плане яму размером 4.2—4.3×3.0—3.5 м, вытянутую по оси северо-восток—юго-запад. Углы ямы слегка за-

Рис. 32. Полуземляночное сооружение № 1. Общий вид с юго-запада.

круглены. Яма вырыта в почвенно-материковом слое на глубину 0.95—1.10 м. Стенки ямы почти отвесные, сохранность их хорошая. Только северо-западная стена слегка деформировалась (оползла), что связано, по-видимому, с наличием в этой части двух ступенек (вход в полуземлянку). Пол глиняный, хорошо утрамбованный, в ряде мест, где он был сильно изношен, подмазан. Наиболее заметны выбоины вокруг хозяйственной ямы (погреба), расположенной в северо-восточной части полуземлянки. Форма ямы грушевидная. Верхний диаметр ее 1.20—1.25 м, наибольший — 1.40 м. Глубина ямы около 1.8 м. Яма вырыта в глинисто-песчанистом материковом слое. Вследствие оползания стенок яма сильно деформировалась. В южном углу полуземлянки обнаружен небольшой открытый очажок, выложенный камнями и обломками глиняной посуды салтовского типа. В очажке найдена зола. Стены у угла над очагом обожжены докрасна. У юго-западной и северо-восточной стенок в средней части в полу находятся столбовые ямки диаметром 0.25—0.30 м и глубиной 0.35—0.40 м. От столбовой ямки, расположенной у юго-западной стены, в стене проложен отвесный паз того же диаметра, что и столбовая ямка. Никаких следов опалубки стен и перекрытия полуземлянки не найдено.

Яма была заполнена вверху темным гумусом, а ниже находился в западной части плотный глинистый слой (по-видимому, упавшая крыша), а в восточной — слой, содержащий большое количество золы с включением значительного количества культурных остатков: обломков глиняной посуды, костей животных и единичных поделок из металла (2 небольших железных ножа, обломок железного серпа, несколько обломков неопределенных железных вещей, сильно окисшая бронзовая монета). Здесь же найден небольшой фрагмент стеклянного сосуда.

На расстоянии полуметра к юго-западу от полуземлянки раскрыта небольшая, округлая в плане яма. Форма ее цилиндри-

ческая, двухчастная. Диаметр верхнего цилиндра 1.1—1.2 м, глубина его около 0.4 м; диаметр нижнего цилиндра около 0.5 м, глубина около 0.4 м. Яма была заполнена плотным, сравнительно светлым, гумусированным слоем. В верхней части заполнения найдены кости животных и обломки глиняной гончарной посуды салтовского типа; внизу культурных остатков не было.

В 2 м к северо-востоку от полуземлянки имеется неглубокая, с плохо выраженным контуром яма, возможно естественного происхождения. Диаметр ямы 1.5 м, глубина около 0.2 м. Яма была заполнена культурными остатками. В заполнении найдены кости животных, обломки глиняной посуды и плоское каменное пряслице. В слое вокруг полуземлянки культурных остатков

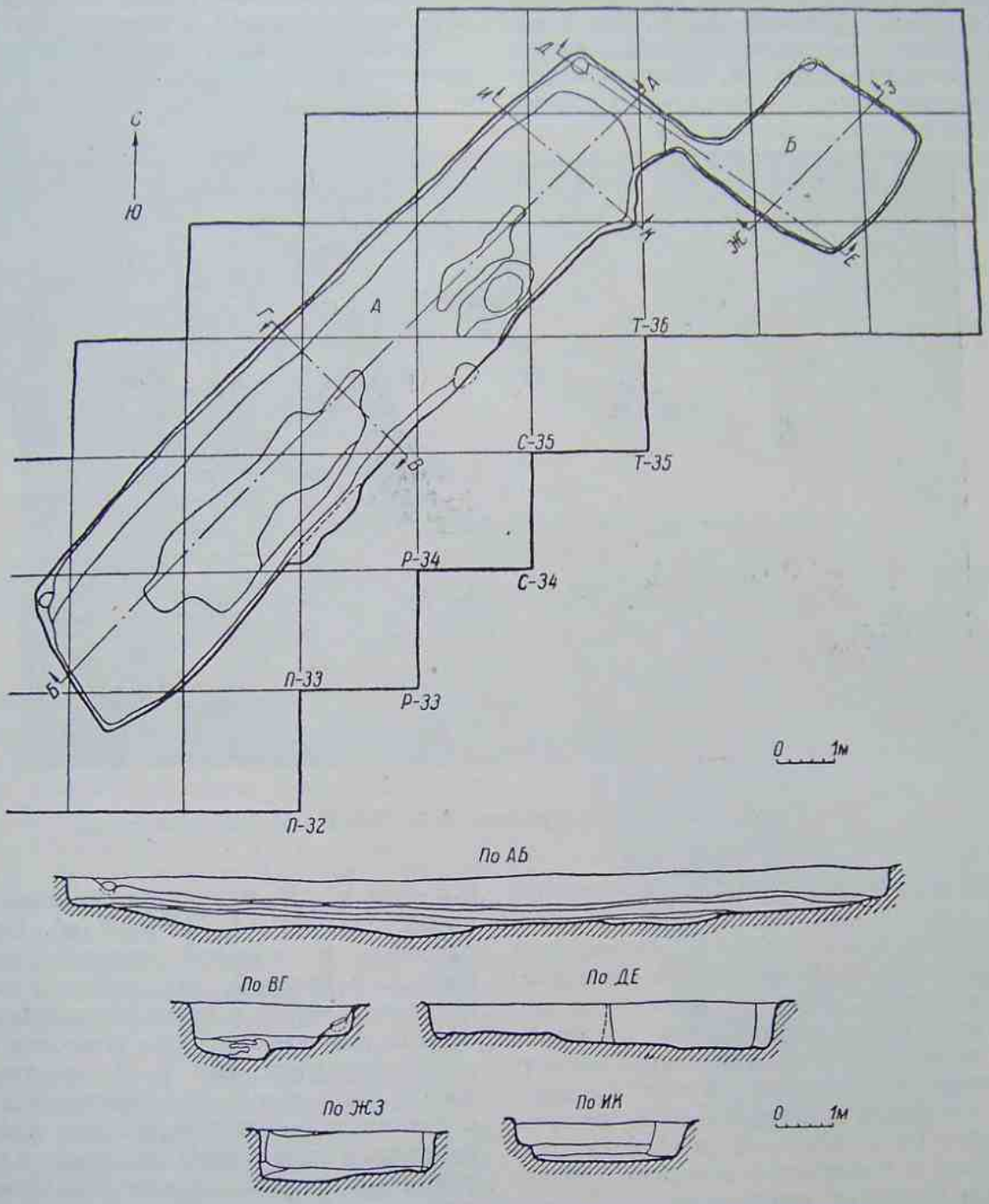


Рис. 33. Полуземляночное сооружение № 2. План и разрезы.

почти нет. В 10—12 м к юго-востоку от полуземлянки — сорная куча (зольник).

Полуземляночное сооружение № 2 находится в 4—5 м к северо-востоку от наземного помещения V. Оно представляет собой комплекс построек, дошедший до нас в виде двух ям, вырытых в почвенно-материковом слое, соединенных

Рис. 34. Полуземляночное сооружение № 2. Общий вид с северо-востока.

между собой узким (около 0.6 м) и коротким (около 0.8 м) проходом (коридором; рис. 33, 34). Ямы резко различны и по размерам и по внутреннему устройству. Яма А (большая) в плане прямоугольная, вытянутая по оси северо-восток—юго-запад. Длина ее около 14 м, ширина около 3 м; углы слегка закруглены, стены отвесны, пол имеет незначительную покатость к центру. Посредине пола на большей (юго-западной) его части проходит узкая и неглубокая канавка, расширяющаяся к центру помещения. В северо-западном и юго-западном углах имеются столбовые ямки, по одной в каждом. Яма была заполнена темным гумусированным слоем с незначительным включением культурных остатков в виде костей животных и обломков глиняной посуды салтовского типа. В нижней части гумусированный слой был настолько втоптан в липкий глинистый материковый пол, что зачистка последнего была совершенно невозможна. Канавка, проложенная по длинной оси помещения, была заполнена золистым слоем, в значительной мере перемешанным с материковой глиной.

Яма Б (меньшая) примыкает к северо-восточному углу ямы А. Она вырыта также в почвенно-материковом слое на глубину 0.6—0.8 м. В плане она прямоугольная, почти квадратная (2.7×2.8 м). Стены ямы отвесные и вырыты параллельно стенам ямы А, с которой, как отмечено выше, она соединена узким и коротким проходом, идущим от северо-восточного угла ямы А к юго-западному углу ямы Б. В верхней части яма Б, как и яма А, была заполнена гумусом с незначительным содержанием культурных остатков в виде костей животных и обломков глиняной посуды салтовского типа; ниже гумуса залегал серый золистый слой, а в самом низу, на полу, в юго-западной части лежал слой голубоватой золы мощностью до 10 см. Пол ямы Б резко отличается от пола ямы А ровной и хорошо утрамбованной поверхностью. Заполнение (зольный слой) очень легко отделялось от пола.

В конце прохода, соединяющего описываемые ямы, при выходе из ямы Б в яму А,

слева, около угла, на полу найден небольшой сероглиняный кухонный горшок, покрытый сплошным рифлением по всему корпусу и насечками по верхнему краю венчика. Горшок лежал опрокинутый вверх дном (рис. 35). На полу помещения А напротив прохода, ближе к северо-западной стене, найдены обломки красноглиняного пифосообразного сосуда. Сосуд реставрирован (рис. 36).

Рис. 35. Полуземляночное сооружение № 2. Горшок, найденный у прохода из хозяйственного помещения в жилое.

Полуземляночное сооружение № 3 (раскоп IV; рис. 37—39) расположено на территории городища в северо-западном его углу. От сооружения сохранилась углубленная в землю часть в виде почти прямоугольной ямы, вырытой в почвенно-материковом слое на глубину от 0.6 до 0.8 м. Длина ямы около 9.5 м, ширина около 3 м. Яма вытянута по оси северо-восток—юго-запад (рис. 40, 41). Сохранность ямы довольно хорошая. Лучше всего сохранилась северо-восточная стена; она совершенно отвесная, прямая и ровная, с хорошо выраженными примыкающими к ней прямыми углами. Юго-восточная стена сохранилась неплохо, но в ряде мест, по-видимому в результате оползания, на ней имеется кривизна. В худшем состоянии находятся юго-западная и северо-западная стены. Вследствие оползания они сильно деформировались. На отдельных отрезках образовалась ступенчатость. Юго-западная стена имеет постепенный переход в пол. По-видимому, здесь был вход. Пол довольно своеобразен, как и в помещении № 2; он имеет общий уклон к центру помещения; посредине пола в направлении с северо-востока на юго-запад проходит неглубокая (0.15—0.25 м), узкая канавка, состоящая из двух отрезков общей протяженностью около 4.5 м. Сечение канавки имеет клиновидную форму. Часть пола к юго-востоку от канавки сравнительно ровная; ширина этой части около 1 м. Северо-западная полоса пола в ряде мест имеет выбоины.

У юго-восточной стены, в средней ее части, в полу имеется столбовая ямка. Соответственно этой ямке в стене выбит паз. Такая же ямка в полу имеется у северо-восточной стены, в средней ее части.

Как и яма А в помещении № 2, описываемая яма была заполнена гумусированным слоем с включением культурных остатков в виде обломков глиняной посуды салтовского типа и костей животных. В нижней части (на полу и в канавке) заполнение отличается «грязным» видом. Здесь гумуси-

Рис. 36. Полуземляночное сооружение № 2. Сосуд из хозяйственного помещения (реставрация).

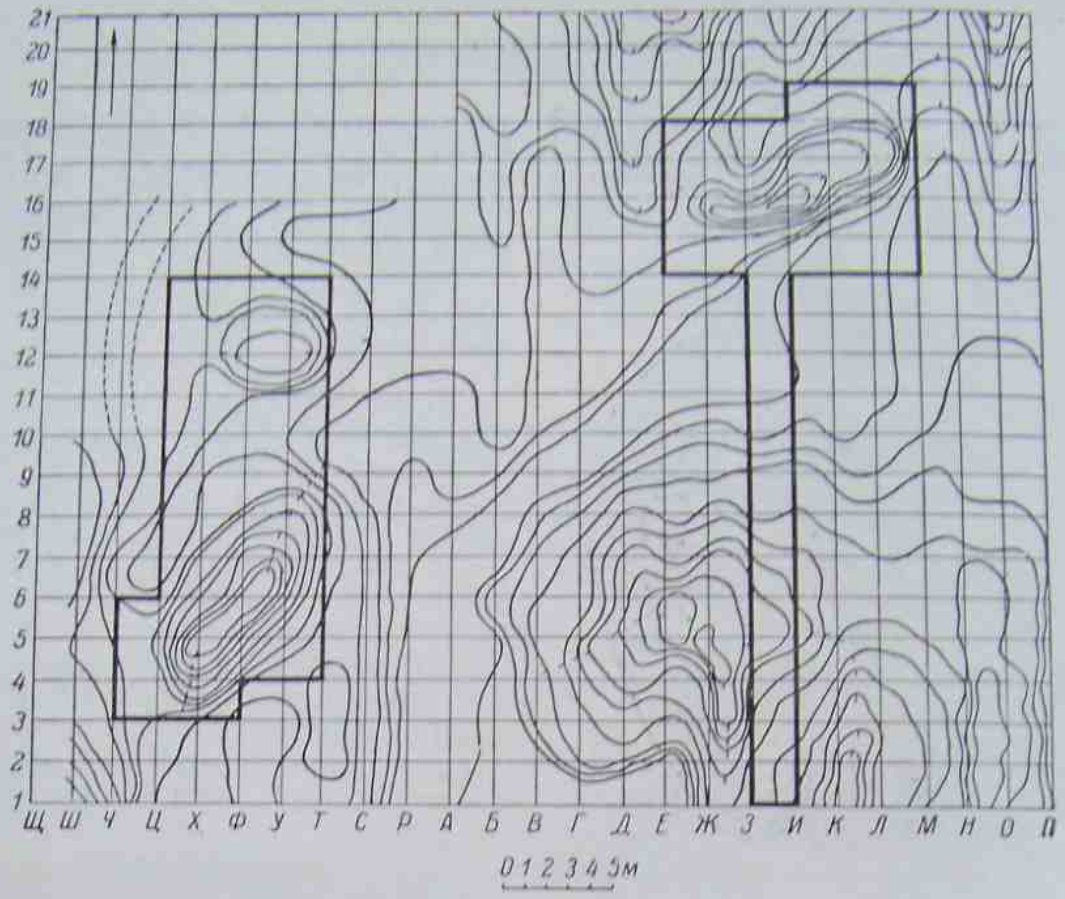


Рис. 37. Раскоп IV. План до раскопок.

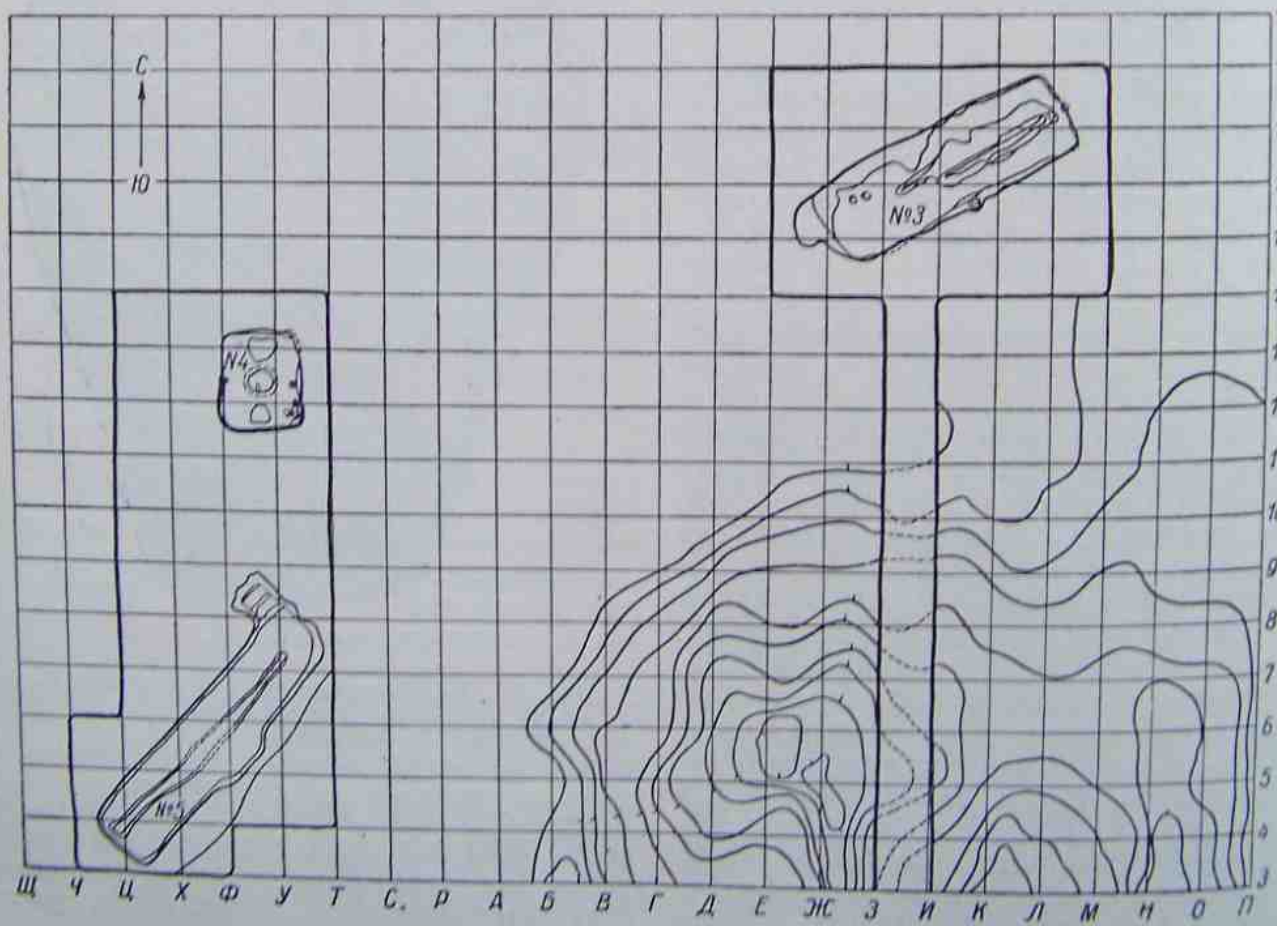


Рис. 38. Раскоп IV. План раскопок.

рованный слой и зола были втоптаны в глинисто-песчанистый материковый слой, как в полуземлянке № 2А. В юго-западной части помещения на полу против входа лежали 2 кирпича размером 0.23×0.25 м, т. е. совершенно такие же, из каких сооружена была крепость Саркел—Белая Вежа. посуды салтовского типа, костей домашних животных и угольков. Ниже зола была перемешана с материковой глиной, по-видимому с оплывшими стенками, а под этим слоем шел опять слой золы. Под золой на слегка обожженном дне ямы лежал череп свиньи без нижней челюсти, зубами кверху

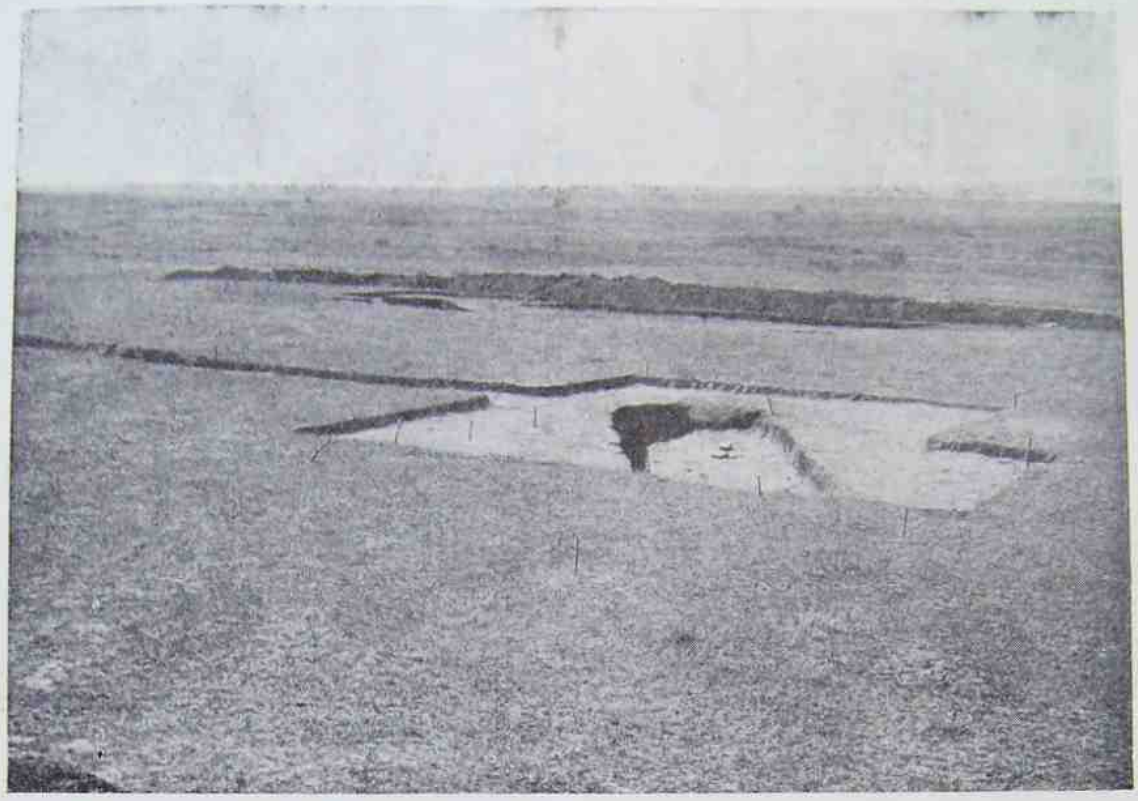


Рис. 39. Раскоп IV. Общий вид.

Полуземляночное сооружение № 4 расположено в 15 м к западу от полуземлянки № 3 (рис. 42, 43). От него сохранилась также лишь углубленная в землю часть в виде прямоугольной в плане ямы размером 3.0×3.8 м, вырытой в почвенно-материковом слое. Глубина ямы около 0.8 м. Яма ориентирована по странам света. Сохранность стенок достаточно хорошая. Пол глиняный (материковый), утрамбованный. Поверхность его неровная; он имеет общую покатость к центру, где расположена довольно большая, по-видимому очажная («жаровая»), яма глубиной около 0.65 м при верхнем диаметре 0.85 м и нижнем 1.20 м. Форма ямы колоколовидная. Над ямой лежал слой сажистой золы мощностью до 0.1 м. Верхняя часть ямы была заполнена золой с включением обломков глиняной (рис. 44). К северу и югу от очажной ямы в полу имелись большие выбоины, перекрытые вторым слоем пола (глиняной обмазкой). У восточной и западной стен в средней их части в полу обнаружены столбовые ямки. Диаметр их 0.25—0.30 м при глубине около 0.30 м. В восточной стене в притык к северо-восточному углу полуземлянки на уровне пола имеется небольшой подбой длиной около 1 м, глубиной около 0.20 м и высотой около 0.25 м. В северной части подбоя (северо-восточный угол полуземлянки) имеется небольшая, округлая в плане, неглубокая ямка. В юго-восточном углу — небольшой очаг, сложенный из обожженных кирпичей: два вертикально поставленных кирпича размером 0.23×0.25×0.05 перекрыты сверху кирпичом размером 0.45×0.23—0.27×0.05 м (рис. 45). Последний оказался разбитым на

4 части. На поверхности большого кирпича имеется три отпечатка четырех пальцев руки, расположенных один под другим по длинной оси кирпича. Рядом с очагом лежат еще два кирпича размером 0.23×0.25 м. Следов входа в полуземлянку не обнаружено. Незаметно также следов опалубки стен.

Помещение было заполнено в верхней части гумусом, внизу и вдоль стен золистым слоем с включением костей животных и обломков гончарной посуды салтовского типа.

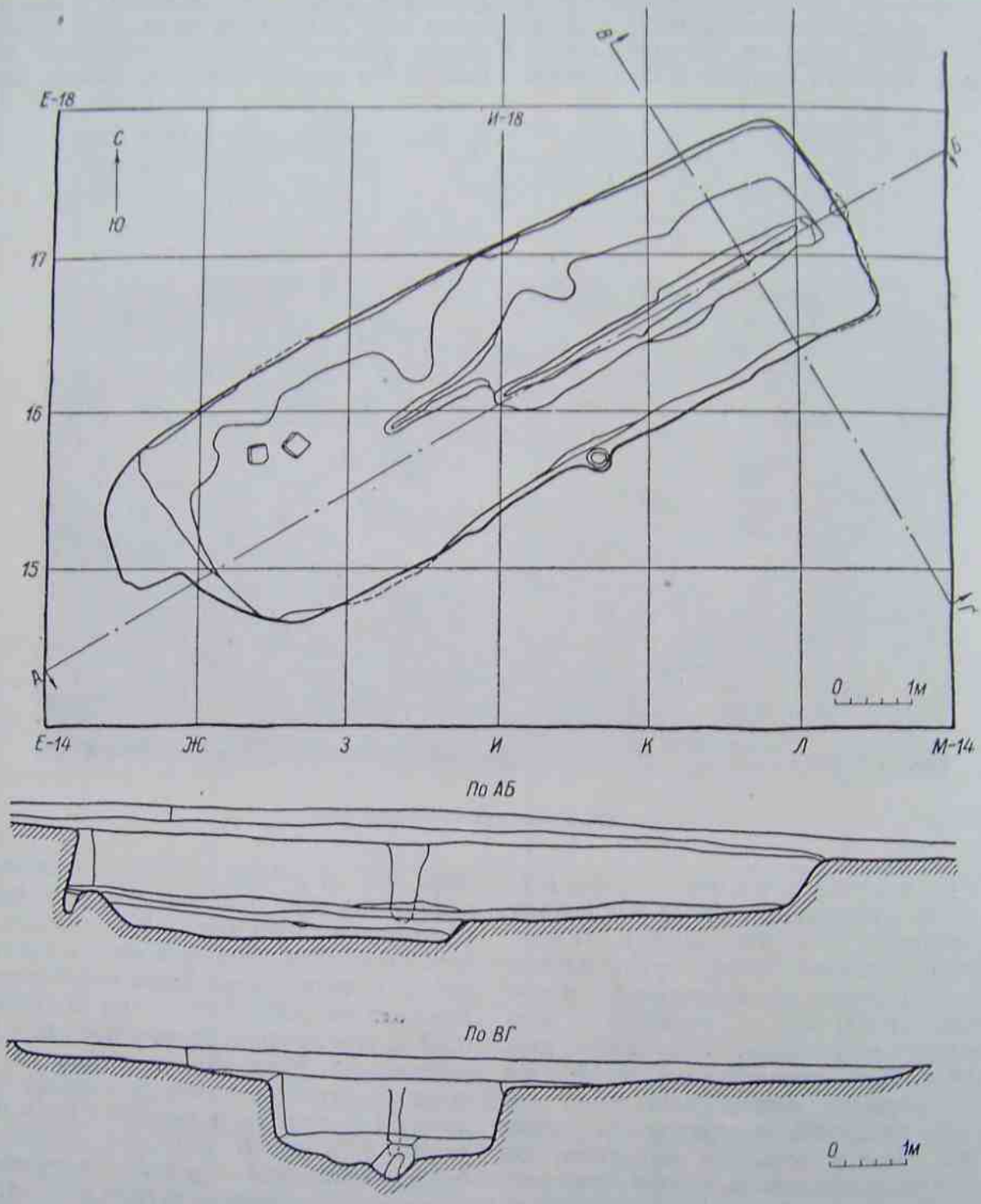


Рис. 40. Полуземляночное сооружение № 3. План и разрезы.

Полуземляночное сооружение № 5 расположено в 5—6 м к югу

от полуземлянки № 4. Как и от других сооружений этого типа, от него дошла до нас лишь углубленная в землю часть

Рис. 41. Полуземляночное сооружение № 3. Общий вид с юго-востока.

в виде прямоугольной в плане ямы длиной около 12 м, шириной около 3 м и глубиной до 0.9 м, ориентированной по длинной оси с северо-востока на юго-запад (рис. 46, 47). Стены ямы отвесные. Сохранность их значительно лучше, чем у аналогичных сооружений №№ 2А и 3. В середине юго-восточной стены имеется неглубокая ниша, около 0.4 м глубиной и около 2.5 м шириной. Пол материковый, глиняный. Почти по всей длине пола в средней его части проходит сравнительно узкая, неглубокая канавка. Только в центре помещения она несколько расширяется и уходит глубже в пол. Вход в помещение расположен в северном углу со стороны северо-западной стены. Здесь в стене была сделана наклонная выемка шириной около 1 м, длиной до 2 м, под углом около 45°.

Яма в верхней части была заполнена темным гумусированным слоем с включе-

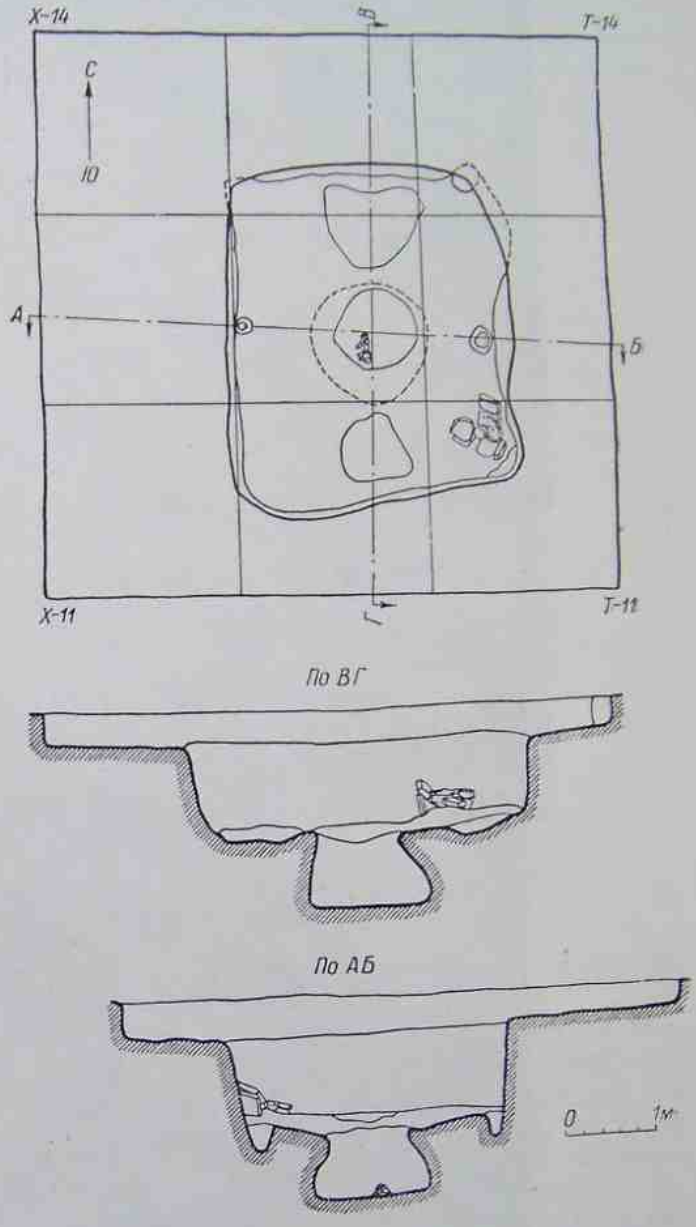


Рис. 42. Полуземляночное сооружение № 4. План и разрезы.

нием обломков глиняной посуды и немногочисленных костей животных. На полу вдоль стенок и в канавке слой был золистый. В золе культурных остатков (обломков глиняной посуды и костей животных) было значительно больше, чем в гумусированном слое. В заполнении встречены также обломки кирпичей саркелского типа.

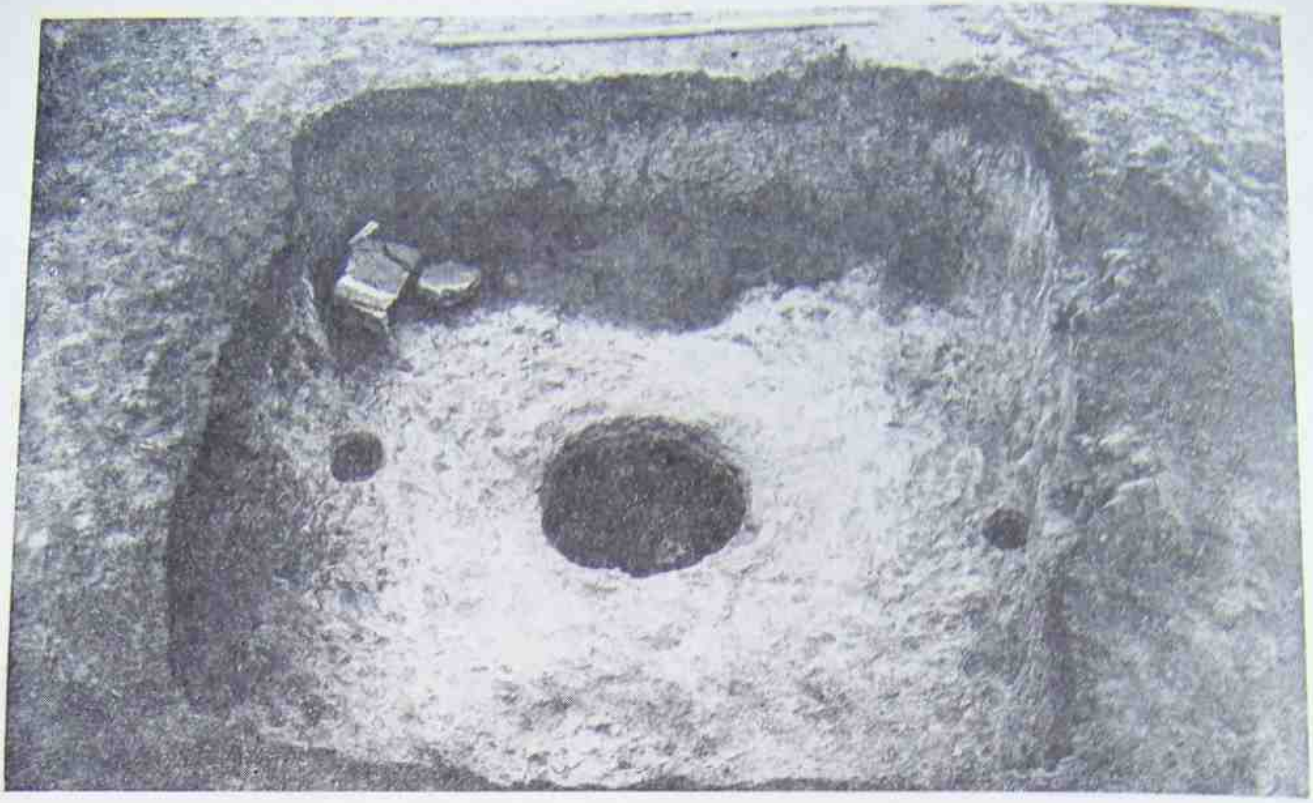


Рис. 43. Полуземляночное сооружение № 4. Общий вид с севера.

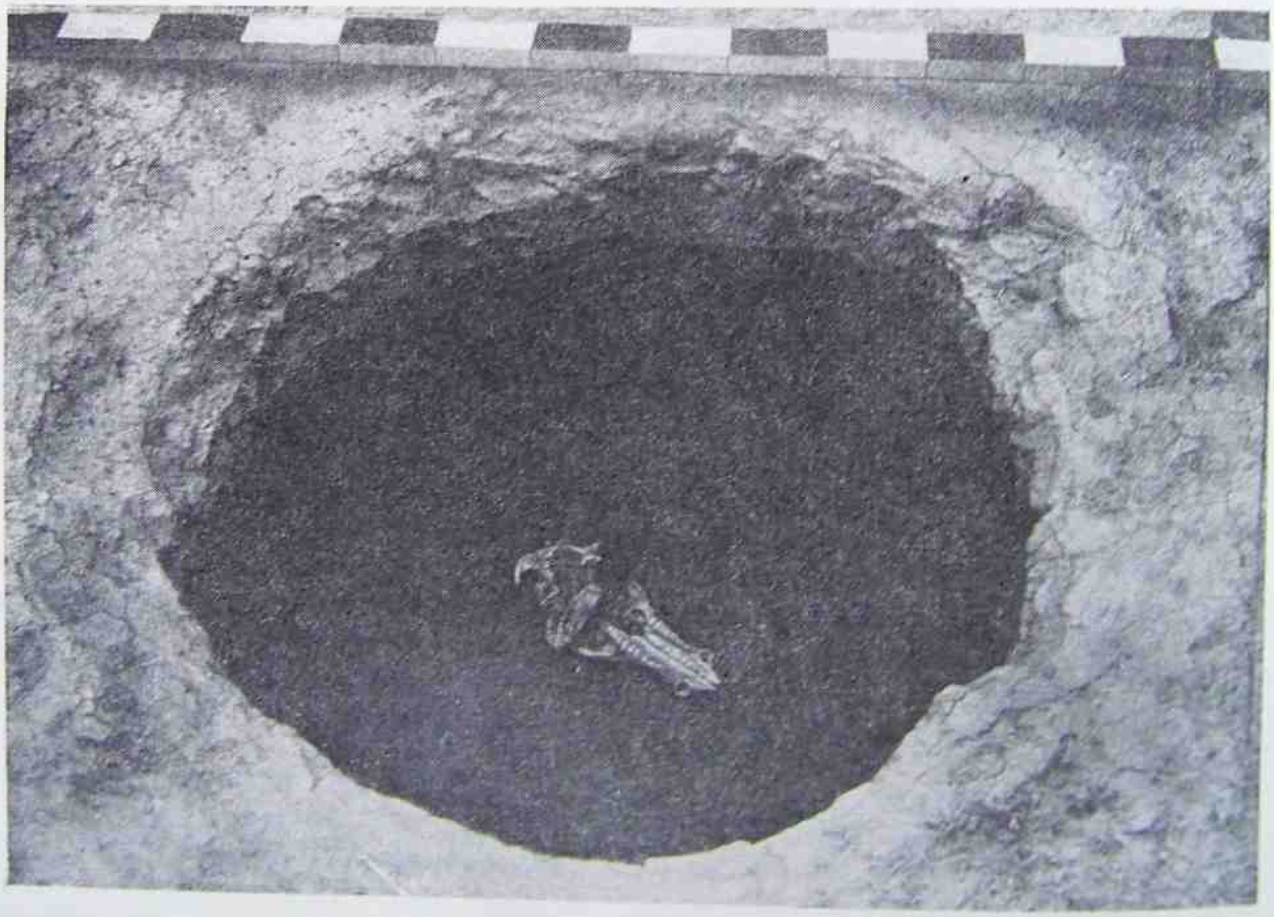


Рис. 44. Полуземляночное сооружение № 4. Очажная яма.

4

Характерной особенностью Карнауховского поселения является наличие на его территории большого числа древних сорных куч. Они представляют собой невысокие, пологие всхолмления, более или менее округлые в плане, диаметром от 10 до 30 м

Рис. 45. Полуземляночное сооружение № 4. Юго-восточный угол (очаг из кирпичей).

при высоте до 0.5—0.6 м. Поверхность их золистая, темно-серого цвета, с включением большого числа различных бытовых отбросов — костей животных, обломков глиняной посуды и некоторых других. Растительный покров на них значительно беднее, чем на прилегающих участках. В целом внешний облик их совершенно такой же, как и у зольников скифского времени лесостепной полосы среднего Поднепровья.

Сорные кучи обнаружены на всей территории поселения, как на городище, так и на селище (рис. 1). Как правило, они размещаются близ развалин наземных и полуземляночных построек, что несомненно является не случайностью. В течение двух сезонов частичным раскопкам были подвергнуты три сорных кучи — две на селище и одна на городище. По своему строению и содержимому они оказались совершенно одинаковыми. Сверху на глубину до 0.15 м залегает золистый гумусированный слой, ниже которого идет слой чистой золы мощностью 0.20—0.25 м, лежащий на тонкой (около 3 см) коричневатой прослойке, отделяющей зольные отложения от сильно уплотненной, сланцеватой поверхности погребенной почвы. Такой характер поверхности погребенной почвы прослеживается только в границах зольника (рис. 48).

В зольных отложениях содержится значительное количество включений в виде кухонных отбросов и дефектных вещей из глины, кости, камня, железа и т. п. В их составе имеются кости животных, обломки глиняной посуды, расколотые жернова, точильные бруски и др., т. е. все то, что обычно составляет так называемый культурный слой поселения. Любопытно отметить, что за пределами сорных куч в непосредственном окружении жилых и хозяйственных построек на древней дневной поверхности бытовые отбросы почти не встречаются; это явно свидетельствует о том, что основная масса их сносилась в сорные кучи. Следы сорных куч были замечены также на ряде других поселений, относимых нами к салтово-маяцкой культуре,— у хут. Ближнего Подгор-

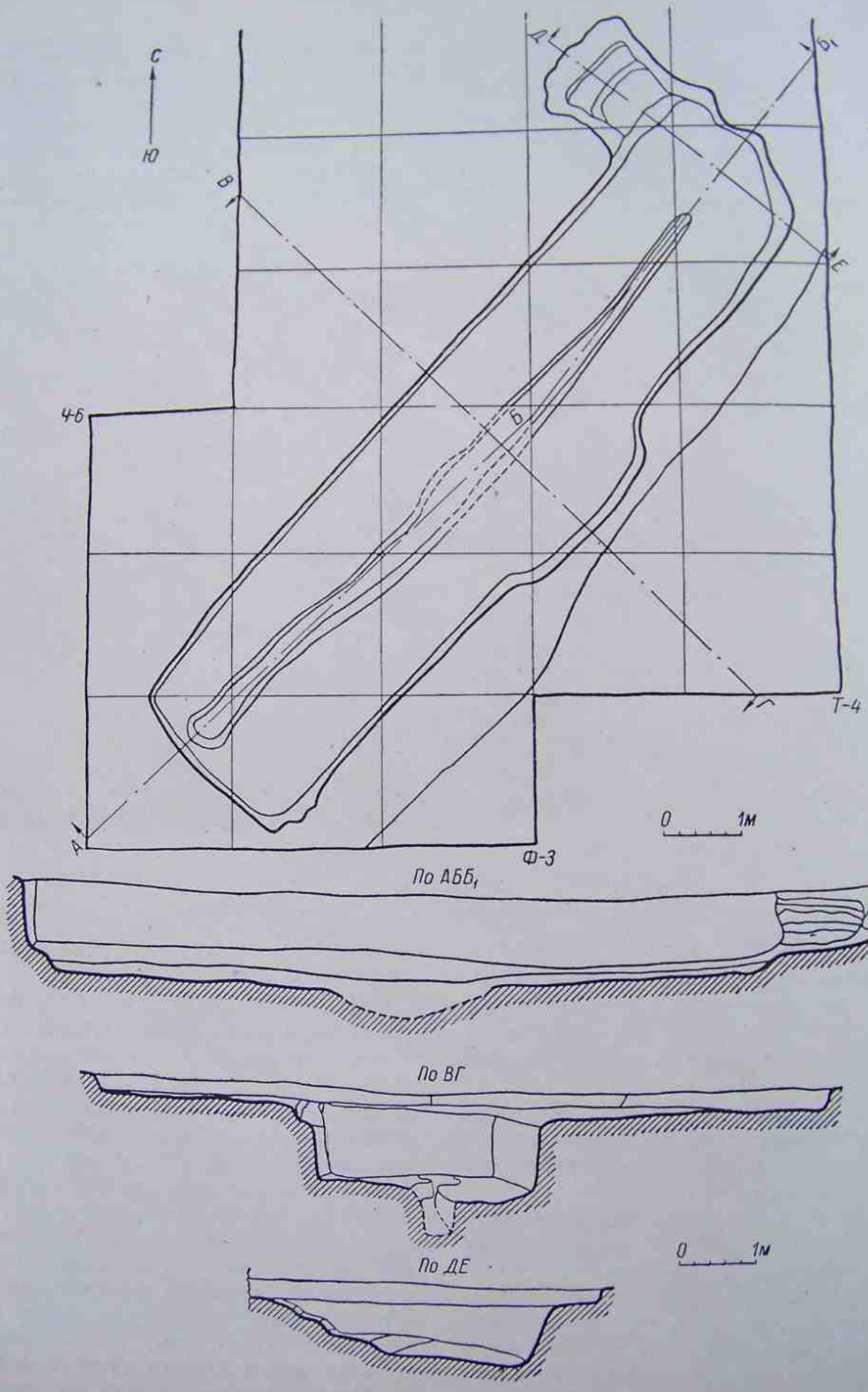


Рис. 46. Полуземляночное сооружение № 5. План и разрезы.

ского, у хут. Крутого и др. В начале прошлого столетия ясно выраженные сорные кучи были отмечены В. Д. Сухоруковым на городище близ балки Рыгиной у ст. Каменской на Северском Донце.[1] Материалы, полученные при раскопках одной из этих куч в начале нашего столетия, дают основание отнести это поселение к группе поселений салтово-маяцкого типа.[2] По-видимому, сорные кучи имели широкое распространение на поселениях салтово-маяцкого времени и лишь в силу плохой изученности мы располагаем отрывочными данными.

При раскопках поселения, помимо хозяйственных ям (погребов), вскрытых в границах наземных и полуземляночных построек на раскопе I (селище), вдоль северо-восточных стен наземных сооружений II—III был обнаружен своеобразный комплекс, состоящий из трех продолговатых в плане ям, отделенных одна от другой узкими перемычками (рис. 49). Все три ямы были заполнены золистыми отложениями с включением значительного количества обломков глиняной посуды и костей животных.

Яма № 1 расположена на линии помещения III, на расстоянии не более 1.5 м от него. Эта длинная (около 9 м) и глубокая (до 1.2 м) яма в плане представляет неширокую (от 0.6 до 1.2 м) канаву, юго-западная сторона которой прямая, а северо-восточная — изогнутая (дугообразная). Дно ямы неровное, ступенчатое. Торцовые стены оплыли, образуя покатость со слабо выраженными признаками ступенчатости.

Яма № 2, расположенная к северо-западу от ямы № 1, является как бы продолжением последней и отделена от нее лишь узкой (около 0.4 м) перемычкой. По размерам она меньше ямы № 1 и имеет более правильную форму. В плане она почти прямоугольная, вытянутая, как и яма № 1, по оси северо-запад—юго-восток. Ширина ее 0.6—0.8 м, длина около 4.6 м, глубина не превышает 1 м. Дно ее неровное: юго-восточная часть глубже, чем северо-западная. Северо-восточная и юго-западная стенки отвесные, юго-восточная и северо-западная — покатые.

Яма № 3 расположена далее к северо-западу от ямы № 1, на северо-восточной линии помещения II. По размерам яма занимает среднее положение между ямами №№ 1 и 2. Длина ее около 7 м, ширина от 0.6 до 1 м, глубина до 1.2 м. В плане она имеет восьмеркообразную форму. Юго-западная и северо-западная стены ее более или менее отвесные, северо-восточная стена имеет подбой, а юго-восточная — покатая, с довольно ясно выраженной ступенчатостью.

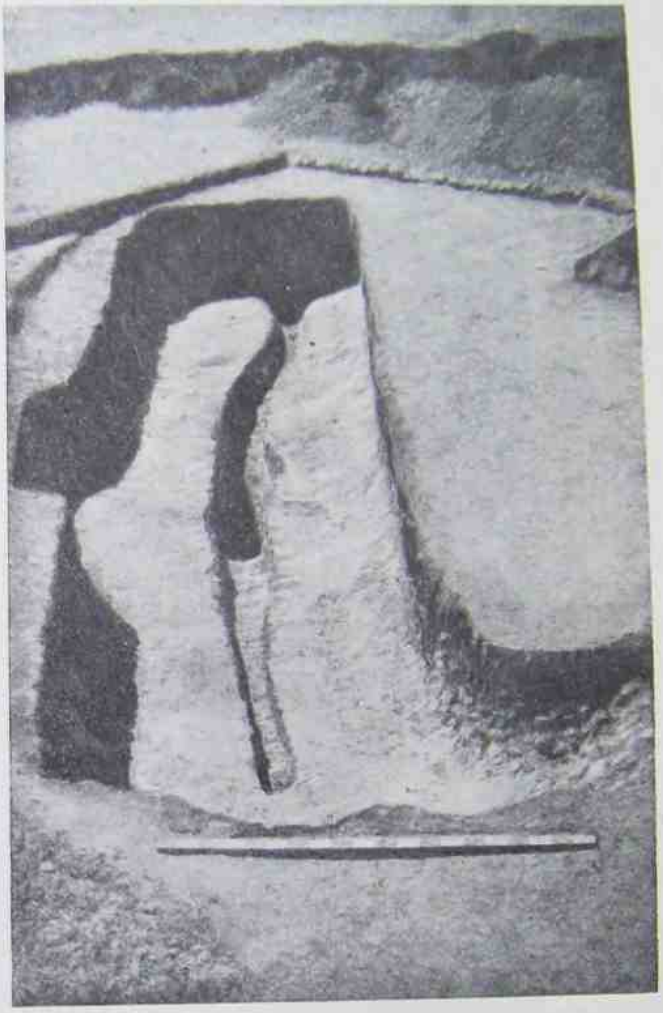


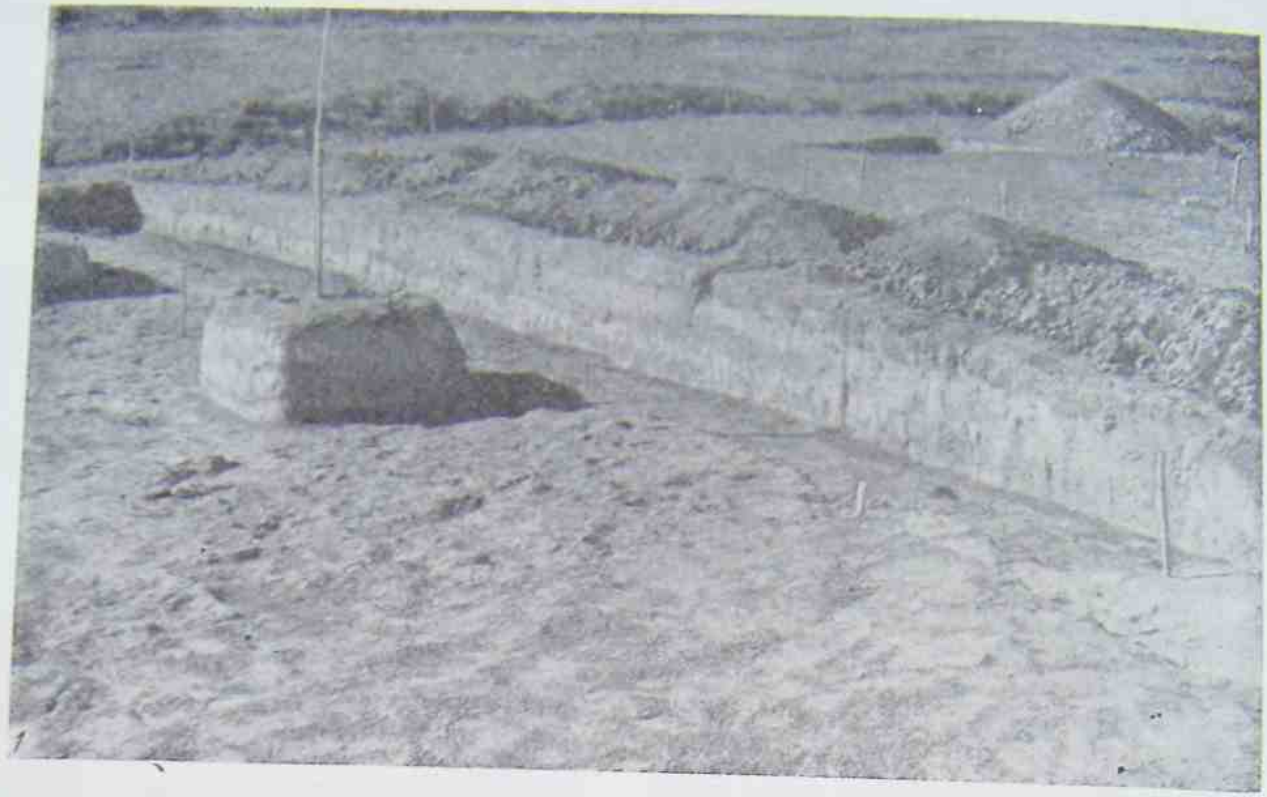
Рис. 47. Полуземляночное сооружение № 5. Общий вид с северо-востока.

Ямы подобного типа на поселениях Юго-Востока неизвестны. Не знаем мы аналогичных им и на поселениях средневековья других районов Восточной Европы.

Как уже отмечалось выше, южная часть поселения была укреплена. Оборонитель-

[1] [В. Д. Сухоруков]. Историческое описание Земли Войска Донского. Изд. 2-е, Новочеркасск, 1903, стр. VI—VII.

[2] Отчет Ив. Тимощенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной. Тр. XII АС, т. II, М., 1905, стр. 569—576; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 51.



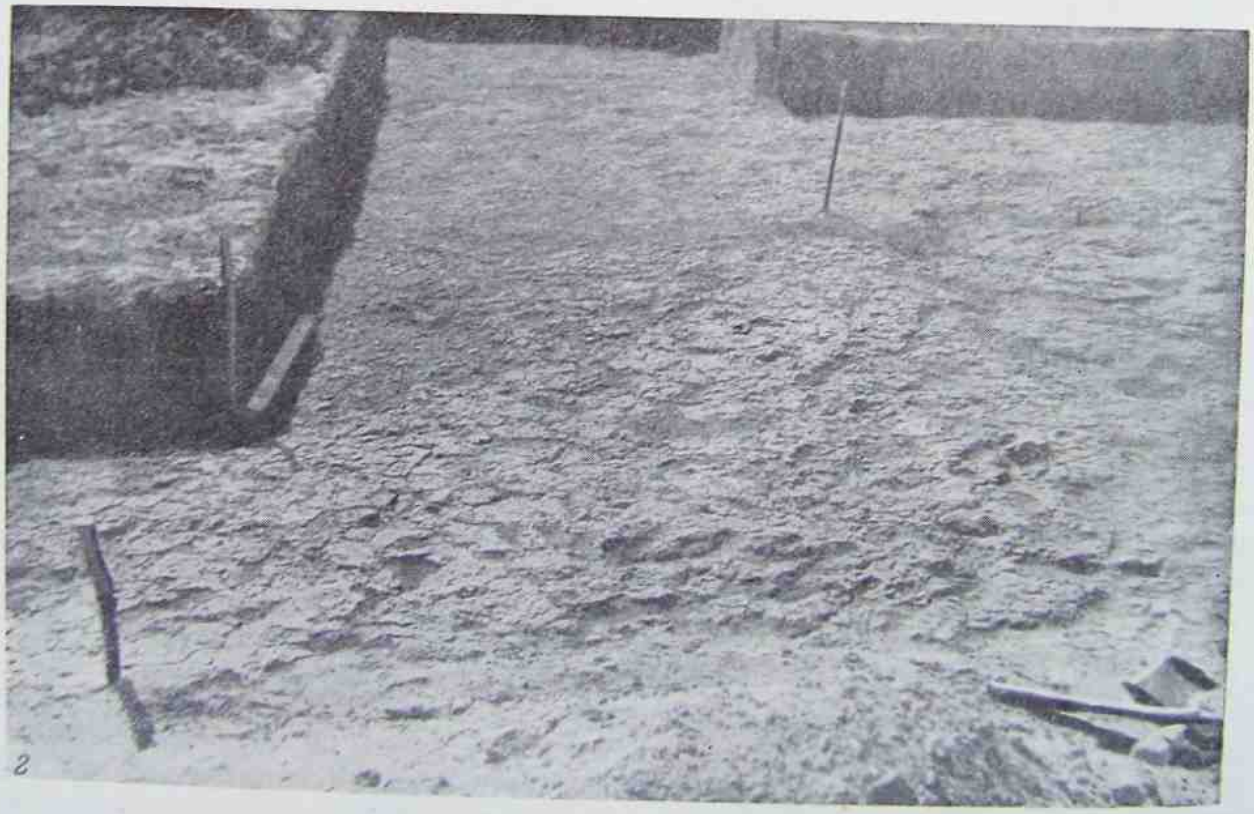


Рис. 48. Сорная куча (зольник). Раскоп I.

1 — общий вид разреза с северо-востока; *2* — структура поверхности погребенной почвы под сорной кучей.

ные сооружения состояли из вала и рва, идущих параллельно друг другу (рис. 50). Протяженность их была около 1 км. Сохранились они очень плохо. Вал был размыт, ров заплыл. В дополнение ко всему северный отрезок оборонительной линии был сильно перекопан при использовании ее в качестве ограды вокруг усадеб. В местах суглинок желтоватого оттенка с вкраплениями известковых натеков, стратиграфически залегающий ниже почвенного слоя. Вал был насыпан непосредственно на дневную поверхность. Ширина основания около 6—7 м, высота сохранившейся части около 0.6—0.8 м. Следов деревянных или иных конструкций ни по гребню вала, ни в валу

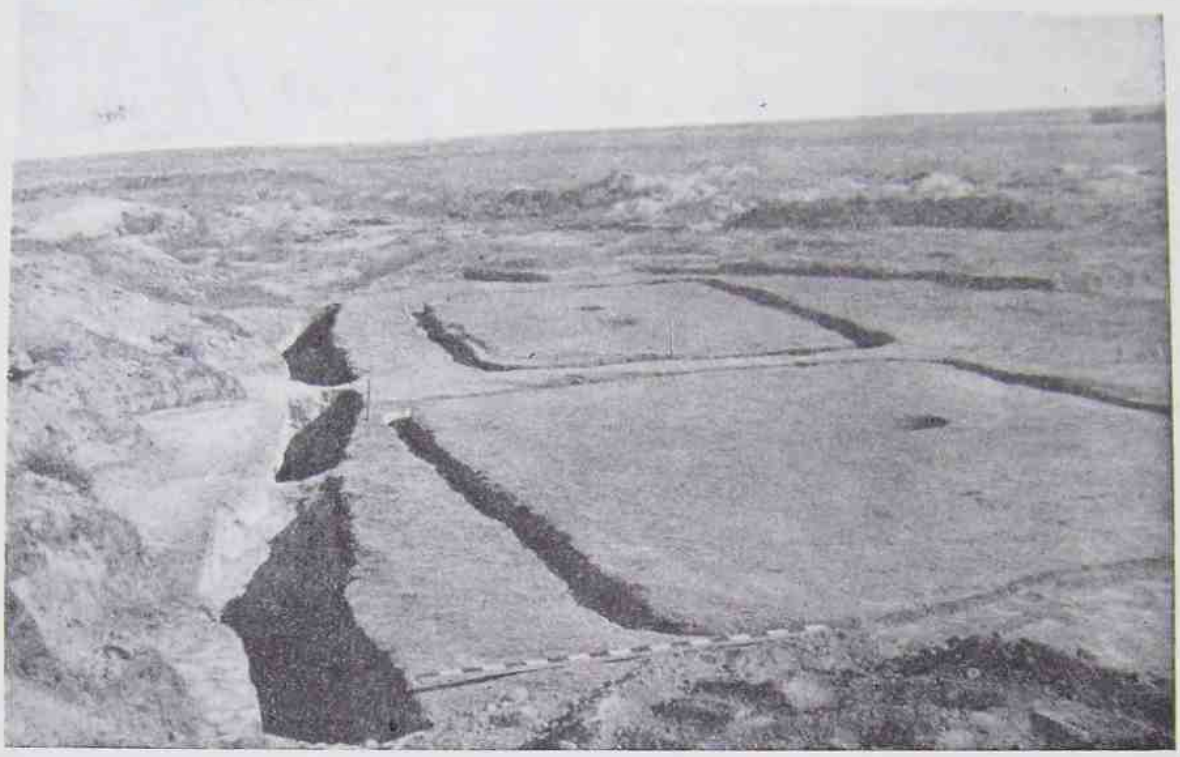


Рис. 49. Раскоп I (селище). Ямы вдоль северо-восточных стен наземных построек II и III.

наилучшей сохранности высота вала не превышала 0.5 м при такой же глубине рва. Общая ширина оборонительной линии около 16 м. Поверхность вала задернована, так же как и примыкающая к нему площадка городища. Только гребень его несколько выделяется желтовато-коричневатой глинистой поверхностью. Растительный покров рва более ярок, он состоял из бурьяна и сочных, зеленых трав.

Оборонительные сооружения были перерезаны траншеей шириной 2 м. Раскопки выявили следующую картину (рис. 50). Остатки вала представляют собой насыпь почвенно-материкового слоя, вынутого из рва. Нижний слой насыпи состоит из почвы, снятой с поверхности площадки, где был заложен ров. Выше почвенного слоя лежит

не обнаружено. В северной стенке разреза с внешней стороны вала по бровке (шириной около 2 м) между рвом и валом прослежен плотный золисто-глинистый слой. В обрезе южной стенки этого слоя нет.

Ров вырыт в почвенно-материковом слое. Ширина его около 2.6 м, глубина около 2.4 м (от дневной поверхности). Основную (верхнюю) часть заполнения на глубину до 2 м составляет гумусированный слой темного оттенка, весьма плотной структуры, без каких-либо признаков культурных отложений. В центре разреза слой более темный, к краям светлее, приобретая постепенно материковую окраску. Под гумусированным слоем лежит черная жирная глина, мощность ее отложений около 0.2 м. Ниже этой глины залегает плотная гумусирован-

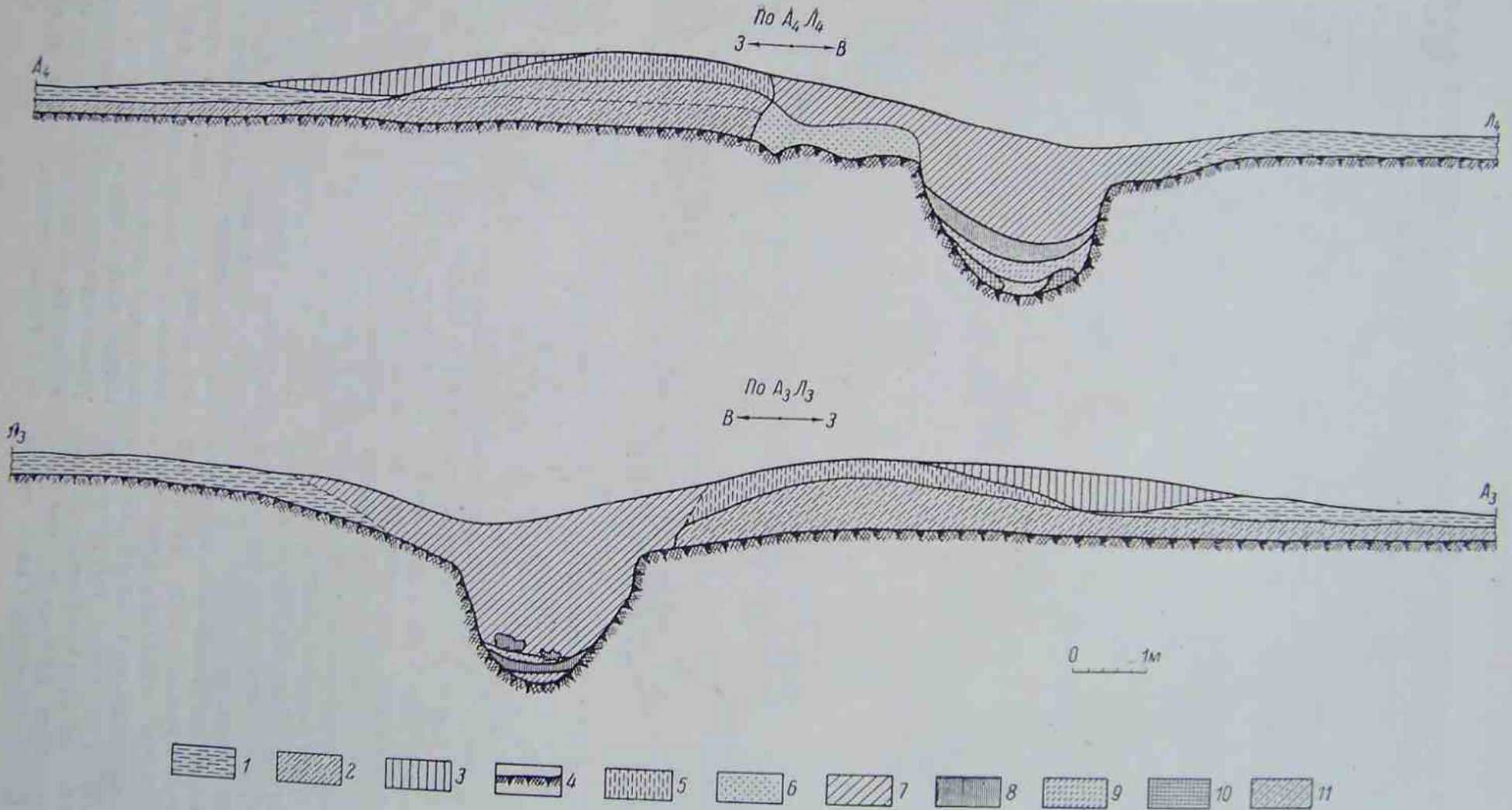


Рис. 50. Вал и ров городища (разрез).

1 — современный почвенный покров; *2* — погребенная почва; *3* — переотложенный слой; *4* — материк (суглинок); *5* — суглинок (выброс из рва); *6* — золисто-глинистый слой; *7* — гумусированный слой (заполнение рва); *8* — черная жирная глина; *9* — гумусированная глина; *10* — линзы материковой породы; *11* — глинистый слой зеленоватого оттенка.

ная глина темного или зеленоватого оттенка. В нижней части рва культурные отложения также не обнаружены.

Оборонительные сооружения аналогичного типа не имеют широкого распространения среди средневековых памятников Юго-Востока, однако некоторые параллели указать все же можно. В первую очередь следует назвать неоднократно отмечавшееся в литературе городище у хут. Среднего, находящееся в 3—4 км от Карнауховского поселения, вниз по течению по р. Котлубанке. Оборонительные сооружения этого городища по внешнему виду ничем не отличаются от карнауховских. Они состоят из невысокого земляного вала и примыкающего к нему с внешней стороны неглубокого рва. Длина оборонительной линии около 1 км, т. е. совершенно одинаковая с карнауховской. Как и на Карнауховском поселении, оборонительная линия городища у хут. Среднего ограждает поселение с напольной стороны, имея такую же дугообразную форму.

Таким образом, налицо полное соответствие внешнего облика оборонительных сооружений городищ у хуторов Среднего и Карнаухова. Однако, поскольку вал и ров городища у хут. Среднего, равно как и все поселение, никогда не подвергались раскопкам, мы не можем с той же уверенностью говорить о конструктивном сходстве этих оборонительных сооружений. В то же время у нас нет никаких данных и для сомнения, тем более что это памятники одной эпохи, одной культуры, расположенные всего лишь в нескольких километрах один от другого.

Близка к оборонительным сооружениям Карнауховского поселения часть оборонительных сооружений поселения у балки Рыгиной, близ ст. Каменской на Северском Донце, состоящая из земляного вала и прилегающего к нему с внешней стороны параллельного рва. К сожалению, описание этих сооружений не дает ясного представления о них,[1] а в натуре они уже не существуют.

5

Одновременно с остатками жилых и хозяйственных сооружений на Карнауховском поселении обнаружен, правда немногочисленный, инвентарь: керамика, изделия из камня (жернова, точильные камни, пряслица), единичные поделки из железа, бронзы и т. п., а также кухонные отбросы в виде костей животных. Как уже отмечалось выше, культурные остатки, найденные на поселении, залегают в культурных отложениях не на всей территории, а лишь в определенных точках, преимущественно в сорных кучах. Особенно мало остатков непосредственно вокруг построек. Самой многочисленной и наиболее интересной группой остатков, определяющей культурно-хронологический облик поселения, является керамика. Подавляющая масса сосудов дошла до нас в обломках среди бытовых отбросов в сорных кучах и лишь единичные экземпляры сохранились полностью, правда, тоже в раздавленном виде. Все же многие типы, наиболее распространенные в быту, удалось восстановить. В их числе мы имеем кухонные сосуды, сосуды для хранения продуктов и некоторые другие (рис. 51).

Группа кухонной керамики представлена горшками и сосудами с внутренними ушками (рис. 52, *1*, *2*, *3—6*). Горшкообразные сосуды — наиболее широко распространенный тип сосудов. Форма их довольно устойчивая. Горшки имеют отогнутый, закругленный сверху венчик, невысокую шейку и хорошо выраженные плечи, переходящие в тулово, ко дну постепенно суживающееся. Диаметр горловины этих сосудов, как правило, больше диаметра дна; высота сосуда больше диаметра горловины. Поверхность сосуда всегда орнаментирована. Характер орнаментации довольно единообразен. Большинство сосудов покрыто линейным орнаментом сплошь по всему корпусу. Часто этот вид орнаментации сочетается с многорядным волнистым поясом по плечикам. Иногда волнистый орнамент по плечикам заменяется поясом из гирляндообразных концентрических дуг, обращенных концами вверх. Венчик орнаментируется реже и преимущественно с внутренней стороны — врезной линией, волной, оттисками гребенки; орнаментация по краю его довольно редка. В последнем случае наиболее распространенным видом орнамента является зубчатый чекан. Кухонные горшки изготовлялись из глины с примесью крупнозернистой дресвы или песка. Цвет сосудов преимущественно серый. Вместимость довольно разнообразна — от 0.5 до 6—7 л и даже больше.

[1] Отчет Ив. Тимощенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной, стр. 569—576.

Весьма своеобразным типом кухонной посуды являются сосуды с внутренними ушками (рис. 52, *3—6*). Как и у горшков, форма их довольно устойчива. Они имеют резко отогнутый венчик и очень слабо выраженную шейку, переходящую непосредственно в корпус сосуда. Плечи, как правило, едва намечены. Внутри сосуда на линии изгиба шейка имеет два выступа, расположенных один против другого. В каждом выступе по два вертикальных отверстия от 1 до 2 см в диаметре. Вместимость сосудов этого типа довольно значительна, не менее 5—6 л. Сосуды имеют большой диаметр верхней части, но они невысоки, напоминая в этом отношении полевые котлы (казаны). Однако в отличие от последних днища их были, по-видимому, не выпуклыми, а плоскими. В техническом отношении сосуды с внутренними ушками ничем не отличаются от горшков. Они изготовлялись из глины со значительной примесью крупнозернистой дресвы. Цвет их в подавляющей массе серый. Стенки сосудов покрывались сплошным линейным орнаментом, изредка сочетающимся с поясами волнистых линий, нанесенными по верхней части корпуса (под шейкой). Орнаментировался также и венчик. С внутренней стороны он покрывался волнистым или линейным орнаментом, а краю его придавался веревкообразный (ложновитой) характер. Как и у горшков, внешняя поверхность стенок часто покрыта копотью.

Рис. 51. Керамика Карнауховского поселения (восстановленные сосуды).

Сосуды с внутренними ушками встречены на многих поселениях, относимых к салтово-маяцкой культуре, но не на всех. Последнее, однако, не является еще основанием для утверждения, что их там действительно нет, поскольку большинство поселений этого типа пока еще не подвергалось раскопкам.

Есть еще один тип сосудов, который также следует отнести, по-видимому, к группе кухонной посуды. Это сковородки или неглубокие, округлые в плане миски. Они имеют плоское дно, невысокие, прямые, слегка отогнутые наружу стенки. Высота стенок 3—5 см, верхний диаметр 25—30 см, диаметр дна 20 — 25 см. В технологическом отношении они ничем не отличаются от предыдущих двух типов сосудов. Изготовлялись они из глины с примесью крупнозернистого песка. Цвет их серый. С внешней стороны поверхность покрывалась линейным орнаментом. Среди керамических остатков сковородки занимают сравнительно небольшое место. Как и сосуды с внутренними ушками, они найдены на многих поселениях салтово-маяцкой культуры, но не на всех.

Посуда хозяйственного назначения (для хранения продуктов) как по формам, так и по технике изготовления значительно разнообразнее. В ее составе отчетливо выступают две большие группы сосудов, включающие в себя различные типы. Это группа широкогорлых (пифосообразных) и группа узкогорлых (кувшинообразных) сосудов. Наиболее распространенным типом пифосообразной посуды являются сосуды горшкообразной формы, изготовляемые из глины с примесью крупнозернистой дресвы. Венчик их в большинстве случаев имеет веревкообразный характер с хорошо выраженными ложными витками. Шейка выражена очень слабо, так что венчик сидит, по сути дела, непосредственно на плечиках. Вся внешняя по-

верхность корпуса сосуда покрывалась сплошным горизонтальным линейным орнаментом. Иногда по плечикам выше линейной орнаментации наносился пояс из ряда волнистых линий. Реже эти сосуды покрывались не горизонтальным, а вертикальным или наклонным линейным орнаментом, идущим от венчика ко дну. Размеры сосудов довольно крупные. Средняя высота их около 50 см, диаметр горла около 30 см, наибольший

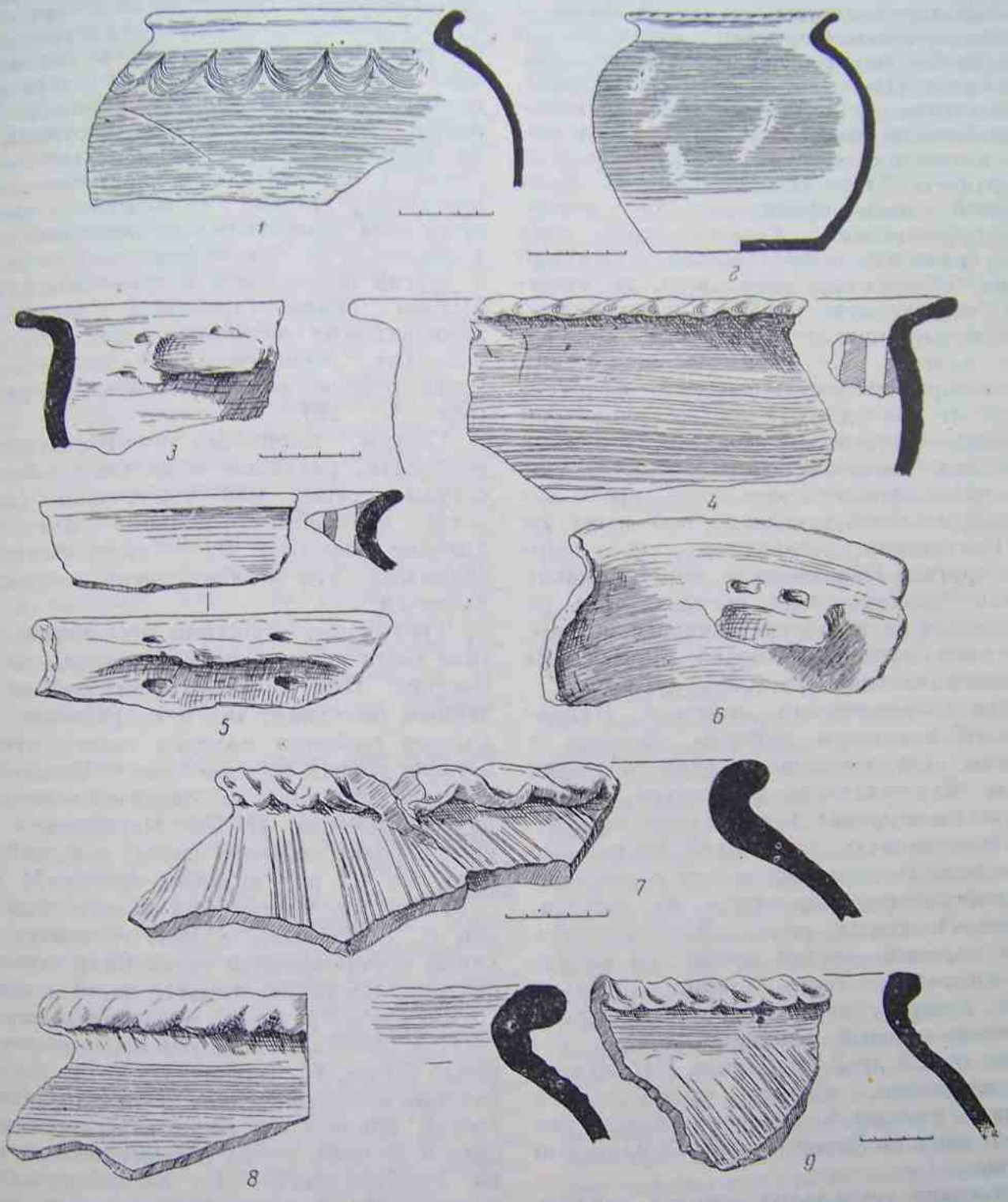


Рис. 52. Керамика Карнауховского поселения.

1, 2 — кухонные горшки; *3—6* — сосуды с внутренними ушками; *7—9* — шарообразные сосуды.

диаметр корпуса около 40 см (рис. 52, *3* и 12).

Вторым типом пифосообразных сосудов являются сосуды, по своей форме и технологическим качествам отличные от горшкообразных сосудов, охарактеризованных выше. Они изготовлялись из хорошей, чистой глины с незначительной примесью очень мелкой дресвы или песка, вследствие чего имеют шероховатую, наждакообразную поверхность. Тесто их очень плотное, обжиг хороший; цвет преимущественно серый, реже буро-красный. Сосуды этого типа имеют плоский, горизонтально отогнутый венчик, образующий невысокую, но отчетливо выраженную шейку, переходящую почти в горизонтальные плечики. Дно сосудов плоское. По своим размерам они близки горшкообразным сосудам, но отличаются от последних меньшим диаметром горловины. Остатки сосудов этого типа на поселениях салтово-маяцкой культуры встречаются сравнительно редко; среди обследованных нами поселений они известны на Волчанском городище и некоторых других. Обращает на себя внимание большая близость этих сосудов, как по форме, так и по технологическим свойствам, с сосудами культуры «полей погребений» черняховского типа (рис. 36).

Среди керамических остатков Карнауховского поселения найдены обломки и собственно средневековых красноглиняных пифосов. К сожалению, фрагменты эти незначительны и у нас нет никакой возможности восстановить даже приблизительные их размеры. В технологическом отношении они существенно отличаются от сосудов, охарактеризованных выше. Изготовлялись они из хорошей, чистой глины без каких-либо примесей. Тесто стенок довольно плотное, поверхность гладкая (маслянистая), цвет темно-красный. Толщина стенок колеблется от 1.5 до 2 см. Кроме Карнауховского поселения, обломки средневековых пифосов из поселений салтово-маяцкого типа известны лишь на Левобережном Цимлянском городище.

Из состава узкогорлых сосудов удалось восстановить лишь два типа: трехручные кувшины и яйцевидные амфоры. Трехручные кувшины являются наиболее крупными из всех сосудов, найденных при исследовании поселения. Высота их 70 см, диаметр дна около 25 см, диаметр горловины 12—15 см, наибольший диаметр корпуса 45—50 см. Тулово имеет горшкообразную форму, переходящую постепенно в узкое, кверху слегка расширяющееся горло высотой около 10—15 см. Горло имеет слив. Две ручки укреплены на тулове, в самой широкой его части, одна против другой, третья — у горловины против слива. Как и вся керамика поселения, трехручные сосуды изготовлялись на гончарном круге из довольно чистой глины с незначительной примесью мелкозернистой дресвы. Поверхность сосудов этого типа обрабатывалась двумя способами: в одном случае она подвергалась лощению, в другом оставлялась в естественном виде. Тулово орнаментировалось несколькими многорядными волнистыми или линейными поясками, расположенными на более или менее ровном расстоянии один от другого (рис. 13, 26).

Сосуды, различные по обработке поверхности, различны и по цвету. Лощеные сосуды — серые или темно-серые (до черного), нелощеные — красные или буро-красные (светлые). Это обстоятельство подсказывает, что и обжиг этих сосудов был различен.

Трехручные кувшины описанного нами типа были широко распространены на Юго-Востоке. Они известны нам как по случайным находкам, так и из раскопок. Всем хорошо известна находка такого кувшина в числе других сосудов близ с. Мачехи Полтавской губернии и одноименного уезда, опубликованная Н. Е. Макаренко.[1] Кувшин серовато-темного цвета, лощеный. Высота его 53 см, диаметр тулова 34 см.

Такой же трехручный кувшин был найден В. А. Бабенко в 1906 г. при исследовании неукрепленной части Салтовского поселения. Сосуд был темного цвета, лощеный. Он имел те же размеры, что и описанные нами сосуды. Высота его около 70 см, диаметр тулова около 50 см. По сообщению В. А. Бабенко, местные жители передавали ему, что «такие же сосуды извлекаемы были в различных местах и раньше, но за непригодностью тогда же уничтожались».[2] Из неопубликованных материалов нам известен такой сосуд

---

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 116—118.

[2] В. А. Бабенко. Дополнение к докладу «Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове». Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 396.

в Краснодарском музее, найденный в пределах Кубанской области. Имеются такие же сосуды и среди керамических материалов Левобережного Цимлянского городища. Эти данные позволяют думать, что трехручные кувшины являются одной из распространенных керамических форм салтово-маяцкой культуры.

Яйцевидные амфоры резко выделяются из всего состава керамических остатков как яркостью своего красного или оранжево-красного цвета, так и характером теста. Они изготовлялись из хорошей, чистой глины, в большинстве случаев без каких-либо заметных примесей. Тесто их плотное, хорошо обожженное. Изредка поверхность покрывалась слабым раствором краски светлых тонов. Форма амфор яйцевидная, но соотношение между высотой и шириной не всегда выдержано. Восстановленная нами амфора, найденная при исследовании Карнауховского поселения, имеет высоту около 50 см, наибольший диаметр корпуса 35—38 см. Высота горла этой амфоры около 8 см, ширина — 5—7 см. Венчик выражен отчетливо. Ручки довольно массивные, овальные в сечении. Они прикреплены непосредственно под венчиком и почти под прямым углом опускаются на плечики. Поверхность амфоры слегка желобчатая, покрытая слабым раствором краски палевого цвета.

Яйцевидные амфоры имеют широкое распространение в поселениях салтово-маяцкой культуры. Следует, однако, заметить, что не во всех известных нам поселениях они занимают одинаковое место, о чем можно судить по ряду фактов. Так, несмотря на довольно тщательное внешнее обследование и раскопки, на Суворовском поселении было найдено всего 1—2 обломка яйцевидных амфор, тогда как на поселении Ближнем Подгорском, где никаких раскопок не производилось, а был сделан лишь внешний осмотр, обломки яйцевидных амфор были встречены на всей площади поселения и в значительном количестве. Слабая изученность салтово-маяцких поселений не позволяет пока объяснить отмеченные нами факты, но проходить мимо них нельзя.

Среди керамических остатков, собранных на поселении, есть обломки, принадлежащие каким-то другим формам больших кувшинообразных сосудов, но, к сожалению, реконструировать их пока нет возможности.

Наиболее плохо дошла до нас в составе керамических остатков Карнауховского поселения группа столовой посуды. Найденные на поселении остатки не позволили нам восстановить ни одного сосуда этой группы. В то же время следует отметить, что среди остатков имеется значительная группа обломков небольших мискообразных и блюдообразных сосудов, а также кувшинов, принадлежность которых к столовой посуде не вызывает никаких сомнений. Подавляющая часть сосудов этой группы изготовлялась из хорошей, чистой глины без каких-либо заметных примесей. Цвет их преимущественно темный (от серого до черного). Поверхность, как правило, лощеная.

Произведенное нами описание трех групп глиняной посуды далеко не исчерпывает всего богатства и многообразия этой категории изделий, бытовавших среди населения Карнауховского поселка. Не говоря о том, что значительное число форм нам вовсе не удалось восстановить, в составе остатков есть обломки хорошо известных нам сосудов, но они не могут быть причислены ни к одной из трех рассмотренных нами групп. Из числа таких мы считаем необходимым отметить так называемые фляги, или баклажки, круглой формы с невысоким узким горлом и двумя ручками. По качеству теста и выделке фляги очень похожи на яйцевидные амфоры. Их роднит с последними также форма горловины и ручек. В силу этого небольшие обломки фляг, если они не принадлежат какой-либо характерной части, например наружной части тулова, трудно определить. Очевидно, по этой причине среди керамических остатков, относящихся к памятникам салтово-маяцкой культуры, почти никогда не отмечается присутствие обломков фляг. Фляги фиксируются лишь тогда, когда находятся или в целом виде, или в виде крупных фрагментов, передающих форму сосуда. Нам известно лишь несколько фляг. Одна из них найдена в погребальном комплексе Подгоровского катакомбного могильника (раскопки С. Н. Замятнина); две фляги, случайно найденные, хранятся в Новочеркасском музее. Несколько обломков таких фляг было найдено при раскопках Левобережного Цимлянского городища.

Наряду с изделиями из глины, значительное место в составе культурных остатков занимают изделия из камня. Наиболее многочисленны из них ручные жернова. Как и керамика, и подавляющей своей массе они дошли до нас в разбитом виде. Обломки их найдены и при раскопках, и при внешнем обследовании поселения.

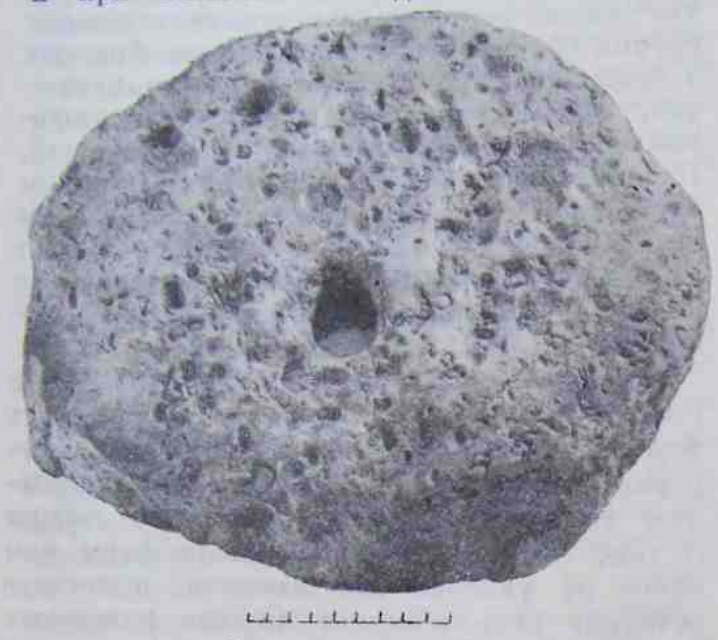


Рис. 53. Жернов.

Существенно отметить, что нет почти ни одного зольника, ни одной точки с выходами глиняной обмазки, где бы на поверхности не были найдены обломки жерновов. В большей части это отдельные куски, не связанные между собой; лишь в двух случаях, при раскопках наземных сооружений I и V, были найдены два фрагментированных, почти полностью восстановленных жернова. Судя по расположению обломков, они были разбиты недавно, по-видимому при распашке поля. Кроме того, один совершенно целый жернов был найден на территории городища среди камней фундамента одной из современных построек (рис. 53). Бóльшая часть жерновов изготовлялась из ракушечника, реже из песчаника. Жернова имели округлую, не совсем правильную форму; диаметр их около 0.60 м. Внутренние, рабочие поверхности у всех жерновов плоские, внешние имели различную форму — у одних они плоские, у других полусферические. Жернова с полусферическими поверхностями были более массивны, чем плоские. Первые являлись, по-видимому, верхними, вторые — нижними. Это положение находит подтверждение в наличии на внешней стороне полусферических жерновов углублений, в которые вставлялась деревянная ручка для вращения жернова. Отверстия в центре жерновов имели округлую форму. Диаметр их, судя по сохранившемуся экземпляру, около 3.5—4 см.

Ручные жернова в поселениях салтово-маяцкой культуры распространены довольно широко. Их находят не только при раскопках (Левобережное Цимлянское городище, Суворовское поселение, Салтово), но и среди подъемного материала. Так, три жернова (два целых и один обломок) были найдены на поселении близ хут. Подгоровки. Обломки жерновов были найдены нами на поселении у хут. Сидорова Славянского района Сталинской области и на поселении у дер. Доброй Шебекинского района Курской области.

Из числа каменных изделий следует отметить также точильные камни (бруски), камни для растирания (пестики) и пряслица (рис. 54). Точильные камни были находимы как при внешнем осмотре поселения, так и при раскопках. По форме, материалу и размерам они довольно разнообразны. Чаще всего это четырехгранные или округлые в сечении сланцевые бруски, но есть и из песчаника. Последние всегда более массивные, они использовались, по-видимому, для грубой обработки. Отдельные бруски имеют отверстия для подвешивания. Такой брусок найден на полу наземного помещения III. Сильная сточенность брусков говорит о том, что они были в длительном употреблении у населения поселка. Менее распространенными среди находок являются камни для растирания. Из числа их следует отметить небольшой пестик, найденный в заполнении «жаровой» ямы наземного сооружения I. Форма пестика коническая, усеченная; концы его слегка округлены, рабочая часть хорошо заглажена.

Пряслица из камня немногочисленны. Форма их довольно устойчивая: они плоские, округлые. Диаметр их около 4—4.5 см, диаметр отверстий около 1 см, толщина около 1 см. Бóльшая часть пряслиц изготовлялась не из камня, а из обломков стенок глиняной посуды. Форма пряслиц этого типа была в большей части совершенно такая же, как и каменных. Лишь единичные экземпляры отличаются небольшим диа-

метром (2—2.5 см), оставаясь, однако, все же плоскими. Такой тип пряслиц является весьма характерным для поселений салтово-маяцкой культуры. Они известны на Левобережном Цимлянском городище, на Правобережном Цимлянском городище, на поселениях у хут. Сидорова, у дер. Доброй

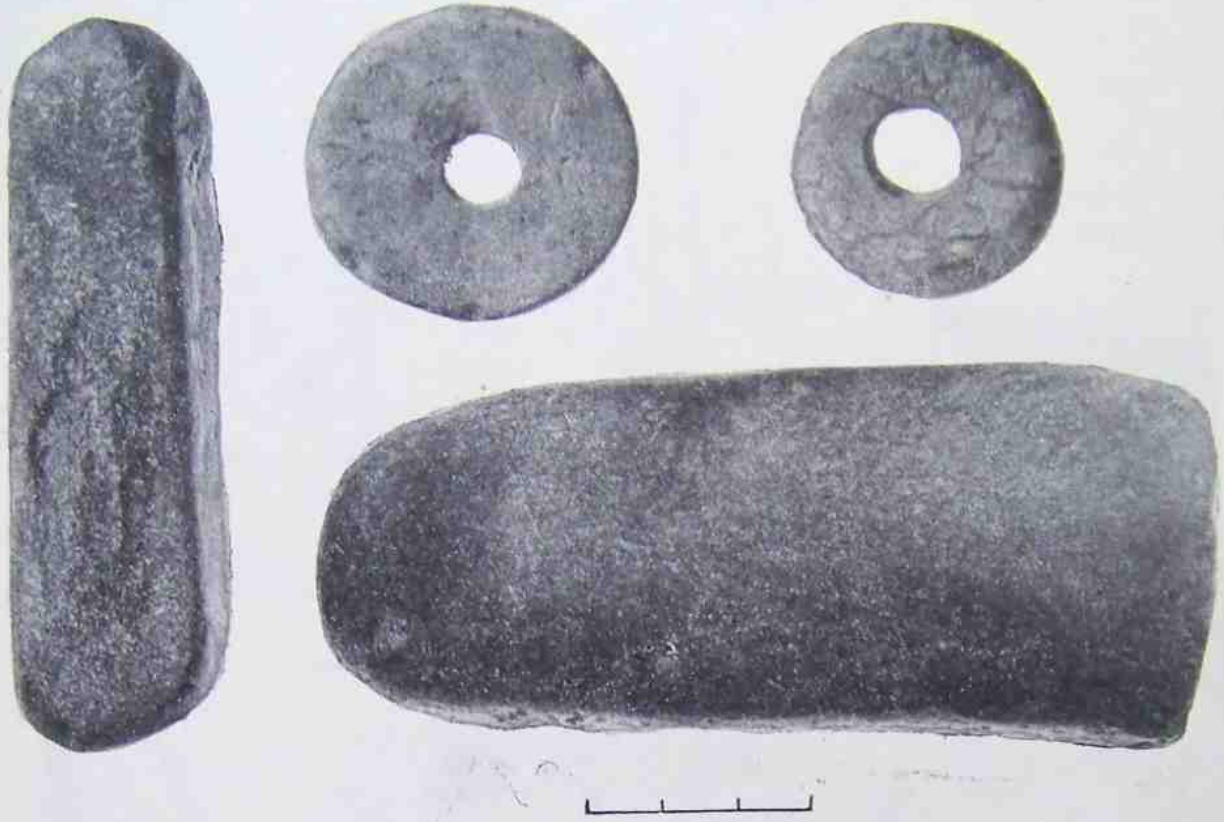


Рис. 54. Изделия из камня.

и на ряде других. Форма их существенно отличается от биконических, округлых и других форм пряслиц синхроничных славянских поселений. Правда, в последних плоские пряслица, изготовленные из обломков стенок глиняной посуды, встречаются тоже, но они довольно редки и совершенно нехарактерны.

Ничтожное место среди культурных остатков занимают изделия из металла — железа и бронзы (рис. 55). За два года работы на поселении найдены два небольших поломанных железных ножа, два обломка серпа, обломок стремени и несколько обломков других, неопределенных железных поделок. Из бронзовых изделий найдены перстень и бляшка. Вещи эти хотя и недостаточно ярки, но весьма характерны и являются существенным дополнением к керамическим и другим материалам для суждения о культуре поселения в целом. Ножи черенковые, с прямой спинкой. Переход от лезвия к черенку выражен довольно отчетливо в виде уступов как со стороны обуха, так и режущей части. Аналогичные ножи были находимы при исследовании поселений и могильников салтово-маяцкой культуры (Салтово, Правобережное и Левобережное Цимлянские городища) и на Северном Кавказе (Дуба-Юрт).

От серпа сохранилось всего лишь два небольших обломка — конец лезвия и черенок, но и то, что дошло до нас, служит достаточным основанием для заключения о том, что по своей форме он очень близок к современным нам серпам. Аналогии ему можно указать среди серпов Левобережного Цимлянского городища.

Дошедший до нас обломок стремени, представляющий собой часть подножия, относится к широко распространенной группе стремян, имеющих на оборотной (нижней) стороне подножий продольные ребра: одно (посредине) или три (два по краям и одно посредине). Дужки этих стремян, как правило, округлые в сечении; петли для ремня путлища неширокие, четырехугольные или близкие к ним. Такие стремена известны в Салтовском катакомбном могильнике,

в Правобережном и Левобережном Цимлянских городищах, а также в ряде других памятников салтово-маяцкого типа.

Бронзовый перстень принадлежит к группе перстней, известных в литературе под названием салтовских. В средней его части имеется гнездо с вставленным полусферическим полупрозрачным стеклом, закрепленным четырьмя лапками, расположенными симметрично попарно. Перстни этого типа на Юго-Востоке имеют широкое распространение; они встречаются как в могилах, так и в поселениях салтово-маяцкой культуры, а также и в катакомбных могилах Северного Кавказа.

Последняя металлическая вещь, которую следует отметить, это кольцевидная, слегка выпуклая бронзовая бляшка, обо-

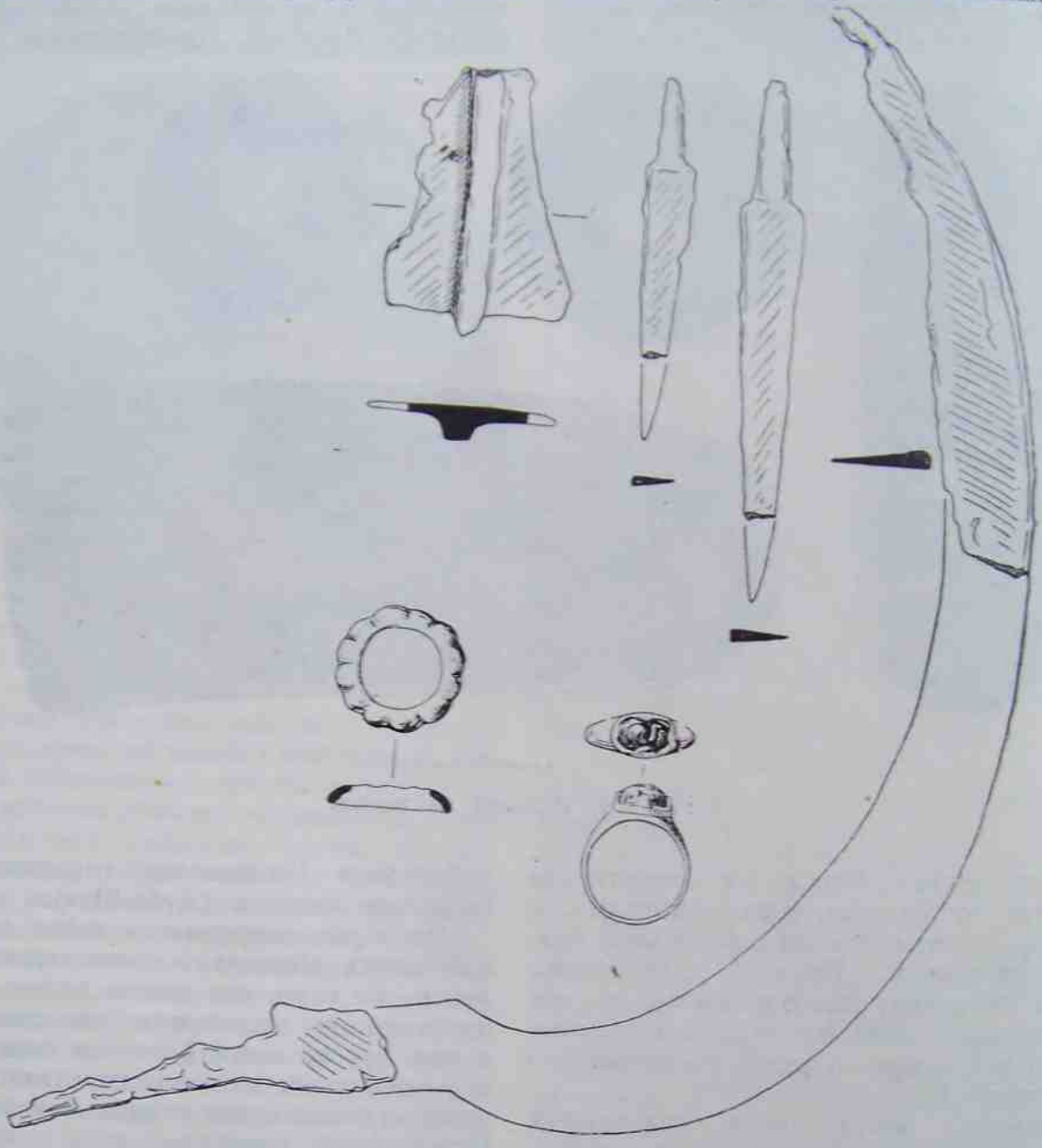


Рис. 55. Изделия из металла. $^2/_3$ нат. вел.

док которой представляет как бы сочленение кружков. К сожалению, аналогий ей мы пока указать не можем, равно как и не считаем возможным определить назначение ее.

Значительное место в составе культурных остатков, добытых при раскопках Карнауховского поселения, занимают кости жи-

вотных. Подавляющую часть их составляют остатки животных, употреблявшихся в пищу, свидетельством чего является сильная раздробленность костей. Всего было собрано около 2000 костей; более половины их оказалось неопределимыми. Из числа определенных основная масса принадлежит домашним животным (около 90%); дикая фауна занимает незначительное место. Очень мало костей птиц и рыб. По количеству особей костные остатки распределяются следующим образом:

Бык	около 30%
Овца	» 24
Лошадь	» 18
Свинья	» 10
Верблюд	» 2
Кошка	» 2
Собака	» 2
Птицы	» 2
Рыбы	» 2
Мелкие хищники	» 2
Кабан	» 4
Олень	» 2[1]

Охарактеризованные выше материалы, добытые при раскопках Карнауховского поселения, хотя и невелики, однако настолько характерны, что принадлежность их, а тем самым и поселения в целом к кругу памятников салтово-маяцкой культуры, в ее широком понимании, не вызывает сомнения. Правда, материалы имеют и некоторые особенности, отличающие их от материалов других поселений этой культуры. Так, на Карнауховском поселении совершенно не встречено лепных сосудов (кроме ритуальных), известных нам в таких памятниках этой культуры, как Салтово, Добрая и др. Но это частности, которые не предопределяют решения вопроса. При слабой изученности салтово-маяцких памятников трудно ответить, чем обусловлены эти особенности: хронологическими, территориальными или какими другими причинами.

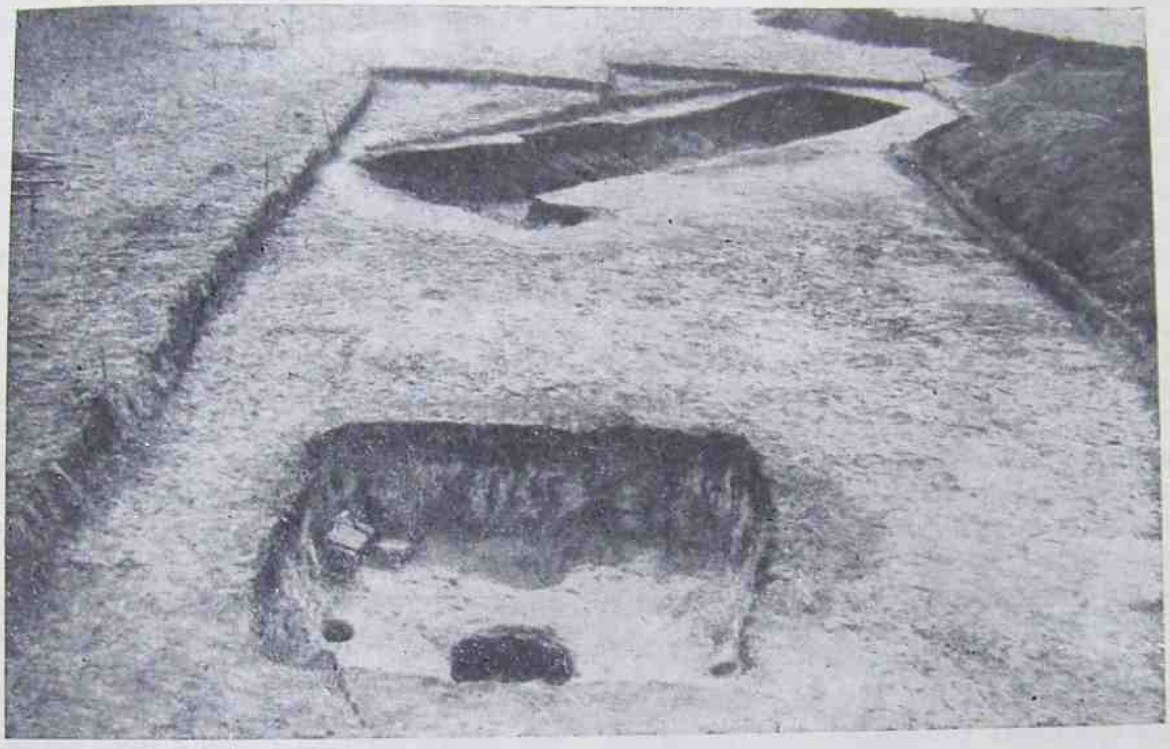


Рис. 56. Раскоп IV. Комплекс построек (усадьба).

Судя по незначительной мощности культурных отложений, отсутствию перекрытий одних построек другими, однотипности бытового инвентаря (особенно керамики), Карнауховское поселение существовало непродолжительное время. Однако за неимением датирующих материалов мы не можем огра-

[1] Определение костей произведено зоологом К. Б. Юрьевым.

ничить время его жизни узкими хронологическими рамками. Единственное, что может в какой-то мере помочь более или менее приближенно решить этот вопрос, это саркелские кирпичи, найденные в жилых и хозяйственных постройках, использованные в одном случае для вымостки пола, в другом для сооружения очага. Исходя из наличия на них следов извести, можно считать, что кирпичи взяты из какой-то кладки. Последнее могло иметь место, по-видимому, самое раннее лишь в конце IX—начале X в. Вероятнее всего, в этом, сравнительно позднем характере салтовской культуры Карнауховского поселения следует искать объяснение отмеченным выше особенностям материальной культуры, в частности отсутствию лепной керамики, распространенной в памятниках салтово-маяцкой культуры более ранней поры, рубежа VII—VIII и VIII вв.

Немногочисленны, но также достаточно характерны материалы, освещающие хозяйственную деятельность населения поселка. Две отрасли хозяйства наиболее отчетливо прослеживаются по этим материалам: земледелие и скотоводство. О первом наиболее наглядно свидетельствуют следы половы (мякины) пшеницы и ячменя, обнаруженные в глиняной обмазке, широко применявшейся при строительстве наземных сооружений. О земледелии же говорят, хотя и косвенно, находки фрагментированного серпа, а также многочисленных обломков ручных жерновов.

Существенное место, возможно даже большее, чем земледелие, занимало скотоводство. Особенно ярким свидетельством его большой значимости служит широкое распространение среди хозяйственных построек специальных хлевов (овчарен) для укрытия мелкого скота от холода. Большое количество костных остатков почти исключительно домашних животных среди бытовых отбросов служит дополнительным подтверждением роли скотоводства в жизни населения.

Незначительное место занимало рыболовство. За два года работы найдено всего лишь несколько рыбьих косточек (как обычных рыб, так и ганоидных). Орудия рыболовного промысла не найдены совсем.

Ничего нельзя сказать о ремеслах. Следов их не обнаружено ни при раскопках, ни при внешнем осмотре всей территории поселения.

Исключительно интересны материалы, характеризующие топографию жилых и хозяйственных построек — их взаимное расположение, а равно общий облик поселения и его границы. Уже при внешнем осмотре памятника было замечено, что разнообразные по характеру остатки древнего поселения — сорные кучи, скопления глиняной обмазки (развалины наземных построек) и западинки (полуземлянки) — размещены не в отрыве друг от друга, а образуют своеобразные комплексы, состоящие из двух или всех трех элементов, причем как в первом, так и во втором случае сорная куча, как правило, является одной из составных частей. Раскопки полностью подтвердили эти наблюдения (рис. 56). Эти комплексы жилых и хозяйственных построек надо рассматривать, по-видимому, как отдельные дворы или усадьбы. Такой двор включал в себя как минимум жилую и хозяйственную постройки. Близ этих построек размещались сорные кучи (зольники). Судя по выходам культурных остатков, а также по данным раскопок, дворы располагались довольно близко один от другого. Не исключено, что они были отделены изгородями. Таким образом, полученные при раскопках данные в какой-то мере проливают свет и на характер общественного строя населения поселка, а в совокупности с материалами ранее исследованных поселений и могильников материалы Карнауховского поселения явятся ценнейшим источником в воссоздании средневековой истории и всего Юго-Востока.

И. И. Ляпушкин

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК БЛИЗ КАРНАУХОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

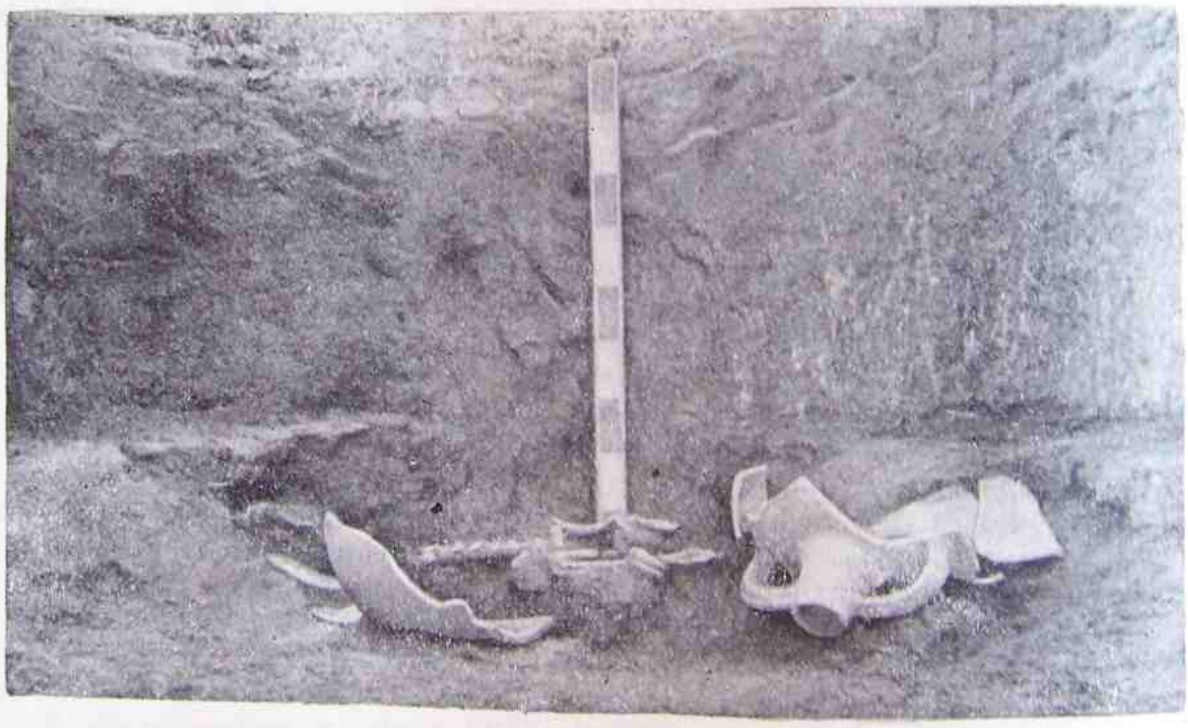
За время двухлетней работы на поселении не удалось выявить никаких следов могильника. Лишь при разведочных работах 1950 г. в обрезе правого берега р. Котлубанки напротив поселения был обнаружен какой-то ритуальный комплекс (рис. 1, *1*), в состав которого входили: 1) круглодонная яйцевидная амфора IX—X вв.; 2) плоскодонный, больших размеров (высота 40—41 см, диаметр горла 27—28 см, диаметр дна 17—18 см) лепной горшок с высоким (около 7 см), слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 1, *2*); 3) камень-голыш; 4) скелет овцы; 5) скребловидное кремневое орудие. Амфора и горшок находились в раздавленном виде, причем обломки их лежали вперемешку. Костяк овцы частично перекрывал обломки сосудов. Костяк сохранился неполностью. Голова и некоторые другие кости отсутствовали, они, по-видимому, как и часть обломков сосудов, осыпались при разрушении берега. Весь этот комплекс залегал на глубине 1.10—1.20 м от поверхности в гумусированном слое. Структура слоя ничем не отличалась от структуры смежных береговых участков. Следов ямы не обнаружено. Кроме перечисленных вещей, при расчистке комплекса найден еще лишь один обломок черного лощеного сосуда салтовского типа. Никаких остатков культурных отложений по линии берега прослежено не было. В поисках могильника на площадке, прилегающей к точке, где был найден ритуальный комплекс, была заложена траншея шириной 1 м и длиной 30 м. Траншея была углублена до материка (желтовато-коричневатого суглинка). Никаких следов могильника здесь обнаружено не было. Материковый слой был совершенно не нарушен. Только в двух местах были обнаружены неглубокие столбовые ямы от построек наших дней (исследуемая площадка в недавнем прошлом была занята усадьбой).

Вторым участком, на котором были произведены поиски могильника, является пологий склон правого берега балки, лежащей между укрепленной и неукрепленной частями поселения, где остатков культурного слоя на поверхности не прослеживалось. На этом склоне были заложены две траншеи, перпендикулярные одна к другой, в направлении север—юг и восток—запад. Протяженность первой траншеи 30 м, второй — 20 м. Ширина траншей 1 м. Траншеи были углублены до материка. Никаких культурных отложений на всей вскрытой площади не обнаружено. Материк не был нарушен ни в одном месте.

С той же целью еще раз был обследован высокий коренной берег р. Котлубанки, как на линии поселения, так и за его пределами вверх и вниз. Следов могильника не было обнаружено и здесь.

К юго-востоку от городища по водораздельной линии между реками Котлубанкой и Цимлой в направлении юго-запад—северо-восток тянется цепь больших курганов. Она начинается на краю надпойменной террасы близ хут. Карнаухова и уходит в направлении к хут. Чубинову и дальше. На юго-западном ее конце, близ хут. Карнаухова, в полукилометре к юго-востоку от городища, наряду с большими курганами имеется довольно значительная, компактная группа небольших курганов, от едва заметных до

2



1

Рис. 1. Ритуальный комплекс в обрезе правого берега р. Котлубанки.

1 — полевой снимок; *2* — сосуды из ритуального комплекса (после реставрации).

достигающих 0.7—0.8 м в высоту при диаметре до 30—35 м. Число курганов этой группы учесть очень трудно. Они настолько слились с дневной поверхностью, что их зачастую не отличишь от неровностей, образованных пахотой. Во всяком случае их не один десяток. При беглом осмотре нам найдена голова каменной бабы. Из-за недостатка времени была вскрыта лишь юго-западная его часть, несколько расширенная в процессе раскопок за счет прилегающих квадратов центра (рис. 4). После снятия первого штыка в квадрате $Г_3$ в слое насыпи были найдены обломки двух сосудов:

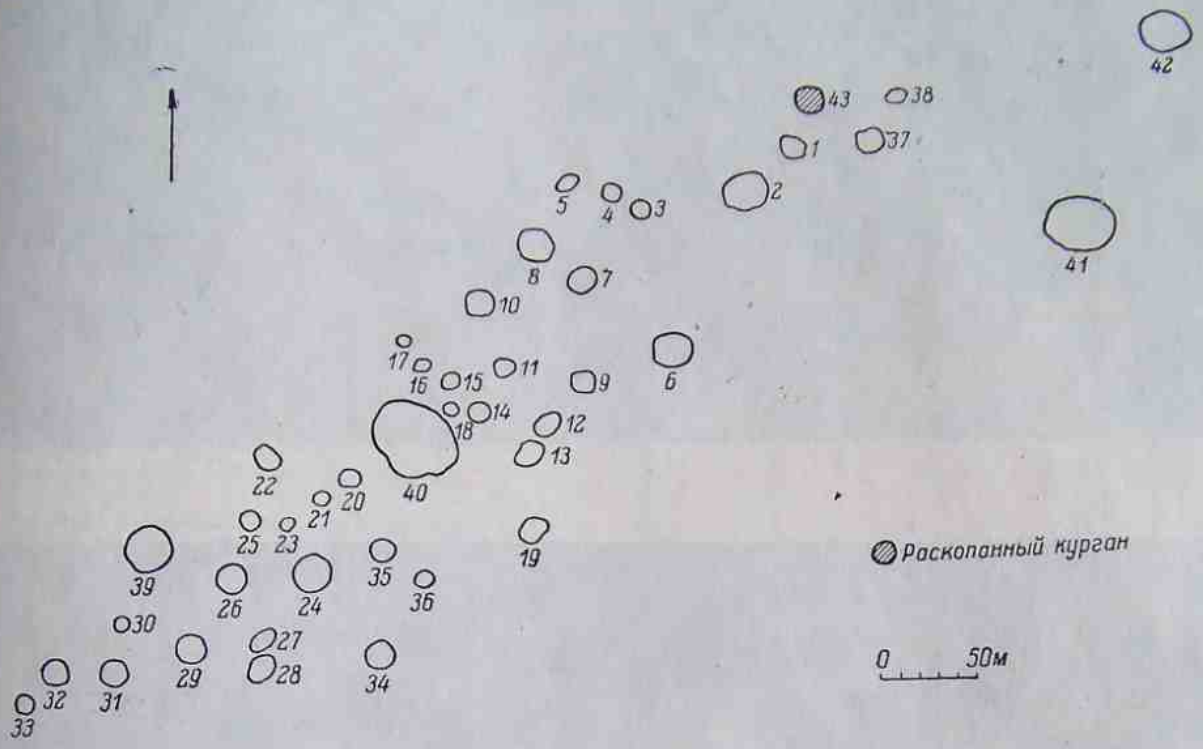


Рис. 2. План курганного могильника.

удалось занести на план около 40 точек (рис. 2). Близ некоторых курганных насыпей найдены обломки кирпичей саркелского типа. По утверждению местных жителей, кирпичи эти выпахиваются из «могилок». Тут же, в границах этой курганной группы, были обнаружены две каменные бабы. Одна из них оказалась разбитой на несколько частей. Два найденных обломка ее лежали на расстоянии около 50 м один от другого (рис. 3). По рассказам местных жителей, каменная баба была разбита при вспашке поля трактором. Голова ее лежала у северо-западной полы небольшого кургана. Высота последнего не превышала 0.4 м, диаметр около 15 м.

В поисках могильника мы не могли пройти мимо этой курганной группы. Необходимо было выяснить, в каком отношении друг к другу находятся курганный могильник и поселение. С этой целью было приступлено к раскопкам кургана, возле которого была

1) лепного горшкообразного сосуда серого цвета со щипковым орнаментом по венчику (рис. 5) и 2) черного, лощеного, сравнительно тонкостенного сосуда. На горизонте погребенной почвы (наибольшая глубина в центре кургана 0.6 м) на светло-коричневом фоне было обнаружено два темных гумусированных пятна. Одно из них (№ 1) длиной около 2 м и шириной около 1.5 м, ориентированное длинной осью по линии северо-запад—юго-восток, расположено в квадратах $Г_3$, $Г_4$, $Д_3$, $Д_4$; второе пятно (№ 2), длиной около 2.25 м и шириной около 1.5 м, ориентированное по линии северо-запад-запад—юго-восток-восток, расположено несколько севернее первого, в квадратах $Г_4$, $Г_5$, $Д_4$, $Д_5$.

Исследование пятен привело к вскрытию двух могильных ям (рис. 6). Погребения в обеих могилах оказались разрушенными (по-видимому, они были ограблены). Судя по сохранившимся вещам, могила № 1 от-

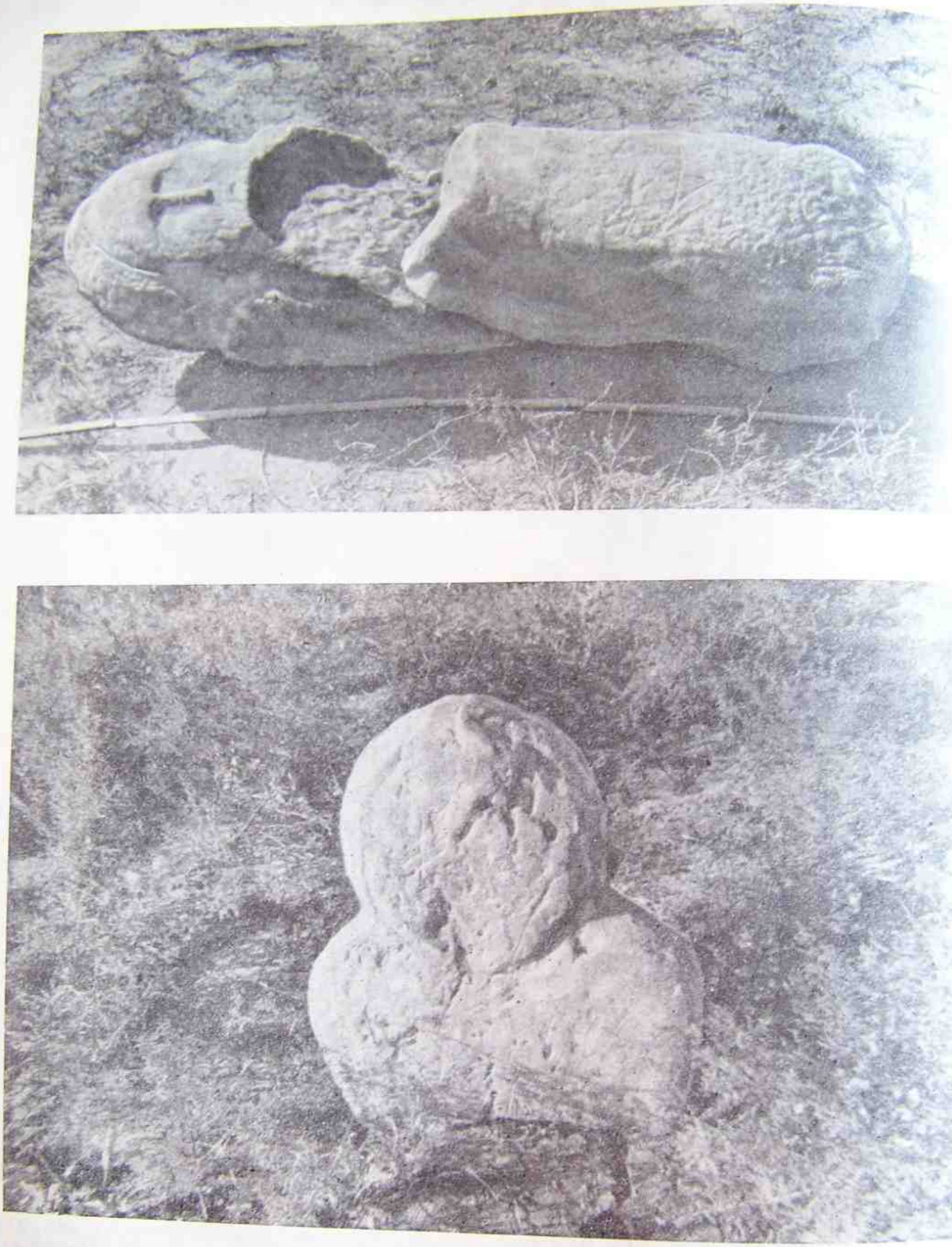


Рис. 3. Каменные бабы, найденные в границах курганного могильника.

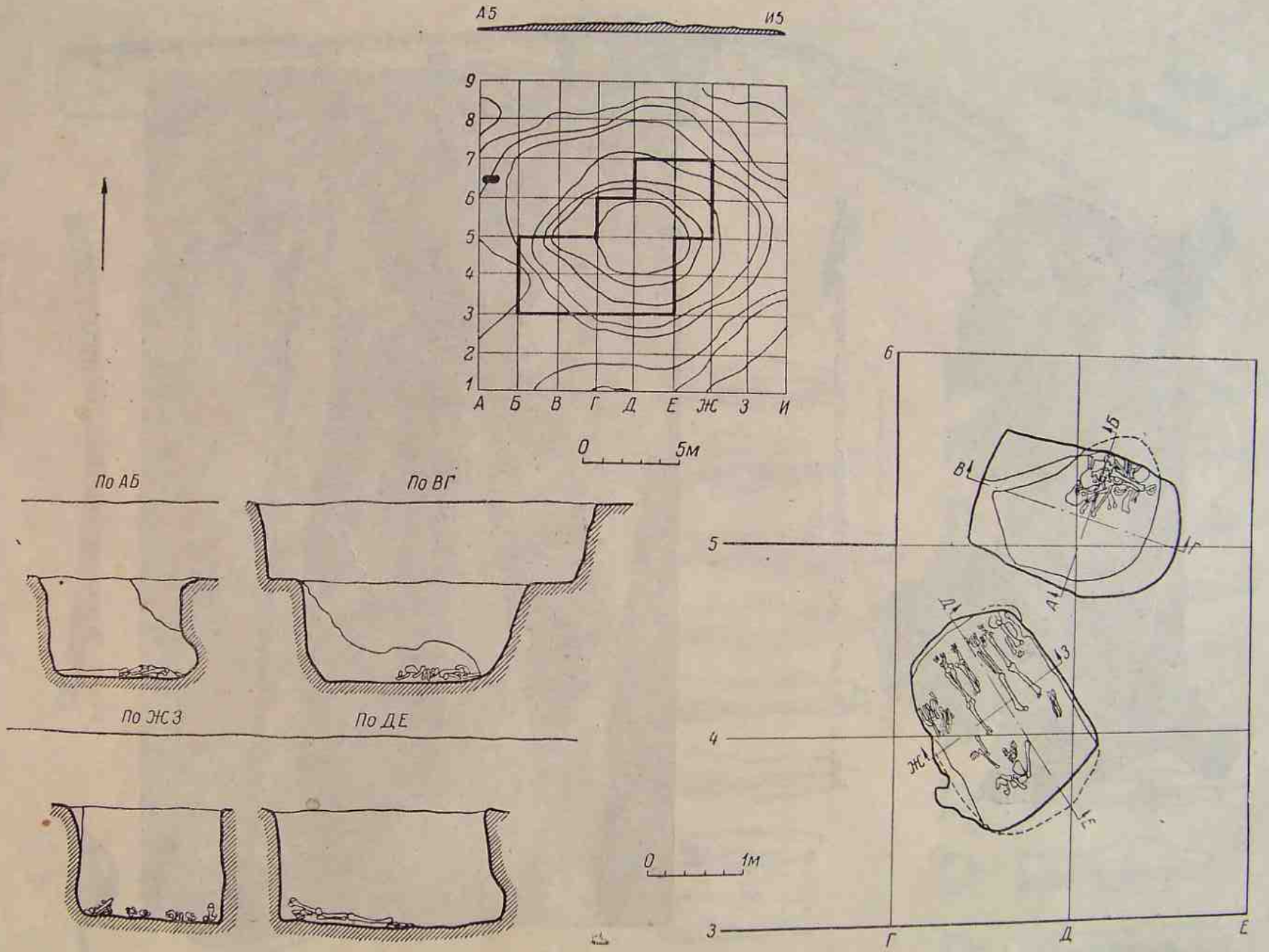


Рис. 4. План и разрезы исследованного кургана.

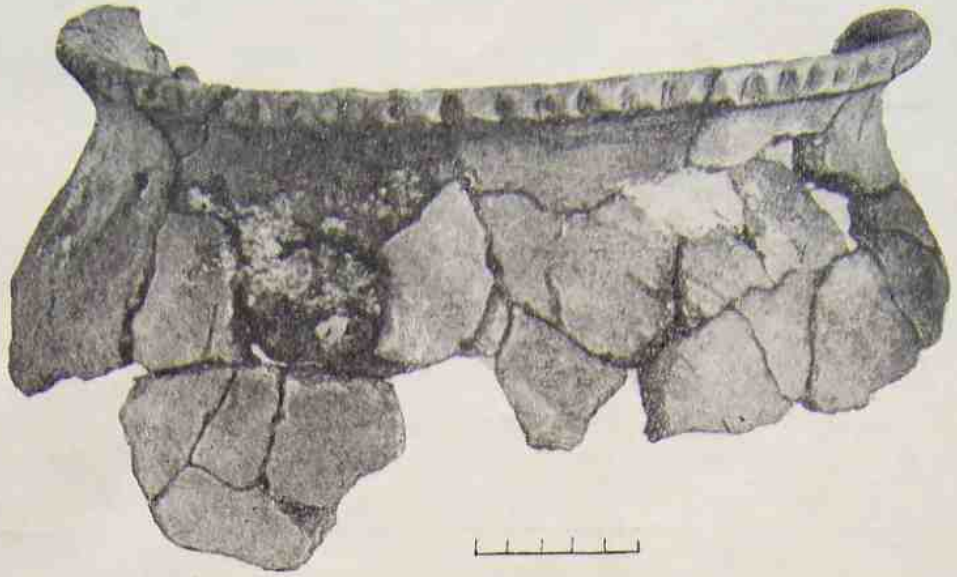


Рис. 5. Обломки сосуда, найденные при исследовании насыпи кургана.

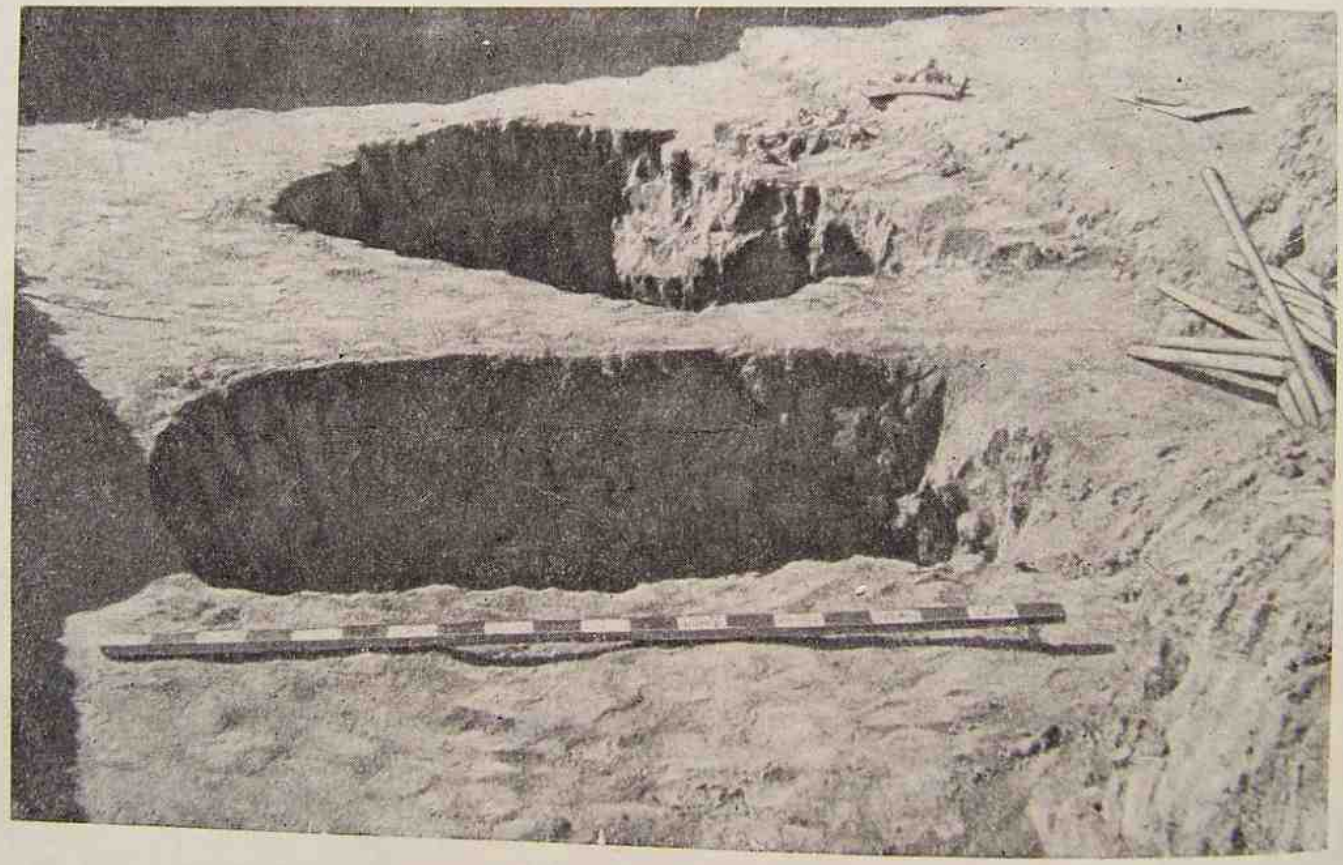


Рис. 6. Могильные ямы (вид с северо-востока).

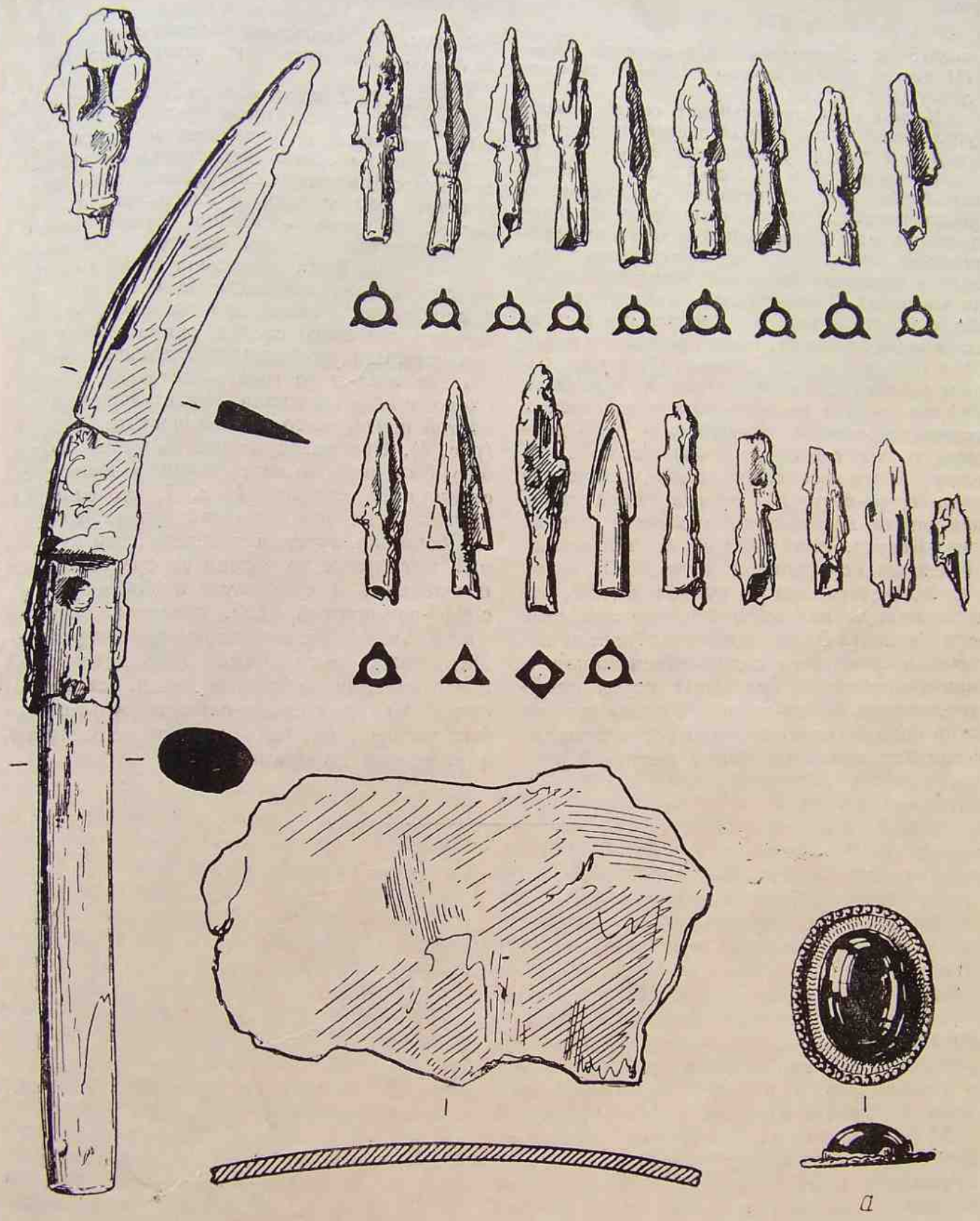


Рис. 7. Погребальный инвентарь из могилы № 1 и могилы № 2 (*а*).

носится к позднескифскому времени (IV—III вв. до н. э.), могила № 2 — к сарматскому (рис. 7, *а*).

Могила № 1 представляет собой прямоугольную в плане яму со слегка округлыми углами и почти отвесными стенками. Глубина ее колеблется от 1 до 1.2 м. Яма была заполнена гумусированным, сравнительно рыхлым слоем. Начиная с самого верха в заполнении ямы встречались отдельные человеческие кости, а также кости животных, причем последние имели зеленоватую окраску (окись меди). В засыпи были найдены также обломки железных и бронзовых вещей, в том числе фрагмент стенки бронзового котла (?) и обломок ручки зеркала (?) в виде головы кабана (?). На дне могильной ямы были обнаружены два разрушенных человеческих костяка, лежавших параллельно один другому по оси северо-запад—юго-восток, головами на юго-восток. От костяка, лежавшего вдоль северо-восточной стенки, сохранились лишь кости ног и локтевые кости правой руки. Костяк, лежавший вдоль юго-западной стенки, сохранился лучше. Он имел кости ног, часть костей грудной клетки, лопатки, правую плечевую и левые локтевые кости (рис. 4). Около последних костей лежала пачка сильно окислившихся наконечников железных и бронзовых стрел скифского времени. У юго-западной стены могилы против костей голени лежали ребра лошади, а среди них железный нож с костяной ручкой (рис. 7). Несколько конских костей находилось напротив, у северо-восточной стены.

Могила № 2, как и могила № 1, представляет собой почти прямоугольную в плане яму, вырытую в материковом суглинке. Стенки ее не совсем вертикальные, вследствие чего дно могильной ямы имеет меньшие размеры, чем ее верх, и менее правильную форму. В северо-восточной стенке, ближе к ее восточному углу, имеется небольшой подбой. Яма была заполнена плотным глинистым слоем, перемешанным с гумусом. В слое найдено несколько обломков лепного черного лощеного сосуда, одинаковых с обломками, найденными в насыпи в квадрате Г$_3$. На дне ямы у ее северо-восточной стенки, около подбоя, лежала груда человеческих костей вне всякого анатомического порядка (рис. 4). При разборке костей ближе к подбою был найден серебряный медальон со стеклянной вставкой (рис. 7, *а*). Никаких других вещей в могиле найдено не было.

Раскопки кургана показали, что курганный могильник не связан со средневековым поселением, а относится к более ранней, скифо-сарматской поре, поселения которой в зоне затопления не обнаружены совершенно. Материалы могильника дополняют наши представления о жизни края, свидетельствуя, что и в скифо-сарматское время он был заселен, но, по-видимому, не оседлыми, а кочевыми народами.

И. И. Ляпушкин

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЛИЗ ст. СУВОРОВСКОЙ

В 1951 г. при обследовании правого берега р. Дона в районе зоны затопления Цимлянского водохранилища на участке между станицами Голубинской и Цимлянской был обнаружен ряд средневековых, ранее совершенно неизвестных поселений. Часть из них оказалась памятниками салтово-маяцкой культуры, в их числе и поселение у ст. Суворовской.

Поселение примыкает к юго-восточной окраине современной станицы. Оно расположено по склону высокого коренного берега, переходящего в этой части в амфитеатрообразную надпойменную террасу (рис. 1). Культурные остатки прослеживаются как на поверхности площадки, так и в обрезах многочисленных разветвлений оврагов и балок, прорезывающих берег в направлении от плато к долине реки. Много их встречается и в долине реки, на расстоянии до 200—300 м от коренного берега. Не исключено, что культурные остатки вынесены сюда бурными потоками дождевых и весенних вод. Но и без учета участков долины реки площадь, на которой встречаются культурные отложения, достаточно велика. Протяженность ее по линии северо-восток—юго-запад (вдоль берега) около 700 м, по линии северо-запад—юго-восток (склон берега) около 300 м. Выходы культурных отложений наиболее отчетливо заметны в береговых отложениях оврагов. В отдельных местах культурный слой мощностью до 0.7 м прослеживается непрерывно на линии до 100 м. На большой площади культурный слой сверху перекрыт дерном и залегающими под ним наносами, мощность которых в некоторых точках достигает 0.4—0.5 м. Ниже культурных отложений лежит глинисто-песчанистый материк. Молодые овраги разрушают не только культурные отложения, но и остатки древних жилых и хозяйственных построек. В береговых обрезах во многих местах отчетливо прослеживаются углубленные в материк части этих построек, заполненные гумусированным или золистым культурным слоем с включением большого количества обломков керамики, костей животных и т. п. (рис. 2). Значительное место в культурных отложениях занимает глиняная обожженная обмазка, выходящая на поверхность в ряде мест в виде больших линз.

Уже данные внешнего осмотра поселения — его размер, мощность культурного слоя и насыщенность остатками, наличие хорошо выраженных остатков жилых и хозяйственных сооружений, — как и сам факт обнаружения следов оседлости в районе, где средневековые памятники были совершенно неизвестны, создали повышенный интерес к поселению. В связи с этим, помимо внешнего осмотра и сбора подъемного материала, состоявшего в основном из обломков гончарной посуды салтово-маяцкого типа, на поселении были произведены небольшие раскопки. Раскопочные работы на поселении были осуществлены в два приема — 6—10 VII 1951, в процессе первичного ознакомления с памятником, и повторно 25 IX—2 X 1951. В обоих случаях раскопки носили разведочный характер и были посвящены исследованию тех участков, где в обрезах берегов оврагов и балок были отчетливо заметны ямы, врезанные в материк, а также выходы сильно обожженной глины. Форма и размеры ям различные: одни их них в се-

Рис. 1. Средневековое поселение близ ст. Суворовской. Общий вид на площадку поселения с северо-запада.

Рис. 2. Выходы культурных остатков в береговых обнажениях оврагов.

чении прямоугольные, другие — грушевидные. Размеры первых достигают 4 м и более, размеры вторых колеблются от 1.5 до 2 м. Выходы обожженной глины менее отчетливы. Раскопками были вскрыты две прямоугольные в сечении ямы, оказавшиеся остатками полуземляночных сооружений, одна грушевидная яма, представлявшая собой

менной дневной поверхности) яма перекрывалась наносами очень тонкой структуры, мощностью около 0.5—0.7 м.

Произведенное вскрытие показало, что яма представляет собой углубленную часть полуземляночного жилого сооружения, прямоугольного в плане, вырытого в почвенно-материковом слое (рис. 3, 4). Глубина ямы от

Рис. 3. Общий вид полуземлянки № 1.

хозяйственную постройку (погреб), и в одной точке выходы обожженной обмазки — развалы трех гончарных обжигательных печей.

Полуземлянка № 1 (исследована 6—10 VII 1951). Следы полуземляночного сооружения № 1 были обнаружены во время первичного обследования поселения, 6 VII, при осмотре молодого оврага, метрах в 40 от его устья, в обрезе правого берега. Глубина оврага здесь достигает 3 м. На светлом фоне материкового берега довольно отчетливо выступала яма, заполненная темно-серым золистым слоем с включением обломков глиняной посуды салтовского типа, костей животных и других бытовых отбросов. Глубина ямы от современной поверхности 1.6—1.8 м, длина по береговому обрезу около 3.5 м. Стены и дно ямы прослеживались довольно отчетливо, причем было заметно, что дно искусственно утрамбовано. Сверху (вниз от современной поверхности 0.6—0.8 м. Стены ямы ориентированы по линиям северо-восток—юго-запад и северо-запад—юго-восток. Северо-восточная стена не сохранилась, она оказалась разрушенной при оползании берега оврага. Размер ямы по линии северо-запад—юго-восток 3.4—3.8 м, по линии северо-восток—юго-запад около 3 м. Пол глиняный, ровный, хорошо утрамбованный и, возможно, даже обожженный. Вход в помещение был расположен в юго-западной части, приблизительно на ее середине. По обеим сторонам входа обнаружены небольшие столбовые ямы. Две таких же ямы выявлены на линии северо-восточной стены. Они расположены симметрично ямкам у юго-западной стены. Рядом со столбовой ямкой, находящейся справа от входа, у юго-западной стены выявлена неглубокая котлообразная ямка, округлая в плане, диаметром около 0.7 м,

глубиной 0.25 м. Ямка была заполнена культурным слоем. На дне ямки найдено плоское пряслице, сделанное из стенки глиняного сосуда. Слева от входа, в северо-западном углу помещения, обнаружены остатки развалившегося глинобитного очага овальной в плане формы. Размер очага по длинной оси 0.8 м, по короткой — 0.5 м. Между входом и печью вдоль юго-западной стены прослеживается углистая полоса шириной 0.25—0.30 м.

В юго-восточной половине помещения на полу лежало несколько фрагментированных

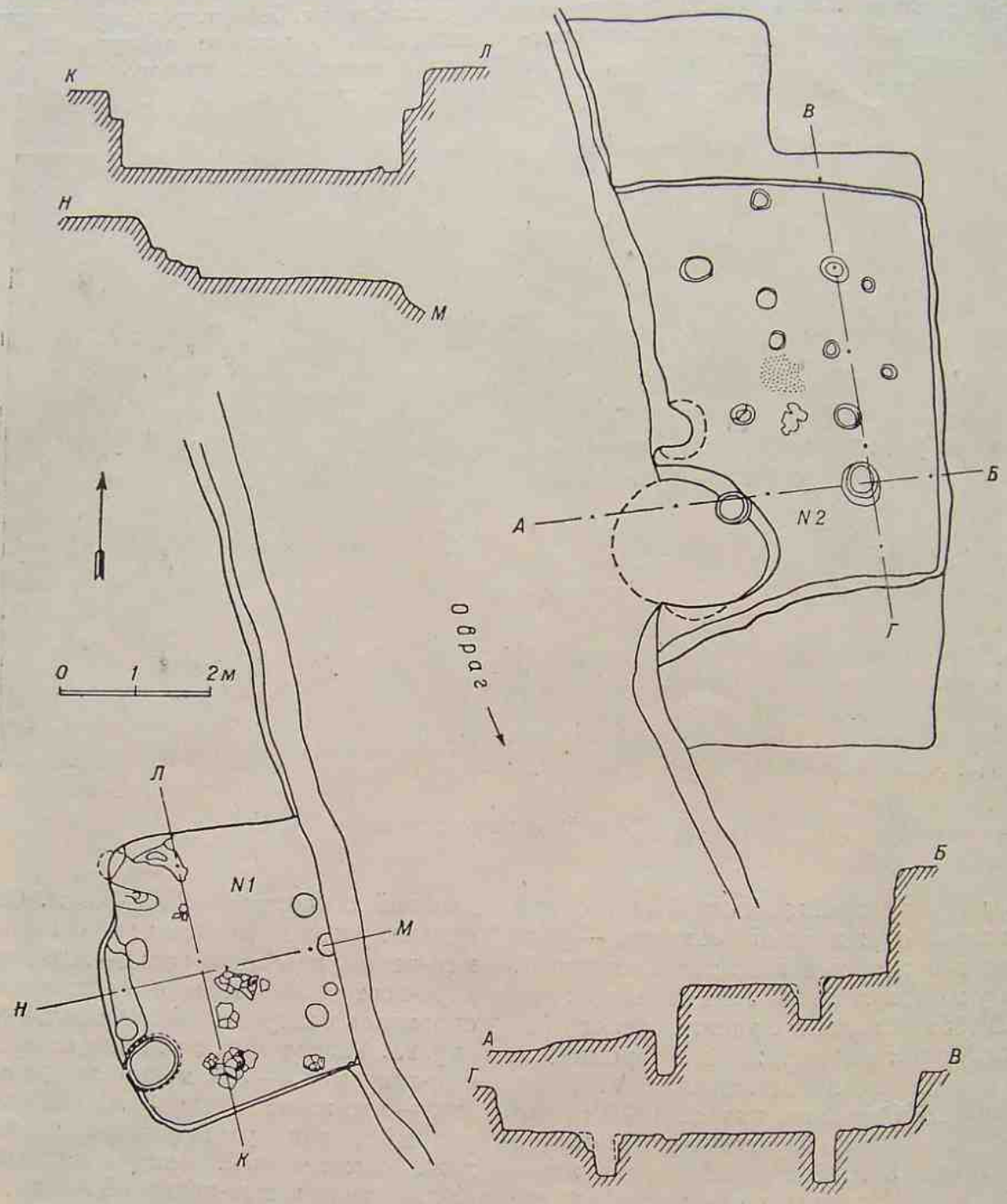


Рис. 4. План и профили полуземлянок №№ 1 и 2.

сосудов (рис. 5). Из их числа шесть сосудов удалось восстановить. Сосуды сделаны на гончарном круге. Все они относятся к группе кухонных горшкообразных сосудов серого цвета со сплошным рифлением по всему кор-

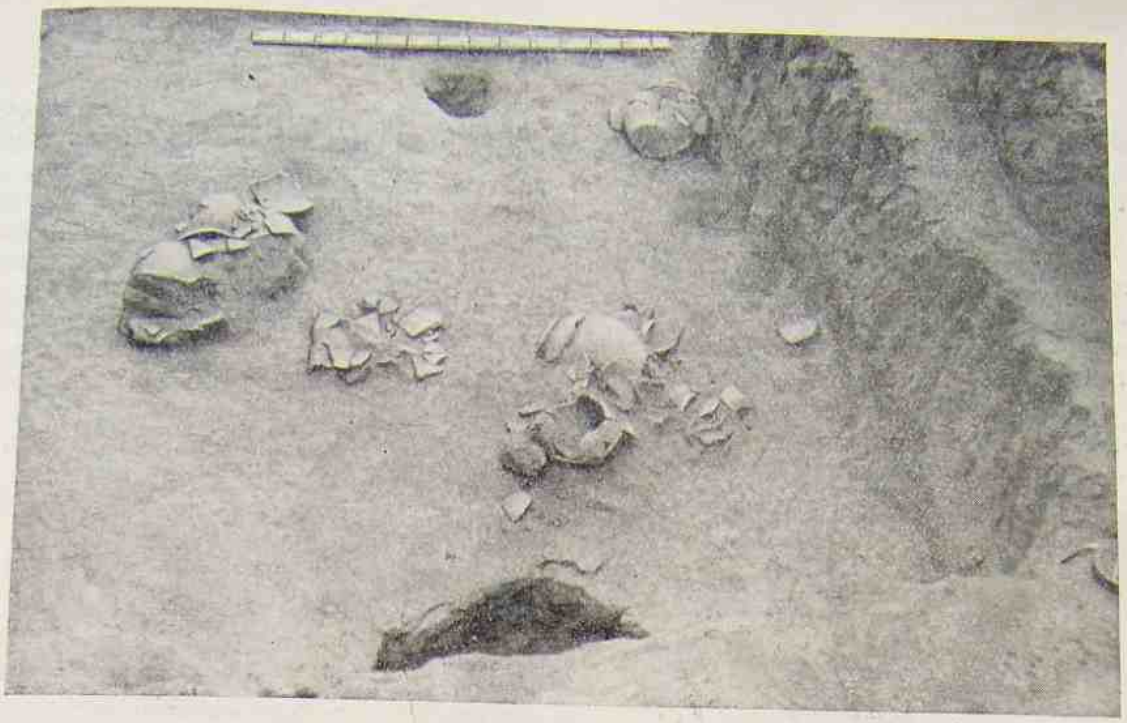


Рис. 5. Сосуды на полу полуземлянки № 1.

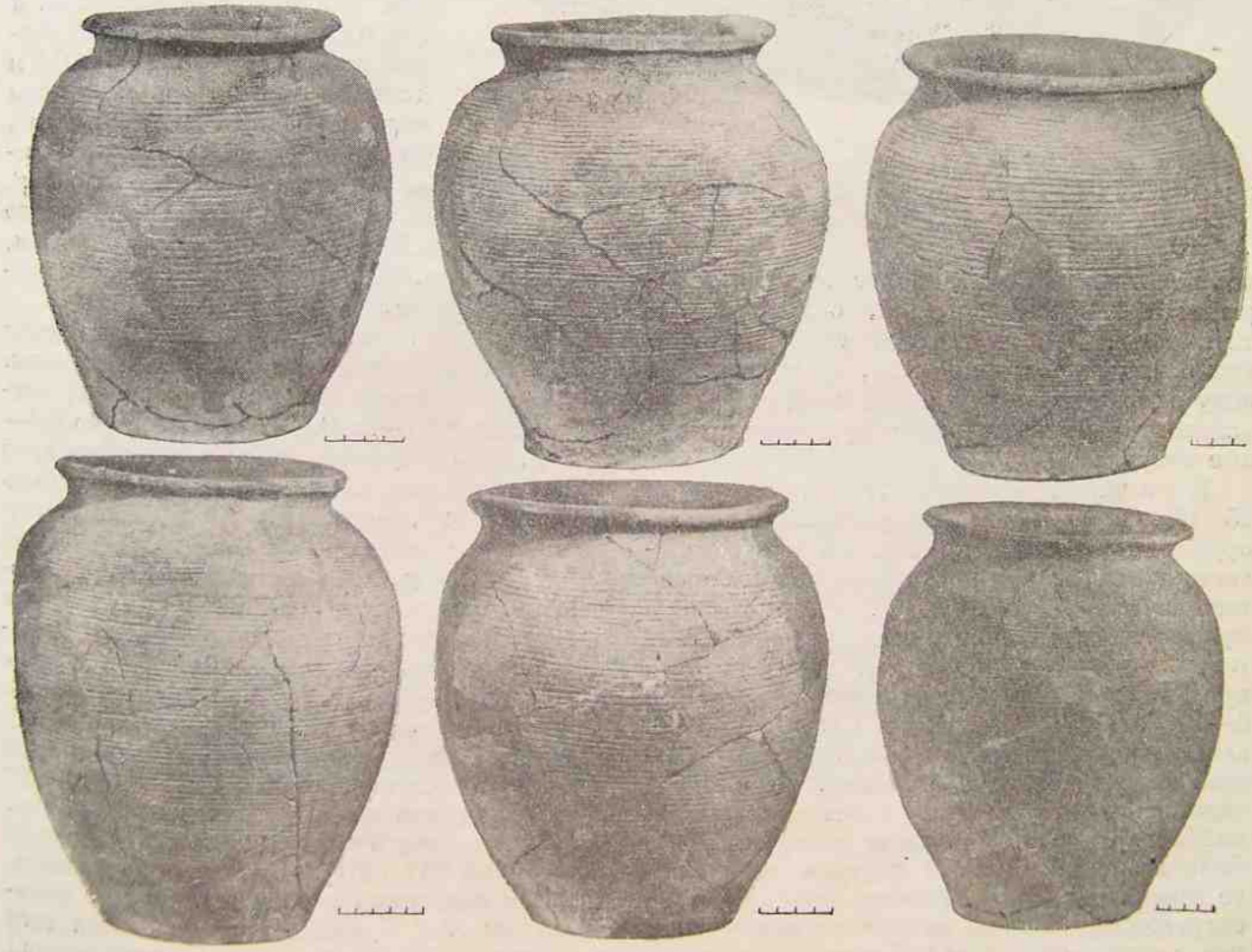


Рис. 6. Горшки из полуземлянки № 1 (реставрация).

пусу (рис. 6). Близ печи было найдено несколько фрагментов лощеного сосуда. Его также удалось собрать. Это оказалось довольно глубокое, около 10 см глубиной, блюдо, диаметром около 22 см. Поверхность его покрыта полосатым (вертикальным) лощением (рис. 7). В верхней части полуземлянка была заполнена золой со значительным содержанием обломков глиняной посуды, костей животных и других кухонных отбросов. Ниже золы лежал глинисто-

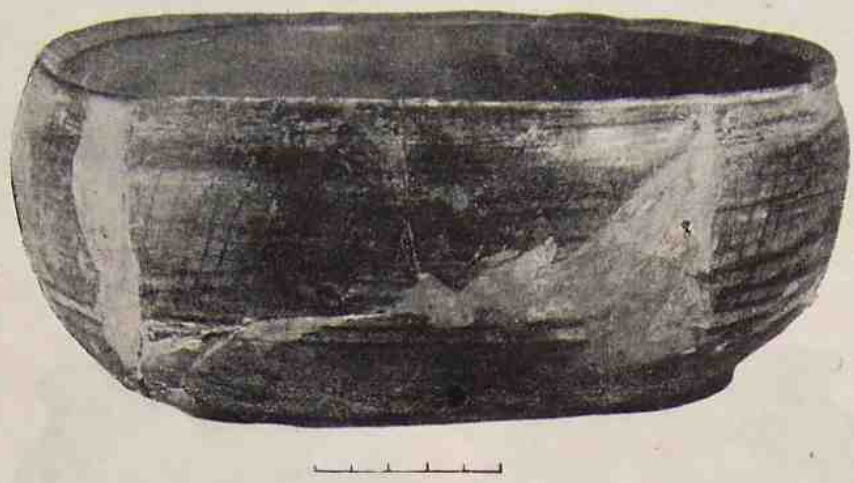


Рис. 7. Глиняная чашка из полуземлянки № 1 (реставрация).

песчанистый слой. Наиболее ярко он выражен вдоль юго-западной, сильно оползшей стены. В составе этого слоя культурных остатков почти не было, но под ним на полу в юго-восточной части помещения были найдены отмеченные выше фрагментированные сосуды.

Полуземлянка № 2 (исследована 25 IX—2 X 1951). Полуземляночное сооружение № 2 расположено в 7 м к северо-востоку от сооружения № 1, на левом берегу того же оврага (рис. 4, 8). Следы его в виде прямоугольной в сечении ямы, врезанной в материк, были обнаружены в обрезе берега при первичном обследовании поселения 6—10 VII. Яма залегала под наносным слоем мощностью около 0.4—0.5 м. в материковом лёссовидном суглинке. Дно ее находилось на глубине 1.2—1.4 м от современной поверхности. В южном конце ямы дно было несколько ниже и контуры ямы были не совсем отчетливы. Вообще контуры этого сооружения в обрезе выступали менее ясно, чем у полуземлянки № 1. Площадка, отведенная под раскоп, прилегала непосредственно к обрезу берега. Размеры ее перекрывали контуры ямы, прослеженной в обрезе. Поверхность площадки неровная. Она имела значительную покатость в юго-западном направлении (склон террасы) и была сильно изрезана колеями пролегавшей здесь до образования оврага дороги. Раскопками вскрыта прямоугольная в плане яма, вырытая в материковом суглинке на глубину 0.6—0.7 м от древней поверхности. Яма ориентирована почти по странам света. Западная стенка ее разрушена оврагом. Размеры сохранившейся части по линии восток—запад около 4 м, по линии север—юг 5.3—5.5 м. Пол ровный, хорошо утрамбованный. В юго-западном углу в полу имеется большая хозяйственная яма, овальная в плане. Западная часть ее разрушена оврагом. Диаметр этой ямы около 2 м. Стены ямы и дно в ряде мест покрыты черной пластичной глиной. В 0.3 м к северу от ямы в полу имеется еще одна хозяйственная яма, но значительно меньших размеров. Форма ее колоколовидная. Верхний диаметр ее около 0.5 м, нижний — около 0.8 м, глубина 0.5 м. Западная часть ее также разрушена оврагом.

Кроме описанных ям, в полу помещения вскрыто значительное число небольших ямок. Их насчитывается 13. Четыре из них, диаметром от 0.35—до 0.50 м при глубине 0.4—0.6 м, размещенные симметрично попарно в двух концах помещения, должны быть отнесены к столбовым. По-видимому, таковыми же являются и ямки в северной части жилища. Все остальные ямки, размещенные в центре помещения, неглубоки и были выкопаны в связи с какими-то бытовыми надобностями. В частности, на дне одной из ямок обнаружена нижняя часть разбитого сосуда, одинакового по диаметру с ямкой. В центре помещения найдены следы открытого очага: зольное пятно, а вокруг него и под ним обожженный докрасна пол.

Хозяйственная яма (исследована 6—10 VII 1951). При первичном обследовании поселения в 40 м к северу от полуземлянки № 1 в обрезе правого берега того же оврага была обнаружена грушевидная

Рис. 8. Полуземлянка № 2. Общий вид с северо-запада.

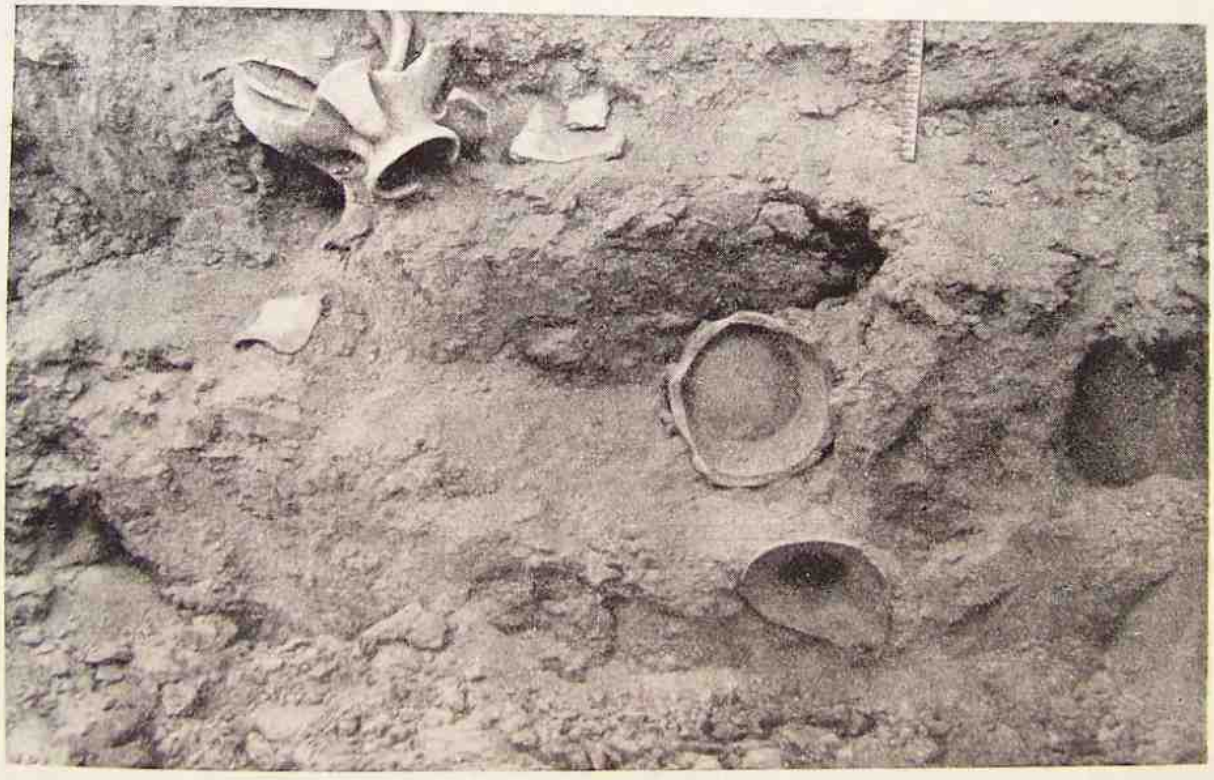


Рис. 9. Хозяйственная яма (погреб) в обрезе правого берега оврага (заполнение оползшей части ямы).

в разрезе яма. Берег оврага в этой части сильно ополз, от него отвалилась большая глыба. В этой отвалившейся глыбе была заключена и яма. Восточная часть ямы оползла в овраг, при этом обнаружилось ее внутреннее содержание (рис. 9). Яма вырыта в материковом суглинке. Сверху, как и полуземляночные сооружения, она перекрыта наносами, которые вместе с верхней частью ямы оползли в овраг. Заполнение ямы состояло из культурных отложений: в верхней части — гумусированных, внизу — золистых. В заполнении содержалось значительное количество костей животных и обломков глиняной посуды салтовского типа. В оползшей части, лежавшей на дне оврага, были обнаружены большие фрагменты нескольких сосудов (лощеных и серых горшкообразных сосудов с рифлением). Расчистка ямы была произведена со стороны оврага без вскрытия ее верхней части, поскольку последняя вследствие оползания деформировалась. Материковое дно ямы оказалось плоским, округлым в плане. Диаметр его по линии север—юг около 1.7 м, по линии восток—запад около 1.5 м; часть дна (около 0.2 м) со стороны оврага была разрушена. Дно ямы было покрыто плотным, утрамбованным, глинисто-песчанистым слоем с включением единичных обломков глиняной посуды салтовского типа. Покрытие имело полусферическую форму. Наибольшая мощность его, около 0.35 м, приходилась на центр ямы; к краям ямы покрытие выклинивалось. Глинисто-песчанистый слой сверху был перекрыт черной, плотной, жирной глиной, внешне напоминающей смолистое вещество. Толщина слоя черной глины не превышала 0.1 м; слой этот покрывал более или менее равномерно всю поверхность пола. Такой же черной глиной были покрыты дно и частично стенки хозяйственной ямы полуземляночного помещения

Рис. 10. Керамика, найденная на дне хозяйственной ямы (реставрация).

№ 2. Начиная от самого пола стенки ямы шли на конус. В нижней части вдоль стенок в золистом заполнении ямы оказалось большое число крупных фрагментов (горловин и доньев) сосудов салтово-маяцкого типа (лощеных и серых горшкообразных с рифлением). Три горшка с рифлением удалось восстановить полностью (рис. 10). В верхней части ямы в гумусированном слое обломки сосудов были обычные, мелкие. Контуры ямы прослежены на высоту около 1.2 м от дна. Верхняя часть ямы оказалась разрушенной в результате оползания берега.

Гончарные обжигательные печи (исследованы 25 IX—2 X 1951). При первичном обследовании поселения в обрезе левого берега древней балки, первой к западу от дороги, были обнаружены выходы обожженной докрасна глиняной обмазки. Они прослеживались в ряде мест на линии протяженностью не менее 50 м. В одной из точек, где обмазка выступала наиболее ярко вплоть до верхней кромки обреза, были произведены раскопки. Под раскоп была выделена небольшая площадка, примыкающая к обрезу берега. Размер ее не превышал 80 м² (20 квадратов размером 2×2 м). Площадка довольно круто падает с севера на юг (склон надпойменной террасы), но поверхность ее сравнительно ровная. На линии протяженностью в 10 м падение склона достигает 1.5—2 м. Исследование этой площадки привело к вскрытию остатков трех гончарных обжигательных печей, современных древнему поселению, принадлежащему салтово-маяцкой культуре (рис. 11, 12).

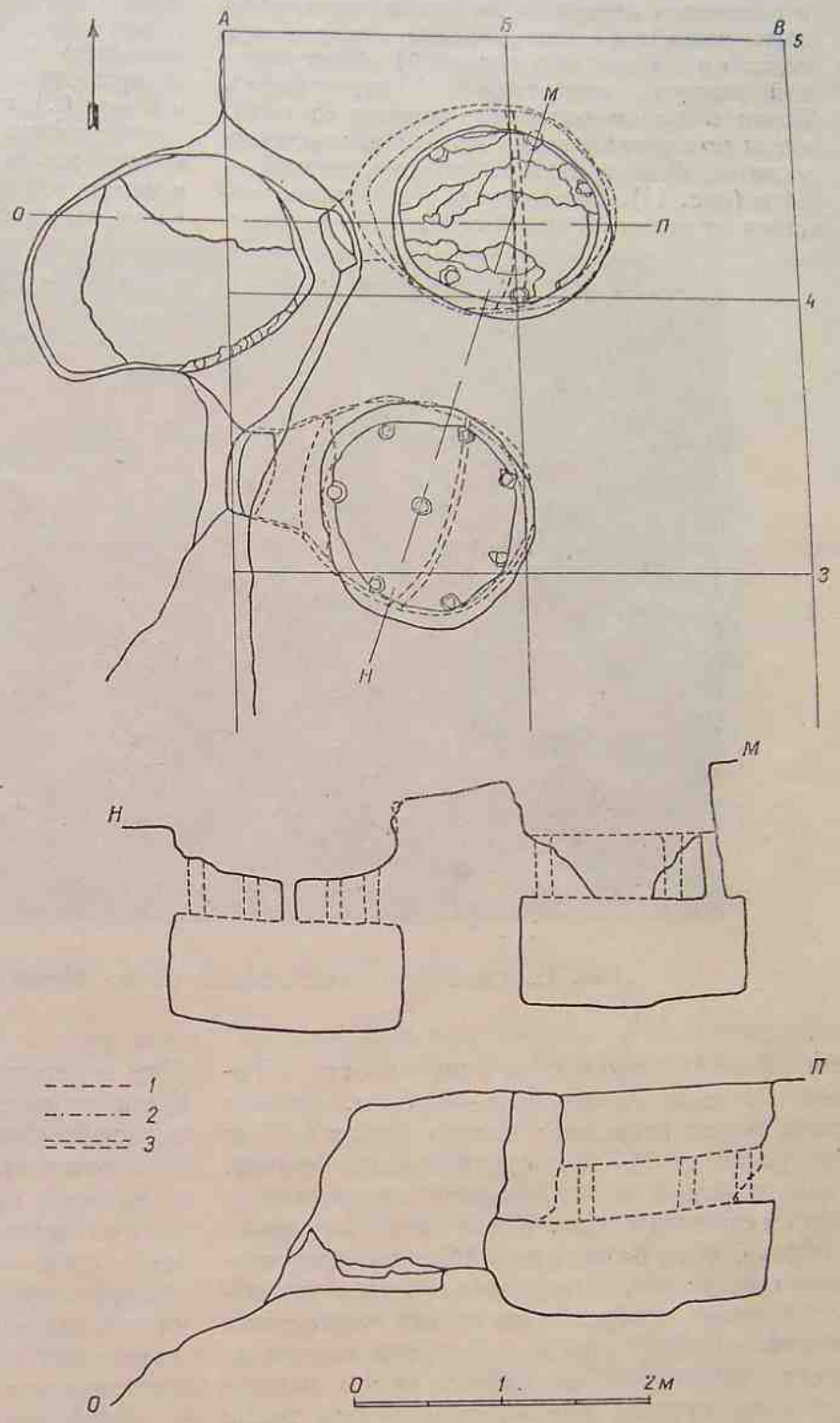


Рис. 11. Гончарные обжигательные печи. План и профили.

1 — линии горизонта пода топки; *2* — линии горизонта свода топки; *3* — линии бровки по поду топки.

Печь № 1 расположена на берегу балки, в квадратах $А_2$, $А_3$, $Б_3$. Она была вырыта

в глинистом материковом слое и состояла из двух частей: 1) топки, устье которой выходило в береговой обрез, и 2) обжигательной камеры, расположенной над топкой. Топка в плане овальная, несколько вытянутая по направлению к устью. Размер топки по длинной оси около 1.8 м, по короткой — 1.4 м (рис. 11). Под топки ровный, повышающийся от устья к задней стенке. На расстоянии около $^2/_3$ от устья на полу имеется порожек высотой около 0.04—0.05 м. Стенки топки почти отвесные; высота их от 0.35 м при устья до 0.7 м в средней части топки. Свод плоский с небольшим наклоном от задней стены к устью. Устье топки выходило в обрез берега балки (рис. 12). Оно представляет собой небольшое, почти четырехугольное в плане отверстие со слегка изогнутыми сторонами. Над подом оно расположено на высоте около 0.35 м, причем склон к поду довольно крутой. Стены, свод и под топки были обмазаны глиной. Судя по сохранившимся следам на обмазке, обработка поверхности велась каким-то плоским орудием в виде лопаточки, по-видимому деревянным. Обмазка была хорошо обожжена. Снаружи (до 1.5 см толщиной) она имеет синевато-зеленоватый оттенок. Под этим слоем идет ярко-красная полоса различной мощности, цвет которой переходит в темно-красные или коричневые тона. Слой обожженной обмазки в некоторых местах (особенно в своде) достигает 0.1 м в толщину.

Обжигательная камера размещена над сводом топки. В плане она почти круглая, с диаметром около 1.5 м. Под ее покоится на своде топки и составляет с ним единое целое.

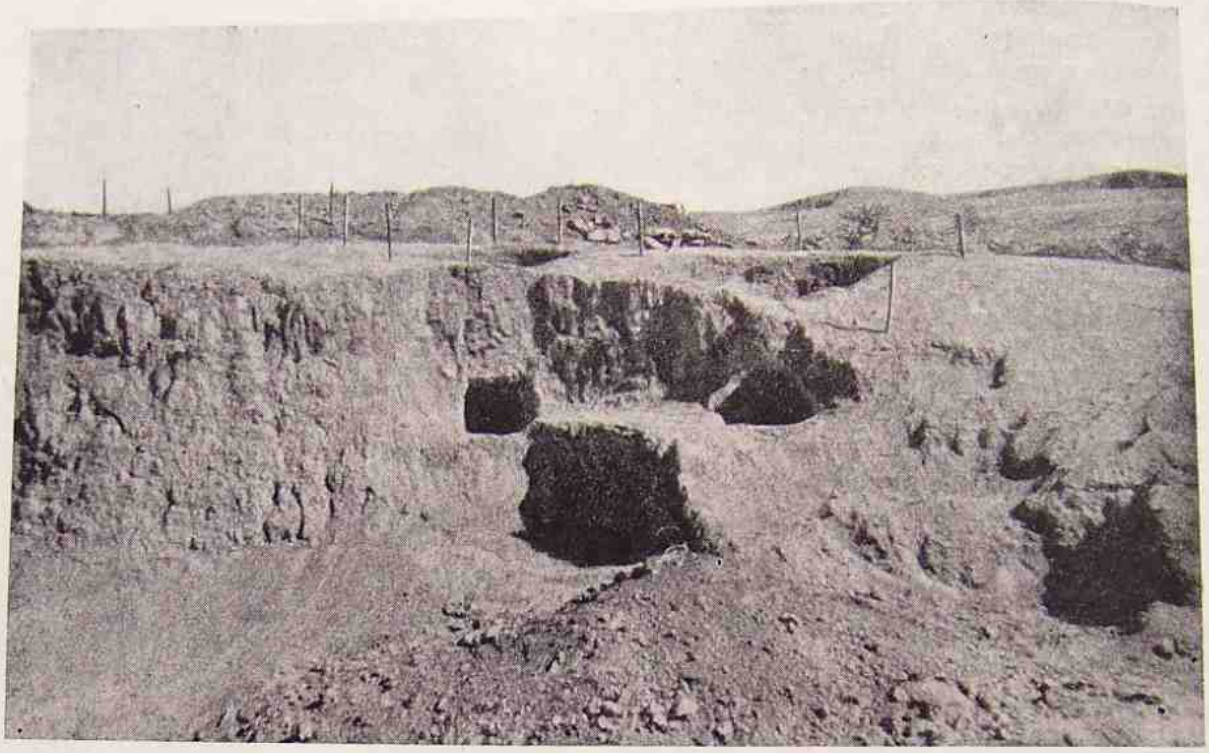


Рис. 12. Гончарные обжигательные печи. Общий вид с юго-запада.

Как и топка, он был обмазан, но обмазка его была не столько обожженной, сколько перегорелой. Сверху эта обмазка имела синеватый оттенок, ниже шел темно-серый или коричневый, сравнительно рыхлый слой. Толщина обмазки около 1.5—2 см. Под обмазкой шел слой красной, спекшейся, глинисто-песчанистой массы, заполнявшей все пространство между сводом топки и подом обжигательной камеры. Общая мощность перекрытия между топкой и камерой достигает 0.5 м.

Обжигательная камера соединена с топкой посредством 8 каналов. Они имеют цилиндрическую форму, диаметр их около 0.10—0.12 м. Один из них помещен в центре, а 7 по кругу (рис. 13). Стенки каналов обмазаны глиной, как и под камеры. Судя по отпечаткам пальцев, обмазка каналов велась непосредственно руками.

Топка и обжигательная камера заполнены культурными отложениями. В нижней части топки залегал слой золы мощностью до 0.15 м. Выше золы лежали куски обожженной обмазки (обвалившийся свод), смешанные с глинисто-песчанистым слоем (наносом). Обжигательная камера была заполнена кусками глиняной обмазки, имеющими беловатый в обрез берега балки в виде почти прямоугольного в плане отверстия размером около 0.4××0.4 м на глубине около 0.8 м от поверхности (рис. 12). Под, стенки и свод топки обмазаны глиной и обожжены. Характер обжига совершенно такой же, как и в топке печи № 1. Под печи ровный, хорошо обработанный. От устья топки он падает

Рис. 13. Гончарная печь № 1. Обжигательная камера.

оттенок с поверхности и лиловато-коричневый в изломе. Некоторые куски были гладкие, другие имели отпечатки не то хвороста, не то щепы. В заполнении много материковой глины и обломков глиняной посуды салтовского типа. Все это сверху перекрыто глинисто-песчанистым слоем (наносом) мощностью не более 0.15—0.20 м.

Печь № 2 расположена в 0.7 м к северу от печи № 1, в квадратах $А_3$, $А_4$, $Б_3$, $Б_4$ (рис. 11). По своему общему облику она аналогична печи № 1, несколько отличаясь от последней размерами и степенью сохранности. Печь была сооружена в материковом лёссовидном суглинке берега балки. Как и печь № 1, она состоит из двух частей — топки и обжигательной камеры. Топка в плане овальная. Наибольший диаметр ее (по линии восток—запад) около 1.8 м, ширина 1.5 м, высота от 0.35 до 0.75 м. Устье топки выходит по направлению внутрь под углом около 45°. Значительная его часть имеет почти горизонтальную поверхность. На расстоянии $^2/_3$ от устья имеется резко выраженная ступенька высотой около 0.05—0.07 м. Начиная от ступеньки по направлению к задней стенке под постепенно повышается. Стенки топки почти отвесные. Свод в средней части по линии восток—запад разрушен. В сохранившейся части он плоский. Поверхность пода, стенок и свода обработана довольно хорошо с помощью каких-то плоских орудий, как и в печи № 1.

Обжигательная камера имеет округлую в плане форму. Сохранившаяся ее часть углублена в землю от 0.3 до 0.6 м. Средняя часть пола (по линии восток—запад), как и свод топки, разрушена (рис. 11). Под и стенки камеры обмазаны глиной и обожжены. Обмазка и характер обжига совершенно та-

кие же, что и в печи № 1. Диаметр камеры около 1.5 м. По отношению к топке камера расположена несколько асимметрично (сдвинута к югу). Пространство между сводом топки и подом обжигательной камеры представляет собой лёссовидный материковый суглинок, сильно пережженный и спекшийся. Общая мощность перекрытия между топкой и камерой достигает 0.5 м. Топка и камера

Рис. 14. Кувшин, найденный около печи № 2.

соединены между собой каналами, имеющими цилиндрическую форму около 0.10—0.12 м в диаметре. Общее число отверстий неизвестно. В сохранившейся части пода их насчитывается 5. Все они расположены по кругу вдоль стенки, как и в печи № 1. По аналогии с печью № 1 можно предполагать, что отверстий было, по-видимому, 8.

Характер заполнения печи № 2 несколько отличался от заполнения печи № 1. Нижняя часть топки, как и в печи №1, была заполнена золой. Мощность зольного слоя 0.10—0.15 м. Выше золы залегали слой обрушившегося перекрытия (свода топки и пода обжигательной камеры), а также куски обожженной глины с отпечатками прутьев, такие же, как и в заполнении обжигательной камеры печи № 1. В числе этих кусков есть обломки, имеющие овальный изгиб, представляющие, по-видимому, части обрамления какого-то отверстия (лаза?). В слое встречены также обломки глиняной гончарной посуды салтовского типа. Все это было пропитано лёссовидным суглинком. Обжигательная камера в основном была заполнена лёссовидным суглинком с незначительным содержанием кусков обожженной обмазки с отпечатками прутьев и единичных обломков глиняной посуды салтовского типа.

При зачистке обреза берега против печи № 2 к северу от устья топки в зольном слое был найден фрагментированный одноручный кувшин со сливом. Поверхность сосуда покрыта вертикальным лощением. Цвет кувшина коричневатый. Сосуд несколько деформирован и представляет, по-видимому, производственный брак (рис. 14).

На склоне обреза, несколько ниже устья топки печи № 2, была открыта гончарная печь № 3. От нее сохранились лишь под топки и незначительная часть стенок (рис. 11, 12). Топка была вырыта на склоне берега в материковом суглинке. Она имела овальную в плане форму, несколько вытянутую по оси восток—запад. Длина ее около 1.8 м, ширина около 1.5 м, наибольшая высота сохранившейся части стен около 0.75 м. Таким образом, по размерам она полностью совпадает с топками печей №№ 1 и 2, но под и стенки у нее связаны между собой несколько иначе, чем в предыдущих печах. Топка печи № 3 больше напоминает ванну с овальными переходами дна (пода) в стенки. Эта печь была разрушена еще в древности. Топка ее поверх накопившейся в ней золы была засыпана различными культурными отбросами — кусками глины, обломками глиняной посуды и т. п., а сверху перекрыта необожженной глиняной обмазкой; она служила своеобразной рабочей площадкой около топки печи № 2, ниже устья которой она лежала (рис. 15).

Материалы, собранные при раскопках и при внешнем осмотре поселения, не вызывают никаких сомнений в том, что исследованное поселение принадлежит к кругу широко распространенных в бассейне р. Дона, но еще плохо изученных, средневековых поселений VIII—X вв. салтово-маяцкого типа. Подтверждение этому мы находим прежде всего в многочисленных керамических остатках. Все они принадлежат тем типам сосудов, какие известны нам среди материа-

лов наиболее ярких памятников этой культуры — поселений и могильников (Салтов, Маяцкое, Зливки, Правобережное Цимлянское и др.). Посуда эта не только одинакова по формам и орнаментации, но и изготовлена одинаковыми техническими приемами. В этом отношении заслуживает большого внима-

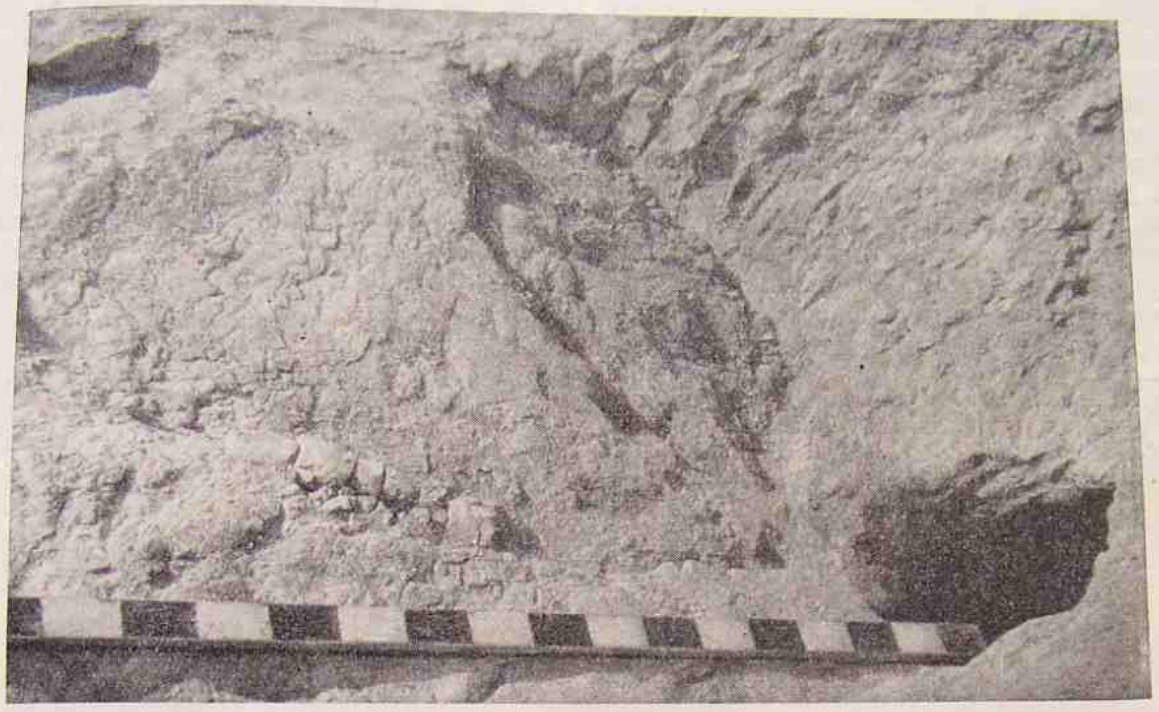


Рис. 15. Гончарная печь № 3. Топка печи, перекрытая сверху глиняной обмазкой.

ния группа лощеных сосудов (преимущественно кувшинообразных форм), известных в литературе под названием салтовских.

Сосуды этого типа наиболее широко представлены среди могильного инвентаря салтово-маяцких катакомб. Среди материалов поселений подобная керамика встречается реже. Суворовское поселение по составу лощеной посуды (как в количественном отношении, так и по разнообразию форм) представляет один из интереснейших памятников. Наряду с сосудами кувшинообразных форм, хорошо известных по могильным памятникам, здесь найдены сосуды, до сего времени не встречавшиеся в памятниках салтово-маяцкой культуры, как например глубокая чашка из полуземлянки № 1 (рис. 7).

Но основной, ведущей группой посуды на Суворовском поселении являлись все же не лощеные сосуды, хотя здесь их было и больше, чем в других поселениях, а, как и везде, горшкообразные сосуды самых разнообразных размеров, вместимостью от 0.5 до 10 л. Они изготовлялись на гончарном круге из глины с примесью песка, иногда довольно крупнозернистого. Как правило, поверхность сплошь покрывалась параллельными бороздками. Любопытно отметить, что лишь на очень немногих, буквально единичных обломках встречается волнистый орнамент, имеющий широкое распространение на керамике того же типа из салтово-маяцких поселений в районе ст. Цимлянской и некоторых других. Венчики небольших горшков имеют овальное, реже прямоугольное сечение. Край венчика иногда орнаментировался отпечатками зубчатого чекана. У больших сосудов венчики чаще всего веревкообразные. Следует, однако, подчеркнуть, что остатков горшкообразных сосудов, таких, какие принято называть пифосообразными, не найдено, равно как не обнаружено совершенно ясно выраженных следов сосудов с внутренними ушками. Мы не будем останавливаться на других, менее распространенных формах сосудов, бытовавших в обиходе населения Суворовского поселения, таких, например, как сковородки. В то же время нельзя пройти мимо одной своеобразной черты керамического ком-

плекса Суворовского поселения. Мы имеем в виду отсутствие яйцевидных амфор, получивших в литературе название салтовских. Остатки их найдены на большинстве салтово-маяцких поселений, даже там, где раскопки не производились, а лишь собран подъемный материал. На Суворовском же поселении за все время работ было найдено 2—3 красноглиняных фрагмента, которые лишь предположительно можно признать за амфорные черепки.

Принадлежность Суворовского поселения к кругу салтово-маяцких подтверждается характером жилых и хозяйственных построек, а равно и некоторыми другими материалами, обнаруженными при раскопках, в частности гончарными обжигательными печами.[1] Это дает нам основание отнести обнаруженное и частично исследованное поселение к кругу салтово-маяцких и датировать его тем же временем, VIII—X вв., поскольку никаких данных, требующих пересмотра этой даты, нет.

Суворовское поселение представляет значительный научный интерес в изучении как салтово-маяцкой культуры в целом, так и поселений в частности. Вместе с другими памятниками той же культуры, обнаруженными во время работ 1950—1951 гг. у хут. Ильменского (левый берег р. Дона), у ст. Нижне-Чирской, у хуторов Ближнего Подгорского, Островского, Нижне-Калиновского, Суворовское поселение значительно расширяет границы распространения этой культуры в области нижнего и среднего течения р. Дона, уничтожая на археологической карте белые пятна на участке от ст. Цимлянской до Маяцкого городища при устье Тихой Сосны. При всей незначительности раскопочных работ, проведенных на поселении, материалы, добытые ими, существенно пополняют наши знания о многих сторонах жизни населения этого края в период VIII—X вв.

---

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. Сообщения, т. II, Изд. ГАИМК, Л., 1929, стр. 110.

И. И. Ляпушкин

СЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ХУТ. БЛИЖНЯЯ МЕЛЬНИЦА

При обследовании долины нижнего течения р. Чир (правый приток р. Дона) на территории хут. Ближняя Мельница, расположенного непосредственно у реки, в обрезе правого высокого берега были обнаружены культурные отложения древней поры, состоящие из темного гумусированного слоя с включением обломков глиняной лепной посуды, костей животных, кусков обожженной глины и т. п. В ряде мест берегового обреза в материке были прослежены остатки разрушенных полуземляночных жилищ в виде прямоугольных в разрезе ям глубиной до 1.5 м от современной дневной поверхности. Ямы заполнены гумусированным слоем с включением таких же остатков, как и в отложениях культурного слоя (рис. 1). Полевые наблюдения и собранный материал позволили установить, что обнаруженный памятник представляет

Рис. 1. Разрушенная полуземлянка № 1 в обрезе берега.

остатки раннеславянского неукрепленного поселения, по характеру материальной культуры близкого поселениям роменско-боршевского типа.

Таких полуземлянок было вскрыто три. Кроме того, при прорезке береговой линии траншеями удалось обнаружить еще одно (четвертое) полуземляночное сооружение.

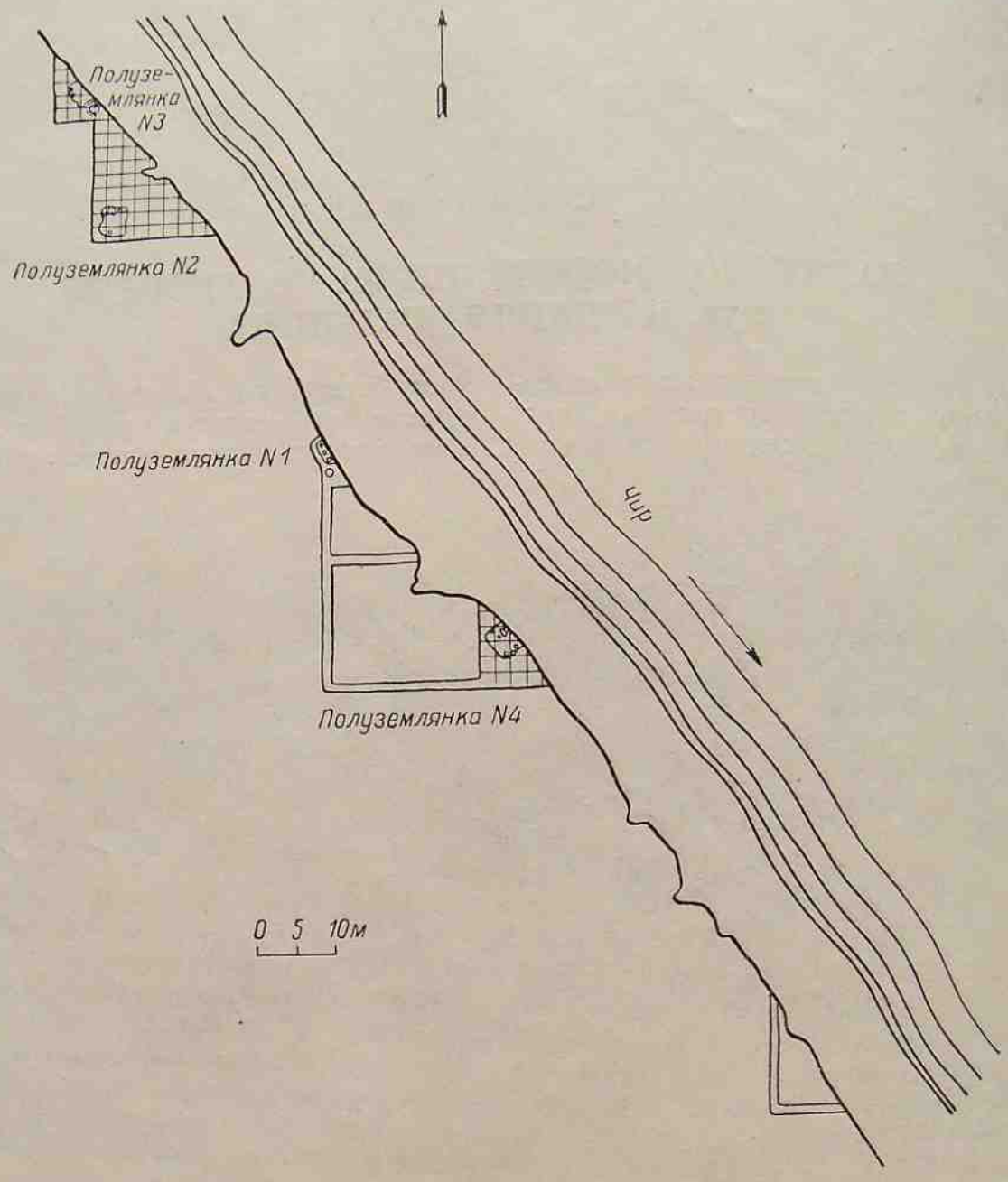


Рис. 2. Схематический план раскопок поселения Ближняя Мельница.

С целью проверки сделанных выводов на территории поселения были проведены небольшие раскопочные работы (4—6 VII и 15—25 IX 1951). Раскопки носили разведочный характер и в основном были сосредоточены на вскрытии разрушенных полуземляночных сооружений, расположенных на линии обреза высокого правого берега р. Чир, постепенно подмываемого весенними водами. в некотором отдалении от кромки берега (рис. 2). Сохранность этой полуземлянки значительно лучше.

При проведении раскопочных работ выяснилось, что древний культурный слой поселения имеет небольшую мощность и малоразличителен. Он представлен довольно тонкой гумусированной прослойкой, включающей в себя немногочисленные обломки гли-

няной посуды и кости животных. Лишь на участках, прилегающих к полуземлянкам, слой несколько обогащается мелкими обожженными камнями. Основная масса керамических остатков принадлежит лепным сосудам роменско-боршевского типа (кухонные горшки и сковородки), изготовленным из глины с примесью шамота. Среди материалов имеются обломки горшков со слегка отогнутыми венчиками, орнаментированными насечками или «щипками», и горшков с высокими вертикальными венчиками. В составе керамических остатков есть также обломки гончарных сосудов салтово-маяцкой культуры — серых кувшинов с лощением и круглодонных амфор. По сравнению с лепной керамикой гончарные остатки немногочисленны. Ниже гумусированного слоя с незначительным содержанием культурных остатков залегает материк. Сверху древний культурный слой перекрыт культурными отложениями наших дней.

Полуземлянка № 1 (рис. 1). При обследовании поселения в обрезе высокого правого берега р. Чир на фоне материкового суглинка была обнаружена прямоугольная в сечении яма глубиной около 1 м от современной дневной поверхности. Длина ямы по береговому обрезу около 3 м. В гумусированное заполнение ямы вкраплены камни, кости животных и немногочисленные керамические остатки. Сверху поверхность ровная, слегка задернованная.

Исследование ямы показало, что она представляет собой остатки углубленной части полуземляночного сооружения, вырытого в почвенно-материковом слое. Глубина ямы около 0.7 м. От ямы полностью сохранилась лишь юго-западная стенка длиной 3.2м. Протяженность сохранившейся части северо-западной стенки около 0.5 м, юго-восточной — около 0.7 м. Северо-восточная стенка, как и бóльшая часть всей ямы, разрушена полностью. Сохранившаяся часть стенок имеет отвесный характер. Пол — утрамбованная материковая глина без следов подмазки. В западном и южном углах и у западной стенки в ее средней части в полу обнаружены столбовые ямки диаметром около 0.3 м и такой же глубины (рис. 3).

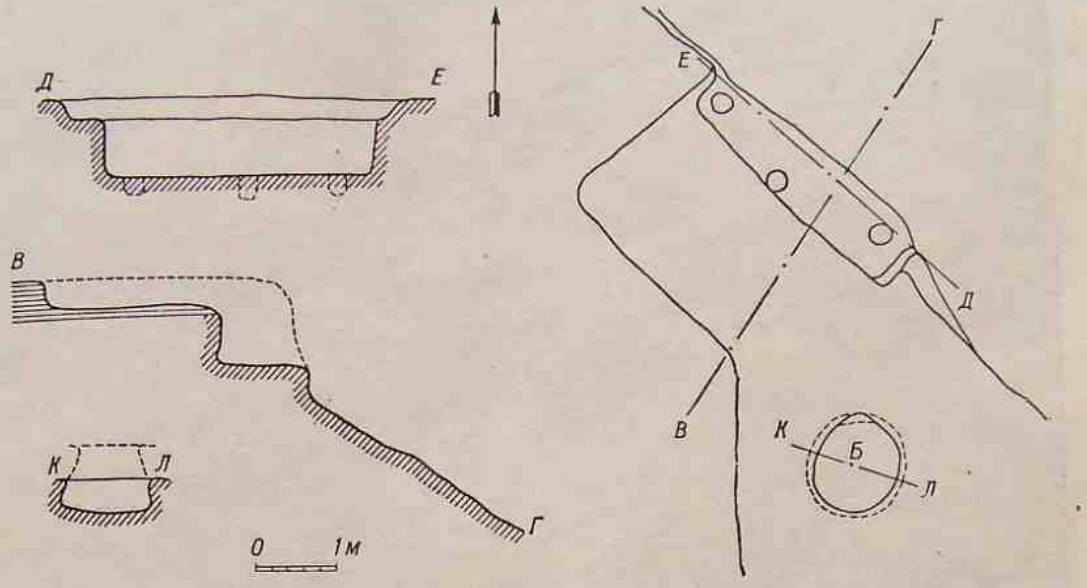


Рис. 3. План и разрезы полуземлянки № 1 и хозяйственной ямы Б.

Яма была заполнена гумусированным слоем с включением камней, костей животных и небольшого числа обломков глиняной лепной посуды того же типа, что и найденная при обследовании поселения. Среди них есть обломки сковородки роменско-боршевского типа и яйцевидной амфоры.

В 2.5 м от полуземлянки, вверх по течению, в обрезе берега прослежены остатки хозяйственной ямы. Яма оказалась настолько разрушенной, что ни форму, ни размеры ее восстановить не удалось.

При проведении раскопок в период 15—25 IX 1951 в 2 м к югу от этой полуземлянки обнаружена еще одна хозяйственная яма (Б), вырытая в материке. Яма в плане округ-

лая. Верхний диаметр ее около 1 м, нижний — около 1.2 м. Глубина сохранившейся части около 0.40 м. Яма была заполнена темным гумусированным слоем с примесью золы, углей и других культурных остатков — костей животных, обломков глиняной лепной посуды и т. п. (рис. 3).

в виде прямоугольной в плане ямы с хорошо выраженным полом. Яма ориентирована почти соответственно странам света, лишь незначительно отклоняясь от них. Длина стен: юго-западной — 3.7 м, северо-восточной — 3.5 м, северо-западной — 4 м, юго-восточной — 3.8 м. Стены отвесные, хорошо

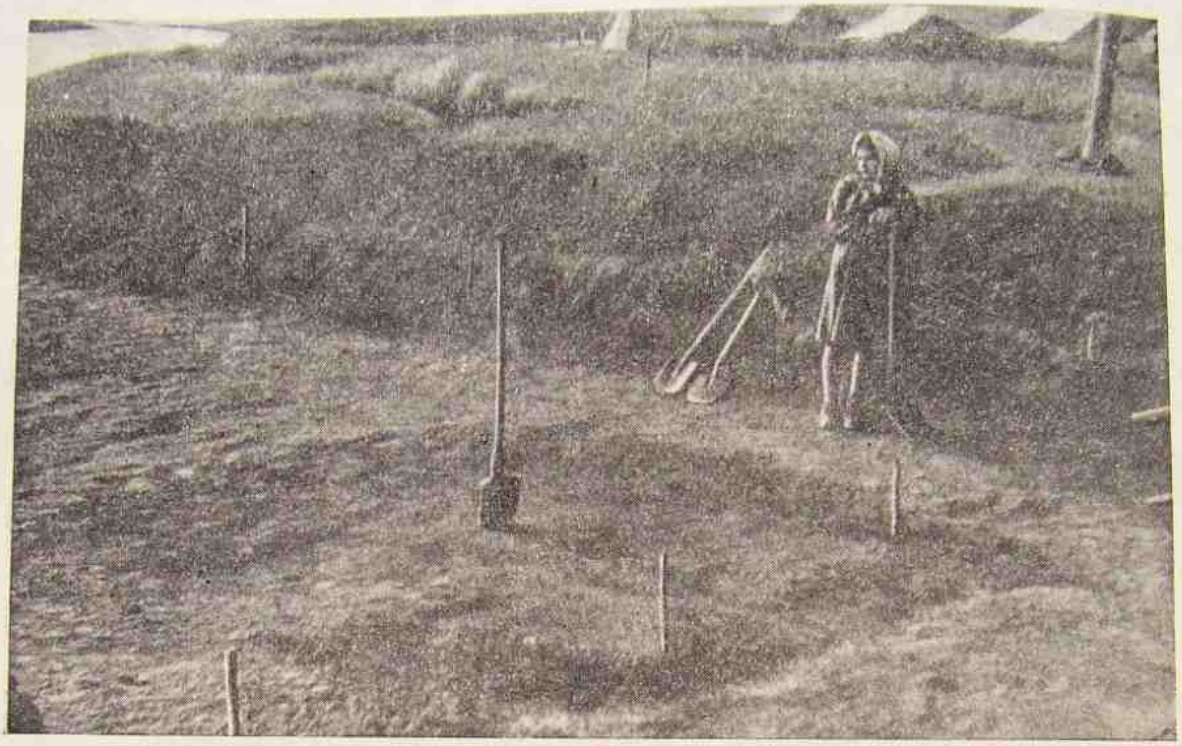


Рис. 4. Полуземлянка № 2. Перед расчисткой (на поверхности видны контуры углубленной части, заполненной темным гумусированным слоем).

Полуземлянка № 2. Метрах в 40 от полуземлянки № 1, вверх по течению, были заложены две разведочные траншеи (раскоп II) по линиям север—юг и восток—запад, сходящиеся под прямым углом в 18 м к западу от обреза берега. Близ точки пересечения этих траншей в траншее, проложенной по линии север—юг, на горизонте материка было обнаружено гумусированное пятно. С целью выяснения границ гумусированного пятна раскоп был расширен. Было выяснено, что пятно имеет почти прямоугольную в плане форму с незначительным выступом северо-западного угла (рис. 4). Вокруг гумусированного пятна оказалось значительное количество камней, многие из которых были обожжены. Такие же камни были заметны и в гумусированном пятне. Выборка гумусированного пятна привела к вскрытию углубленной части полуземлянки, вырытой в глинистом материковом слое сохранившиеся (правда, изрытые кротовинами). Глубина ямы от 0.7 до 0.8 м от древней поверхности (рис. 5, 6).

В полу у юго-западной и северо-западной стен в средней их части обнаружены столбовые, округлые в плане ямы глубиной около 0.6 м, диаметром около 0.20—0.25 м. В северо-восточном углу расположена небольшая хозяйственная яма, округлая в плане. Верхний диаметр ее 0.25—0.35 м, нижний — около 0.35—0.40 м, глубина около 0.25 м.

В северо-западном углу вскрыт развал печи-каменки. Изучение его дало следующее: печь была сооружена непосредственно на полу полуземлянки и примыкала тыльной стороной к северо-восточной стене; устье печи было обращено к югу (рис. 7). Печь сложена из камней (в основном из рваного известняка, но встречаются отдельные камни песчаника, конкреции известняка и т. п.).

В плане печь четырехугольная, почти квадратная, размером 1.4 (по линии северо-восток—юго-запад)×1.2 м (северо-запад—юго-восток).

В основание печи были положены камни больших размеров (0.20×0.25×0.30 м). Подом печи являлся пол, несколько углубленный в границах топки (не более чем на 0.15—0.20 м по сравнению с остальной частью пола), обожженный докрасна. В плане под имеет трапециевидную форму, суживающуюся к устью Размеры пода 0.5—0.7×0.7 м. Под был покрыт золисто-углистым слоем мощностью до 0.2 м. Толщина стенок печи 0.4—0.5 м. Свод печи не сохранился; остатки его в виде груды камней, покрытых копотью, перекрывали под печи и прилегающий к печи пол. Большое число камней было найдено в гумусированном заполнении полуземлянки. Под развалом печи и рядом с развалом на полу был найден фрагментированный кухонный лепной горшок со щипковым орнаментом по краю венчика (рис. 8). На полу у торца стенки печи, справа от устья, найдено плоское пряслице, сделанное из обломка лощеного сосуда салтовского типа.

За печкой, в северо-западном углу на линии северо-западной стенки, расположена неглубокая (около 0.1 м), округлая в плане хозяйственная яма диаметром около 0.6 м. Яма наполовину заходит за границу стены, образуя как бы нишу, полукруглую в плане.

Полуземлянка № 3 (рис. 9, 10). В 15 м к северу от полуземлянки № 1 в береговом обрезе была обнаружена прямоугольная в сечении яма около 4 м длины по линии берега и около 1.1—1.3 м глубины от современной поверхности. Раскопки, произведенные на этом участке, вскрыли остатки полуземляночного сооружения в виде углубленной в материк, прямоугольной в плане ямы, ориентированной стенами по линиям северо-восток—юго-запад и северо-запад—юго-восток. Яма частично разрушена. Полностью сохранилась лишь юго-западная стена, длина которой около 3.9 м; длина сохранившейся части юго-восточной стены 2.8 м, северо-западной — 1.4 м. Северо-восточная стена не сохранилась совершенно. Полуземлянка была углублена на 0.70—0.75 м от древней поверхности. Стены сохранились не вполне удовлетворительно, в ряде мест они прорезаны столбовыми ямами современных хозяйственных построек и кротовинами. Пол сохранился лучше. Это материковый, хорошо утрамбованный суглинок. Не исключена возможность, что в ряде мест он был подмазан, о чем свидетельствует его слоистость на отдельных участках. Поверхность пола довольно ровная. У юго-западной стены в полу имеются две столбовые ямы, одна на расстоянии 0.8 м от южного угла, другая — 0.5 м от северного. Глубина ямок 0.12—0.15 м при диаметре 0.20—0.28 м. В плане ямки овальные.

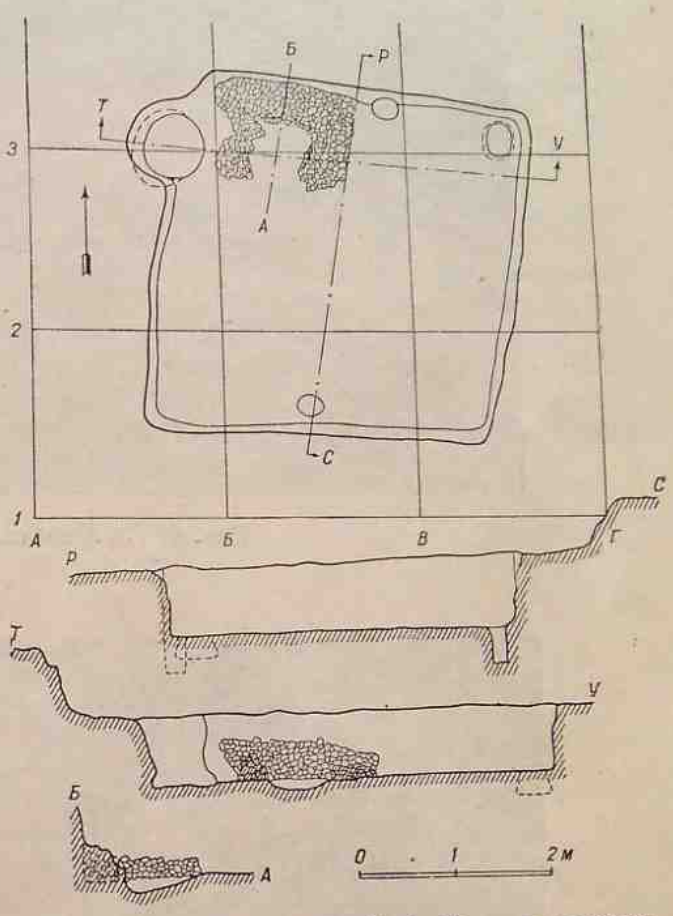


Рис. 5. Полуземлянка № 2. План и разрезы.

В юго-западную стену, в среднюю ее часть (между столбовыми ямами), на расстоянии 1.85 м от южного и 1.10 м от западного угла врезана печь в виде подбоя. К сожалению, устье ее срезано современной столбовой ямой. Сохранившаяся ее часть представляется в следующем виде: печь была вырезана в стене, под ее при устье лежал на одном уровне с полом, вглубь от устья он несколько повышался; свод возвышался над подом у устья на 0.25 м, у западней стенки до 0.20 м. Ширина сохранившейся части

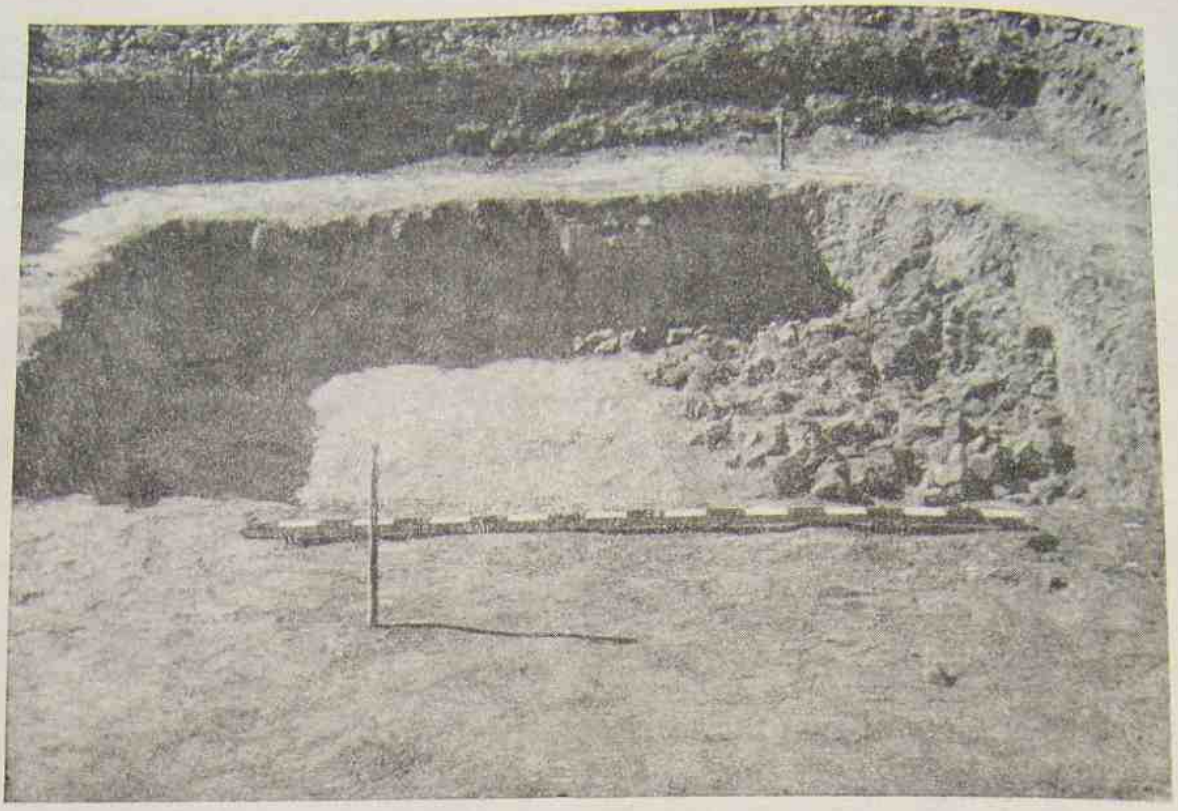


Рис. 6. Полуземлянка № 2. Общий вид.

Рис 7. Полуземлянка № 2. Печь. Общий вид с юга.

устья около 0.9 м, глубина печи (по поду) до 0.9 м. Сохранившаяся часть печи в плане имеет полукруглую форму. Под и свод обож-

Рис. 8. Полуземлянка № 2. Глиняный горшок, найденный на полу.

жены докрасна; толщина обожженного слоя более 5 см.[1]

На расстоянии около 0.7 м к юго-востоку от печи на полу полуземлянки обнаружена небольшая кварцитовая, хорошо отшлифованная с поверхности плита. Цвет ее розовато-лиловый. Размер плиты 0.15×0.25 м. В юго-восточной части полуземлянки заметен след небольшого, округлого в плане, слегка углубленного в пол, открытого очага, заполненного золой. Вокруг очага найдено значительное число обломков глиняной лепной посуды.

Полуземлянка была заполнена гумусированными отложениями, включающими в себя культурные остатки в виде костей животных и обломков глиняной лепной посуды.

С юго-восточной стороны к полуземлянке № 3 примыкает хозяйственная яма В (квадрат $А_{10}$). Яма выкопана в материке. В плане она округлая. Верхний диаметр ямы около 1.3 м, нижний — 1.90—1.95 м. Глубина ямы около 1 м. Дно и стены ямы обработаны довольно хорошо. Яма была заполнена золистым слоем с включением немногочисленных культурных остатков в виде костей животных и обломков глиняной посуды. Среди последних наряду с лепной керамикой обнаружены обломки салтово-маяцкой гончарной посуды.

Полуземлянка № 4 (рис. 11, 12). Метрах в 25 вниз по течению от полуземлянки № 1 в обрезе высокого берега была обнаружена прямоугольная в сечении яма протяженностью около 3.5 м по линии берега. Произведенные на этом месте раскопки вскрыли остатки полуземлянки в виде прямоугольной в плане ямы, вырытой в материковом суглинке. Яма была ориентирована стенами по линиям северо-восток—юго-запад и юго-восток—северо-запад. Яма частично нарушена в связи с оползанием берега. Полностью сохранилась лишь юго-западная стена, длина ее около 3.7 м. Длина сохранившейся

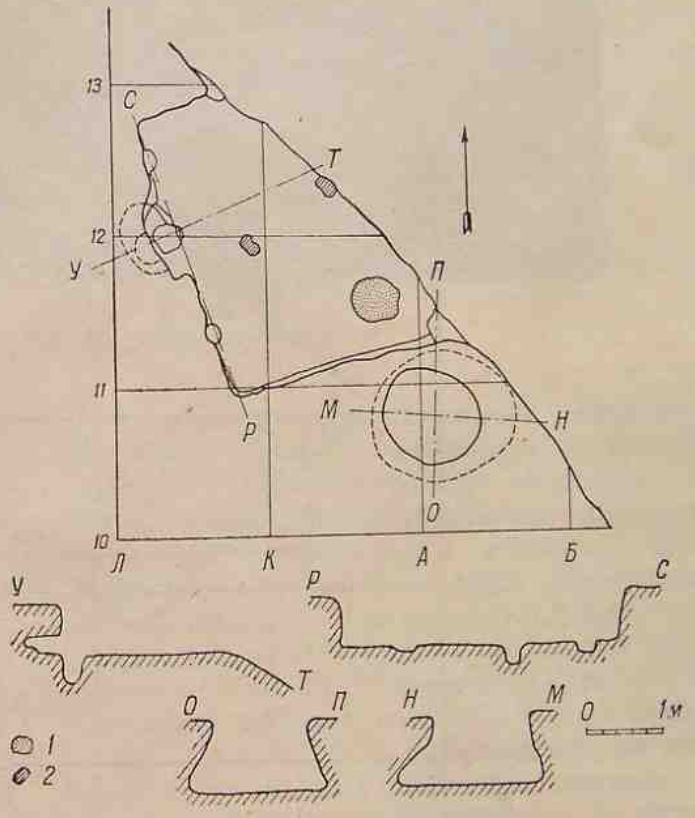


Рис. 9. Полуземлянка № 3. План и профили.
1 — зола; *2* — камни.

части северо-западной стены около 3.5 м, юго-восточной — около 3.3 м, северо-восточная стена не сохранилась совершенно.

[1] Печи такого типа были открыты нами в 1952 г. при раскопках славянского городища VIII—X вв. в с. Новотроицком Лебединского района Сумской области в полуземлянках №№ 3 и 7.

Рис. 10. Полуземлянка № 3. Общий вид.

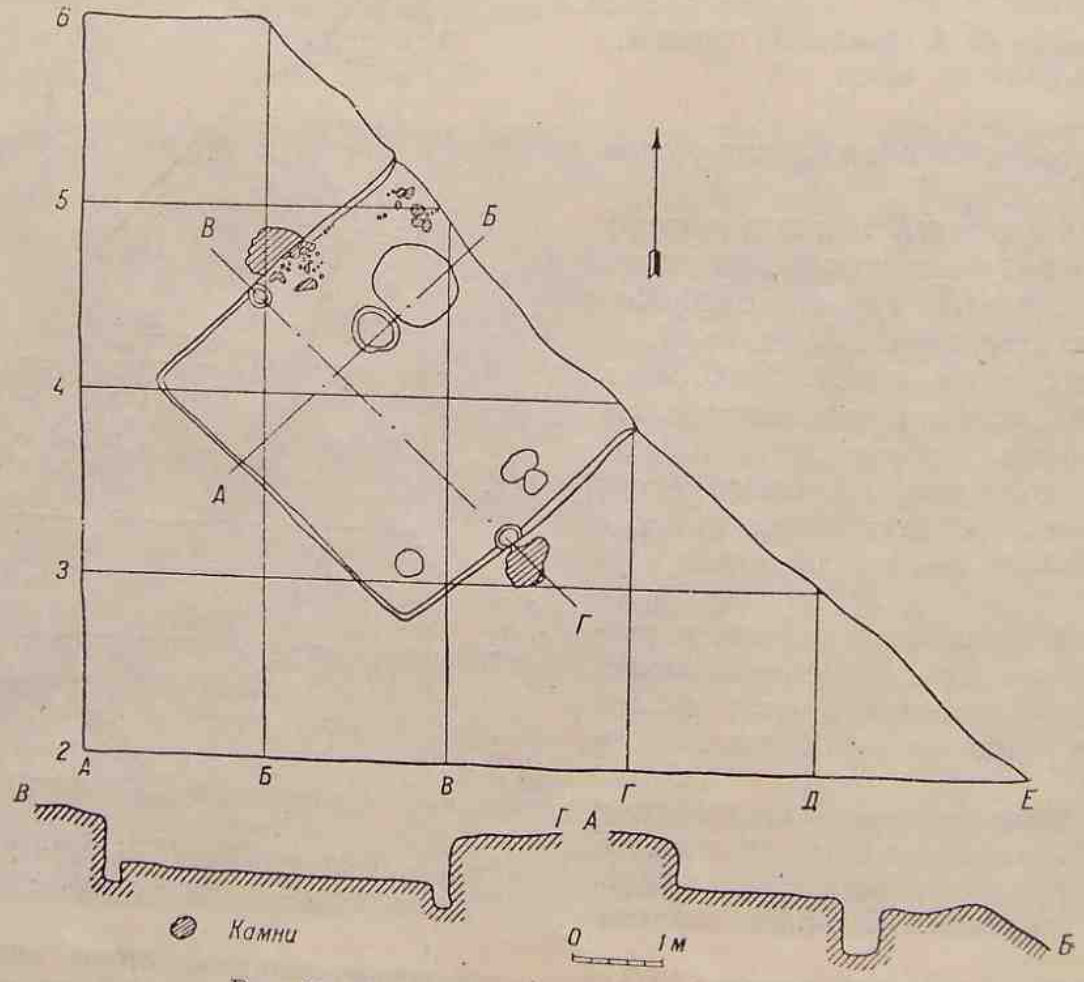


Рис. 11. Полуземлянка № 4. План и профили.

Поверхность стен сохранилась не вполне удовлетворительно, в ряде мест в верхней своей части они затронуты постройками наших дней. Глубина полуземлянки от древней поверхности 0.60—0.65 м. Пол землянки материковый (глиняный), сравнительно ровный, но довольно рыхлый. В полу землянки у северо-западной и юго-восточной стен (по-

Полуземляночный тип вскрытых при раскопках жилищ с характерными печами-каменками, а также собранные при раскопках обломки глиняной лепной посуды в виде кухонных горшков и сковородок роменско-боршевского типа подтверждают вывод, сделанный на основе материалов, полученных при внешнем осмотре памятника, а именно

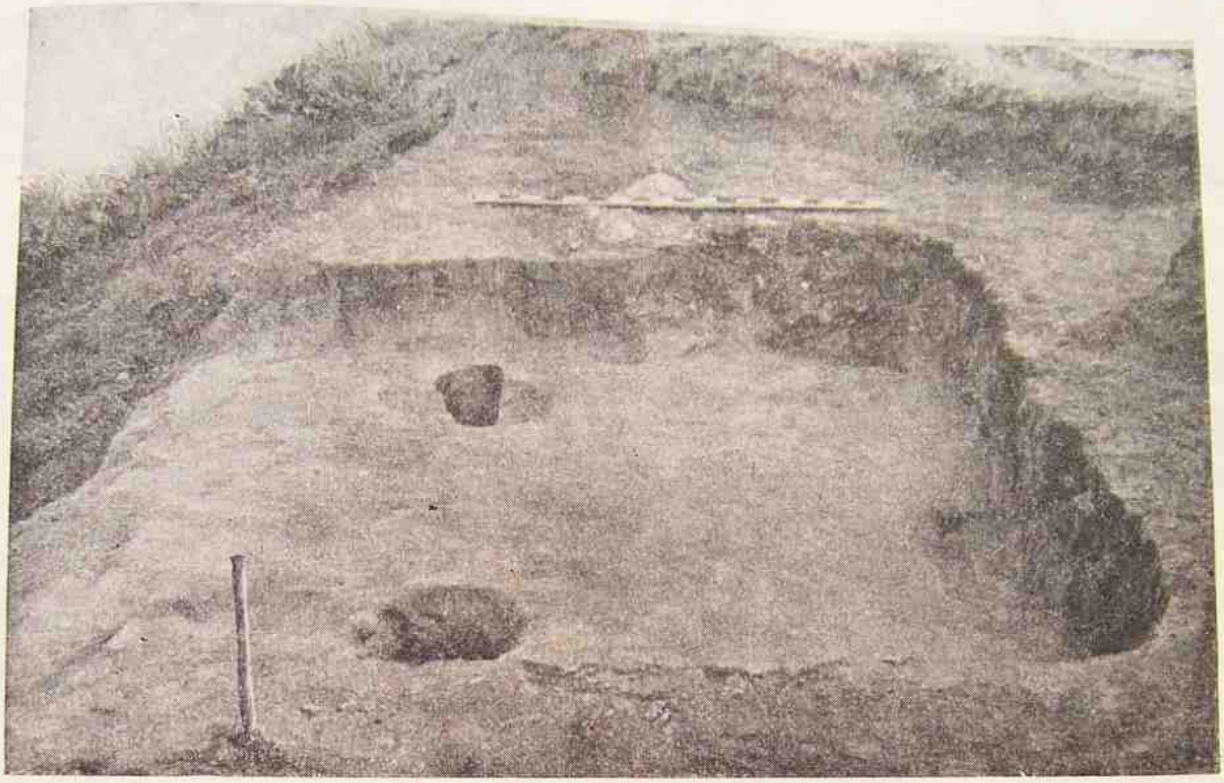


Рис. 12. Полуземлянка № 4. Общий вид.

видимому, на середине их) расположены столбовые ямы диаметром около 0.2 м, глубиной около 0.3 м.

В северо-восточной части полуземлянки в полу имеется неглубокая западинка, почти квадратная в плане, размером 0.7×0.9 м, с покатыми и обожженными докрасна стенками и дном. По своей форме, характеру обжига и окружающим ее остаткам (закоптелым камням) западинка полностью соответствует поду печи-каменки полуземлянки № 2. Непосредственно к этой западинке с юго-западной стороны примыкает небольшая, округлая в плане ямка диаметром около 0.5 м, глубиной 0.5 м. Ямка была заполнена золой. Кроме этих ямок, в полу землянки обнаружено еще три небольших ямки диаметром 0.2—0.4 м, глубиной около 0.3 м. Все они расположены на линии юго-восточной стены в 0.2—0.3 м от нее.

о принадлежности поселения славянской культуре. Судя по характеру культурных отложений (незначительная мощность, слабая насыщенность культурными остатками), поселение существовало недолго. Время жизни его в какой-то мере определяется находками в культурном слое и в заполнении жилищно-хозяйственных сооружений обломков салтово-маяцкой керамики (рис. 13, 14), бытование которой в Подонье относится ко времени VIII—X вв. Основываясь на наличии в составе этих остатков обломка высокогорлой яйцевидной амфоры с отогнутым венчиком, более точной датой можно признать IX в.

Таким образом, проникновение группы славян, населявшей исследуемый поселок, в бассейн нижнего течения Дона произошло, очевидно, ранее похода Святослава на хазар, в период того широкого движения славян

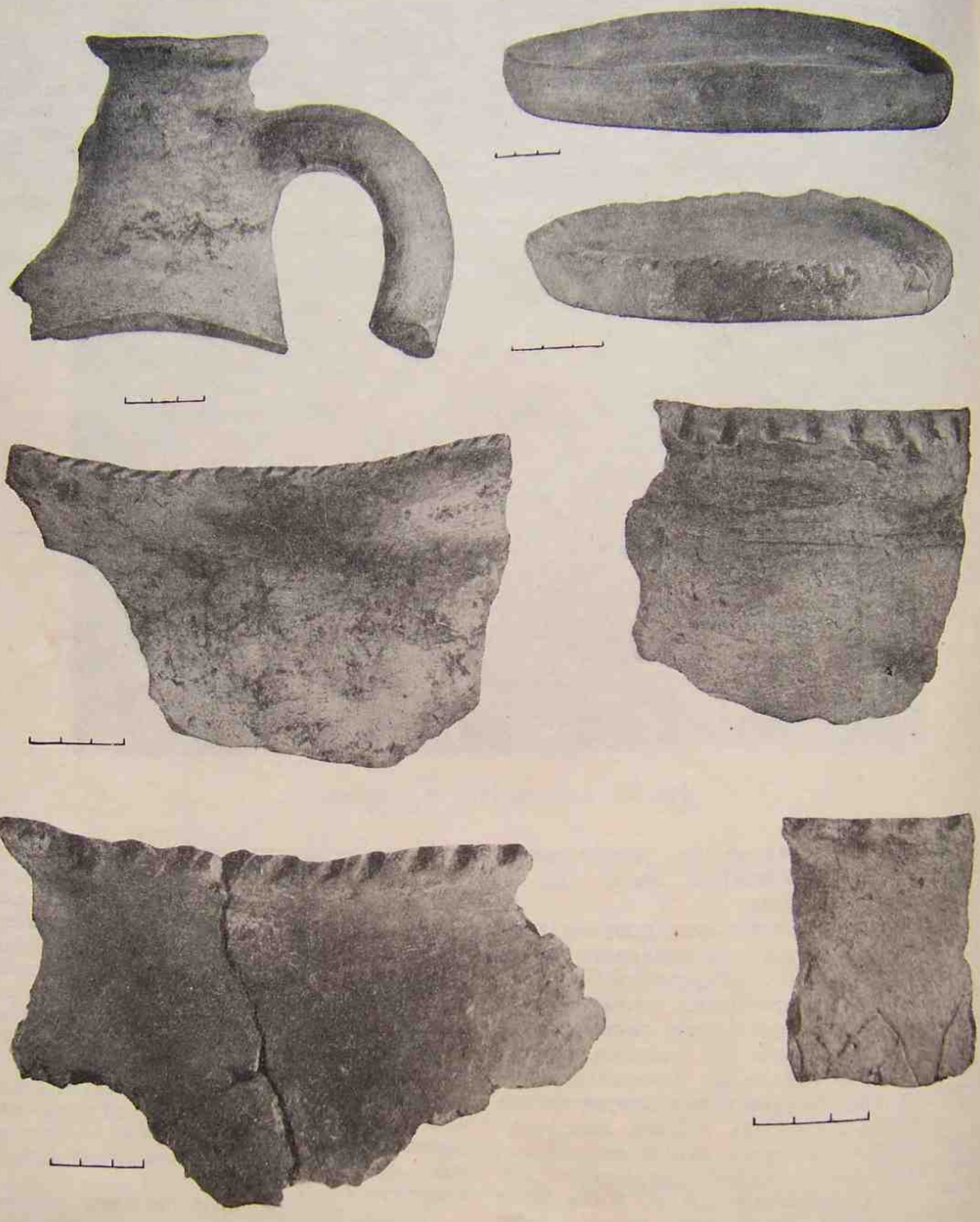


Рис. 13. Керамика поселения.

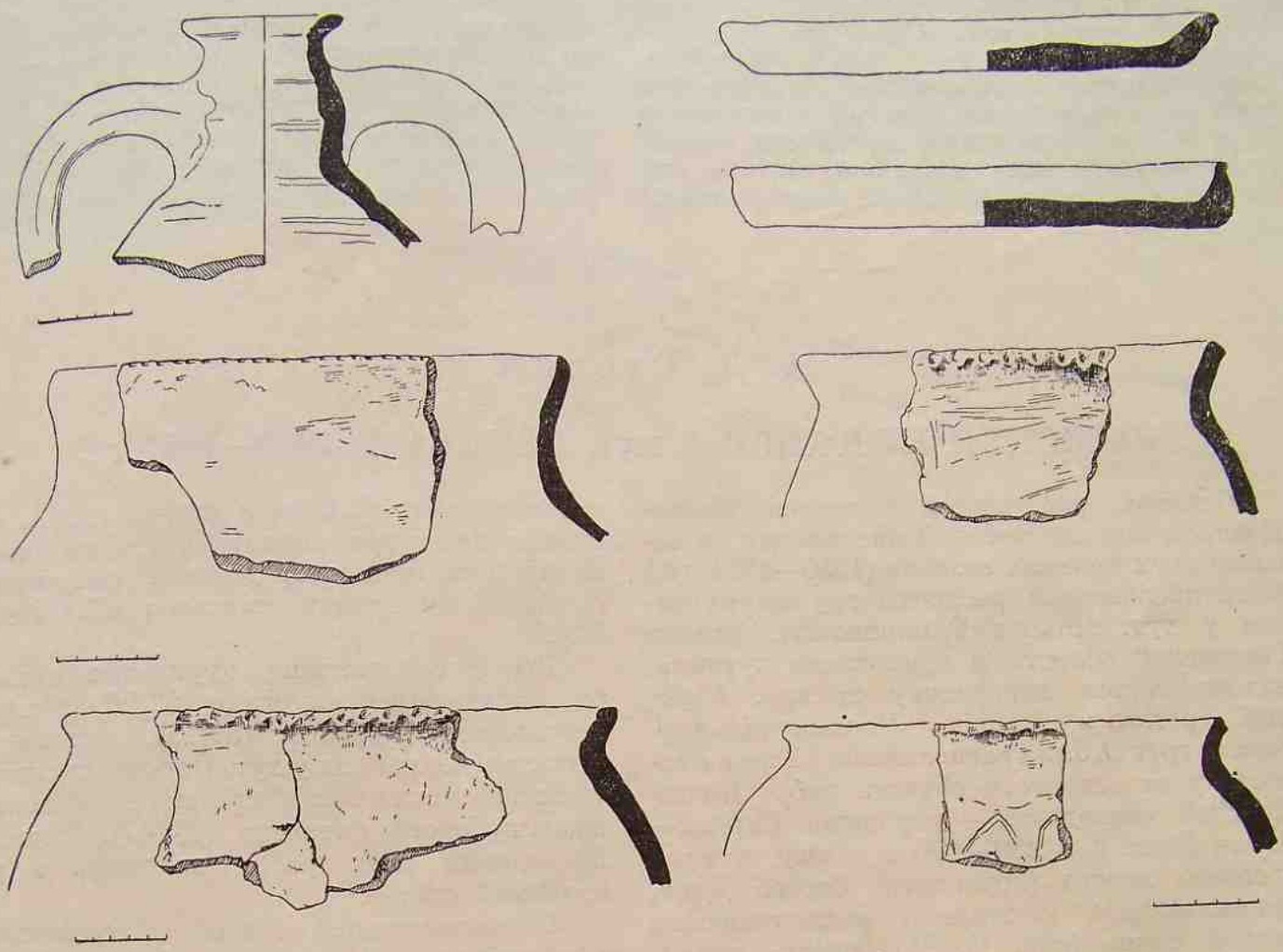


Рис. 14. Керамика поселения (профили).

на Юго-Восток, которое началось в VIII в. Для понимания этого процесса материалы поселения у хут. Ближняя Мельница имеют существенное значение. Вместе с тем они свидетельствуют, что появление славян на Юго-Востоке связано с расселением их с основной славянской территории, а не в результате «распространения сферы первоначального этногенеза славян-антов на Приазовье и Подонье», как еще не так давно утверждалось рядом исследователей.[1]

[1] В. В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. Уч. зап. Педагог. инст. им. А. И. Герцена, т. XI, Л., 1939, стр. 239—240; Б. А. Рыбаков. ВДИ, 1946, вып. I, стр. 128. (Рецензия на: МИА СССР, № 6, 1941. Этногенез восточных славян, т. I, под ред. М. И. Артамонова).

А. Д. Столяр

РАСКОПКИ КУРГАНОВ У хут. ПОПОВА В 1950—1951 гг.

Отрядом, работавшим в составе Волго-Донской археологической экспедиции, в течение двух полевых сезонов (1950—1951 гг.) были произведены раскопки группы курганов у хут. Попова Романовского района Ростовской области и одиночного кургана, находившегося неподалеку от хут. Красный Яр того же района.[1] Упомянутая курганная группа была расположена в 2 км к юго-востоку от основного объекта работ Волго-Донской экспедиции — городища Саркел—Белая Вежа и в 200—400 м к югу от края древнего левого (коренного) берега Дона, примыкающего к широко раскинувшейся речной пойме (рис. 1). По берегу, параллельно его краю, проходила проселочная дорога, ведущая из хут. Попова в хут. Красный Яр.

По этой дороге на расстоянии около 1.4 км к востоку от раскапываемого курганного некрополя и примерно в 500 м к северу от того места, где коренной берег, идущий до этого от хут. Попова в юго-восточном направлении, круто поворачивает на север, находилась одиночная насыпь, получившая в общей нумерации курганов обозначение 52/20.

Все исследованные курганные насыпи, за исключением кургана 52/20 и одного небольшого кургана (57/25), входившего в состав некрополя у хут. Попова, снимались тонкими послойными срезами при помощи шестикубового скрепера (Д-147). Методика проведения этих работ изложена в уже изданной статье.[1]

Цель настоящей статьи в соответствии с общим планом издания «Трудов Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР» заключается в публикации полученных материалов, а их общая историческая интерпретация будет предложена после издания результатов раскопок второй (так называемой Соленовской) курганной группы.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У хут. ПОПОВА

В состав некрополя входили шесть курганов, обозначенных следующими номерами: 30/6, 31/7, 50/18, 51/19, 57/25, 58/26. Самым западным из них являлась небольшая насыпь 58/26 (рис. 1). В 70 м к востоку от этой насыпи начиналась пола́ более крупного кургана 30/6 (расстояние между высшими, нулевыми точками обоих курганов около 118 м). В 50—60 м к юго-востоку от

---

[1] В раскопках отряда, кроме автора статьи, участвовали в 1950 г. студенты-практиканты Г. Каменецкий и Л. Тихонов, а в 1951 г. студенты Л. Тихонов, И. Поснова, Л. Лейбошиц и Е. Зеймаль. Работы проводились: в 1950 г. — с 19 сентября по 19 октября, в 1951 г. — с 19 июля по 15 сентября. В 1951 г. с 27 августа работами отряда руководил А. А. Иессен; после окончания раскопок насыпи 58/26 работы были перенесены на так называемую Соленовскую курганную группу, в 9 км к югу от хут. Попова.

[1] А. Д. Столяр. Опыт применения землеройно-транспортных машин при полевых работах Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950—1951 гг. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 163—168.

кургана 30/6 находилась вторая значительная насыпь, 50/18, южнее которой располагались два кургана — сначала малая насыпь 51/19, а затем, еще южнее, несколько более крупная насыпь 31/7 (расстояние между высшими точками курганов 50/18 и 51/19 составляет только 53 м, и поэтому вследствие распашки насыпей к моменту

КУРГАН 30/6

Курган № 30/6 имел в основании овальную форму, несколько более вытянутую по линии север—юг, чем по оси запад—восток (длина соответствующих осей 55 и 48 м). Его южный склон был более пологим, чем северный (рис. 2). Средняя высота кургана

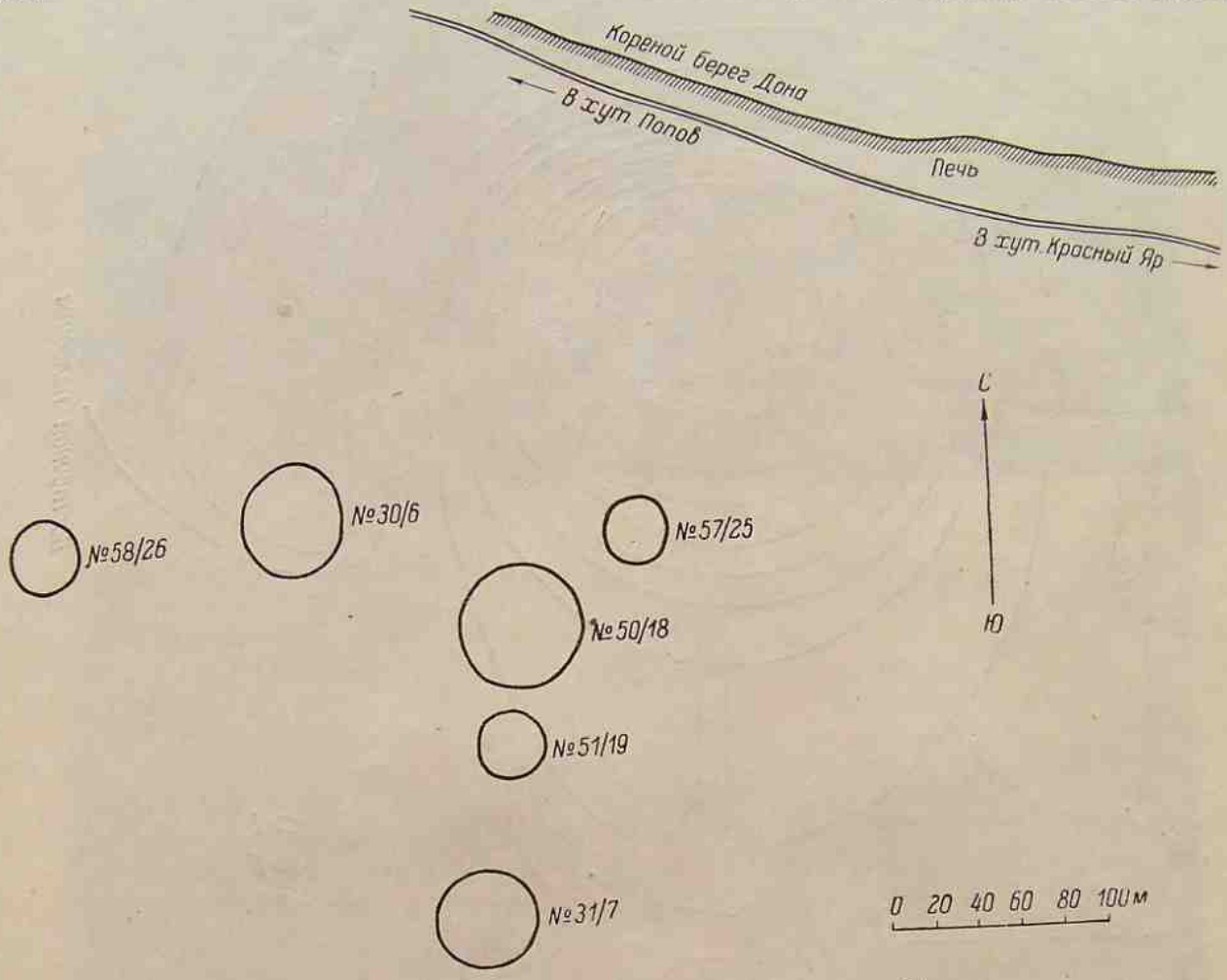


Рис. 1. Общий план группы курганов у хут. Попова.

раскопок южная оконечность насыпи 50/18 сливалась с северной оконечностью насыпи 51/19). Последний, шестой курган, 57/25, самый небольшой по размерам из всех насыпей, составляющих некрополь, находился в 22 м к северо-востоку от края полы кургана 50/18.

В результате полевых работ отряда в течение 1950—1951 гг. все перечисленные насыпи были раскопаны полностью, причем в 1950 г. был исследован один курган (№ 30/6), а в 1951 г. — остальные пять.[1]

составляла 2.18 м (высота кургана с севера — 2.37 м, с юга — 1.96 м, с запада — 2.12 м, с востока — 2.28 м). Значительная разница в высоте кургана с севера и юга объясняется тем, что первая терраса, на которой он стоит, поднимается в направлении с севера на юг.

У подошвы кургана в западном, юго-восточном и восточном секторах прослежи-

[1] Отчет об исследовании кургана 58/26 приводится в статье А. А. Иессена, которая войдет в IV том «Трудов Волго-Донской экспедиции». Предварительные сведения об этом кургане, как и о других насыпях, раскопанных в 1951 г., см. в: А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, вып. LIII, 1954, стр. 61—79.

вались остатки неглубокого узкого рва, опоясывавшего в древности насыпь. Наиболее отчетливо следы этого рва выявлялись в западной и юго-восточной частях подошвы, где он достигал ширины 2.6—2.8 м при глубине в несколько сантиметров. На вершине кургана сохранились следы разрушенной и заплывшей траншеи, а в западной поле́ — остатки нескольких одиночных окопов времени Великой Отечественной войны, в которых обнаружены гильзы винтовочных патронов и т. п. По всей поверхности кургана встречались обломки кирпича того же типа, что и кирпич, из которого была построена крепость Саркел. Обломки такого же по тесту, обжигу, форме и размерам кирпича были обнаружены в значительном количестве и при расчистке остатков больших керамических печей в обнажении древнего коренного берега Дона (расстояние от вершины кургана до остатков ближайшей из расчищенных керамических печей хазарского времени — 350 м в северо-восточном направлении).

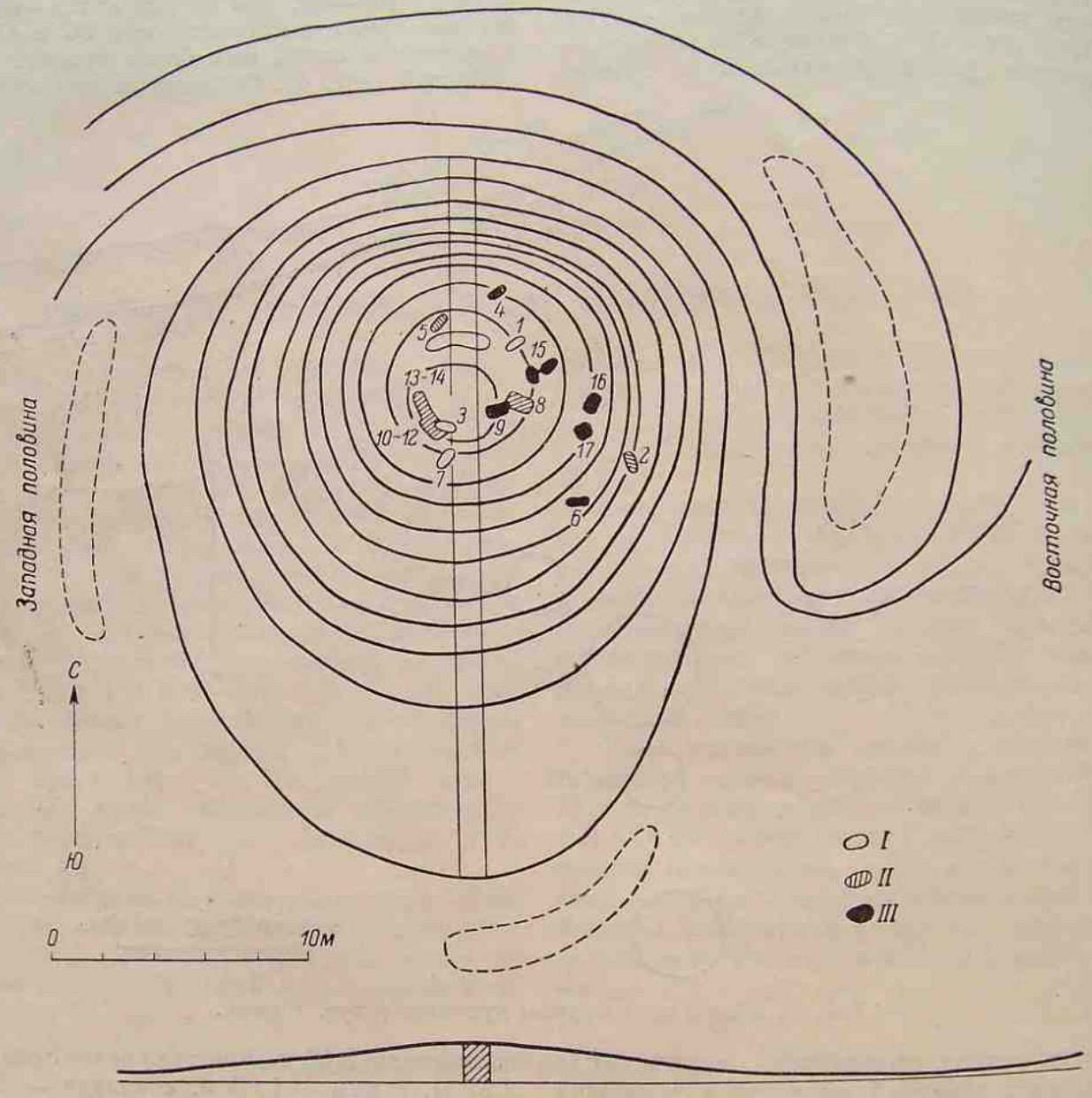


Рис. 2. Курган 30/6. Общий план.

Цифрами (*1—17*) обозначены номера погребений. Горизонтали проведены через 0.20 м. *I* — погребения древнерусского времени; *II* — погребения сарматского времени; *III* — погребения эпохи бронзы.

При исследовании этого кургана экспедиция впервые применила шестикубовый скрепер (рис. 3, 2), работающий на прицепе у трактора С-80, и на основании полученных результатов пришла к выводу о возможности подобного использования мощной землеройной машины. В данном случае при послойном срезании земляной насыпи по ее основной оси, совпадающей с направлением север—юг, была оставлена перемычка шириной в 2 м для изучения разреза кургана и выяснения его структуры. В процессе работы тщательно осматривалась каждая полоса (зачистка), остающаяся после очередного среза скрепера. Толщина снимаемого в один прием пласта земли колебалась в среднем от 7 до 12 см. При обнаружении первых признаков могильной ямы работа скрепера приостанавливалась и выборка и расчистка ямы производились, как обычно, вручную. Что же касается ям впускных погребений верхних горизонтов (до глубины около 2 м

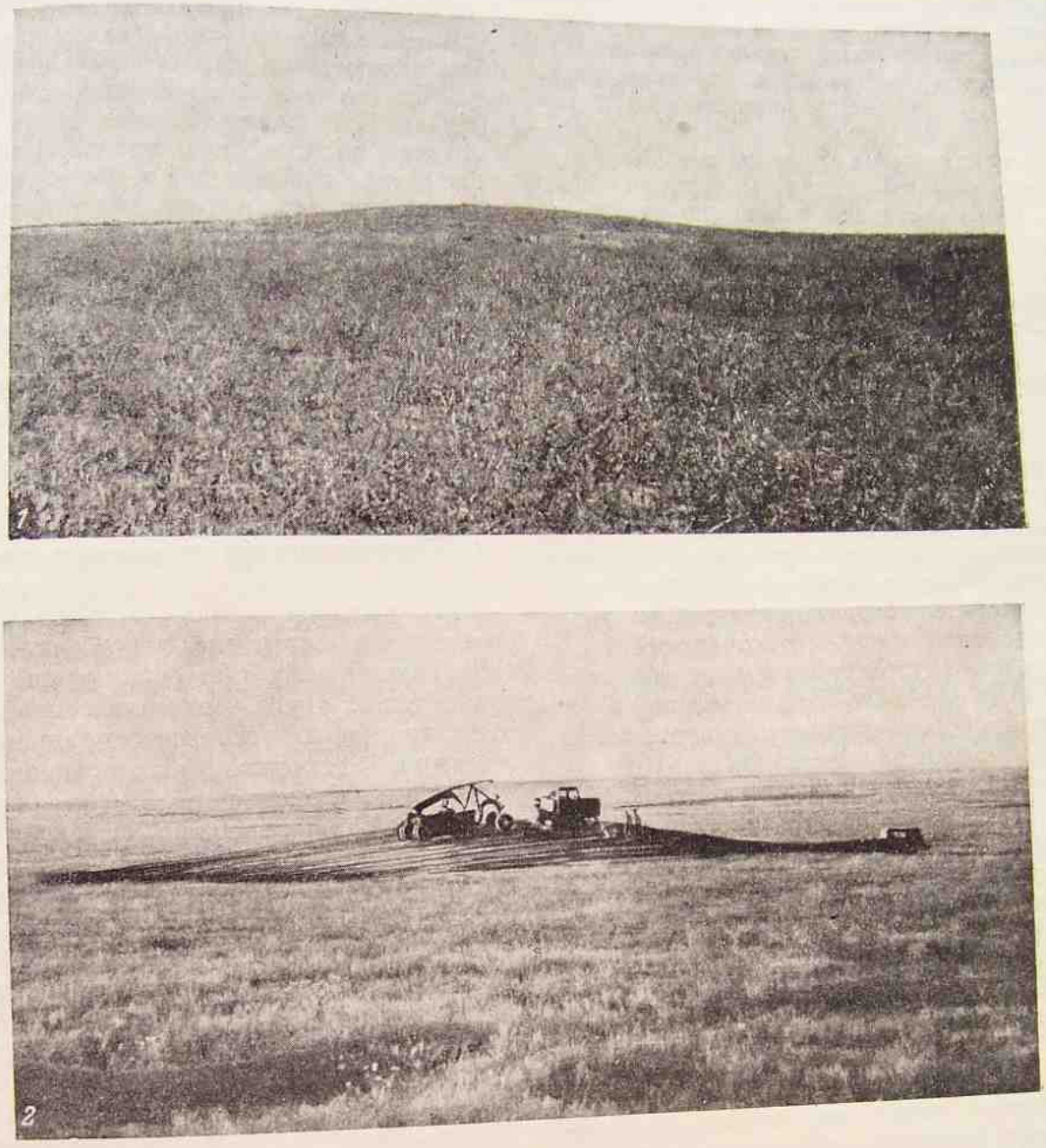


Рис. 3. Раскопки кургана 30/6.

1 — вид кургана до раскопок; *2* — общий вид кургана в процессе раскопок.

от нулевого репера, за который принималась высшая точка центра насыпи), то в связи с однородностью и одинаковой плотностью грунта насыпи и заполнения могильных ям распознавание последних оказалось невозможным (заметим, что это имело бы место и при снятии курганной насыпи лопатами), и расчистка захоронения производилась с момента обнаружения каких-либо следов перекрытия ямы или же первых костей скелета. В таких случаях представление о форме и размерах нижней части могильной ямы можно было составить только по границам гробовища, когда оно прослеживалось в какой-то степени, по пятну тлена на дне, по положению скелета и сопровождавшего его инвентаря.

Изучение разреза по вертикальным стенкам перемычки привело к следующим заключениям. Насыпь слагалась из интенсивно гумусированного суглинка темно-бурого цвета, прорезанного многочисленными кротовинами с материковым заполнением. Ее состав в разных частях и на различных глубинах был однородным, что не позволило установить наличие разновременных подсыпок и выяснить историю сооружения кургана. Подстилал насыпь отличающийся от нее с большим трудом горизонт погребенного гумуса, ниже которого шла подпочва, а затем — материковый суглинок желтого цвета с легким рыжеватым оттенком.

Всего в кургане 30/6 было открыто и изучено 17 погребений, относящихся к трем периодам древней истории Нижнего Подонья:

а) два погребения древнерусского времени (№№ 1, 3);

б) восемь погребений сарматского времени (№№ 2, 5, 8, 10—14);

в) шесть погребений эпохи бронзы (№№ 4, 6, 9, 15—17).

Единственным погребением, время которого нельзя точно определить, но которое наиболее вероятно приурочить к средневековому периоду, является детское захоронение в западной половине кургана (погр. № 7) на глубине 1.12 м.[1] Плохо сохранившийся детский скелет, у которого был сильно поврежден череп и полностью отсутствовали кости грудной клетки и правой руки, лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Погребение вещами не сопровождалось, а найденный у проксимального эпифиза правой бедренной кости бесформенный осколок кварцита, возможно, случайно попал в засыпь могилы.

Погребения древнерусского времени были впущены на сравнительно небольшую глубину (до 1—1.2 м) в насыпь древнего кургана. К сарматскому времени относятся как погребения, впущенные в насыпь и находившиеся на глубине до 2 м (погр. №№ 2, 5), так и захоронения в ямах, уходящих в материк (погр. №№ 8, 10—14). Погребения эпохи бронзы представлены захоронениями, обнаруженными в нижних горизонтах курганной насыпи (погр. №№ 4, 6) и в грунтовых могилах (погр. №№ 9, 15—17).

Расположение открытых и изученных погребений на площади раскопанного кургана показано на прилагаемом общем плане (рис. 2).

1. Погребения древнерусского времени

Как указано выше, к древнерусскому времени относятся два погребения. По обряду захоронения они существенно отличались друг от друга, принадлежали, по-видимому, различным этническим группам и были, очевидно, несколько разновременными.

Погребение № 3. Оно обнаружено в западной половине насыпи (глубина залегания черепа 1.13 м). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, руки были протянуты вдоль туловища, и их кисти находились на уровне головок бедренных костей. Сохранность скелета плохая; многие кости отсутствовали (большинство ребер, лопатки и др.), другие кости значительно смещены (шейные позвонки) или же повреждены (череп, таз). Погребение, череп которого лежал на правой стороне, было ориентировано на северо-запад-запад и принадлежало женщине зрелого возраста.[1] На локтевом сочленении правой плечевой кости находился небольшой

[1] В настоящей статье все глубины указываются относительно высшей, центральной точки каждой насыпи.

[1] Все приводящиеся в отчете антропологические определения пола и возраста погребенных принадлежат Л. Г. Вуич. Более подробная антропологическая характеристика наиболее сохранившихся черепов содержится в помещенной в настоящем томе статье Л. Г. Вуич «Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона» (стр. 417 и сл.).

бронзовый бубенчик грушевидной формы,[1] имеющий наиболее близкие аналогии в инвентаре погребений кургана 24/6 (например, погр. №№ 121, 135 и др.), входившего в состав большого славянского курганного некрополя.[2] Эта находка, как и особенности погребального обряда, дают право отнести захоронение к XI в. и признать его принадлежащим группе древнего населения, хоронившей умерших по христианскому обряду в «Больших курганах» Белой Вежи (курган 17/10, раскопанный в 1934—1936 гг.,[3] и курганы 19/1, 24/6, раскопанные в 1949—1950 гг.). Незначительное отклонение в положении костяка от точной западной ориентировки к северу, возможно, связано с тем, что его ориентировка производилась по восходу солнца, несколько перемещающемуся по линии горизонта в зависимости от времени года.

Погребение № 1 (восточная половина насыпи; глубина залегания черепа 1 м). Оно относится к тому же периоду, что и описанное выше, хотя значительно и отличается от него. Несмотря на плохую сохранность костяка (раздавлен череп, фрагментированы бедренная кость, кости левой руки и таза, отсутствуют кости грудной клетки, вторая бедренная кость, кости голени обеих ног), бесспорно, что погребенный лежал на правом боку, головой на юго-запад-запад, а его ноги, вероятно, были несколько согнуты в тазобедренном суставе. Вплотную к теменной части черепа, скуловыми костями к нему, по оси юг—север лежал череп коня, обращенный лицевой частью на север, а затылочной на юг. Это погребение принадлежало молодому мужчине (25—30 лет) и вещами не сопровождалось.

Описанное захоронение также имеет аналогии в своеобразной группе погребений, открытых как в «Малых курганах» (курган 21/3 и др.), так и «Больших курганах» (курганы 17/10, 19/1, 24/6), расположенных восточнее внешнего земляного вала городища Саркел—Белая Вежа. Эта группа погребений, ориентированных головой на запад, сопровождалась черепом, а иногда другими костями и остатками шкуры лошади и, как правило, имела очень скудный инвентарь. В качестве аналогии особый интерес представляет курган средних размеров (18/10), раскопанный в 1936 г.,[1] в котором в отличие от малых насыпей погребение находилось не в грунтовой могиле, а в верхней части насыпи.

Очевидно, погребение № 1 являлось одним из бедных (отсутствие инвентаря, железных гвоздей и следов от гробовища, шкуры лошади), так называемых кочевнических захоронений. Оно было помещено в верхнем горизонте центральной части древней насыпи кургана, однако находит некоторую аналогию в «Малых курганах» древнерусского времени Нижнего Подонья, под каждым из которых содержалось только одно захоронение.

Таким образом, изучаемый курган использовался в древнерусское время для одиночных захоронений, как славянских, так и кочевнических. Но основная масса открытых в нем погребений относится к эпохе бронзы, когда происходило формирование курганной насыпи, и к сарматскому времени, когда, очевидно, курган принял вид, близкий к современному.

2. Погребения сарматского времени

Два сарматских погребения — №№ 2 и 5 — были открыты в насыпи кургана, основная же масса их (№№ 8, 10—14) находилась в грунтовых ямах.

Погребение № 2 (восточная половина кургана; глубина залегания черепа 0.94 м; рис. 4, *А*). Контуры могильной ямы и следы гробовища здесь не прослеживались. Скелет, ориентированный черепом на север-северо-запад, лежал на спине в вытянутом положении. Кости рук, слегка согнутые в локтях, были вытянуты вдоль туловища, а ноги несколько раскинуты в коленях.

Инвентарь погребения. На уровне правого плеча, западнее его на 9 см, находилось небольшое глиняное пряслице яйцевидной формы с плоской верхней площадкой (рис. 4, *А*, *1*; рис. 5, *1*; высота пряслица 30 мм, наибольший диаметр 33 мм, диаметр площадки 25 мм, диаметр отверстия 6.5 мм; поверхность пряслица слегка зало-

[1] Бубенчик очень плохо сохранился и рассыпался на месте.

[2] Публикация результатов раскопок курганов Белой Вежи предполагается в IV томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

[3] Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936. Л., 1938, стр. 198—200.

[1] Археологические исследования в РСФСР, стр. 198.

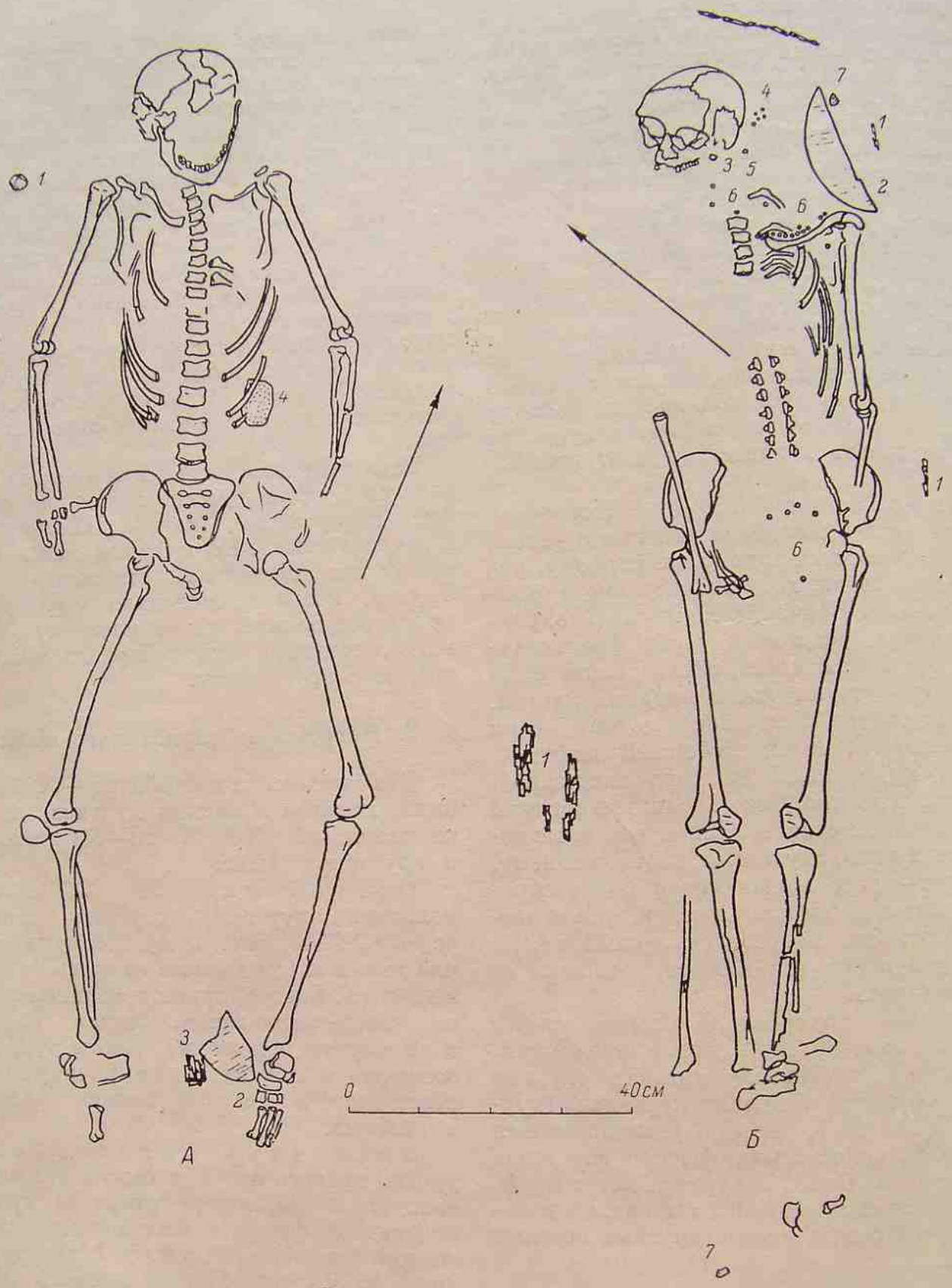


Рис. 4. Курган 30/6.

А — погребение № 2: *1* — пряслице, *2* — обломок зеркала, *3* — деревянный предмет, *4* — фрагмент обмазки; *Б* — погребение № 5: *1* — следы гробовища, *2* — обломок зеркала, *3* — бронзовая спираль, *4* — стеклянные бисеринки, *5* — двойной разделитель, *6* — пастовые бусы, *7* — реальгар.

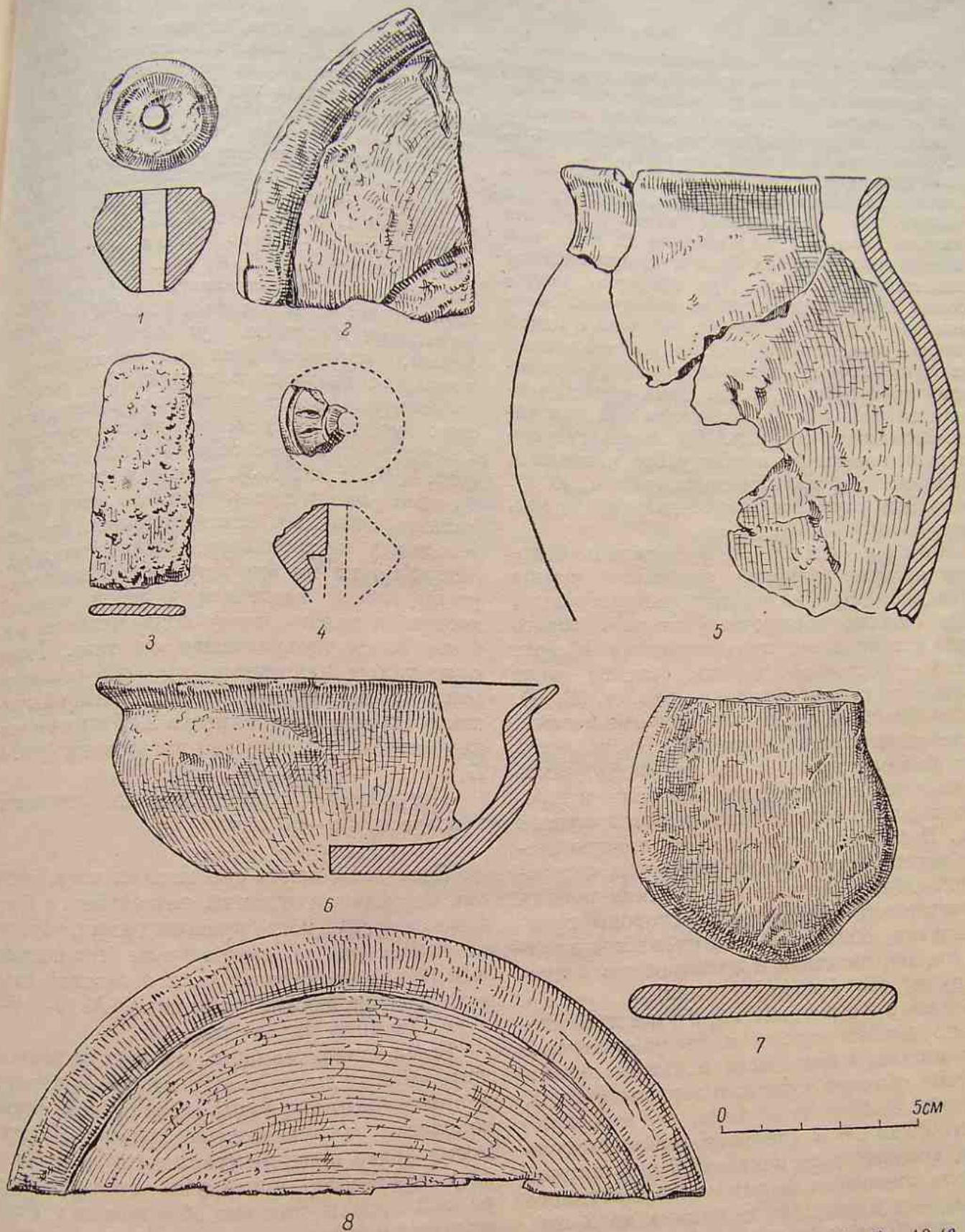


Рис. 5. Курган 30/6. Инвентарь сарматских погребений №№ 2 (*1*, *2*), 5 (*8*), 10—11 (*3*—*5*) и 12 (*6*, *7*).

1 — глиняное пряслице; *2* — обломок бронзового зеркала; *3* — железная пластинка; *4* — фрагмент глиняного пряслица; *5* — фрагмент лепного сосуда овоидной формы; *6* — лепная темно-серая мисочка; *7* — плоская кварцитовая галька (конец отбит); *8* — сегментовидный обломок круглого бронзового зеркала.

щена), а у предплюсны левой ноги с внутренней ее стороны — крупный, неправильный, подтреугольной формы обломок сломанного в древности круглого бронзового зеркала диаметром около 19 см (рис. 4, *А*, *2*; рис. 5, *2*). Этот фрагмент лежал вверх плоской лицевой стороной, а на обратной стороне вдоль внешнего циркульного края шел слегка выпуклый, утолщенный валик (средняя высота валика 3 мм, ширина 12 мм). Обе поверхности зеркала были покрыты патиной малахитового цвета. При разборке погребения обнаружен какой-то небольшой деревянный предмет кубовидной формы с одной гладко срезанной стороной, изготовленный из очень плотной древесной породы, по-видимому арчи (рис. 4, *А*, *3*). Один конец деревянного предмета располагался под описанным обломком зеркала. На левой стороне грудной клетки у нижних ребер находился кусок обмазки желтого цвета (рис. 4, *А*, *4*), очевидно случайно попавший в засыпь погребения.

Погребение № 5 (западная половина насыпи; глубина залегания черепа 1.97 м; рис. 4, *Б*). Оно находилось в гробовище, очень слабые, обрывочные следы которого были установлены при расчистке в трех местах — восточнее черепа, южнее таза и севернее правого колена (рис. 4, *Б*, *1*). Костяк лежал на спине с вытянутыми ногами, слегка сдвинутыми в коленях. Кости левой руки располагались вдоль туловища, такое же положение, очевидно, занимали в прошлом и плохо сохранившиеся кости правой руки. Несколько откинутый на правую сторону череп был обращен сводом на северо-восток. Общая сохранность костяка плохая (отсутствовали кости правой стороны грудной клетки, бóльшая часть позвонков грудного отдела, плечевая и локтевая кости правой руки; таз фрагментирован).

Инвентарь погребения. Несколько южнее черепа и северо-восточнее левой ключицы находился большой сегментовидный обломок круглого зеркала (рис. 4, *Б*, *2*; рис. 5, *8*) того же типа, что и зеркало в погребении № 2 (диаметр зеркала около 19 см, основание сегмента 17.5 см, ширина бортика, имеющего форму слабо выпуклого валика, — 1.6 см, высота валика до 2 мм). Толщина обломка в центре 3 мм, к краям он утончается до 2 мм. Этот фрагмент лежал, как и в предшествующем случае, гладкой лицевой стороной вверх и был обращен к скелету выпуклым краем с бортиком. Хорда сегментовидного обломка (линия слома), состоящая из нескольких прямых отрезков, свидетельствует о том, что фрагмент, положенный в погребение, был в древности специально отрублен от крупного зеркала.

У основания черепа обнаружена сильно окислившаяся бронзовая спираль (два витка диаметром около 12 мм, толщина сечения проволоки 1.75 мм; рис. 4, *Б*, *3*), а у затылочной кости — пять синих стеклянных бисеринок (рис. 4, *Б*, *4*; рис. 6, *1*) и миниатюрный двойной разделитель в форме восьмерки (рис. 4, *Б*, *5*; рис. 6, *2*). Скопление небольших пастовых бус бочонкообразной формы, изготовленных из светло-желтой пасты, со следами позолоты (31 экз.) и несколько меньших по размеру цилиндрических бус (8 экз.) со следами серебра на поверхности встречено у левой ключицы (рис. 4, *Б*, 6; рис. 6, *3*), где они располагались по одной линии вдоль верхнего края кости, являясь, очевидно, остатками низки, нашитой на одежду погребенного. Одиночные экземпляры таких же бус встречались между черепом, левой ключицей и левой плечевой костью, а также между подвздошными костями плохо сохранившегося таза. Рядом с зеркалом находился кусочек реальгара («персидской грязи»). Второй, меньший кусочек реальгара был открыт в 22.5 см к юго-западу от пяточных костей погребения (рис. 4, *Б*, *7*).

Погребение принадлежало женщине в возрасте 50—60 лет.

Остальные шесть сарматских погребений, как было указано выше, находились в более или менее глубоких грунтовых ямах, впущенных в материк. Только одно из этих погребений (№ 8) располагалось в восточной половине насыпи, а остальные пять (№№ 10—14) — в ее западной части (рис. 2).

Последние размещались в двух примыкающих друг к другу и одинаково ориентированных могилах подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами. Из этих могил более поздняя (расположенная севернее) прорезала короткую стенку более ранней могилы, так что образовалась общая могильная яма, несколько напоминающая своей формой букву «Г» (рис. 7).

В более ранней, южной могиле находились погребения №№ 10—12. Могила, контур которой был определен на глубине около

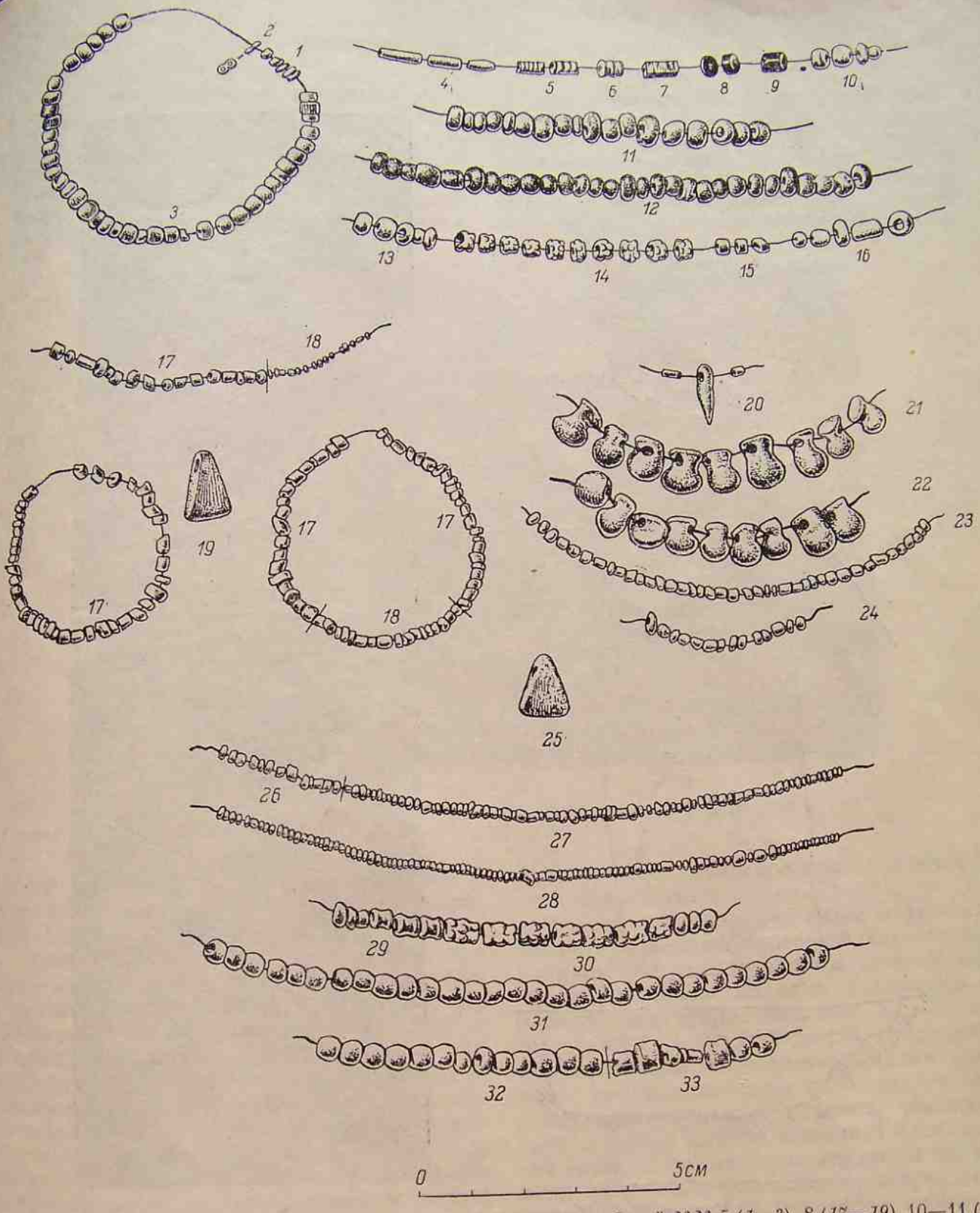


Рис. 6. Курган 30/6. Бусы, бисер и подвески из сарматских погребений №№ 5 (*1—3*), 8 (*17—19*), 10—11 (*4—16*), 12 (*20—24*) и 14 (*25—33*).

— синий стеклянный бисер; *2* — двойной разделитель (синее стекло); *3* — светло-желтые пастовые бусы — бочонкообразные, со следами позолоты (31 экз.) и цилиндрические, со следами серебра на поверхности (8 экз.); *4* — позолоченные стеклянные проницаемые цилиндрической формы; *5* — рубчатые золотые проницаемые; *6* — позолоченная стеклянная проницаемая-тройчатка; *7* — проницаемая прямоугольной формы; *8* — уплощенно-цилиндрические гешировые проницаемые; *9* — цилиндрическая гешировая бусина; *10* — позолоченные бочонкообразные стеклянные бусы; *11* — светло-синие бочонкообразные стеклянные бусы; *12* — светло-вишневые бочонкообразные стеклянные бусы; *13* — позолоченные бочонкообразные стеклянные бусы; *14* — позолоченные бугорчатые стеклянные бусы; *15* — цилиндрические пастовые бусы светло-малахитового цвета; *16* — белые пастовые бусы бочонкообразной формы; *17* — желтые пастовые бусы; *18* — стеклянный бисер (темно-синий и желтый); *19* — треугольная подвеска из светлого стекла; *20* — с стеклянная подвеска; *21* — стеклянные подвески каплевидной формы (браслет правой руки); *22* — то же (браслет левой руки); *23* — низка стеклянного (35 экз.) и пастового (4 экз.) бисера; *24* — отдельные бисерины; *25* — треугольная подвеска из светло-желтого стекла; *26* — желтый бисер; *27, 28* — синий стеклянный бисер; *29* — синие цилиндрические пастовые бусы с круговым желобком; *30* — светло-зеленые бугорчатые пастовые бусы; *31, 32* — синие бочонкообразные пастовые бусы; *33* — цилиндрические костяные бусы.

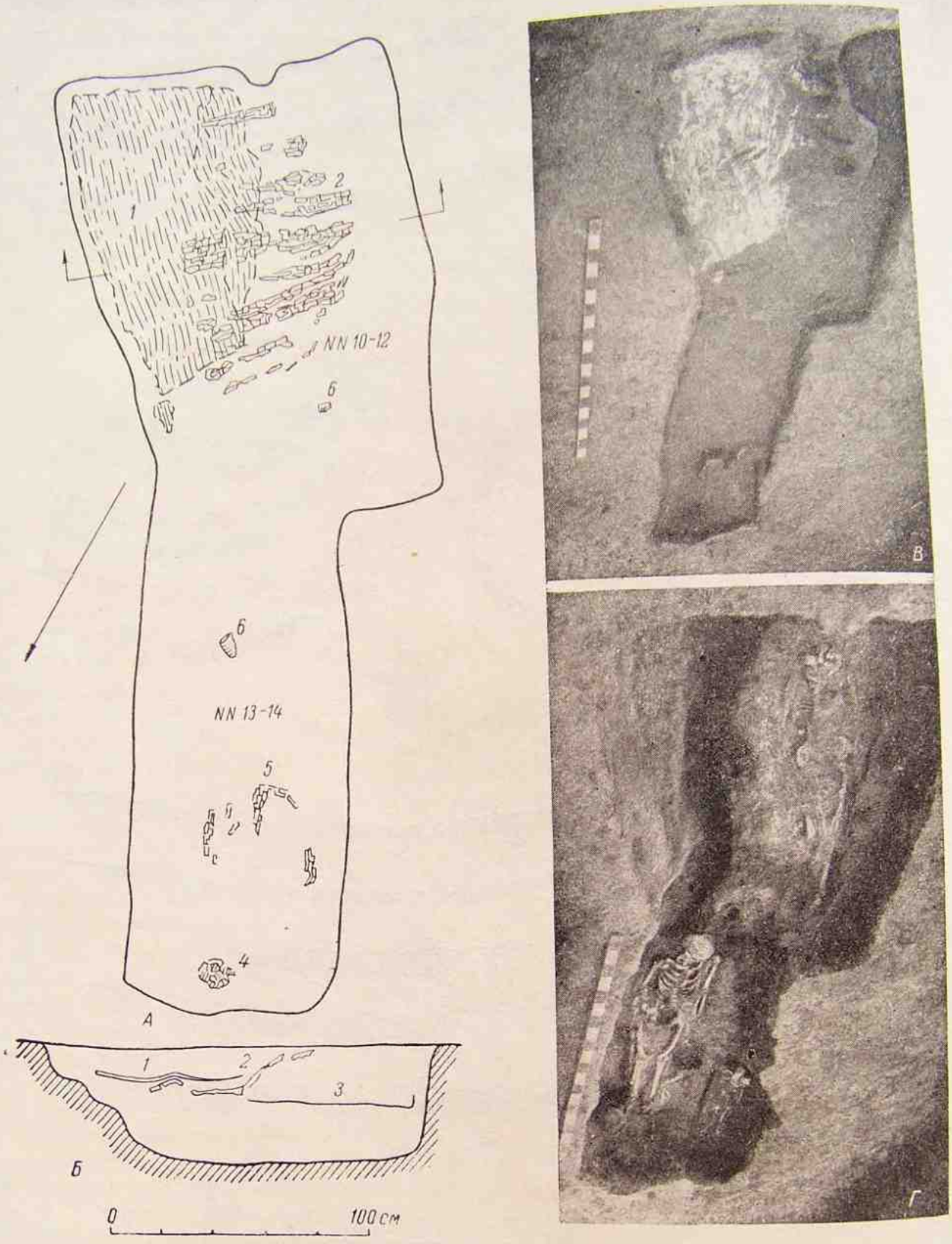


Рис. 7. Курган 30/6. Могильные ямы погребений №№ 10—14.

А — план; *Б* — поперечный разрез южной ямы; *В* — общий вид по верхнему горизонту расчистки; *Г* — общий вид расчищенных могил. *1* — пятно истлевшей куги; *2* —остатки перекрытия из тополевых слег; *3* — остатки гробовища; *4* — фрагменты сосуда эпохи бронзы; *5* — остатки истлевшего дерева; *6* — фрагменты лепного сосуда.

2.2—2.3 м — на границе насыпи и слоя различающейся с трудом погребенной почвы, — имела форму, близкую к прямоугольной, со сторонами около 1.40×2 м, и была ориентирована длинной осью по линии СЗ—ЮВ.[1] При выборке заполнения могильной ямы по краю короткой юго-восточной стенки, около середины ее длины, несколько ближе к южному углу камеры, был обнаружен небольшой выступ.

Рис. 8. Курган 30/6. Расчищенные остатки деревянного перекрытия могил №№ 10—12.

В восточной половине камеры на глубине 2.28—2.43 м выявилось плотное белесое пятно истлевшей куги (рис. 7, *А*, *1*; *Б*, *1*; *В*), имевшее форму, близкую к трапециевидной (наибольшая длина пятна с северо-запада на юго-восток — по линии, параллельной оси камеры, — около 1.40 м, ширина в южной части до 0.75 м, в северной, где оно постепенно суживалось, до 0.30—0.40 м). Границы пятна шли вдоль длинной северо-восточной и примыкающей к ней половине короткой юго-восточной стенок, а затем примерно по-средине верхнего контура могильной ямы. Верхняя поверхность пятна куги была наклонена с северо-запада на юго-восток, а волокна образующих его стеблей камыша шли в одном направлении на всей площади пятна, располагаясь параллельно длинной оси камеры. В северо-восточной части пятна выявились два слоя куги (толщина верхнего слоя до 5—7 мм, нижнего — 5 мм).

Вдоль западного края пятна были открыты расположенные поперечно относительно длинной оси могильной ямы остатки перекрытия из тополевых слег, уходивших наклонно, под углом, близким к 45°, под кугу (рис. 7, *А*, *2*; *Б*, *2*; рис. 8). Это деревянное перекрытие, образованное шестью отчетливо прослеживающимися и несколькими едва сохранившимися плахами, располагалось в центре могилы под слоем куги, ниже его на 2—6 см, частично выходя за пределы белесого пятна в юго-западном направлении, и находилось от одной длинной стенки камеры (юго-западной) на расстоянии 0.25—0.30 м, а от второй, противоположной ей стенки (северо-восточной) — на 0.40—0.45 м.

Лучше всего сохранившаяся средняя плоская плаха, вероятно самая большая из

[1] В верхних горизонтах насыпи над юго-восточной частью этой могилы по вертикали, примерно в 1.50 м выше костей погребения № 10, ранее было расчищено захоронение № 3, относящееся, по-видимому, к древнерусскому времени.

числа составлявших перекрытие, имела следующие размеры: длина 0.70—0.75 м, ширина до 0.165 м, толщина 0.01—0.03 м. Она сохранилась в виде ряда фрагментов, лежащих по одной прямой линии. Остатки плахи спускались примерно под углом 45° с юго-запада на северо-восток, затем на протяжении 20 см лежали горизонтально, после чего поднимались на 7 см и вновь спускались (см. разрез по оси этой плахи через могильную яму; рис. 7, *Б*, *2*). Примерно таким же образом были деформированы и остальные более или менее сохранившиеся плахи. Очевидно, в древности деревянное перекрытие находилось значительно выше, чем его остатки, расчищенные при раскопках, а северо-восточные концы плах подходили либо вплотную к длинной северо-восточной ступенчатой стенке камеры, либо значительно ближе к ней, чем к противоположной, юго-западной.

Необходимо отметить, что как пятно куги, так и плахи перекрытия обрываются в северо-западной части могилы, где было открыто захоронение младенца (№ 12) и где должна была проходить граница основной могильной ямы и впущенной в нее впоследствии более поздней могилы.

Три материковых стенки описываемой прямоугольной камеры — юго-восточная, юго-западная и сохранившаяся часть северо-западной — вертикально спускались ко дну могилы (рис. 9). На их поверхности, покрытой характерным для стенок и остальных грунтовых сарматских могил белым налетом выпавших солей, отчетливо прослеживались следы работы узким металлическим теслом в виде наклонных затесов шириной в 1.5—2 см и протяженностью до 10—12 см.

Четвертая, северо-восточная (длинная) стенка ямы оформлена в виде двух спускающихся ко дну ступеней. Верхняя ступенька при высоте уступа в 10 см достигала в ширину 8—17 см. Горизонтальная площадка второй ступеньки располагалась ниже первой на 12—17 см и имела у западного угла камеры ширину 27 см, а затем постепенно суживалась к северному углу, где обе ступеньки были срезаны в древности могильной ямой погребения № 13.

На 20—24 см ниже площадки второй (нижней) ступеньки находилось несколько неровное материковое дно могилы. Основное погребение (№ 10), для которого камера была вырыта, лежало в деревянном гробовище, помещенном не на дне могилы, а находившемся на уровне площадки второй ступеньки, на слое гумусной подсыпки бурого цвета (мощность до 25 см), однородной заполнению могилы (рис. 7, *Б*, *3*).

Погребение № 10. Гробовище (рис. 9, *1*) имело прямоугольную форму. Отчетливо прослеживались его днище и две стенки — короткая юго-восточная и длинная юго-западная, сходившиеся у южного угла гробовища строго под прямым углом и вертикально поднимающиеся выше днища на несколько сантиметров. Эти стенки строго параллельны юго-восточной и юго-западной стенкам камеры. Гробовище занимало асимметричное положение в яме и было несколько сдвинуто относительно ее центра (расстояние от юго-западной стенки камеры до соответствующей стенки гробовища 14—18 см, а до приблизительной оси гробовища 35—55 см; расстояние от края площадки нижней ступеньки до прослеженной северо-восточной границы днища 33—49 см, а до оси гробовища 60—65 см).

Северный угол гробовища разрушен полностью впускным погребением младенца (№ 12), и можно полагать, что рваная граница днища на этом участке примерно отвечает границе могильной ямы, вырытой для младенца. Значительно повреждена также и северо-восточная, длинная сторона гробовища.

Костяк в гробу лежал на спине в вытянутом положении и был ориентирован черепом на юго-восток. При этом ось погребения отклонялась от оси гробовища на ЮВ—СЗ на 15°. Сохранность костей плохая. Отсутствовали кости правой голени и стопы, срезанные, вероятно, впущенным позднее погребением младенца (№ 12), а также кисти обеих рук и некоторые другие кости. Череп раздавлен (глубина залегания 2.63 м). На обеих руках сильно разрушены кости плеча и предплечья, повреждена правая бедренная кость. Но несмотря на все перечисленные дефекты, положение погребенной в могиле устанавливается совершенно точно. Руки скелета были вытянуты вдоль туловища. Ноги, лежавшие также в вытянутом положении, были слегка сдвинуты в коленях.

Погребение № 11 (рис. 9). Между бедренными костями погребения несколько ниже таза находился очень плохо сохранившийся череп детского захоронения (глубина залегания 2.63 м). Он лежал на левой стороне

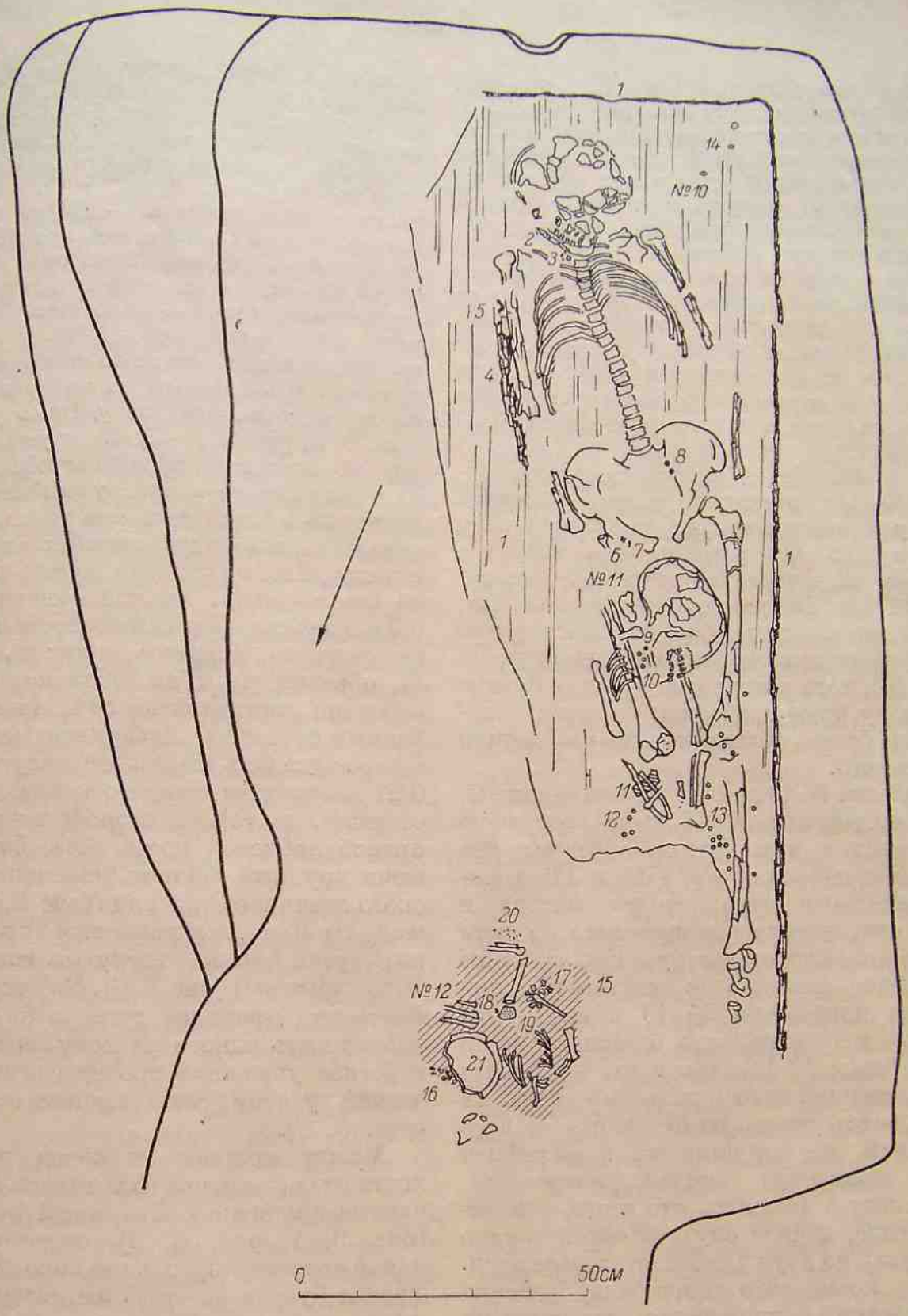


Рис. 9. Курган 30/6. Погребения №№ 10—11 (*1—14*) и 12 (*15—21*).

1 — остатки гробовища; *2* — стеклянные пронизки (3 экз.); *3* — стеклянная тройчатка, две золотые и одна прямоугольная пронизки; *4* — остатки деревянной плахи; *5* — железное полукольцо; *6* — обломок пряслица; *7* — окислившийся бронзовый предмет; *8* — гешировые пронизки; *9* — гешировая бусина; *10* — стеклянные бусы; *11* — железная пластинка; *12* — стеклянные; *13* — скопление стеклянных и пастовых бус; *14* — реальгар; *15* — пятно белого налета; *16, 17* — браслеты из стеклянных подвесок каплевидной формы; *18* — стеклянная подвеска такой же формы; *19*—фрагмент кварцитовой гальки; *20*—рассыпавшаяся низка бисера; *21* — мисочка.

и был обращен лицевой частью к коленям, а затылочной к тазу скелета взрослого. Вытянутые кости левой руки ребенка лежали между бедренными костями ног погребения № 10, кости правой руки, также вытянутые, располагались снаружи правой бедренной кости захоронения взрослого. Кости предплечья обеих рук ребенка сближались друг с другом в области таза, а его ребра лежали на средней части правой бедренной кости захоронения взрослого. Кости ног погребения № 11, как и кости правой голени и стопы погребения № 10, полностью отсутствовали и были, вероятнее всего, выброшены при рытье могильной ямы для погребения младенца (№ 12).

Как и погребение взрослого, скелет ребенка (№ 11), очевидно, лежал на спине в вытянутом положении и был ориентирован на юго-восток. Он располагался частично между ногами, а частично правее ног захоронения № 10. Последним обстоятельством, вероятно, и следует объяснить несколько асимметричное положение захоронения взрослого (№ 10), ноги которого подходили близко к западному краю гробовища, а череп находился на более значительном расстоянии от последнего.

Погребение № 10 принадлежало женщине. Детское погребение № 11 было совершено одновременно с ним. Таким образом, два описанных погребения (№№ 10 и 11) являются совместным захоронением матери и ребенка, помещенным одновременно в одном гробу. Об этом свидетельствует как взаимное расположение скелетов (в частности, при помещении погребения № 10 в гробовище в северной его части было оставлено место для погребения № 11), так и то, что скелет ребенка, лежащий непосредственно на костях женского захоронения, не отделяясь от него прослойками, не нарушил ни в малейшей степени положение костей последнего. К этому следует добавить, что вещи, найденные в могиле, в ряде случаев очень трудно распределить по двум самостоятельным захоронениям; кроме того, погребение ребенка между ногами материнского захоронения широко известно по археологическим и этнографическим материалам, относящимся к обширной территории.

Инвентарь погребений №№ 10 и 11. Набор вещей, сопровождавший двойное погребение, состоял в основном из украшений — бус и пронизок, различавшихся по форме, цвету и материалу, из которого они были изготовлены.

На правой ветви нижней челюсти женского скелета находились три стеклянные позолоченные пронизки вытянутой цилиндрической формы (рис. 9, *2*; рис. 6, *4*), а несколько ниже, у края челюсти, — две свернутые из тонких золотых пластинок пронизки такой же формы с рубчатой поверхностью (цвет одной из них, с более частыми насечками, — червонный, другой — золотисто-червонный), одна стеклянная позолоченная пронизка-тройчатка и одна светло-золотистая пронизка прямоугольной формы из материала, состав которого до анализа не удалось установить (рис. 9, *3*; рис. 6, *5*—*7*). С наружной стороны правой плечевой кости погребения № 10, на 9 см ниже ее верхнего эпифиза, там, где начинались следы лежащей параллельно оси скелета взрослого деревянной плахи (рис. 9, *4*), идущие далее вдоль края кости с юго-востока на северо-запад, на протяжении примерно 0.3 м, находилось рассыпавшееся при разборе захоронения железное полукольцо (рис. 9, *5*), обращенное к плечевой кости дугой и, вероятно, составлявшее один предмет с деревянным стержнем. Любопытно, что на 0.47 м северо-западнее железного полукольца и на 0.21 м западнее нижнего конца деревянного стержня, на той же стороне скелета у края правой лобковой кости таза, были обнаружены крупный обломок (половина) биконического глиняного пряслица (рис. 9, *6*) и небольшой, сильно окисливщийся кусок бронзы вытянутой формы с загнутым концом (может быть, крючок?) (рис. 9, *7*). На сохранившемся фрагменте пряслица тщательно сглаженная поверхность одного из конусов выше линии перегиба украшена прочерченным геометрическим узором, заполненным белой пастой (рис. 5, *4*).

Между крестцом и краем подвздошной кости таза женщины находились две плоские черные пронизки с блестящей поверхностью (рис. 9, *8*; рис. 6, *8*), изготовленные из какой-то каменноугольной породы (гешира?). Третья бусина из этого же материала имела цилиндрическую форму (рис. 9, *9*; рис. 6, *9*) и лежала у края правой ветви нижней челюсти детского захоронения, рядом с тремя стеклянными позолоченными бусинами бочонкообразной формы и одной такой же уплощенной бусиной (рис. 9, *10*; рис. 6, *10*).

Ниже бусин, к северу от правого колена погребения № 10, была найдена лежащая

под костями правого предплечья детского захоронения тонкая (до 2—3 мм) железная пластинка (рис. 9, *11*; рис. 5, *3*) правильной трапециевидной формы (длина оснований 2.3 и 2.6 см, длина боковых сторон около 5.8 см).

Еще севернее, у наружного края правой подвздошной кости детского таза, встречено скопление нескольких светло-синих стеклянных бус бочонкообразной формы (рис. 9, *12*; рис. 6, *11*) и одна стеклянная позолоченная бусина того же типа. Основное же скопление бус обнаружено в районе левой голени скелета взрослого, особенно с ее внутренней стороны у средней части кости (рис. 9, *13*). Здесь лежали бусы различных типов: светло-синие бочонкообразные стеклянные (рис. 6, *11*), более мелкие стеклянные бусы той же формы и светло-вишневого цвета (рис. 6, *12*), полупрозрачные позолоченные стеклянные (рис. 6, *13*), позолоченные стеклянные, с двумя рядами бугорков на внешней поверхности, расположенных в шахматном порядке (рис. 6, *14*), мелкие цилиндрические бочонкообразные непрозрачные (пастовые?) и одна стеклянная светло-синяя бисеринка, вероятно занесенная грызунами из погребения № 12 (см. ниже). Отдельные бусы перечисленных типов встречались также вдоль наружного края левой голени и на месте коленного сустава того же женского костяка.

В южном углу гробовища на расстоянии 12—25 см к югу от левого плеча женского костяка найдены три кусочка реальгара (рис. 9, *14*), являвшегося, по-видимому, обязательной принадлежностью всех женских погребений сарматского времени в раскопанном кургане.

Погребение № 12 (рис. 9). В средней части северо-западного конца этой же могильной ямы на расстоянии 37—46 см к северу от коленей захоронения № 10 и примерно на той же глубине находились очень плохо сохранившиеся (по-видимому, сильно поврежденные грызунами), но несомненно залегающие in situ остатки погребения младенца (№ 12), прорезавшего северный угол гробовища захоронений №№ 10 и 11. Дно впускной детской могилы точно устанавливается по пятну белого налета (рис. 9, *15*) на глубине около 2.70 м.

Череп скелета, как и ряд других костей, отсутствовал. На месте были позвонки грудного отдела, ребра, лопатки, кости правой руки, частично кости ног. Это позволяет достаточно достоверно определить первоначальное положение погребенного. Младенец лежал на спине, головой на северо-запад. Его руки, вытянутые вдоль туловища, как и ноги, согнутые в коленях, были раскинуты в стороны.

Инвентарь погребения. На запястьях левой (рис. 9, *16*) и правой (рис. 9, *17*) рук находились браслеты из стеклянных подвесок каплевидной формы со сквозным отверстием в верхней части, заканчивающейся уплощенной площадкой.[1] Браслет на правой руке состоял из 9 подвесок описанной формы (рис. 6, *21*). По цвету они варьировали от молочного (5 экз.; ирризация поверхности) и светло-желтого (2 экз.) до светло-зеленого (1 экз.) и черного (1 экз.; следствие пребывания в огне?). Браслет на левой руке составлялся также девятью подвесками аналогичной формы (рис. 6, *22*), из которых четыре были светло-желтого цвета, две — желтовато-зеленого, одна — светло-зеленого, одна (несколько меньшая по размерам) — светло-оранжевого и, наконец, последняя имела сильно ирризованную поверхность молочного цвета. Здесь же находилась шаровидная, прозрачная, стеклянная бусина.

Одна подвеска также каплевидной формы находилась отдельно между обоими браслетами на месте отсутствовавшего таза погребения (рис. 9, *18*), рядом с небольшой плоской галькой (рис. 9, *19*; рис. 5, *7*; кварцитовый песчаник?), один конец которой был отбит по прямой линии (длина гальки 6.8 см, толщина 0.5, ширина основания слома 5 см).

У эпифизов длинных костей правой ноги, лежащих в нарушенном порядке параллельно друг другу, в 10 см к юго-востоку от браслета на правой руке, была обнаружена низка бисера (рис. 9, *20*; рис. 6, *23*), состоящая из стеклянных бисеринок молочного

[1] Вполне вероятно, что эти украшения имитируют более древние подвески из недоразвитых зубов животных (например, оленя). В защиту такого предположения говорит найденная в этом же погребении у левой ключицы слегка изогнутая, заостренная на одном конце, стеклянная подвеска, очень близко напоминающая клык мелкого хищника (рис. 6, *20*). Объяснение такой каплевидной формы только простейшими техническими приемами изготовления подвесок представляется нам недостаточным. Подобные подвески встречаются редко, в то время как в случае определения их формы производственными навыками они неизбежно должны были получить очень широкое распространение.

(8 экз.) и синего цвета (27 экз.), пастовых бисеринок серо-синего цвета (3 экз.) и одной пастовой бисеринки желтого цвета. Отдельные бисеринки перечисленных типов были найдены в других местах захоронения (рис. 6, *24*).

Наконец, в северной части белесого пятна, отмечающего дно могилы, между ребрами левой стороны грудной клетки младенца, браслетом на запястье его левой руки и длинными костями левой ноги стояла глиняная темно-серая мисочка с отбитым в северной части краем (рис. 9, *21*). Она имела уплощенное, слегка вдавленное в центре дно и косо отогнутый наружу, воронкообразный венчик, а ее туловище несколько вздувалось посредине высоты (рис. 5, *6*; высота мисочки 4.5 см, диаметр дна 5.6 см, диаметр венчика 11.4 см). На внешней и внутренней поверхностях мисочки, как и на днище, сохранились следы лощения.

В заключение описания погребений №№ 10—12 следует остановиться на некоторых особенностях погребальной камеры и попытаться дать реконструкцию ее устройства. Ряд деталей (материковый выступ посредине юго-восточной короткой стенки могилы, размещение покрытия из куги в северо-восточной и юго-восточной частях могилы, крутое падение подстилающих кугу плах перекрытия — от центра в направлении на северо-восток-восток, ступенчатая северо-восточная длинная стенка камеры и др.), как нам кажется, свидетельствует о том, что основные погребения могилы (№№ 10 и 11) были помещены в неглубоком подбое, свод которого находился на границе материка и погребенного под курганной насыпью древнего гумусного слоя и обрушился в древности.

Существованием подбоя в момент совершения погребений №№ 10 и 11 следует, возможно, объяснить то обстоятельство, что гробовище с совместным захоронением женщины и ребенка находилось не на материковом дне ямы, а на слое подсыпки мощностью в 25 см, покрывшей дно могилы при спускании гроба через узкую щель входа. Эта щель расположена в северо-восточной части камеры, вдоль ее длинной ступенчатой стенки (наиболее вероятная ширина этой щели, на глубине 2.35 м,—0.85 м при минимальной ширине гроба 0.68—0.72 м). Плохую сохранность северо-восточного края гробовища, в отличие от хорошо сохранившихся юго-западного и юго-восточного краев, также наиболее вероятно объяснить тем, что вся эта стенка выходила за пределы подбоя и находилась над входным отверстием, в то время как две противоположные стенки были в его глубине.

Обвал подбоя произошел, по-видимому, в древности и был вызван, вероятнее всего, прорезанием северо-восточной части свода ямой погребения № 13, очевидно несколько более поздней, чем могила с захоронением женщины и ребенка. При расчистке выяснилось, что остатки боковых досок юго-восточной и юго-западной стенок гробовища сохранились в вертикальном положении (т. е. гробовище было засыпано землей тогда, когда оно еще не истлело полностью и боковые стенки не обрушились на дно; рис. 7, *Б*, *3*). Эта деталь может быть объяснена тем,что подбой обвалился вскоре после совершения в нем захоронений.

Погребение младенца (№ 12) кажется самым поздним из пяти захоронений, открытых в двух описываемых камерах. Оно было впущено, вероятно, уже после того, как северо-западная могила (погр. №№ 13 и 14) прорезала юго-восточную (погр. №№ 10 и 11), вызвав тем самым обвал свода подбоя последней. Приведенное предположение подкрепляется следующим доводом: если бы при погребении младенца в основной могиле еще существовала полость, не заполненная землей, то не было бы нужды в рытье отдельной могильной ямы, прорезавшей гробовище и разрушившей нижнюю часть захоронений №№ 10 и 11, а труп младенца мог быть помещен в полости начальной камеры, совершенно не задевая основные погребения могилы.

Северо-западная погребальная камера, содержащая захоронения №№ 13 и 14 (рис.10), имела вытянутую прямоугольную форму со слегка закругленными северным и западным углами (средняя ширина ямы 0.88 м, длина юго-западной материковой стенки, от западного угла могилы до пересечения с сохранившейся частью северо-западной короткой стенки могилы погребений №№ 10 и 11, около 2 м) и была более узкой, чем описанная выше юго-восточная камера. Ось могилы ориентирована в целом так же, как и ось могилы с двойным погребением (№№ 10 и 11), отклоняясь от нее на СВ—ЮЗ на 17—20°. В северной половине юго-западной длинной

материковой стенки находился небольшой подбой с захоронением ребенка (№ 14).

Погребальная яма, вырытая в материковом суглинке, как и яма погребений №№ 10 и 11, была заполнена рыхлым сырым гумусом бурого цвета, в котором найдено несколько черепков от сосудов эпохи бронзы (рис. 7, *А*, *4*), попавших, по-видимому, в погребение случайно вместе с засыпью. Следы дерева, за исключением нескольких незначительных обрывков в северо-западной части могилы (рис. 7, *А*, *5*), отсутствовали. Неровное дно могилы, лежащее в среднем на 0.32 м ниже той поверхности, на которой было обнаружено пятно заполнения, несколько поднималось к вертикальным стенкам камеры.

На древней поверхности длинной северо-восточной стенки сохранились белесоватый налет от выпавших на протяжении длительного времени солей и следы работы металлическим инструментом в виде нескольких, косо расположенных, узких затесов, совершенно аналогичных затесам на стенках других сарматских могил — камеры с погребениями №№ 10 и 11 и, особенно, более тщательно приготовленной камеры с погребением № 8 (см. стр. 371).

Погребение № 13 (рис. 10, *1—10*). В описываемой камере было обнаружено ненарушенное погребение мужчины в возрасте около 50 лет, лежащее не на материковом дне, а на слое гумуса мощностью в 5—6 см. Сохранность костей была плохая, но все они размещались в строгом анатомическом порядке.

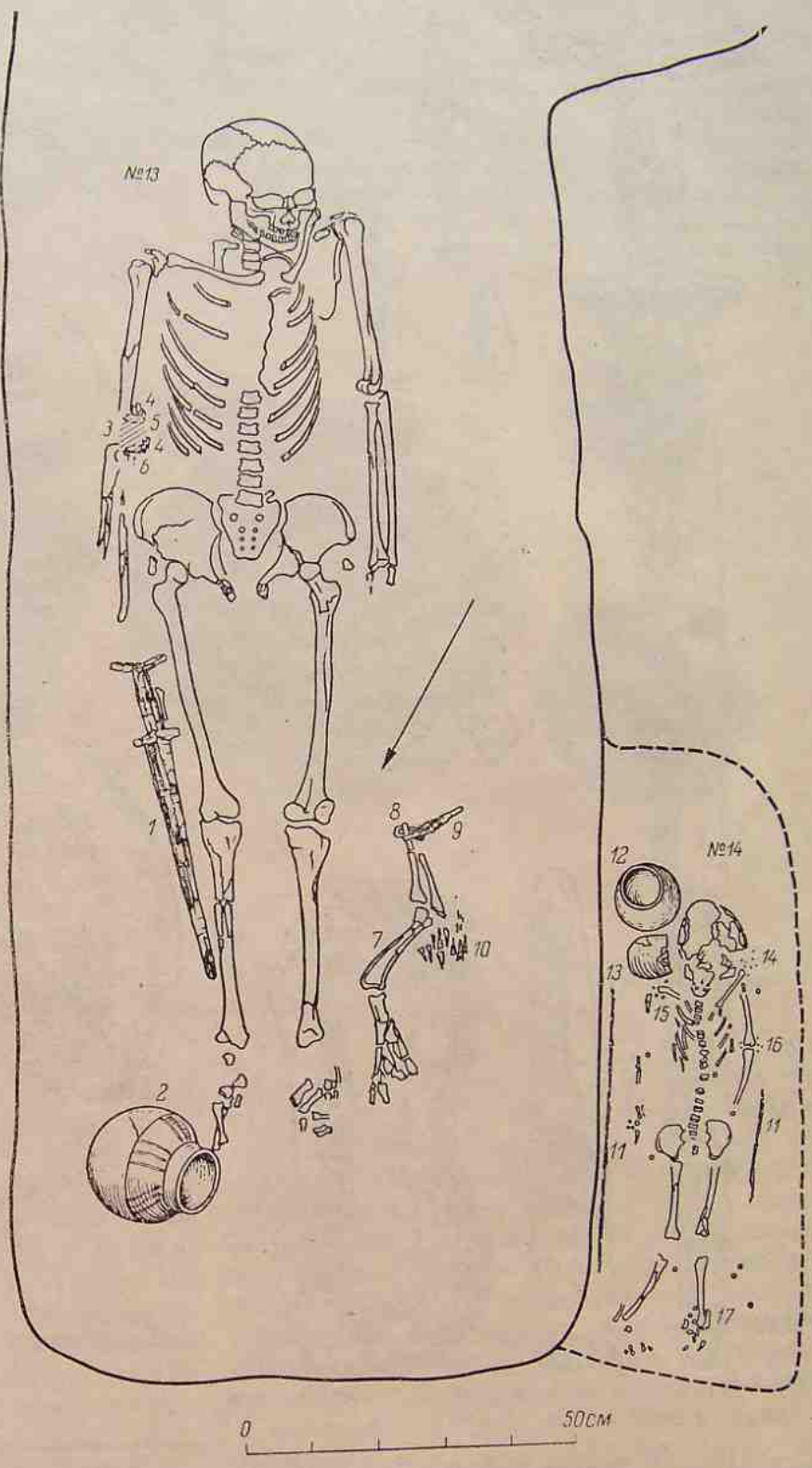


Рис. 10. Курган 30/6. Погребения №№ 13 (*1—10*) и 14 (*11—17*).

1 — железный меч; *2* — орнаментированный сосуд; *3* — пятно желтовато-зеленой охры; *4* — деревянная пластинка; *5* — песчаниковая галечка; *6* — обломок бронзового зеркала; *7* — кость передней ноги барана; *8* — железное кресало; *9* — железный нож; *10* — железные наконечники стрел; *11* — следы гробовища; *12* — орнаментированный сосуд; *13* — сосуд; *14* — стеклянные бисеринки; *15*—пастовые и костяные бусы; *16* — остатки браслета из желтого бисера; *17* — треугольная стеклянная подвеска.

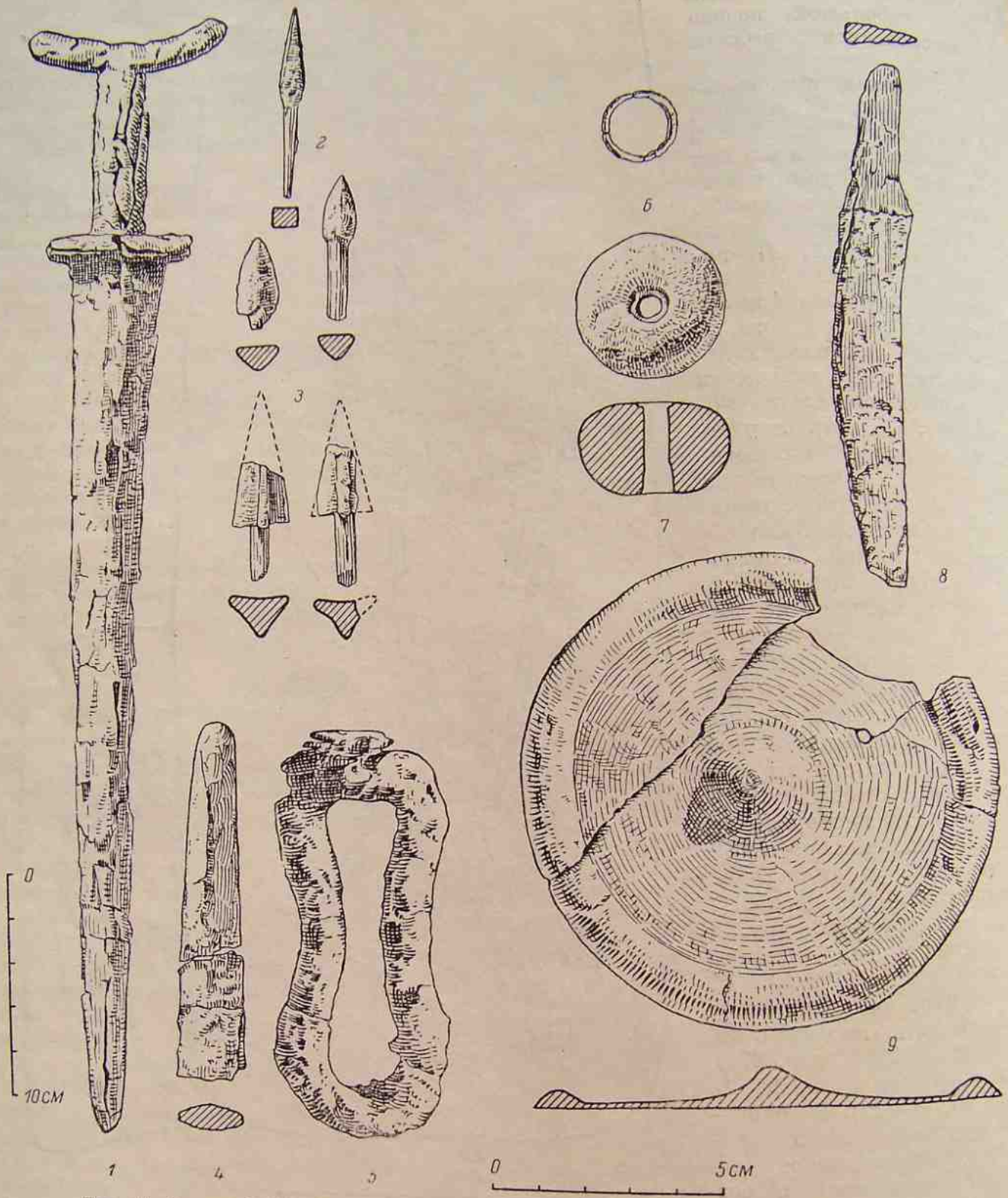


Рис. 11. Курган 30/6. Инвентарь сарматских погребений №№ 8 (*6—9*) и 13 (*1—5*).

1 — железный меч; *2* — железный наконечник стрелы с четырехгранным пером; *3* — железные наконечники стрел с трехгранными перьями; *4* — железный нож; *5* — плоское железное кресало; *6* — овальное бронзовое кольцо; *7* — шаровидно-уплощенное пряслице из песчаника; *8* — однолезвийный железный нож; *9* — подбирающиеся фрагменты круглого бронзового зеркала.

Костяк лежал на спине в вытянутом положении и был ориентирован на юго-восток. Череп (глубина залегания его основания 2.59 м) был несколько наклонен к левому плечу, поднятому более высоко, чем правое. Руки вытянуты вдоль туловища (кости пястья и запястья плохо сохранились). Грудные позвонки отсутствовали.

Инвентарь погребения. Погребение сопровождалось значительным и выразительным по составу инвентарем (рис. 11, *1—5*). Правее костяка вдоль бедренной и верхней части берцовой костей правой ноги, параллельно им, лежал небольшой железный меч (длина 51 см) с прямым перекрестьем и завершением рукоятки в виде простой дугообразной антенны (рис. 10, *1*; рис. 11, *1*). Рукоятка меча располагалась ниже головки правой бедренной кости и на ней сохранилась фаланга пальца правой руки, а острие меча было обращено к нижнему эпифизу правой голени.

На той же стороне скелета, в 20 см к северу от конца меча, у костей стопы правой ноги находился лепной сарматский сосуд (рис. 10, *2*; рис. 12, *2*) шаровидной формы с небольшим уплощенным дном, невысоким цилиндрическим горлом и слегка отогнутым наружу венчиком (высота сосуда 19 см, диаметр дна 7 см, наибольший диаметр на высоте 9 см от дна около 16.5 см, диаметр венчика около 10 см, средняя толщина стенок 0.5—0.7 см). Сосуд лежал наклонно на боку, днищем на восток, в сторону северо-восточной (длинной) стенки камеры, а отверстием в направлении западного угла погребальной ямы. На наружной поверхности сосуда, светло-желтой на одной стороне и темно-серой на другой, видны следы сглаживания, особенно явные в нижней части туловища, а под горлом четко выражена полоса сажистого нагара. В верхней части сосуда, выше середины брюшка, двумя прочерченными параллельными линиями образована горизонтальная зона шириной в 5—6 см, в которой размещалось семь метоп («полотенец»), разделенных гладким пространством поверхности. Шесть метоп были образованы узором из трех параллельно прочерченных, вертикальных линий каждая, а седьмая — узором из четырех таких же линий.

На месте локтевого сустава правой руки с внутренней стороны его лежала пластинка из дерева какой-то плотной породы (рис. 10, *4*), непосредственно над которой находилось пятно охры желтовато-зеленого цвета (рис. 10, *3*). В границах этого небольшого пятна

Рис. 12. Курган 30/6. Сосуды сарматских погребений.

1 — лепной орнаментированный сосуд яйцевидной формы (погр. № 8); *2* —лепной орнаментированный сосуд сферической формы (погр. № 13); *3* — лепной сосуд баночной формы (погр. № 14); *4* — лепной орнаментированный сосуд биконической формы (погр. № 14).

были найдены плоская расслоившаяся песчаниковая галечка (по-видимому, терочка; рис. 10, *5*) и небольшой, очень плохо сохранившийся и рассыпавшийся на месте обломок бронзового зеркала (рис. 10, *6*), очевидно того же типа, что и обломки зеркал в других сарматских захоронениях кургана.

Слева от костей голени и стопы левой ноги, параллельно им и на расстоянии 7—14 см от них, лежали в правильном анатомическом порядке кости передней ноги барана вместе с лопаткой (рис. 10, *7*), представляющие остатки приношения пищи. Лопатка была обращена к северо-западной короткой стене камеры, а кости голени — к юго-востоку.

Под нижним эпифизом большой берцовой кости ноги барана была сделана уникальная находка плоского железного кресала (рис. 10, *8*; рис. 11, *5*), имевшего форму вытянутого овала с вогнутыми посредине длинными сторонами и напоминавшего несколько своими очертаниями цифру 8 (длина кресала 9.2 см; ширина посредине, в месте сужения, 3 см; толщина железного стержня, из которого оно было выгнуто, около 0.8 см). В том же месте, но не под костью, а черенком на ней лежал железный нож (рис. 10, *9*; рис. 11, *4*), обращенный острием к юго-западной длинной стенке камеры. Как и кресало, он лежал в направлении, поперечном длинным костям ноги барана.

В 17 см к северо-западу от кресала и ножа, у коленного сустава бараньей ноги, параллельно друг другу рядом лежали 9 железных наконечников стрел (рис. 10, *10*). Из их числа относительно хорошо сохранились пять (достигавших в длину 6.5 см) трехгранной (рис. 11, *3*) и один четырехгранной (рис. 11, *2*) формы с длинными, стержневидными черенками. На поверхности черенков местами остались следы дерева. Наконечники лежали немного наклонно и были обращены остриями на северо-запад, в сторону короткой материковой стенки могилы, а несколько глубже находившимися черенками на юго-восток, к коленному суставу ноги барана.

В погребении мужчины совершенно отсутствовали украшения. О наличии гробовища могут свидетельствовать только очень слабые следы дерева у берцовых костей левой ноги (к тому же, возможно, что эти следы являются не остатками гробовища, а истлевшими древками 9 железных стрел, находившихся примерно здесь же).

При расчистке описанной могилы в северо-западной части длинной юго-западной стенки был открыт заполненный гумусом небольшой подбой, в котором обнаружилось захоронение ребенка в возрасте около двух лет (погр. № 14).

Устье подбоя, имевшего в плане форму, близкую к прямоугольной (размеры основания подбоя: длина 96 см, ширина в юго-восточной части 30 см, в северо-западной — 35 см), и ориентированного длинной осью, так же как и основная могила, с северо-запада на юго-восток, начиналось у западного угла камеры и шло в юго-восточном направлении вдоль стенки могилы на протяжении 92—95 см. Короткая северо-западная стенка подбоя продолжала линию северо-западной стенки погребальной камеры, а юго-западная (внутренняя) граница подбоя шла параллельно краю юго-западной стенки могильной ямы. Высота свода над дном подбоя у устья достигала 30 см.

Погребение № 14 (рис. 10, *11—17*). Погребение ребенка, открытое в подбое, находилось в деревянном гробу (рис. 10, *11*), у которого относительно четко прослеживались остатки двух длинных сторон: одной на границе подбоя и погребальной камеры и другой, параллельной, в глубине подбоя. Скелет ребенка лежал в вытянутом положении (кости ног немного сближались в коленях), с руками, расположенными вдоль туловища, и был ориентирован, как и скелет мужчины, на юго-восток. Череп ребенка (глубина залегания 2. 74 м) раздавлен, плохо сохранились и остальные кости, лежавшие, однако, на месте. Из числа последних особенно сильно поврежденными оказались кости правой руки и голени ног.

Стопы обеих ног ребенка лежали почти вплотную к короткой северо-западной стенке, а между черепом и противоположной короткой стенкой подбоя (т. е. юго-восточной) было свободное поле шириной до 22 см.

Инвентарь погребения. С правой стороны черепа находилось два небольших глиняных лепных сосуда (рис. 10, *12*, *13*). Первый из них (рис. 12, *4*) — черного цвета, расположенный юго-восточнее второго, — имел биконическую форму, едва намеченное цилиндрическое горло, слегка отогнутое у края наружу, и был украшен выше плавного перегиба брюшка прочерченным орнаментом в виде волнообразного зигзага, переданного двумя параллельными

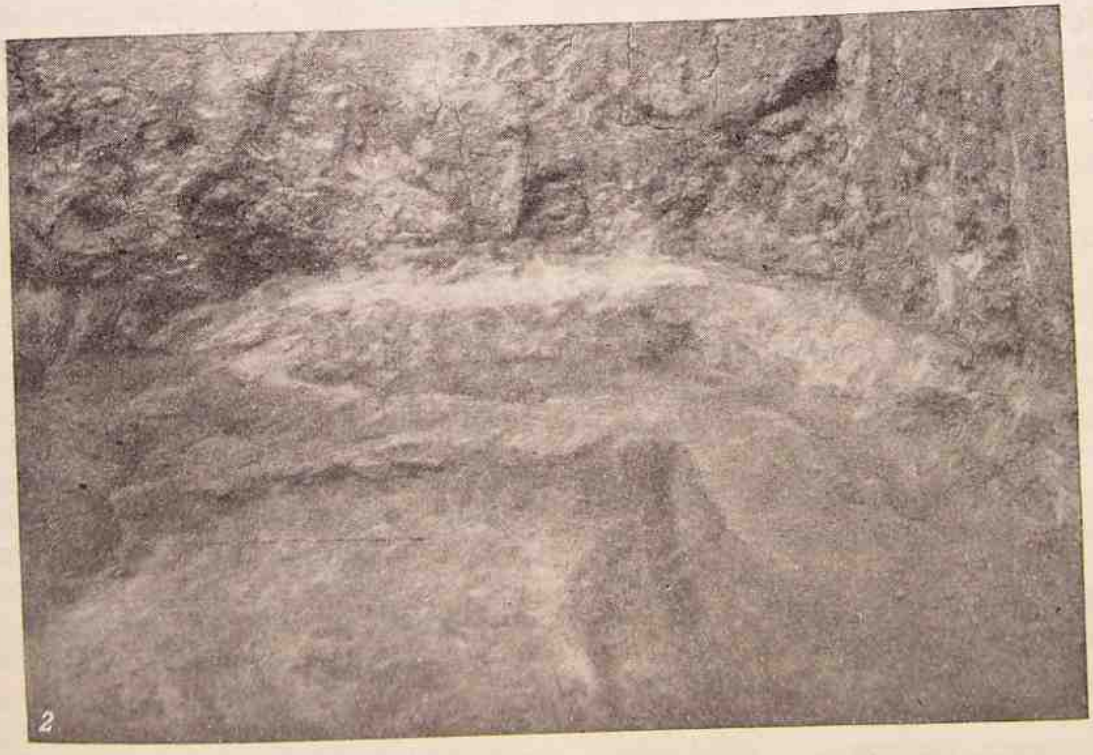


Рис. 13. Курган 30/6. Следы работы инструментом на стенках могилы № 8.

1—юго-восточная стенка; *2*—восточный угол могилы.

линиями. Поверхность сосуда темно-серая, со следами сглаживания. Сосуд стоял на дне и был обращен отверстием вверх (высота сосуда 10.5 см, диаметр дна 4.5 см, наибольший диаметр 10.5 см). Второй — желтовато-серый, тонкостенный, неорнаментированный сосудик баночной формы, со слегка вздутым брюшком (высота 6.8, диаметр дна 4.7, наибольший диаметр туловища 7 см, диаметр венчика 6.4 см; рис. 12, *3*) — лежал на боку и был обращен отверстием к правой скуловой кости черепа, а дном к устью подбоя.

Кроме сосудов, погребение сопровождалось украшениями — бусами и бисером различных типов, размещавшимися главным образом вдоль костей конечностей (особенно в нижней части левой голени). У черепа встречено скопление мелких стеклянных бисеринок синего цвета (рис. 10, *14*; рис. 6, *27*, *28*), а у правого плеча — синие бочонкообразные пастовые бусы (рис. 10, *15*; рис. 6, *31*, *32*) и несколько костяных бус низкой цилиндрической формы (рис. 10, *15*; рис. 6, *33*). Браслет из желтого бисера находился на локте левой руки (рис. 10, *16*; рис. 6, *26*), а отдельные стеклянные бисеринки синего и, реже, молочного или зеленого цвета, как и пастовые бисеринки желтого и серого цвета, встречались на пястьях обеих рук, в области таза и в других местах. Синие пастовые бусы в форме бочонка, одиночные зеленые и синие пастовые бусы в форме цилиндра, опоясанного круговым желобком посредине (всего 4 экз.; рис. 6, *29*), цилиндрические желтые и светло-зеленые пастовые бусы с тремя рядами бугорков («глазков») на боковой поверхности, расположенных обычно в шахматном порядке (рис. 6, *30*), встречались на всей площади погребения в пределах наметившихся границ гробовища и особенно часто, как уже указывалось выше, у нижних эпифизов берцовых костей левой ноги. Кроме того, здесь же (рис. 10, *17*) была найдена небольшая треугольная подвеска из светло-желтого стекла со сквозным отверстием в верхней части (рис. 6, *25*).

Заканчивая описание группы из пяти погребений сарматского времени, размещенных в двух примыкающих и частично прорезающих друг друга камерах, следует хотя бы предположительно выяснить характер связи, существовавшей в прошлом между погребенными и нашедшей некоторое отражение в особенностях захоронения.

Как нам кажется, взаимно обусловленная планировка камер и, возможно, их тождественная ориентировка свидетельствуют о том, что перед нами не случайное совпадение местоположения двух ничем не связанных взрослых захоронений, сопровождаемых детскими погребениями. В ранней могиле находилось погребение женщины с ребенком, а в несколько более поздней — мужское захоронение также с ребенком в возрасте двух лет. На этом основании можно предположить, что здесь были обнаружены захоронения членов одной семьи, погребенных в два приема в двух последовательно отрытых могилах.

В подтверждение этой мысли, вероятно, может быть приведено следующее наблюдение. С внешней стороны стопы мужского костяка (№ 13) находился уже описанный сосуд сферической формы (стр. 367). Удалось установить, что и при женском захоронении (№ 10) в той же части скелета был помещен аналогичный сосуд, смещенный со своего места и разбитый в тот момент, когда северо-западный угол камеры прорезала вторая могильная яма (№ 13), причем кости голени правой ноги женского скелета и кости обеих ног детского костяка (№ 11) вместе с находившимся при них инвентарем были выброшены. О допустимости такого предположения свидетельствует находка части венчика сарматского горшка в засыпи могилы № 10 на месте отсутствующих костей правой голени женщины и фрагментов этого же сосуда (части тулова; рис. 7, *А*, *6*) в засыпи могилы мужчины (№ 13). Найденные в двух могилах фрагменты собираются вместе и составляют около половины сосуда (рис. 5, *5*) немного вытянутой, овоидной формы со слегка отогнутым наружу краем венчика (высота сохранившейся части сосуда без дна 12.5 см).

Таким образом, сопоставленные нами погребения сближаются некоторыми деталями обряда, отличающими их от других сарматских захоронений (так, например, сосуд, сопровождающий другое сарматское погребение в грунтовой камере, занимал совсем иное место относительно костей скелета; см. стр. 374, погр. № 8). Более затруднительно установить связь между, очевидно, самым поздним захоронением в рассматриваемой группе — погребением младенца (№ 12) и остальными четырьмя захоронениями.

Последнее сарматское захоронение из числа выявленных в кургане — погребение № 8 — было открыто в материковой погребальной камере, расположенной под центральной, наиболее высокой частью насыпи восточнее нулевого пикета. Камера имела такую же прямоугольную форму, как и яма погребения № 13, но была значительно более глубокой и более тщательно сделанной.

Контуры верхней части камеры определились на глубине 2.10—2.20 м по пятну заполнения и расположенному вокруг него материковому выбросу. Обнаруженные на горизонте зачистки у покатых плечиков камеры горизонтально залегающие остатки деревянных плах и истлевшего камыша (куги) позволяют предполагать, что расчистка могилы велась с той поверхности, на которой находилось несохранившееся перекрытие из дерева и куги (обрывки истлевшего дерева и куги встречались также при выборке грунта из могильной ямы).

Камера была заполнена серым мешаным гумусом, резко отличавшимся по цвету и плотности от стенок ямы, вырытой в материковом суглинке, и легко отделявшимся от них. Благодаря этому обстоятельству при выборке заполнения удалось полностью сохранить древнюю поверхность стенок ямы, покрытую белым налетом выпавших солей. На стенках отчетливо различались следы работы тесловидным металлическим инструментом со слегка выпуклым рабочим краем, имевшим посредине желобок. Эти следы имели форму неглубоких, длинных, узких срезов с параллельными сторонами и выпуклой линией посредине (рис. 13, *1*). Они ориентировались, как правило, вертикально, а иногда с легким наклоном. В углах камеры, прямых у дна могилы и немного закругляющихся в верхней части, выявились следы от особенно сильных и глубоких затесов, нанесенных, вероятно, ребром орудия (рис. 13, *2*).

Одновременно при расчистке было установлено, что северо-западный угол могилы сарматского времени прорезал верхнюю часть северо-восточного угла и примыкающий к ней отрезок короткой восточной стенки камеры с погребением эпохи бронзы (захоронение № 9; рис. 14). Последнее было расположено западнее погребения № 8, а между пересекающимися стенками двух могил образовался разделяющий их треугольный материковый выступ. Заполнение сарматской камеры отличалось от заполнения могилы эпохи бронзы большей плотностью, и в месте прорезания одной ямы другой оно несколько вдавалось в более древнюю яму.

В связи с тем, что горизонтальное дно сарматской камеры лежало выше дна могилы времени бронзы на 12—14 см, погребение № 8 совершенно не потревожило окрашенное и скорченное захоронение эпохи бронзы, а также не разрушило ни нижней части прорезанного отрезка стенки, ни находившейся здесь угловой столбовой ямы.

Погребение № 8 (рис. 15). Камера погребения № 8 (средняя длина 2.22 м, ширина от 0.94 до 1.05 м) была ориентирована длинной осью по линии СЗ—ЮВ (оси камер №№ 8 и 9 пересекались под углом около 120°). Она несколько расширялась в нижней части, и ее круто спускающиеся стенки немного нависали над дном могилы, что было особенно заметно в ее углах (высота ее вертикальных стенок от дна до площадки покатых плечиков составляла 1.28—1.32 м).

В нижней части могильной ямы вдоль всех четырех стенок шел узкий (шириной до 4—5 см), невысокий карнизик (высота уступа карниза над материковым дном до 10 см), повторяющий в целом прямоугольную форму камеры (рис. 13, *2*). На поверхности материковых стенок могилы выше площадки карнизика (особенно в средней части северо-восточной стенки) были заметны следы от стоявших в прошлом вертикально деревянных плах и истлевшей куги (камыша), волокна которой располагались горизонтально (т. е. поперечно относительно остатков дерева). Все это позволяет предполагать, что в древности стены камеры были облицованы деревом и затем изнутри обложены камышом, а карниз в ее нижней части служил для упора нижних концов деревянных плах предполагаемой обкладки.

Погребение, расчищенное в этой камере, принадлежало женщине среднего возраста. Оно находилось в гробовище прямоугольной формы (рис. 15, *1*), шириной около 0.67 м, у которого хорошо прослеживалась длинная северо-восточная стенка на протяжении 1.60 м, а длинная юго-западная и короткая северо-западная стенки сохранились более фрагментарно. Гробовище помещалось на тонком слое гумусной подсыпки, мощностью от 1.5 до 3 см. Несмотря на плохую сохранность костей погребения, многие из которых прослеживались только по полосам желтоватой трухи, положение костяка в могиле устанав-

ливается совершенно точно. Он лежал на спине в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, и был ориентирован на юго-восток. Сравнительно хорошо сохранившийся череп (глубина залегания 3.36 м) был слегка наклонен к левому плечу.

Инвентарь погребения. Кроме остатков приношения пищи в виде костей ноги барана (рис. 15, 2), лежащих в анатомическом порядке внутри гробовища между его северо-восточной стенкой и правой бедренной костью скелета, погребение

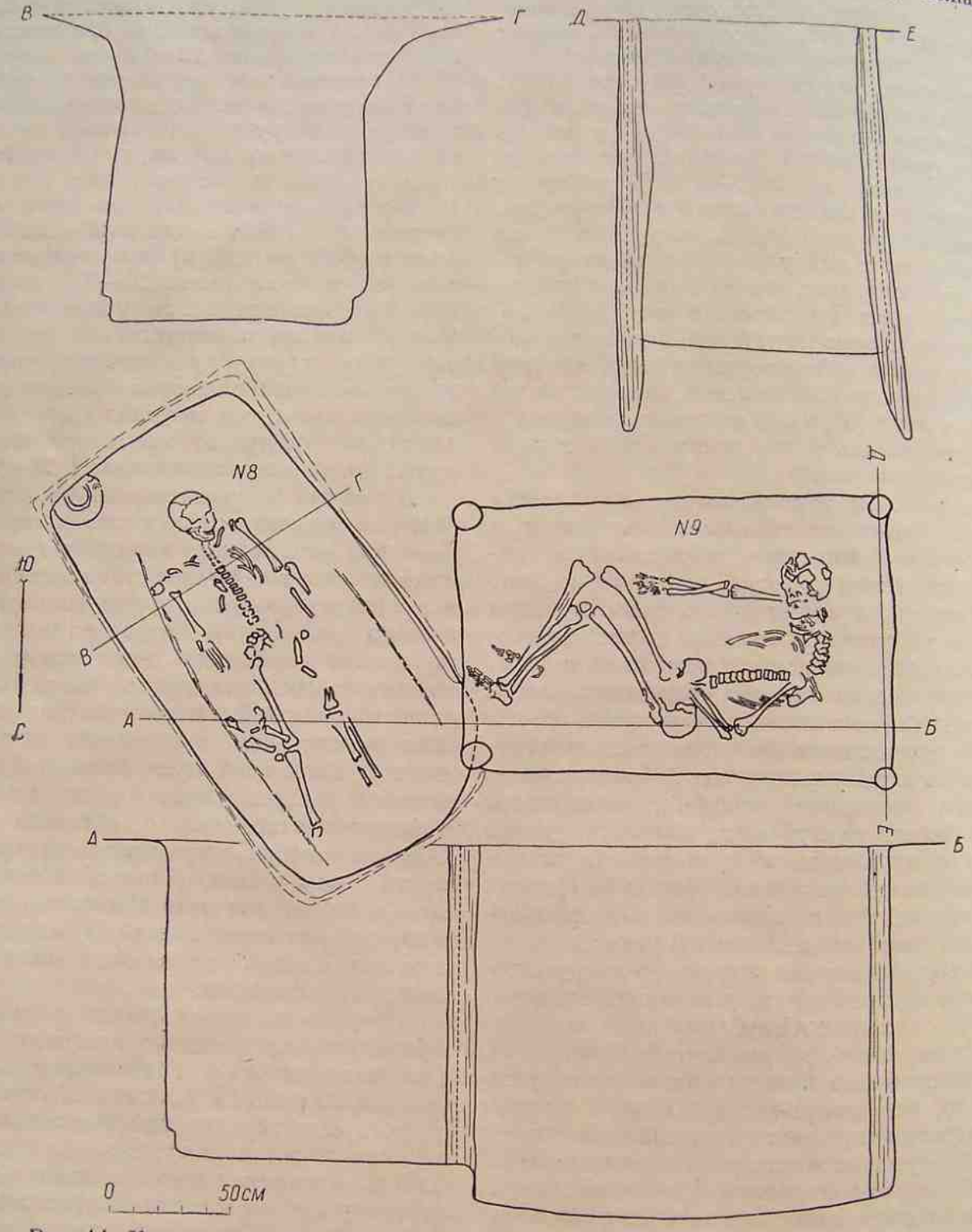


Рис. 14. Курган 30/6. Могильные ямы погребений №№ 8 и 9. План и профили.

сопровождалось набором вещей, типичных и для других женских сарматских захоронений, открытых в кургане. Сегментовидный обломок зеркала (рис. 15, *3*), типа уже известного нам по инвентарю погребений №№ 2 и 5, находился юго-восточнее черепа на расстоянии 13.5 см от теменной кости, рядом с крупицами реальгара. Основная часть того же зеркала с пробитым сквозным отверстием (рис. 15, *4*) лежала севернее — у проксимального эпифиза правой плечевой кости, с ее наружной стороны. Оба обломка собираются вместе и составляют почти целое зеркало (рис. 11, *9*), у которого отсутствует только небольшая часть. Лицевая сторона зеркала, оба фрагмента которой были обращены наверх, гладкая; противоположная сторона, тыльная, имеет в центре утолщение конической формы и по краю выпуклый валик (диаметр зеркала 10.3 см, его средняя толщина 2—2.5 мм; ширина валика 1.2 см, его высота над тыльной поверхностью около 3 мм). Отметим, что оба обломка зеркала были обращены к костяку внешним выпуклым краем с валиком.

Севернее большого фрагмента зеркала, острием к нему, а осью параллельно северо-восточной стенке гробовища, лежал железный однолезвийный нож (рис. 15, *5*; рис. 11, *8*) слегка изогнутой формы (длина ножа вместе с черенком 11.8 см). На обеих сторонах лезвия ножа и особенно на более тонком черенке сохранились следы дерева, являющиеся, повидимому, остатками не только рукоятки, но и футляра.

Южнее теменной кости черепа было найдено круглое, шаровидно-уплощенное пряслице (рис. 15, *6*; рис. 11, 7) из рыхлого песчаника розоватого цвета (диаметр 3.4 см, высота 2.2 см, диаметр цилиндрического отверстия 6.5 мм). В этой же части погребения на

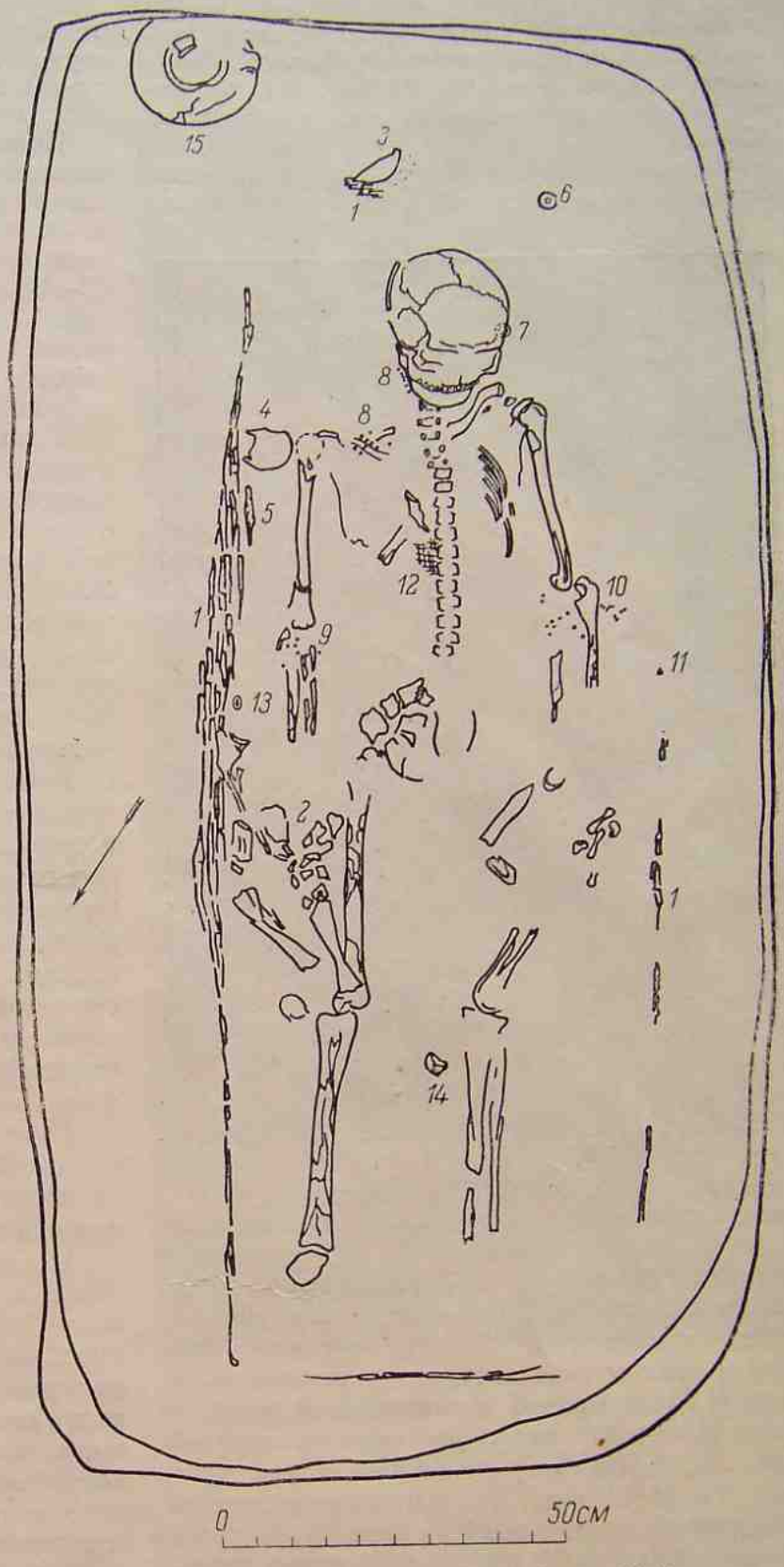


Рис. 15. Курган 30/6. Погребение № 8.

1 — остатки гробовища; *2* — кость ноги барана; *3*, *4* — фрагменты бронзового зеркала; *5* — железный нож; *6* — пряслице (песчаник); *7* — бронзовое кольцо; *8—10* — стеклянный бисер и пастовые бусы; *11* — треугольная стеклянная подвеска; *12* — тлен от ткани; *13* — медная спираль; *14* — обломок песчаника; *15* — сосуд.

левой височной кости черепа находилось очень сильно окислившееся овальное бронзовое кольцо (рис. 15, *7*; рис. 11, *6*; сечение проволоки 2.5 мм, ось овала около 18 мм).

Украшения, состоящие из небольших скоплений стеклянного бисера темно-синего

Рис. 16. Курган 30/6. Погребение № 8. Отпечатки ткани на костях грудной клетки скелета.

и желтого цвета (рис. 6, *18*) и из более редко встречающихся, очень мелких, желтых пастовых бусинок (рис. 6, *17*), сосредоточивались в трех местах скелета: у правой ключицы и вдоль правой ветви нижней челюсти (рис. 15, *8*; 31 экз.), на локтях правой (рис. 15, *9*; 39 экз.) и особенно левой руки (рис. 15, *10*; 55 экз.), где неподалеку лежала и подвеска треугольной формы из светлого стекла (рис. 15, *11*; рис. 6, *19*), точно повторяющая аналогичный тип подвески из погребения № 14. Эти скопления бисера и пастовых бус являются, по-видимому, остатками низок, нашитых в древности на одежду. Отметим попутно, что правее позвонков грудного отдела скелета в области грудной клетки прослеживался тлен от ткани одежды (рис. 15, *12*; рис. 16).

Примерно посредине длинной северо-восточной стенки гроба против костей предплечья правой руки находилась стоящая на ребре медная спираль в два витка (рис. 15, *13*; сечение проволоки 2.5 мм, диаметр спирали 12—14 мм),[1] а у верхней части большой берцовой кости левой ноги с ее внутренней стороны был обнаружен обломок мелкозернистого, пористого, белого песчаника пирамидальной формы (рис. 15, *14*).

Кроме описанных вещей, найденных в границах гробовища, за его пределами у короткой юго-восточной стенки камеры, вблизи от ее восточного угла, стоял сосуд яйцевидной формы (рис. 15, *15*; рис. 12, *1*; высота 22 см, наибольший диаметр 18.5 см). Он имел небольшое, слегка выпуклое дно и невысокое, расширяющееся к отверстию горло (диаметр венчика 12 см), основание которого было отмечено двумя неглубокими, желобчатыми, горизонтальными каннелюрами. В верхней части сосуда на его внешней поверхности, несколько ниже основания горла, находилось вертикально поставленное небольшое ушко ленточной формы. Это ушко было слепым и имело на обеих боковых сторонах довольно глубокие вдавлины, выполненные пальцем. Поверхность сосуда, коричневато-желтая в одних местах и темно-серая в других, сохранила на себе мелкие штриховые следы сглаживания (по-видимому, пучком травы).

В заключение описания сарматских погребений кургана 30/6 уместно остановиться на некоторых особенностях этой группы захоронений.

1. Более ранние сарматские погребения (№№ 8, 10—14) находились в прямоугольных, более или менее глубоких грунтовых ямах, вырытых одними и теми же приемами при помощи теслообразного металлического инструмента. В стенке одной подобной камеры имелся неглубокий подбой с детским погребением, наличие второго подбоя на основании ряда признаков можно предположительно реконструировать в погребениях №№ 10—11.

---

[1] При разборке погребения спираль рассыпалась.

2. Захоронения в грунтовых ямах вне зависимости от пола и возраста погребенного ориентировались на юго-восток и сопровождались глиняными сосудами. Несколько более поздние погребения (№№ 2, 5), обнаруженные в насыпи кургана на глубине 1—2 м, были ориентированы отлично от них: № 2 на север-северо-запад, № 5 — на северо-восток.

3. Наиболее типичными предметами, сопровождавшими женские захоронения, являются обломки круглых бронзовых зеркал (исключение — погр. № 10), пряслица (исключение — погр. № 5) и кусочки реальгара. Среди сарматских захоронений кургана преобладали погребения женщин (4 захоронения) и детей (3 захоронения), мужское захоронение было встречено только в одном случае.

3. Погребения эпохи бронзы

Древнейшими захоронениями кургана оказались погребения эпохи бронзы (№№ 4, 6, 9, 15—17). Наиболее раннее из них (№ 9) относится к ямно-катакомбному времени, а самое позднее (№ 15) — к рубежу II и I тысячелетий до н. э.

Из шести открытых и изученных захоронений этого периода два находились в насыпи (№№ 4 и 6), а остальные четыре — в могилах, впущенных в материк.

По устройству грунтовых могил погребения могут быть разделены на три типа:

1) захоронение в катакомбе (№ 15);

2) два захоронения в ямах прямоугольной, почти квадратной формы с отвесными стенками (№№ 16 и 17);[1]

3) захоронение в глубокой прямоугольной камере под центром насыпи (№ 9).

Погребение № 15 (в катакомбе; рис. 17, 18). Колодец, ведущий в катакомбу, был открыт в северо-восточном секторе насыпи и расчищался с глубины 2.35—2.40 м, на которой определились его границы.

Заполнение колодца состояло из сырого гумуса темного цвета, смешанного с суглинком и скалывавшегося комьями. Особенно плотным оно было у короткой, несколько вогнутой юго-западной стенки, образуя подобие пробки, закрывавшей открытый впоследствии здесь вход в катакомбу (рис. 17, *1*).

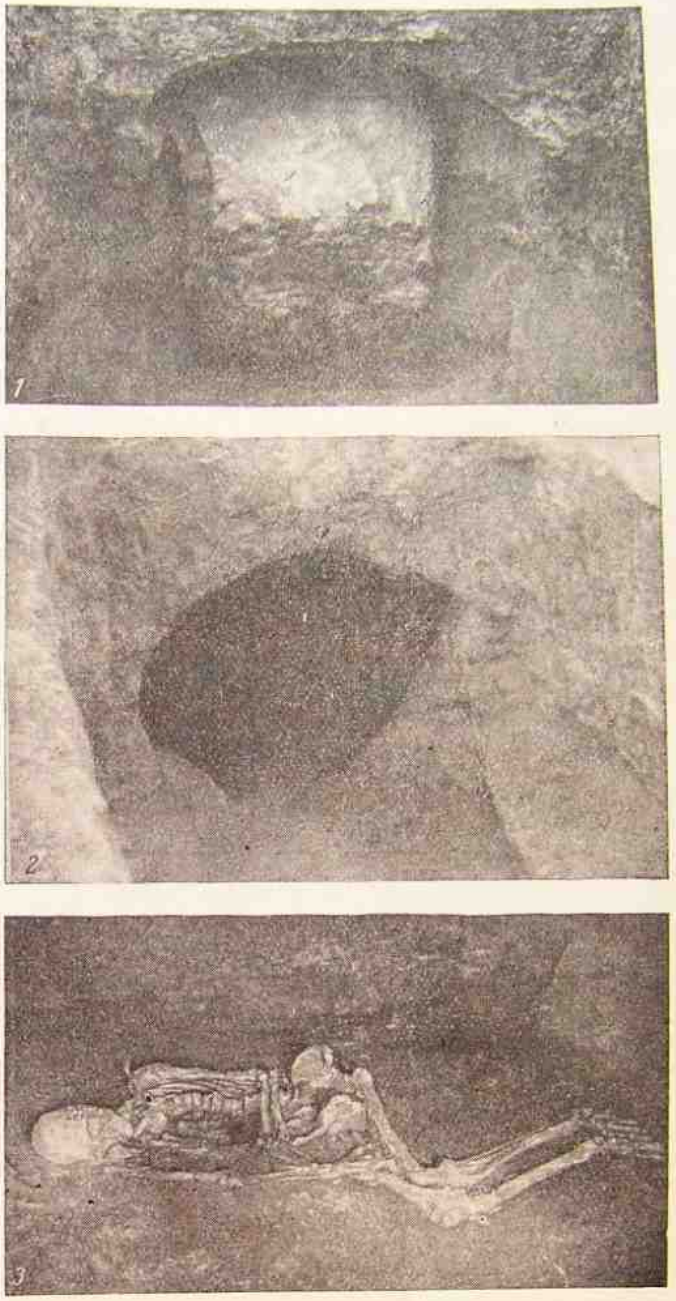


Рис. 17. Курган 30/6. Погребение № 15.

1 — «пробка», закрывавшая вход в катакомбу; *2* — вход в катакомбу; *3* — погребение.

Эта юго-западная стенка, как и примыкающие к ней отрезки двух длинных боковых стенок, была наклонной, и ее верхняя часть нависала над дном, выдаваясь в северо-восточном направлении на 25—30 см. В це-

[1] Кроме этих двух погребений, по-видимому, в подобных же ямах находились и верхние погребения, открытые в насыпи (№№ 4 и 6). Форму их могил не удалось установить, но положение скелетов, обнаруженных здесь и в ямах подквадратной формы, аналогично.

лом вертикальный входной колодец (рис. 18) имел в плане форму вытянутой равнобедренной трапеции (размеры его сторон на горизонте, с которого началась расчистка: длинных боковых, северо-западной и юго-восточной, — около 2.4 м, короткой северо-восточной — 1.5 м и противоположной ей, юго-западной, по прямой, соединяющей два угла, — 1.8 м).

На стенках колодца прекрасно сохранились следы работы, оставленные при его рытье (рис. 17, 2), в виде отчетливых, вертикально ориентированных, прямых желобков (их обычная ширина от 1.5 до 1.8 см, длина до 27—28 см) с залощенной поверхностью, покрытой белесым налетом солей в отличие от коричневой материковой стенки. Эти желобчатые полосы, отличные от сле-

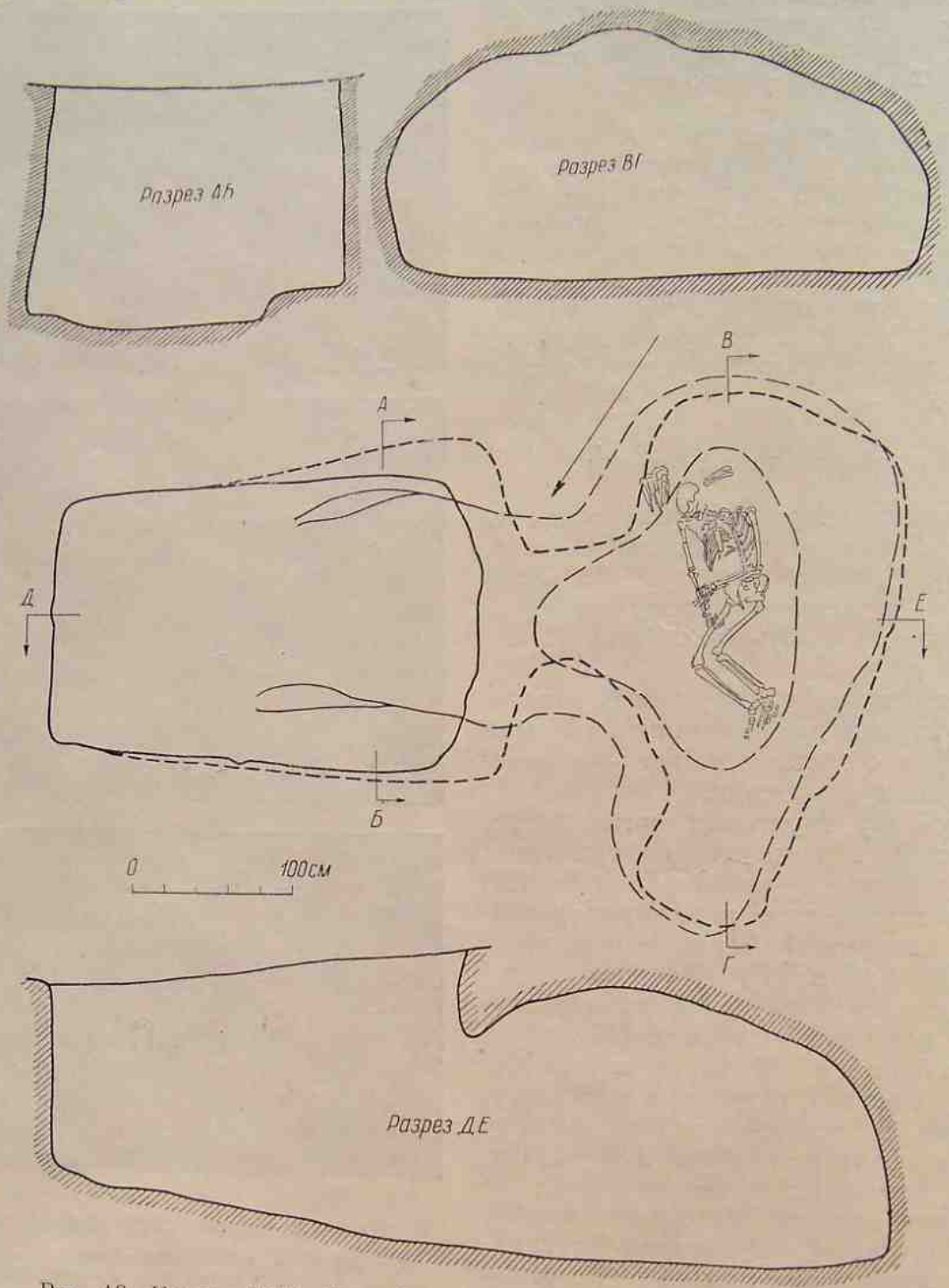


Рис. 18. Курган 30/6. Погребение № 15. План и разрезы катакомбы.

дов работы, оставленных на стенках сарматских камер, располагались параллельно на расстоянии 8—12 см (в среднем 10 см) один от другого. По этим следам можно восстановить способ рытья колодца: его рыли, загоняя ударами вертикально поставленные клинья на глубину 15—30 см и скалывая таким образом крупные куски материкового суглинка.

Дно колодца было наклонено с северо-востока на юго-запад, в направлении к устью катакомбы, где он был глубже на 40 см (глубина колодца у северо-восточной стенки 3.84 м, в середине колодца 3.98 м, у входа в катакомбу 4.23 м). В этой наиболее глубокой части колодца вдоль его длинных боковых стенок у дна имелись две ступеньки. Ось колодца была ориентирована с северо-востока на юго-запад (длина колодца по оси 2.66 м). Вход в катакомбу, поврежденный временем, имел овальную форму (высота 1.26 м, наибольшая ширина 1.4 м).

В заполнении катакомбы, у которой потолок свода осыпался в древности, четко различались три горизонтальных слоя: нижний — из плотного материкового суглинка, с трудом отличающегося от суглинка стенок (мощность до 45 см), средний — из плотного гумусированного суглинка (мощность до 22 см) и верхний — из мелких комьев сухого светлого суглинка (мощность до 10 см). Между верхней поверхностью последнего слоя и сводом катакомбы была небольшая полость, свободная от земли.

В плане несколько деформированная осыпями катакомба, длинная ось которой была ориентирована с северо-запада на юго-восток, под углом 80° к оси входного колодца, имела форму вытянутого, неправильного овала, более широкого в юго-восточной части и суживающегося в северо-западном направлении (длина камеры по оси 3.35 м, наибольшая ширина 2.1м). Ее поднимающийся к центру свод находился на высоте до 1.68 м от дна.[1]

Сравнительно хорошо сохранившееся погребение (рис. 17, *3*; рис. 18) находилось в юго-западной части катакомбы на ее материковом дне, покрытом в этом месте тонким пятном буро-коричневого цвета. Скелет мужчины зрелого возраста, ориентированный на юг-юго-восток, лежал на спине со значительным наклоном на правый бок. Череп (глубина залегания 4.12 м) был также наклонен к правому плечу. Ноги были согнуты в тазобедренном и коленном суставах, и соответствующие кости лежали параллельно друг другу. Нижние эпифизы костей голени и стопы обеих ног были интенсивно окрашены пятном красной охры. Правая рука была вытянута вдоль туловища и ее кисть перекрывала среднюю часть правой бедренной кости, а левая рука, плечевая кость которой ориентирована параллельно позвоночнику, была согнута в локте под прямым углом и ее кисть лежала на дистальных концах костей предплечья правой руки. Длина костяка в скорченном положении от темени черепа до фаланг правой ноги составляла 1.66 м.

Погребение сопровождалось приношением пищи. В 0.05 м к юго-востоку от теменной кости мужского черепа находился целый череп барана, лежавший на левых скуловых костях и обращенный лицевой частью в сторону погребенного, а у затылочной кости обнаружены две длинные кости конечности барана, ориентированные поперечно относительно оси захоронения. Вещи в погребении отсутствовали.

Погребение № 16 (рис. 19). Яма, близкая по форме к квадратной, со сторонами 1.25—1.35 м, с несколько неправильными стенками и закругленными углами, была ориентирована по странам света с отклонением от них по часовой стрелке на 14—15°. Ее заполнение состояло из рыхлого бурого гумуса с примазками суглинка. На вертикальных стенках ямы различались следы работы, совершенно тождественные со следами, открытыми на стенках рядом расположенной грунтовой могилы № 17, где они были более отчетливыми.

О наличии в древности над квадратной могилой перекрытия свидетельствуют, по-видимому, остатки куги, располагавшейся в верхней части западной стенки, и обрывки деревянных плах, лежавших у дна могилы (рис. 19, *1*).

Костяк мужчины зрелого возраста, ориентированный на юг, лежал на правом боку. Ноги его были сильно согнуты как в тазобедренном, так и в коленном суставах. Раздавленный череп (глубина залегания 2.43 м) несколько сместился вправо. Плечевые кости обеих рук шли вдоль туловища, а кости

[1] Учитывая происшедшие обвалы потолка, можно предполагать, что действительная высота катакомбы не превышала в прошлом 0.8—0.9 м.

предплечья, согнутые в локтевых суставах под прямым углом и также лежавшие параллельно друг другу, были обращены кистями к восточной стенке.

Кости скелета (особенно череп и таз) были интенсивно окрашены ярко-красной охрой. Пятна красного и желтого цвета размещались в нескольких местах на дне могилы.

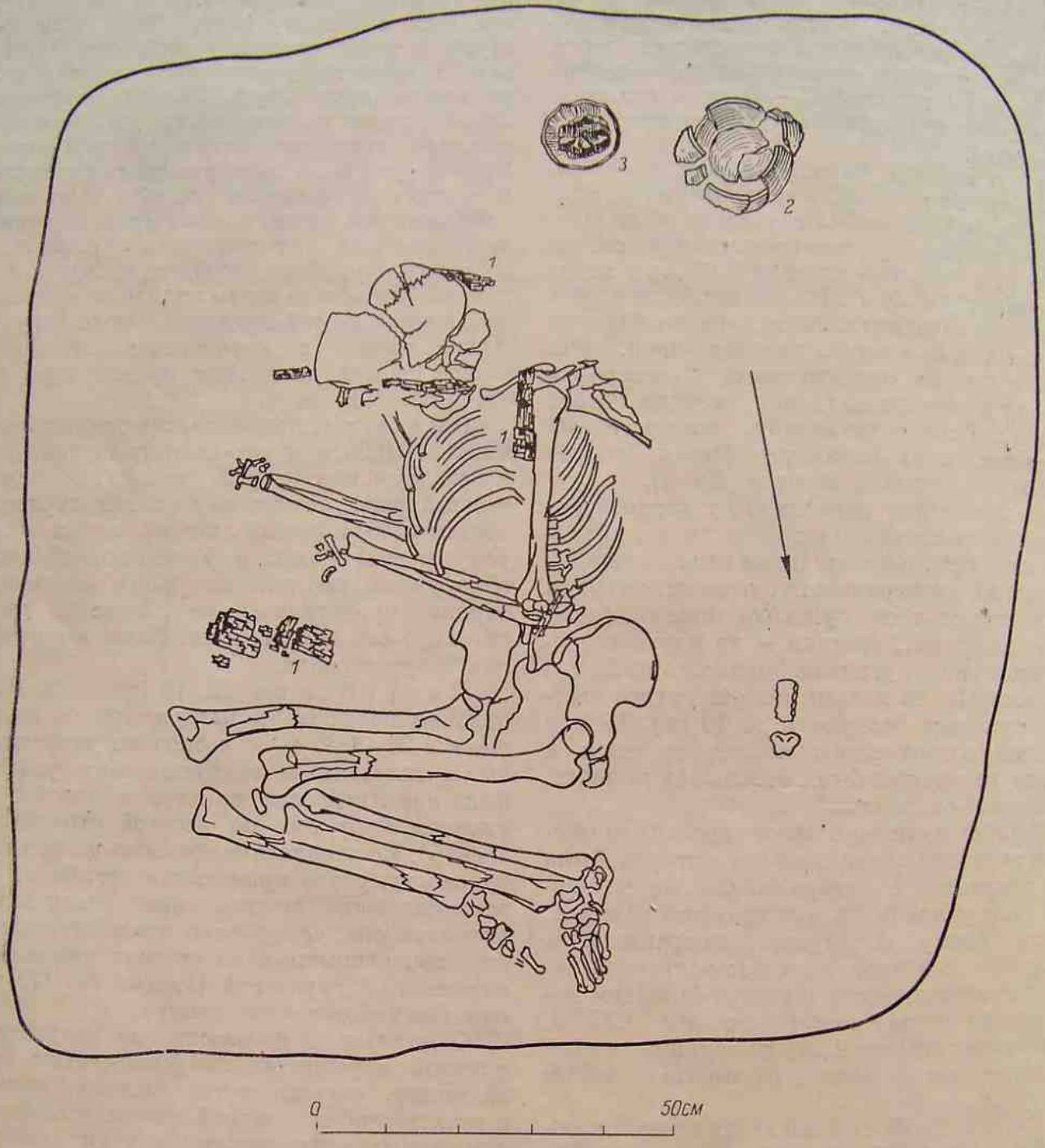


Рис. 19. Курган 30/6. Погребение № 16.

1 — остатки деревянных плах; *2* — лепной орнаментированный горшок; *3* — днище толстостенного лепного горшка с углями (жаровня).

Инвентарь погребения. Он состоял из горшка (рис. 19, *2*) и днища толстостенного сосуда с углями — жаровни (рис. 19, *3*), помещенных вдоль западной

половины южной стенки камеры, в 30—35 см к юго-западу от черепа.

Сосуд (рис. 20, *1*), раздавленный землей, находился западнее жаровни, ближе к юго-западному углу могилы. Это горшок (высота 12 см) с шаровидным туловом (наибольший диаметр 16 см), с небольшим, слегка вдавленным посредине дном (диаметр дна 9 см) и низким цилиндрическим горлом (диаметр по венчику 12 см). Внешняя серовато-бурая сглаженная поверхность сосуда, покрытая темными пятнами нагара, сплошь орнаментирована: от дна до плавного перехода к горлу — отпечатками гребенчатого штампа, образующими узор в виде «елочки», у основания горла — двумя горизонтальными рядами спиралевидных вдавлин (отпечатков конца раковины?), выше основания — двумя горизонтальными линиями отпечатков узкого шнура.

В качестве жаровни (рис. 20, *2*) использована нижняя часть более грубо выделанного глиняного сосуда (диаметр дна 11 см). Она была заполнена углями плотной древесной породы. На внешней поверхности этого сосуда наряду с отдельными редкими отпечатками гребенчатого штампа, не образующими орнаментальной композиции, имеются следы бороздок от сглаживания. Вся внутренняя поверхность стенок покрыта относительно глубокими штрихами расчесов, полученных при помощи гребенки.

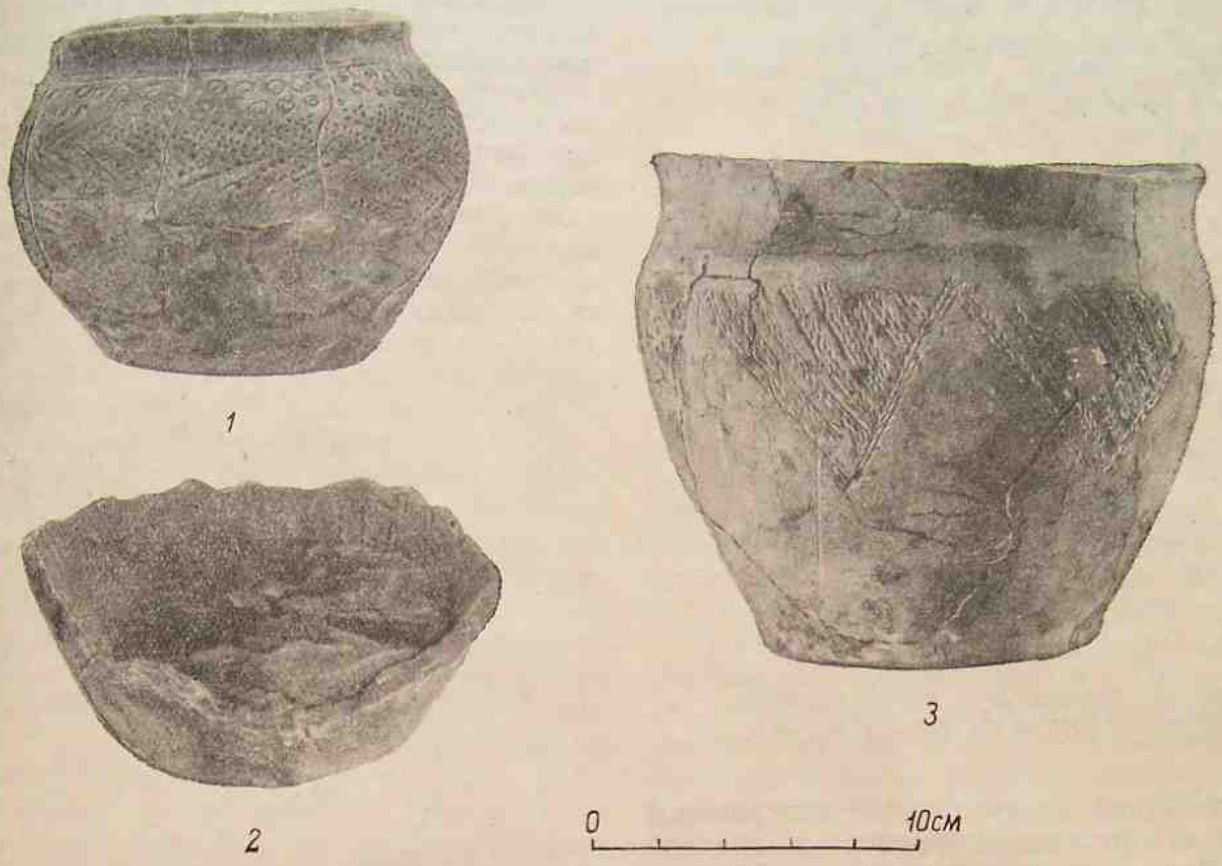


Рис. 20. Курган 30/6. Сосуды погребений эпохи бронзы.

1 — лепной орнаментированный горшок (погр. № 16); *2* — днище лепного толстостенного сосуда-жаровни с углями (погр. № 16); *3* — лепной орнаментированный горшок (погр. № 4).

В нижнем горизонте заполнения камеры прослежены остатки плахи (длина 28 см, ширина 12 см, толщина до 6 см), лежащие южнее правого бедра. Кроме этого, обрывки дерева находились у затылочной и лицевой частей черепа, у верхней части плечевой кости и на локте левой руки. Все остатки дерева располагались параллельно осям могильной ямы, что, по-видимому, отражает устройство перекрытия в прошлом.

Погребение № 17. Оно было ограблено в древности, и поэтому в данном случае пришлось ограничиться изучением конструкции камеры и остатков погребаль-

ного инвентаря. Яма квадратной формы (стороны равны 1.68—1.80 м), с закругленными углами; она находилась южнее предшествующей, отделяясь от нее тонкой материковой перемычкой (толщина перемычки в западной части 40 см, в восточной — 80 см). Обе ямы имели одинаковую форму и были вырыты при помощи общих технических приемов, которые особенно хорошо прослеживались на южной стенке ямы № 17. На ее поверхности, покрытой белесым налетом, отчетливо были видны оставленные древним землекопным орудием вертикальные заглаженные полосы, отстоящие одна от другой в среднем на 4—5 см (длина их до 35—38 см, ширина 2.5 см, глубина около 0.3 см).

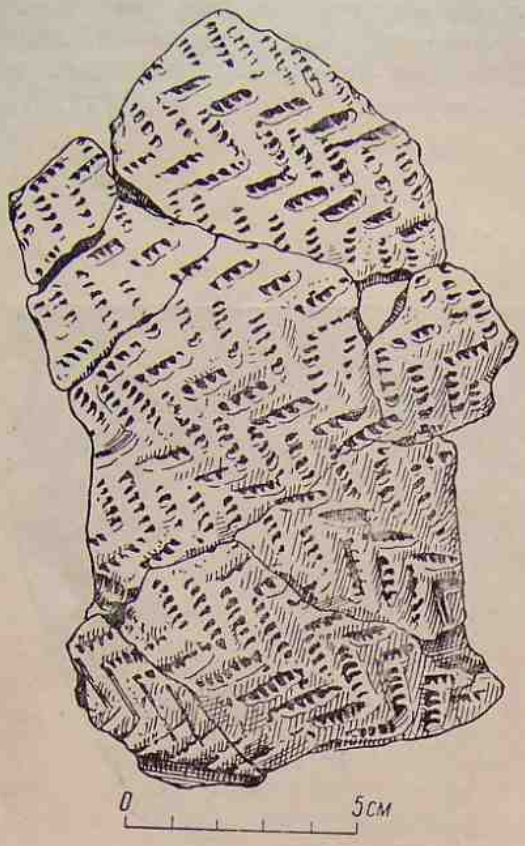


Рис. 21. Курган 30/6. Подбирающиеся фрагменты сосуда из погребения № 17.

Оси ямы № 17, более глубокой, чем яма погребения № 16 (дно могилы № 17 находилось на глубине 3.46 м), отклонялись от стран света на 35° по часовой стрелке.

В гумусном заполнении ямы № 17 на 40 см выше дна были обнаружены остатки деревянной плахи, лежащие по оси камеры в направлении СЗ—ЮВ (следы перекрытия?). На материковом дне могилы выявились пятна красной и желтой охры и была найдена одна кость животного (остатки приношения пищи?). Какие бы то ни было кости человеческого скелета полностью отсутствовали, и это позволяет предполагать, что покойник, по-видимому, был извлечен из могилы до того, как его труп разложился, а полость могилы вскоре после этого заплыла землей.

Инвентарь погребения. В западном углу ямы в ее заполнении на протяжении 80 см обнаружены подбирающиеся обломки одного и того же толстостенного, довольно крупного сосуда (рис. 21), внешняя желтовато-серая поверхность которого сплошь орнаментирована отпечатками широкого гребенчатого штампа — «елочкой». При этом выше всего лежали обломки, найденные у стенок камеры, и значительно ниже их находились фрагменты, расположенные ближе к центру. Возможно, что глубина залегания этих фрагментов отвечает наклонной поверхности того земляного заплыва, который проник в полость ямы после

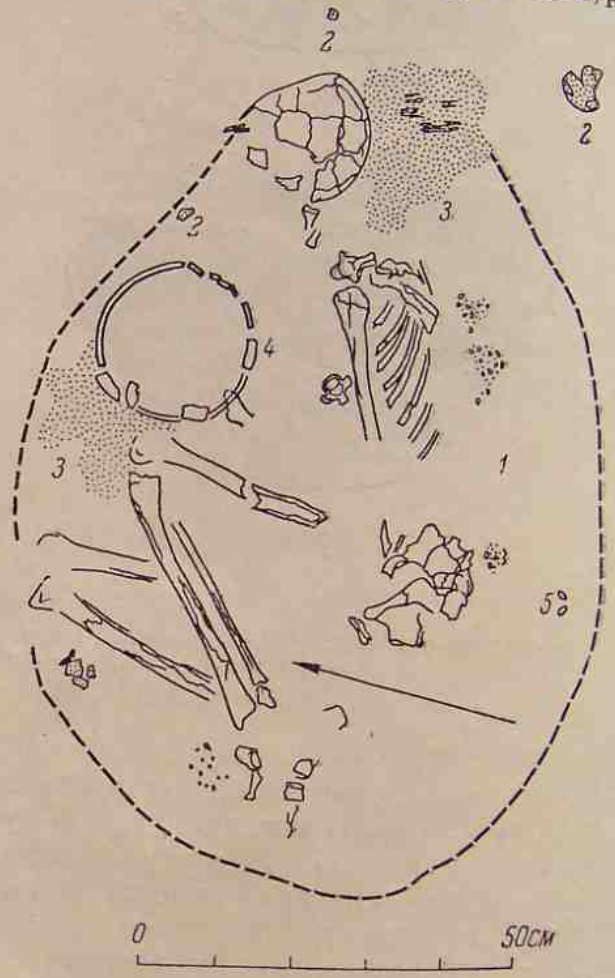


Рис. 22. Курган 30/6. Погребение № 4.

1 — красно-бурое пятно на дне могилы; *2* — куски ярко-красной охры; *3* — пятна ярко-красной охры; *4* — горшок; *5* — костяные бусы.

ее ограбления. Вместе с землей в камеру сползли и куски выброшенного из могилы и разбитого сосуда.

Таким образом, несмотря на полное разрушение захоронения в древности, очевидно, что в этой камере, аналогичной по форме и приемам сооружения (следы работы, остатки деревянного перекрытия) камере погребения № 16, находилось скорченное и окрашенное захоронение, сопровождаемое глиняным сосудом эпохи бронзы. Как было указано выше, в таких же, вероятно, ямах находились скорченные погребения, обнаруженные в насыпи кургана, — №№ 4 и 6.

Погребение № 4 (рис. 22). Оно было открыто в северо-восточной четверти курганной насыпи (глубина залегания черепа 1.93 м). Погребение плохо сохранилось (позвонки отсутствовали или были смещены, кости черепа и таза раздавлены). Скелет располагался на овальном пятне красно-бурого цвета (рис. 22, *1*) мощностью в 1.5—2 мм (подсыпка из охры, смешанная, по-видимому, с трупным тленом). Отдельные куски ярко-красной охры обнаружились в двух местах (рис. 22, *2*): у верхних эпифизов голени правой ноги и в 27 см к югу от затылочной кости черепа. Кроме этого, значительные, интенсивные ярко-красные пятна размещались у затылочной части черепа (здесь же слабые следы дерева) и у колена левой ноги (рис. 22, *3*).

Женский скелет (зрелого возраста) со скорченными ногами, из которых левая, перекрывавшая правую, была более сильно подогнута к туловищу, лежал на правом боку и был ориентирован на северо-восток-восток. Плечевая кость левой руки шла вдоль туловища и, очевидно, образовывала в локте с костями предплечья той же руки, ориентированными на север, к находящемуся в погребении горшку, острый угол.

Инвентарь погребения. Он состоял из глиняного горшка и двух костяных бусин. Горшок (рис. 22, *4*; рис. 20, *3*) находился восточнее колена левой ноги и западнее черепа, в 15 см от лицевых костей. Он плоскодонный (высота 16 см, диаметр дна 11 см, наибольший диаметр 20 см), с низким цилиндрическим горлом (диаметр 18.5 см), соединяющимся плавным переходом с туловищем, которое суживается к днищу. Украшение его внешней, слегка сглаженной поверхности желтовато-бурого цвета состоит из расположенных под краем отогнутого наружу венчика и на едва намеченных плечиках трех горизонтальных полос — отпечатков плоского тройного шнура. Нижняя из этих полос служит основанием для семи свешивающихся шевронов, образованных оттисками подобного же шнура. Каждый из них заштрихован семью шнуровыми же линиями, параллельными левой боковой стороне шевронов. На внутренней темно-серой поверхности боковых стенок имеются штриховые следы от сглаживания. Такие же отдельные, косо расположенные штрихи встречаются в нижней части сосуда и на внешней поверхности.

Две небольшие костяные бусины бочонкообразной формы найдены южнее таза скелета, в 12 см от него (рис. 22, *5*; рис. 23, *1*).

Погребение № 6 (юго-восточная часть насыпи; глубина залегания тазовых костей 1.12 м). Плохо сохранившийся и сильно разрушенный скелет (отсутствовал череп, остальные кости фрагментированы) был ориентирован на восток с небольшим отклонением к югу и лежал на правом боку. Ноги согнуты в тазобедренном и коленном суставах. Вещи, сопровождающие захоронение, как и следы охры, не были обнаружены.

Погребение № 9 (в глубокой прямоугольной камере; рис. 24). Оно находилось под вершиной насыпи, а северо-восточный угол могилы, как уже упоминалось, был частично прорезан ямой несколько выше лежащего сарматского погребения № 8 (рис. 14). Контур ямы был определен на горизонте древней дневной поверхности, с которой была спущена могила. Уровень древней дневной поверхности, перекрытой курганной насыпью, отчетливо прослеживался на восточной стороне двухметровой осевой перемычки, находившейся почти в одной плоскости с западной стенкой камеры. Эта граница между погребенной почвой и насыпью проходила на глубине 2.25 м и совпадала с отметкой древней дневной поверхности, выявленной при расчистке сарматских захоронений №№ 10—14.

В заполнении камеры, состоящем из мягкого сырого гумуса темно-бурого цвета, совершенно не встречались следы дерева. На боковых стенках камеры (их высота 1.40—1.44 м), отвесно спускающихся ко дну, различались следы работы деревянным клином, который вертикально вбивался в материковый суглинок и оставил на поверхности стенок ямы сглаженные полосы.

Камера имела в длину 1.75—1.8 м, в ширину 1.04 м (по восточной стенке) — 1.15 м (по западной стенке) и была ориентирована длинной осью по линии запад—восток (рис. 24). На дне камеры (глубина 3.70 м) в ее углах были обнаружены четыре столбовые ямы диаметром от 9 до 12 см и глубиной до 35—38 см, а по стенкам камеры шли вертикальные полуцилиндрические следы от столбов, обрывающиеся на линии древней дневной поверхности.

Кости скелета мужчины (возраст около 30—35 лет) плохо сохранились и сильно истлели, но все находились in situ. Обращают на себя внимание крупные размеры костяка, который, по полевому определению Л. Г. Ву-

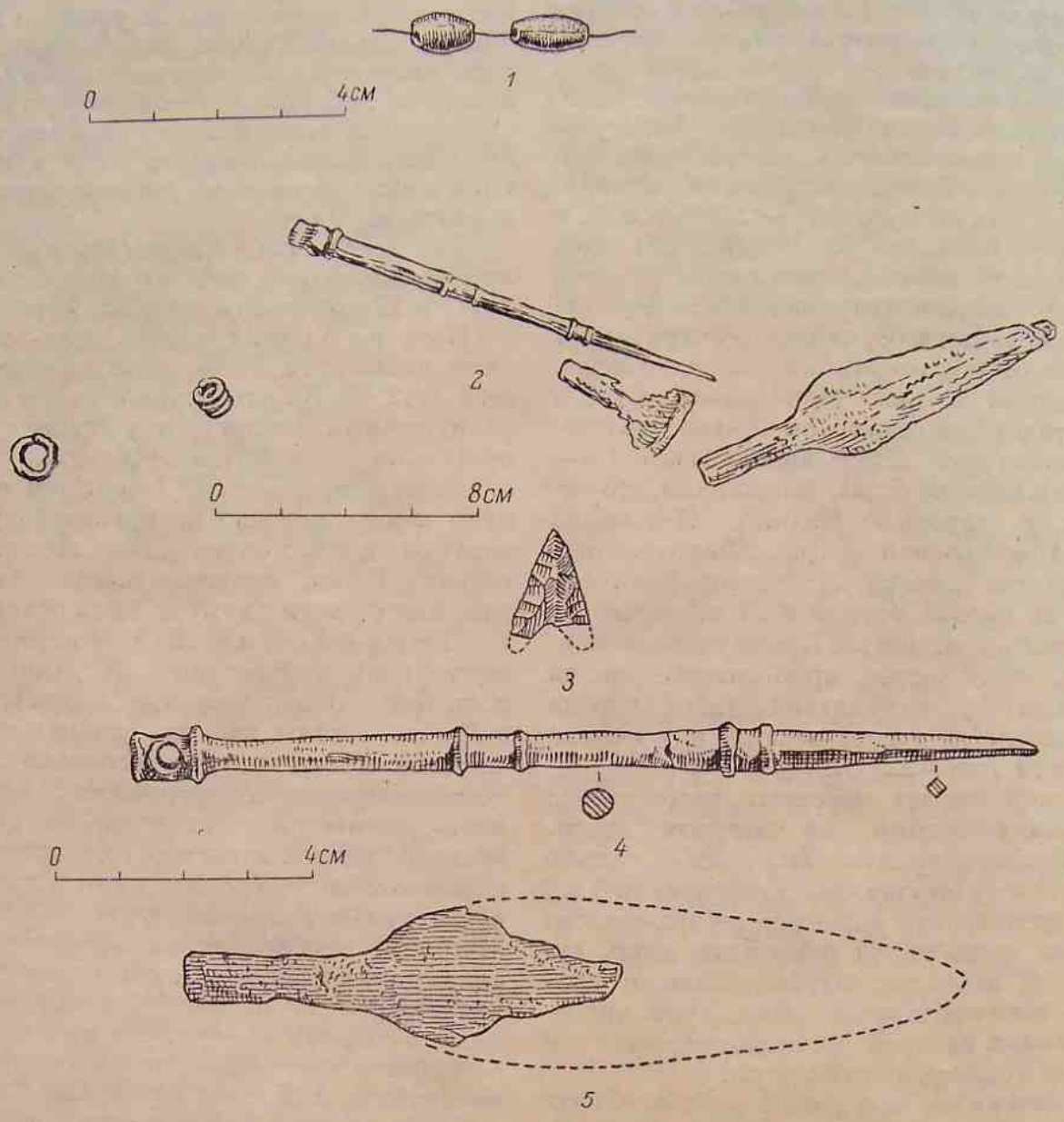


Рис. 23. Курган 30/6. Инвентарь погребений эпохи бронзы №№ 4 (*1*) и 9 (*3—5*).

1 — бочонкообразные костяные бусы; *2* — схема расположения вещей в погр. № 9; *3* — кремневая стрелка подтреугольной формы с выемчатым основанием; *4* — бронзовая булавка; *5* — бронзовый нож катакомбного типа (пунктиром показана разрушившаяся часть).

ич, в вытянутом положении должен был достигать в длину примерно 2.06 м. Костяк лежал на правом боку, с некоторым отклонением влево на спину и был ориентирован длинной осью так же, как и камера, — черепом и костями туловища на запад, костями

ног на восток. Позвоночник был несколько изогнут в шейном отделе, и череп (глубина залегания 3.65 м), лежащий на правой стороне, был обращен сводом к юго-западному углу могилы, а лицевой частью к противоположной, восточной стенке. Ноги скелета были согнуты в тазобедренном и коленном суставах (в последних примерно под прямым углом). При этом кости голени левой ноги перекрывали стопу правой. Кости правой руки были вытянуты от плеча к правому колену, а кости левой руки согнуты в локте и ее кисть находилась на крестце.

Весь скелет, особенно его череп и таз, кости рук и ног, был интенсивно окрашен красной охрой. Эта же охра окрасила и все дно могилы, на котором встречались чистые белые пятна известковой подсыпки.

Инвентарь погребения. Между коренными зубами верхней и нижней челюсти черепа находилась миниатюрная кремневая стрелка треугольной формы с вогнутым основанием и тонкими зубчатыми боковыми краями (рис. 24, *1*; рис. 23, *3*). Она изготовлена из светло-желтого полупрозрачного кремня и обработана с обеих сторон тонкой отжимной ретушью. Стрелка, обращенная острием к гортани и основанием к передним зубам, возможно, и являлась причиной смерти погребенного. Оба отсутствующих шипа основания, вероятно, были обломаны при попытках извлечь стрелку. Нижние (дистальные) эпифизы костей предплечья правой руки и средняя часть обеих бедренных костей перекрывались лежащими параллельно друг другу остатками четырех деревянных стержней (древки стрел?) (рис. 24, *2*). Следы пятого, более массивного стержня (рис. 24, *3*), открытого восточнее предшествующих, шли от середины левой голени в южном направлении, к длинной стенке камеры. Еще восточнее, между стопой левой ноги и короткой стенкой камеры, находилось несколько древесных угольков (рис. 24, *4*). Кроме этого, слабые следы деревянной плашки выявились на позвонках грудного отдела скелета (рис. 24, *5*).

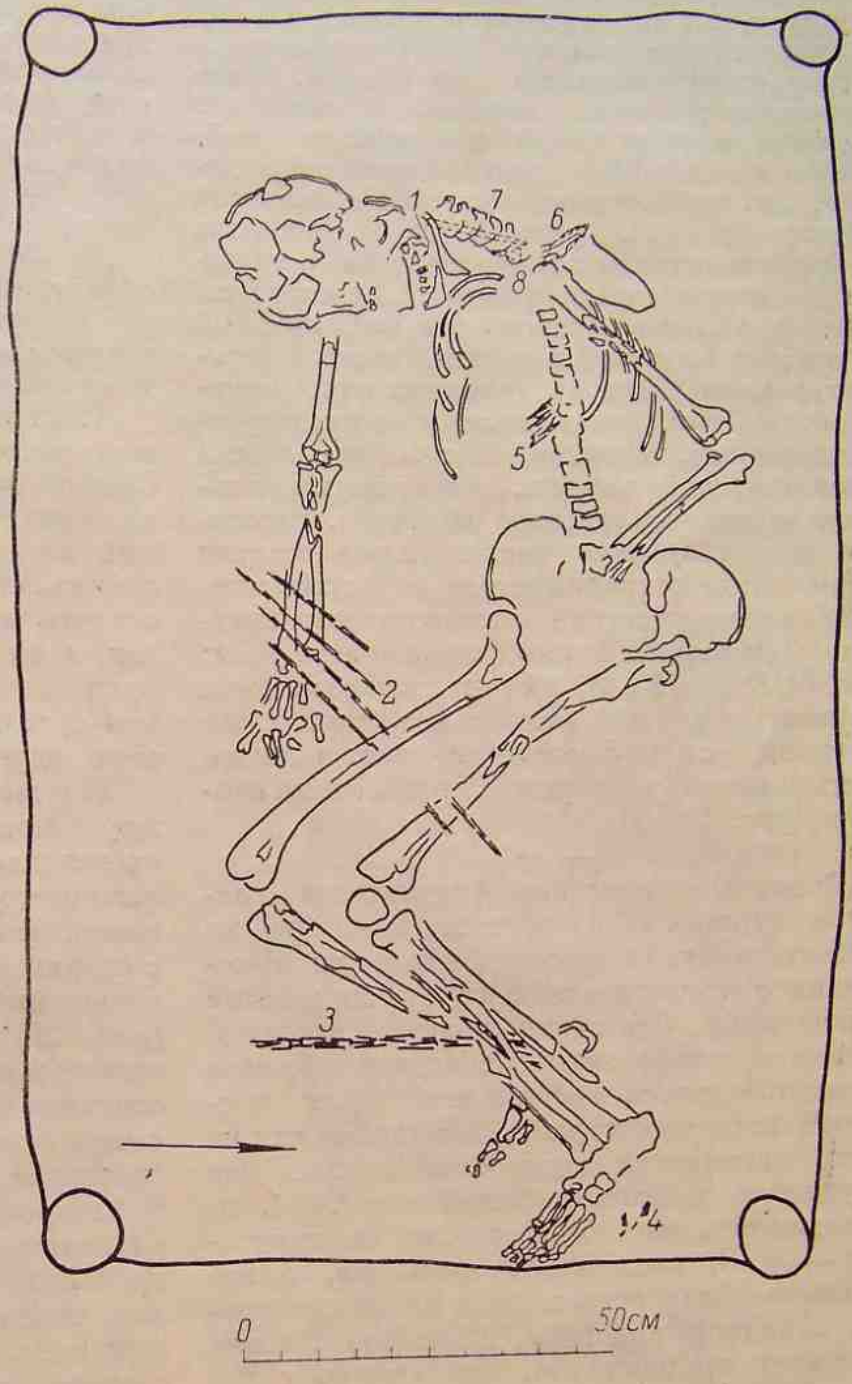


Рис. 24. Курган 30/6. Погребение № 9.

1 — кремневая стрелка; *2* — остатки деревянных стержней; *3* — остатки деревянного стержня; *4* — древесные угли; *5* — остатки деревянной плашки; *6* — бронзовый нож; *7* — бронзовая булавка; *8* — пластинчатый бронзовый предмет Т-образной формы.

При разборе костей погребения под верхним краем левой лопатки был найден окисливший бронзовый нож катакомбного типа (рис. 24, *6*; рис. 23, *2*, *5*; длина в момент расчистки 12.1 см, наибольшая ширина 2.6 см), лежащий черенком к позвоночнику и острием к северо-западному углу камеры. После извлечения ножа значительная часть его лезвия разрушилась. Южнее ножа под шейными позвонками, в одном направлении с ними, лежала бронзовая булавка уникальной формы (рис. 24, *7*; рис. 23, *2*, *4*). Она была обращена острием к плечику ножа, а головкой к нижней челюсти черепа. Ее стержень (длина 13.7 см, диаметр 0.6 см), круглый в сечении в средней и верхней части и четырехгранный у острия, украшен тремя группами двойных, параллельно идущих, выпуклых валиков. В верхней части, ниже слегка расплющенной головки, между двумя валиками находилось сквозное отверстие. Восточнее острия булавки располагались остатки очень плохо сохранившегося и рассыпавшегося на месте пластинчатого бронзового предмета Т-образной формы (длина около 4 см; рис. 24, *8*; рис. 23, *2*), а юго-восточнее шляпки булавки, в 4.4 и 9.4 см от нее, лежали две окисливщиеся до фиолетового цвета и также рассыпавшиеся серебряные проволочные спирали (рис. 23, *2*).

Оканчивая описание результатов раскопок кургана 30/6, обратим внимание на закономерность в распределении двух основных хронологических групп погребений под насыпью. Эта закономерность заключается в том, что все захоронения эпохи бронзы сосредоточивались исключительно в восточной половине кургана, в то время как из шести сарматских погребений только два (впущенное в насыпь погребение № 2 и, по-видимому, наиболее древнее из грунтовых — № 8) находились здесь же, а все остальные были встречены в противоположной, западной, половине. Подобное явление позволяет предполагать, что именно с западной стороны основная насыпь эпохи бронзы была подсыпана и, возможно, неоднократно в сарматское время.

КУРГАН 31/7

Насыпь среднего размера (диаметр 42—46 м, высота около 1 м), располагалась южнее остальных курганов, составляющих некрополь. В 1950 г. ее раскопки были начаты С. А. Плетневой. При этих работах были выявлены два погребения: в восточной половине насыпи — позднее захоронение старой женщины («ведьмы»), совершенное по христианскому обряду, в сбитом большими кованными гвоздями массивном деревянном гробу (погр. № 1), а в яме, находившейся в центре кургана под фрагментарно сохранившейся выкладкой из саркелского кирпича, — остатки разрушенного половецкого погребения (погр. № 2).

В 1951 г. при доследовании кургана были обнаружены еще два захоронения — одно (№ 3), относящееся к концу эпохи бронзы, и второе, основное (№ 4), приуроченное к самому началу этой эпохи.

Погребение № 3 (северо-западный сектор насыпи, у центра; рис. 25). Скелет, ориентированный черепом (глубина залегания 0.8 м) на северо-восток и обращенный лицевыми костями черепа на юг, лежал на левом боку. Ноги скелета были сильно согнуты в тазобедренном и коленном суставах, а их колени подтянуты к локтю левой руки. Кисти обеих рук, согнутых в локтевом суставе, находились перед лицевой частью черепа.

Инвентарь погребения. Между дистальными концами костей левого предплечья и лобной костью черепа находился лепной горшок (рис. 25, *1*) вытянутой баночной формы с несколько расширяющимся в верхней части туловом, которое затем вновь несколько суживалось к отверстию (рис. 26). На пятнистой, желтовато-серой внешней поверхности сосуда местами видны отчетливые, преимущественно вертикальные следы сглаживания частой гребенкой с небольшими зубцами. Под краем венчика на одной стороне поверхности находятся семь косо расположенных и параллельных друг другу, глубоких насечек разной длины. Внутренняя поверхность горшка обработана очень небрежно. Кроме того, при разборе костей скелета был обнаружен небольшой кусочек реальгара, который, возможно, попал сюда случайно. Все кости левой половины черепа находились не на месте, несмотря на отсутствие каких бы то ни было признаков разрушения погребения.

Погребение № 4 (северо-восточный сектор насыпи; рис. 27, *А*, *Б*). Местоположение неглубокой грунтовой ямы, спущенной не более чем на 0.4 м с древней дне-

ной поверхности, было определено на горизонте погребенной подпочвы. В дальнейшем при расчистке ямы выяснилось, что она имела

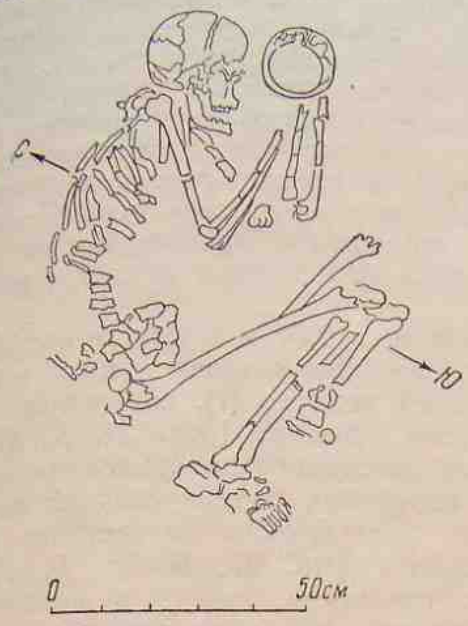


Рис. 25. Курган 31/7. Погребение № 3.

форму неправильного овала размером 1.55××1.23 м, ориентированного продольной осью почти по линии север—юг, и что ее границы очень сильно повреждены норами грызунов.

В верхней части могильной ямы, преимущественно в ее северной половине, находилось пятно подпрямоугольной формы (размеры его около 0.80×0.60 м), окрашенное охрой в красный цвет и ориентированное осью по линии ССВ—ЮЮЗ (рис. 27, *А*, *1*). При этом в границах пятна яркокрасной охры отчетливо различались в виде параллельно расположенных негативных желобчатых отпечатков следы циновки, изготовленной, по-видимому, из стеблей камыша. Под пятном охры, в 3—5 см ниже его и главным образом в его западной части, на площади размером 0.30×0.40 м прослеживалась тонкая, лежащая горизонтально, угольная прослойка (рис. 27, *А*, *2*). Что же касается самого погребения, то его кости, за исключением трубчатых, совершенно истлели, а сохранившиеся были в разной степени перемещены грызунами. Тем не менее длинные кости ребенка в возрасте 3—4 лет, хотя и не занимали своего первоначального положения, но были сосредоточены в северо-западной части могилы, на том же участке, который был сверху покрыт остатками циновки.

Инвентарь погребения. Рядом с костями находились и предметы погребального инвентаря.[1] Небольшой целый сосуд (рис. 27, *Б*, *3*; *В*, *6*) со слегка сглаженной пятнистой (желтовато-коричневой, в верхней части преимущественно бурой) поверхностью и примесью белых пластинчатых частиц (очевидно, толченой раковины) в серовато-буром тесте стоял в северной части ямы у ее закругляющейся стенки. Он был остродонным, а в верхней части после плавного перегиба несколько суживающегося далее тулова завершался слегка отогнутым наружу, низким, воронкообразным горлом. Толщина стенок сосуда неравномерная, они значительно утолщаются ко дну.

Орнамент сосуда состоял из располагающихся на обращенном наружу срезе венчика поперечных насечек, нанесенных палочкой.

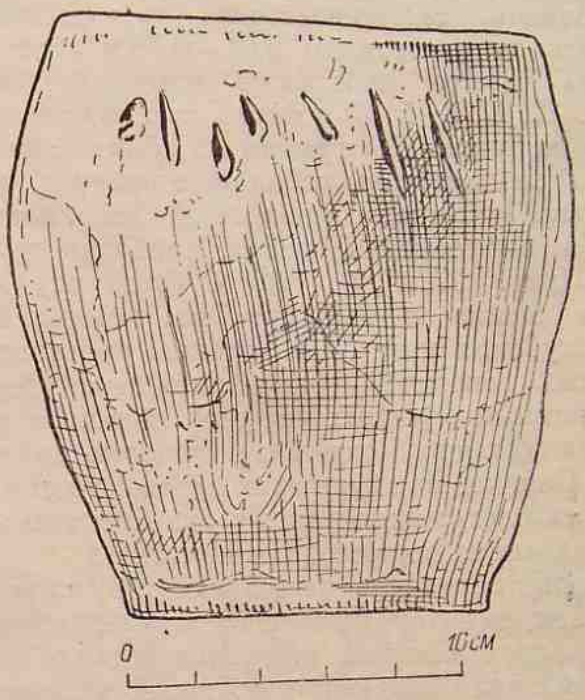


Рис. 26. Курган 31/7. Лепной сосуд баночной формы из погребения № 3.

Ниже, от края венчика и до основания горла, внешняя поверхность была покрыта прочер-

[1] Нахождение остатков циновки, костей и сопровождающего инвентаря в одной и той же части могилы, очевидно, указывает на то, что вырытая для захоронения яма была значительно меньше тех границ, которые были оконтурены при расчистке, и что грызуны особенно сильно исказили ее южную часть.

ченными сверху вниз, слегка наклоненными штрихами. Еще ниже, от основания горла и до перегиба тулова, размещались опоясывающие сосуд, параллельно прочерченные, горизонтальные линии. Отдельные отрезки горизонтальной зоны, образованной этими линиями, были прочерчены группами вертикальных линий, так что участки, заштрихованные «в клетку», разделялись отрезками зон, заполненными только горизонтальными линиями.

В 0.30 м к югу от сосуда рядом с лишенной обоих эпифизов плечевой костью лежали две правильные ножевидные пластинки из светло-желтого полупрозрачного кремня с отбитыми поперек верхними концами (рис. 27, *Б*, *4*; *В*, *7*, левая и правая). Третья, наиболее крупная, подобная же пластинка с призматически ограниченной спинкой и также отсеченным верхним концом, находилась юго-восточнее (рис. 27, *Б*, *4*). Недалеко от первых двух кремневых пластинок, северо-восточнее их, располагались на расстоянии 0.05—0.08 м друг от друга четыре небольшие костяные бусы (рис. 27, *Б*, *5*; *В*, *5*) в форме слегка сдавленного цилиндра. По граням их обоих оснований были нанесены небольшие насечки, несколько заходящие на боковую поверхность. Пятая, аналогичная бусина, наиболее крупная (рис. 27, *Б*, *6*; *В*, *5*, средняя), лежала ближе к горшку. Она, помимо более глубоких насечек по граням противоположных оснований, была украшена тремя группами поперечных нарезок, ритмично повторяющихся на боковой поверхности цилиндра. Каждая из групп этих нарезок состояла из трех, слегка изогнутых в одном и том же направлении, ногтевидных линий.

Кроме перечисленных предметов, по всей площади, на которой распространялись кости, встречались остатки ожерелья в виде небольших цилиндрических и, реже, уплощенных пронизок (рис. 27, *Б*, *7*). Они сходны по форме, но изготовлены из разного материала и отличаются также характером сверления, при помощи которого были получены сквозные отверстия. Из перламутровых пронизок с шероховатой, частично разрушившейся внешней поверхностью (по-видимому, они приготовлялись из створок обычной раковины Unio) большая часть (25 экз.) имела одностороннюю относительно большую по диаметру, коническую сверлину (рис. 27, *В*, *1*), а остальные (13 экз.) — двухстороннюю коническую сверлину (27, *В*, *3*). Наряду с описанными находились примерно такого же размера и формы пронизки из серого, полупрозрачного и более плотного по составу материала с хорошо выраженной двухсторонней кратеровидной сверлиной (7 экз.; рис. 27, *В*, *2*) и белые пронизки с хорошо сохранившейся гладкой поверхностью, большей частью меньшие по размеру, изготовленные из какой-то более плотной раковины. Последние (20 экз.) в отличие от всех предшествующих имели правильное цилиндрическое отверстие очень небольшого диаметра (рис. 27, *В*, *4*).

Наконец, в 0.07 м к югу от сосуда была обнаружена малахитовая окись какого-то небольшого медного (?), совершенно разрушившегося предмета (рис. 27, *Б*, *8*). Юго-западнее последнего находился плоский осколок песчаника подтреугольной формы со следами красной охры на частично стертой поверхности (рис. 27, *Б*, *9*; *В*, *8*), а на уровне отпечатков циновки в восточной части могилы — небольшой обломок пластинки из серого кремня (рис. 27, *А*, *10*). Кроме того, красная охра в разной степени окрасила все перечисленные выше предметы погребального инвентаря.

Точное положение скелета в могиле нельзя установить, но вероятнее всего, что погребение было ориентировано черепом на север (возможно, с небольшим отклонением на восток или запад). Об этом свидетельствует как ориентировка могильной ямы и остатков циновки, так и нахождение в северо-западном углу ямы целого сосуда, занимавшего, вероятно, свое первоначальное положение и помещенного, по-видимому, у черепа ребенка (в 0.25 м к югу от сосуда была обнаружена нижняя челюсть). Неподалеку от сосуда, к югу от него, находилось пятно медной окиси, а далее — скопление перламутровых пронизок, совпадающих, очевидно, с областью грудной клетки костяка.

КУРГАН 50/18

Курган 50/18 имел в плане овальную форму, близкую к кругу и несколько вытянутую по линии север—юг. Он стоял, как и насыпь 30/6, на плавном подъеме от края первой террасы ко второй. С этим обстоятельством, вероятно, связана бо́льшая крутизна северного склона насыпи, чем более

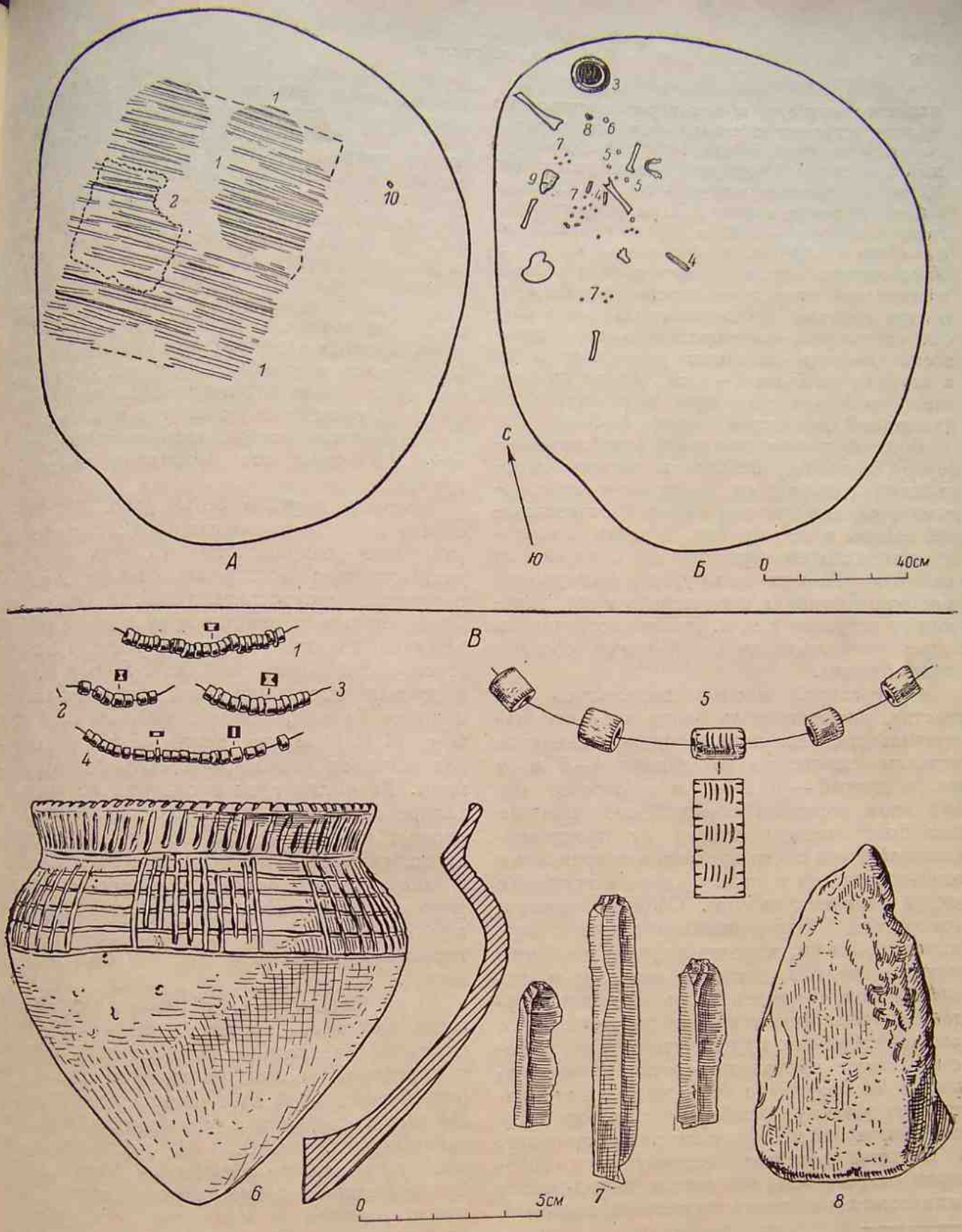


Рис. 27. Курган 31/7. Погребение № 4.

А, Б — верхний и нижний планы могильной ямы: *1* — отпечатки камышовой циновки, окрашенные красной охрой, *2* — угольная прослойка, *3* — сосуд, *4* — кремневые пластинки, *5* — костяные бусы, *6* — крупная костяная бусина, *7* — мелкие проникизи, *8* — окись меди от разрушившегося небольшого предмета, *9* — осколок песчаника, *10* — осколок кремневой пластинки; *В* — инвентарь захоронения: *1* — цилиндрические перламутровые пронизки с односторонней конической сверлиной, *2* — сырые полупрозрачные цилиндрические пронизки с двухсторонней конической сверлиной, *3* — цилиндрические перламутровые пронизки с двухсторонней конической сверлиной, *4* — белые цилиндрические пронизки с цилиндрической сверлиной, *5* — костяные бусы цилиндрической формы, *6* — лепной остродонный орнаментированный сосуд, *7* — кремневые ножевидные пластинки с отсеченными концами, *8* — подтреугольный осколок песчаника со следами охры на поверхности.

пологого южного, и некоторое превышение высоты кургана с севера над его высотой со стороны южной поли. Северный, западный и восточный радиусы насыпи равнялись 28 м, а южный радиус — 32 м. Средняя высота кургана около 2.50 м (высота кургана с севера — 2.76 м, с юга — 2.29 м, с запада — 2.48 м, с востока — 2.25 м).[1] У основания насыпи в восточном и северо-восточном секторах на расстоянии 25 м от центра кургана прослеживались очень слабые следы рва, опоясывавшего его в древности (ширина западины рва около 1 м, а глубина не более 3—4 см). Вершина кургана несколько уплощена горизонтальной площадкой диаметром около 4—5 м.

Верхние горизонты насыпи (особенно в северной половине) оказались сильно испорченными одиночными окопами и стрелковыми ячейками времени Великой Отечественной войны, а от вершины кургана в западном направлении спускался заплывший ход сообщения. Поверхность кургана была усеяна обломками кирпича саркелского типа, гильзами от патронов и т. п. На ней встречались также немногочисленные обломки сосудов эпохи бронзы.

В курганной насыпи выделялись два участка, сложенных из более плотного материала: один из них находился западнее вершины насыпи, на расстоянии 4—6 м от нее, а другой — в 3—4 м восточнее ее. При этом вершины обеих более плотных линз были смещены к югу от протрассированной через центр кургана в направлении запад-восток оси и размещались в границах южной половины насыпи. Следует, однако, оговориться, что происхождение двух участков насыпи, характеризующихся более плотным грунтом, остается неясным и, таким образом, приведенное наблюдение в настоящее время ничего не дает для выяснения истории сложения курганного холма. В целом же этот курган по составу своей насыпи и ее структуре был совершенно аналогичен другому, наиболее крупному кургану некрополя (30/6), раскопанному ранее.

Насыпь срезалась шестикубовым скрепером. При этом по линии запад-восток была оставлена осевая перемычка толщиной в 4 м. Такая значительная ее ширина была вызвана намерением после исследования южной и северной половин насыпи снять перемычку также скрепером. Однако опыт показал, что, очевидно, в большинстве случаев такой прием оказывается неосуществимым. Некоторые погребения (в данном случае №№ 4, 9, 10, 10-а) частично уходили под перемычку и для их доследования приходилось производить прирезки, уменьшающие ширину перемычки на отдельных участках. Тем самым была исключена возможность прохода скрепера по перемычке и она разбиралась в основном вручную. Этот опыт был учтен при последующих раскопках, когда на срезаемых скрепером насыпях осевая перемычка оставлялась настолько тонкой, насколько это позволяла плотность грунта.

Всего в кургане 50/18 (рис. 28) были обнаружены и исследованы 12 погребений различной сохранности и одна грунтовая, очевидно могильная, яма, в которой полностью отсутствовали какие бы то ни было остатки от захоронения или же сопровождавшего его инвентаря (яма № 8). Из этого числа погребения №№ 5, 6 и 9, как и пустая могильная яма, приурочивались к эпохе бронзы, погребения №№ 3, 4, 10, 10-а, 11 и, вероятнее всего, № 12, не сопровождавшееся вещами,— к сарматскому времени. Из числа трех последних по времени захоронений (№№ 1, 2 и 7) погребение № 7 следует отнести к древнерусскому времени, а погребения №№ 1 и 2 — по-видимому, к значительно более позднему средневековью.[1] Остановимся первоначально на кратком описании этих трех захоронений, датировка которых еще требует своего уточнения.

Погребение № 1 (юго-западная четверть кургана, неподалеку от его центра). Частично сохранившийся скелет залегал в курганной насыпи на глубине около 1 м (следы могильной ямы не прослеживались). На месте находились кости таза (глубина залегания крестца 0.98 м), обеих ног и левой руки, а также предплечья правой руки. Сохранившиеся ребра были несколько смещены, а череп и остальные кости скелета отсутствовали. Основываясь на расположении сохранившихся на месте костей, можно

[1] Возможно, что на меньшей высоте кургана по южной линии нивелировки сказалось и то обстоятельство, что в этом направлении периферия его насыпи вплотную подходила к северной оконечности сильно располагшейся насыпи 51/19.

[1] На общем плане кургана (рис. 28) они обозначены тем же значком, что и погребение № 7.

полагать, что погребенный был положен на спину в вытянутом положении, с руками, расположенными вдоль туловища, и ориентирован на юго-восток-восток (120°).

Вещественные находки, сопровождавшие захоронение, исчерпывались темным белемнитом с обломанной верхней частью. Белемнит лежал снаружи головки левой бедренной кости, между ней и кистью левой руки, поперечно к оси погребения.

Погребение № 2 (северо-западная четверть насыпи, также неподалеку от ее центральной точки; глубина залегания черепа 1.04 м). Это погребение находилось в деревянном гробовище. Крышка гробовища, прослеживающаяся в виде остатков отдельных плах в пределах площади 1.80×0.65 м, была ориентирована, как и само погребение, по оси запад—восток. Толщина продольных верхних плах достигала 6—9 мм и очень редко 20 мм (в среднем она составляла 3—6 мм). Днище гробовища, сохранившееся значительно хуже, чем крышка, находилось в среднем на 7 см ниже последней (его средняя толщина 4—6 мм). Наклоненный на правую сторону череп скелета был обнаружен за пределами сохранившейся части крышки гроба, восточнее ее края на 10 см и несколько выше ее.

Погребение в целом сохранилось хорошо и нарушения ограничиваются незначительными смещениями отдельных костей. Скелет находился на спине, в вытянутом положении, с руками, протянутыми вдоль туловища. Череп находился на 12 см выше стоп ног и был обращен своим сводом на запад с незначительными отклонениями к югу (260°).

Инвентарь погребения. Под черепом было найдено небольшое бронзовое колечко с несомкнутыми концами, а поверхность черепа в области правой височной кости была покрыта интенсивным зеленоватым налетом металлической окиси. В правой части скелета несколько выше таза лежали железная ножевидная пластинка, представленная тремя фрагментами (нож?), и сильно разрушенные обломки нескольких железных предметов, назначение которых определить невозможно (один из них, наиболее массивный, имел стержневидный черенок с остатками дерева, другие фрагменты, возможно, составляли часть поясного набора). Кроме того, в различных частях погребения находились крупные железные кованые гвозди с выпуклыми шляпками (всего 6 штук) и фрагменты железных накладок, скреп-

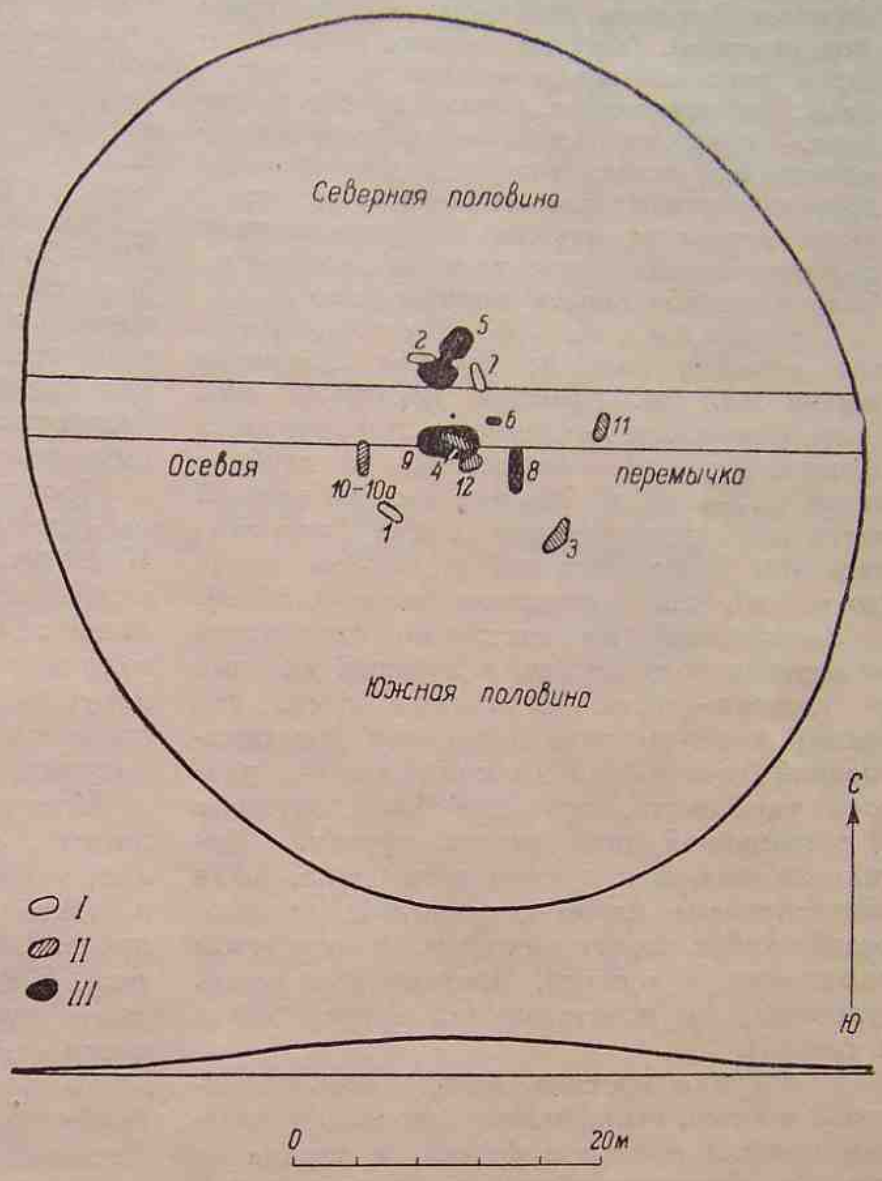


Рис. 28. Курган 50/18. Общий план.

Цифрами (*1—11*) обозначены номера погребений. *I* — погребения древнерусского (№ 7) и средневекового (№№ 1 и 2) времени; *II* — погребения сарматского времени; *III* — погребения эпохи бронзы.

ляющих, по-видимому, в прошлом плахи гробовища. На месте левой ключицы был обнаружен железный пластинчатый наконечник стрелы ромбовидной формы с узким стержневидным черенком (рис. 29, *4*); второй такой же наконечник, но несколько большего размера помещался на дне гроба под крестцом. Оба наконечника были обращены остриями к ногам скелета, а черенками, на которых сохранились остатки дерева,— к черепу. Необычное положение наконечников, найденных отдельно один от другого в разных частях скелета, вероятно, указывает на то, что они не принадлежали к погребальному инвентарю и, возможно, были причиной смерти погребенного.

Погребение № 7 (северо-восточная четверть насыпи; глубина залегания черепа 2.15 м). Границы могильной ямы были определены несколько выше горизонта древней дневной поверхности, на глубине около 1.75—1.80 м. Эта яма в своей нижней части достигала в длину 2 м и была значительно более широкой в южном конце (до 0.9 м), чем в северном (около 0.55 м).

Заполнение ямы явственно отличалось от материкового грунта, в который уходила ее нижняя часть. Благодаря тому, что южный конец могилы находился под оставленной осевой перемычкой насыпи, удалось установить, что яма была спущена с современной поверхности кургана. Могильная яма, как и само погребение, была ориентирована на юг-юго-восток. Плохо сохранившийся скелет находился в вытянутом положении, с руками, протянутыми вдоль туловища, на подстилке (из веток тополя и травы?).

У копчика костяка, между ним и лобковой костью, была найдена железная поясная пряжка овальной формы, а справа от скелета, напротив колена и проксимальной части берцовых костей правой ноги, располагались трубчатые кости молодого барана.

Погребения сарматского времени

В отличие от кургана 30/6, где сарматские погребения встречались как в насыпи, так и в грунтовых могилах, при раскопках кургана 50/18 сарматских захоронений в насыпи не было обнаружено. Все выявленные погребения этого времени находились в ямах, впущенных на разную глубину в материк. При этом в двух случаях (погребения №№ 3 и 4), когда захоронения лежали наиболее высоко и их могильные ямы, прорезающие слой погребенной почвы и подпочвы, незначительно углублялись в материк, границы могил распознавались с некоторым трудом. Что же касается остальных, несколько более глубоких грунтовых могильных ям, то их форма в нижней части была совершенно отчетливой.

Погребение № 3 (юго-восточная четверть насыпи; глубина залегания черепа 2.16 м). Могильное пятно, имевшее вытянутую форму, приближающуюся к пятиугольнику, и ориентированное длинной осью по линии ЮЗ—СВ (размеры осей ямы 1.65 и 0.75 м), было выявлено на границе слоя погребенной подпочвы и материка (глубинная отметка этой границы около 2.14 м). Заполнение могильной ямы состояло из мешаного рыхлого суглинка серо-коричневого цвета. Дно ямы находилось на глубине 2.30 м.

Верхняя часть скелета, ориентированного на юго-запад (240°), лежала примерно на 10 см выше костей таза и ног и при заходе скрепера его ножом была срезана часть лицевых костей черепа. Кости скелета плохо сохранились, во многих местах их положение нарушено кротовинами, а ребра, как и позвонки грудного и шейного отделов позвоночника, отсутствовали вовсе.

Костяк лежал на спине, с вытянутыми ногами, а расположенные вдоль туловища кости левой руки были несколько согнуты в локте и подходили дистальным концом лучевой кости к левой подвздошной кости таза. Такое же положение по другую сторону туловища, по-видимому, занимали кости правой руки, от которой сохранилась лишь фрагментированная плечевая кость. Инвентарем захоронение не сопровождалось. Остатки приношения пищи были представлены находившимися в северо-западной части ямы, у ее угла, костями ноги барана вместе с лопаткой, лежащими в строгом анатомическом порядке.

Пол погребенного установить не удалось, его возраст около 35—40 лет.

Погребение № 4 (центральная часть насыпи, южнее нулевой точки; глубина залегания черепа 2.25 м; рис. 30). Несмотря на несколько бо́льшую глубину залегания скелета, контур могильной ямы прослеживался значительно хуже, чем в предшествующем случае (могила № 4 в своем основании была забита матери-

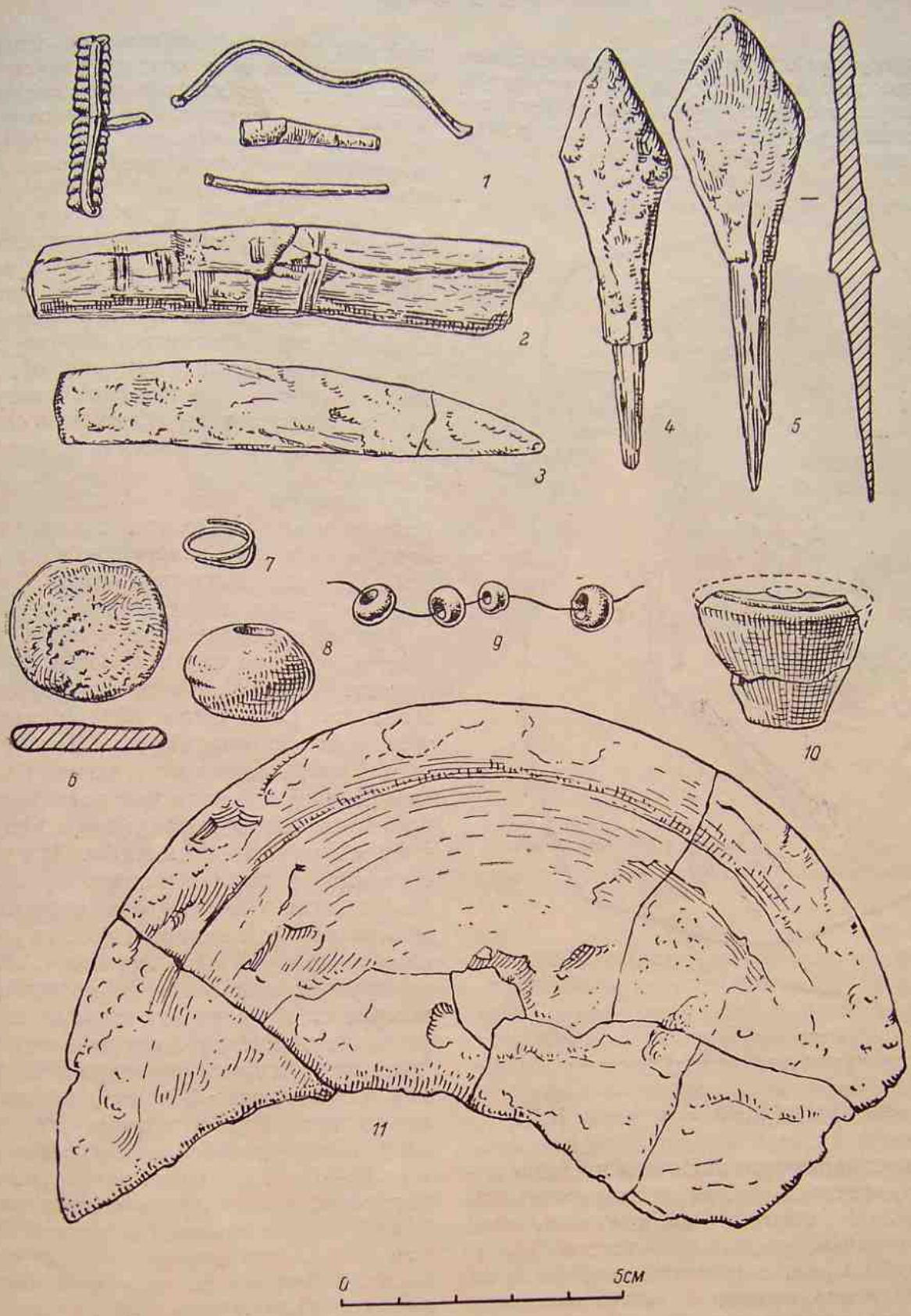


Рис. 29. Курган 50/18. Инвентарь погребений №№ 2 (*4*, *5*), 10-а (*6—11*) и 11 (*1—3*).

1 — части бронзовой фибулы; *2* — орнаментированная насечками роговая рукоятка железного ножа; *3* — второй железный нож; *4*, *5* — железные наконечники стрел ромбовидной формы; *6* — плоский лице из песчанина; *9* — позолоченные стеклянные бусы; *10* — глиняное пряслице усеченно-конической формы (фрагментировано); *11* — два собирающихся фрагмента круглого бронзового зеркала. кружок из обожженной глины; *7* — золотая проволочная спираль; *8* — шаровидно-уплощенное пряс-

ковым грунтом). Эта яма, ориентированная так же, как и скелет, имела вытянутую подчетырехугольную форму с плавными закруглениями в углах (наибольшая длина 1.02, ширина до 0.65 м).

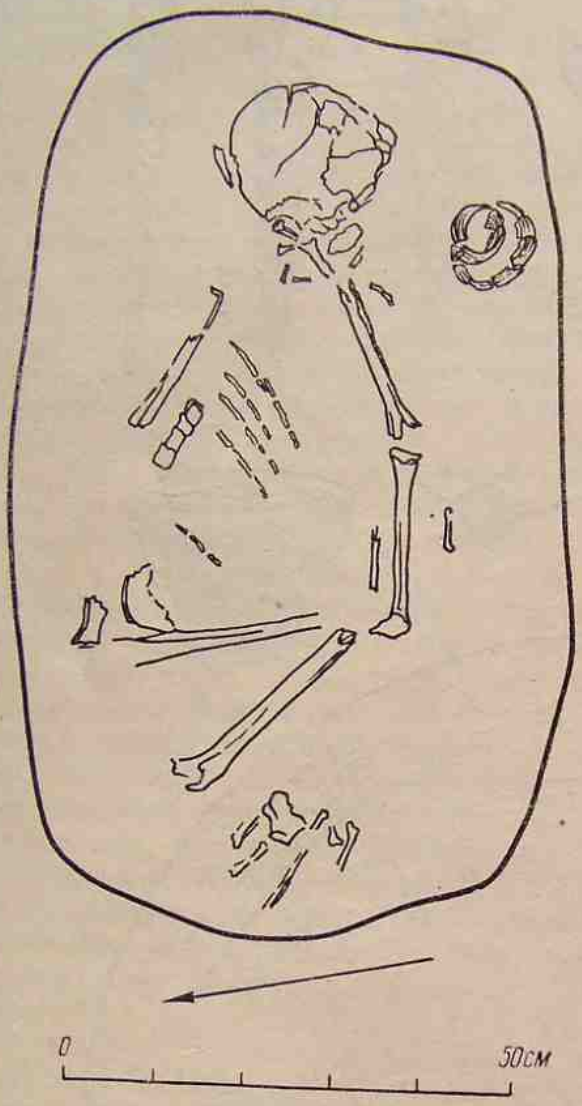


Рис. 30. Курган 50/18. Погребение № 4.

Кости плохо сохранившегося костяка (совершенно истлели ребра и позвонки, за исключением четырех поясничных, таз фрагментирован, у длинных костей разрушены эпифизы) не были потревожены или же смещены, и это позволяет полностью определить его положение. Скелет лежал на левом боку, с ногами, сильно согнутыми в тазобедренном и коленном суставах и подтянутыми коленями к грудной клетке. Кости правой руки, слегка согнутой в локте, были вытянуты от ключицы к колену правой ноги. Первоначальное положение левой руки неясно: сохранившаяся ее плечевая кость лежала севернее следов позвоночника, в параллельном ему направлении.

Череп захороненного был обращен на юго-восток-восток (ориентировка оси погребения 105°).

Инвентарь погребения. Южнее черепа скелета, на расстоянии 0.1 м от его лицевых костей, находился небольшой желтоглиняный тонкостенный лепной сосуд с уплощенным дном, выпуклым туловом, слегка отогнутым наружу венчиком (диаметр горлышка 7 см; рис. 31, *1*) и тщательно сглаженной внешней поверхностью.

Пол и возраст погребенного в связи с плохой сохранностью скелета определить не удалось.

Погребение № 10 (юго-западный сектор насыпи, неподалеку от ее центра; глубина залегания черепа 2.42 м; рис. 32, *А*). Могильная яма (2.40×1 м), имевшая удлиненную подпрямоугольную форму с закругленными углами и заполненная рыхлым грунтом серого цвета, была ориентирована почти точно по направлению север-юг. Она была обнаружена и оконтурена на глубине около 2.10 м, на границе погребенной подпочвы и материка. В верхней части заполнения ямы расчищены остатки провалившегося перекрытия, закрывавшего в прошлом полость могилы. Это перекрытие состояло из двух основных продольных дубовых плах (ширина сохранившихся фрагментов до 6 см, толщина до 2 см), лежавших симметрично по оси могилы в 20 см одна от другой, и небольших поперечных плах, покрытых в древности сплошным настилом из куги, от которого сохранились отдельные обрывки. Остатки перекрытия спускались под углом около 30° от длинных боковых стенок могилы к ее центру, где они лежали на глубине большей, чем у стенок, примерно на 12—15 см. Перекрытие провалилось, вероятно, вскоре после совершения захоронения; об этом свидетельствует тот факт, что его плахи лежали непосредственно на костях скелета, не отделяясь от них прослойкой земли.

Костяк погребения располагался в яме на глубине 30—40 см от ее верхней поверхности (2.38—2.50 м от нулевого репера), не по продольной оси ямы, а по диагонали, идущей от восточного угла к западному. Как мы увидим ниже, это обстоятельство

связано со вторичным использованием могилы для данного погребения.

Скелет находился на спине в вытянутом положении и был ориентирован на юго-восток (рис. 32, *А*). Свалившийся набок череп лежал на правой стороне и был обращен лицевыми костями на северо-восток. небольшое пятно белой подсыпки (ее состав не выяснен). Кроме ножа, при погребенном находился раздавленный сероглиняный лощеный лепной сосуд (рис. 32, *А*, *1*; рис. 31, *2*) слабого обжига, с туловом яйцевидной формы, с небольшим вдавленным дном и отогнутым наружу венчиком. Слегка сгла-

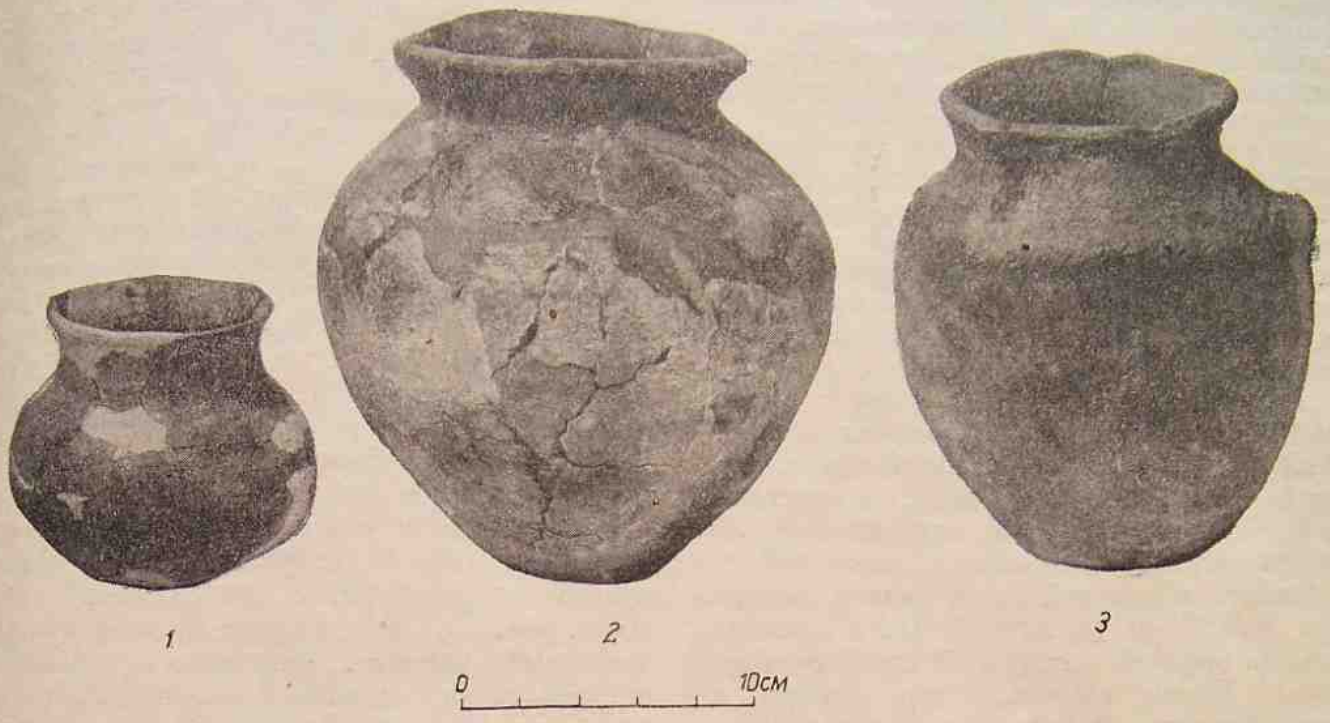


Рис. 31. Курган 50/18. Сосуды сарматских погребений.

1 — тонкостенный лепной сосуд со сглаженной поверхностью (погр. № 4); *2* — яйцевидный лепной сосуд с лощеной поверхностью (погр. № 10); *3* — яйцевидный лепной сосуд со слепым ушком (погр. № 11).

Кости обеих вытянутых вдоль туловища рук находились на уровне верхних эпифизов бедренных костей и лежащие плашмя фаланги частично перекрывали большие вертелы соответствующих бедренных костей. Следует также отметить, что вертикальное положение фаланг левой стопы подтверждает мысль о раннем обвале перекрытия, происшедшем до того, как были полностью нарушены связки между отдельными костями. Погребение принадлежало мужчине среднего возраста.

Инвентарь погребения. Оно сопровождалось фрагментированным железным ножом (рис. 32, *А*, *2*; длина лезвия 9 см, ширина 1.5 см), имевшим в древности деревянную рукоятку. Нож лежал западнее дистального конца правой бедренной кости и был обращен черенковой частью к кисти правой руки, под которой было обнаружено

женная внешняя поверхность его пятнистая, буровато-серая. Этот сосуд, оказавшийся при склейке несколько асимметричным, помещался против локтевого сустава левой руки, в 0.12—0.15 м к юго-западу от него.

После того как описанный скелет был разобран, под его берцовыми костями(главным образом правой ноги) и особенно под черепом были обнаружены остатки горизонтального деревянного настила, состоящего, вероятнее всего, из одной, положенной посредине могилы, длинной и широкой (до 0.40 м) тополевой (?) плахи. По восточной длинной стенке могильной ямы с глубины 18—37 см от поверхности, на которой она была выявлена, прослеживались три группы вертикально стоящих или несколько наклоненных верхними концами к северному углу могилы тополевых столбиков (кольев). Остатки этих кольев находились посредине

стенки (следы 5 столбиков, из которых самый большой достигал в ширину 10 см, а другой — 8 см, остальные были значительно меньше), в ее южной части (остатки двух кольев шириной в 8—10 см) и в северном углу могильной ямы (остатки 4—5 небольших кольев). Нижние концы некоторых, вероятно лучше сохранившихся столбиков, уходили на 8—10 см ниже уровня, на котором лежало захоронение, в слой подсыпки, отделявшей погребение № 10 от ранее совершенного захоронения (№ 10-а).

Погребение № 10-а (глубина залегания черепа 2.75 м; рис. 32, *Б*). Оно было обнаружено на материковом дне описанной выше могильной ямы, которая в нижней части несколько меняла свою форму и становилась более узкой в северном конце за счет более значительного округления северо-западного угла могилы.

Разделяющий верхнее (№ 10) и нижнее (№ 10-а) погребения слой мощностью в 30—40 см состоял из серой мешаной земли, в которой археологические предметы отсутствовали. Что же касается материкового дна могилы, то оно находилось ниже той поверхности, с которой была начата выборка ямы, на 67 см (в южной части могилы), 80 см (в средней части) и 82 см (в северной части). Таким образом, дно могилы по линии продольной оси было не горизонтальным, а несколько наклонным, углубляющимся в северном направлении.

Непосредственно под слоем земли, лежащим между двумя погребениями, были обнаружены остатки сплошного горизонтального перекрытия из дерева, наиболее сохранившегося в южной части ямы. Это перекрытие было образовано тополевыми плахами, лежащими в поперечном направлении. На тополевых плахах в южном конце могилы в продольном направлении лежала доска, а в северной части ямы находились фрагменты нескольких небольших слег, также ориентированных под углом к поперечным тополевым плахам. Продольные и поперечные плахи основы покрывались сплошным слоем истлевшей коры.

Сразу же под перекрытием были расчищены следы боковых стенок плохо сохранившегося деревянного гробовища прямоугольной формы (рис. 32, *Б*, *9*). Длина гробовища 1.70 м, ширина в северной части 0.67 м, ширина в южной, где оно было более узким,— 0.47 м. Оно было несколько смещено от центра могилы к ее длинной восточной стенке, верхняя часть которой несколько нависала над дном могильной ямы.

Кости скелета плохо сохранились (череп и таз, как и длинные кости ног, фрагментированы, у правой руки отсутствовали дистальные концы предплечья и кости кисти, не было также дистальных концов голени правой ноги и стоп обеих ног), но все лежали in situ в гробовище на подстилке из куги, от которой осталось белое пятно. Костяк, как и гробовище и могильная яма, располагался по оси ЮЮВ—ССЗ и был направлен черепом на юг-юго-восток. Он лежал на спине с вытянутыми конечностями (руки размещались вдоль туловища, левая кисть — у верхнего конца левого бедра), а раздавленный череп был наклонен направо.

Инвентарь погребения. Погребение оказалось женским и сопровождалось значительным набором вещей. Под черепом были обнаружены два собирающихся обломка круглого бронзового зеркала с валиком по краю на одной поверхности (рис. 32, *Б*, *1*; рис. 29, *11*) и тонкая золотая спиралевидная проволока ($1^3/_4$ оборота; рис. 29, *7*), а справа от черепа перед лицевыми костями находились небольшое шаровидно-уплощенное пряслице из песчаника (рис. 32, *Б*, *4*; рис. 29, *8*), обломок бронзовой ручки (рис. 32, *Б*, *5*), рассыпавшийся при разборе захоронения, две небольшие окатанные гальки (рис. 32, *Б*, 2), плоский глиняный кружок (рис. 32, *Б*, *3*; рис. 29, *6*), четыре целые стеклянные позолоченные бусины (рис. 32, *Б*, *6*; рис. 29, *9*) и их обломки. Кроме того, в погребении были найдены: прямоугольная пронизка (под правым плечом) и пронизка вытянутой, бочонкообразной формы (под шейными позвонками), фрагмент глиняного пряслица усеченно-конической формы (у правого бедра; рис. 32, *Б*, *7*; рис. 29, *10*), мелкие бусы (между ступнями ног — вероятно, были нашиты на обувь; рис. 32, *Б*, *8*), медная бусина.

Погребение № 11 (примерно в 10 м восточнее центра кургана; глубина залегания черепа 2.45 м; рис. 29, *В*). Границы могильной ямы (рис. 32, *В*) были выявлены на глубине 2.10 м. В верхней части она имела вытянутую прямоугольную форму (2.05×1.00 м) с закругленными углами. Дно ямы, ориентированной по оси ЮЮВ—ССВ и впущенной в материк, лежало в сред-

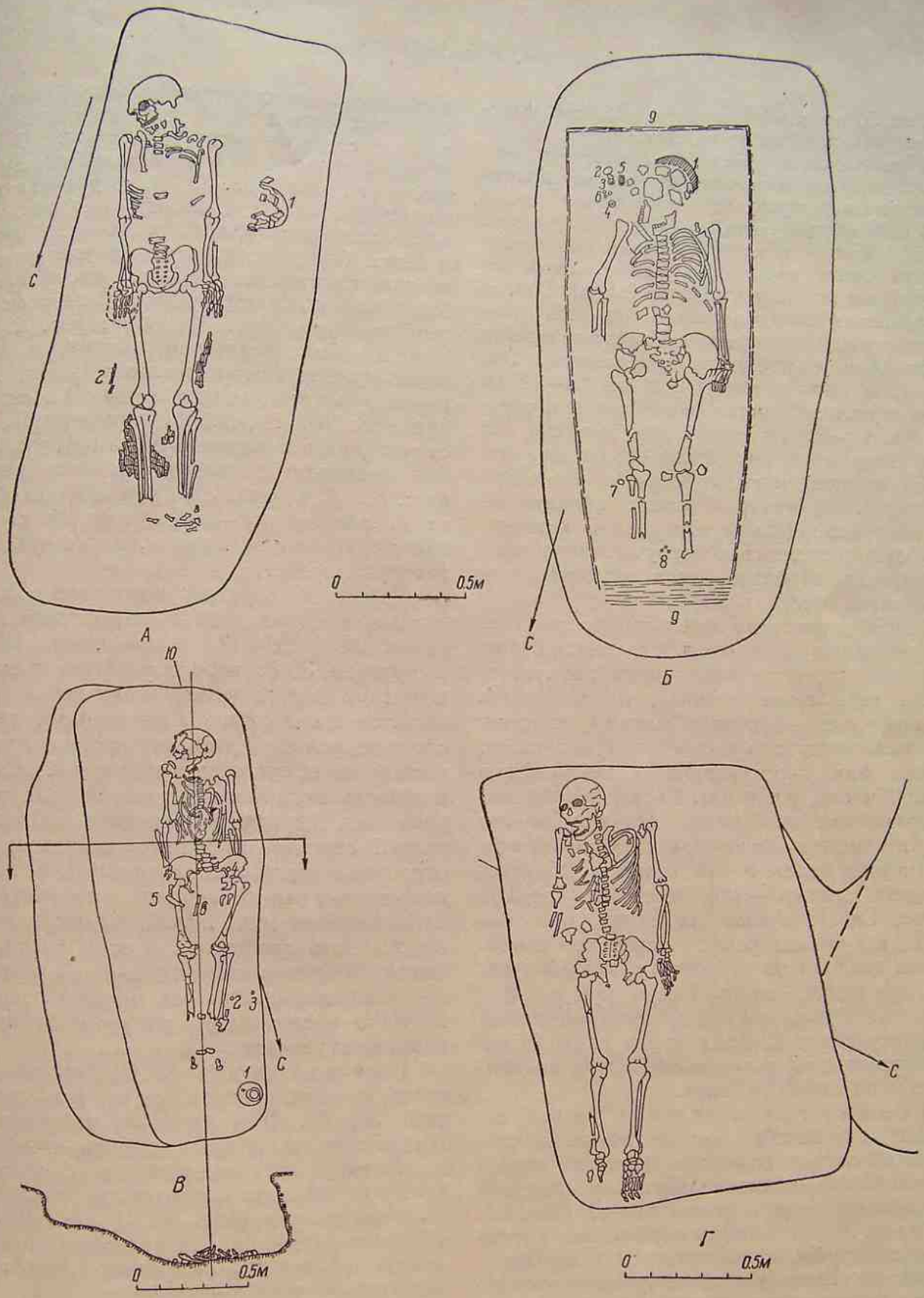


Рис. 32. Курган 50/18. Сарматские погребения.

А — погр. № 10: *1* — сосуд, *2* — железный нож; *Б* — погр. № 10-а: *1* — два собирающихся фрагмента бронзового зеркала, *2* — две окатанные гальки, *3* — глиняный кружок, *4* — пряслице (песчаник), *5* — обломок бронзовой ручки, *6* — стеклянные бусы, *7* — фрагменты глиняного пряслица, *8* — мелкие стеклянные бусы, *9* — следы гробовища; *В* — погр. № 11: *1* — сосуд со слепым ушком, *2*, *3* — фрагменты бронзовой фибулы, *4* — окись от бронзовой фибулы на костях таза, *5* — железный нож, *6* — второй железный нож с орнаментированной насечками роговой рукояткой; *Г* — погр. № 12.

нем на 50 см глубже той поверхности, с которой началась ее расчистка.

При расчистке ямы было выяснено, что вдоль длинной восточной стенки ее имелась материковая ступенька шириной от 0.12—0.25 м (в южной части) до 0.34 м (в северной части). Таким образом, в своем основании могила была еще более узкой, особенно в северном конце (ширина до 0.5 м). Слегка наклоненная к продольной оси ямы площадка ступеньки в поперечном разрезе плавно соединялась с профилем дна могилы. Эта площадка была расположена на 25—32 см ниже горизонта начала расчистки и в среднем на 18—22 см выше дна могилы. По восточному краю она была ограничена отвесной стенкой могилы. Следует отметить, что в рыхлом гумусированном заполнении ямы над материковой ступенькой встречались остатки тонкой коры от сучьев, которыми в древности, вероятно, была перекрыта эта ступенчатая часть камеры.

Скелет, у которого отдельные кости были либо смещены (ребра, часть позвонков, стопы ног), либо частично повреждены грызунами (череп, таз, левая голень), лежал вдоль западной длинной стенки могилы, которая несколько выступала в своей верхней части, нависая над дном (особенно значительно в южной части, у черепа). Костяк помещался в деревянном гробовище, остатки стенки которого были прослежены на материковом дне могилы вдоль левой стороны костяка, а остатки днища — под костями грудной клетки. Скелет лежал на спине, был вытянут и ориентирован черепом, свалившимся на правую сторону, к правой ключице, на юг-юго-запад. Кости рук лежали вдоль туловища, причем дистальные концы костей предплечья обеих рук и кисть левой руки перекрывались соответствующими подвздошными костями таза.

Инвентарь погребения. В северном углу ямы на дне ее стоял красноглиняный лепной горшок яйцевидной формы (высота 18 см), суживающийся к небольшому уплощенному дну, с узким горлом (рис. 32, *В*, *1*; рис. 31, *3*). Венчик горшка был слегка отогнут наружу, а на плечиках помещалось небольшое слепое ушко, на уровне которого сосуд опоясывался линией ямочных вдавлин. В 15 см к северу от стопы левой ноги была найдена часть сильно окислившейся бронзовой арбалетовидной фибулы (рис. 32, *В*, *2*); другие фрагменты от этой же фибулы находились между проксимальной частью берцовых костей левой ноги и длинной западной стенкой могилы (рис. 32, *В*, *3*). Пятно бронзовой окиси на левой подвздошной кости таза (рис. 32, *В*, *4*) указывает на то, что фибула (рис. 29, *1*), очевидно, первоначально помещалась в области пояса, а затем была разрушена и перемещена по частям грызунами. Верхняя часть правой бедренной кости перекрывалась лезвием железного ножа (рис. 32, *В*, *5*; рис. 29, *3*), который был, возможно, вложен в кисть правой руки. Второй железный нож, с роговой рукояткой (длина лезвия 4.5 см, ширина его 0.7 см, длина рукоятки 9.5 см, ее толщина в поперечнике 2.5 см), украшенной четырьмя группами двойных насечек (рис. 32, *В*, *6*; рис. 29, *2*), помещался вблизи от первого ножа — с внутренней стороны правой бедренной кости и, возможно, ранее висел на поясе.

Нельзя не обратить внимания на то, что это захоронение, как и сарматские погребения №№ 10—12, открытые в 1950 г. в кургане 30/6, вероятно, было помещено в неглубоком подбое, свод которого находился на границе погребенного гумуса, слоя подпочвы и нижней части курганной насыпи и обрушился в древности. На возможность подобного предположения указывают как некоторое нависание длинной западной стенки над дном могилы и наличие ступеньки вдоль противоположной, восточной стенки, так и смещение погребения к западной стенке (рис. 32, *В*, разрез), лучшая сохранность гробовища в этой части, признаки существования простого перекрытия, не распространившегося на всю площадь могилы, а связанного только с местоположением ступеньки.

Погребение № 12 (южная половина насыпи, вблизи от центра кургана; рис. 32, *Г*). Как указывалось выше, это погребение не сопровождалось инвентарем и поэтому его отнесение с сарматскому времени не может считаться бесспорным. Могильная яма (рис. 33, *2*, *3*), имеющая в плане форму параллелограмма со слегка закругленными углами (размер 1.70×1.10 м), примыкала к юго-восточному углу более древней и большей по размерам могилы эпохи бронзы (см. погр. № 9) и частично срезала его. Продольная ось ямы была ориентирована по линии СВ—ЮЗ, а ее стенки отвесно спускались ко дну, нахо-

дившемуся на 1.40—1.65 м ниже горизонта расчистки ям №№ 9 и 12 (выборка ямы начата с глубины 2.20 м), в среднем на 1 м ниже дна могилы № 9. В заполнении верхней части могильной ямы № 12, состоящем из очень плотного темного суглинка, наряду с фрагментами горшка с лощеной поверхностью были встречены мелкие обломки более древнего сероглиняного лепного сосуда с примесью толченой раковины в тесте с шнуровым орнаментом на поверхности. Ниже характер заполнения ямы менялся и до дна шла серая, влажная, мешаная земля.

В слое этой засыпи, не на материковом дне ямы, а выше его в среднем на 0.60—0.80 м, лежал скелет на спине, в вытянутом положении, с руками вдоль туловища (глубина залегания черепа 2.90 м; рис. 32, *Г*). Он был ориентирован на юго-запад-запад и занимал не середину ямы, которая была по длине несколько мала для него (череп и фаланги левой ноги вплотную подходили к противоположным коротким стенкам могилы), а был смещен к юго-восточной стенке. Сохранность погребения удовлетворительная (из повреждений следует отметить смещение ребер правой стороны грудной клетки грызунами и разрушение ими же нижней части предплечья и кисти правой руки). Скелет принадлежал женщине зрелого возраста. На левой теменной кости черепа различались следы удара острым оружием, что, по-видимому, и явилось причиной смерти.

Ниже этого погребения при выборке заполнения нижней части ямы не было обнаружено ни остатков костей скелета, ни предметов погребального инвентаря. Таким образом, в данном случае соотношение погребения № 12 и могильной ямы, в которой оно занимало такое необычное положение, остается неясным. Вполне возможно, что погребение № 12 в этой яме было вторичным и помещено после того, как более раннее захоронение оказалось полностью уничтоженным. Однако время сооружения самой могилы, как и дата погребения № 12, остаются неопределенными. Очень слабо прослеживающиеся следы работы на стенках ямы не позволяют установить это.

Погребения эпохи бронзы

Из трех погребений эпохи бронзы непотревоженным оказалось лишь одно, № 5, находившееся в катакомбе. Погребение № 9, помещенное в грунтовой могиле и являющееся, по-видимому, несколько более древним, чем катакомбное захоронение, было полностью разрушено в древности, очевидно при ограблении. Фрагментарно сохранилось и впущенное в насыпь кургана погребение № 6.

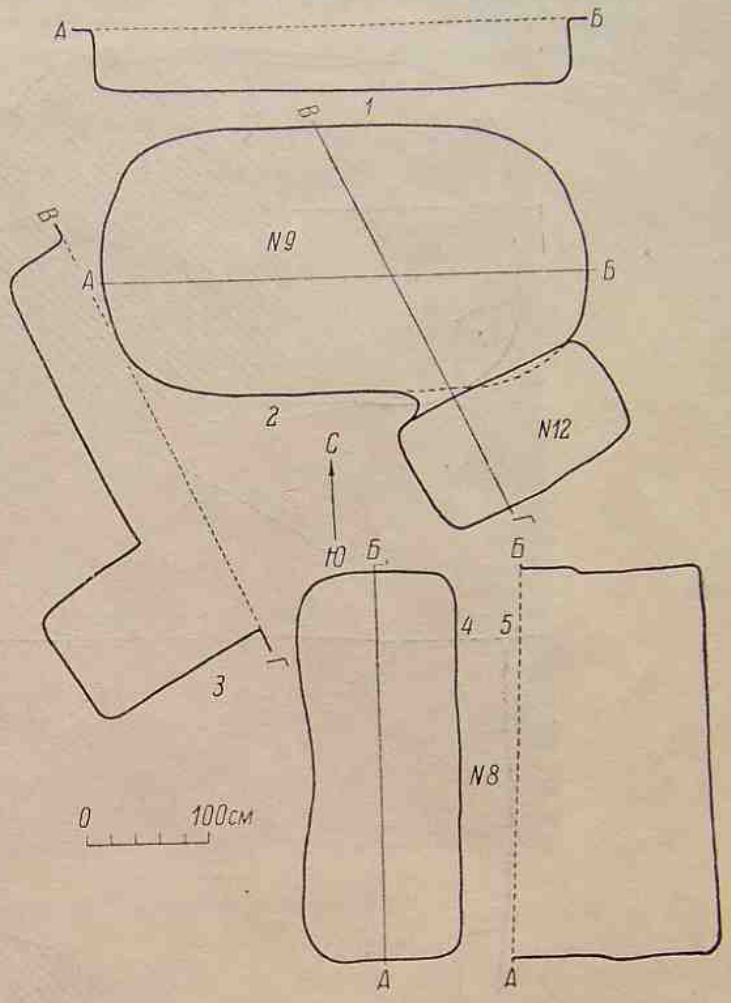


Рис. 33. Курган 50/18. Могильные ямы №№ 8, 9 и 12. План и профили.

1 — продольный разрез могилы № 9; *2* — план могил №№ 9 и 12; *3* — разрез тех же могил; *4* — план ямы № 8; *5* — разрез ямы № 8.

Погребение № 5 (рис. 34). Местонахождение ведущего в катакомбу колодца, благодаря тому что он был заполнен почти чистым материковым грунтом, было установлено на глубине около 1.9—2.10 м при разборке нижней части курганной насыпи и погребенного под ней почвенного слоя. Этот колодец, находившийся севернее центральной точки кургана, имел подпрямоугольную форму со слегка закругленными северным и северо-восточным углами и выпуклой короткой юго-западной сто-

роной (оси колодца 2.30 и 1.80 м) и ориентировался длинной осью по линии ЮЗ—СВ (рис. 34, *I*). Как выяснилось после выборки заполнения колодца, его стенки отвесно спускались ко дну, а на их материковой поверхности хорошо сохранились следы работы древними землекопными инструментами. Последние состояли из вертикальных или же слегка наклонных, пролощенных желобчатых полос шириной до 2—3 см и глубиной обычно от 0.4 до 0.8 см. Как характер поверхности пролощенных полос, так и сохра-

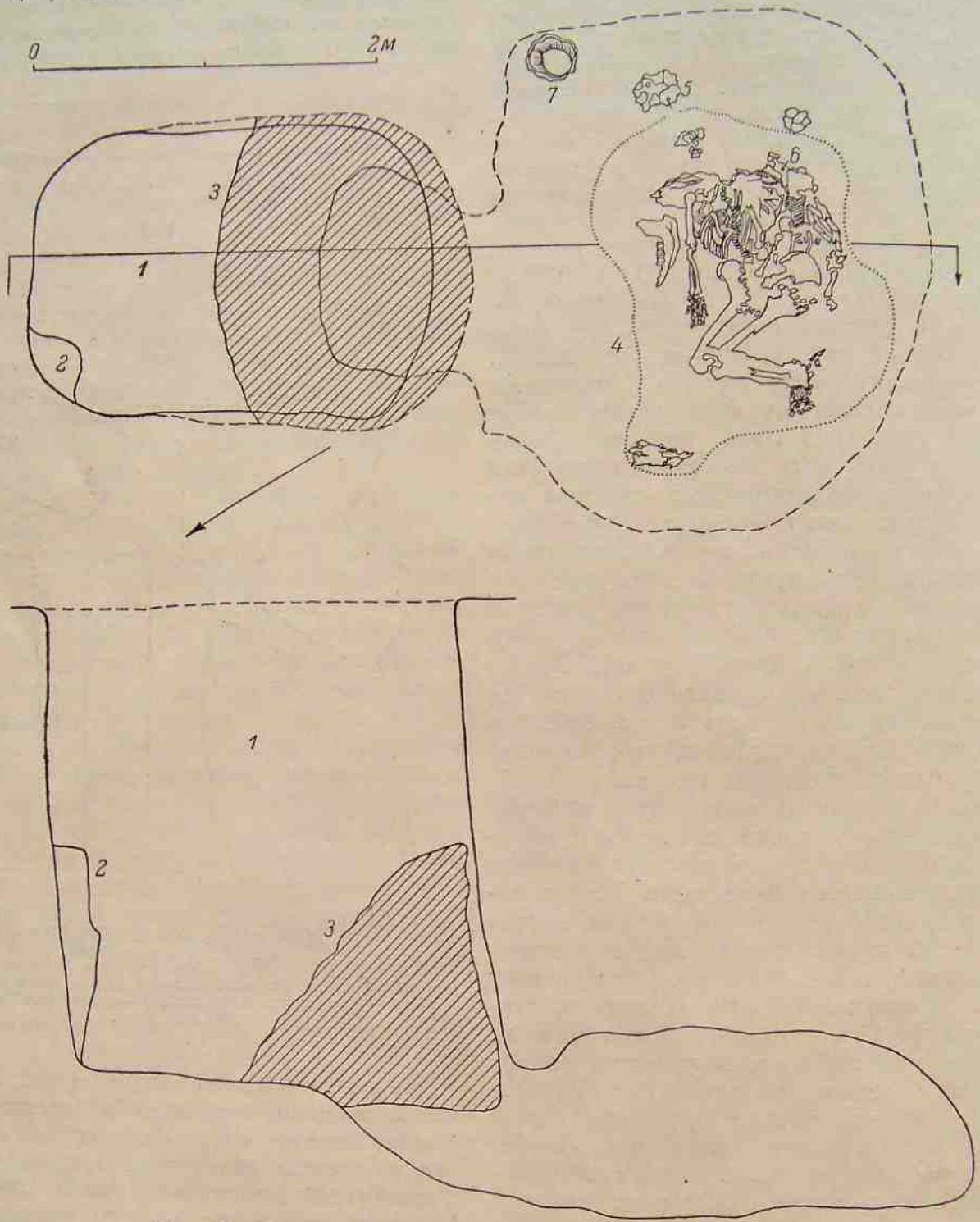


Рис. 34. Курган 50/18. Погребение № 5. План и разрез.

1 — колодец катакомбы; *2* — материковая ступенька входного колодца; *3* — материковая пробка, закрывающая устье катакомбы; *4* — границы белого пятна на дне катакомбы (остатки подстилки из куги?); *5* — серебряное колечко; *6* — остатки бронзовой спирали; *7* — донная часть сосуда (курильница).

нившиеся в некоторых местах негативные отпечатки рабочего конца орудия позволяют говорить о деревянных клиньях (по крайней мере двух типов), при посредстве которых вырывалась яма. При этом описанные следы (их наибольшая длина составляет от 0.7 до 1.1 м) располагались на стенках колодца в виде трех горизонтальных ярусов пролощенных полос, что свидетельствует об одновременном углублении всего колодца сначала на первую глубину (так сказать, на «первый штых»), а затем далее. Следует также отметить, что аналогичные следы работы прослеживались и на своде катакомбы, а в северном углу входного колодца сохранилась небольшая, вырубленная в материке ступенька (рис. 34, 2).

Дно колодца от центра значительно понижалось к юго-западной короткой стенке, в которой находился сводчатый вход в катакомбу. Устье катакомбы было забито пробкой из больших плотных материковых глыб (рис. 34, 3), причем между пробкой и стенкой колодца сохранилась узкая щель, по которой вода, замывшая поверхность стенки, неоднократно проникала в погребальную камеру. Основание катакомбы имело неправильную, трапециевидно-овальную форму и было ориентировано длинной осью (2.92 м) с северо-запада на юго-восток, т. е. в направлении, поперечном оси колодца. Ширина дна катакомбы 2.38 м. Дно катакомбы лежало на 0.75 м ниже дна колодца, в центральной части последнего, и было покрыто слоем мелко отмученного суглинка (мощность около 0.40 м), принесенного сюда проникавшими водами. Высота хорошо сохранившегося и почти не осыпавшегося потолка катакомбы над ее полом доходила до 1 м.

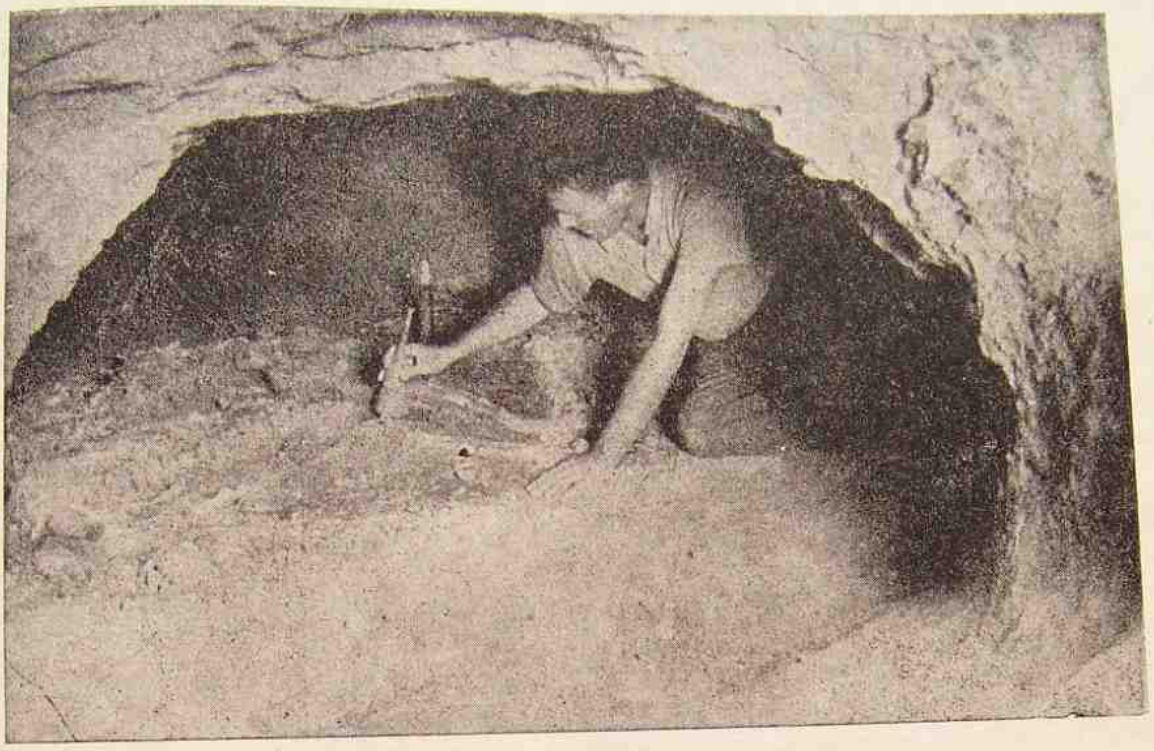


Рис. 35. Курган 50/18. Погребение № 5. Расчистка катакомбы.

При расчистке (рис. 35) на две катакомбы были открыты два плохо сохранившихся скелета — взрослого и ребенка, лежащие на белом пятне (по-видимому, остатки подстилки из куги; рис. 34, 4). Скелет основного захоронения, взрослого, ориентированный на восток, лежал на правом боку с согнутыми в обоих сочленениях ногами. Правая рука его была вытянута от плеча к дистальному концу правой бедренной кости. Из костей значительно хуже сохранившейся левой руки плечевая размещалась вдоль костей туловища, кости предплечья, по-видимому, были согнуты в локтевом суставе, а фаланги обнаружились на месте отсутствующих лобковых костей

таза. Что же касается черепа, то он оказался совершенно разрушенным и сплющенным и его остатки находились в 0.56 м к востоку

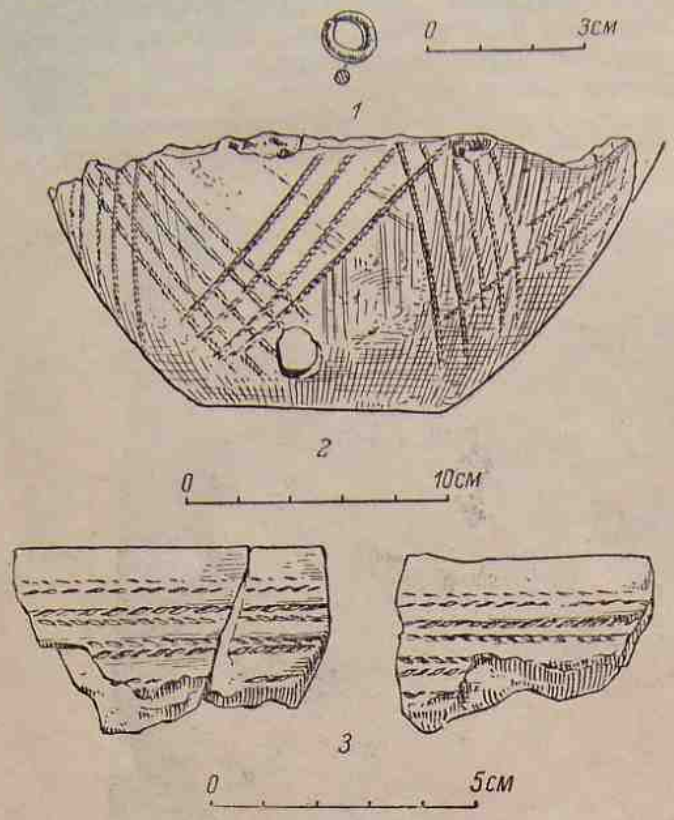


Рис. 36. Курган 50/18. Инвентарь погребений №№ 5 (*1* и *2*) и 9 (*3*).

1 — серебряное колечко; *2* — донная часть орнаментированного лепного сосуда (курильница); *3* — фрагменты венчика лепного сосуда со шнуровой орнаментацией.

от верхних позвонков, уже за пределами пятна белого тлена.

На 0.16 м южнее скелета взрослого, против его позвоночника, располагался костяк ребенка, лежавший на спине с вытянутыми ногами (нижние концы бедренных костей и берцовые кости перекрывались подвздошной костью таза взрослого) и, по-видимому, с протянутыми вдоль туловища левой и правой руками. Детский скелет ориентировался так же, как и взрослый, а остатки его черепа в виде овального пятна совершенно истлевших и спрессованных костей были обнаружены в 0.48 м к востоку от его же шейных позвонков.

Скелет захоронения взрослого в ряде мест, причем особенно интенсивно у стоп ног, был посыпан охрой.

Оба погребения сопровождались обильным приношением пищи, остатками которого являлись найденные на дне катакомбы челюсти и, в меньшем количестве, кости конечностей коровы и барана. Эти кости располагались главным образом слева от детского скелета, в восточной части обоих погребений и справа от грудной клетки захоронения взрослого.

Инвентарь погребения. Инвентарь, сопровождавший двойное погребение, состоял из серебряного, сильно окислившегося колечка (рис. 34, *5*; рис. 36, *1*; найдено среди остатков костей черепа скелета взрослого), также плохо сохранившегося и рассыпавшегося при разборе погребения бронзового спирального завитка (рис. 34, *6*; лежал под челюстью барана, несколько восточнее шейных позвонков ребенка) и курильницы (рис. 34, *7*).

В качестве курильницы была использована донная часть большого сероглиняного лепного сосуда (рис. 36, *2*), внешняя поверхность которого была украшена до самого дна пересекающимися группами парал-

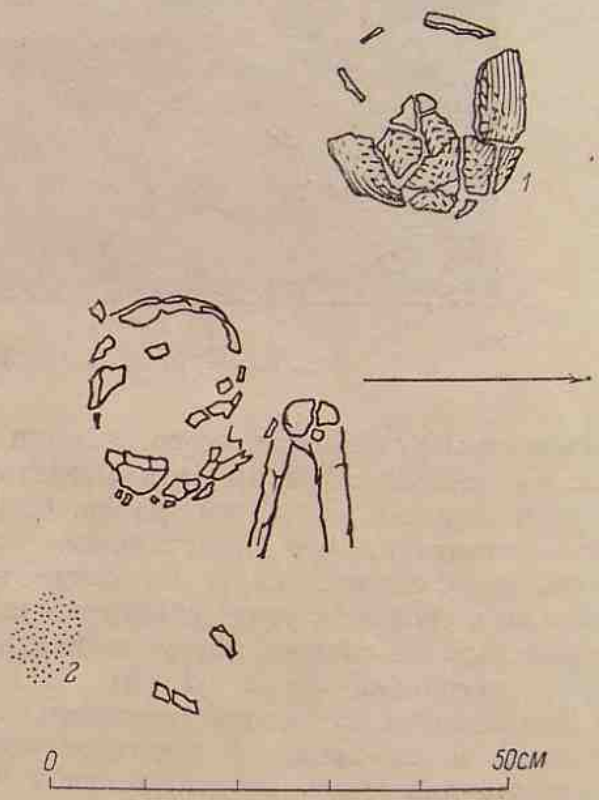


Рис. 37. Курган 50/18. Погребение № 6.

1 — фрагменты лепного орнаментированного горшка; *2* — пятно охры.

лельных оттисков двойного шнура. На этой внешней, слегка сглаженной поверхности, а еще более отчетливо на внутренней поверх-

ности заметны следы работы гребенчатым штампом. В изломе черепок темно-серый, без существенных примесей в тесте. Курильница стояла на небольшой материковой приступке в восточном углу катакомбы. На дне курильницы находились зола, угли и несколько мелких обломков кальцинированных костей, а в ее боковой стенке у дна было пробито небольшое отверстие овальной формы.

Погребение № 6 (рис. 37). Оно открыто в центральной части насыпи, в 2 м к востоку от нулевого репера. Бо́льшая часть захоронения разрушена окопом военного времени, на месте сохранился только фрагментированный череп (глубина залегания 0.97 м), лицевые кости которого были особенно сильно повреждены, часть плечевой кости и ключицы левой руки. Эти кости были покрыты красной охрой. Кроме того, пятно такой же охры находилось в 0.10 м к югу от черепа (рис. 37, *2*). Судя по положению сохранившихся костей, скелет был ориентирован на запад и, вероятно, лежал на спине с руками, вытянутыми вдоль туловища.

Инвентарь погребения. В 0.20 м к северо-западу от черепа находился раздавленный землей горшок (рис. 37, *1*). Поверхность выпуклого тулова этого серо-глиняного лепного сосуда, обращенного горлом на юг, а днищем на север, была украшена гребенчатым чеканом, образующим елочный орнамент (рис. 38, *1*). На свободной от этого орнамента поверхности низкого горла со слегка отогнутым наружу краем отчетливо заметны следы сглаживания в виде вертикальных и, на одном участке, горизонтальных борозд. На одной стороне горшка на уровне основания горла рядом располагались два отверстия, проделанные в уже обожженном черепке и являющиеся следами древней реставрации (рис. 38, *2*).

Погребение № 9 (рис. 33, *1—3*). Грунтовая яма вытянуто-овальной формы с почти параллельными длинными сторонами и выпуклыми короткими находилась в центре кургана, несколько южнее его высшей точки, и была ориентирована продольной осью по направлению запад—восток (размеры ямы 4×2.3 м). Она была опознана на несколько большей глубине (около 2.20—2.30 м), чем колодец катакомбы № 5, и поэтому, вероятно, является наиболее древней из числа ям, открытых при раскопках кургана. Заполнение ямы, состоящее из слежавшегося темного суглинка с редкими примазками мелких комков чистого материка, резко отличалось от ржаво-желтого материкового суглинка, в который могила была впущена. Стенки ямы вертикально спускались к горизонтальному дну, лежащему на 0.65 м ниже того уровня, на котором были определены границы ямы.

При выборке заполнения ямы в разных местах ее были найдены отдельные обломки костей человеческого скелета, которые встречались начиная с глубины 0.10—0.15 м от горизонта расчистки (части женского таза, зубы adultus) и до дна могилы (плечевая кость, мелкие фрагменты черепа и др.). На обломках черепа и других костей сохранились явные следы красной охры; кроме того, отдельные крупицы ее встречались в виде примазок в заполнении ямы.

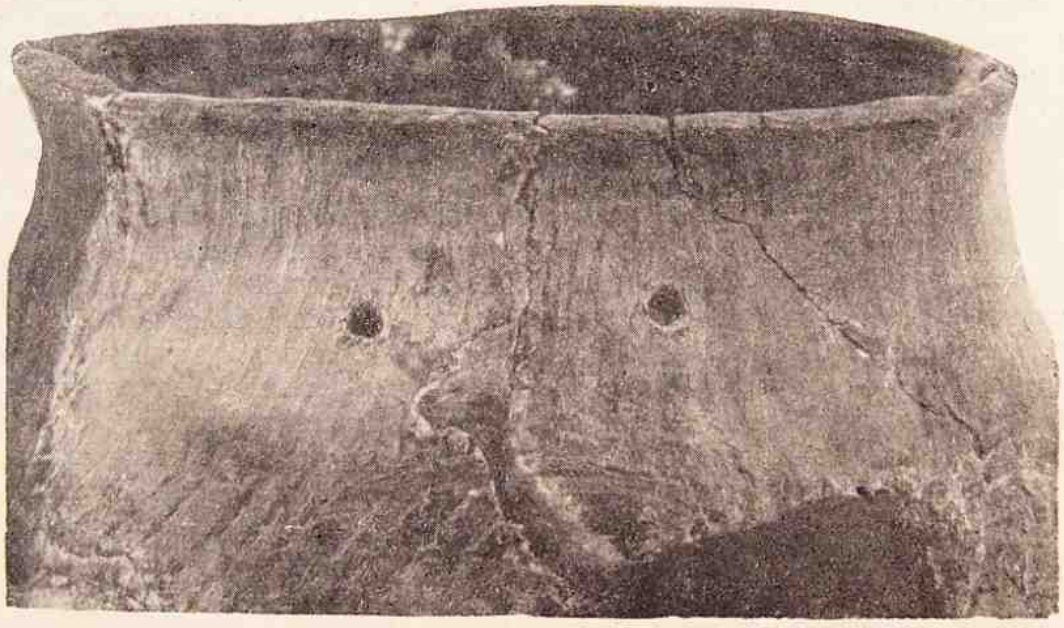
На разных глубинах в засыпи могилы найдены мелкие обломки одного и того же сосуда эпохи бронзы — темно-серого в изломе, с примесью толченой раковины в тесте и более светлыми, серыми, внешними поверхностями. Форма всего сосуда не может быть восстановлена. Вероятнее всего, он был чашевидным (диаметр по венчику около 12 см). Его внешняя поверхность украшалась орнаментом из параллельно расположенных, горизонтальных оттисков двойного шнура, располагавшихся непосредственно под венчиком и далее ниже его (рис. 36, *3*). На одном небольшом фрагменте сохранился и другой орнамент — из параллельно продавленных прямых линий.

Юго-восточный угол могилы был задет и слегка срезан более глубокой, подпрямоугольной ямой меньшего размера, ориентированной осью по линии ЮЗ—СВ и содержащей погребение № 12, лежащее на слое подсыпки. Заполнение последней могилы в верхней части было аналогично заполнению ямы № 9, в обоих случаях встречались на разных глубинах фрагменты того же сосуда со шнуровым орнаментом. Очевидно, или с сооружением этой подпрямоугольной глубокой могилы, или с впускание в нее вторичного погребения № 12 следует связывать полное разрушение и ограбление захоронения эпохи бронзы в яме № 9.

Кроме перечисленных погребений, к эпохе бронзы также относится уже упоминавшаяся грунтовая яма № 8 (рис. 33, *4*, *5*), находившаяся в центральной части

кургана, на 4.5 м юго-восточнее нулевой точки. Эта яма имела вытянутую прямоугольную форму с закругленными углами ницы были определены на глубине около 2 м — на горизонте древней дневной поверхности, а стенки отвесно спускались

1



2

0 5см

Рис. 38. Курган 50/18. Погребение № 6.

1 — лепной орнаментированный горшок; *2* — его верхняя часть со следами древней реставрации (деталь).

(длина 3.10 м, средняя ширина 1.30 м) и была ориентирована по линии север—юг с небольшим отклонением в северной части на запад, а в южной — на восток. Ее грак ровному горизонтальному дну (на глубине 3.62 м).

Заполнение ямы было совершенно стерильным и не содержало никаких находок.

Точно так же и на ее материковом дне не было обнаружено никаких следов, которые бы свидетельствовали о наличии в ней в древности захоронения или же какого бы то ни было погребального инвентаря.

Таким образом, точное назначение этой большой ямы, как и причины, по которым она осталась совершенно пустой, не может быть раскрыто. Между тем ее датировка эпохой бронзы вряд ли может быть подвергнута сомнению. Основаниями для такого определения времени ее появления служит как горизонт, с которого она, очевидно, была спущена (погребенная дневная поверхность), так и, главным образом, отчетливо сохранившиеся на ее вертикальных материковых стенках следы работы по их выравниванию. Следы состояли из пролощенных узких желобчатых полос и затесов, совершенно аналогичных следам работы на стенках колодца, ведущего в катакомбу (погр. № 5), и были оставлены вбиваемым в материковый грунт заостренным деревянным клином.

Вторая открытая при раскопках кургана яма, которая не была связана с погребением и, очевидно, относилась к значительно более позднему времени, имела необычную для могилы форму. Она была обнаружена при разборке первоначально оставленной осевой перемычки восточнее нулевого репера, неподалеку от описанной выше ямы. Эта вторая яма прослеживалась в насыпи с глубины 0.9 м, где она имела форму небольшого квадратного колодца (со сторонами 0.75—0.80 м), ориентированного по странам света. Ниже яма, несколько расширяясь и приобретая неправильную форму, уходила наклонно в северном направлении до глубины 2.60 м. Мешаное заполнение ямы состояло из чередующихся и в нижней части косо залегающих, неровных, тонких прослоек материкового грунта и гумусированного суглинка, из которого была сложена курганная насыпь. Сделанные при выборке заполнения верхней части ямы и вблизи от нее, на том же горизонте, с которого яма прослеживалась, находки нескольких фрагментов сосудов амфорного типа, изготовленных на гончарном круге, указывают, очевидно, на то время, когда она была вырыта.

Вероятнее всего, этот колодец является свидетельством древних раскопок курганов населением Белой Вежи, которые в данном случае не дали результатов. О том, что подобные раскопки практиковались сравнительно часто и не всегда были бесплодными, говорят довольно многочисленные находки предметов, возможно происходящих из захоронений эпохи бронзы и скифо-сарматского времени, в курганах Нижнего Подонья, обнаруженные при исследовании славянского слоя Саркела—Белой Вежи в 1949—1951 гг. (кремневая стрелка катакомбного типа, бронзовый срубный нож и обломок сверленого молота, скифское бронзовое зеркало, пастовая фигурка льва и др.).

Заканчивая описание раскопок кургана, следует остановиться на одной особенности его плана (рис. 28), а именно на сосредоточении большинства выявленных захоронений в южной части насыпи. Во второй, северной половине кургана находились лишь катакомбная могила (№ 5), с которой, возможно, была связана подсыпка начальной курганной насыпи, и два наиболее поздних захоронения (№№ 2 и 7).

КУРГАН 51/19

Малый курган 51/19 располагался южнее кургана 50/18. При этом южная оконечность насыпи 50/18 сливалась с северной оконечностью насыпи 51/19 (расстояние между центральными точками обоих курганов, которые лежали по одной линии — север—юг, составляло 53 м). В плане курган суживался в северном направлении и имел форму неправильного овала. Оси его насыпи составляли 33 м (направление запад—восток) и 41 м (север—юг) при высоте от 0.65 до 0.75 м; насыпь сливалась с рельефом местности.

На поверхности кургана различались следы от двух заплывших одиночных стрелковых ячеек: одна из них находилась в юго-западной четверти насыпи, вторая — у основания восточной полы кургана.

Как и у больших курганов описываемой группы (30/6, 50/18), плотность грунта, слагающего насыпь, в центре кургана оказалась значительно мягче, чем в периферийной части. В то же время, очевидно, эта насыпь в связи с малыми размерами не могла принадлежать к курганам так называемого типа «верблюд», состоящим из двух первоначально самостоятельных, а затем слившихся вместе небольших насыпей. Вероятнее всего, различную плотность насыпи на отдельных

участках следует объяснить в данном случае почвенными процессами, происходящими в курганной насыпи в течение длительного периода времени (возможно, постоянным отложением мелких отмученных частиц грунта на склонах насыпи).

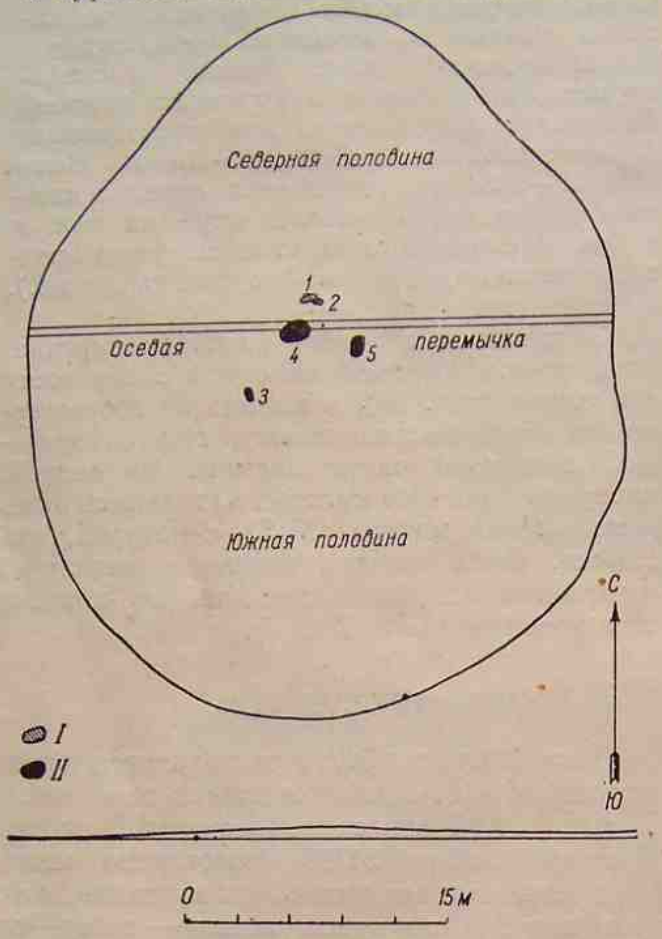


Рис. 39. Курган 51/19. Общий план.

Цифрами (*1—5*) обозначены номера погребений. *I* — погребения сарматского времени; *II* — погребения эпохи бронзы.

Курган снимался скрепером. Осевая перемычка, оставленная по направлению запад—восток, имела толщину в 0.50 м. Всего при раскопках кургана было выявлено пять погребений (рис. 39), из которых три (№№ 3, 4 и 5) относились к эпохе бронзы и два, по-видимому связанные между собой, но не совсем одновременные, — к сарматскому времени (№№ 1 и 2).

Погребение № 1 (северная половина насыпи, в 1.80 м к северо-западу от центра; глубина залегания черепа 0.84 м; рис. 40). Оно принадлежало ребенку (мальчику?) в возрасте 7—8 лет. Скелет, часть костей которого была смещена (отдельные ребра и позвонки, нижняя челюсть), часть разрушена (правая подвздошная, кости таза, эпифизы голени и др.) или же отсутствовала (левое плечо, правое предплечье, стопы ног), лежал на спине и был ориентирован на юго-запад-запад (250°). Череп располагался на левой стороне и был обращен лицевыми костями на северо-запад. Плечевая кость правой руки и предплечье левой размещались вдоль туловища.

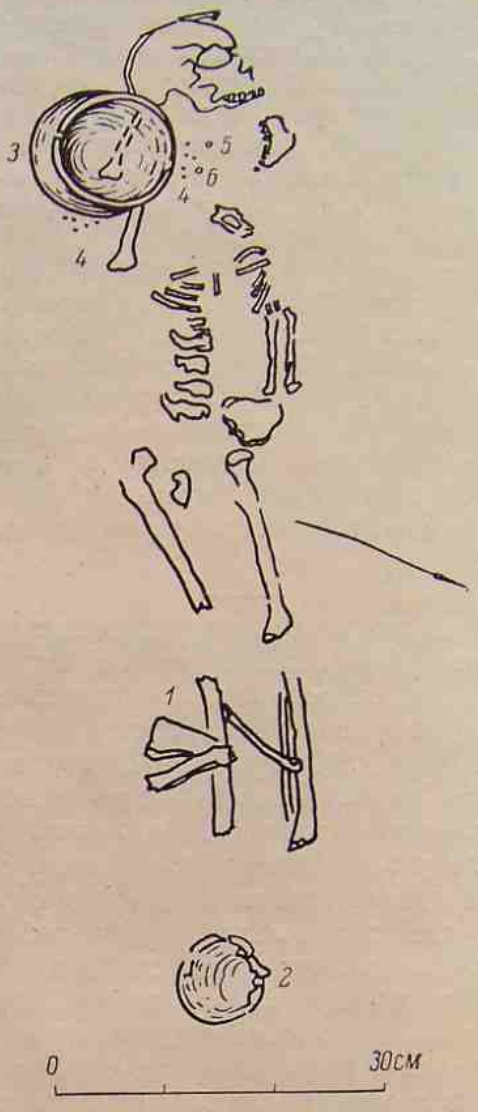


Рис. 40. Курган 51/19. Погребение № 1.

1 — кость овечьей ноги; *2* — сосуд баночной формы; *3* — орнаментированный сосуд баночной формы; *4* — стеклянный бисер; *5* — стеклянная круглая подвеска; *6* — раковинка.

Инвентарь погребения. Погребение сопровождалось двумя лепными горшками, перламутровыми и пастовыми

пронизками и приношением пищи, остатками которой являлись кости ноги овцы вместе с лопаткой, лежащие в анатомическом порядке и перекрывающие середину правой большой берцовой кости детского скелета (рис. 40, *1*). Один из сосудов находился в ногах, правее оси погребения (рис. 40, *2*; рис. 41, *1*). Он имел форму, близкую к баночной, со слегка вздутым туловом (верхняя часть сосуда не сохранилась, диаметр дна 6 см, диаметр тулова 10 см). Тесто в изломе черное, без примесей. Внешняя, желтоватая с отдельными серыми пятнами поверхность не орнаментирована. На дне сосуда находились кости стопы молодого барана. Второй сосуд, больший по размеру, стоял справа от черепа на месте правой ключицы (рис. 40, *3*; рис. 41, *2*). Он также имел вытянутую баночную форму, но более заметно расширялся посредине высоты (высота сосуда 17 см, диаметр дна 6.5 см, диаметр венчика 12 см, диаметр тулова 16 см). По слегка отогнутому наружу краю венчика были нанесены косые насечки. Следы лощения на внешней, слегка сглаженной и неравномерно обожженной поверхности обоих горшков отсутствовали.

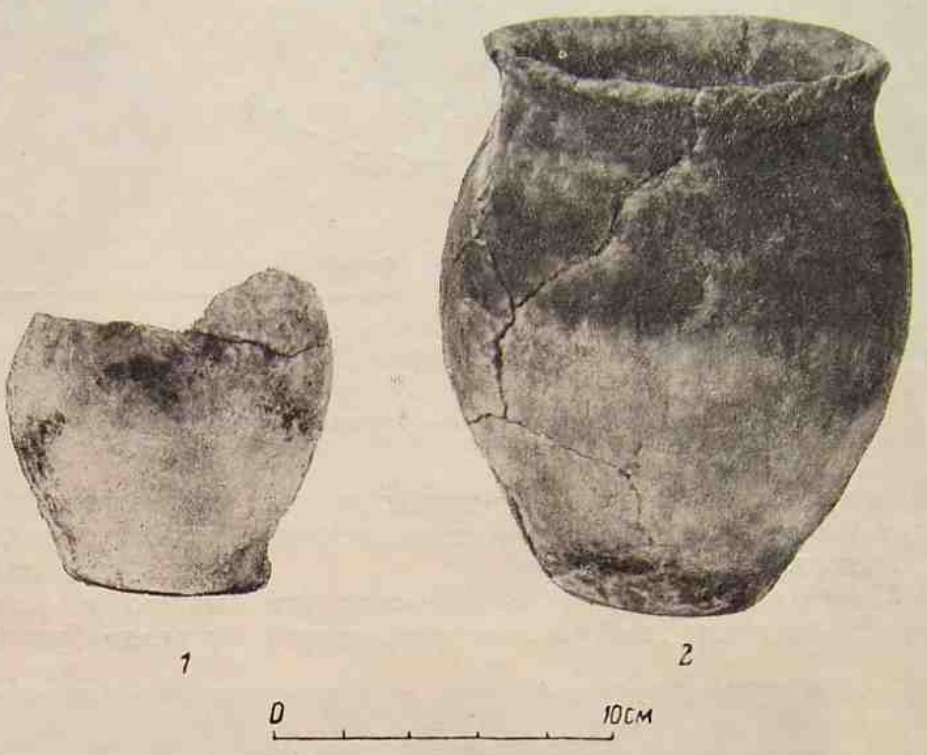


Рис. 41. Курган 51/19. Сосуды из погребения № 1.

1 — лепной сосуд баночной формы; *2* — лепной сосуд баночной формы с насечками по венчику.

В той же части погребения, где находился второй сосуд, справа от черепа (в области шейных позвонков) были найдены 33 стеклянные бисеринки (синие и желтые с посеребренной поверхностью; рис. 40, *4*; рис. 42, *3*), круглая плоская подвеска светло-зеленого стекла (рис. 40, *5*; рис. 42, *2*) с ирризированной поверхностью и одна маленькая спиральная раковина (рис. 40, *6*; рис. 42, *1*), являющиеся, очевидно, остатками шейного ожерелья.

При разборке этого погребения под его костями были открыты кости туловища захоронения № 2, лежащего на 14—20 см ниже погребения № 1 и ориентированного отлично от него.

Погребение № 2 (у центра насыпи, на том же участке северной половины, что и погребение № 1; глубина залегания черепа 1. 07 м; рис. 43). Скелет мужчины возмужалого возраста, ориентированный черепом на восток с небольшим отклонением к югу, лежал на левом боку со скорченными ногами. Руки находились по одну сторону от костей корпуса, южнее их. При этом левая рука была вытянута от лопатки к коленям, а перекрывающая ее правая рука была согнута в локте.

Инвентарь погребения. Южнее лежащего на левой стороне черепа перед его лицевой частью находился лепной сероглиняный сосуд с низким овальным туловом и невысоким горлом, имеющим отогнутый наружу край (рис. 44). Темновато-серая поверхность сосуда, на которой сохранились основания отбитой вертикальной ручки, была тщательно залощена. Между сосудом и лицевыми костями черепа находились кости барана, а у колена левой ноги была обнаружена небольшая стеклянная подвеска светло-зеленого цвета, напоминающая по форме бутылочку.

Погребения №№ 1 и 2, вероятно, были совершены не одновременно (разделялись прослойкой земли и были различно, почти диаметрально противоположно, ориентиро-

ваны), а через некоторый промежуток времени одно после другого (сначала погр. № 2, а затем погр. № 1) и помещались в двух могильных ямах, которые, по-видимому, не случайно совпали по своему местоположению в насыпи.

Погребение № 3 (юго-западная четверть насыпи; глубина залегания черепа 0.93 м). Оно сохранилось плохо, но общее положение скелета устанавливается достаточно точно. Он лежал на левом боку и был ориентирован на юг-юго-восток (165°). Ноги были сильно согнуты в тазобедренном и коленном суставах, так что колени были подтянуты к грудной клетке. Правая рука была согнута в локте, а кости левой руки отсутствовали полностью. Инвентарем захоронение не сопровождалось, но, основываясь на положении скелета, погребение можно с наибольшим вероятием отнести к эпохе бронзы.

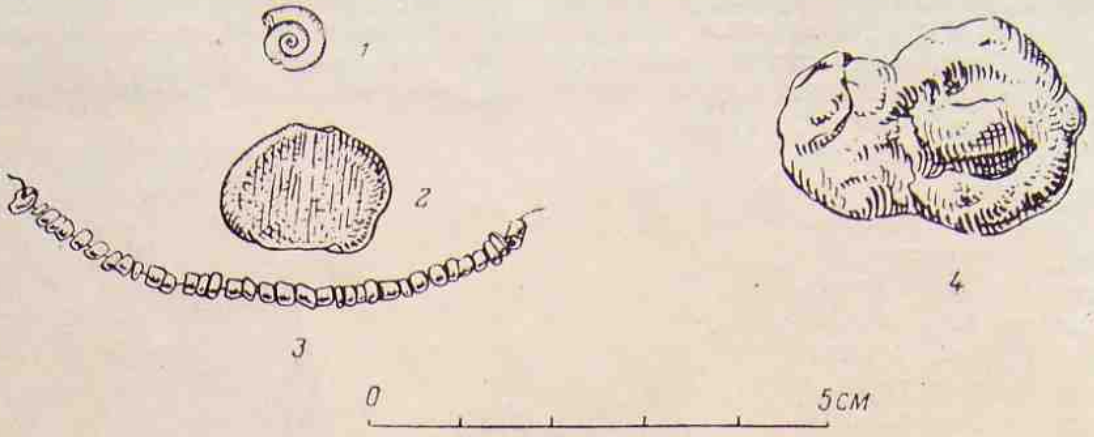


Рис. 42. Инвентарь погребения № 1 кургана № 51/19 (*1—3*) и погребения кургана № 52/20 (*4*).

1 — спиральная раковинка; *2* — круглая плоская подвеска из светло-зеленого стекла; *3* — посеребренные бисеринки из синего и желтого стекла; *4* — железная поясная пряжка.

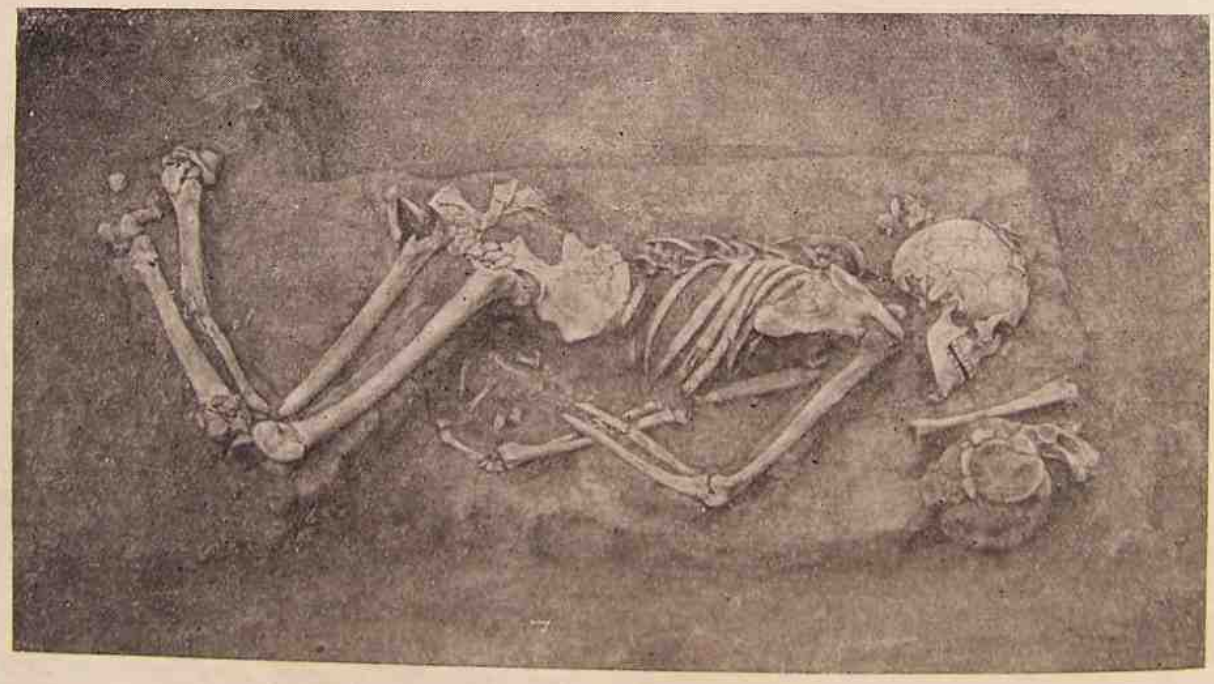


Рис. 43. Курган № 51/19. Погребение № 2.

Погребение № 4 (центральная часть насыпи в 0.75 м к западу от нулевого репера; глубина залегания черепа около 1.75 м). Оно находилось в грунтовой яме, выявленной на глубине около 1.05 м. Эта

яма (ее размеры 1.73×1.15—1.30 м; рис. 45) имела вытянутую, прямоугольно-трапециевидную форму со слегка выпуклыми стен-

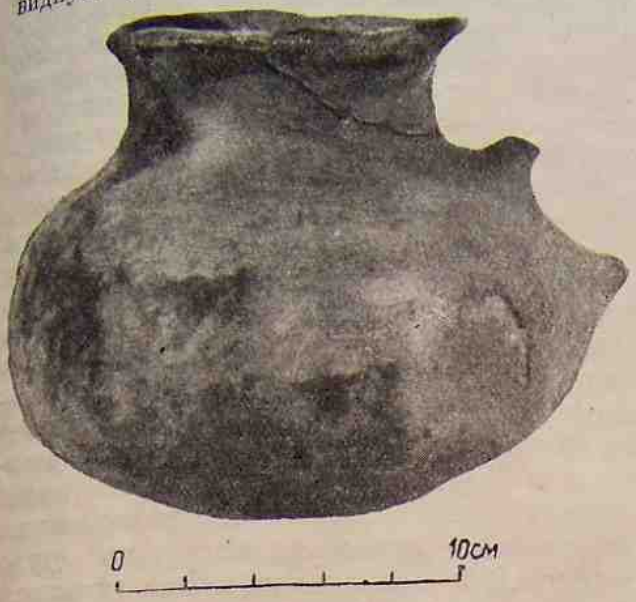


Рис. 44. Курган № 51/19. Сосуд из погребения № 2.

ками и закругленными углами. Она была ориентирована продольной осью примерно по линии запад—восток и несколько расширялась в восточном направлении. Длинная северная стенка ямы вертикально спускалась к горизонтальному дну могилы, лежащему на глубине около 1.80 м; противоположная ей южная стенка в западной части несколько нависала над дном, а короткие — западная и восточная — стенки имели в нижней части по небольшой ступеньке-приступке с узкой площадкой (шириной до 0.20 м), расположенной выше дна на 0.25—0.40 м и наклоненной к середине могилы. Заполнение ямы состояло из рыхлого серого грунта однородного состава, который легко отделялся от материковых стенок. Тем не менее на этих стенках не прослеживалось каких бы то ни было следов работы древним землекопным инструментом.

На дне могилы, выстланном в прошлом циновкой из куги, от которой сохранилось подпрямоугольное белесое пятно различной плотности (рис. 45, *1*), было обнаружено непотревоженное захоронение, бóльшая часть костей которого полностью истлела и превратилась в труху. Этот скелет, располагавшийся не точно в центре могилы, а несколько юго-восточнее его, покоился на правом боку в скорченном положении с сильно согнутыми в обоих суставах ногами. Череп, ориентированный сводом на запад, перекрывал верхние ребра грудной клетки. Вещами захоронение не сопровождалось. В трех местах дна могилы поверх выстилающей его циновки находились пятна темно-красной охры (рис. 45, *2*; одно — западнее колен и юго-восточнее нижнего эпифиза правой плечевой кости, второе — у пяточных костей, третье, самое малое, — в нескольких сантиметрах севернее совершенно разрушившегося таза). В треугольнике между бедренными и берцовыми костями ног поверх слоя тлена от циновки лежало пятно плотной белой массы (?) неопределенного состава (рис. 45, *3*).

Возраст погребенного, судя по зубам, — juvenis.

Погребение № 5 (юго-восточная четверть насыпи в 2.10 м к юго-востоку от центра; рис. 46). Оно находилось в значительно меньшей по площади грунтовой яме, вытянутой прямоугольной формы, с закругленными углами и несколько выпуклой западной длинной стороной. Яма была ориен-

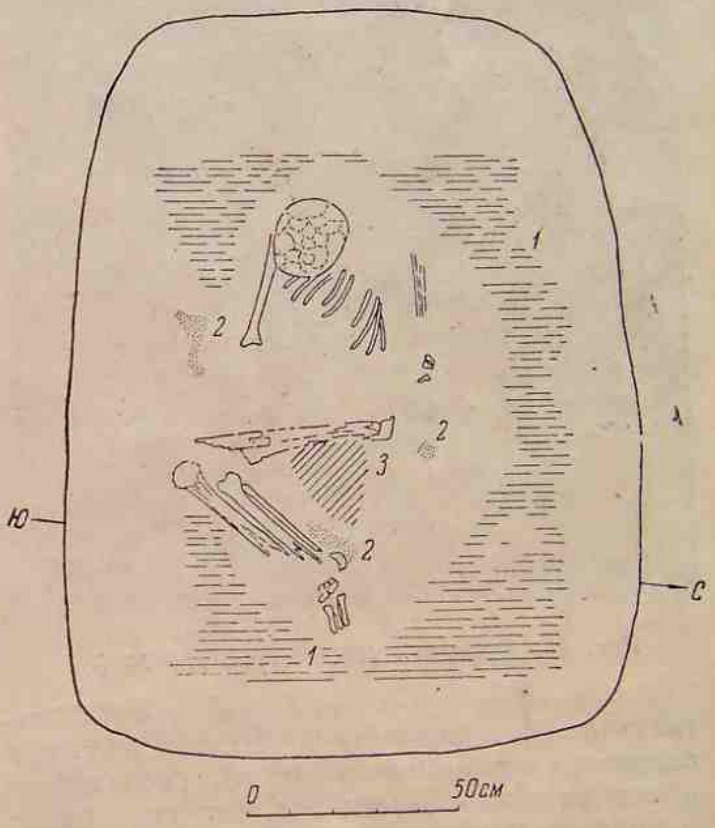


Рис. 45. Курган № 51/19. Погребение № 4.

1 — белесое пятно на дне могилы (остатки циновки из куги); *2* — пятна ярко-красной охры; *3* — пятно плотной белой массы.

тирована продольной осью почти точно по линии север—юг, а ее границы определились на том же уровне, что и границы могилы № 4, т. е. при зачистке горизонта погребенной подпочвы и верхней поверхности материка.

В могиле находилось сравнительно хорошо сохранившееся захоронение ребенка

Рис. 46. Курган 51/19. Погребение № 5.

(мальчика?) в возрасте 9—10 лет (глубина залегания черепа около 1.80 м), располагавшееся на спине. Кости ног, согнутые ранее в коленях и поднятые вверх, распались на обе стороны и образовали ромбовидную фигуру. Кости правой руки были вытянуты вдоль грудной клетки, параллельно позвоночнику, а левая рука согнута в локте. Кисть каждой руки перекрывала верхнюю часть бедренной кости соответствующей ноги.

Инвентарь погребения. Захоронение сопровождалось целым яйцевидным горшком с очень низким-отчлененным цилиндрическим горлом (рис. 47, *1*). Он помещался между локтем правой руки и длинной восточной стенкой могилы. Его внешняя, слегка сглаженная поверхность, на которой местами прослеживаются штрихи, является пятнистой — серовато-желтой и, преимущественно в верхней части, темно-серой. Книзу от основания горла располагаются три горизонтальных ряда отпечатков веревочки. По верхнему ряду на расстоянии 2—4 см друг от друга повторяются довольно глубокие ямочные вдавления (на внутренней поверхности им соответствуют выпуклины). От нижней (третьей) полосы веревочки и примерно до середины тулова свешиваются шесть шевронов, боковые стороны которых очерчены отпечатками двух параллельных друг другу веревочных линий. Площадь этих свисающих треугольников заштрихована параллельными друг другу, горизонтально ориентированными оттисками той же веревочки. В разрезе черепок сосуда несколько утолщается от венчика к днищу. На его внутренней поверхности более однородного, темно-серого тона хорошо видны штрихи, полученные в процессе формовки сосуда.

Шесть неправильных по форме отщепов из темно-серого кремня были найдены восточнее проксимального конца правого плеча, а один такой же отщеп — у головки левой плечевой кости. Кроме этого, в погребении были обнаружены два обломка створок раковины (рис. 47, *2*) и целый скелет зайца, кости которого лежали в строгом анатомическом порядке (рис. 46). Этот скелет располагался несколько выше и южнее черепа детского скелета, вдоль восточной половины короткой южной стенки материковой ямы, и был направлен своим черепом к юго-восточному углу могилы.

Кроме перечисленных выше погребений, в 5.3 м к северу от черепа захоронения № 3 на глубине 0.90 м были открыты остатки поздней кремации, лежащие на выкладке из кирпичей саркелского типа.[1] Уцелевшая часть выкладки состояла из четырех горизонтально положенных кирпичей, образующих квадрат, ориентированный осями по странам света. Вокруг сохранившегося фрагмента выкладки

[1] На этих кирпичах сохранились следы извести, что, очевидно, свидетельствует об их вторичном использовании.

находились обломки такого же битого кирпича, а у восточной стороны квадрата были обнаружены небольшое пятно золы и отдельные обломки кальцинированных костей человека и животного (диаметр пятна около 18—20 см).

Следует отметить также некоторые отдельные находки, сделанные при разборе насыпи и не связанные с захоронениями. Так, в юго-западной четверти насыпи, в 8 м к югу-юго-западу от центра кургана, на глубине около 0.62 м от нулевого репера и 0.30 м от современной поверхности насыпи был обнаружен хорошо сохранившийся бронзовый кованый кельт с неполностью сомкнутой втулкой, покрытый плотным слоем благородной темно-зеленой патины (рис. 47, *3*).

Помимо бронзового кельта, под юго-восточной полой кургана в 10.20 м от центра, в направлении юго-восток-восток, были найдены лежащие вместе восемь обломков одного и того же толстостенного сосуда эпохи бронзы с широкими бороздами на поверхности — следами сглаживания пальцами до обжига. Эти обломки находились на глубине 0.85 м, что, вероятно, соответствует уровню древней дневной поверхности, перекрытой затем курганной насыпью.

или же представляет элемент естественного рельефа.

Холмик, оказавшийся небольшой и к тому же сильно расплывшейся курганной

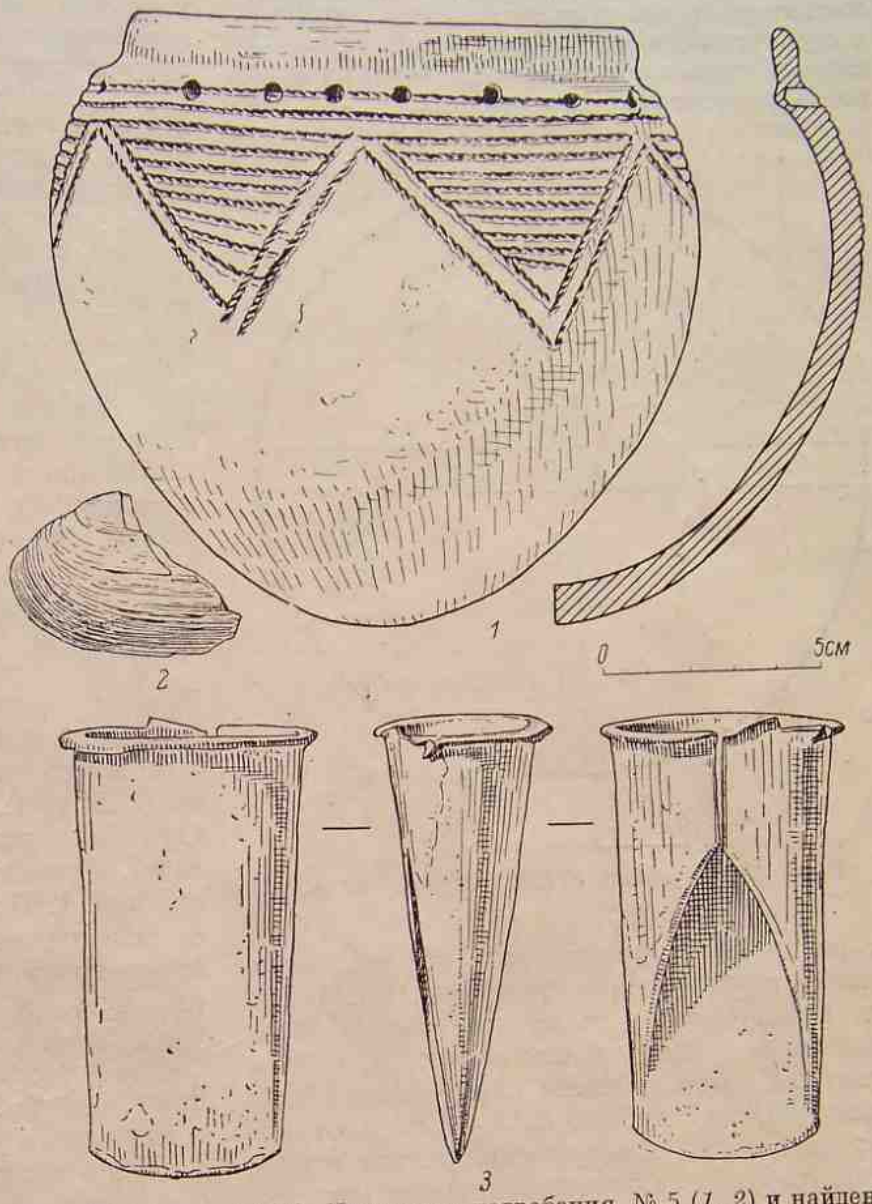


Рис. 47. Курган 51/19. Инвентарь погребения № 5 (*1*, *2*) и найденный в насыпи кельт (*3*).

1 — яйцевидный лепной горшок со шнуровым и ямочным орнаментом; *2* — фрагмент створки раковины; *3* — бронзовый кованый кельт.

КУРГАН 57/25

Курган, обозначенный номером 57/25, являлся всхолмлением, находящимся на небольшом расстоянии к северо-востоку от насыпи 50/18 (расстояние между их центрами 66 м). Высота всхолмления, имевшего в диаметре около 30—32 м, не превышала 0.40—0.50 м, и оно с трудом различалось на современной поверхности. До раскопок нельзя было точно определить, является ли оно искусственной надмогильной насыпью или же представляет элемент естественного рельефа.

насыпью, раскапывался вручную по четырем секторам (радиус раскопа 7 м), которые были разделены осевыми перемычками, ориентированными по странам света (рис. 48).

В разрезе насыпи выявились следующие горизонты: а) пахотный слой (мощность 0.20 м) темно-серого цвета с включением обломков битого кирпича; б) слой смешаного

суглинка (0.40 м) серовато-коричневого цвета, плотный, с вертикальной трещиноватостью; в) постепенно светлеющий слой суглинка (0.25 м), имеющий переходный характер от предыдущего слоя к материковому суглинку светло-желтого цвета. При снятии курганной насыпи по штыхам в ней не были открыты захоронения, а зачистка

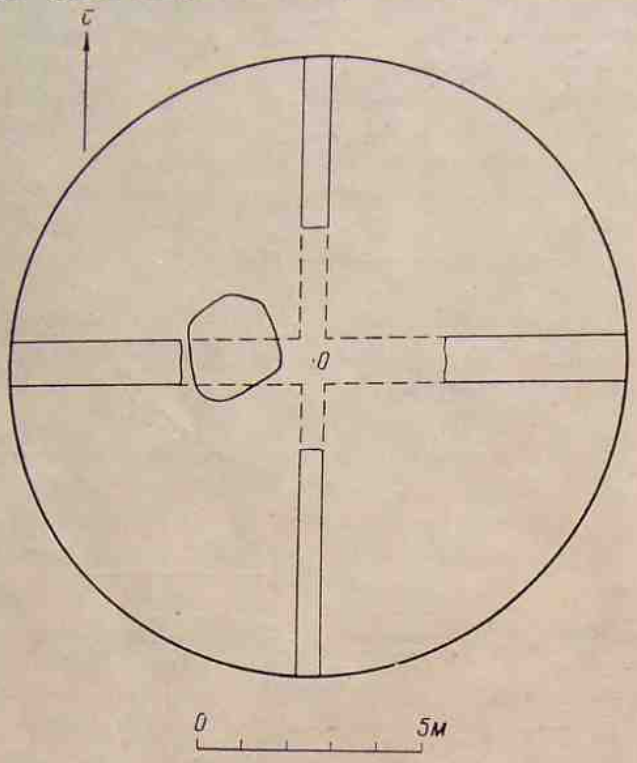


Рис. 48. Курган 57/25. Общий план.

дна раскопов на уровне материка также не выявила явных следов грунтовых ям. Тогда было приступлено к съему крестовины, образованной осевыми перемычками. При этом в центре насыпи, в месте пересечения обеих перемычек, на глубине 0.15—0.20 м от поверхности были обнаружены остатки погребения (ребра и обломки некоторых других, беспорядочно лежащих костей), совершенно разрушенного распашкой. Несомненно, что это захоронение относилось к позднему времени и, вероятнее всего, являлось калмыцким. Ниже погребения, под западной осью основной перемычки в той ее части, которая примыкала к центру, была открыта единственная в кургане могильная яма.

Грунтовая могильная яма (рис. 49, *1*) помещалась западнее центра кургана, несколько выдаваясь своей северной суживающейся частью за пределы перемычки на площадь северо-западного сектора. Заполнение ямы состояло из серой мешаной земли, несколько отличающейся по цвету от более светлого материка. Эта яма имела неправильную форму, приближающуюся к пятиугольной, а само погребение в ней было ограблено и разрушено в древности. В процессе расчистки сложилось впечатление, что первоначально захоронение было совершено в яме значительно меньших размеров, вытянутой прямоугольной формы со слегка закругленными углами. Эта могильная камера, у которой непотревоженными оказались южная, западная и восточные стороны, была ориентирована продольной осью по линии ЮЗЗ—СВВ (азимут 250°) и имела примерные размеры около 1.75×1.15 м. Затем, при древних грабительских раскопках, спущенный сверху колодец прорезал длинную северную стенку ямы и изменил ее форму в этой части, образовав треугольный выступ, обращенный на северо-запад. Это предположение, по-видимому, подтверждается тем, что северо-западная граница ямы определялась с особым трудом, так как в этой части ее заполнение едва отличалось от материка.

Кости совершенно разрушенного скелета были обнаружены в нижней части заполнения ямы или же на ее дне на глубине от 1.30 до 1.60 м от вершины кургана (т. е. на глубине от 0.45 до 0.75 м от горизонта расчистки). Они были разбросаны по всей площади могилы. Однако бóльшая их часть (череп на глубине 1.30 м, кости рук и берцовые кости) сосредоточивались в северо-западной части ямы. Второе скопление костей (левое бедро, ребра и др.) находилось в юго-западном углу могилы, а отдельные кости (правое бедро и др.) встречались между этими двумя группами. Погребение принадлежало мужчине возмужалого возраста (около 35—40 лет).

И н в е н т а р ь п о г р е б е н и я. Вдоль северо-западного и восточного краев ямы, а также в ее юго-восточной части на одной глубине с костями скелета располагались вперемешку обломки от разных сосудов, сопровождавших захоронение и разбитых, вероятно, при его ограблении. Эти обломки принадлежали трем сосудам. У одного из них (рис. 49, *2*), имеющего форму горшка со вздутым туловом и отогнутым наружу венчиком, в сером тесте содержатся включения мелких белых частиц (толченая раковина?). Внешняя поверхность тщательно залощена. У основания низкого горла располагается горизонтальная, легко прочерченная, двой-

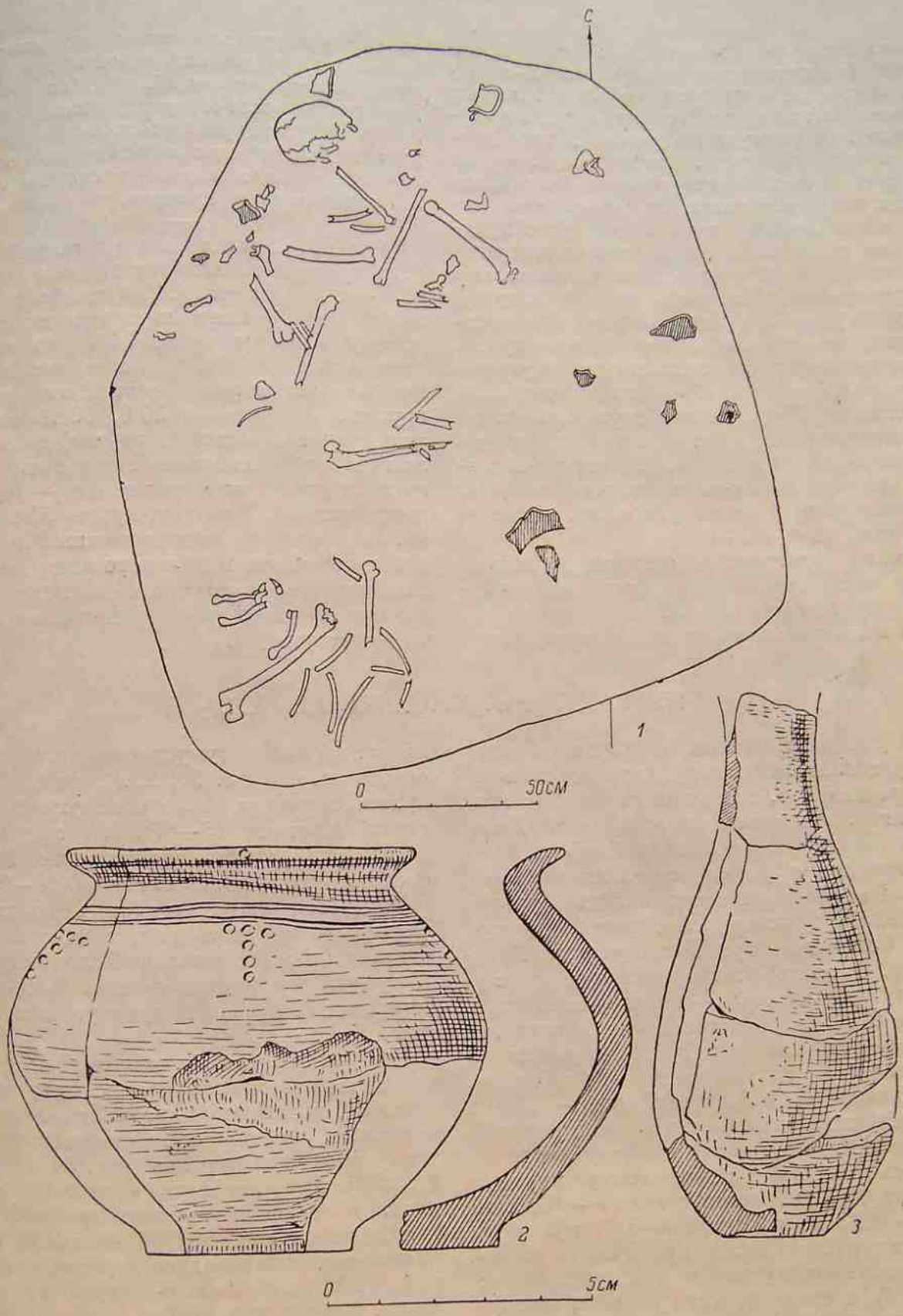


Рис. 49. Курган 57/25.

1 — план могильной ямы; *2*, *3* — инвентарь погребения: *2* — орнаментированный горшок с лощеной внешней поверхностью, *3* — амфориск.

ная линия, под которой по окружности ритмично повторяется четыре раза Т-образная композиция из шести небольших ямных вдавлений (три по горизонтали и три по вертикали). Дно сосуда оформлено в виде низкой кольцевой ножки. Второй сосуд, форма которого в связи с отсутствием фрагментов днища и верхней части, не может быть восстановлена даже примерно, был более крупным по размерам и имел черную залощенную внешнюю поверхность и сравнительно тонкие стенки. Наконец, третий сосудик (амфориск) был, в отличие от двух предшествующих, изготовлен на гончарном круге, о чем явственно свидетельствуют круговые горизонтальные желобки на внутренней поверхности. В отличие от двух первых, он был, кроме того, равномерно обожжен до желтовато-розового цвета. Он имел небольшое, уплощенное, слегка вдавленное дно, вытянутое тело и очень узкое, цилиндрическое горло (рис. 49, *3*).

Помимо фрагментов сосудов, в центре могилы были найдены два куска мела размерами примерно 4×3 см.

Основываясь на положении костей скелета в разных частях ямы в нижнем слое ее заполнения и на материковом дне, можно предполагать, что ограбление было произведено вскоре после совершения захоронения — до провала перекрытия могилы, но уже после утраты всяких связок между костями, так как ни в одном случае кости не лежали в анатомическом порядке.

Очевидно, описанный курганный некрополь пространственно рос в одном направлении — с юга на север. Так, наиболее ранние захоронения (ямного типа и времени) были обнаружены в курганах 31/7 (насыпь среднего размера) и 51/19 (малая насыпь), расположенных южнее остальных курганов группы. В курганах 30/6, 50/18 (наиболее значительные насыпи в группе) и 58/26 (малая насыпь) основные погребения относились к более позднему периоду — катакомбному времени. Наконец, курган 56/25 (самая малая насыпь), расположенный в северо-восточной части могильного поля, содержал захоронение сарматского времени и был, очевидно, насыпан значительно позже предшествующих.

КУРГАН У хут. КРАСНЫЙ ЯР (52/20)

Как уже указывалось, одиночный курган 52/20 располагался между хут. Поповым и хут. Красный Яр, восточнее первого из них, на краю левого коренного берега Дона. Высота бровки берега над поймой в месте расположения кургана составляла около 6—7 м. Периферия восточной полы кургана пересекалась проселочной дорогой, идущей из хут. Соленого и хут. Попова в хут. Красный Яр. Насыпь имела овальную форму, вытянутую по оси север—юг, причем высшая точка ее была смещена в северном направлении на 3—4 м относительно геометрического центра насыпи (радиусы насыпи: северный — 18 м, южный — 24 м, западный — 14 м; край восточной полы был испорчен дорогой и точные очертания насыпи в этой части не удавалось выявить). Средняя высота кургана достигала 0.94 м (высота с севера — 0.91 м, с юга — 0.97 м, с запада — 0.87 м).

Курган раскапывался вручную по четырем секторам радиусом в 6 м (рис. 50, *1*; рис. 51, *1*), а земля от края раскопа отвозилась скрепером. Разрез курганной засыпи оказался исключительно интересным и своеобразным: в основании насыпи, сложенной из аморфного гумусированного суглинка серого цвета (рис. 51, *2*, *А*), на 0.70 м ниже нулевого репера было обнаружено круглое пятно (диаметр 15—15.5 м) светло-серого, плотного, песчаного грунта (рис. 51, *2*, *Б*; средняя мощность около 0.10—0.12 м), являющееся искусственной подсыпкой под насыпь. Под этим пятном очень хорошо сохранился горизонтальный слой погребенного гумуса (мощность в среднем 0.10—0.15 м), отмечающий древнюю дневную поверхность (рис. 51, *2*, *В*).

Могильная яма, пробивающая древнюю дневную поверхность и пятно искусственной песчаной подсыпки, находилась под южной половиной основной осевой перемычки, в 3.5 м к югу от центра кургана (рис. 50, *2*; рис. 51, *1*, *3—5*). При расчистке оказалось, что это пятно является неглубоким входным колодцем в небольшой подбой овальной формы, расположенный западнее колодца и ориентированный осью с юго-востока на северо-запад. Заполнение подбоя и колодца выбиралось с большим трудом, будучи очень похожим на грунт материка (тяжелая супесь палево-коричневого цвета). Дно подбоя, как

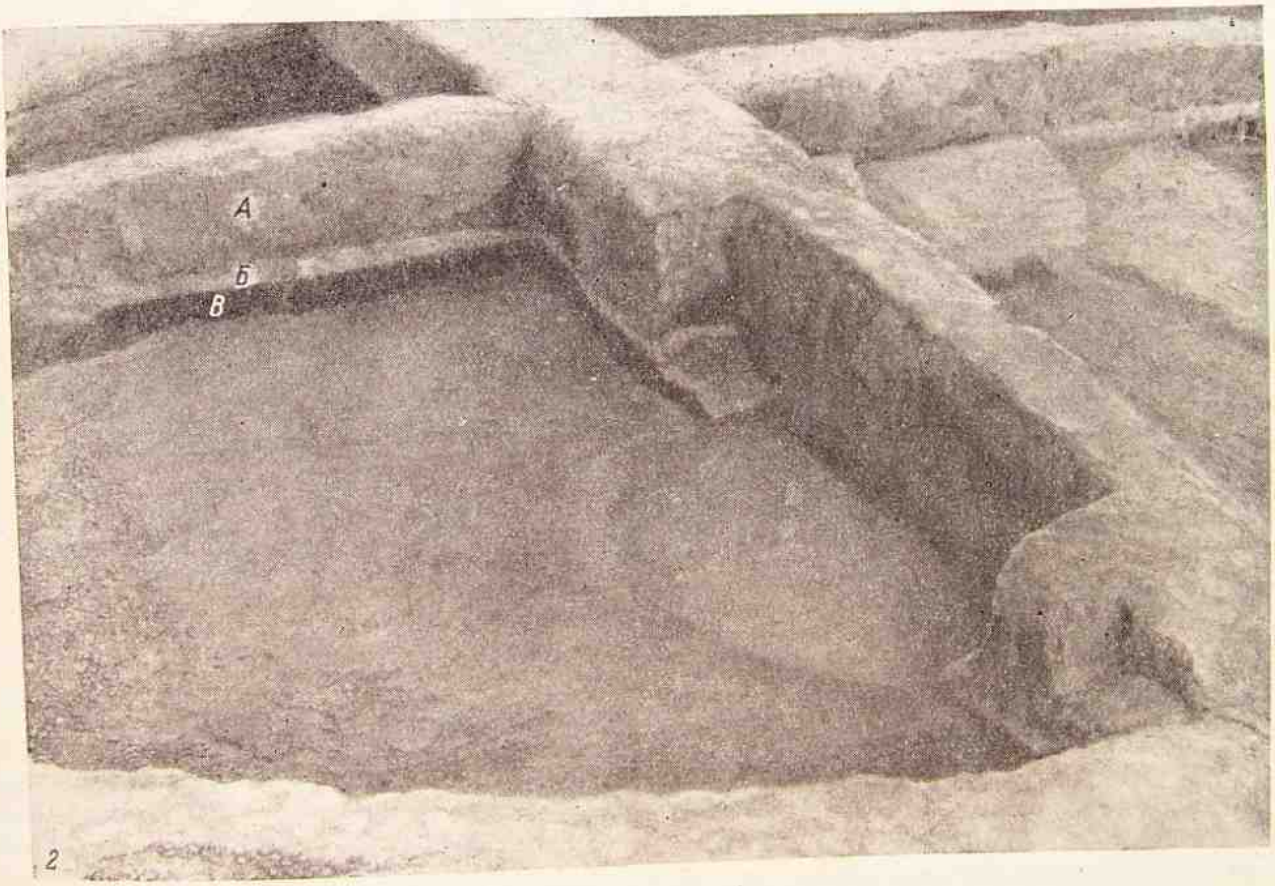


Рис. 50. Раскопки кургана 52/20 у хут. Красный Яр.

1 — общий вид раскопок кургана (стрелкой показано местонахождение городища Саркел—Белая Вежа); *2* — общий вид юго-западного сектора раскопа; западная ось перемычки: *А* — серый аморфный гумусированный суглинок, слагающий насыпь кургана; *Б* — искусственная подсыпка из светло-серого песчаного грунта, *В* — слой погребенного гумуса; у южной перемычки, в месте врезки в нее, видно обозначившееся пятно ямы, ведущей в подбой.

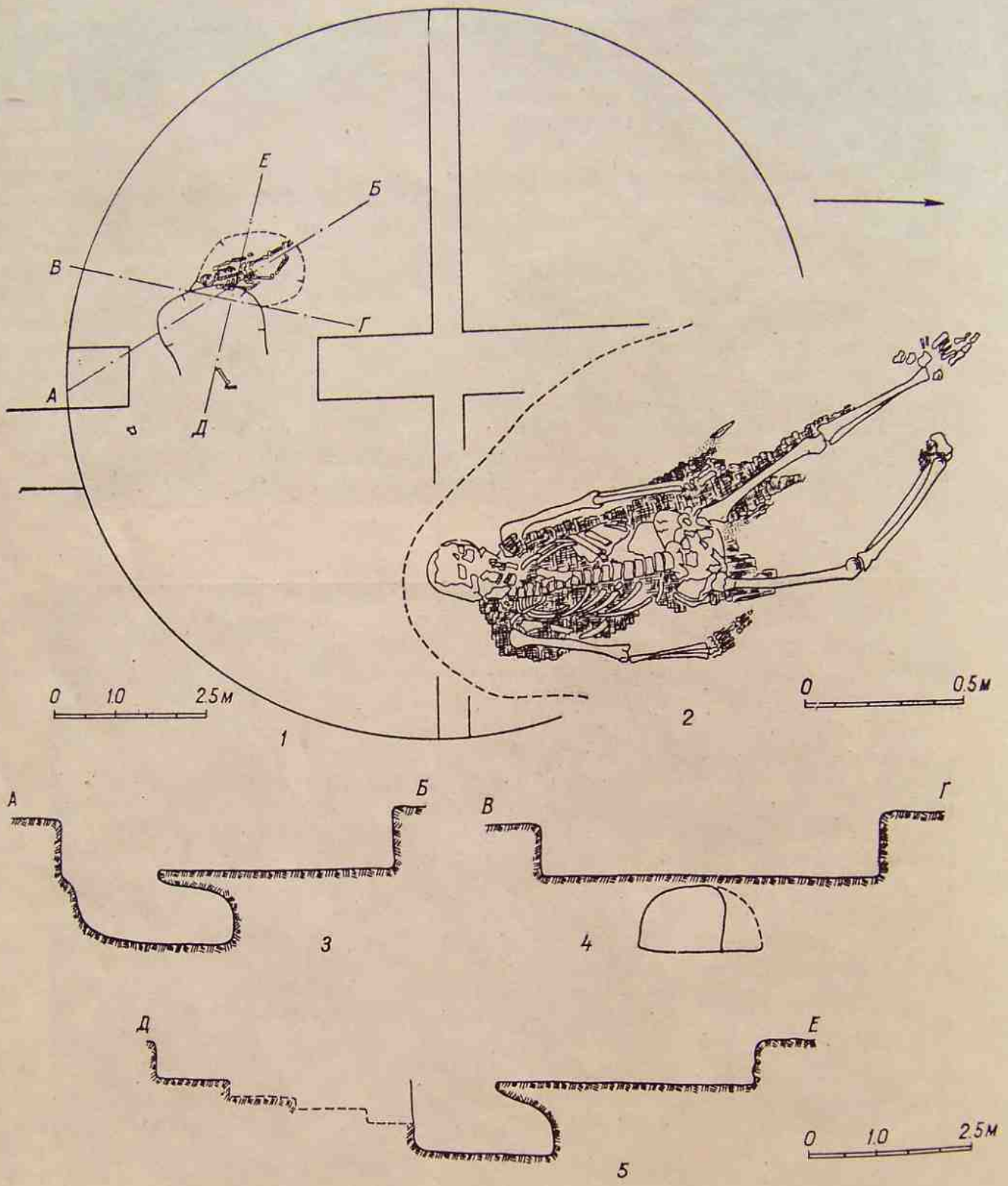


Рис. 51. Курган 52/20 у хут. Красный Яр.

1— общий план раскопа; *2* — план погребения (пунктиром показаны границы дна подбоя); *3—5* разрезы подбойной могилы.

и дно колодца, находилось на глубине 2.13—2.27 м, а наибольшая высота свода подбоя над дном достигала 0.9—1 м.

В подбое было обнаружено частичное сожжение. Скелет (рис. 51, 2), некоторые кости которого обгорели, лежал на спине и был ориентирован на юг с некоторым отклонением на восток. Кости рук были вытянуты вдоль туловища, левая нога также вытянута, а правая слегка согнута в колене. Бо́льшая часть костей скелета (особенно в области грудной клетки и таза) была покрыта слоем золы, мощность которого достигала 6 см.

Погребение сопровождалось железной пряжкой, которая позволяет датировать его временем около VI—VII вв. н. э. (рис. 42, 4).

Отметим, что как подбой с погребением, так и пятно песчаной подсыпки были значительно (до 3.5 м) смещены к югу относительно современного центра кургана.

Выше были изложены результаты раскопок шести курганов, находившихся вблизи хут. Попова Романовского района. Эти курганы, как и насыпи второго большого могильника,[1] размещались в границах зоны затопления и составляют лишь небольшую часть тех многочисленных курганов, которые в настоящее время поглощены водами Цимлянского моря.

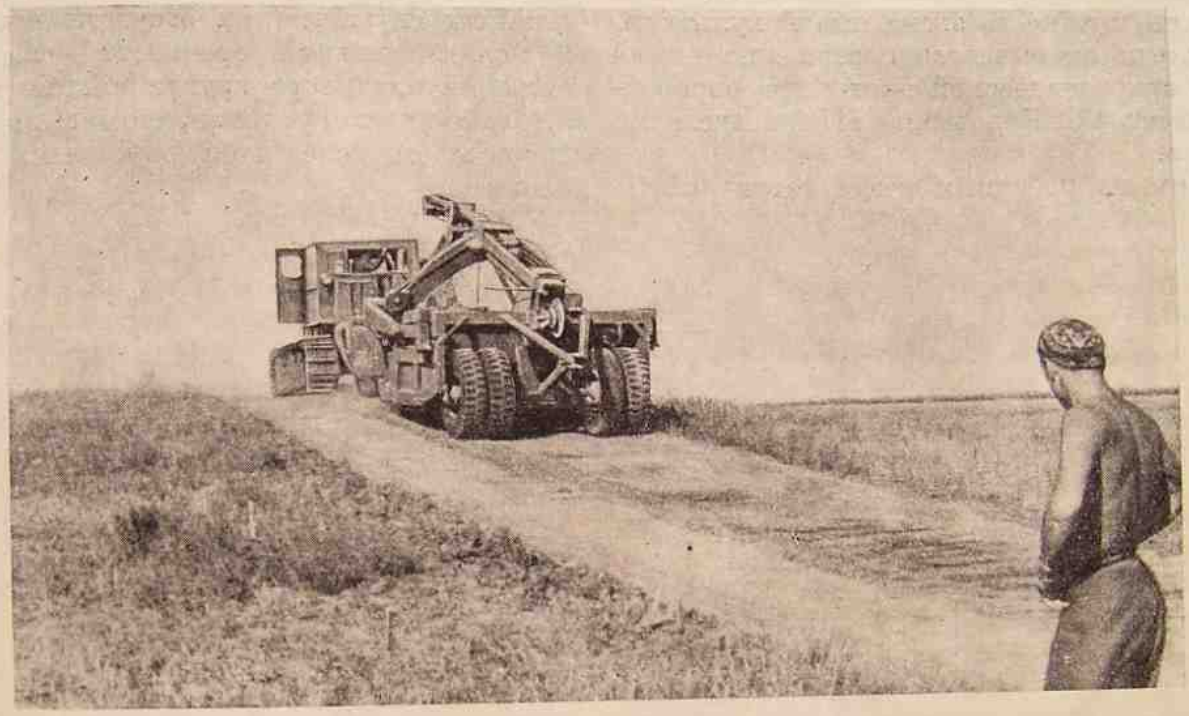


Рис. 52. Курган 30/6. Скрепер снимает первые полосы на восточной половине насыпи вдоль размеченной осевой перемычки. 1950 г.

Несмотря на несколько ограниченный объем работ по раскопкам курганов в 1950—1951 гг., они бесспорно дали существенные результаты. При этих раскопках были вскрыты две курганные группы в том районе, который, при проведении значительных археологических работ в смежных областях степной полосы, представлялся все более ощущаемым «белым пятном» на карте эпохи бронзы и раннего железа. Сейчас эта лакуна в значительной степени заполнена и собранные материалы позволяют полнее охарактеризовать историю нижнего течения Дона и особенно его северного отрезка в эпоху бронзы и раннего железа.

Очевидно, полученные данные в основном не меняют общих сложившихся представлений. Вместе с тем при их сопоставлении можно внести некоторые уточнения в вопросы хронологии и территориального распространения отдельных культурных вариантов.

Такое обобщение всего добытого раскопками материала будет правомерно после-

[1] Отчетная статья А. А. Иессена об этих раскопках намечена к опубликованию в IV томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

публикации результатов раскопок второй (Соленовской) курганной группы. В данном же случае следует напомнить об одном из наиболее интересных моментов в раскопках курганов у хут. Попова — о детском захоронении (погр. № 4) кургана 31/7. Оно, вероятно, относится к числу наиболее древних ямных погребений, которые в дальнейшем, возможно, будут выделены в особую хронологическую группу. Сопровождавший его остродонный сосуд по своей форме довольно близок к одному из типов сосудов надпорожско-приазовского неолита. Этот факт в сочетании с некоторыми другими (надо признаться, пока немногочисленными) позволяет поставить вопрос о синхронности одного из этапов надпорожско-приазовской неолитической культуры и раннего звена ямной культуры. Тем самым открывается совершенно новый аспект археологической карты юга европейской части СССР в конце III тысячелетия до н. э.

Одним из побочных результатов работы отряда является предпринятый им первый опыт использования скреперов для срезания насыпей (рис. 52) и разработка некоторых элементарных начал такой «машинной» методики. За прошедшие шесть лет землеройно-транспортные машины широко вошли в практику работы больших археологических экспедиций. В ряде случаев при этом наряду со скрепером на курганах широко применяется бульдозер и результаты его работы иногда оцениваются положительно.

С последним мы согласиться не можем. Опыт работы отряда в течение двух полевых сезонов показал, что удовлетворительные результаты при съеме насыпей машиной дает только скрепер. Бульдозер, по нашему мнению, может применяться лишь в самых крайних случаях (при отсутствии скрепера и исключительной срочности работ, при большой плотности грунта насыпи и т. п.) и только при том условии, что насыпь не насыщена многочисленными впускными захоронениями.

Л. Г. Вуич

ЧЕРЕПА ИЗ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ И САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ НИЖНЕГО ДОНА

Во время полевых работ Волго-Донской археологической экспедиции, руководимой М. И. Артамоновым, были произведены раскопки двух групп курганов, расположенных на левом берегу Нижнего Дона. Раскопанные отрядом А. Д. Столяра в 1950—1951 гг. пять курганов (30/6, 31/7, 50/18, 51/19, 57/25) находились в 2—2.5 км восточнее Саркела—Белой Вежи на краю надпойменной террасы по дороге в хут. Красный Яр.[1] Шестой курган этой группы (58/26) раскопан А. А. Иессеном. Он же раскопал курганную группу, располагавшуюся в 8 км к югу от Саркела по дороге на Ново-Соленовск и названную Соленовской (Сол. 1, Сол. 2, Сол. 3, Сол. 4, Сол. 5).

Первая группа курганов содержала захоронения, относящиеся к эпохе бронзы, и более поздние погребения, датируемые временем с VI в. до н. э. по IV в. н. э. Вторая группа заключала преимущественно погребения эпохи бронзы и лишь небольшое количество более поздних.

1. ЭПОХА БРОНЗЫ (III—I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.)

Антропологический материал эпохи бронзы, полученный нами на месте раскопок, состоял из 34 костяков, распределение которых по полу и возрасту показано в табл 1.

Костный материал, как правило, отличается очень плохой сохранностью, черепа раздавлены и лишь частично восстановлены. В связи с этим нам удалось исследовать, и то далеко не в полной мере, только 9 черепов. Ниже дается их индивидуальная характеристика. Цифровой материал оказалось воз-

Антропологический материал в сочетании с археологическими данными представляет исключительный интерес, помогая подойти к этногенезу более позднего населения, занимавшего указанную территорию в I тысячелетие н. э.

Данные о древнем населении Нижнего Дона в антропологической литературе отсутствуют. Наиболее близким в территориальном отношении является материал по антропологии древнего населения Поволжья, который приведен в работах Г. Ф. Дебеца,[1] Т. А. Трофимовой[2] и В. В. Гинзбурга.[3] Из них самым полным исследованием по интересующему нас вопросу является работа В. В. Гинзбурга, в которой он охватил большое количество скелетов из погребений древнего населения южного Поволжья.

Собранный и изученный нами костный материал можно разбить на две самостоятельные группы: черепа эпохи бронзы и черепа из погребений сарматской культуры.

[1] См. отчетную статью А. Д. Столяра «Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг.» в настоящем томе (стр. 348 и сл.).

[1] Г. Ф. Дебец. 1) Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. Антрополог. журн., 1936, № 1; 2) Палеоантропология СССР. Тр. Инст. этнографии АН СССР, т. IV, М.—Л., 1948.

[2] П. А. Трофимова. 1) Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Тр. Инст. этнографии АН СССР, т. VII, М—Л., 1949; 2) Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры. МИА, № 42, 1954.

[3] В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по

Таблица 1

Пол	Детский младший	Детский старший	Юношеский	Возмужалый	Зрелый	Старческий	Всего
Мужчины	—	—	—	4	7	2	13
Женщины	—	—	1	2	2	—	5
Не определен	11	5	—	—	—	—	16
Всего	11	5	1	6	9	2	34

можным привести в весьма ограниченном виде, лишь для части черепов (табл. 2).

1. Курган 51/19, погр. 5 (инв. № 6071-5).[1] Древнеямное время. Череп принадлежал ребенку 9—10 лет. Сохранились лишь обломки черепа. Мозговой череп явно брахикранный.

2. Курган Сол. 1, погр. 32 (инв. № 6071-21). Ранняя бронза: рубеж древнеямного и катакомбного времени. Мужчина возмужалого возраста. Массивный череп с длинной, широкой и средневысокой черепной коробкой, мезокранного (на границе с брахикранией) типа сфеноидной формы; небольшой наклон лба, хорошо выраженные надпереносье и надбровные дуги; среднешироκое и низкое лицо (по лицевому указателю — широколицый), высокий, среднеширокий нос, средневысокие и среднешироκие глазницы, средне углубленные клыковые ямки, среднее выступание носа, fossa praenasalis.

Антропологический тип — европеоидный, с элементами андроновского типа.

3. Курган Сол. 3, погр. 5 (инв. № 6071-20). Ранняя бронза: конец древнеямного или начало катакомбного времени. Мужчина старческого возраста. Сохранился обломок сильно деформированного черепа, входившего в состав тройного захоронения (вместе с двумя детскими костяками). Определение расового типа невозможно.

4. Курган 30/6, погр. 9 (инв. № 5940-6). Катакомбное время (1700—1500 гг. до н. э.). Мужчина возмужалого возраста. По сохранившимся обломкам мозговой череп можно определить как мезо-брахикранный. Имеется метопический шов. Расовый тип определить невозможно.

5. Курган Сол. 2, погр. 2 (инв. № 6071-17). Катакомбное время. Мужчина зрелого возраста. Резко выраженный долихокранный мозговой череп; средненаклонный лоб, хорошо выраженное надпереносье и больше среднего выраженные надбровные дуги; сильно выступающий нос, fossa praenasalis.

Антропологический тип — европеоидный.

6. Курган Сол. 1, погр. 16 (инв. № 6071-16). Катакомбное время, поздний период. Мужчина возмужалого возраста. Череп отличается длинной, узкой и средневысокой черепной коробкой, гипердолихокранный; средненаклонный лоб, средне выраженные надпереносье и надбровные дуги; узкое, высокое лицо, очень высокие, почти квадратные глазницы, средне углубленные клыковые ямки, узкий, высокий, резко выступающий нос, fossa praenasalis.

Антропологический тип — европеоидный, средиземноморский.

7. Курган 30/6, погр. 16 (инв. № 5940-9). Катакомбное время. Мужчина зрелого возраста. Сохранились лишь фрагменты лобной части и обеих теменных костей. Черепная коробка долихо-мезокранная с прижизненной лобно-затылочной деформацией; резко выраженное надпереносье и средне развитые надбровные дуги.

Антропологический тип — европеоидный.

8. Курган 30/6, погр. 15 (инв. № 5940-8). Срубное время (конец II тысячелетия до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Сохранившиеся кости черепа отличаются крупными размерами. На чешуе затылочной кости хорошо выражен мышечный рельеф. Черепная коробка, по-видимому, длинная и довольно узкая, т. е. долихокранная; покатый лоб, средне развитые надбровные дуги; средневысокое, по-видимому нешироκое, лицо, низкие глазницы, резко выступающий нос с загнутым книзу краем носовых костей, довольно плоские клыковые ямки, резко выступающий вперед горизонтальный профиль лица.

антропологическим материалам Калиновского могильника). МИА, № 60, 1958.

[1] Инвентарные номера даны по инвентарю Музея антропологии и этнографии АН СССР, где находятся коллекции.

Таблица 2

Индивидуальные измерения мужских черепов бронзовой эпохи в районе Саркела

№ по Мартину	Признаки	Череп № 2	Череп № 6	Череп № 5	Череп № 9
		кург. Сол. 1, погр. 32	кург. 19, погр. 16	кург. Сол. 2, погр. 2	кург. 58/26, погр. 8
		рубеж древнеямного и катакомбного времени	катакомбное время	катакомбное время	поздняя бронза, X—VIII вв. до н.э.
		возмужалый	возмужалый	зрелый	зрелый
1	Продольный диаметр	191	195	—	176
8	Поперечный диаметр	151	134	—	145 ?
45	Скуловой диаметр . .	137 ?	131	—	—
48	Верхняя высота лица	66	76	—	73
55	Высота носа	67	58	—	52
54	Ширина носа	25	23	—	30
51	Ширина орбиты (от mf)	43	42	—	41 ?
52	Высота орбиты	33	38	—	30
43/1	Бималярная хорда . .	102	100.5	—	—
—	Выступание назиона над б/м хордой . . .	19.2	20	—	—
—	Зигомаксиллярная хорда	93	89.3	—	—
—	Выступание субспинальной точки . . .	19.8	25.2	—	—
—	Дакриальная хорда	—	20	—	—
—	Дакриальная высота	—	17	—	—
—	Симотическая хорда	6.8	9	—	—
—	Симотическая высота	3.8	6	—	—
—	Черепной указатель	79.1	68.7	—	82.4
—	Лицевой указатель . .	—	58.0	—	—
—	Носовой указатель . .	—	39.7	—	57.7
—	Орбитный указатель	76.7	90.5	—	73.2
—	Форма черепной коробки	Сфеноид.	Овоид.	—	Сфеноид.
—	Наклон лба (0—3) . . .	2	2	2	2
—	Развитие надпереносья (1—6)	4	3	4	4
—	Развитие надбровных дуг (1—3)	3	2	2	2
—	Выступание носа (1—3)	3	3	3	2
—	Глубина клыковой ямки (0—4)	2	2	—	2
—	Нижний край грушевидного отверстия	F. pr.	F. pr. ?	F. pr.	Antr.
—	Передненосовая ость	2	3	3	—
—	Типологическая характеристика	Европеоидный, мезокранный, с элементами андроновского типа.	Европеоидный, гипердолихокранный, средиземноморский.	Европеоидный, долихокранный.	Европеоидный, брахикранный.

Антропологический тип — европеоидный.

9. Курган 58/26, погр. 8 (инв. № 6071-10). Поздняя бронза (X—VIII вв. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Массивный череп характеризуется среднедлинной, среднеширокой и средневысокой черепной коробкой, брахикранный; средненаклонный лоб с довольно хорошо выраженным надпереносьем и средне развитыми надбровными дугами; лицо широкое и средневысокое, нос широкий, край грушевидного отверстия антропинный. Незначительная кольцевая теменная деформация.

Антропологический тип — европеоидный.

Из приведенной индивидуальной характеристики исследованных нами черепов ясно, что говорить о «среднем» их типе (укладывающемся в пределах индивидуальных вариа-

ций) на основании даже столь небольшого материала не представляется возможным. Несомненной является лишь их принадлежность к европеоидной расе.

В «Палеоантропологии СССР» Г. Ф. Дебец характеризует антропологический состав племен эпохи бронзы в степной полосе Русской равнины как протоевропеоидный (кроманьонский), более массивный в более ранних (древнеямных) и более грацильный в более поздних (срубных) погребениях. Черепа катакомбного времени (их немного) отличаются, по Г. Ф. Дебецу, от древнеямных и от срубных более высоким черепным указателем.

Наш материал не укладывается в эту схему. Во-первых, брахикраны встречаются и в древнеямных (детский череп № 1 из кургана 51/19, погр. 5) и в поздних погребениях (мужской череп № 9 из кургана 58/26, погр. 8). Во-вторых, среди черепов катакомбного времени встречены и долихокранные. В-третьих, по крайней мере один из долихокранных черепов (мужской череп № 6 из кургана Сол. 1, погр. 16) отличается высоким и узким лицом, высокими орбитами, что сближает его не с кроманьонским, а с средиземноморским антропологическим типом Передней Азии и соседних областей (например, памирские саки).[1]

Располагая ограниченным материалом, трудно доказывать наличие особых антропологических типов. Однако В. В. Гинзбург в отношении исследованных им 16 черепов бронзовой эпохи Сталинградского Заволжья пришел к тому же выводу. Часть черепов он относит к средиземноморскому типу, устанавливая их сходство с черепами населения Прикавказских степей, а два черепа андроновского типа считает сходными с черепами времени бронзы Саратовского Заволжья.

Следует указать, что В. В. Гинзбург отмечает большой процент деформированных черепов эпохи ранней бронзы. В нашем же материале незначительная прижизненная деформация отмечена только у двух черепов эпохи поздней бронзы.

Таким образом, исследование антропологических материалов Волго-Донской экспедиции позволяет говорить о неоднородном антропологическом составе племен бронзового века степной полосы Русской равнины.

2. САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ (IV в. до н. э.—IV в. н. э.)

Исследованный нами на месте раскопок антропологический материал состоял из 22 костяков, распределение которых по полу и возрасту представлено на табл. 3. Три из этих скелетов относятся к раннесарматскому времени, остальные близки к рубежу нашей эры.

Большая часть костяков отличалась плохой сохранностью. Черепа за редким исключением были сильно разрушены. Поэтому удалось исследовать из указанного числа, и то лишь частично, 15 черепов.

Кроме весьма скудного цифрового материала, приведенного в табл. 4, мы даем ниже индивидуальную характеристику каждого черепа.

1. Курган 58/26, погр. 9 (инв. № 6071-11). Савромат (VII—VI вв. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Череп крупный, брахикранный, сфероидной формы; прямой лоб, средне развитые надпереносье и надбровные дуги; низкое и широкое лицо, средневысокие орбиты, мелкие клыковые ямки, fossa praenasalis, средне выраженная носовая ость.

Антропологический тип — европеоидный, андроновский.

2. Курган 58/26, погр. 10 (инв. № 6071-12). Савромат (VI—V вв. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Череп незначительных размеров, брахикранный; лицо асимметричное, очень низкое (58 мм) и довольно широкое, очень низкие глазницы, низкий, довольно узкий и сильно выступающий нос, сильно углубленные клыковые ямки, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антропологический тип — европеоидный, приближающийся к андроновскому.

3. Курган 51/19, погр. 2 (инв. № 6071-4). Савромат (?). Мужчина возмужалого возраста. Череп крупный, мезо-брахикранный; средний наклон лба, средне развитые надпереносье и надбровные дуги; альвеолярный прогнатизм.

Антропологический тип — европеоидный.

4. Курган 57/25, погр. 1 (инв. № 6071-7). Сармат. Мужчина возмужалого возраста. Череп характеризуется среднедлинной и среднеширокой черепной коробкой, мезокранный; средний наклон лба и средне

[1] В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. Кратк. сообщ. Инст. этнографии АН СССР, т. XI, 1950.

Таблица 3

Пол	Детский младший	Детский старший	Юношеский	Возмужалый	Зрелый	Старческий	Всего
Мужчины	—	—	2	3	6	—	11
Женщины	—	—	—	2	5	—	7
Не определен	3	1	—	—	—	—	4
Всего	3	1	2	5	11	—	22

выраженное надпереносье, слабо развитые надбровные дуги; средне углубленные клыковые ямки, среднее выступание носовых костей.

Антропологический тип — европеоидный.

5. Курган 30/6, погр. 13 (инв. № 5940-7). Сармат (II в. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Череп характеризуется короткой и широкой черепной коробкой, брахикранный; лоб прямой, со средне выраженными надпереносьем и надбровными дугами; лицо среднеширокое и средневысокое, нос среднеширокий, сильно выступающий, глазницы высокие, клыковые ямки среднеглубокие, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антропологический тип — европеоидный, близкий к типу Среднеазиатского Междуречья.

6. Курган 58/26, погр. 6-а (инв. № 6071-9). Сармат (II в. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Мозговой череп, по-видимому, брахикранный, хотя посмертная деформация черепа затрудняет точное определение его формы; лоб довольно широкий, средненаклонный, со средне выраженными надбровными дугами; лицо значительно выступающее в горизонтальной плоскости, со среднеуглубленными клыковыми ямками, fossa praenasalis.

Антропологический тип — европеоидный.

7. Курган 50/18, погр. 10 (инв. № 6071-1). Сармат. Мужчина зрелого возраста. Череп брахикранный; средний наклон лба, средне развитые надбровные дуги; лицо низкое, среднеширокое, с низкими глазницами, со средне углубленными клыковыми ямками, со сглаженным нижним краем грушевидного отверстия.

Антропологический тип — европеоидный.

8. Курган 58/26, погр. 11 (инв. № 6071-13). Сармат (II-I вв. до н. э.). Мужчина зрелого возраста. Череп характеризуется среднедлинной, среднеширокой и низкой (?) черепной коробкой овоидной формы, мезокранный; средний наклон лба, средне выраженные надпереносье и надбровные дуги; лицо среднеширокое и средневысокое, нос узкий и короткий, глазницы средней высоты, клыковые ямки глубокие, носовая ость довольно сильно выступающая, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антропологический тип — европеоидный.

9. Курган 50/18, погр. 11 (инв. № 6071-2). Сармат. Мужчина (?), подросток. Сохранилась лишь часть мозгового черепа, последний брахикранный, сфероидной формы.

10. Курган 58/26, погр. 5 (инв. № 6071-8). Сармат (около II в. до н. э.). Женщина возмужалого возраста. Череп характеризуется довольно короткой, среднеширокой и средневысокой мозговой коробкой, брахикранный; прямой лоб, слабо выраженные надпереносье и надбровные дуги, средневысокое и среднеширокое лицо, узкий нос, высокие глазницы, слабо выраженные клыковые ямки, средне выступающий нос, сглаженный нижний край грушевидного отверстия; альвеолярный прогнатизм.

Антропологический тип — европеоидный, близкий к типу Среднеазиатского Междуречья.

11. Курган 30/6, погр. 5 (инв. № 5940-4). Сармат. Женщина зрелого возраста. Череп небольшого размера, со среднедлинной и среднеширокой черепной коробкой, мезокранный; прямой лоб, слабо развитое надпереносье и средне выраженные надбровные дуги; узкое и низкое лицо, среднеширокий нос, высокие глазницы, очень глубокие клыковые ямки (левая — 3, правая — 4) и антропинный нижний край грушевидного отверстия.

Антропологический тип — европеоидный.

12. Курган 50/18, погр. 12 (инв. № 6071-3). Сармат (?). Женщина зрелого возраста. На

Индивидуальные измерения черепов сармат

№ по Мартину	Признаки	Череп № 1	Череп № 2	Череп № 3	Череп № 4	Череп № 5
		кург. 58/26, погр. 9	кург. 58/26, погр. 10	кург. 51/19, погр. 2	кург. 57/25, погр. 1	кург. 30/6, погр. 13
		савромат (VII—VI вв. до н. э.)	савромат (VI—V вв. до н. э.)	савромат (?)	сармат	сармат (II в. до н. э.)
		муж. зрелый	муж. зрелый	муж. возмужалый	муж. возмужалый	муж. зрелый
1	Продольный диаметр черепа	181	—	186	180	—
8	Поперечный диаметр черепа	—	—	—	138	—
17	Высотный диаметр (ba—br)	—	—	—	—	—
20	Высотный диаметр (po—br)	—	—	—	—	—
9	Наименьшая ширина лба	105	—	—	106	102
5	Длина основания черепа	—	—	—	—	—
45	Скуловой диаметр	—	144?	—	—	—
48	Верхняя высота лица	—	58	—	—	—
46	Средняя ширина лица (zm—zm)	—	—	—	—	—
55	Высота носа	—	—	—	—	—
54	Ширина носа	—	—	—	—	—
51	Ширина орбиты (om—mf)	—	—	—	—	—
52	Высота орбиты	—	—	—	—	—
43/1	Бималярная хорда (fmo—fmo)	—	—	—	—	—
—	Выступание назиона над б/м хордой	—	—	—	—	—
—	Зигомаксиллярная хорда	—	—	—	—	—
—	Выступание субспинальной точки	—	—	—	—	—
—	Дакриальная хорда	—	—	—	—	—
—	Дакриальная высота	—	—	—	—	—
—	Симотическая хорда	—	—	—	—	—
—	Симотическая высота	—	—	—	—	9.4
—	Черепной указатель	—	—	—	—	4.2
—	Форма черепной коробки	Сфероид.	—	—	76.7	—
—	Наклон лба (0—3)	1	—	2	Сфеноид. 2	Сфеноид. 1
—	Развитие надпереносья (1—6)	3	—	3	3	3
—	Развитие надбровья (1—3)	2	—	2	1	2
—	Выступание носа (1—3)	—	3	—	2	2
—	Глубина клыковой ямки (0—4)	1	3	—	2	2
—	Нижний край грушевидного отверстия	F. pr.	Antr.	—	—	Antr.
—	Передненосовая ость (1—5)	3	4	—	—	4
—	Типологическая характеристика	Андроновский.	Европеоидный, приближающийся к андроновскому.	Европеоидный, мезобрахикранный.	Европеоидный, брахикранный, Среднеазиатского Междуречья.	Европеоидный, мезокранный.

Таблица 4

ского времени в районе Саркела

Череп № 6	Череп № 7	Череп № 8	Череп № 10	Череп № 11	Череп № 12	Череп № 13	Череп № 14
кург. 58/26, погр. 6а	кург. 50/18, погр. 10	кург. 58/26, погр. 11	кург. 58/26, погр. 5	кург. 30/6, погр. 5	кург. 50/18, погр. 12	кург. 58/26, погр. 12	кург. 58/26, погр. 13
сармат (II в. до н. э.)	сармат	сармат (II—I вв. до н. э.)	сармат (около II в. до н. э.)	сармат	сармат (?)	сармат (II в. до н. э.)	сармат (около II в. до н. э.)
муж. зрелый	муж. зрелый	муж. зрелый	жен. возмужалый	жен. зрелый	жен. зрелый	жен. зрелый	жен. зрелый
—	187?	185	170	180	165??	166?	163?
—	153?	145?	140	138	145??	157?	154?
—	—	—	131	—	122	—	—
—	—	104?	112	—	108	—	—
—	—	97	94	92	96	—	—
—	—	—	93	—	92	—	—
—	—	136?	128	—	126	—	—
—	—	71	69	58	65	—	—
—	—	93	91	83	92	—	—
—	—	71	49	46	48	—	—
—	—	24	22	24?	24	—	—
—	—	43	40	41?	42	—	—
—	—	34	34	35	34	—	—
—	—	98	105	90	97	—	—
—	—	—	15	—	15.5	—	—
—	—	—	92.5	—	91	—	—
—	—	—	23	—	20.5	—	—
—	—	—	19.5	—	20.2	—	—
—	—	—	9	—	11	—	—
—	—	—	8	—	11.2	—	—
—	—	—	4	—	5.0	—	—
—	81.8?	78.4 ? Овоид.	82.4 Овоид ?.	76.7 Пентагоноид.	87.9 Сфероид.	88.5? —	94.5? Сфероид.
—	—	2	1	1	1	1	1
2	2	3	2	2	2	—	2
—	—	2	1	2	1	2	1
2	2	—	2	—	2	—	—
—	—	3	1	Слева 3, справа 4 Antr.	2	3	3
2	2	Antr.	Inf.	2	Antr.	Antr.	Antr.
F. pr. 2	F. pr. 3	3	2		3	—	2
Европеоидный, брахикранный.	Европеоидный, брахикранный.	Европеоидный, мезокранный.	Европеоидный, Среднеазиатского Междуречья.	Европеоидный, мезокранный.	Европеоидный, брахикранный, Среднеазиатского Междуречья.	Европеоидный, брахикранный, Среднеазиатского Междуречья.	Европеоидный, брахикранный, Среднеазиатского Междуречья.

мозговом черепе на левой теменной кости имеются следы смертельного удара острым оружием. Череп характеризуется короткой, широкой и средневысокой мозговой коробкой сфероидной формы, брахикранный; прямой лоб, слабо развитые надпереносье и надбровные дуги; низкое и узкое лицо, среднеширокий нос, средней высоты глазницы, средне углубленные клыковые ямки, средне выступающий нос, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антропологический тип — европеоидный, близкий к типу Среднеазиатского Междуречья.

13. Курган 58/26, погр. 12 (инв. № 6071-14). Сармат (II в. до н. э.). Женщина зрелого возраста. Череп характеризуется короткой и широкой черепной коробкой, брахикранный; прямой лоб, средне развитые надбровные дуги; лицо среднеширокое и средневысокое (ближе к низкому), клыковые ямки глубокие, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антропологический тип — европеоидный, Среднеазиатского Междуречья.

14. Курган 58/26, погр. 13 (инв. № 6071-15). Сармат (около II в. до н. э.). Женщина зрелого возраста. Череп посмертно деформированный, с короткой и широкой черепной коробкой сфероидной формы, брахикранный; прямой лоб, слабо выраженные надпереносье и надбровные дуги; лицо, по-видимому, средневысокое и среднеширокое, глазницы низкие (на границе со средними), клыковые ямки глубокие, нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Антропологический тип — европеоидный, Среднеазиатского Междуречья.

15. Курган 30/6, погр. 8 (инв. № 5940-5). Сармат (III—II вв. до н. э.). Женщина зрелого возраста. Брахи-мезокранный череп с прямым лбом, со средне развитым надпереносьем, по-видимому с высокими глазницами, с антропинным нижним краем грушевидного отверстия.

Антропологический тип — европеоидный.

Таким образом, все черепа исследованной нами серии являются европеоидными, мезо-брахикранного типа (с преобладанием брахикранного); лоб слабо наклонный, надпереносье и надбровные дуги средне развитые; лицо среднеширокое и средневысокое (с тенденцией к низкому), глазницы средневысокие, нос средне выступающий, клыковые ямки довольно глубокие, большой процент fossa praenasalis. Только два савроматских черепа выпадают из этой серии, характеризуясь чертами андроновского типа: низким, широким лицом, сильно выступающим носом.

Женские черепа в основном обладают чертами, характеризующими и мужские черепа. Однако серия женских черепов более однородна и обладает чертами европеоидного типа Среднеазиатского Междуречья.

Черепа придонских сарматов (особенно женские) обнаруживают значительное сходство с сарматскими черепами Нижнего Поволжья, описанными Г. Ф. Дебецом, в особенности же с черепами выделенной им «астраханской группы». Общим для тех и других является принадлежность к европеоидному типу (брахикрания, среднеширокое и средневысокое лицо, среднее развитие надпереносья и довольно глубокие клыковые ямки).[1] Недостаточность нашего цифрового материала не позволяет сделать более детальное сопоставление обеих групп.

Серия изученных В. В. Гинзбургом черепов из Калиновского могильника в Сталинградском Заволжье, датируемых сарматским временем, довольно сильно отличается от нашей группы. Основным типом Сталинградского Заволжья является европеоидный долихо-мезокранный тип с узким и низким лицом, низкими глазницами. Однако, если провести сравнение изученных нами черепов с выделенной В. В. Гинзбургом группой «ранних сарматов» (IV—II вв. до н. э.), то обнаружатся довольно отчетливые черты сходства как по черепному указателю (средний брахикранный), так и по всем почти остальным признакам: наклон лба, степень развития надпереносья и надбровных дуг, ширина и высота лица, высота глазниц, глубина клыковых ямок.[2]

Имеется также некоторое сходство между изученными нами черепами и черепами сармат Северного Кавказа из ст. Усть-Лабинской, описанными В. В. Бунаком.[3]

---

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 167 и сл.

[2] В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья, МИА, № 60, 1958.

[3] В. В. Бунак. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. Сб. МАЭ, т. XIV, 1953.

Следовательно, сарматское население Придонья, составляя довольно однородную в антропологическом отношении группу, обнаруживает наибольшее сходство с сарматами Нижнего Поволжья в целом и в то же время заметно отличается от сарматского населения Среднего Поволжья. Лишь наиболее раннее население Среднего Поволжья обнаруживает сходство с населением Придонья.

То обстоятельство, что черепа андроновского типа относятся, по определению А. А. Иессена, к савроматскому периоду, могло бы свидетельствовать о раннем проникновении этого типа из Казахстана. Впрочем, последнее не обязательно, так как брахикранные массивные черепа встречаются, как показывают наши материалы, и в местных курганах эпохи бронзы.

Полученные нами результаты не противоречат выводам, приведенным археологом К. Ф. Смирновым: «Основной территорией формирования сарматских племен являлись Задонские и Поволжско-уральские степи, где, начиная с VI в. до н. э., прослеживается более чем тысячелетнее развитие одной и той же культуры».[1]

---

[1] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. «Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», Изд. АН СССР, М., 1954.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК	— Археологическая комиссия.
АЭХЭ	— Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ДИМ	— Днепропетровский исторический музей.
ДРАН	— Доклады Российской Академии наук.
ЖИКМ	— Ждановский историко-краеведческий музей.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЖС	— Живая старина.
ЗАН	— Записки Академии наук.
ЗАО	— Записки Археологического общества.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗОРСАРАО	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии.
ИАН	— Известия Академии наук.
Изв. I—XV АС	— Известия I—XV археологических съездов.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
ИКДР	— История культуры древней Руси
Ипат. лет.	— Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАО	— Московское археологическое общество.
МАР	— Материалы по археологии России.
МАЭ	— Материалы по археологии и этнографии.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.—Л., 1938.
НИКМ	— Новочеркасский историко-краеведческий музей.
ОАК	— Отчеты Императорской археологической комиссии.
СА	— Советская археология.
СЭ	— Советская этнография.
ТВОАО	— Труды Восточного отделения Археологического общества.
ТИКМ	— Таганрогский историко-краеведческий музей.
Тр. I—XV АС	— Труды I—XV археологических съездов.
SK	— Seminarium Kondakovianum

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа	7
И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона	85
С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях	151
И. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища	227
И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение	263
И. И. Ляпушкин. Курганный могильник близ Карнауховского поселения	315
И. И. Ляпушкин. Средневековое поселение близ ст. Суворовской	323
И. И. Ляпушкин. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница	337
А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг.	348
Л. Г. Вуич. Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона	417
Список сокращений	426

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 62
ТРУДЫ ВОЛГО-ДОНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ · Том I

*

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *К. И. Кочергин*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректоры *Г. А. Аухимович, Л. А. Петрова*
и *Л. В. Семенова*

*

Сдано в набор 17/II 1958 г. Подписано к печати 2/VI 1958 г. РИСО АН СССР № 97-8В. Формат бумаги 84×108/16. Бум. л. 13 3/8. Печ. л. 26 3/4=43,87 усл. печ. л. + 14 вкл. Уч.-изд. л. 43.3+14 вкл. (2,44). Изд. № 491. Тип. зак. № 554. М-20707. Тираж 2000.
Цена 29 р. 90 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, В. О., Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Колонка*	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
51	Правая	28 сверху	954 г.,	964 г.,
152	Правая	11—10 снизу	летопись,	летопись (СПб, 1871),
154	Рис. 1	На карте	Вулацаспон	Вулацоспон
180	Левая	4 сверху	державшую	держащую
189	Левая	9 »	подуктивный	продуктивный
192	Правая	18 »	Явдиертим	Явдиртим
216	Правая	21 снизу	незамедлили	не замедлили
220	Левая	5 сверху	происходящими	происходившими
247	Правая	22 снизу	очистке	зачистке
253	Правая	3 сверху	(рис. 3, *3*).	(рис. 3, *1*).
299	Левая	7 »	до 30 м	до 35 м
308	Левая	1 »	(рис. 52, *3*	(рис. 52, *7*
308	Правая	19 »	ровном	равном
323	Левая	7 снизу	отложениях	обнажениях
333	Правая	4 »	пола	пода
349	Рис. 1	На рисунке	Кореной	Коренной
357	Рис. 6	13 снизу	—	*1*—
368	Правая	28 сверху	погребельной	погребальной
386	Левая	18 снизу	из трех,	из пяти,
404	Правая	2 сверху	подвздошная, кости	подвздошная кость
419	Таблица 2, третья графа	5 строка цифр сверху	67	47
419	Таблица 2, третья графа	18 строка цифр сверху	—	53.2
421	Правая	38 снизу	короткий,	высокий,
423	Третья графа	8 строка цифр сверху	71	51